Белорусский государственный университет
Факультет социокультурных коммуникаций
Кафедра культурологии

НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Сборник научных статей

В двух частях

Часть 1

Социально-исторические и психолого-педагогические аспекты межкультурного взаимодействия

Минск
«Колорград»
2016

УДК [008+316.77](082)
ББК 71я43
Н35

Редакционная коллегия:

Э. А. Усовская (отв. ред.), *С. Ю. Лебедев* (отв. ред.), *С. В. Снапковская, Т. А. Печенёва, Г. В. Синило, М. Ю. Шода, Т. С. Супранкова, Е. К. Сельчёнок, А. А. Мананкова*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории исторического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка (Минск, Беларусь) *И. Р. Чикалова;* доктор филологических наук, профессор департамента Славистики факультета гуманитарных наук Государственного университета Акакия Церетели (Кутаиси, Грузия) *И. А. Кротенко*

Национальные культуры в межкультурной коммуникации : сб. науч. ст. В 2 ч. Ч. 1. Социально-исторические аспекты межкультурного взаимодействия/ редкол.: Э. А. Усовская (отв. ред.) [и др.]. — Минск : Колорград, 2016. — 546 с.
ISBN 978-985-7170-19-7.

В сборник вошли статьи, подготовленные по результатам выступлений на I Международной научно-практической конференции «Национальные культуры в межкультурной коммуникации», которая была проведена кафедрой культурологии факультета социокультурных коммуникаций БГУ 14–15 апреля 2016 г. В издании рассматриваются актуальные проблемы межкультурного взаимодействия в историческом, социально-педагогическом, художественном, лингвистическом и другихаспектах.

Рекомендовано студентам, преподавателям и всем интересующимся проблемами межкультурного взаимодействия.

УДК [008+316.77](082)
ББК 71я43

ISBN 978-985-7170-19-7 (ч. 1)
ISBN 978-985-7170-24-1

© БГУ, 2016
© Оформление.
ЧПТУП «Колорград», 2016

Участникам
I Международной научно-практической конференции
«Национальные культуры в межкультурной коммуникации»

Уважаемые участники и гости конференции!
Дорогие друзья!

От имени Министерства образования Республики Беларусь сердечно приветствую всех участников I Международной научно-практической конференции «Национальные культуры в межкультурной коммуникации».

Символично, что этот представительный форум, в котором принимают участие более 200 ученых и специалистов из разных стран мира, проходит на базе Белорусского государственного университета в Год культуры. Наша страна всегда готова стать площадкой для диалога культур и народов.

Конференция предоставляет уникальную возможность общения в межкультурном плане, дает шанс всем участникам лучше понять друг друга, ближе познакомиться с культурой разных стран, способствует развитию позитивных научных и творческих инициатив, межкультурного диалога и толерантности.

Межкультурный диалог является важнейшим социальным механизмом сохранения духовности и нравственности в современном обществе. Культура каждого народа, история государства, система ценностей определяют гуманистическое содержание инновационной парадигмы образования в двадцать первом веке.

Стремление различных стран сформировать общее образовательное и культурное пространство, объединить интеллектуальный потенциал наций в полной мере соответствует позитивным мирным тенденциям развития образования и культуры.

Уверен, что конференция будет способствовать диалогу национальных культур в рамках мирового коммуникационного процесса, а интеграция образовательных возможностей участников, представляющих здесь разные страны, будет и в дальнейшем содействовать сохранению и обогащению историко-культурного наследия.

Желаю участникам конференции успешной работы, взаимопонимания, новых творческих находок и научных открытий! Выра-

жаю уверенность в дальнейшем плодотворном сотрудничестве на благо развития образования, науки и культуры наших государств.

Министр образования Республики Беларусь М. А. Журавков

14 апреля 2016 года

М. О. Ангельский, В. В. Киселев
Минск, Военная академия Республики Беларусь

Виды и уровни межкультурной коммуникации

В межкультурной коммуникации выделяют сферы макрокультуры и микрокультуры. На нашей планете существуют огромные территории, структурно и органически объединенные в одну социальную систему со своими культурными традициями. Например, можно говорить об американской культуре, латиноамериканской культуре, африканской культуре, европейской культуре, азиатской культуре и т.д. Чаще всего эти типы культуры выделяются по континентальному признаку и из-за своей масштабности получили название макрокультур. Вполне естественно, что внутри этих макрокультур обнаруживается значительное число субкультурных различий, но обнаруживаются также и черты сходства, которые и позволяют говорить о наличии такого рода макрокультур, а население соответствующих регионов считать представителями одной культуры. Между макрокультурами существуют глобальные различия, которые отражаются на их коммуникации друг с другом. В этом случае межкультурная коммуникация проходит, вне зависимости от статуса ее участников, в горизонтальной плоскости.

В то же время многие люди входят в состав тех или иных общественных групп, обладающих своими культурными особенностями. Со структурной точки зрения — это микрокультуры (субкультуры) в составе макрокультуры. Каждая микрокультура имеет одновременно сходство и различие со своей материнской культурой, что обеспечивает их представителям одинаковость восприятия мира. Материнская культура отличается от микрокультуры разной этнической, религиозной принадлежностью, географическим расположением, экономическим состоянием, половозрастными характеристиками, семейным положением и социальным статусом их членов. Иными словами, субкультурами называются культуры разных социальных групп и слоев внутри одного общества. Поэтому связь между субкультурами протекает внутри этого общества и является вертикальной [1, с. 119].

Внутри каждой сферы межкультурная коммуникация происходит на разных уровнях. Можно выделить несколько типов межкультурной коммуникации на микроуровне.

Межэтническая коммуникация — это общение между лицами, представляющими разные народы (этнические группы). Чаще всего общество состоит из различных по численности этнических групп, которые создают и разделяют свои субкультуры. Свое культурное наследство этнические группы передают от поколения к поколению, и благодаря этому они сохраняют свою идентичность среди доминирующей культуры. Совместное существование в рамках одного общества естественно приводит к взаимному общению этих этнических групп и обмену культурными достижениями.

Контркультурная коммуникация происходит между представителями материнской культуры и дочерней субкультуры и выражается в несогласии дочерней субкультуры с ценностями и идеалами материнской. Характерной особенностью этого уровня коммуникации является отказ субкультурных групп от ценностей доминирующей культуры и выдвижение своих собственных норм и правил, противопоставляющих их ценностям большинства.

Коммуникация среди социальных классов и групп основывается на различиях между социальными группами и классами того или иного общества. В мире нет ни одного социально однородного общества. Все различия между людьми возникают в результате их происхождения, образования, профессии, социального статуса и т.д. Во всех странах мира расстояние между элитой и большинством населения, между богатыми и бедными довольно велико. Оно выражается в противоположных взглядах, обычаях, традициях и др. Несмотря на то, что все эти люди принадлежат к одной культуре, подобные различия делят их на субкультуры и отражаются на коммуникации между ними.

Коммуникация между представителями различных демографических групп — религиозных (например, между католиками и протестантами в Северной Ирландии), половозрастных (между мужчинами и женщинами, между представителями разных поколений) — определяется их принадлежностью к той или иной группе и, следовательно, особенностями культуры этой группы.

Коммуникация между городскими и сельскими жителями основывается на различиях между городом и деревней в стиле и темпе жизни, общем уровне образования, ином типе межличностных от-

ношений, разной «жизненной философии», которые прямым образом сказываются на процессе коммуникации между этими группами населения.

Региональная коммуникация возникает между жителями различных областей (местностей), поведение которых в одинаковой ситуации может значительно отличаться.

Коммуникация в деловой культуре возникает из-за того, что каждая организация (фирма) располагает рядом специфических обычаев и правил, связанных с корпоративной культурой, и при контакте представителей разных предприятий может возникнуть непонимание [2, с. 169].

Итак, общей характерной чертой всех уровней и видов межкультурной коммуникации является неосознанность культурных различий ее участниками. Дело в том, что большинство людей в своем восприятии мира придерживаются наивного реализма. Им кажется, что их стиль и образ жизни является единственно возможным и правильным, что ценности, на которые они ориентируются, одинаково понятны и доступны всем людям. И только сталкиваясь с представителями других культур, обнаруживая, что привычные модели поведения перестают работать, обычный человек начинает задумываться о причинах своей неудачи [3, с. 19].

Литература

1. Габуниа, З. М. Культовая речь как продукт культуры / З. М. Габуниа // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира.— М., 1996.— С. 117–121.

2. Брудный, А. А. О проблеме коммуникации / А. А. Брудный // Методологические проблемы социальной психолингвистики.— М. : Наука, 1975.— С. 165–182.

3. Радовель, М. Р. Факторы взаимопонимания в межкультурной коммуникации / М. Р. Радовель // Материалы международной научно-практической конференции «Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах «Коммуникация-2002» («Communication Across Differences»). Ч. 1.— Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2002.— С. 19.

И. Г. Андрущенко
Киев, Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

Развитие ценностно-смысловой сферы студентов в процессе изучения дисциплин гуманитарного цикла

Современный человек, выполняя действия, соответствующие культурной традиции, пытается разобраться, почему действует согласно традиции, и не может рассматривать традицию как ценность саму по себе. Когда молодых людей призывают подражать кому-то, например, родителям (учителям, друзьям), то им нужны аргументы, почему так нужно поступать, и того лишь факта, что это их родители (учителя, друзья), недостаточно. Если человек верующий, то он должен знать принципы своей веры, обряды, которых должен придерживаться и причины, по которым выбрал именно эту веру.

Д. А. Леонтьев считает, что в ценностно-смысловой сфере личности отражается широкий спектр социальных ценностей, признаваемых личностью, но не всегда они являются для нее собственными жизненными целями и принципами [5].

В решении поставленных задач важное место занимает изучение дисциплин гуманитарного цикла, в частности таких, как психология, психолингвистика, культорология, этика и др., которые закладывают ценностно-смысловые ориентиры осознанного присвоения и интерпретации студентами жизненного опыта.

Поскольку деятельность человека характеризируется волевыми актами, Р. С. Немов считает, что «…активный поиск связей цели и способов осуществляемой деятельности с высшими духовными ценностями человека обеспечивает им сознательное приписывание гораздо большего значения, чем они имели в начале» [7, с. 363].

Традиция (от лат. *traditio* — передача, повествование) — исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение знания, формы деятельности и поведения, а также сопутствующие им обычаи, правила, ценности, представления. Традиция складывается на основе тех форм деятельности, которые неоднократно подтвердили свою общественную значимость и личностную пользу. С изменением социальной ситуации развития той или иной общности традиция может разрушаться, трансформироваться и замещаться новой [10].

Одной из основных категорий теории культуры являются традиции. Традиции присутствуют во всех сферах деятельности человека (духовной, материальной, нравственной, художественной, бытовой), что определяет универсальность этой категории. Традиции, которые принимаются обществом и социальными группами относятся к позитивным, и, в то же время, отвергнутые элементы социокультурного наследия будут негативными традициями.

Осмысление человеком значимости для него материальных или духовных объектов приводит к рождению ценности. Каждая сфера культурной деятельности человека приобретает свойственное ей ценностное измерение.

Традиция включает в себя модели чувствования, мышления, поведения и, кроме того, нормы, навыки, обычаи, культурные достижения, представляющие собой ценность для членов этноса, а также способы их трансляции от поколения к поколению. Только понимая традицию как ценность, можно говорить о ней как о содержательной форме преемственности культуры [9, с. 199].

Ценностно-смысловая сфера личности объединяет в себе ценностные ориентации и систему личностных смыслов. Ценностные представления рождаются в результате осознания ценности, а на их основе возникают ценностные ориентации, которые, в свою очередь, и являют собой системы личностных смыслов.

Ценностные ориентации показателей духовной деятельности человека на личностном и коллективном уровне, которые имеют позитивную оценку, и могут проявляться в знаниях, мотивах, интересах, идеалах, представлениях, а также установках и стереотипах.

Изучение дисциплин гуманитарного цикла в системе образования организовано так, что «…цели, содержание, методы, формы работы, взаимоотношения педагогов и учащихся построены таким образом, чтобы обеспечивать развитие личностных компонентов психического мира человека — ценностей, мотивов, установок, предпочтений» [8, с. 25].

Гуманитарные дисциплины играют важную роль в формировании осознанного отношения личности к процессам самообразования и самосовершенствования [3, с. 87].

Гуманистическая направленность обучения студентов в высшей школе заключается в раскрытии их личностного потенциала. Такие предметы гуманитарного цикла как психология, психолингвистика, культурология, этика и др. закладывают цен-

ностно-смысловые ориентиры осознанного присвоения и интерпретации студентами жизненного опыта.

Предметы указанной направленности дают возможность сформировать у студентов ценности-знания, что отражают образы, представления, знания человека о содержании различных ценностей, но в то же время они не обозначают особенности его личности.

Характер ее отношения к миру будет определен ценностями-мотивациями, которые, будучи осознанными личностью, будут стимулировать ее к действиям и составят основу ее ценностных ориентаций. Для реального осуществления деятельности нужны ценности-цели, которые обеспечат реальные поступки и помогут организовать деятельность для достижения результата через преодоление внутренних препятствий. И только в ценностных смыслах будет отображаться значимость мира для человека. Знание о существовании его как ценности трансформируется в «пристрастное» отношение к нему, что служит формированию «смысложизненных ориентаций» личности в единстве с жизненными целями, эмоциональной насыщенностью жизни и удовлетворенностью самореализацией.

Согласно П. Хайду, «При отсутствии эмоциональной оценки и переживания знания индивиды будут принимать позитивные ценности только на словах, на вербальном уровне» [6, с. 162].

В связи с этим Б. Г. Ананьев считает, что «Формирование личности путем интериоризации — присвоения продуктов общественного опыта и культуры в процессе воспитания и обучения — есть вместе с тем освоение определенных позиций, ролей и функций, совокупность которых характеризует ее социальную структуру. Все сферы мотивации и ценностей детерминированы именно этим общественным становлением личности» [1, с. 248].

Механизм процесса принятия и освоения ценностей обозначается интернализацией. Этот процесс предполагает принятие на себя ответственности, интерпретацию значимых событий как результат своей собственной деятельности [2, с. 104].

Общие закономерности социального развития активно влияют на процесс формирования ценностно-смысловых ориентаций. Так, И. Ф. Клименко отмечает, что ценностно-смысловые ориентации, усваиваемые в процессе развития, зависят от того, в какую общественную деятельность включена личность [4, с. 3–12].

При этом педагог-гуманист, который влияет на личность и через преподаваемый им предмет, и через собственные личностные качества, должен иметь четко сформировавшиеся мировоззрение, позитивные духовные идеалы, соблюдать нравственные устои, чтобы при взаимодействии со студентами ориентировать их на достижения высоких нравственно-гуманистических ценностей. Его влияние на личность студентов должно помогать им развивать умение формировать собственные жизненные цели, придающие жизни осмысленность, определять жизненную перспективу, помогать развитию самоактуализации, самопринятия, проявляющихся в вере в себя и активной личностной позиции.

Дисциплины гуманитарного цикла позволяют студентам расширить знания о себе и глубже познать себя, что способствует осознанию своего предназначения в жизни и позволяет использовать его в ходе планирования как актуальной, так и перспективной жизнедеятельности, достигать успехов в профессиональной деятельности.

Гуманитарные дисциплины позволяют сформировать четкие смысложизненные ориентации, развить самостоятельность мышления, определиться с оптимальным выбором способов действия при создании семьи, эфективно выражать заботу о себе и других.

Литература

1. Ананьев, Б. Г. О проблемах современного человекознания / Б. Г. Ананьев.— М. : Наука, 1977.

2. Гудачек, Я. Ценностная ориентация личности / Я. Гудачек // Психология личности в социалистическом обществе: активность и развитие личности.— М., 1989.— С. 102–109.

3. Каплина, С. Е. Концептуальные основы формирования профессиональной мобильности будущих специалистов в процессе изучения гуманитарных дисциплин / С. Е. Каплина // Высшее образование сегодня — 2008.— № 3.— С. 87–89.

4. Клименко, И. Ф. Генезис ценностных ориентаций, исследование отношения к норме социального поведения на разных этапах социального развития человека / И. Ф. Клименко // К проблеме формирования ценностных ориентаций и социальной активности личности.— М., 1992.— С. 3–12.

5. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев.— М., 1999.

6. Моральные ценности и личность / под ред. А. И. Титаренко, Б. О. Николаичева.— М., 1994.

7. Немов, Р. С. Психология. В 2-х т. Т. 1. Общая психология / Р. С. Немов.— М. 1994.

8. Сериков, В. В. Личностно ориентированное образование: опыт методологической рефлексии / В. В. Сериков // Целостный учебно-воспитательный процесс: материалы методологического семинара памяти проф. В. С. Ильина.— Вып. 5.— Волгоград : Перемена, 2001.—С. 22–31.

9. Чернявская, Ю. В. Народная культура и национальные традиции / Ю. В. Чернявская. — Минск : Беларусь, 2000.

10. Традиция [Электронный ресурс] // Мир психологии. — Режим доступа : http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=1008.

М. Р. Арпентьева
Калуга, Калужский государственный университет

Трансформации мультикультурализма

В. В. Миронов отмечает: «Мир начинает говорить на языке тех стран, которые господствуют в нем». Однако процесс глобализации сталкивается со встречным процессом, обозначенным понятием мультикультурализма. В современном кризисном мире «возникли новые непрямые риски и угрозы, среди которых значимое место занимают терроризм, насилие, ксенофобия, нетерпимость. Рост открытости человеческих сообществ, их структурной неопределенности, глобализация, стремительное развитие инфокоммуникационных технологий еще более усугубляют эти проблемы» [13, с. 60]. Противостоять этим рискам призван мультикультурализм и его принципы. Мультикультурализм исходит из того, что культурное многообразие выступает центральной характеристикой современной цивилизации. В современном мире только 10 % стран могут рассматриваться в качестве культурно однородных, монокультурных. И хотя в разных странах «титульное население» продолжает быть большинством, перечни этнических групп «меньшинства» довольно объемны. В ситуации массовых миграций эти соотношения, как и сами отношения между группами и внутри групп, постоянно меняются: так, в некоторых случаях до 30 % населения страны может жить за границей, более 15 % населения стран могут представлять иностранные граждане. При этом потоки иммиграции и эмиграции могут быть как резко асимметричными в кризисные моменты, так и отчасти уравно-

вешивать друг друга, внося вклад в изменение взаимоотношений между разными этническими группами. В этой ситуации можно говорить о мультикультуральности цивилизации и о том, что многие цивилизованные страны стоят перед вопросами внедрения политики мультикультурализма [11]; [12]; [13]; [14].

В соответствии с предложенной У. Беком «контейнерной теорией обществ» (the container theory of society), общества, называемые «национальными», основаны на государственном контроле над занимаемыми этнокультурной группой «большинства» территориями. При этом внутренняя однородность обществ — результат такого государственного контроля: всевозможные социальные практики тиражируются и стандартизируются государством, которое идентифицирует их как «национальные», превращая территорию в «накопитель» (container), внутри которого систематически фиксируются различные статистические показатели: категории государственного учета, бюрократии становятся категориями науки. Однако этому представлению нанесен существенный урон: с середины XX в. наблюдается, по выражению Э. Смита, «этническое возрождение» (ethnic revival), или подъем этнонационализма как деколонизации, борьбы с экономической, социальной и политической дискриминацией мигрантов, а на рубеже веков как утверждение нациями собственного существования и культуры вопреки тенденциям глобализации. В борьбе наций за признание смешались три больших тенденции: стремление к разнообразию и борьба против дискриминации или неравенства; саморефлексия и индивидуализация, признание ценности и желание реабилитировать негативную идентичность; эгалитаризм и властные амбиции народов. Спор между «либералами» (Дж. Роулс, Т. Нагель и Т. Сканлон, Р. Дворкин) и «коммунитаристами» (А. МакИнтир и М. Вальцер, М. Сандел, др.) сводится к проблеме приоритета личной свободы [21; 22]. Либералы полагают, что индивид может свободно определять свое собственное понимание жизни: принцип примата личности над общиной предполагает, что если индивиды не видят необходимости сохранять существующие культурные традиции и практики, то община не обладает правом препятствовать модификации или отказу от них. Коммунитаристы полагают, что личность «встроена» (embedded) в систему социальных отношений: человек наследует тот или иной образ жизни, он — результат социальных практик. А при-

оритет личной свободы ведет к разрушению общества. В любом случае оба этих потока присутствуют и отражаются в диалектике «глобализация» — «мультикультурализм» [17, с. 23–26]; [21]; [22]. «Мультикультуральность или культурная многосоставность — это «характерное проявление современной мировой культурной динамики, связанное с усилением и усложнением межкультурных взаимодействий, а также с активным переосмыслением понятия и роли «Другого». «Мультикультурализм» же, в отличие от мультикультуральности,— это «свод теорий и практик, предлагаемых для осмысления объективно существующего мирового культурного многообразия» [15, с. 11]. Мультикультурализм (многокультурность) — относительно недавнее явление, он возник в 70-е гг. XX в. в Канаде и США. Он стал третьей влиятельной моделью решения проблем, связанных с культурной, расовой и этнической разнородностью государств. Первой моделью является ассимиляция — поглощение меньшинств в более широкой, доминирующей культурной и этнической общности. Наиболее ярким примером служит Франция XX в., которая всегда проводила продуманную и целенаправленную политику культурного универсализма, стремилась нивелировать этнические и языковые различия, построить светскую и гражданскую республику. Сейчас Франция сдерживает влияние и распространение мультикультурализма, до сих пор не решаясь назвать общество многокультурным. Она критически воспринимает американскую политику признания (affirmative action), хотя и проводит соответствующие антирасистские мероприятия. Мультикультурная политика представляется опасной, поскольку способна привести к фрагментации общества на множество культурно-специфичных этнических и религиозных сообществ. Вторая модель основана на интеграции, сохранении каждой этнокультурной общностью своей идентичности в рамках частной жизни (Германия выступала за «мультикультурную демократию», опираясь на идеи Ж.-Ж. Руссо). Культурные, этнические, религиозные и другие аспекты — частное дело отдельного человека.

Мультикультурализм — комплекс идей и действий различных социальных субъектов (государственных и иных организаций), направленных на равноправное развитие различных культур, преодоление дискриминации различных групп населения во всех сферах общественной жизни, обеспечение равных шансов

при трудоустройстве и получении образования, отмену скрытых и явных препон в административной карьере и т.д. [1]; [2]; [3]; [4]. Мультикультурализм часто противопоставляется концепции «плавильного котла» (melting pot), который предполагает слияние всех культур в одну. В качестве примеров приводят Канаду, где культивируется подход к различным культурам, как частям одной мозаики, и США, где традиционно провозглашалась концепция «плавильного котла», но в настоящее время более точной и этически корректной признана концепция «салатницы». США — исключительный пример сосуществования множества культур в едином культурном пространстве. Культурная многосоставность Америки отличается от российской тем, что в США ни один штат не принадлежит исключительно одной этнической группе, но образован множеством сосуществующих этнических сообществ, в отличие, например, от национальных республик России и бывшего СССР. Мультикультурализм в Европе — вынужден и заимствован.

В России и странах СНГ мультикультурализм отчасти естественен как продолжение политики «дружбы народов» бывшего СССР. Однако с развалом СССР и «дружба народов» подверглась трансформации, в том числе критической переоценке. В современном СНГ «поток мигрантов неоднороден: для одних категорий достаточно простейшей первичной адаптации, другие нуждаются в максимальной интеграции, поэтому политика мультикультурализма должна быть дифференцированной по отношению к различным категориям»,— пишет Л. В. Русских [12, с. 85]. Она описывает мультикультурную политику как «балансирование между полюсами «исключения» и «включения» иммигрантов в культурный контекст». Такой несколько смягченный вариант адаптации иммигрантов в форме «сдержанной интеграции» подразумевает заботу о сохранении культуры «большинства» наряду с принятием новых культур — групп «меньшинств» в рамках формирования и укрепления общей гражданской идентичности, препятствующей размыванию границ и традиций национальной культуры государства [12, с. 85]. Л. В. Русских также отмечает необходимость различать понятия «ассимиляция», «интеграция» и «вовлеченность», которые отражают разные модели взаимоотношений между меньшинством и большинством, обществом и государственной системой, окружающей эти большинство и меньшинство. Автор отмечает: «Ассимиляция предполагает интеграцию

в систему за счет полной потери традиционной этнической идентичности… «Интеграция» открывает перспективы для вовлечения меньшинств в структуры большинства, … допуская сохранение элементов индивидуальности… внешняя система (в которой доминирует большинство) принимает некоторые элементы разнообразия… «Вовлеченность» же является двухсторонним процессом, предполагающим взаимную адаптацию как большинства, так и меньшинства» [12, с. 85–86].

Теория «мультикультурализма» сосредоточивает свое внимание на нравственных и политических условиях взаимного бесконфликтного сосуществования в мультикультурной среде. Мультикультурализм эпохи постмодерна представляет собой не только этническое разнообразие, но и разнообразие жизненных стилей, ориентаций и культурных тенденций. При этом фрагментарность и ризоматичность современного мира — выражение культурной калейдоскопичности западной цивилизации. Оно не всегда отражает положение дел в других, более целостных историко-культурных зонах. С. Бенхабиб обозначила ситуацию культурного плюрализма термином «радикальный, или мозаичный мультикультурализм», понимая под последним наличие в пределах одного политического образования четко дифференцированных общностей, сохраняющих свою идентичность и границы, подобно элементам, составляющим мозаику. Мозаичный мультикультурализм предполагает набор механизмов, обеспечивающих долгосрочное функционирование: эгалитарную взаимность, добровольное самопричисление, свободу выхода и ассоциации (см. [4, с. 9–31]). Это особенно важно потому, что современные виды миграции, как вынужденной, так и добровольной, могут рассматриваться как территориальная экспансия: 1) государство оказывает поддержку родственным себе этнокультурным или конфессиональным группам, находящимся на территории другого государства, которые, существуя в виде локальных гомогенизированных групп или диаспор, не всегда «вливаются» в общий культурный контекст; 2) миграция больших этнических групп на территории стран с резко отличными культурами приводит к интенсивным деформациям культур и более или менее обширным «захватам» территорий мигрантами, начинающими насаждать свою культуру. Миграционные потоки, размывая этническую и религиозную однородность того или иного государства, формируют

в пределах его территории очаги различных культур: происходит «колонизация наоборот».

Современные концепции мультикультурализма базируются на следующих основополагающих принципах:

– признания, включающего в себя признание этнической и культурной аутентичности группы или индивида в контексте доминирующей этничности и культуры;

– равноправия, предполагающего равенство перед законом и равный доступ к материальным, властным и прочим социально значимым ресурсам;

– недискриминации на групповом и личностном уровнях, в том числе и «позитивной дискриминации»;

– свободы этнокультурного самовыражения;

– толерантности, предполагающей конструктивное отношение к «иному» в границах устоявшейся конфигурации культурных форм родного общества.

Отечественными исследователями Г.У.Солдатовой и ее коллегами выделен ряд принципов мультикультурализма и культурной толерантности как альтернативы ксенофобии и иным нарушениям межнациональных отношений: принцип необходимого разнообразия; перехода от парадигмы конфликта к парадигме толерантности (необходимы не только запреты и санкции против экстремизма, но и толерантные социальные практики); синергизма и диалога (представителей различных культур и мировоззрений в процессе совместного решения социальных проблем); принцип рефлексивного дискурса; принципы свободы культурного выбора и активной толерантности; принципы учета культурных границ, накопления социального капитала и долгосрочной ориентации [13].

Мультикультурализм — один из аспектов толерантности, заключающийся в требовании параллельного существования культур в целях их взаимного проникновения, обогащения и развития в общечеловеческом русле массовой культуры. Конструирование интолерантности и ксенофобии происходит, прежде всего, в публичном дискурсе, в СМИ и т.д. Он включает открытые или завуалированные призывы к насилию и дискриминации; утверждение неполноценности или негативности этнической/религиозной группы; утверждения о криминальности и о моральных недостатках этнических и религиозных групп; обвинение этнической или религиозной группы в попытках захвата власти и территориаль-

ной экспансии и призывы не допустить закрепления мигрантов в регионе, отрицание их гражданства. Публичный дискурс, таким образом, легитимизирует формы отношений, направленные на полное отчуждение или полную ассимиляцию мигрантов. В некоторых случаях нетерпимость в форме «речи ненависти» доходит о отрицания человеческой природы представителей то или иной группы. И наоборот, жесткий мультикультурализм как защита групповых прав меньшинств не только не избавляет их членов от стигмы «второсортных» («проживающих», не-граждан и т.д.), но и приводит к нарушению прав личности, поскольку попытки законсервировать и изолировать культуры и нации друг от друга превращают людей в пленников их групп.

Как сам мультикультурализм, так и его последствия противоречивы и неоднозначны: отрицание культурного универсализма, отказ от сколько-нибудь существенной интеграции и тем более ассимиляции. Мультикультурализм продолжает и усиливает тенденции культурного релятивизма, распространяя его на каждую национальную культуру, сохраняя принцип равенства всех культур и дополняя его принципом культурного плюрализма. В умеренной форме мультикультурализм делает акцент на равном достоинстве всех культур, входящих в общество, в крайней — на отсутствие общности культур и людей. До появления этой доктрины существовавшие условия были условиями маскировки в целях выживания, требующими ассимиляции вплоть для появления «мимикрирующей личности». При этом даже миграция, которая всегда была неотъемлемой частью человеческой истории, сегодня становится интернациональной, межэтнической. «Измерить и оценить миграцию можно и нужно не только в терминах преодоленного в процессе географического перемещения, но, что значительно важнее, через призму психологических и культурных аспектов, лежащих в основе миграции. Мигранты образуют новые идентичности в общественной и личной жизни, реформируя свою идеологию в процессе освоения чужеземного пространства. Принадлежность мигранта расщеплена между опытом «домашнего очага» и «беспределом улицы»,— отмечает С. П. Толкачев [15, с. 1]. Представители разных культур меньшинства и большинства так или иначе признают свою собственную этническую гибридность как данность, инициирующую силу и власть, исследуют пути превращения своего этнического сообщества в культурно значимый,

действующий слой общества. Эти поиски неотделимы от процесса превращения ассимиляции, которая идет параллельно с процессом нарождения нового, «гибридного». Люди вынуждены в новых условиях переживать и пропускать через свое творческое сознание симптомы происходящего, зачастую очень болезненного процесса аккультурации. Субъект мультикультурного контакта, обладающий переходной двойственной или «гибридизированной» идентичностью, расположенной «где-то между», «над схваткой», отражает диалектику бинарной оппозиции «общности–необщности», «принадлежности–непринадлежности» к той или иной нации. Современный мир — тотальная множественность: классовая и культурная, религиозная и конфессиональная, расовая и этническая, половая и гендерная. Мультикультурный контекст предполагает множественную и неоднородную, гетерогенную и полиморфную репрезентацию культурной идентичности: формы понимания себя и мира, возникающие на полях и в центре доминирующей и подчиненной культур, могут использоваться для «переосмысления сложных, множественных, мультикультурных реалий, которые составляют этнокультурное различие. Мультицентристский взгляд позволяет изменить горизонты понимания человеческого бытия и может использоваться для моделирования своего «я» и его места в мире, например, чтобы противостоять унижающим человеческое достоинство или, наоборот, неправомерно возвышающим стереотипам «другого». Осмысление себя и мира в «зонах пограничья» дает пространство для критического дистанцирования, необходимого для понимания новой эпохи после крушения полиполярного мира. Мультикультурализм предполагает содействие сосуществованию различных культур в одной стране, общности, организации, практике. Он родился из осознания непродуктивности ассимиляторских усилий со стороны государства и общества. Мультикультурализм представляет собой не просто психологическую или этическую доктрину, но и определенную политическую программу, государственную политику, характерную для государств, стремящихся способствовать формированию открытого общества. Важно также, чтобы благодаря выгодам политики мультикультурализма меньшинства сами не начали отделять себя от этнического большинства: политика мультикультурализма не должна создавать систему специфических групповых прав, затрудняющих гражданскую консолидацию

(«реактивный мультикультурализм» (differential multiculturalism) как самоизоляция, самогеттоизация, подобные американским).

Высокоразвитые государства мира в конце XX века сформулировали так называемую позитивную дискриминацию, «affirmative action» — стратегию, нацеленную на преодоление дискриминации во всех сферах общественной жизни («квотирование по расовому/половому/возрастному и т.д. признакам («affirmative action»): «комплекс мер по предотвращению дискриминации» или «мер по обеспечению адекватного представительства реально или потенциально дискриминируемых слоев населения»). Идея «affirmative action» как «компенсирующей дискриминации» включает компенсацию этническим и иным социальным меньшинствам за долгие годы дискриминации. Это в определенном смысле «компенсационная», «позитивная дискриминация» (positive disctimination), включающая «предоставление преимущественных прав». Вместе с тем affirmative (positive) action (AA) является продолжением политики равных прав (equal employment opportunity) (EEO) — провозглашенного равенства в правах всех работников, без исключения. Однако EEO само по себе недостаточно: освобожденные из рабства или дискриминации люди будут еще долго по каким-то причинам слабее (психологически, социально и т.п.), поэтому нужно разработать и осуществить программу активных действий, которая поможет сделать их действительно равными. Таким образом, недостаточно провозгласить равенство (EEO), а нужно что-то делать, чтобы это равенство реально возникло, нужны «позитивные (активные) действия», «действие (в отличие от бездействия)». Меры по предотвращению дискриминации включают поддержку и компенсацию в развитии ранее дискриминировавшихся групп. «Предоставление преимуществ» должно только выровнять права («программа поддерживающих действий»), а не создать преимущества («программа предоставления преимуществ»).

В социальной политике выделяется три измерения мультикультурной политики: культурная идентичность, социальная справедливость, экономическая эффективность. Первый пункт закрепляет за каждым гражданином право на культурную реализацию (в том числе, языковое и религиозное самовыражение), право на выбор культурной идентичности предоставляется всем гражданам. Этничность как языковая и религиозная принадлежность не закрепляется за индивидами или группами в качестве не-

отъемлемого свойства; она — плод свободного решения. Второй пункт предполагает правовые гарантии равенства возможностей и отсутствия социальной дискриминации на основании расовой принадлежности, пола, конфессии и т.д. Третий пункт означает поощрение талантов граждан (независимо от их происхождения). Оно желательно с гуманитарной точки зрения и экономически полезно обществу.

По мнению исследователей, мультикультурализм или, как его иногда обозначают, кросскультурализм «обосновывает равенство и многообразие культур, их самоценность и значимость, роль их интеграции в целях успешной идентификации и адаптации личности к иной культуре. Иногда, впрочем, предпочитают вести речь не о «мультикультурализме», а о конструктивном плюрализме. Кросскультурализм как методологическое основание процесса социально-психологической поддержки и защиты мигрантов предполагает: признание абсолютных общечеловеческих ценностей; возрождение прогрессивных этнокультурных традиций; утверждение этнических и правовых норм взаимодействия и непосредственного общения людей различных национальностей; соотнесение достижений классической науки для поддержки и защиты людей со средствами народной психологии, нетрадиционной и традиционной медицины и педагогики, формирование уважительного отношения к правам всех людей, развитие наднационального — кросскультурного мировоззрения, способов толерантного поведения; обеспечение взаимосвязи социальной, культурной и языковой ориентации в поликультурной среде; создание условий для сохранения мигрантами собственного языка, интеллектуальных и эмоциональных контактов с родной культурой.

Литература

1. Адлер, А. Понять природу человека / А. Адлер.— СПб. : Академический проект, 1997.

2. Арпентьева, М. Р. Проблемы взаимопонимания в мультикультурном консультировании / М. Р. Арпентьева // Представительная власть — XXI век.— 2014.— № 7–8 (134–135).— С. 59–65.

3. Бенхабиб, С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / С. Бенхабиб.— М. : Логос, 2003.

4. Головкина, О. В. Канадский мультикультурализм как основа национальной идентичности Канады / О. В. Головкина // Вестник Волгоградского ГУ.— Сер. 4.— 2004.— № 9.— С. 44–54.

5. Гукаленко, О. В. Теоретико-методологические основы педагогической поддержки и защиты учащихся-мигрантов в поликультурном образовательном пространстве : дисс. … докт. пед. наук / О. В. Гукаленко.— Ростов н/Д. : РГОУ, 2000.

6. Касавин, И. Т. «Человек мигрирующий»: онтология пути и местности / И. Т. Касавин // Вопросы философии.— 1997.— № 2.— С. 84.

7. Малахов, В. Зачем России мультикультурализм? / В. Малахов // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ ; под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова.— М., 2002.— С. 48–60.

8. Малахов, В. Культурный плюрализм versus мультикультурализм / В. Малахов // Скромное обаяние расизма и др. статьи.— М. : Дом интеллектуальной книги, 2001.

9. Минигалиева, М. Р. Кросс-культурные аспекты социально-психологической помощи / М. Р. Минигалиева.— Калуга : Манускрипт, 2002.

10. Минигалиева М. Р. Толерантность и мультикультурализм / М. Р. Минигалиева.— Калуга : КГУ, 2012.

11. Миронов, В. В. Глобальное коммуникативное пространство и кризис культуры / В. В. Миронов // Вопросы философии.— 2006.— № 2.— С. 27–43.

12. Русских, Л. В. Основные направления политики мультикультурализма в России // Вестник Южно-Уральского ГУ. Сер. соц.-гуман. науки.— 2014.— № 2.— С. 85–89.

13. Солдатова, Г. У. Принципы формирования толерантности и управления рисками ксенофобии / Г. У. Солдатова, Т. А. Нестик, Л. А. Шайгерова // Национальный психологический журнал.— 2011.— № 2.— С. 60–79.

14. Тлостанова, М. В. Мультикультурализма и литература США конца XX века : дисс. … доктора филол. наук / М. В. Толстанова.— М. : ИМЛ РАН, 2000.

15. Толкачев, С. П. Мультикультурализм в постколониальном пространстве и кросс-культурная английская литература / С. П. Толкачев // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение».— 2013.— № 1.— С. 1.

16. Цатурян, С. А. Мультикультурализм в США и Европе / С. А. Цатурян, Г. Ю. Филимонов // Политика и общество.— № 2.— 2012.— С. 62–71.

17. Beck, Ul. What is Globalization? / Ul. Beck. Beck.— Cambridge : Polity Press, 2000.

18. Berry, J. W. Ethnic Tolerance in Plural Societies / J. W. Berry, M. Pleasants // International Conference on Authoritarism and Dogmatism.— Potsdam, 1984.

19. Brislin, R. W. Cross-cultural encounters / R. W. Brislin. — N.Y. : Oxford Univ. Press, 1981.

20. Hughes, R. Culture of Complaint / R. Hughes.— N.Y. : Oxford Univ. Press, 1993.

21. Kymlicka, W. Multicultural Odysseys. Navigating the New International Politics of Diversity / W. Kymlicka.— Oxford : Oxford University Press, 2007.— 374 p.

22. Coadic, R. le. Multiculturalism // Débats sur l'identité et le multiculturalisme ; отв. ред. Е. Филиппова и Р. ле Коадик.— М. : ИЭА РАН, Наука, 2005.— С. 78–104, 126–149.

23. Smith, A. D. The Ethnic Revival in the Modern World / A. D. Smith.— Cambridge : Cambridge University Press, 1981.

24. Lentin, Al. Racism: a beginner's guide / Al. Lentin.— Oxford : Oneworld, 2008.

25. Mendus, S. Toleration / S. Mendus // Encyclopedia of Ethics.— N.Y. ;London, 1992.— P. 1251.

26. Modood, T. Multiculturalism / T. Modood.— Cambridge : Polity, 2007.

27. Radtke, F.-O. Multikulturalismus / F.-O. Radtke // Fliuchtpunkt Europa. Hrsg. von Martina Fischer. Fr., 1998.— S.138–157.

28. Sharma, S. Multicultural encounters / S. Sharma. — Basingstoke : Palgrave Macmillan. 2006.

29. Wainrub, C. Tolerance and intolerance / C. Wainrub, L. A. Shaw, C. Maiani // Child development. 1998.— V. 69 (6).

30. Weldon, S. Images of nationhood and tolerance of ethnic minorities / S. Weldon.—California : University of California, 2003.

М. Г. Аршакян
Ереван, Ереванский государственный университет

Комплимент в межличностной и межкультурной коммуникации

В последние годы наблюдается повышенный интерес к изучению коммуникации, к изучению способов достижения эффективности общения. Небывалую остроту приобрела актуальность вопросов, связанных с выявлением скрытых причин того или иного поведения людей, в частности при межкультурной коммуникации. Мы придерживаемся точки зрения, что сущность народа, мотивы его поступков, иерархию ценностей можно понять, исследуя, в числе прочего, речь человека, то есть те обороты и выражения, которые он наиболее часто употребляет.

Известно, что язык выполняет несколько функций, но в качестве основной признается коммуникативная, которая обеспечивает социальное взаимодействие, социальную общность людей

при сохранении индивидуальности общающихся, то есть язык является важнейшим средством человеческого общения [16, с. 67]. «Слова связывают людей, объединяют их через общение. Без общения нет общества, без общества нет человека социального, нет человека культурного, человека разумного, homo sapiens» — справедливо замечает С. Г. Тер-Минасова [23, с. 11].

Коммуникацию, по словам Э. Сепира, подразумевает каждая культурная система и каждый единичный акт общественного поведения, явно или скрыто (см. [21, с. 211]). Коммуникация — специфический вид деятельности, содержанием которой является обмен информацией между членами языкового общества для достижения взаимопонимания и взаимодействия. Коммуникация всегда целенаправленна, ее цель — результативность, то есть обмен информацией, а также сообщение и выявление коммуникативных намерений (см. [1, с. 106]).

Выделяются межличностная и межкультурная коммуникации, изучению которых посвящено большое количество работ как зарубежных, так и российских исследователей.

Межличностная коммуникация — адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, а межкультурная коммуникация — «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [5, с. 26].

Разные ученые выделяют разное количество функций коммуникации, но нам представляется, что наиболее приемлемой является классификация Р. О. Якобсона, которая включает следующие компоненты:

1) экспрессивный;
2) конативный;
3) референтивный;
4) фатический;
5) метаязыковой;
6) поэтический [16, с. 68].

Мы придерживаемся именно этой классификации, так как в ней упоминается фатическая функция, которая сегодня считается одной из важнейших функций коммуникативного акта. Согласно О. В. Стахновой, фатическая функция отличается от контактоустанавливающей функции, она намного шире, так как включает в себя не только установление контакта, но и его поддержку и раз-

мыкание, сферу речевого этикета и т.д. [см. 22, с. 111]. Фатическая функция явно направлена на сотрудничество. Т. Г. Винокур пишет: «Очевидно, именно фатическая речь выражает человека как языковую личность, хотя и в неофициальном, но творческом ракурсе, имеющем аксиологическую ценность» [6, с. 11].

Коммуникация осуществляется только благодаря коммуникативным личностям, которые адекватно воспринимают ситуацию и сообщение. Коммуникативная личность — «обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [13, с. 22].

Во время коммуникации важно воздействие коммуникантов друг на друга, и чем положительнее воздействие, тем успешнее ход коммуникации и тем приятнее сам акт коммуникации. Сегодня все больше внимания уделяется проблеме речевого воздействия, одним из важнейших средств которого являются разные виды речевого этикета. К ним относится рассматриваемый нами комплимент. Комплименты являются частью этикетного общения. Комплименты включаются в официально-деловое и дружеское общение. Во всех случаях комплименты способствуют коммуникативному сближению, установлению доброжелательных отношений между адресантом и адресатом. Можно сказать, что комплимент в процессе коммуникации является соединяющим звеном в развитии как межличностных, так и межкультурных отношений. То, что описание особенностей коммуникативного поведения людей, в частности представителей разных культур, стало актуальным в лингвистике, на наш взгляд, связано, в первую очередь, с расширением межнациональных контактов в самых разных сферах человеческой деятельности. Людям интересно, почему в одной и той же ситуации представители разных культур ведут себя по-разному, почему какое-то явление весьма приемлемо в одной культуре и неприемлемо в другой, как могут взаимодействовать представители разных культур при таких различиях и т.д.

Явление «комплимент» рассматривается в рамках разных научных парадигм: социологии, психологии, когнитологии. Относительно недавно появились работы, изучающие комплимент, в лингвистике, в частности, в прагмалингвистике.

Так как комплимент является одной из форм речевого этикета, некоторые аспекты его употребления освещаются в работах по

речевому этикету, в работах по сопоставлению явления «комплимент» в разных лингвокультурах, по выявлению особенностей его функционирования в различных языках.

По словам В. Гумбольдта, «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» [8, с. 324]. Соответственно, чтобы понять особенности народа, его менталитет, надо изучать речь носителей определенного языка. Интерес большинства ученых сегодня привлекает то, как в языке отражаются не только общечеловеческие, но и национально-культурные и индивидуальные свойства говорящего. Употребление в речи тех или иных языковых выражений, конструкций объясняется характером народа и конкретного его представителя. По словам И. А. Бодуэна де Куртенэ, «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество» [3, с. 71]. Теперь перед наукой встает новая задача — изучать языковую способность, языковую компетенцию носителя языка.

Комплимент как компонент коммуникативного акта, не только отражающий социально-ментальные особенности данного народа, но и передающий уникальные качества, эмоции коммуникантов, сочетает в себе, образно говоря, два мира: мир внешний и мир внутренний. Как справедливо замечает Р.И. Павиленис, «человек — не просто пассивный референт языковых выражений, а активный их интерпретатор, не просто носитель языка, а — прежде всего — носитель определенной концептуальной системы, на основе которой он понимает язык, познает мир и осуществляет коммуникацию с другими носителями языка» [19, с. 259–260].

Коммуникация занимает 80 % всего человеческого существования [15, с. 75]. С. Г. Тер-Минасова приводит слова бывшего директора компании «Форд» Ли Йакокки, которые еще раз подчеркивают важность общения в жизни любого человека: «В течение всей своей карьеры я отдавал лишь 20 % времени всему, что связано с коммуникацией, и 80 % — остальной работе. Если бы я мог начать сначала, то я сделал бы наоборот» [23, с. 12].

Речевая деятельность, согласно специалистам,— это средство и способ решения коммуникативных задач и выработка гибких коммуникативных умений. В языковой практике эти проблемы находят свое практическое разрешение в этикетных формах коммуникации, одной из которых является комплимент.

В лингвистике вопрос о связи комплимента и речевого этикета рассматривает Н. И. Формановская, которая понимает под речевым этикетом «микросистему национально-специфических вербальных единиц, принятых и предписываемых обществом для установления контакта собеседников, поддержания общения в желательной тональности соответственно правилам речевого поведения» [25, с. 2]. В речевом этикете выделяются, в частности, обращение, приветствие, прощание, извинение, благодарность, поздравление и пожелание, сочувствие, приглашение, совет, комплимент, одобрение.

Комплименты — это вдохновляющие и мотивирующие слова, которые не только поднимают настроение адресанта и адресата одновременно, но и устанавливают доверительную атмосферу для дальнейшего общения.

Комплимент как формула речевого этикета используется говорящим в начале разговора, в процессе общения и при расставании. В связи с этим выделяются три группы комплиментов:

- Речевые формулы, используемые в начале общения (Добрый день! Отлично выглядите!).
- Речевые формулы, применяемые в процессе общения (Благодарю! Вы умница! Разрешите поблагодарить Вас! Вы профессионал!).
- Речевые формулы, используемые для завершения общения (До встречи! Было приятно провести вечер с таким умным человеком, как Вы).

Вначале слово «комплимент» употреблялось в значениях, связанных с правилами этикета: церемониальные жесты; торжественные хвалебные речи, адресованные высокопоставленным персонам; приветствия положенного образца, выполненные по определенному ритуалу и т.д. Постепенно связь комплимента исключительно с церемониальными актами ослабевает, и семантика слова «комплимент» наполняется новыми смыслами. Во второй половине XVIII в. слово «комплимент» широко употребляется в новом значении: «похвала, любезность»; именно это значение начинает активно развиваться и вскоре завоевывает лидирующее положение в семантике данной лексемы (см. [20, с. 78–79]). В конце XIX — начале XX вв. демократизация общества приводит к освобождению от условностей этикетных форм коммуникации. Обусловленные духом времени, меняются форма и содержание комплимента, меняются характер и частотность комплимента.

Толковые словари современного русского языка излагают только одно, главное, значение лексемы «комплимент». Ср.: «Любезные, приятные слова, лестный отзыв» [18, с. 283]; «Приятные, лестные слова, сказанные в чей-либо адрес» [10, с. 699]; «Любезность, лестные слова, содержащие похвалу» [24, с. 551]; «Лестное для кого-либо замечание, любезный отзыв» [9, с. 86].

Комплимент осуществляет фатическую функцию и функцию позитивного воздействия с целью коммуникативного сближения. А. В. Колегаева в своем исследовании, как и большинство лингвистов, относит речевой акт комплимента к категории экспрессивов, определяя его как «социально и ситуативно обусловленный речевой акт, способствующий осуществлению стратегического замысла адресанта, успешность которого определяется непосредственной реакцией на него; его функционирование и языковая реализация в той или иной коммуникативной ситуации зависят от социальных, тендерных, интенциональпых и национально-культурных характеристик коммуникантов» [12, с. 7]. Такой подход к пониманию комплимента дает основание полагать, что рассматриваемый речевой акт направлен на достижение воздействия на психологическое состояние слушающего.

Изучая речевой акт комплимента в рамках прагматического подхода, О. С. Иссерс разрабатывает тему когнитивных предпосылок успешности комплимента в речевом общении. Одной из когнитивных предпосылок успешных коммуникативных актов, является, по мнению исследователя, специфика сообщения самого комплимента, то есть предмет положительной оценки, «должен иметь непосредственное отношение к адресату, быть включен в «сферу адресата» [11, с. 181].

В зависимости от целевой установки комплимента, выделяются комплименты, выражающие личностно-ориентированный подход к оценке, объектом которой является человек, как правило, близкий говорящему, и формальные комплименты. Последние отличаются невысокой степенью близости коммуникантов, отсутствием истинной эмоциональности со стороны говорящего, стандартизированностью языкового выражения.

С точки зрения сферы употребления комплимент можно условно подразделить на два вида: светский и деловой (см. [14, с. 200–207]).

Светский комплимент — это комплимент внешности, достоинствам человека. Он предназначен, как правило, для знакомых

людей: родственников, близких, друзей, коллег по работе. Светский комплимент очень распространен в неофициальной обстановке. В ответ на светский комплимент принято благодарить: «Благодарю вас», «Спасибо», «Вы очень внимательны» и др. Ответные реплики: «Вы мне льстите», «Это только комплимент» и другие считаются невежливыми.

Деловой комплимент — это обмен любезностями между сторонами-партнерами. Деловой комплимент начинает и заканчивает любую деловую встречу, беседу, переговоры. Для успеха в деловой коммуникации следует помнить: чем приятнее будет людям общаться, тем выше шанс удачно решить деловую проблему.

В рамках взаимодействия, используя в контексте общения прием комплимента, делая это уместно и умело, можно расположить к себе собеседника и даже снять негативную установку.

Комплиментарное воздействие будет значительно сильнее, если обратить внимание на достоинства собеседника, скрытые от наблюдения. Большинство людей думает, что человек, заметивший какие-то особенности нашей личности и отметивший их с помощью комплимента, на самом деле проявляет к нам искренний интерес. Чем больше скрытых достоинств удается подчеркивать в партнере, тем более искренними ему кажутся слова собеседника. И соответственно, реакция будет положительной, что приведет к хорошей атмосфере. Однако, делая комплименты кому-то, мы всегда должны помнить, что реакция может быть соовершенно неожиданной для нас, так как все зависит от личностных качеств собеседника и особенностей его культуры. И чтобы снизить вероятность негативной реакции адресата на комплимент, следует избегать употребления чересчур явных комплиментов, комплиментов, содержащих иронию, насмешку, издевку, отрицательное сравнение, а также избегать фамильярного обращения.

Отметим еще один важный момент, связанный с комплиментом. Часто комплимент путают с лестью и похвалой, в результате чего страдают отношения между коммуникантами. Граница между этими понятиями является довольно зыбкой, но все-таки разница есть. Если для комплимента преувеличение достоинств адресата и повышенная эмоциональность являются нормой, то для похвалы это неприемлемо. Темой похвалы не могут являться какие-либо детали туалета и прочие мелочи, не имеющие прямого отношения к реальным положительным качествам адресата.

От похвалы ждут объективной оценки, признания реальных заслуг и достижений, а комплимент воспринимают как лестный, даже иногда льстивый знак внимания и расположения. К темам похвалы относятся общественно значимые, признанные всем социумом явления: заслуги в работе, выдающиеся моральные качества, благородные поступки. Главное отличие комплимента от лести — это цель или мотивация, с которой человек делает либо то, либо другое: или он преследует личные, корыстные цели — то есть льстит, или хочет поддержать отношения и сделать приятное собеседнику, то есть говорит комплимент.

В книге О. Я. Гойхмана и Т. М. Надеждиной говорится о том, что еще Дейл Карнеги в начале прошлого века вывел правило трех плюсов, тех самых, которые откроют любую дверь, которые помогут установить контакт с любым человеком без приложения особых усилий. И в числе этих плюсов комплимент (1 — улыбка, 2 — имя, 3 — комплимент) (см. [7, с. 69]). И. Н. Формановская в своей работе выделяет девять правил ведения речи, в числе которых и говорение комплиментов (см. [26, с. 31]).

Рассмотрение комплимента как компонента речевого этикета позволяет увидеть, что построение и функционирование речевого акта комплимента различны в зависимости от лингвокультур и даже внутри одной и той же лингвокультуры. Сказанное имеет свое объяснение, и оно заключается в следующем: «Стандарты поведения (в частности речевого поведения) коррелируют с реальной стратификацией общества, то есть каждая половозрастная, этническая, профессиональная и другие группы и субкультуры общества имеют свои специфические стереотипы речевого поведения и общения» [2, с. 77]. Делая комплименты, надо учитывать ряд факторов: половозрастные, статусные особенности, принятые в том или ином обществе нормы проявления чувств. Например, западная культура поощряет отзываться с похвалой о других людях, поднимая их в собственных глазах, но в восточной культуре, в частности, в японской, наоборот, похвала в лицо не поощряется. При этом если в США комплимент женщине на работе может рассматриваться как сексуальное домогательство, то в Италии женщиной принято восхищаться и не скрывать этого. В мусульманских же странах нельзя делать комплиментов по поводу внешности жены собеседника; при этом в странах арабского мира принято щедро делать комплименты друг другу. Русским

нравится и делать, и получать комплименты. Армяне в этом вопросе сдержаннее.

Л. Г. Брутян, автор статьи «Комплименты в русской лингвокультуре в контексте межкультурной коммуникации», на разнообразном материале (словарные статьи, фразеологизмы и словосочетания, паремия, художественная литература, живой дискурс) проводит лексико-семантический, прагмалингвистический, дискурсивный анализ комплиментов и показывает, что данный феномен пользуется популярностью в разных обществах, в частности, автор отмечает, что «комплименты говорят, делают, ими обмениваются, на комплименты напрашиваются, в комплиментах рассыпаются и т.д.», и это практически в равной мере встречается как в русской, так и в английской и армянской лингвокультурах (см. [4, с. 51–55]). Но это не значит, что в этом вопросе нет различий. Например, если русскую женщину сравнить с коровой, не трудно себе представить, чем все закончится, а в Индии это — приятный комплимент женщине. Хороший комплимент японке — сравнение ее со змеей, но если вдруг армянку сравнить с ней, то это будет глубоким оскорблением. Для татарки и башкирки комплиментом является их сравнение с пиявкой, олицетворяющей совершенство форм и движений. Итак, можно заключить, что комплимент обладает национальной спецификой, и поэтому участники межкультурной коммуникации должны проявлять межкультурную компетенцию, «которую можно понимать как интеграцию речевых поступков и внеязыковых знаний, и которая включает в себя языковую и — шире — коммуникативную компетенцию, знание чужой культуры» [17, с. 70–76].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что комплимент — одно из самых эффективных средств установления и укрепления контакта с собеседником. Комплимент — мощное средство, которое помогает решить коммуникативные задачи с максимальным эффектом воздействия на адресата речи. Человек, делающий комплименты, для окружающих становится желательным собеседником: ведь он является для многих источником положительныхэмоций.

Рассмотренный нами материал дал возможность выделить некоторые правила, которые помогут грамотно использовать комплимент в общении:

- Всегда говорить только искренние комплименты, отражающие настоящие эмоции и чувства.

- Отказаться от двусмысленных комплиментов.
- Говоря комплимент, не сравнивать собеседника с другим человеком.
- Говоря комплимент, не критиковать.
- Говорить «спасибо», когда делается комплимент.

В итоге хочется добавить, что не следует забывать о том, что слова оказывают на нас очень большое влияние. Вовремя сказанная фраза может изменить многое: личную жизнь, карьеру, отношение к той или иной ситуации. Комплименты — это целое искусство, мощный способ воздействия на себя и на других людей.

Литература

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин,— М., 2009.

2. Бобенко, А. В. Комплимент как объект лингвистического исследования / А. В. Бобенко // Методы лингвистических исследований : межвузовский сб. науч. тр. В 2-х частях. Часть 1. — Хабаровск, 1997.

3. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. Т. 2 / И. А. Бодуэн де Куртенэ — М., 1963.

4. Брутян, Л. Г. Комплименты в русской лингвокультуре в контексте межкультурной коммуникации / Л. Г. Брутян // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ. В 15 т. Т. 9. — СПб., 2015.

5. Верещагин, Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — М., 1990.

6. Винокур, Г. О. Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. — М., 1993.

7. Гойхман, О. Я. Основы речевой коммуникации / О. Я. Гойхман, Т. М. Надеждина. — М., 1997.

8. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. — М., 1984.

9. Евгеньева, А. П. Словарь русского языка / А. П. Евгеньева. — М., 1982.

10. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. Т. 1 / Т. Ф. Ефремова. — М., 2006.

11. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — М. : Едиториал УРСС, 2002.

12. Колегаева, А. В. Специфика интерактивного единства «Комплимент-реакция» в английском языке : на материале художественных произведений и кинофильмов : дис… к.ф. н: 10.02.04 / А. В. Колегаева. — Кемерово, 2003.

13. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — М., 2004.

14. Леонтьев, В. В. Комплимент как жанр личностного типа дискурса / В. В. Леонтьев // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр.— Волгоград, 2000.

15. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. — М., 2004.

16. Маслова, В. А. Современные направления в лингвистике : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. — М., 2008.

17. Недобух, А. С. Формирование межкультурной компетенции / А. С. Недобух // Лингв. вестн. Вып. 1.— Ижевск, 1999.

18. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 2-е изд. — М., 1994.

19. Павиленис, Р.И. Проблема смысла / Р.И. Павиленис. — М., 1983.

20. Семенова, Е. А. Этимология и семантика слова комплимент / Е. А. Семенова // Вестник Московского государственного областного университета. Русская филология. № 1. — М., 2010.

21. Сепир, Э. Коммуникация. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. — М., 1993.

22. Стахнова, О. В. К вопросу о фатической стороне речевого общения / О. В. Стахнова // Актуальные вопросы филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков : сборник научных трудов. Выпуск 1.— Минск, 2013.

23. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова — М., 2008.

24. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка. В 3 т. / Д. Н. Ушаков. — М., 2001.

25. Формановская, Н. И. Русский речевой этикет / Н. И. Формановская. — М., 1982.

26. Формановская, Н. И. Русский речевой этикет : лингвистический и методический аспекты / Н. И. Формановская. — М., 2002.

М. А. Болдырева
Минск, Белорусский государственный университет

Базовые черты префигуративной культуры

В 1940–60-е годы в США развернулась активная борьба за гражданские права разных слоев населения, в частности афроамериканцев, против расовой дискриминации. Это было связано с изменением положения негритянского населения. В годы Второй мировой войны вырос спрос на рабочую силу в промышленных

городах Севера США, и много афроамериканцев оставило Юг страны, где они подвергались жестокой дискриминации и фактически были лишены права голоса. На севере, где не было традиций расовой сегрегации, они активно включились в политическую борьбу, их голоса стали серьезной поддержкой для демократической партии, которая не могла игнорировать их требования.

В 1950-х гг. борьба вступила в новый этап. Признанным лидером афроамериканского населения стал Мартин Лютер Кинг. Он предложил использовать в борьбе тактику ненасильственных действий М. Ганди. Такая тактика способствовала втягиванию в борьбу значительного количества населения. В 1960-х г. движение за гражданские права совпало с началом массового движения социального протеста. Тогда школу закончило поколение американцев, родившееся после войны. Оно не видело массовой безработицы и бедности, считало социальную защищенность и материальный достаток нормой жизни, их ценности существенно отличались от ценностей их родителей. Молодежь была склонна отрицать ценности общества потребления, выступала за простоту жизни, свободную от условностей и лицемерия. Символом этой контркультуры стали джинсы и рок-н-ролл. Борьба за реформу университетского образования быстро переросла в движение против Вьетнамской войны. Молодежь с ее обостренным чувством справедливости стала наибольшим противником этой войны. Молодое поколение, которое разочаровалось в старых идеалах, стало искать себе новые. Ими были Мао Цзедун, г. Маркузе, Че Гавара. Нельзя сказать, что взгляды молодежи имели четкое концептуальное выражение. Скорее, это была смесь из идей коммунизма, анархизма, экзистенциализма.

Начало молодежных выступлений, так называемое академического движение, выпало на 1964 г. События вспыхнули в университете Беркли в Калифорнии. Для их подавления пришлось применять войска. Но на этом выступления молодежи не прекратились. Новым катализатором стала война во Вьетнаме. Собирались многотысячные демонстрации. Молодежь в знак протеста сжигала флаги США, уклонялась от призыва на военную службу, требовала освободить университеты от опеки военных и тому подобное.

В 1970-е гг. массовые движения пошли на убыль. Причина — не политика республиканцев, которые победили на выборах в 1968 г., а экономический кризис 70-х годов, который изменил приоритетность проблем, стоявших перед населением. Кроме

того, большая часть требований массовых движений была удовлетворена: американские войска были выведены из Вьетнама, ликвидирована общая военная повинность, расизм поставлен вне закона, а в 1972 г. вступила в силу 26-я поправка к Конституции США, которая дала право голоса молодежи с 18 лет.

В связи с процессами, которые происходили в обществе, необходимым стало исследование взаимоотношений между людьми, а в особенности отношений между поколениями. Данная проблема рассматривалась и раннее, неоспоримый вклад внесла школа «Культура-и-Личность», которая еще в конце 1920 — начале 1930 гг. осуществила поворот в культурологии, сместив акценты на изучение положения личности в культуре. Ранее главным объектом анализа были культура, ее структура, типы и т.д. Исключение составляло психоаналитическое изучение культуры, в котором основное внимание уделялось исследованию бессознательного элемента психики.

В направлении «Культура-и-личность» предметом изучения стало взаимодействие культуры и личности, изучение того, как проявляет себя личность в культуре и личность, воспроизводящая культуру. Общий предмет исследования данного направления, сформулированный американскими антропологами М. Мид и Дж. Хонигманом,— анализ того, как действует, мыслит и чувствует индивид в условиях различного культурного окружения. Центральными темами, особенно вначале, были исследование инкультурации, анализ значения детства для особенностей функционирования взрослой личности. Существенную роль играл тезис о специфическом типе личности, определяющем характер той или иной культуры.

Возникновение этого направления связывают с появлением книг Р. Бенедикт «Конфигурации культур в Северной Америке» (1932) и «Модели культур», а также с публикацией серии исследований М. Мид об островных культурах Океании. Кроме вышеуказанных ученых, к данному направлению принадлежали К. Клакхон, А. Кардинер, К. Дюбуа, М. Спиро.

После Второй мировой войны направление «Культура-и-личность» приступило к построению обобщающих культурологических теорий. Осуществлению этой цели послужил коллективный труд, изданный под редакцией Л. Спиера, И. Халлоуэлла и С. Ньютона «Язык, культура и личность».

Изучение вопросов преемственности между поколениями, сохранности и передачи культурных паттернов оказалось в центре внимания исследовательницы М. Мид. Она заинтересовалась проблемой взросления детей. По мнению М. Мид, «детство — только период усвоения основных культурных паттернов, а также период формирования личности, ее основ». Исследованию подвергались разные культуры. М. Мид показывает, что существует проблема подросткового возраста, которая влечет за собой потерю преемственности поколений, но при этом делает вывод о том, что проблема переходного возраста в архаических культурах отсутствует, так как человек с раннего детства вовлечен в систему труда. Данная проблема связана с культурой и культурными различиями. Этим исследованиям посвящены работы «Взросление на Самоа», «Держи порох сухим», «Культура и мир детства». В дальнейшем эти исследования легли в основу выявления следующих типов культуры в зависимости от роли межпоколенческих связей: 1) постфигуративный, 2) конфигуративный, 3) префигуративный.

Смысл постфигуративной культуры заключается в том, что жизненный путь детей ничем не отличается от пути родителей. Родители — образец поведения и жизни для своих детей. Качественные изменения и сдвиги происходят крайне редко или являются незаметными. Важный принцип культуры — «неосознанность» изменений. Как правило, под одной крышей живет несколько поколений. Достаточно быстро осуществляется социализация. Не теряется преемственность между поколениями. Выработанная программа фактически не меняется, даже при воздействии других культур, поэтому культура такого типа сохраняет свою идентичность. Элементы и структура отличаются согласованностью и взаимодействием.

Конфигуративная культура формируется в индустриальную эпоху и оформляется в конце XIX — начале XX вв. Для нее характерна тенденция, при которой дети учатся у своих сверстников. По мере усиления технического развития возрастает количество мегаполисов, и образование становится основным транслятором культуры. Родители и родители родителей уже не являются образцом для подражания. Конфигурация характерна тем, что опыт молодого поколения радикально отличен от их родителей, дедов и других представителей той общины, к которой они принадле-

жат. Основу данного типа культуры составляет нуклеарная семья, а сама культура предполагает передачу опыта и знаний от действующего поколения.

Далее, по мнению М. Мид, в 1960-е годы родилась новая культура, которую она назвала префигуративной. Особенностью такой культуры является неизвестность будущего ввиду ускоренного развития общества. Даже в рамках двух поколений разница в форме передачи культурных знаний будет настолько велика, что не исключено, что дети будут передавать полученные знания родителям. Можно сказать, что данный тип культуры обусловлен формированием постиндустриального общества; развитием медийных технологий; развитием компьютерных технологий; формирование и распространением феномена глобализма и глобальных проблем.

Простейший пример такой «перевернутой» коммуникации — освоение компьютера. Сплошь и рядом бывает так, что дети гораздо быстрее осваивают новую технику, чем их родители, и родители учатся у своих детей. В этом случае обмен опытом происходит не только среди людей, принадлежащих к одному поколению, но и в форме ориентации на опыт младшего поколения. По словам М. Мид: «Дети сегодня стоят перед лицом будущего, которое настолько неизвестно, что им нельзя управлять так, как мы это пытаемся делать сегодня, осуществляя изменения в одном поколении с помощью конфигурации в рамках устойчивой, контролируемой старшими культуры, несущей в себе много постфигуративных элементов. Я думаю, что мы сможем, и это было бы лучше для нас, применить в нашей современной ситуации модель пионеров-иммигрантов первого поколения в неизвестной и ненаселенной стране. Но мы должны представление о миграции в пространстве (географической миграции) заменить на новый образ — миграции во времени».

Таким образом, М. Мид говорит о причинах, которые привели к формированию префигуративного типа культуры, и пишет: «За два десятилетия, 1940–1960 годы, произошли события, необратимо изменившие отношение человека к человеку и к миру природы. Изобретение компьютера, успешное расщепление атома и изобретение атомной и водородной бомбы, исследование поверхности нашей планеты, крайнее ускорение роста населения Земли и осознание неизбежности катастрофы, если этот рост продолжится,

кризис городов, разрушение природной среды, объединение всех частей мира реактивной авиацией и телевиденьем, подготовка к созданию спутников и первые шаги в космосе, только недавно осознанные возможности неограниченных источников энергии и синтетических материалов, преобразование в наиболее развитых странах вековых проблем производства в проблемы распределения и потребления — все это привело к резкому необратимому разрыву между поколениями. В прошлом, несмотря, на долгую историю конфигуративных механизмов передачи культуры и широкое признание возможностей быстрого изменения, существовали громадные различия в том, что знали люди, принадлежащие к различным классам, регионам и специализированным группам в какой-нибудь стране, равно как и различия в опыте народов, живущих в разных частях мира. Изменения все еще были относительно медленными и неровными. Молодые люди, жившие в некоторых странах и принадлежавшие к определенным классовым группам, знали больше, чем взрослые в других странах или же взрослые из других классов. Но всегда были взрослые, знавшие больше, опыт которых был больше, чем знание и опыт любого молодого человека».

Сегодня же вдруг во всех частях мира, где все народы объединены электронной коммуникативной сетью, у молодых людей возникла общность опыта, того опыта, которого никогда не было и не будет у старших. И наоборот, старшее поколение никогда не увидит в жизни молодых людей повторения своего беспрецедентного опыта перемен, сменяющих друг друга. Этот разрыв между поколениями совершенно нов, он глобален и всеобщ.

Сегодняшние дети вырастают в мире, которого не знали старшие, но некоторые из взрослых предвидели, что так будет. Те, кто предвидел, оказались предвестниками префигуративной культуры будущего, в которой предстоящее неизвестно.

В современном обществе наблюдается еще больший разрыв между поколениями и, следовательно, их преемственностью, это происходит в связи с постоянной информатизацией общества, развитием техники и технологий, увеличением мобильности молодежи. Чтобы понять, что представляет собой современная семья, и семья в будущем, обратимся к Э. Тоффлеру, который прослеживал эволюцию в преемственности поколений в своем труде «Третья волна» и писал: «Возникает новая система семьи Третьей

волны, основанная на разнообразии типов семьи и большей вариативности ролей человека. Это превращение семьи в немассовую открывает много новых возможностей. Цивилизация Третьей волны не будет заставлять каждого создавать единственно существующий тип семьи. Поэтому возникающая система семьи даст каждому из нас возможность найти собственную нишу, выбрать или определить стиль семьи или траекторию, соответствующую нашим нуждам». Э. Тоффлер указывает на зависимость форм семьи будущего от того, как будут развиваться новые технологии и как будет организован труд человека. Ученый считает, что жизнедеятельность человека постиндустриального общества претерпит значительные изменения. Основным местом пребывания человека станет «электронный коттедж» — оборудованный по последнему слову техники индивидуальный жилой дом. Электронный коттедж, становясь основным местом работы людей в информационном обществе, окажет влияние на все его основные сферы. Произойдет перемещение рабочего места человека с предприятия в электронный коттедж, что во многом определит характерные черты семьи в информационном обществе». Работа на дому, по мнению О. Тоффлера, приведет к меньшей вынужденной мобильности, меньшему стрессу, меньшей скоротечности человеческих взаимоотношений и большему участию в жизни сообщества. Эмоциональные отношения с домашними будут более углубленными: если в индустриальном обществе супруги видятся лишь в течение ограниченного времени, то, работая в электронном коттедже, они будут находиться в более тесном и продолжительном контакте друг с другом. Сотрудничая, каждый из супругов будет учиться у другого и помогать другому, так что в итоге они смогут стать значительно ближе. Конечно, это еще не гарантирует счастья, но при этом исчезает изолированность, которая легко приводит к безразличию. Э. Тоффлер говорит об изменении самого понятия любви.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что разрыв между поколениями ускоряется и на данном этапе непрерывен. Достаточно тяжело спрогнозировать, что ждет институт семьи в будущем и как изменятся отношениями между поколениями, но с уверенностью можно судить о том, что произошел окончательный переход к префигуративному типу культуры, и данная проблема нуждается в дальнейшем изучении и разработке.

Литература

1. Мид, М. Культура и мир детства / М. Мид.— М. : Наука, 1988.
2. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер.— М. : Издательство АСТ, 2004.
3. Кон, И. С. Ребенок и общество / И. С. Кон.— М. : Академия, 1988.

Г. І. Басава
Мінск, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Узаемадзеянне культур у кантэксце выкладання міжкультурнай камунікацыі

У сувязі з пашырэннем міжкультурных кантактаў грамадству неабходныя спецыялісты рознага профілю з высокім узроўнем сацыякультурнай кампетэнцыі, з развітым пачуццём эмпатыі і талерантнасці, якія валодаюць навыкамі міжкультурнай камунікацыі. Гэта тлумачыцца тым, што сучаснае грамадства характарызуецца памнажэннем, паскарэннем і глабалізацыяй камунікацыі. Рост камунікацыі дае новыя магчымасці, якія выклікаюць людзей ад папярэдніх абмежаванняў, механізмаў сацыяльнага кантролю і прымусу, ствараюць падставы для свабоднага развіцця асобы. Новыя формы тэлекамунікацый і з'яўленне міжнародных карпарацый, якія распараджаюцца сродкамі масавай інфармацыі, развіццё сучасных транспартных і электронных сродкаў сувязі спарадзілі немагчымыя ў мінулым культурныя патокі глабальнага маштабу, уключаючы рух аб'ектаў, знакаў і людзей як у рэгіянальнай, так і ў міжкантынентальнай прасторы. Тэхналагічная рэвалюцыя зрабіла магчымымі прамыя (непасрэдныя) кантакты мільёнаў людзей, прыналежных да розных культур.

У гэтым кантэксце важным паўстае пытанне міжкультурнай камунікацыі. Па сваёй сутнасці міжкультурная камунікацыя — гэта заўсёды міжперсанальная камунікацыя ў спецыяльным кантэксце, калі адзін удзельнік выяўляе культурнае адрозненне ад іншага. Міжкультурная камунікацыя грунтуецца на працэсе сімвалічнага ўзаемадзеяння паміж індывідамі і групамі, культурныя адрозненні якіх можна распазнаць. Успрыманне і стаўленне да гэтых адрозненняў уплываюць на выгляд, форму і вынік кантакту. Кожны ўдзельнік культурнага кантакту карыстаецца сва-

ёй уласнай сістэмай правілаў, якія функцыянуюць такім чынам, каб дасланыя і атрыманыя пасланні маглі быць закадзіраваныя і раскадзіраваныя. Прыкметы міжкультурных адрозненняў могуць быць інтэрпрэтаваныя як адрозненні вербальных, паравербальных і невербальных кодаў у спецыфічным кантэксце камунікацыі. На працэс інтэрпрэтацыі, акрамя культурных адрозненняў, уплываюць узрост, гендарная прыналежнасць, прафесія, сацыяльны статус камуніканта. Таму ступень міжкультурнасці кожнага канкрэтнага акта камунікацыі звязаная з талерантнасцю, прадпрымальнасцю, асабістым вопытам яго ўдзельнікаў.

Гістарычны шлях кожнага народа вызначаецца цэлым комплексам фактараў (кліматам, прыроднымі катаклізмамі, войнамі, міжэтнічнымі кантактамі і інш.), што нараджае непаўторную і па-свойму ўнікальную культуру, у аснову якой пакладзеныя пэўныя ідэі, ідэалы, каштоўнасці і нормы. Усе народы з'яўляюцца раўнацэннымі носьбітамі агульначалавечых каштоўнасцей, якія паўстаюць у самабытных формах.

Нягледзячы на значныя адрозненні ў самых розных накірунках, усім культурам уласцівы шэраг агульных характарыстык — так званых «культурных універсалій». У гуманітарных навуках вылучаюць больш за шэсцьдзесят культурных універсалій: мова, выраб прылад працы, сумесная праца, рэлігійныя абрады, шлюб і сям'я, забарона на кровазмяшэнне (інцэст), кухня, каляндар, адукацыя, законы, гульні, спорт, упрыгожванне цела, дэкаратыўнае мастацтва, танцы, гасціннасць, жарты і г.д. Разам з тым, чалавечая культура не ведае абсалютна непаўторных кодаў. Успрыманне і інтэрпрэтацыя іншай нацыянальнай культуры ў працэсе міжкультурнага дыялогу спараджае зоны непаразумення — сэнсавыя лакуны — як неінтэрпрэтуемыя ці неадэкватна інтэрпрэтуемыя фрагменты тэксту (дыскурсу). Ідэі захавання і далейшага развіцця чалавечай цывілізацыі ўсё больш глыбока звязваюцца з неабходнасцю культурных узаемазносін, паколькі культурная разнастайнасць сучаснага чалавецтва ўзрастае, і народы, якія яго ўтвараюць, знаходзяць усё больш сродкаў, каб захаваць і развіваць сваю цэласнасць і культурны воблік.

Выказванне Э. Хола «Культура — гэта камунікацыя» стала імпульсам для развіцця тэорыі міжкультурнай камунікацыі, якое паказвае на тое, што *паняцце «культура» — базавае паняцце ў міжкультурнай камунікацыі.* Культура ўключае ў сябе

не толькі стэрэатыпы паводзін, але і патэрны мыслення (агульныя значэнні, якія члены грамадства прыпісваюць розным з'явам, натуральным і штучна створаным, уключаючы рэлігію і ідэалогію), а таксама артэфакты (прылады, будынкі, творы мастацтва і інш.), навыкі, уменні, тэхніку. Культура ўяўляе сабой крыніцу, сукупнасць ведаў, вопыту, вераванняў, каштоўнасцей, установак, значэнняў, уяўленняў, роляў, а таксама матэрыяльных аб'ектаў, якія выкарыстоўваюцца людзьмі ў іх індывідуальным або групавым жыцці. Усё, з чым мы маем справу ў сваім вопыце, дэтэрмінавана культурай. У гэтым сэнсе культура — лад жыцця людзей, паколькі інтэгруе ў адзінае цэлае паводзіны людзей, матэрыяльныя прадукты іх дзейнасці, а таксама іх веды і ідэі.

У глабальным сэнсе культура ўяўляе сабой вобраз свету, яго адлюстраванне ў свядомасці людзей. Культурныя каштоўнасці звычайна ўспрымаюцца не як ідэі, а як неўсвядомленыя механізмы дзеянняў людзей, як тое, у што яны сапраўды вераць і праз што з'яўляюцца вынікам выхавання і сацыялізацыі чалавека ў грамадстве. Своеасаблівай і надзвычай каштоўнай менавіта для працэсу авалодання культурай з'яўляецца тэорыя «культурнай (літаратурнай) граматнасці», распрацаваная амерыканскім даследчыкам Е. Д. Хіршам-малодшым і яго калегамі [5, с. 15]. На думку Хірша, граматнасць уключае не толькі ўменне чытаць, але і валоданне пэўным наборам ведаў — канцэптам усёй цывілізацыі дадзенай культуры, традыцыйна-нацыянальнымі звесткамі і ацэнкамі як сімваламі, цэлай сістэмай шырока падзеленых асацыяцый і інфармацый. Культура накіраваная на ператварэнне, перараджэнне індывіда ў «чалавека культуры» (homo humanitatis).

«Акультурванне» чалавека адбываецца ў некалькі этапаў, калі чалавек далучаецца да роднай культуры і знаёміцца з іншымі культурамі:

1) гамінізацыя — станаўленне чалавека як асобы;

2) сацыялізацыя — засваенне абавязковага мінімуму культуры грамадства;

3) інкультурацыя — далучэнне да культурных здабыткаў і засваенне элементаў іншых культур;

4) індывідуалізацыя — наяўнасць у культуры ўмоў для выбару і праяўлення самастойнай асобы [4, с. 5].

«Культурнае далучэнне», засваенне абавязковага мінімуму культуры (або «культурная граматнасць» індывіда як паказчык

яго прыналежнасці да пэўнай культуры) адбываецца на этапе сацыялізацыі. З узмацненнем культурных кантактаў паміж народамі становіцца ўсё менш адрозненняў, уласцівых для культур у мінулым. Спецыфічныя ж з'явы, якія ўзнікаюць у адной культуры, становяцца набыткам іншых народаў. Але ўспрыманне такіх з'яў, тым не менш, адрозніваецца ў залежнасці ад культурнай граматнасці. Напрыклад, Біблія для прадстаўнікоў тых культур, дзе сацыялізацыя ўключае ў якасці абавязковага элемента рэлігійнае выхаванне, з'яўляецца больш сакральным элементам, чым для прадстаўнікоў секулярызаванага грамадства. І. В. Гётэ, М. Багдановіч, Ф. М. Дастаеўскі для немцаў, беларусаў, рускіх — розныя па сваёй сутнасці з'явы, хаця і ўваходзяць у культуру кожнага з пералічаных народаў.

Вынікае, што прыналежнасць да пэўнай культуры вызначаецца наяўнасцю *базавага стэрэатыпнага ядра ведаў,* якое паўтараецца ў працэсе сацыялізацыі індывідуума ў грамадстве, і дастаткова ўстойлівага (на ўзроўні этнічнай культуры, а не асобы) выбару *элементаў перыферыі,* якая, таксама з прычыны сваёй стэрэатыпнасці, вызначае, як дадатковы крытэрый, прыналежнасць асобы да канкрэтнай нацыянальнай культуры. Гэтыя два складнікі дапаўняюцца *выбарам асобы,* варыятыўнасць якога можа быць звязана з выхаваннем, адукацыяй, прафесійнымі інтарэсамі і псіхалагічнымі асаблівасцямі менталітэту [4, с. 6].

Базавае стэрэатыпнае ядро ведаў і элементы перыферыі ўтвараюць *«культурны фонд»* носьбіта культуры, які можна растлумачыць як «пэўны комплекс ведаў, характарызуемы ўзроўнем і напрамкам сцыентызацыі дадзенага соцыуму, некаторы кругагляд у галіне духоўнай і матэрыяльнай культуры, звесткі пра мінулае свайго народа і чалавечай цывілізацыі і г.д., якімі валодае «сярэдні» (тыповы) носьбіт той ці іншай культурнай агульнасці» [3, с. 140]. Маецца на ўвазе не столькі валоданне гэтымі ведамі сярэднім, тыповым прадстаўніком пэўнай культуры, а наяўнасць такіх ведаў у фондзе культуры: культурны фонд павінен разглядацца не як прыналежнасць асобы, а як сукупнасць тых базавых адзінак, якія ўключаюцца ў дадзеную нацыянальную культуру — культурасферу (тэрмін Д. С. Ліхачова) «праз пасрэдніцтва» асоб гэтай культуры. Таму, гаворачы пра тыповую сярэднюю асобу пэўнай культуры, спецыялісты звычайна абапіраюцца найперш на сукупнасць стэрэатыпізаваных ведаў узроўню школы, на сукупнасць

ведаў гуманітарнага характару (як найбольш персаніфікаваную сукупнасць) і сукупнасць штодзённа-побытавых характарыстык гэтай культуры (як найбольш выяўляемую ў любы момант апісання), якімі павінна авалодаць асоба, праходзячы сацыялізацыю ў пэўнай нацыянальна-культурнай супольнасці [4, с. 7].

Выкарыстоўваючы параўнанне культуры з айсбергам, у якога прыкметная толькі верхавіна, можна сказаць, што такой бачнай вяршыняй з'яўляецца *тэхнічны ўзровень культуры,* на якім амаль не праяўляюцца эмоцыі. Гэтай частцы культуры можна навучыць. На гэтым узроўні рэдка ўзнікаюць міжкультурныя праблемы зносін. Напрыклад, абмяркоўваючы фізічныя ўласцівасці металаў, спецыялісты задзейнічаюць тэхнічны ўзровень культуры, але размова адразу ж выйдзе за яго межы пры абмеркаванні тэрміну выканання работы.

Наступны ўзровень, як і айсберг, часткова схаваны пад вадой, а часткова знаходзіцца над узроўнем мора,— *фармальны*. Ён звязаны з рознымі рытуаламі, што выконваюцца ўсімі прадстаўнікамі культуры (напрыклад, цырымонія шлюбу). Для яго разумення выкарыстоўваюць пераважна метад спроб і памылак. На гэтым узроўні ярка праяўляюцца эмоцыі: адступленне ад правіл спараджаюць рэзка негатыўныя пачуцці ў адносінах да парушальніка, нават калі памылка была ненаўмысная (напрыклад, у Францыі спроба абмеркавання бізнес-праекта з патэнцыйнымі партнёрамі на свецкім прыёме можа парушыць правілы фармальнага ўзроўню культуры).

Ніжэй за «ўзровень мора» знаходзіцца *нефармальны ўзровень культуры,* на якім усе дзеянні адбываюцца аўтаматычна і амаль неўсвядомлена. Правілы паводзін на гэтым ўзроўні не дэкларуюцца, але мы адчуваем, калі нешта адбываецца не так, як павінна быць. Яны засвойваюцца праз прыклад іншых (бацькоў, сяброў), напрыклад, паводзіны мужчын і жанчын у розных культурах. Гэты ўзровень адрозніваецца высокай эмацыянальнасцю. Парушэнні няпісаных правіл сур'ёзна ўплываюць на ўзаемаадносіны людзей. Напрыклад, у беларускай, як і ў французскай, культуры зварот да чалавека на «ты» замест фармальнага «вы» ў пэўных сітуацыях можа быць расцэнены як няветлівасць, бесцырымоннасць і нават агрэсіўнасць.

Сучасны чалавек выпрацоўвае сваю культуру не шляхам мэтанакіраванай дзейнасці па далейшым развіцці базавых ведаў, набытых ім за гады адукацыі, а пад уздзеяннем бесперапыннай

плыні асобных элементаў культуры, якія пастаянна назапашваюцца ў агульным працэсе культурнай дзейнасці. Такое назапашванне не ёсць вынік мэтанакіраваных высілкаў набыцця сістэматычных ведаў — гэта не адпавядае самой сутнасці жыцця ў наш тэхнічны век; яно адбываецца ў выніку пастаяннага прытоку са знешняга асяроддзя самай рознай інфармацыі [2, с. 43]. Структура нашай свядомасці ў моцнай ступені адлюстроўвае навакольны свет; змены, што адбыліся ў гэтым свеце, не маглі прайсці бясследна для нашай культуры. Імклівае развіццё сродкаў масавай камунікацыі адбіваецца на культуры ў цэлым і на міжкультурнай камунікацыі ў прыватнасці. Сучасную сітуацыю можна ахарактарызаваць наступным чынам: на нашай планеце існуюць некалькі велізарных тэрыторый, арганічна аб'яднаных у адну сацыяльную сістэму са сваімі культурнымі традыцыямі. Часцей за ўсё гэтыя тыпы культур вылучаюцца па кантынентальнай прыкмеце і з-за сваёй маштабнасці атрымалі назву *макракультур*. У іх складзе выяўляюцца як субкультурныя адрозненні, так і рысы падабенства, якія дазваляюць гаварыць аб самім факце існавання макракультур. Паміж макракультурамі існуюць глабальныя адрозненні, якія адбіваюцца на іх зносінах. У гэтым выпадку міжкультурная камунікацыя праходзіць незалежна ад статусу яе ўдзельнікаў, гэта значыць у гарызантальнай плоскасці. У той жа час, добраахвотна ці не, але многія людзі ўваходзяць у склад тых ці іншых грамадскіх груп, якія маюць свае культурныя асаблівасці. Са структурнага гледжання — гэта мікракультуры (субкультуры) у складзе макракультуры. У кожнай мікракультуры ёсць адначасова падабенства са сваёй мацярынскай культурай і адрозненне ад яе, што забяспечвае іх носьбітам аднолькавасць ва ўспрыманні свету.

Аднак у апошні час у кантэксце глабальных працэсаў назіраецца збліжэнне нацыянальных культур і каштоўнасцей, умацаванне культурных, камунікацыйных, цывілізацыйных сувязей, а дасягненні навукі і мастацтва, новыя формы сацыяльнай і палітычнай дзейнасці хутка распаўсюджваюцца і засвойваюцца ў сучасным свеце, утвараючы яго цэласнасць. Разам з тым, усё гэта не азначае ўніфікацыі культурных норм, спосабаў успрымання і ўсведамлення свету, культурных генатыпаў, сістэм, традыцый. Любы этнас, дзяржава, грамадства павінны ўспрымаць і пераймаць з глабальнай сістэмы агульнакультурных сувязей і ўзаемадзеянняў тое, што адпавядае іх традыцыям, менталітэту, псіхалагічнаму складу.

Такім чынам, каб у нашым складаным свеце заставацца самім сабой, культурныя адрозненні неабходна ўспрымаць як дадзенае і спрабаваць асвойвацца ў «чужой» культуры, не губляючы сваёй уласнай. «Агульная практыка, а не агульныя каштоўнасці — вось што вырашае надзённыя праблемы,— лічыць Геерд Хафстэдэ.— Адрозненні ў каштоўнасцях неабходна разумець, а адрозненні ў практыцы неабходна здымаць. Менавіта гэтыя два крокі — разуменне і вырашэнне праблем — з'яўляюцца перадумовай выжывання чалавецтва ў эпоху ўсеагульнай глабалізацыі».

На сёння ва ўніверсальных працэсах глабалізацыі ўдзельнічаюць усе краіны, усе народы і ўсе культуры. Па сутнасці, амаль у кожнай краіне можна сустрэць «Макдональдсы» і «Бургеркінгі», з'есці чызбургер ці гамбургер, выпіць колы ці фанты; зайсці ў аднолькава афармленыя і аднолькава абслугоўваемыя супермаркеты і модныя буцікі; пачытаць адныя і тыя ж часопісы і ўбачыць адны і тыя ж твары на іх глянцавых вокладках, паглядзець адныя і тыя ж (па сутнасці) забаўляльныя праграмы; убачыць амаль аднолькава апранутую моладзь з падобнымі заплечнікамі за спінай. Універсальныя ўмовы і сітуацыі вымушаюць людзей паводзіць сябе ў іх і рэагаваць на іх калі не аднолькава, то падобна.

Відавочна, што пад пагрозай аказваюцца менавіта функцыя_нальна-паводзінныя складнікі нацыянальных культур, якім пагражае ці знікненне, ці пераход у карнавальную сферу, ператварэнне ў інсцэніроўку ці кіч. Усведамленне гэтай пагрозы прымушае сёння розныя народы з асаблівай увагай адносіцца да сваіх гістарычных каранёў, мовы, традыцый, нацыянальных касцюмаў. Таму, напэўна, беларускія Каляды, рускую Масленіцу, восеньскі баварскі «Oktoberfest», вясенні «Schützfest» ці карэйскі «Чусок», венецыянскі ці бразільскі карнавал, іспанскую карыду, традыцыю насіць нацыянальны касцюм можна разглядаць як форму захавання нацыянальна-спецыфічнага насуперак напору глабалізацыі. Неабходна ўлічваць той факт, што ў працэсе міжкультурнай камунікацыі чалавек выступае як творчая асоба, homo creator. Таму ў рэальных міжкультурных зносінах камуніканты імкнуцца як да талерантнасці, адаптацыі, узаемнага культурнага асацыіравання (адзінства), так і да выразнасці пэўнай, яскрава акрэсленай нацыянальна-культурнай ідэнтыфікацыі.

Асаблівае значэнне ў культурнай інтэграцыі адводзіцца сродкам масавай інфармацыі. Іх ролю ў гэтым працэсе нельга акрэсліць

адназначна. Яны, безумоўна, валодаюць наборам характарыстык (хуткасць перадачы інфармацыі, даступнасць у любым месцы па ўсёй планеце, магчымасць сінхроннага перакладу з любой мовы і г.д.), якія дазваляюць увасобіць у жыццё ідэю інтэгральнай культуры. Аднак распаўсюджванне аднолькавых культурных узораў па ўсім свеце, адкрытасць межаў для ўплыву на культурныя зносіны, што ўсё больш пашыраюцца, прымушаюць гаварыць аб узмацненні працэсу глабалізацыі ў сучаснай культуры. Па сутнасці, глабальныя інфармацыйныя стэрэатыпы ў культурным плане могуць «замбіраваць» свядомасць і дзейнасць шырокіх мас амаль ва ўсіх краінах трэцяга свету. Інфармацыйныя культурныя стэрэатыпы, знешне заснаваныя на дэмакратычных прынцыпах, вельмі часта не ўтрымліваюць ідэалагічных элементаў ні адной рэлігіі, ігнаруюць і фундаментальныя гістарычныя карані, і рысы эканамічнага развіцця асобных краін [1, с. 27].

У свядомасці чалавека пад уплывам масавай культуры фарміруецца і ўтрымліваецца карціна свету, якая не заўсёды адэкватна адлюстроўвае рэальнасць, таму што, за выключэннем эліты, большасць удзельнікаў міжкультурнай камунікацыі асэнсоўваюць культурныя адрозненні не ў дастатковай ступені. Роля сродкаў масавай інфармацыі на мікраўзроўні вызначаецца тым, што праз газеты, тэлебачанне, інтэрнэт-рэсурсы і інш. прапагандуецца культура, для якой характэрныя відовішчнасць, стэрэатыпізацыя, стандартызацыя, даступнасць, зразумеласць і, як вынік, спрошчанасць. У рэшце рэшт ствараецца бачнасць даступнасці для індывіда іншага, больш лёгкага існавання, што садзейнічае падсвядомай перакананасці ў перавагах адпаведнага ладу жыцця, яго некрытычнага прыняцця і ідэалізацыі. І толькі сутыкнуўшыся з прадстаўнікамі іншых культур, спажывец інфармацыі выяўляе, што звыклыя для яго мадэлі паводзін перастаюць працаваць, што адны прафесіі, месцы адпачынку, магазіны і г.д. больш прэстыжныя, чым іншыя, і шлях да прапагандуемага поспеху няпросты, а часам і недасягальны. У выніку немагчымасць ажыццяўлення тых ці іншых ідэй можа прывесці да пачуцця непаўнавартасці ў адносінах да ўласнай культуры, страты ідэнтычнасці з уласнай культурай, адсутнасці ідэнтыфікацыі з культурай большасці, пачуцця адзіноты, парушэння ролевых чаканняў: трывогі, якая часам пераходзіць у абурэнне і агіду пасля асэнсавання культурных адрозненняў, і, як вынік, смяротнасці ад анарэксіі ў падлеткаў,

алкагалізму, наркаманіі, суіцыду, а гэта не што іншае, як прыкметы дэструктыўнай акультурацыі і нераадоленага культурнага шоку.

Такім чынам, важна асэнсаваць сам феномен міжкультурнага дыялогу ва ўсім багацці яго зместу (як сацыякультурны інстытут і працэс; як тып сацыякультурнай практыкі; як форму камунікацыі, зносін і г.д.). Вялікія магчымасці для гэтага маюць сродкі масавай камунікацыі, якія з'яўляюцца сістэмаўтвараючым элементам у дыялогу культур, партнёрстве цывілізацый, аказваюць велізарны ўплыў на грамадскую свядомасць і характар узаемадзеяння паміж культурамі.

Літаратура

1. Головлева, Е. Л. Основы межкультурной коммуникации / Е. Л. Головлева.— Ростов н/Д., 2008.

2. Моль, А. Социодинамика культуры / А. Моль.— М., 2005.

3. Общение. Текст. Высказывание.— М., 1989.

4. Прохоров, Ю. А. Культуроведение в преподавании русского языка: предмет, аспект или содержание обучения? / Ю. А. Прохоров // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации.— М., 1996.

5. Hirsch, E. D. Jr. Culture Literacy (What Every American Needs to know) / E. D. Jr. Hirsch.— Boston, 1987.

С. Н. Боровик, В. А. Борищик
Минск, Военная академия Республики Беларусь

Англо-американские заимствования в современном немецком языке

Как известно, процесс обновлений в лексике посредством заимствований происходит постоянно, но есть периоды в развитии языка, когда он особенно интенсивен. Говоря об англо-американизмах в современном немецком языке, следует отметить, что в конце XX — начале XXI вв. на немецких граждан буквально обрушился шквал заимствований из английского и американского английского языка, которые могут быть объединены в следующие подгруппы:

1. Bauen und Wohnen (Apartment, WC, Lift, Center).

2. Forschung, Wissenschaft und Technik (Equipment, Service, Standart).

3. Foto und Optik (Disc-Kamera, Flash, Shutter).

4. Gesundheit, Medizin, Kosmetik (Aids, Body Lotion, Make-up, relaxen).

5. Informationstechnik (Bit, Byte, CD-Rom, Computer, editieren, Hacker).

6. Kultur und Bildung, Literatur und Kunst (Bestseller, Love-Story, Promoter).

7. Nahrungs — und GenuBmittel, Gastronomie (Chips, Cream, grillen, Fast food).

8. Natur und Umwelt (Greenpeace, Smog, Setter).

9. Schaugeschaft und Unterhaltung (Musical, Actionfilm, Personality-Show, Star).

10. Sport, Spiel, Freizeit (Baseball, Beach-Volleyball, Jogging, Start, Team).

11. Staat, Recht, Politik, (Check point, Holocaust, killen, Royalty).

12. Szene — und Jugendjargon (cool, O.K., Punk, Tattoo, Trouble).

13. Telekommunikation, Post (Handy, Hotline, Jnternet, E-Mail).

14. Verkehrswesen, Seefahrt (Cab, chartern, Crash, Jeep, Luxusliner, SOS, Truck).

15. Wirtschaft, Handel, Finanzen (Boom, Chipkarte, Discountgeschaft, Holding).

16. Mensch — Berufsleben, Tatigkeit (Babysitter, Bodyguard, Controller, jobben, managen) [1, c. 35].

С точки зрения освоения английских заимствований выделяют три группы:

1. Слова, написание и произношение которых схоже с немецкими словами, например: Sport, Start, Test, Trick.

2. Слова, написание которых немецкое, а произношение — английское, например: Team, Hobby, Party, Training.

3. Слова, которые имеют английское произношение и легко адаптируются в немецком языке, например: Job, Steak, Toast. Wolf Schneider считает данную классификацию недостаточно полной, т.к. она не отражает «die scheinbar deutschen Wörter» — мнимые немецкие слова.

Рассматривая изменения значений иностранной лексики в языке-реципиенте, отмечается и тот момент, что интернационализмы могут усваиваться в разных языках с разными значениями. Примерами тому служит английское слово «*киллер»,* которое в русском языке означает «наемный убийца», а в немецком имеет

значение «нечто, что несет разрушающее действие, вызывая гибель». В этом значении *der Killer* участвует в серии новых сложных слов. Например, *Ozonkiller, Quotenkiller, Schmerzkiller, Soft-Ware-Killer-Virus* [2, с. 178]. Многозначность слова в немецком языке перекликается с его полисемией в исходном языке. С точки зрения семантического освоения, заимствования могут как становиться основным средством номинации нового предмета или явления (*Lunchpakett, Notebook, Duty-Free(–Shop)),* так и иметь более или менее точные синонимы в немецком языке: *Client = der Kunde, Magazin = die Zeitschrift, Airport = der Flughafen.*

То, что англо-американизмы переполнили немецкий язык, более чем очевидно. Главной причиной ученые считают назойливость рекламы по радио, телевидению и в прессе. Кроме этого, в самой прессе люди постоянно сталкиваются с англо-американскими вкраплениями. Причем замечено, что новые заимствования встречают одобрение и поддержку именно у людей, определяющих лицо массовой информации (радио, TV, пресса), и у молодых носителей языка.

Давно известно, что иностранные слова часто имеют перед родными синонимами то преимущество, что с помощью таких слов человек утверждает свой культурный и общественный авторитет, заявляет свои претензии на культурное и деловое превосходство. Их употребление диктуется желанием подчеркнуть уровень информированности о новом, современном, технически приоритетном. Этот мотив может объяснить, в ряде случаев, переход от немецких наименований к английским. Некоторые снобистски настроенные группы носителей языка полагают, что употребить в разговоре английские слова *happy*, *fashinable* престижнее или «элегантнее», чем немецкие *glucklich*, *modisch*. А сам разговор на общие темы, то, что прежде именовалось *Konversation*, ныне в ситуациях, когда речь идет о званом приеме гостей, о непринужденной беседе высокопоставленных лиц и т.п., называют *small talk*. И даже лингвисты пользуются обозначением *das Smalltalk* как термином, говоря об этом типе речевой коммуникации. О престижности обозначения свидетельствует перенос его из области дипломатических и светских разговоров в сферу обслуживания. Нередко можно встретить престижные английские слова-наименования гастрономии, употребленные вместо более «скромных» немецких. Например, *Poridge* вместо *Haferbrei*, *Crab-*

Meat вместо *Krabbenfleisch*. В молодежных слоях носителей языка постоянно отмечается мода на престижные англо-американизмы *mein Dad(dy)* или *my family*.

Итак, заимствования, особенно обозначающие нечто актуальное для современной жизни общества, довольно быстро вливаются в немецкий язык и употребляются его носителями в разных видах коммуникации. И более того, эти англо-американские заимствования быстро вступают в акты дальнейшего инновационного процесса. Так, они становятся основой для новых обозначений, организованных способами словосложения, словопроизводства, аббревиацией и т.п. В результате возникают, например: 1. Software — Software — Entwicklung, Software — Spezialist, Software — Ingenier. 2. Rock — Rockmusik, Rockoper, rocken, rockig. 3. Jogging — joggen, der Jogger.

Процесс заимствования справедливо рассматривается как источник обогащения исконного словаря и яркий пример взаимодействия языков и культур, создания общих ценностей. Однако часто неоправданное заимствование слов английского и особенно американского происхождения вызывает и негативную реакцию в обществе, появляются высказывания о том, что этот процесс грозит потерей языковой и культурной идентичности.

Вопрос о сохранении немецкого языка как национального языка Германии встал в последние годы особенно остро. И прежде всего эта проблема заинтересовала лингвистов. Так, в 1997 г. профессором доктором В. Кремером было основано объединение «Немецкий язык» в Дортмунде. На данный момент — это самое крупное объединение в Германии, которое занимается проблемами языка. Оно разделено на региональные группы и имеет свой научный совет. Члены совета ставят своей целью сохранить немецкий язык как независимый и самобытный, тесно связанный с культурой немецкого народа. В особенности они стремятся оградить его от переполнения англо- американизмами. При этом они вовсе не ставят целью искоренить все англо-американизмы из немецкого языка, поскольку полностью изолировать язык от иноязычных заимствований невозможно. То, что английский язык стал международным языком науки, остается фактом. Для решения проблемы членами объединения была разработана специальная программа. Главная цель программы — по возможности максимальное снижение употребления в немецком языке англо-

американских заимствований, причем во всех областях жизни немецкого общества: в прессе, на радио и телевидении, в законодательных, научных текстах, языке рекламы, а также в устном повседневном общении.

Это социально значимый вопрос, и потому проблема интенсивного иноязычного влияния часто обсуждается не только специалистами, но и широкой общественностью. Подобная дискуссия на тему *«No future fur Deutsch. Wieviel Englisch verkraftet unsere Sprache?»* ведется в последние годы в ФРГ. Обилие английских заимствований (от 3500 до 6000 слов и выражений, зафиксированных в словарях) нередко создает проблемы в процессе коммуникации (исключение составляет профессиональная коммуникация) [3, с. 149]. По данным опросов, только 49 % западных немцев и 26 % восточных немцев в достаточной мере владеют английским языком. Появилось такое понятие, как *Denglisch* — акроним *deutsch* и *englisch* (немецкий и английский языки), что является тревожным сигналом о засорении немецкого языка.

Литература

1. Hermann Fink. Echt cool-Überlegungen zur Amerikanisierung der Allgemein- und Jugendsprache in der Bundesrepublik Deutschland. Denglisch, nein danke! Paderborn.— 2001.— S. 33–51.

2. Hermann, H. Dieter. Denglisch großgeschrieben. Versuch zu einer sachlichen Polemik. Denglisch, nein danke! Paderborn.— 2001.— S. 171–182.

3. Галимова, Л. А. Англо-американизмы в немецком языке: употребление и семантика / Л. А. Галимова.— Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2006.— Т. 2.— С. 148–150.

М. Н. Ветчинова
Курск, Курский государственный университет

Взаимосвязь культуры и образования

Глобальные задачи современности, поставленные мировым развитием, могут быть решены только высокообразованными и культурными личностями, поскольку человек в современной социокультурной ситуации находится на рубеже культур, взаимодействие с которыми требует от него диалогичности, понимания, уважения культурной идентичности других людей.

В понимании и осмыслении культуры других народов важную роль играет образование, которое является механизмом трансляции культурных ценностей, норм, идеалов, форм воспроизводства национально-культурного мира, оказывает влияние не только на формирование ценностного сознания человека, но и на его способность успешно участвовать в межкультурном диалоге.

В современных концепциях содержания образования традиционно выделяют четыре главных составляющих, благодаря которым происходит образование личности, формирование ее культуры — знания, умения, опыт творческой деятельности и духовное развитие. Учет в содержании образования данных составляющих реализуется путем приобщения к человеческой культуре, взятой в аспекте социального опыта. Е. П. Белозерцев говорит о том, что «образование — необычный факт, исключительное явление истории и культуры любого народа…» [3, с. 21]. Следовательно, образование должно быть ориентировано прежде всего на сохранение, развитие и трансляцию культуры.

Соотношение образования и культуры — теоретический вопрос, всегда интересовавший исследователей гуманитарного цикла наук. Феномен образования в контексте культуры изучали такие ученые, как Э. С. Баллер, М. М. Бахтин, В. С. Библер, А. П. Валицкая, Б. С. Гершунский, В. Е. Давидович, М. С. Каган, И. А. Колесникова и другие. Исследователи данного феномена отмечают, что образование и культура представляют собой две стороны генетически единого процесса развития человечества и общества, взаимодействие которых обеспечивает производство, трансляцию и усвоение знаний и ценностей.

Общие подходы к содержанию образования дополняются авторскими концепциями, которые углубляют уже имеющиеся. В них выявляется глубокая взаимосвязь культуры и образования, а также тот факт, что идея культуры оказывает существенное влияние на образование, так как при определении важных педагогических категорий приходится опираться на такое очень емкое понятие, каким является культура. Например, концепция Е. В. Бондаревской обосновывает положение о целесообразности воспитания в контексте культуры. Н. Е. Щуркова рассматривает организацию воспитания как фактор вхождения российского общества в мировую культуру. Исследования груп-

пы психологов во главе с И. А. Зимней основаны на понимании воспитания как процесса формирования отношения человека к миру.

Современные концепции актуализируют взаимосвязь культуры и образования, а также роль образования в формировании культуры личности.

Проблема взаимозависимости, взаимосвязи понятий «образование» и«культура» изучалась многими учеными, общественными деятелями, писателями. Абсолютное большинство философских и культурологических исследований прошлого рассматривают феномен культуры через категорию духовности общества и человека. Такая точка зрения традиционна для отечественной культурологической мысли. А. Н. Радищев, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Ф. М. Достоевский, Н. А. Бердяев, М. А. Булгаков, А. Ф. Лосев, В. С. Соловьев рассматривали культуру как воплощение духовности человека. В этом они видели способность человека оставаться человеком, его направленность на другого, на благо общества, способность к состраданию, сопереживанию, любви. Культура определялась как объективность, которая выражается в реальной творческой деятельности человека, при этом творчество и выход за пределы утилитарных целей рассматривались как важнейшая ее характеристика. Считалось, что деятельность должна удовлетворять и духовные запросы и быть направленной на поиск сакрального смысла бытия. Полагалось, что истинное предназначение культуры в борьбе с хаосом и внутри, и вне человека [13, с. 102].

К концу XIX века для отечественных культурфилософов «культура» становится понятием, выражающим результативность, самую суть деятельности субъекта и служащим основой ее разносторонней оценки. Человек стал рассматриваться как субъект культуры [10, с. 98]. Даже само определение «культуры» в конце XIX века связывается с человеком. Уже в 1896 году в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона под культурой «разумеется известная степень образованности… также понимается культура духовная (язык, обычаи, нравы, верования, знания, литература и т.п.)» [5, с. 266].

Таким образом, в XIX веке культура стала рассматриваться применительно к человеку, его образованию, просвещению, его духовной жизни. «Культура» выступала синонимом «просвеще-

ния», «образования» как понятие, тождественное внутреннему строю и характеру духовной жизни народа. «Просвещение» и «культура» как синонимы встречаются и в философском лексиконе славянофильства. В научных работах изучаемого периода также часто употреблялись понятия «просвещение», «просвещенный», «образованный», которые рассматривались в качестве синонимов термина «культура», «культурный».

Сегодня трудно или просто невозможно говорить об общей концепции культуры, в лучшем случае можно опираться на два-три варианта-подхода, которые отражают основные тенденции в этом вопросе. Наиболее сформировавшимися являются два из них — культура как вторая природа, созданная человеком и создавшая его, и культура как детерминированное поведение человека (воспроизведение или следование культурному образцу — паттерну).

В. С. Степин рассматривает культуру как систему мировоззренческих универсалий. М. С. Каган, В. К. Егоров считают, что культура производна от деятельности человека и является четвертой формой бытия. Для Т. В. Холостовой «культура — всеохватывающее понятие общественной жизни. Все, что создано человеком, а не взято им готовым от природы, может быть рассмотрено как культура» [9, с. 5]. П. С. Гуревич рассматривает культуру как развертывание человеческих сущностных сил. А. И. Арнольдов определяет «культуру как совокупность прогресса человека и человечества во всех областях и направлениях при условии, что этот прогресс служит духовному совершенствованию индивида» [1, с. 10].

Таким образом, в философии понятие «культура» представлено в тесной взаимосвязи с человеком, его деятельностью, что предопределяет духовное, нравственное развитие и совершенствование личности.

Для педагогики, психологии, лингвистики, социологии наиболее актуальным, с нашей точки зрения, является антропо-социологический подход к культуре, акцентирующий внимание на ее формирующей силе, способности организовывать и образовывать жизнь конкретного индивида и общества в целом.

Чаще всего культуру как социальный феномен определяют через ценностные ориентации. Ценность — это личностно окрашенное отношение к миру, возникающее на основе не только знания и информации, но и собственного жизненного опыта человека [7, с. 119]. Ценность выражает человеческое измерение культуры, во-

площает в себе отношение к формам человеческого бытия, человеческого существования.

Ориентация на духовные ценности определяет стремление человека к справедливости, правдивость, альтруизм, совестливость, широту души, мудрость, талантливость, склонность к философскому восприятию жизни. Н. Д. Никандров считает более правильной ориентацию на относительно немногие, наиболее значимые ценности, которые и представляют собой обобщенные цели воспитания [11, с. 10].

В концепции личностно ориентированного образования прочно утвердилось положение о том, что человеческие ценности должны возродиться в опыте личностной сущности. Личностно то, что изначально самоопределяется человеком, выстраивается как его собственный мир. Мысль о необходимости включения в содержание, кроме задаваемых извне стандартных компонентов, еще и эмоционально-ценностных, личностных элементов, которые неотрывны от самого процесса обучения с присущим ему межсубъектным общением, присутствует в различных концепциях образования (В. С. Ильин, М. С. Каган, И. Я. Лернер и др.).

Культура личности всегда формируется под воздействием социально-экономических, политических и идеологических факторов, культурно-исторических условий, особенностей конкретного этапа исторического развития общества. По мнению Н. Б. Крыловой, «включая сложную систему ценностей, норм и традиций, культура складывается как синтез накопленного творческого опыта, поисков и открытий, которые помогают сохранить устойчивость общества и реализовать его потенциал» [10, с. 100].

Основа социального подхода к определению культуры состоит в рассмотрении этого явления как отличного от природы, от биологического и физиологического, не замкнутого на отдельной личности, но присущего группе людей, связанных общением [6, с. 23]. В таком подходе в центре внимания находится тот факт, что люди не рождаются с определенной культурой, а приобретают ее в ходе общения, на основе социальной деятельности [8, с. 12].

«Чужая культура,— писал М. М. Бахтин,— только в глазах другой культуры раскрывается полнее и глубже… один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость этих смыслов, этих культур. Мы ста-

вим чужой культуре новые вопросы, каких она себе не ставила, мы ищем в ней ответ на наши вопросы, новые смысловые глубины. При такой диалогической встрече культур они не сливаются и не смешиваются, каждая из них сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимообогащаются [2, с. 40].

Таким образом, в огромном количестве идей, накопленных в научной мысли, обнаруживается неразрывная связь культуры и образования. Анализ различных подходов к проблеме «культура» позволяет сказать, что культура — это продукт общественной деятельности, система мировоззренческих универсалий, которые служат духовному совершенствованию человека, развитию его личностных качеств.

В современных условиях решение многих социальных проблем определяется качествами человека, его личностным потенциалом, который детерминирует культурный процесс. Е. И. Пассов утверждает, что не знания, умения и навыки должны быть содержанием образования, а именно культура, а главной образовательной парадигмой должна быть не знаниецентрическая, а культуросообразная. Он отождествляет «образование» с «лабораторией высокой моды» [12, с. 12].

Безусловно, сегодня в условиях кардинальных изменений общества образование приобретает иные функции и наполняется новыми смыслами. По мнению Е. В. Бондаревской, «спасти культуру может образование, если возьмет на себя миссию воспитания человека культуры. Для этого образование должно наполниться культурными смыслами. Культурные смыслы образования — это есть его человеческие смыслы» [4, с. 58].

Благодаря осознанию глубокой взаимосвязи образования и культуры в педагогической науке обозначился концептуальный поворот в русло идей культурной педагогики. Складывается парадигма воспитания с позиции культуры (Е. В. Бондаревская, А. П. Валицкая, Н. Б. Крылова, Н. Е. Щуркова и другие). Ведущей целью современного образования становится воспитание человека культуры, формирование и развитие личности, способной к саморазвитию и самоопределению в обществе, в культуре, в профессии.

Следовательно, положение о том, что образование — часть культуры, объясняет тот факт, что именно культурологический подход является методологической основой в системе образова-

ния, ориентированной на человека. Этот подход имеет гуманитарную и аксиологическую направленность. Важность такого подхода к образовательному процессу состоит в том, что он побуждает к культурному развитию личности.

Таким образом, осознание глубокой взаимосвязи образования и культуры, необходимости культурного императива в определении содержания образования дает основание говорить о культурологическом смысле образования, включающего в себя культуру как целостное развивающееся явление, как совокупность материальных и духовных ценностей, как специфический способ человеческой деятельности и как процесс творческой самореализации человека. Именно поэтому актуализируется осознание значимости роли образования как социокультурного феномена, неотъемлемой части культуры и фактора ее развития, играющего огромную роль в формировании культуры личности, способной и готовой участвовать в межкультурной коммуникации.

Литература

1. Арнольдов, А. И. Человек и мир культуры : введение в культурологию / А. И. Арнольдов.— М. : Изд-во МГИК, 1992.

2. Бахтин, М. М. Эстетики словесного творчества / М. М. Бахтин.— М. : Искусство, 1986.

3. Белозерцев, Е. П. Образование: историко-культурный феномен / Е. П. Белозерцев.— СПб., 2004.

4. Бондаревская, Е. В. Теория и практика личностно-ориентированного образования / Е. В. Бондаревская.— Ростов н/Д. : Изд-во РПУ, 2000.

5. Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон.— Т. 33.— СПб. : типо-лит. И. А. Ефрона, 1896.

6. Верещагин, Е. М. Язык и культура : Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров.— М. : Русский язык, 1990.

7. Гуревич, П. С. Философия культуры / П. С. Гуревич.— М., 1995.

8. Зимняя, И. А. Общая культура человека в системе требований государственного образовательного стандарта / И. А. Зимняя, Б. Н. Боденко [и др.].— М. : Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 1999.

9. Каган, М. С. Культура-философия-искусство / М. С. Каган, Т. В. Холостова. — М. : Знание, 1988.

10. Крылова, Н. Б. Эстетический потенциал культуры / Н. Б. Крылова.— М. : Прометей, 1990.

11. Никандров, Н. Д. Ценности как основа целей воспитания / Н. Д. Никандров // Педагогика.— 1998.— № 3.— С. 8–12.

12. Пассов, Е. И. И не надо догонять Америку / Е. И. Пассов // Литературная газета.— 2008.— № 5.— С. 12.
13. Флоренский, П. А. Сочинения : в 4-х т. / П. А. Флоренский.— Т. 2.— М. : Мысль, 1999.

И. Н. Воронович
Минск, Белорусский государственный университет
культуры и искусств

Культура, культурные изменения и религиозный релятивизм в концепции Лоуренса Харрисона

Лоуренс Э. Харрисон (Lawrence E. Harrison), американский ученый в сфере международного развития, некоторое время преподавал и возглавлял Институт культурных изменений Школы права и дипломатии им. Флетчера при Университете Тафтс (штат Массачусетс). Он является автором многочисленных книг и статей: «Кто процветает?», «Культура и экономическое развитие», «Главная истина либерализма. Как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя», «Евреи, конфуцианцы и протестанты: кульутрный капитал и конец мультикультурализма» и др. Среди них стоит отметить совместную работу с С. Хантингтоном «Культура имеет значение» [1].

Концепция Л. Харрисона представляется достаточно актуальной в свете происходящих событий в мире, где весомые аргументы приводятся в пользу экономической важности культуры: анализ причин и условий, определяющих вектор экономического развития и успеха различных стран, этнических групп иммигрантов, преуспевающих на чужой территории.

В этой связи концепция строится на основе двух базовых тезисов:

– экономическое развитие страны напрямую зависит от культуры;

– не все культуры в равной степени определяют прогресс страны.

Под культурой Харрисон понимает логически связанную систему ценностей, установок, институтов, которые влияют на все аспекты личного и коллективного поведения. А причины отсталости и процветания стран определяются культурным различи-

ем обществ. Так, ряд культурных особенностей способствует модернизации, а другие, наоборот, влияют на спад экономического развития страны. Также он подчеркивает проблематичность взаимоотношения с культурой, т.к. она «представляет собой и интеллектуальную проблему, поскольку ее нелегко определить и измерить… она состоит в запутанных причинно-следственных отношениях с такими явлениями, как политика, общественные институты, экономическое развитие» [1, с. 34].

В своей концепции Харрисон предлагает отделять искусство, литературу и музыку от культуры и придерживаться теории аргентинского политолога и ученного Мариано Грондона. Последний выделил 25 факторов культуры, способствующих прогрессу и одновременно сопротивляющихся ему: образец культуры США выступил как способствующий прогрессу, а культурные образцы Аргентины, Латинской Америки — сопротивляющиеся. Его типология была доработана и дополнена И. Цконием, Л. Харрисоном, М. Марини, Р. Инглехартом и представлена следующими категориями: мировоззрение (религия, судьба, ориентация во времени, богатство, знание); ценности и добродетели (этический кодекс, житейские добродетели, образование); экономическое поведение (труд/достижения, бережливость, предпринимательство, готовность к риску, конкуренция, инновации, продвижение в должности); социальное поведение (верховенство права/коррупция, радиус идентификации и доверия, семья, общественные связи, индивид/группа, власть, роль элит, отношения между государством и церковью, взаимоотношения полов, рождаемость) [2, с. 32–34]. Те факторы, которые способствуют развитию, логично относить к факторам высокого культурного капитала, а те, которые тормозят,— факторы низкого культурного капитала.

Из перечисленных факторов особое значение Харрисон уделяет социальным установкам и религиозным традициям. Религия является «главным источником ценностей, верований и установок — аспектов культуры, в наибольшей степени влияющих на те виды поведения, которые оказывают мощное воздействие на ход общественной эволюции» [2, с. 15]. Особое внимание акцентируется на религиозном релятивизме, а именно на равноправии и равноценности всех религий, вследствие чего они не могут быть предметом сравнительных ценностных суждений. Так, презумпция религиозного релятивизма прослеживается на Западе.

По мнению Харрисона, влияние религии, исповедуемой большинством населения страны, определяет вектор ее модернизации или, наоборот, препятствует. Объектом исследования стали 117 стран с одной из доминирующих религий численностью более 1 млн. человек — протестантизм, католицизм, православие, буддизм, ислам, индуизм, конфуцианство, иудаизм. Среди основных индикаторов экономического прогресса Харрисон выделяет: индекс развития человеческого потенциала (образование, здравоохранение, данные о доходах), грамотность, женская грамотность, рождаемость, общая свобода, демократия, ВВП на душу населения, коэффициент Джини (уровень неравенства в распределении доходов), доверие, коррупция [2, с. 57].

Исследование проводилось на основе господствующей религии в той или иной стране. Однако сам автор концепции отмечает, что искажения в данных неизбежны, так как в «рамках одной и той же религии существуют разделения, встречные течения и национальные варианты» [2, с. 60]. Так, баски, наделенные высоким уровнем предпринимательства, творчества, следуют не всем постулатам католицизма; прослеживаются четкие различия и в исповедовании ислама в Индонезии и Саудовской Аравии; несмотря на то, что Южная Корея считается конфуцианской страной, многие корейцы следуют традициям других религий, самой многочисленной из которых является христианство.

Сопоставляя полученные данные, Харрисон определяет следующие позиции своей концепции:

1. *«Протестантизм в гораздо большей степени способствует модернизации, чем католицизм, и в первую очередь, в западном полушарии» [*2, с. 61]. По многим показателям протестантские страны занимают более высокую позицию, чем католические. В том числе, большинство протестантских стран находятся в «первом мире», в отличие от католических.

2. *«Скандинавские страны — чемпион прогресса»* [2, с. 64]. Такие страны, как Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания, Исландия относятся к лидерам экономического прогресса и конкурентоспособности. Их высокое развитие обусловлено именно влиянием лютеранства.

3. *«Конфуцианство гораздо больше способствует модернизации, чем ислам, буддизм и индуизм»* [2, с. 66]. Конфуцианство зани-

мает высшие позиции в развитии, чем ислам, индуизм и буддизм. Под конфуцианством автор концепции понимает не столько учение Конфуция, сколько культуры Восточной Азии в целом, где конфуцианство вбирает в себя элементы даосизма, буддизма и других верований. Показатель доверия выше именно у представителей учения Конфуция. А вот такие страны, как Япония, Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур схожи с показателями католических стран по индексу человеческого развития, грамотности, в том числе и женской, ВВП на душу населения, распределению доходов.

4. *«Самая передовая православная страна — Греция — до приема новых членов в Европейский союз в 2004 г. была и самым бедным его членом. Существуют определенные параллели между православными и католическими странами. Однако в православных странах очевидным образом присутствуют остаточные явления, восходящие к опыту коммунистического правления»* [2, с. 66]. Представители христианства — православные и католики — развиваются параллельно, однако на большинство православных стран значительное влияние оказал коммунистический строй. Так, советская система образования в таких странах, как Беларусь, Болгария, Греция, Грузия, Македония, Молдавия, Россия, Румыния, Сербия, Украина, позволила занять первые места по уровню грамотности. Однако влияние коммунизма вывело эти страны в лидеры по коррумпированности.

5. *«Ислам практически во всех отношениях далеко отстал от западных религий и от конфуцианства. Между арабскими и неарабскими странами существует ряд значимых различий»* [2, с. 68]. Позиции ислама по отношению к западным религиям и конфуцианству достаточно далеки во всех аспектах, ибо мусульманский мир демонстрирует оппозицию модернизации. Индекс женской грамотности занимает самые низкие показатели в Египте, Марокко, Пакистане, Бангладеш. Показатель рождаемости в этих странах, наоборот, один из самых высоких в мире.

6. *«Демократические институты в индуистской Индии достаточно стабильны, и в последние два десятилетия страна переживает быстрый экономический рост. Но она очень сильно отстает в сфере образования, особенно для женщин, и показывает плохие результаты по Индексу восприятия коррупции»* [2, с. 70]. За последнее десятилетие отмечается высокий показатель экономического роста в индуистской Индии, однако отмечается высокий уровень

коррупции. Уровень грамотности по-прежнему достаточно низок, в частности, среди женщин. Одновременно отмечаются высокие результаты по показателю уровня общей свободы (как результат влияния британских политических взглядов, которые укрепились во времена колонизации) после протестантских стран.

7. *«Делать обобщения о буддизме трудно, но данные свидетельствуют, что он не является мощной силой модернизации»* [2, с. 71]. В целом, буддизм не обладает значимой силой, которая способствует модернизации. Монголия — одна из стран, где самый высокий уровень свободы, а самый низкий в Мьянме. Хотя в обеих этих странах преобладает буддизм. Харрисон отмечает, что подобные тенденции такого расхождения в буддистских странах наблюдаются и по другим показателям.

В этой связи он отмечает, что формирование культуры зависит от таких факторов, как религия, история, география. Последние подвержены изменениям, деформациям, которые непосредственно влияют на изменения культуры в целом, в частности на ее экономическую составляющую. Культуры, по его мнению, достаточно замкнуты, а изменение факторов, формирующих культуру, напрямую зависит от общества. Внешнее воздействие не способно оказать то влияние, которое могло бы изменить культуру. Например, политика США по отношению к Ираку, военное вмешательство и попытки установления демократии не увенчались успехом.

Существование религиозного релятивизма подвергается сомнению, поскольку взаимоотношения религия — человеческий прогресс свидетельствуют о том, что «некоторые религии больше, чем другие, способствуют продвижению демократической политической системы, социальной справедливости и процветанию» [2, с. 15]. Продвижение идей культурного и религиозного релятивизма составляет фундамент мультикультурализма. Последний все чаще критикуется, и констатируется «конец мультикультурализма». Доводы достаточно убедительны, как отмечает Харрисон, «в мультикультурных странах, где экономические возможности и стимулы открыты для всех, некоторые этнические и религиозные меньшинства нередко достигают гораздо лучших результатов, чем большинство населения, например, китайские иммигранты в Индонезии, Малайзии, Коста-Рике и США» [2, с. 17]. В целом, протестантские, иудаистские и конфуцианские общества достигают более высоких результатов в развитии, чем католи-

ческие, мусульманские, православные. Данная тенденция объясняется тем, что для первых характерно стремление к прогрессу, а вторые тяготеют к сопротивлению прогрессу ценностей.

Итак, религию нельзя рассматривать как единственный фактор, определяющий экономическое поведение страны, способствующее прогрессу. Поскольку культурные изменения возможны при трансформации системы воспитания (однако она очень сложно поддается изменениям), системы высшего образования, авторитета личности лидера. За каждым критерием и показателем достижений страны прослеживается кульутрный контекст. Несомненно, культурные факторы объясняют не все происходящие процессы, но имеют значимые позиции.

Литература

1. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона.— М. : Московская школа политических исследований, 2002.

2. Харрисон, Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты : культурный капитал и конец мультикультурализма / Л. Харрисон ; пер. с англ. Ю. Кузнецова.— М. : Мысль, 2016.

3. Беккин, Р. И. Бескультурный капитал : рецензия на книгу Л. Харрисона Евреи, конфуцианцы и протестанты. Культурный капитал и конец мультикультурализма / Р. И. Беккин // Проблемы современной экономики.— № 4 (56), 2015 — С. 350–352.

Л. И. Гаврилова
Курск, Курский государственный университет

Россия и Италия: взаимодействие культур

Известно, что обособление определенной культуры не идет ей на пользу. Для развития и роста культуры необходимы ее взаимодействие с другими культурами, укрепление диалога, взаимовлияние и заимствование. История сотрудничества между Россией и Италией складывалась на протяжении не одного столетия. И культурный диалог между двумя странами не только не прекращается, но и продолжает находить новые формы выражения, постоянно развиваясь и обновляясь. Это касается также политических, торгово-экономических и научно-технических связей между двумя странами. Спра-

ведливо отметил Н. А. Бердяев: «Италия для нас — не географическое, не национально государственное понятие. Италия — вечный элемент духа, вечное царство человечества» [2, с. 367].

Проанализировать культурный мост между Россией и Италией — задача не из простых, так как история русско-итальянских связей своими корнями уходит в глубину веков. Достаточно обратить внимание на «итальянский след» в жизни и творчестве наших великих соотечественников — художников, писателей, поэтов, критиков, театральных деятелей, которым судьба определила стать «“русскими итальянцами” и которые внесли значительный вклад в упрочение русско-итальянского духовного содружества» [3, с. 6]. Да и сами итальянцы, начиная с XV в., приезжали в Россию в качестве живописцев, архитекторов, музыкантов, в творческом наследии которых Россия почерпнула для себя уникальные возможности проявления итальянского стиля и вкуса как образа жизни в целом, восприятие которых требует особой внутренней подготовки. Как отметил Умберто Эко, «действительно, всегда трудно рассуждать про “итальянскую культуру” — точно также как затруднительно рассуждать про “итальянский пейзаж”» [7, с. 8]. Обращаясь к прошлому и настоящему, пытаясь найти общее в культурных традициях двух стран, мы видим, что диалог культур между Россией и Италией никогда не прекращался, а это в свою очередь поспособствовало развитию и укреплению русско-итальянских культурных связей. В связи с этим необходимо отметить и особое значение русской эмиграции в Италии XIX–XX вв., о чем свидетельствуют многочисленные современные исследования, посвященные культурному наследию русских в Италии и их роли в итальянском культурном пространстве. Данная тема важна и актуальна для развития культурного диалога между двумя странами и в настоящее время. Известно, что русское зарубежье стремилось впитать в себя особый колорит и дух итальянской культуры, в результате чего появились самые разнообразные работы на итальянскую тему. Для многих художников слова, музыкантов, театральных и общественно-политических деятелей Италия стала одним из главных источников вдохновения, духовной родиной, местом, где самые смелые идеи могли воплотиться в жизнь посредством различных видов искусства, научной и общественной деятельности. Исторически сложилось так, что Италия стала тем местом, где невозможно создавать некрасивые вещи. В. Ф. Ходасевич отмечал:

«Итальянцы не хуже своих предков — или не лучше. Господь Бог дал им их страну, в которой что ни делай — все выйдет ужасно красиво. Были деньги — строили дворцы, нет денег — взгромоздят над морем лачугу за лачугой, закрутят свои переулочки, из окна на ветер вывесят рыжие штаны либо занавеску, а вечером зажгут фонарь — Боже ты мой, как прекрасно! Здесь нет никакого искусства, ей-Богу, ни чуточки. Что они все выдумали? Здесь — жизнь, быт — и церковь… Понюхал бы ты, как они воняют: морем, рыбой, маслом, гнилой зеленью и еще какой-то специальной итальянской тухлятиной: сыром что ли? А выходит божественно! Просто потому, что не "творят", а "делают"» [5, с. 385]. Заметим, что Италия практически всегда присутствовала в русской литературе, как образ чего-то прекрасного, таинственного, идеального. Неудивительно, что после революций 1905 и 1917 гг. очень многие писатели, литературные деятели и критики избрали своей второй родиной Италию. Конечно, здесь трудно говорить о какой-то определенной сложившейся писательской традиции, но все же масштабность этого явления и его значение обращают на себя внимание. Как отмечает О. Р. Демидова, «для большинства эмигрантов Италия была, прежде всего, фактом сознания, страной, с которой связывался вполне определенный комплекс идей и историко-культурных ассоциаций, а не представления о бытовой стороне повседневности» [4, с. 260]. Многие русские писатели-эмигранты начали печататься на итальянском языке, выполняли переводы, писали критические статьи, распространяли русские произведения на итальянском языке. К 1917 г. сформировались прочная традиция бытования рус- ского текста на итальянском языке, налаженное сотрудничество с издательствами. А вот, как верно заметил Стефано Гардзонио, «"итальянский текст" русской литературы развивался поэтически и лингвистически постепенно и со сложными разветвлениями. Как на формальном, так и на тематическом уровне утверждались специфические отличительные черты, текстовые сигнализаторы, которые привели к определению настоящей культурно-поэтической традиции» [6, с. 9]. В какой-то степени «итальянский текст» присутствует и в литературно-критическом наследии В. Ф. Ходасевича. Его воспоминания об Италии и итальянцах представляют собой достаточно разнообразный материал, который предлагает читателю погрузиться в итальянскую действительность с ее деталями и нюансами. Достаточно интересна в этом отношении и тема

Венеции, о которой не раз писалось в истории русской литературы. Привлекательность города на воде (как и всей Италии) не оставила равнодушным и ведущего критика русского зарубежья. Известно, что в Италии Ходасевич провел всего два месяца. За это время он посетил Венецию, Рим, Турин. Встретился с П. Муратовым, Н. Оцупом и О. Синьорелли. Н. Берберова вспоминала: «И вот мы в Италии. Сперва — неделя в Венеции, где Ходасевич захвачен воспоминаниями молодости и где я сначала подавлена, а потом вознесена увиденным… В Венеции Ходасевич был окрылен и подавлен: здесь когда-то он был молод и один, мир стоял в своей целости за ним, еще не страшный. Теперь город отбрасывал ему отражение того, что есть: он не молод, он не один, и никто и ничто не стоит за ним, защиты нет» [1, с. 249–250]. Действительно, впечатления Ходасевича от Венеции были самыми противоречивыми: от восторга до трагической опустошенности. Особенно интересным представляется тот факт, что В. Ф. Ходасевич был не согласен с распространенным определением Венеции как города для влюбленных. Так, в своем очерке «Город разлук» он определяет Венецию как город разлук и дает этому свое развернутое объяснение: «Здесь века научили людей спокойно встречаться и расставаться безбольно. Венеция — город разлук. Для того, кто задумал пропасть навсегда без вести,— путь лежит через Венецию: здесь скоро разлюбишь былое, от всего оторвешься без боли и легко пойдешь куда глаза глядят… Нет, не пускайте влюбленных в Венецию. Там цепи становятся паутиной. Там учишься великому искусству: разлюблять» [8, с. 14–15]. Можно предположить, что именно Венеция для В. Ф. Ходасевича стала отправной точкой в его восприятии и понимании Италии в целом. Для поэта и критика Венеция ассоциировалась и с определенными моментами его жизни, где она иногда выступала главным критерием оценки ситуации.

Вспоминая прошлое, необходимо обратить внимание и на современность, в частности, на процесс популяризации русского языка и русской культуры в Италии сегодня, который продолжает укреплять и обновлять культурный диалог между двумя странами: появляются новые интересные совместные проекты, исследования, публикации. Безусловно, популярность того или иного языка распространяет любую культуру, дает преимущества его носителям, а это в свою очередь приумножает интерес к этой же культуре и повышает лояльность к странам этой культуры в мире. Например, с момента открытия «Русского центра» в Пизе (Centro

Russo di Pisa) в 2011 году проводятся различные тематические мероприятия, главной целью которых является наиболее детальное и пристальное знакомство с русской культурой и русским языком. В целом, популяризация любого языка — явление особое, требующее более детальной проработки и особого подхода. В этом отношении популяризация русского языка за рубежом не является исключением. До недавнего времени существовало мнение, что русский язык не самый популярный язык в мире. Современное социокультурное пространство доказывает обратное. Появляется тенденция и даже мода на все русское. Известно, что русских классиков изучают и почитают во всем мире, но не следует ограничиваться только литературой, потому что истинную популярность язык обретает, став языком международного общения, а это обеспечивается культурным обменом. В этом отношении ведется активная работа: известно множество успешных европейских проектов по культурному обмену и не только, ведется целенаправленный культурный диалог между разными странами мира. Продолжают создаваться центры русского языка и культуры в тех странах, где наблюдается наибольший интерес к всему русскому — это Италия, Франция, Финляндия и многие другие. Похвально, что и на государственном уровне в России популяризация русского языка приобрела особый статус. Так, в 2013 г. был создан Совет по русскому языку при правительстве России, целями которого стали рассмотрение ключевых вопросов в области государственной поддержки и развития русского языка и выработка предложений по совершенствованию государственной политики в указанной сфере. Кроме того, Совет занимается популяризацией русского и проведением общественной экспертизы проектов федеральных законов, связанных с многочисленными вопросами языка. Сегодня есть все возможности для того чтобы русский язык выступил одним из главных средств восстановления единства культуры России и русского зарубежья в целом. Вопрос популяризации русского языка и культуры в Италии остается одним из важнейших для русско-итальянских культурных связей.

Таким образом, имея богатую историю взаимодействия двух культур, сегодня у России и Италии есть все возможности для укрепления и дальнейшего развития культурно-исторических связей, появления и распространения новых форм культурного сотрудничества.

Литература

1. Берберова, Н. Н. Курсив мой : автобиография / Н. Н. Берберова.— М. : Согласие, 1996.
2. Бердяев, Н. А. Философия творчества, культуры и искусства / Н. А. Бердяев.— В 2-х т.— Т. 1.— М. : Искусство, 1994.
3. Бочаров, И. Н. Итальянская пушкиниана / И. Н. Бочаров, Ю. П. Глушакова.— М. : Современник, 1991.
4. Демидова, О. Р. «Образы Италии» и зарубежная Россия (1920–1930-е гг.) / О. Р. Демидова // Русские в Италии: культурное наследие эмиграции. Международная научная конференция ; сост., науч. ред. М. Г. Талалая.— М. : Русский путь, 2006.
5. Письмо В. Ф. Ходасевича С. В. Киссину (Муни) от 1 июля (18 июня) 1911 г. // В. Ф. Ходасевич.— Собр. соч. : в 4 т. Т 4.— М. : Согласие, 1997.
6. Гардзонио, С. По поводу «фэзуланского» сонета Вячеслава Иванова / С. Гардзонио // Статьи по русской поэзии и культуре XX века.— М. : Водолей Publishers, 2006.
7. Эко, У. Универсальный язык Италии / У. Эко // Еда: итальянское счастье / Е. А. Костюкович.— М. : Эксмо, 2007.
8. Ходасевич, В. Ф. Ночной праздник. Собр. соч.: в 4 т. Т 3. / В. Ф. Ходасевич. — М. : Согласие, 1997.

Е. А. Гайдукевич
Киев, Киевский национальный университет
культуры и искусств

Фестиваль как форма межкультурной коммуникации современной молодежи

В современной культуре одной из наиболее востребованных форм массового праздника является фестиваль. Непрерывно расширяясь, фестивальное движение захватывает все новые пласты культурного пространства. Активизация фестивального движения обусловлена тем, что оно обладает широкими возможностями в создании условий для массовой коммуникации.

Выступая необходимой составляющей общей культурной панорамы страны, фестивали формируют ее культурную идентичность, популяризируют национальную культуру, являются формой культурной интеграции и международного культурного обмена.

Фестиваль дает уникальную возможность не только присоединиться к искусству, собрать широкую аудиторию в едином

культурном пространстве, но и создать условия для непосредственного участия в творческом процессе.

Фестиваль, выступая неотъемлемой частью современной культуры, открывает уникальные возможности именно для межкультурной коммуникации, вследствие которой понимание между представителями разных культур существенно увеличивается. Анализируя фестиваль как форму разноуровневого общения, считаем целесообразным разобраться в его этимологическом значении.

Термин «фестиваль» происходит от французского слова «festival», которому предшествует латинское название «festivus» и дословно переводится как «веселый, праздничный». В украинской советской энциклопедии фестиваль определяется как «массовый праздник, который включает показ достижений в отрасли музыки, театра, кино, эстрады» [15, с. 565]. В толковом словаре живого великорусского языка В. Даля определение фестиваля сводится к «большому музыкальному торжеству; пирушке, вечеринке» [6, с. 339]. В словаре русского языка С. Ожегова содержится следующее определение понятия фестиваль: «широкая общественная праздничная встреча, сопровождающаяся смотром достижений каких-нибудь видов искусства» [10, с. 848]. В музыкальной энциклопедии фестиваль рассматривается как «празднества, состоящие из цикла концертов и спектаклей, объединённые общим названием, единой программой и проходящие в особо торжественной обстановке» [8, с. 573]. Как видим, понятие «фестиваль» трактуется как некое праздничное событие, торжество.

Необходимым условием жизнедеятельности человека по праву можно считать коммуникацию, которая отображает потребности мирового развития. Впервые понятие «межкультурная коммуникация» было сформулировано в работе американских лингвистов Г. Трейгера и Э. Холла «Культура и коммуникация. Модель анализа» (1954 г.). В исследовании «межкультурная коммуникация» рассматривалась как идеальная цель, стремясь к которой, человек сумеет как можно лучше приспособиться к окружающему миру.

В советском энциклопедическом словаре (1989 г.) коммуникация (лат. *communicatio*, от communico — делаю общим, связывая, общаюсь) рассматривается как «специфическая форма взаимодействия людей в процессах их познавательно-трудовой деятельности, осуществляющаяся главным образом при помощи языка» [14, с. 617].

Феномен коммуникации рассматривают также ученые-лингвисты Е. Верещагин и В. Костомаров («Язык и культура», 1990). Межкультурную коммуникацию исследователи трактуют как «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [4, с. 26].

Исследователь М. Василик убежден, что в многоаспектном понятии «коммуникация» целесообразно выделить следующие основные значения: универсальное (при котором коммуникация рассматривается как способ связи любых объектов материального и духовного мира), техническое (соответствующее представлению о коммуникации как о пути сообщения, связи одного места с другим), биологическое (широко используемое в биологии при исследованиях сигнальных способов связи у животных, птиц, насекомых и т.д.), социальное (используемое для обозначения и характеристики многообразных связей и отношений, возникающих в человеческом обществе) [11, с. 11].

Исследователь Л. Гришаева считает, что межкультурное общение представляет собой процесс коммуникативного взаимодействия между индивидами, являющимися носителями разных культур и имеющими свой собственный языковой код, конвенции поведения, ценностные установки, обычаи и традиции (см. [5, с. 296]).

Как видим, в научной литературе понятие межкультурной коммуникации вызывает множество дискуссий, что дает нам основания для выделения следующего синонимичного ряда: межэтническая коммуникация — кросс-культурная коммуникация — межкультурная интеракция. В результате многочисленных исследований были определены наиболее характерные черты межкультурной коммуникации, среди которых: принадлежность отправителя и получателя сообщения к разным культурам и символическое взаимодействие между индивидами и группами в процессе коммуникации, культурные различия которых можно распознать.

В конце XX в. в международной политической практике утверждена концепция единого мирового культурного пространства, в рамках которой каждая страна, сохраняя свою национально-культурную самобытность, одновременно выступает частью большего культурного пространства. Интегрирующая роль в этом процессе принадлежит международным фестивалям, количество которых ежегодно увеличивается. Их развитие и постоянно увеличива-

ющийся объем деятельности связаны не только с обновлением видов зрелищного общения в структуре современной городской культуры, но и с глобальными политическими изменениями. Статус каждого фестиваля в ряду других культурных событий города, региона, страны проведения определяют временные характеристики, среди которых: взаимодействие с культурной инфраструктурой, местной и региональной экономикой, источники финансирования, численность дирекции, вопросы администрирования.

География фестивалей постоянно расширяется за счет небывалого разнообразия и оригинальности подхода. Перечислить все существующие сегодня фестивали предоставляется довольно сложным заданием, ведь их количество возрастает с каждым годом: кинофестивали, музыкальные, театральные, гастрономические, литературные, танцевальные, книжные, религиозные, народного искусства и др. Будучи неотъемлемой составляющей культурной жизни общества, они актуализировали формирование новых моделей и форм их проведения, что способствует сохранению единого культурного государственного пространства.

Своими истоками фестивали восходят к эпохе Античности. В частности, Великие Дионосии можно считать прообразами театральных фестивалей, а Великие Панафинеи — прототипами фестивалей эстрадного, музыкального и танцевального искусства. Прослеживаются корни фестивалей и в пышных празднествах римской империи, когда на арене амфитеатра, наряду с гладиаторами, выступали многочисленные труппы акробатов, эквилибристов, фокусников, гимнастов.

Доминирующими театрализованными формами Средневековья были мистерии и карнавалы. Если мистерии подчинялись строгим религиозным канонам и совершались во время религиозных событий, то карнавал, как антитеза мистерий, представлял собой саму жизнь народа, его праздничную жизнь [1]. Но и мистерия, и карнавал, будучи антиподами в своей сути, разительно отличались от повседневности и, в отличие от других форм средневекового искусства (книжная миниатюра, иконопись или рыцарские романы), не были жестко регламентированы.

Бурное развитие искусств в эпоху Возрождения способствовало профессионализации музыкальной и театральной деятельности, результатом чего стало появление стационарных и передвижных театров.

В XVIII в. в Швейцарии, Англии и Австрии популярностью пользуются музыкальные фестивали, на которых исполняются преимущественно оратории. В частности, на первом международном музыкальном фестивале в Вене (1772 г.) были представлены произведения Иосифа Гайдна, Христофора Глюка и Вольфганга Амадея Моцарта.

В начале XIX в. организовываются музыкальные фестивали, посвященные творчеству одного композитора. Например, фестиваль в Байрете был посвящен творчеству Р. Вагнера. С конца XIX в. особенную популярность приобретает Зальцбургский фестиваль, который считается символом австрийского города и одним из важных культурных событий в его жизни [3].

В XX в. музыкальные фестивали проводились в разных городах земного шара: фестивали поп- и рок-музыки в Братиславе, Дрездене, Сан-Ремо, Сопоте; фестиваль фольклорной музыки в Конфолане, фестиваль фолк-музыки в Ньюпорте, рок-фестиваль «Мир музыки» в Москве, фестиваль оперы «Музыкальный май» во Флоренции, фестиваль исполнительского мастерства «Голландский фестиваль» в Амстердаме, фестиваль классической музыки «Пражская весна» в Чехии, «Будапештские музыкальные недели» в Венгрии и др.

Как видим, первыми международными фестивалями были именно музыкальные, ориентированные на классический или же на эстрадный и фольклорный репертуары.

Основой фестивального движения выступают не только музыка, но и театральное искусство, история которого восходит к XVIII в. Вначале фестивали имели характер торжественных шествий, которые назывались кортежами. Позднее трансформировались в театрализованные массовые представления, посвященные определенным событиям [17]. Считается, что первый театральный фестиваль состоялся в Цюрихе (Швейцария). История организации кортежей свидетельствует, что подобные мероприятия бесспорно можно назвать фестивалями, ведь в них присутствовали и элемент состязательности, и особая фестивальная атмосфера.

Новым периодом развития фестивального театрального движения считается XIX в. Нельзя не упомянуть о международном театральном фестивале, который возник в 1882 г. на родине Уильяма Шекспира в английском городе Стратфорд-на-Эйвоне.

Бурным развитием театральных фестивалей ознаменовалась вторая половина XX в., ведь послевоенная Европа, стремясь за-

быть все тяготы военного прошлого, особенно нуждалась в массовых праздниках и гуляниях. Именно тогда появились два наиболее престижных театральных фестиваля, которые и сегодня делят пальму первенства — Эдинбургский и Авиньонский. Несмотря на то, что первоначально они разрабатывались как театральные проекты, способные усилить моральный дух населения, современная программа фестивалей вышла далеко за пределы официально разработанного плана.

Без сомнения, усиление фестивального движения в прошлом столетии стало следствием еще одного фактора — мощного развития городской культуры, которую формировали газеты, журналы, радио, кино, а в послевоенный период — и телевидение. Интернационализация международного артистического рынка, формируя новый тип избирательной аудитории и новое информационно-коммуникационное пространство, происходила стремительными темпами.

Изучая фестиваль как форму межкультурной коммуникации, стоит обратить особое внимание на полифункциональность данного феномена, задачи которого непосредственно связаны с основными тенденциями социально-культурного развития. Поэтому закономерно, что в XX — начале XXI вв. возникают различные международные организации, способствующие развитию фестивального движения в мире.

Например, в 1952 г. создана Европейская Ассоциация Фестивалей (Женева), которая занимается организацией и координацией международных и региональных фестивалей. В настоящее время в нее входят региональные и национальные ассоциации из 40 стран, представляющих более 100 музыкальных и музыкально-театральных фестивалей в разных странах Европы и мира.

Европейская Ассоциация Фольклорных Фестивалей — ЕАФФ (основана в 2007 году в Велико Тырново, Болгария), занимается сохранением, развитием и популяризированием фольклора отдельных европейских народов путем организации фестивалей и использования современных телевизионных, компьютерных и других информационных технологий.

Международная Федерация Ассоциаций Кинопродюсеров (FIAPF — англ. International Federation of Film Producers Associations) является организацией кино- и телепродюсеров мирового масштаба, которая включает в себя 25 продюсерских орга-

низаций из 22 стран мира. В сфере деятельности этой организации — не только формирование единой стратегии и координация совместных действий в таких областях как авторское право, борьба с видеопиратством, введение единых стандартов кинопроизводства, взаимодействие со средствами массовой информации и т.д., но и поддержка международных фестивалей.

В то же время нужно отметить, что число разнообразных фестивалей ориентировано, в первую очередь, на молодое поколение, участие которого в разного рода мероприятиях формирует культуру общения, что способуствует не только обмену информацией, но и различным умениям. Будучи наиболее восприимчивой категорией населения к изменениям в обществе, современная молодежь продолжает развиваться и находить свое отражение и в образе жизни, и в культуре, и в семье. Активные участники всевозможных движений заинтересованы в социальных преобразованиях своего будущего, поэтому с небывалым интересом изучают и безбоязненно пробуют все новое, развивая межкультурные коммуникации вне зависимости от национальной, языковой и религиозной принадлежности.

В связи с этим необходимо заметить, что фестиваль выполняет функцию урегулирования общественных отношений, способствующую частичному или полному нивелированию проблемы отчуждения, актуализированной в постиндустриальную эпоху, и, в то же время, проблему стирания границ межкультурного разнообразия в международном сообществе.

Отдельными учеными акцентируется внимание на агитационной, коммуникативной, просветительской и развлекательной функциях фестиваля, которые, в зависимости от конкретных условий, выдвигаются в качестве главных [7]. Уникальность фестиваля в том, что данные функции выполняются в особых условиях праздничности, «карнавализации» сознания, что особенно важно в контексте влияния на формирование ценностных ориентаций молодежи.

В современном мире неимоверное разнообразие фестивальных форматов существенно затрудняет их типологизацию.

По мнению исследователя А. Меньшикова, ретроспектива фестивальных праздников позволяет классифицировать их в такие группы: универсальные (охватывают несколько видов искусства), специализированные (по одному виду искусства — театральные,

кинофестивали, музыкальные и т.п.), монографические (посвященные одному автору, драматургу, режиссеру), тематические (посвященные конкретному жанру, эпохе или стилистическому направлению), узкоспециализированные (фестиваль народной, детской, молодежной песни) [7].

В то же время, исследователь Н. Боголюбова классифицирует фестивали по таким признакам, как место проведения (региональные, национальные, международные), продолжительность проведения (краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные), частота проведения (периодические, ежегодные, единовременные), наличие конкурсной составляющей (конкурсные или неконкурсные) [3].

Исследуя фестиваль как форму межкультурной коммуникации, Н. Боголюбова акцентирует на том, что важной частью любого фестиваля является его художественная концепция, наличие которой отличает один проект от другого в многообразном фестивальном пространстве, формирует определенный круг зрителей и статус, реализуясь в видовой, жанровой или же тематической направленности определенного фестиваля [3].

П. Николаева считает целесообразным классифицировать фестивали на фестивали профессионального творчества, фестивали народного творчества и смешанные фестивали [9].

Рассмотрение существующих художественных фестивалей и их объединение по схожим аспектам позволило Е. Резниковой сгруппировать фестивали так: по видам искусства (театральные, музыкальные, кинофестивали, фестивали изобразительного искусства и пр.); хронологическому принципу (ежегодные, биеннале, триеннале и т.д.); территории охвата (международные, региональные, республиканские, городские и пр.); типу институциональной поддержки (фестивали, инициированные частными лицами, муниципалитетом, общественными фондами, а также осуществляемые на спонсорские средства); составу участников (фестивали детского творчества, фестивали профессиональных художников, молодежные фестивали и пр.); направлению в искусстве (фестивали классического искусства, фестивали авангарда, фестивали джаза и т.д.); внедрению новейших технологий (фестивали медиа- и видеоарта) [13].

В культурных практиках современной Европы можно встретить еще одну форму фестиваля — фестиваля как единовремен-

ной культурной акции. Зачастую это фестивальные проекты, организуемые международными культурными институтами ЮНЕСКО, Международным институтом театра, Международной ассоциацией детских театров, Европейской ассоциацией новой музыки и другими. Их организаторы стремятся к тому, чтобы каждый последующий фестиваль проводился в одной из стран-членов международных институтов. Фестивальные проекты не имеют четкой периодичности проведения и могут функционировать как единовременная или же как систематически повторяемая культурная акция [2].

Но в то же время любой, даже самый продолжительный фестиваль, имеет четкие календарные сроки его проведения. Фестивальные мероприятия проводятся в единстве заранее установленного пространства города, региона, страны, театрального или концертного зала.

Проведенное нами исследование разрешает сделать следующие выводы.

В современном мире интерес к фестивалям возрастает. Фестиваль как явление художественной жизни отличается особой атмосферой праздника. Вобрав в себя и трансформировав множество культурных инноваций и народных традиций, он стал зрелищным выразителем художественного и исполнительского искусства, народного творчества, а в результате — культурного пространства. Посредством фестивальных форматов стираются межгосударственные и межнациональные границы.

При сохранении этнографических характеристик фестивальное движение выступает в роли катализатора интеграционных процессов, способствует обогащению различных культур и выступает мощным фактором объединения культур и народов.

Фестивальное движение помогает современной молодежи включаться в единый культурный процесс новых форм, жанров и видов современного искусства, служит платформой для дальнейших свершений и открытий, решает социально-культурные проблемы.

Литература

1. Бахтин, М. М. Творчества Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин.— 2-е изд.— М. : Худож. лит., 1990.

2. Бирженюк, Г. М. Основы региональной культурной политики и формирование культурно-досуговых программ / Г. М. Бирженюк, А. П. Марков. — СПб. : СПб ГИК, 1992.

3. Боголюбова Н. М. Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен [Электронный ресурс] / Н. М. Боголюбова, Ю. В. Николаева. — СПб. : СПбКО, 2009. — 416 с.— Режим доступа : http://readli.net/chitat-online/?b=322825&pg=1.

4. Верещагин, Е. М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров.— М. : Русский язык, 1990.

5. Гришаева, Л. И. Введение в теорию межкультурной коммуникации / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. — Воронеж : ВМИОН ; ВГУ, 2004.

6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль.— В 4 тт. Т. 4: С–V.— М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007.

7. Меньшиков, А. М. Фестиваль как социокультурный феномен современного театрального процесса : автореф. дисс. … канд. искусствоведения: 17. 00. 01 / Александр Михайлович Меньшиков.— М., 2004.

8. Музыка. Большой энциклопедический словарь / под ред. Г. В. Келдыш.— М. : НИ «Большая Российская энциклопедия», 1998.

9. Николаева, П. В. Семиотика фестиваля как формы праздничной культуры [Электронный ресурс] : автореф. дисс. … канд. культурологии: 24.00.01 / Полина Владимировна Николаева.— Краснодар, 2010.— Режим доступа : http://www.dissercat.com/content/semiotika-festivalya-kak-formy-prazdnichnoi-kultury.

10. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой.— 21-е изд., перераб. и доп.— М. : Рус. яз., 1989.

11. Основы теории коммуникации: учебник / под ред. М. А. Василика.— М. : Гардарики, 2003.

12. Периль, Б. В. Фестивальная практика: опыт CASE-STUDY / Б. В. Периль // Экология культуры.— 2002.— № 3.— С. 24–73.— Режим доступа : http: // www.dvinaland.ru/culture/site/Publications/EoC/EoC2002–3/02.pdf.

13. Резникова, Е. И. Фестиваль искусств как синтетическое художественное пространство [Электронный ресурс] : автореф. дисс. … канд. искусствоведения: 17.00.09 / Екатерина Ильинична Резникова.— СПб., 2006.— Режим доступа : http://www.dissercat.com/content/festival-iskusstv-kak-sinteticheskoe-khudozhestvennoe-prostranstvo.

14. Советский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова.— 4-е изд.— М. : Сов. Энциклопедия, 1989.

15. Українська радянська енциклопедія : в 12-ти т. / под ред. О. К. Антонова.— Т. 11, кн. 1: Стодола. — Фітогеографія.— Вид. 2-ге.— К. : Голов. ред. УРЕ, 1984.

В. В. Георгиевская
Киев, Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко

Партийная пресса левого направления в Европе начала XXI в.: аспекты политической и межкультурной коммуникации

Как свидетельствует история, коммунистические традиции во многих европейских странах оказались довольно жизнеспособными. Несмотря на экономический и политический кризис последнего десятилетия, идеи построения общественного и народного союза, основанного на развитии солидарности рабочего класса и борьбе за свержение капиталистической эксплуатации, продолжают объединять в своих рядах приверженцев идей марксизма-ленинизма.

Но в новых условиях XXI в. происходит определенная трансформация партийной идеологии: конфронтации, объединения и разъединения, укрупнения и дробления, осуждения и восхваления, игнорирование критики и даже запрещение отдельных партий левого направления в Европе стали новой потребностью к поиску консолидации, договоренностей, создания коалиции и пр.

В средине декабря 2015 г. в Украине была запрещена деятельность Коммунистической партии Украины (КПУ). После принятия законов о декоммунизации была создана независимая комиссия, которая проверила соответствие трех коммунистических партий в Украине (КПУ, Компартия (обновленная) и Коммунистическая партия Украины рабочих и крестьян) этим законам. На основании выводов комиссии было установлено, что в своей деятельности, названии, символике, уставе и программе эти партии не отвечают требованиям части 2 статьи 3 Закона «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарного режимов в Украине и запрещении пропаганды их символики». Таким образом, эти политические силы не смогут быть субъектом избирательного процесса и принимать участие в политической жизни страны [3],— подчеркнул Министр юстиции Украины Павел Петренко.

Тем не менее лидер КПУ всячески оспаривает это решение, считая его нарушением принципов свободы в стране. На сайте партии

и личном сайте Петра Симоненко сегодня представлено немало информации, свидетельствующей о том, что политические дискуссии продолжаются, и запрет деятельности прокоммунистических сил лишь осложнил судьбу печатных средств массовой информации этого направления и некоторых их электронных ресурсов. Постановления Президиума ЦК КПУ, выступления и заявления П. Симоненко, символические и смысловые акценты («Украине нужна социальная революция…» [4], «К 145-й годовщине Парижской коммуны», «К 63-й годовщине со дня смерти И. В. Сталина», «Об истинной сущности так называемого «Союза левых сил», «От капиталистической руины к социальному возрождению», «Украина: четверть века псевдореформ — от процветания к руине», «К 133-й годовщине со дня рождения Артема (Сергеева Федора Андреевича) » и пр.) повторяются в информационном дайджесте «Красный почтальон», бюллетене «По правде говоря», а также в новостях официального сайта КПУ (http://www.kpu.ua).

19 марта 2016 г. появилось сообщение о том, что П. Симоненко принял участие в работе 12 съезда Компартии Белоруссии. 18 апреля 2016 г. в здании Парламентской Ассамблеи Совета Европы в Страсбурге (Франция) состоялась пресс-конференция лидера украинской Компартии, который акцентировал внимание на том, что «нарушение прав человека в Украине носит системный характер» [6].

Став веской оппозиционной силой в политической системе Украины, КПУ не теряет союзников среди международных коммунистических партий, леволиберальных деятелей и их средств массовой информации.

Среди тех, кто поддержал коммунистов Украины на международной арене, была Коммунистическая партия Греции (КПГ), основанная в 1918 г. под влиянием Октябрьской революции в России. Дважды на сайте КПГ обсуждалась судьба Компартии Украины: 18 декабря 2015 г. осуждено решение о ее запрете, а 23 декабря Европарламентская фракция КПГ обратилась с письмом-протестом [5]. При этом символика (красные флаги, красный фон, серп и молот) и риторика (борьба, осуждение, протесты, забастовки, государственный режим, «немедленное размежевание с опасными империалистическими планами» и пр.) остаются узнаваемыми как в программных документах, так и в новостях сайта Коммоуniçtiko Komma Елладаç — КПГ.

На сайте Компартии Греции представлены также важные объединяющие документы для сторонников коммунистической идеологии. Это заявление европейской коммунистической встречи в октябре 2014 г. в Брюсселе. В частности, отмечены «новые очаги войны» в Африке, на Ближнем Востоке, а также в Европе («на что указывают события на Украине»), прозвучало осуждение империалистических конфликтов, репрессивной политики, антикоммунизма. Заявление подписали 29 партий, среди которых Коммунистические партии Албании, Дании, Германии, Греции, Испании, Турции, СССР и Российской Федерации, Союз революционных коммунистов Франции, Объединенная коммунистическая партия Грузии, Союз коммунистов Украины [1].

Вторым важным международным вкладом в политическое партийное сотрудничество является 5-й выпуск (2014 г.) теоретико-политического журнала ЦК КПГ «Коммунистики Эпитериоси», в котором представлены статья Панайотиса Илиопулиса «Процесс реорганизации рабочего движения», «Трибуна для обмена мнениями», материалы в рубриках «Идеология — политика», «История» (в частности обсуждение позиции Греции в Первой мировой войне 1914–1918 гг.), презентация книги Бертольда Брехта «О грядущих землетрясениях», публикации о перспективах молодежного движения, в частности студенческого и ученического.

Партнерами издания выступают также интернациональные журналы общей политической ориентации: «Советский Союз», «Социалист Латвии», «Debate Abierto», а также международный теоретический и общественно-политический журнал «Марксизм и современность» (выходит с 1995 г.). Его основателем является Союз коммунистов Украины. На сайте журнала представлены четыре портрета: последовательно — Сталин, Ленин, Энгельс и Маркс. На страницах украинского издания обсуждаются вопросы истории и философии, страницы истории — коммунистической и общемировой, предлагаются обзоры рабочего движения, дискуссии о сущности оппортунизма.

В процессе международного диалога союзников коммунистического направления разных стран важной вехой является заседание Редакционной коллегии «Международного коммунистического обзора» (МКО) 1 октября 2014 г. в Брюсселе. В заседании приняли участие представители журналов «Etudes Marxistes» (Партии Труда Бельгии), «Szabadsag» (Рабочей партии Венгрии),

уже названного «Коммунистики Эпитериоси / Κομμουνιστική Επιθεώρηση» (Коммунистической партии Греции), «Propuesta Comunista» (Коммунистической партии народов Испании), «El Comunista» (Коммунистической партии Мексики), «Советский Союз» (Российской коммунистической рабочей партии), «Gelenek» (Коммунистической партии, Турция). На заседании были обсуждены и приняты меры по укреплению МКО, а также решены практические вопросы, связанные с 5-м и 6-м выпусками журнала. Редколлегия МКО приветствовала также годовщину 150-летия с момента основания Первого Интернационала.

Новым событием в деятельности международного издания стало заседание редакционной коллегии МКО 23 апреля 2016 г. в штаб-квартире ЦК Компартии Греции. Наряду с обсуждением организационных вопросов (журнал «Etudes Marxistes» Партии труда Бельгии по «собственным причинам» прекратил свое участие в МКО; 7-й выпуск решено посвятить 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции; принята общая позиция партий по Первомаю; состоялся обмен опытом работы партий), главное внимание уделено целенаправленной политике и перспективам функционирования «Международного коммунистического обзора». В частности, отмечен важный вклад журнала в «развитие теоретической работы и идейно-политической борьбы с буржуазными и оппортунистическими позициями, а также обсудили вопрос о дальнейшей активизации деятельности журнала по развитию коммунистического движения, приложении усилий по изучению современных теоретико-политических проблем, о его распространении и использовании в большинстве стран» [7].

В процессе международного межпартийного диалога важно также определить следующих европейских партнеров. В этом отношении партнерами являются Компартия Португалии и Французская коммунистическая партия (хотя и продолжает свою автономную деятельность, но в последнее время участвует в выборах под маркой Левого фронта). В частности на сайте Компартии Португалии, а также на страницах издания «Comunistas na Europa. O PCP é o que mais resiste» опубликована аналитическая статья Жуао де Алмейда Диаша (João de Almeida Dias) о коммунистах в Европе (19 октября 2015 г.). Автор поставил вопрос в начале материала: «Что случилось с наиболее традиционными коммунисти-

ческими партиями Европы? Кто из них вступил в союз с другими левыми, а кто все еще сопротивляется в одиночку?» [2].

Проанализировав основные тезисы некоторых европейских партий, их альянсы и результаты выборов, автор пришел к выводу: во всей еврозоне именно Португальская коммунистическая партия имеет наибольшее число голосов на выборах; греческие коммунисты теряют голоса; Коммунистическая партия Испании входит в коалицию с Объединенными левыми; британские коммунисты (Коммунистическая партия Британии, Коммунистическая партия Великобритании, Марксисты лейбористской партии) внесли определенную путаницу в ряды своих сторонников и проиграли; в Германии коммунистическая партия уступила позиции «Левым» (Die Linke).

Автор статьи не без иронии отметил: «Карл Маркс и Фридрих Энгельс были немцами, но даже этого, похоже, недостаточно для того, чтобы германская компартия обрела подлинную значимость для политики страны» [2].

В определенной мере сегодня многие коммунистические партии Европы ищут опору в партии Европейских левых. К ним примкнули Коммунистические партии — Австрии, Финляндии, Франции, Испании, Словакии, Румынии, Молдовы и др.

Стоит напомнить также, что Коммунистическая партия Португалии следит за развитием событий в Украине. 18 декабря 2015 г. появилось сообщение на официальном сайте о запрещении деятельности КПУ, указывая на ее борьбу с олигархической властью в стране. Подобные материалы встречаются и на страницах официального органа партии — газеты «Аванте!».

Определенные изменения, как уже подчеркивалось, происходят сегодня в коммунистической среде Франции. Например, «Юманите», основанная еще в 1904 г. как ежедневная коммунистическая газета Франции, до сих пор остается близкой к Французской Компартии, хотя свои страницы открыла также другим направлениям левых сил в стране. Согласно уставу, ФКП остается издателем газеты, но ее руководство с 1999 г. официально не занимается разработкой редакционной политики. При этом центральными приоритетами здесь всегда остаются борьба за мир, отстаивание интересов рабочего класса и независимость от «групп интересов».

Отдельную ветку в коммунистическом движении мира сегодня представляет Союз коммунистов-интернационалистов (СКИ), под эгидой которого издаются бюллетени, газеты и журналы в разных странах: еженедельник «Lutte Ouvrière» и журнал «Lutte de Classe» (Франция), ежемесячники «Worker's Fight» (Великобритания) и «L'Internazionale» (Италия), журнал «Sınıf Mücadelesi» (Турция), «Das Rote Tuch» (Бельгия) и др. [8]. Например, на страницах «Lutte Ouvrière / Рабочая борьба» публикуются материалы «О мировом кризисе», «ЧП во Франции: борьба против террористов или против рабочих?», «Актуальность коммунизма», «От Украины до Франции: Долой национализм, да здравствует интернационализм». Передовые статьи британского бюллетеня «Worker's Fight / Борьба рабочих» озаглавлены: «Нам необходима борющаяся рабочая партия», «От Греции до Британии: бросить вызов капитализму», «Руки прочь от Ближнего Востока», «Война с терроризмом» — это часть проблемы, а не решения». Братские отношения с СКИ установила также рабочая печать США — газета «The Spark / Искра» и журнал «Class Struggle / Классовая борьба». На сайте англоязычной газеты представлен девиз — известные слова К. Маркса «Освобождение рабочего класса — дело рук самого рабочего класса» («The emancipation of the working class will only be achieved by the working class itself»). Редакция американского журнала «Class Struggle» указывает, что основой их программной деятельности является троцкизм — «современный революционный коммунизм» [9].

Что же объединяет сегодня прокоммунистические силы Европы? Наверняка не только общий девиз «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» и красный цвет как символ борьбы за освобождение человека, но и поиск новых путей существования в довольно агрессивной политической среде. Это поиск союзников, создание политической коалиции, которая чаще всего оказывается левоцентристской. Это на своем опыте продемонстрировали коммунистические партии Франции, Германии, Великобритании, Португалии, Греции. Хотя стиль коммуникации прокоммунистических сил в мире довольно однородный и нацелен на протесты и борьбу, но в процессе реорганизации международного коммунистического движения наиболее приемлемыми являются средства солидаризации, сотрудничества, поддержки наиболее близких по идеологии левых сил.

Литература

1. Европейская коммунистическая встреча, октябрь 2014 г. [Электронный ресурс].— Режим доступа : http://ru.kke.gr/ru/ articles/-2014–00003/.

2. Коммунисты в Европе : Компартия Португалии оказалась самой стойкой [Электронный ресурс].— Режим доступа : http://inosmi.ru/europe/20151019/230892826.html.

3. Минюст лишил компартию статуса и права участвовать в выборах [Электронный ресурс].— Режим доступа : http://www.interfax.ru/world/455865.

4. Петр Симоненко: Украине нужна социальная революция, а не олигархические майданы [Электронный ресурс].— Режим доступа : http://www.kpu.ua/.

5. Письмо-протест Европарламентской фракции КПГ [Электронный ресурс].— Режим доступа : http://ru.kke.gr/ru/search.

6. Пресс-конференция Петра Симоненко в Страсбурге 18 апреля 2016 года [Электронный ресурс].— Режим доступа : http://www.kpu.ua/ru/83866/presskonferentsyja.

7. Пресс-релиз по итогам заседания редакционной коллегии Международного коммунистического обзора 23/04/2016 [Электронный ресурс].— Режим доступа : http://ru.kke.gr/ru/articles/-23–04–2016-/.

8. Союз Коммунистов-Интернационалистов [Электронный ресурс].— Режим доступа : http://www.union-communiste.org/? RU-pres-x-x-x-x-x-x.html.

9. Class Struggle Magazine [Electronic resource].— Mode of access : http://the-spark.net/magazine.html.

В. И. Головченко
Киев, Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко

Историческая и коллективная память как составные национального сознания украинцев

Национальные культура и язык, историческая и коллективная память как составные национального сознания решающим образом усиливают прочность и сплоченность этноса, объединяют и легитимизуют его. Но феномен внутренней сплоченности нации остается не до конца разгаданным в культурологии и политической науке. Главный научный сотрудник Института политических и этнонациональных исследований НАН Украи-

ны Л. Нагорная утверждает, что способность нации к саморазвитию и самоорганизации в значительной степени обеспечивается ее внутренними импульсами [11, с. 47]. Этот вывод не отрицает и того, что ускорение процесса кристаллизации нации может быть следствием целеустремленных усилий, в частности со стороны государства, осуществляющего стратегию единения и консолидации общества.

Среди факторов национальной идентификации особая роль принадлежит исторической памяти. Но и в таком случае типология, объем и наполнение, география различных проекций граждан Украины еще недостаточно проработаны исследователями, хотя этот сегмент коллективного сознания попал в поле зрения культурологов и политологов после победы Евромайдана и Революции достоинства в феврале 2014 г.

Ведь историческая память, как часть памяти коллективной, является не просто одной из весомых составных национального сознания, а и выступает внешним выражением представления общества о своем прошлом. В нем общество нарабатывает обобщенный стереотип отношения к близким и далеким историческим событиям, участникам исторических процессов, устоявшуюся галерею позитивных и негативных героев [4, с. 17].

А коллективная память, кроме взгляда общества на свою историю, включает также обобщенные мысли каждого человека, принадлежащего к определенной общности, об идейно-духовных ценностях жизнедеятельности этого общества, его достижениях и потерях в ретроспективе. Таким образом, коллективная память, кроме исторической, включает еще философскую и обществоведческую составные. Безусловно, и историческая, и коллективная память формируются как собственно обществом без заметного вмешательства государства, так и при его содействии через структуры, призванные исполнять такие функции: СМИ, заведения образования и культуры, учреждения пропаганды и агитации.

Наглядным примером традиционной коллективной памяти является фольклор, в частности песенное творчество: думы, былины, саги, исторические песни. Романтический взгляд на развитие гуманитарных знаний, философской мысли и социологии в 1-й половине XIX в. исходил из того, что народ в своих легендах, сказках и песнях сам составил свою историю и определил отношение к событиям и героям прошлого. Поэтому национальная

интеллигенция должна лишь систематизировать эти знания, сделать достоянием гласности и вернуть в книжном формате народу.

Именно обращение к коллективной памяти народа подсказало немногочисленной украинской элите отказаться от этнонимов «руський», «малоросс» и «русин» в пользу нового определения — «украинец». Это укрепляло генетическую связь с Казацкой эпохой XVI–XVII вв., которая была героизирована и поэтизирована в народных песнях, а также вплоть до распада СССР определила национальный идеал, вокруг которого едва ли не впервые в едином ритме начали вращаться и элитарная, и простонародная политическая культуры — фигура героя-казака, символического борца «за волю Украины».

Историческая память, зафиксированная в формах гуманитарных знаний, культурных стереотипов, символов и мифов, выступает уникальной совокупностью представлений национальной общности о своем прошлом. Лишь единодушие в представлениях и оценках исторического процесса способно консолидировать общество. После завершения холодной войны и крушения авторитарных коммунистических режимов в Европе наиболее активно и успешно развиваются именно те государства, где уровень национального сознания и патриотизма чрезвычайно высокий, бережно лелеются национальные традиции и культура, где в надлежащем почете собственное историческое наследие.

Поэтому для Украины, как государства, выстраивающего ассоциированные взаимоотношения с Европейским Союзом и стратегическое партнерство с США, остро актуальным является исследование феномена исторической памяти. После этого возможно создание модели национальной истории, которая могла бы объективно воспроизвести прошлое страны, включенное в контекст как европейской, так и мировой истории.

Вопреки неисчислимым прогнозам многих западных и восточных аналитиков, независимая Украина не распалась на две или больше частей, даже в условиях военной агрессии со стороны России и неоднократных попыток Кремля реализовать пресловутый проект «Новороссии», не погрузилась в хозяйственный хаос вопреки общей дисфункциональности коррумпированного государства и очевидный упадок постсоветской экономики. Естественно, после длительного скепсиса ряд зарубежных специалистов почувствовал стремление разобраться в таком украинском феномене.

Еще осенью 1995 г. известный американский историк-славист и будущий председатель Международной ассоциации украинистов М. фон Гаген сформулировал вопрос, вокруг которого завязалась настоящая дискуссия: имеет ли Украина историю? Ученый утверждал, что историческая и интеллектуальная легитимность вновь созданных центрально-восточноевропейских государств еще не доказана, и тяжесть аргументированных доказательств ложится на плечи независимых исследователей, а также стремился заострить внимание научной общественности на том, что во многих академических средах Украина не воспринималась как отдельный субъект исторического процесса [15].

Через два года появилась блестящая аналитика патриарха американской политологии международных отношений З. Бжезинского — «Большая шахматная доска». В ней один из ведущих идеологов внешней политики США уже охарактеризовал Украину как «принципиально важный геополитический центр», в частности и потому, что «именно ее существование как независимого государства помогает трансформировать Россию» [1, с. 56].

Венский профессор-историк и иностранный член НАН Украины А. Каппелер, проанализировав газеты, журналы и Интернет-публикации из различных областей Украины после распада «помаранчевой» коалиции, пришел к выводу, что «коллективная память, взгляды на историю и мифы, касающиеся отношений с Россией, Польшей и Австрией, активизируются, осуществляются и используются в политических целях» [10, с. 287].

Действительно, когда отдельные общественные группы имеют различные, а то и противоположные взгляды на собственное прошлое, историческая память выступает дезинтегрирующим фактором, порождает у граждан несовместимые взгляды на перспективы государства и нации. Таким образом, только при наличии общей для всех регионов страны исторической и коллективной памяти можно утверждать о принадлежности той или иной личности к единой национальной общности. Ни территория расселения, ни этническое происхождение, ни общность хозяйственного интереса не имеют определяющего значения для категории «нация». Только общность исторической судьбы и национального ощущения, которые базируются на общей исторической памяти, являются главным фактором созидания нации.

Но историческая и коллективная память украинцев травмированы столетиями безгосударственности, колонизации и культурной ассимиляции. Поэтому нынешнее их состояние можно квалифицировать как кризисное, а убедительным проявлением этого кризиса выступает сосуществование в коллективном сознании разных проекций украинского прошлого. Их как минимум две: собственно украинская и проимперская, включающая восточнославянский, малороссийский и советский компоненты. Причем эти проекции исторической памяти не являются комплиментарными, а в отдельных случаях выступают даже открыто антагонистическими.

Именно такую типологию исторической памяти предложил львовский историк Я. Грицак, утверждающий, что современная постсоветская Украина выступает полем битвы между двумя версиями национальной истории: советской и украинской традиционной [6].

Перспективы строительства украинской политической нации нуждаются в возрождении культуры и традиций передачи памяти поколений, примирения общественной мысли вокруг «болезненных» тем отечественной истории. В поисках национальной идентификации украинцы преодолевают непростой путь «ломки» стереотипов, демифологизации взглядов на собственное прошлое, учатся оценивать национальную историю в «своих», а не «чужих» категориях.

Такая трансформация коллективной сознательности в итоге достигнет позитивного результата: «национализирует» исторический нарратив, утвердит в обществе согласованный взгляд на украинское прошлое, то есть поможет нации объединиться вокруг перспектив своего будущего. Как образно высказался А. Довженко, «современное — всегда по дороге из прошлого в будущее».

Это убедительно подтверждает и международный опыт преодоления авторитарного и тоталитарного исторического наследия, в частности деятельность Чилийской национальной комиссии по установлению правды и примирению, которая занималась расследованием нарушением прав человека в период диктатуры А. Пиночета. Один из авторитетных членов Комиссии по этому поводу заявил: «Общество не может просто стереть главу из своей истории, не может отрицать факты своего прошлого, какими бы противоречивыми не были возможные толкования этих фактов. В таком случае пустоту, которая образовалась, обязательно заполнит или ложь, или путаные версии того, что произошло. Единство

нации основано на общей идентичности, какая, в свою очередь, в значительной степени строится на общей памяти. Правда также приводит определенным образом к катарсису в обществе и содействует тому, чтобы прошлое не повторялось» [3, с. 64].

Нынешний «раскол» взглядов украинцев на собственную историю, провоцирующий настоящую «войну памятей» народа, убедительно демонстрируют результаты социологических исследований. По итогам опроса Института социальной и политической психологии Академии педагогических наук Украины в сентябре 2006 г., на вопрос о необходимости признать Голодомор актом геноцида, в Западном регионе страны (не пострадавшем в 1932–1933 гг. от ужасов сталинской коллективизации) «за» высказались 77,1 % респондентов, «против» — 10 %, а в Восточном регионе (где смертность среди украиноязычного крестьянства была наивысшей в Украинской ССР) — 39,4 % и 38,6 % соответственно. В то же время в пользу признания Украинской повстанческой армии (УПА) воюющей стороной во Второй мировой войне в западных областях Украины высказались 68 % опрошенных, а в восточных областях против такого признания было 65,8 %. Значительные отличия наблюдались тогда и в иерархии значимости событий, присущих различным проекциям исторической памяти. Для жителей восточных и южных областей очевидной была такая цепочка исторических событий — Переяславская Рада 1654 г., большевистская Октябрьская революция 1917 г. и Сталинградская битва 1942–1943 гг. А в западных областях среди примечательных событий украинской истории тогда же отмечалась Национально-освободительная война под предводительством гетмана Б. Хмельницкого, Голодомор 1932–1933 гг., борьба УПА [7, с. 39].

Аналогичными оказались результаты опроса, проведенного в декабре того же 2006 г. «Украинским демократическим колом», совместно с компанией «Ukraine sociology service». Советские политики (исключая М. Горбачева) выше оценивались в Восточной Украине, а представители национально-освободительного движения — в Западной. Задолго до сепаратистского мятежа весной 2014 г., спровоцированного и активно поддержанного Кремлем, в Донецкой и Луганской областях позитивное отношение к С. Бандере засвидетельствовали лишь 6 % опрошенных, к М. Грушевскому — 30 %, И. Мазепе — 17 % (в Западной Украине — 62 %), к П. Скоропадскому — 16 %, к В. Чорноволу — 39 % (еще в 2002 г.

здесь его позитивно оценивали лишь 18 % опрошенных). В пяти западных областях Украины Л. Брежнева одобрительно характеризовали 24 %, В. Ленина — 12 % (на Востоке Украины — 51 %), а Н. Хрущева — 28 % (на Востоке — 38 %) [8, с. 73].

Этот социологический срез, подтвержденный дальнейшими опросами общественного мнения, красноречиво свидетельствовал о глубинном дуализме исторической памяти граждан Украины. Как основа национальной памяти, она не просто создается в определенный момент, историческая память постоянно воспроизводится в культурном пространстве общности и может рассматриваться в контексте украинской современности: политической, духовной, социально-психологической и т.д.

Поэтому ныне можно выделить две заметные группы творцов украинской публичной исторической памяти — так называемых «мифотворцев» и «негативистов». Первые доказывают, что просторы Украины являются едва ли не колыбелью мировой цивилизации, а «негативисты» утверждают, будто сегодня плохо потому, что в украинской истории никогда ничего хорошего не было и не будет в будущем, ведь Русь-Украина все столетия шла от ужаса к кошмару, от одного поражения к другому [9, с. 64].

Найти оптимальный компромисс между этими двумя позициями практически невозможно, такая «война памятей» обусловливает всю сложность написания научной истории Украины, которая будет органически переплетаться с историей Европы и мира. Ведущие украинские и заграничные историки настаивают на необходимости создания «позитивной» истории, но разве возможно очертить абсолютно позитивный образ прошлого при такой драматической истории, какая была во всех, без исключения, регионах Украины? И как быть с памятью людей, которые творили эту историю и могут возродить в своем воображении трагические страницы прошлого?

Кроме того, новая схема «позитивной» европейской истории, которую нам предлагают ради общенационального согласия, может оказаться чересчур стерильной, неинтересной для молодежи, поскольку предполагается, что из нее будут изъяты все конфликты и противоречия, хлопоты и проблемы, могущие поссорить людей. Вместо этого поощряется минимальный консенсус фактов о прошлом, которые ничьему сердцу или разуму ничего не будут говорить.

Директор Института Кеннана при Международном центре имени Вудро Вильсона Б. Рубл заявил, что, по его мнению, Украина на протяжении 20-го века имела слишком много истории и недостаточно памяти [12]. С этими словами можно согласиться, если принять во внимание, что главные факторы, которые определили бытие украинского народа в это время и приобретенный ним опыт, называются «колониализм», «тоталитаризм» и «геноцид», тесно связанные с деятельностью на территории Украины государственных структур СССР, а перед тем — Российской империи. К этому следует добавить еще фактор оккупации во время мировых войн. Накладываясь один на один и переплетаясь, все эти факторы привели к пестрой и объективно чрезвычайно сложной для теоретического осмысления и практического изменения украинской ситуации. В ней не все понятно не только европейским, но и отечественным историкам и культурологам.

Каждый народ помнит и ощущает историю по-своему, а национальная память перерабатывает и осмысливает общий опыт. Именно поэтому у каждого народа — своя история. Но эта абстракция воплощается в целиком конкретных вещах: в оценках исторических событий, культурной жизни, в содержании образования, государственной политике межнациональных и межгосударственных отношениях. К сожалению, нет такого судьи, который мог бы вынести прошлому независимый объективный вердикт.

Осмысление того или иного события, явления или процесса требует, прежде всего, их рассмотрения в конкретном историческом контексте. К примеру, драматические события так называемого «золотого сентября» 1939 г. для поляков — национальная трагедия, когда залитая кровью в борьбе с нацистскими агрессорами страна получила внезапный вооруженный удар в спину — с Востока. Но для значительной части украинцев (и белорусов) этот месяц имеет особое значение: состоялось воссоединение абсолютного большинства этнических земель в единое целое, пусть даже в рамках сталинского СССР. При этом и поляки, и украинцы вправе ожидать один от другого понимания и уважения к разногласиям в их памятях, что, к сожалению, не всегда удается достичь.

Перечень случаев, когда в спор вступают памяти двух или больше народов, можно продолжить и дальше, ведь «Европа,— как верно подметил корреспондент «Die Welt» в Варшаве г. Гнаук,— это единство в разнообразии» [5].

Таким образом, различная интерпретация одного события в странах с общим прошлым может привести к разнообразным конфликтам и «войнам памяти». Картина существенно ухудшается, когда такая ситуация возникает внутри государства, как это произошло и в Украине. Даже после победы Революции достоинства, в атмосфере невиданного ранее патриотического подъема в обществе на защиту независимости и территориальной целостности Украины, среди части ее граждан и ныне бытует мысль, что государственность не была завоевана ценой десятков и сотен тысяч жертв, а «упала с неба», «досталась без усилий», «была исторической случайностью» и т.д. А исторические дискуссии нередко идут вдоль водораздела: «палачи» — «жертвы».

В массовом сознании сложился стойкий набор стереотипов, связанных с наличием — реальным или воображаемым — внутри Украины собственного Запада (Европы) — Западной Украины и Востока («внутренней России») — Восточной Украины. Эти части страны отличаются не только географически, но и культурно, цивилизационно и мировоззренчески, что препятствует созиданию принципиально новой украинской истории как неразрывной составной истории общеевропейской. У каждой части Украины есть свой Герой, в результате чего история превращается в фактор, разъединяющий нацию, а не консолидирующий ее.

22 января 2010 г., когда Украина на государственном уровне очередной раз отмечала День Соборности, Президент Украины В. Ющенко на торжествах в Национальной опере сообщил, что присваивает звание «Герой Украины» с вручением ордена Государства (посмертно) С. Бандере. Отношение украинцев к такому решению главы государства было неоднозначным, что наглядно продемонстрировало полярность общества, наличие разногласий в исторической памяти украинцев, живущих по обоим берегам Днепра.

Указ Президента Украины вызвал негативную реакцию и за пределами Украины. В частности, Европейский парламент с подачи польских депутатов выразил сожаление по поводу награждения С. Бандеры (резолюция RC-B7–0116/2010 от 17 февраля 2010 г., параграф 19). Депутаты призвали нового Президента Украины В. Януковича пересмотреть решение своего предшественника [14]. А глава «Словацкого союза борцов против фашизма» П. Сечкар заявил, что «со стороны Виктора Ющенко — это провокация»

и что в годы Второй мировой войны бандеровцы лютовали также на чехословацкой территории, а присвоение высокой награды было проведено без изучения многих исторических фактов, поэтому вызывают сомнение «так называемые заслуги» С. Бандеры.

Граждане Украины нередко дают принципиально разные, часто диаметрально противоположные ответы на одни и те же, в сущности, вопросы — в зависимости от того лишь, каким образом тот или иной вопрос сформулирован. По одним данным, всего 9 % этнических украинцев называют русский язык своим «родным», по другим данным — 33 % украинцев признают русский «языком повседневного общения» [2]. Недоразумение здесь возникло вследствие различий в постановке, по сути, того самого вопроса: в одном случае «родной язык» ассоциируется с языком детства и родителей, определенной культурной территории; в другом — «язык повседневного общения» апеллирует только к функциональным, прагматическим требованиям публичного дискурса.

Закономерно возникает вопрос, каковы границы и инструменты влияния государства на такой деликатный сегмент национального сознания украинцев как историческая память с ее глубинным дуализмом. Ведь феномен исторической и коллективной памяти состоит из структурных элементов, которые пребывают за пределами государственного воздействия. Это и духовный опыт поколений, и воспоминания о бытии рода и семьи, и национальные традиции, мифы и легенды, и влияние произведений искусства и т.д.

Но во все времена государство было и остается активным модератором исторического нарратива и национального сознания его граждан. В каждом отдельном случае такая политика концентрируется на достижении различных целей, имеет неодинаковые инструменты, оперирует разными методами и средствами. По мнению профессора Женевского университета И. Эрманн, «история играет в политике огромную роль. С одной стороны, правительства должны уметь использовать наследие прошлого. С другой стороны, официальная репрезентация этого прошлого, истории, выступает серьезным способом легитимизации политических решений. Чем больше лидеры стремятся к радикальным изменениям, тем больше они вынуждены обращаться к истории» [13, с. 31].

Для Украины конструирование «своей» истории, выведение ее из контекста имперско-советского историографического дискурса лишь в последнее время рассматривается государством

как национальная задача. Хотя ради объективности следует признать, что вектор политических мероприятий и практик, которые демонстрировало государственное руководство Украины с первых дней обретения нею независимости (за исключением президентства В. Януковича), в целом был направлен на «национализацию» исторического наследия и утверждение нового образа отечественной истории в общественном сознании.

Литература

1. Бжезінський, З. Велика шахівниця. Американське панування та його геостратегічні імперативи / Збігнєв Бжезінський.— Львів : Івано-Франківськ : Лілея-НВ, 2000.
2. Від «Малоросії» до «Індоєвропи» : українські автостереотипи [Электронный ресурс].— Режим доступа : http://och.at.ua/publ/54–1–0–2136.
3. Гессен, М. Австралийское покаяние / Маша Гессен // Вокруг света.— 2012.— № 8.— С. 60–64.
4. Гирич, І. Чому необхідно переосмислювати минуле? / Ігор Гирич, Юрій Шаповал.— К. : Фонд Конрада Аденауера, 2010.
5. Гнаук, Г. Про місце України в колективній пам'яті Європи / Гергард Гнаук // День.— 2009, 5 червня.
6. Грицак, Я. Страсті за націоналізмом / Ярослав Грицак.— К. : Критика, 2004.
7. Експертна доповідь «Україна в 2006 році: внутрішнє і зовнішнє становище та перспективи розвитку».— Киев : Славутич-Дельфін ТОВ, 2007.
8. Зерній, Ю. О. Історична пам'ять як об'єкт державної політики / Ю. О. Зерній // Стратегічні пріоритети.— 2007.— № 1 (2).— С. 71–76.
9. Історична пам'ять як поле змагань за ідентичність : матеріали «круглого столу», 22 квітня 2008 р. / за заг. ред. Ю. О. Зерній.— Киев : НІСД, 2008.
10. Каппелер, А. Політика оцінки історії в сучасній Україні: Росія, Польща, Австрія та Європа / Андреас Каппелер // Україна на шляху до Європи. Проміжні результати Помаранчевої революції / за ред. Юліане Бестерс-Дільгер ; пер. з англ.— Киев : Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2009.— С. 274–292.
11. Нагорна, Л. Національна ідентичність в Україні / Лариса Нагорна.— Киев : ІПіЕНД.— 2002.— 272 с.
12. Сюндюков, І. Пам'ять як ресурс впливу / Ігор Сюндюков // День.— 2009, 29 вересня.
13. Феномен прошлого / отв. ред. И. Савельева, А. Полетаев.— М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005.

14. EuropeanParliamentresolutiononUkraine.17.02.2010[Электронный ресурс].— Режим доступа : http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=MOTION&reference=B7–2010–0120&format=XML&language=EN.

15. Hagen, Mark von. Does Ukraine Have a History? / Mark von Hagen // Slavic Review.— 1995.— Vol. 54, No. 3.— P.658–673.

О. С. Гончаренко, Н. В. Ушакова
Минск, Белорусский государственный университет

К вопросу о лингвистических аспектах межкультурной коммуникации

Мировое сообщество в XXI в. столкнулось с невиданными по интенсивности процессами глобализации, межкультурных взаимодействий, повышением общего уровня социальной подвижности личности. В последние годы потрясения мирового масштаба как экономические, так и политические привели к небывалой миграции народов. Миграционный кризис поразил ЕС в самую душу и продемонстрировал, что он в значительной степени не подготовлен к конфликту культур. Идеалы толерантности и мультикультурализма оказались под угрозой. За 2015 г. на территорию стран Евросоюза прибыли более миллиона мигрантов. Еврокомиссия заявила, что нынешний миграционный кризис является крупнейшим в мире со времен Второй мировой войны. В то же время, как отмечает С. Г. Тер-Минасова, научно-технический прогресс и усилия разумной и миролюбивой части человечества открывают все новые возможности, виды и формы общения, главным условием эффективности которых является взаимопонимание, диалог культур, терпимость и уважение к культуре партнеров по коммуникации [1, с. 17].

Особенности развития как человечества в целом, так и нашего общества на рубеже XX–XXI вв. выводят на «авансцену» истории такое важное не только культурное, но и социальное, политическое и даже экономическое явление, как межкультурная коммуникация. Последнее может быть рассмотрено как с философской, психологической, социокультурной, информационной, методологической, так и, что особенно важно,— лингвистической — точек зрения. Значимость языкового аспекта межкультурной коммуникации во многом обусловлена тем фактором, что сегодня в пер-

вую очередь велика необходимость именно в вербальном её обеспечении в различных ситуациях социального взаимодействия (установление контактов, ведение переговоров, проведение презентаций, совещаний, собраний и т.д.) [2, с. 42].

Вместе с тем успешная межкультурная коммуникация предполагает наряду с владением иностранным языком еще и умение адекватно интерпретировать коммуникативное поведение представителя иносоциума, а также готовность участников общения к восприятию другой формы коммуникативного поведения, пониманию его различий и варьирования от культуры к культуре. Стратегия сближения инокультурных знаний направлена на предотвращение не только смысловых, но и культурных сбоев в коммуникации. Здесь главная проблема — проблема понимания. При ее решении следует помнить, что язык — только инструмент для передачи форм речевого поведения, он лишь создает среду для межкультурной коммуникации. Понимание в межкультурной коммуникации — сложный процесс интерпретации, который зависит от комплекса как собственно языковых, так и неязыковых факторов. Для достижения понимания в межкультурной коммуникации ее участники должны не просто владеть грамматикой и лексикой того или иного языка, но знать культурный компонент значения слова, реалии чужой культуры [3, с. 34].

Наиболее частым случаем языкового несоответствия является отсутствие точного эквивалента для выражения того или иного понятия, и даже отсутствие самого понятия. Это связано с тем, что понятия или предметы, обозначаемые такими словами, являются уникальными для данной культуры, а в других культурах отсутствуют и, следовательно, там нет соответствующих слов для их выражения. Так, в русском языке нет эля или виски, а значит, нет и соответствующих слов на русском языке. А в английском языке нет слов для борща, водки и т.д. В случае необходимости эти понятия выражаются с помощью заимствований [4, с. 132].

Таким образом, успешность любого акта коммуникации зависит от того взаимного понимания языковых единиц, которые и представляют собой общий код. В этой связи вопросы эквивалентности приобретают особую остроту, так как именно понятие эквивалентности во всех аспектах (семантике и особенно разные виды коннотаций) определяет степень понимания [1, с. 57]. Значение слова не исчерпывается одним лишь лексическим поняти-

ем (денотацией слова), а в значительной степени зависит от его лексико-фразеологической сочетаемости и коннотации. Полное совпадение всех названных аспектов слова практически невозможно. Именно поэтому невозможно переводить слова только с помощью словаря [4, с. 132].

У каждого слова своя лексико-фразеологическая сочетаемость, или валентность. Она национальна (а не универсальна) в том смысле, что присуща только данному конкретному слову в данном конкретном языке. Специфика эта становится очевидной только при сопоставлении языков, подобно тому, как родная культура выявляется при столкновении с чужой. Поэтому «лить как из ведра» мы переводим «to rain cats and dogs», «устроить вечеринку» как «to throw a party», «напоминать, наводить на мысль» как «to ring a bell». Поэтому английский глагол «to pay», означающий «платить» полагается сочетать с такими несочетаемыми, с точки зрения русского языка, словами, как attention (внимание), visit (визит), compliments (комплименты). Носители языка не видят этих главных для изучающего иностранный язык трудностей. Именно поэтому, изучая иностранный язык, нужно заучивать слова не в отдельности, по их значениям, а в естественных, наиболее устойчивых сочетаниях, присущих данному языку [1, с. 57].

Эффективным способом формирования навыков успешной коммуникации представляется изучение различных случаев коммуникативных ситуаций в сфере науки, культуры, политики, бизнеса и другой профессиональной деятельности. Нам, преподавателям иностранного языка, важно показать, что главная причина непонимания в межкультурной коммуникации есть не в разных языковых системах, а в различии национального сознания участников общения. Коммуникативная неудача, непонимание, вызванное незнанием иноязычной культуры и различным менталитетом взаимодействующих сторон, является эффективным средством обучения основам языковой межкультурной коммуникации. Тем, кто изучает язык, необходимо понять, что овладение языком — это процесс формирования навыка. Часто используемые языковые модели способствуют прочному усвоению и формированию речевых навыков, а в итоге делают процесс межкультурной коммуникации эффективным.

Увеличивающаяся численность населения, технические достижения, неизбежные процессы глобализации приводят к тому,

что мировые цивилизации все настойчивее нуждаются в межкультурном взаимодействии. Очевидным стал тот факт, что человечество идет по пути сближения. Но, в свою очередь, глобальное единство мира предполагает различные противоречия, которые в XXI веке необходимо решать только мирным путем, посредством диалога культур [5].

Литература

1. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова.— М., 2000.

2. Волкова, Е. Г. К вопросу о лингвистических аспектах межкультурной коммуникации [Электронный ресурс] / Е. Г. Волкова // Человек и культура.— 2015.— № 1.— С. 42–71. DOI: 10.7256/2409–8744.2015.1.14765.— Режим доступа : http://e-notabene.ru/ca/article_14765.html.

3. Щербина, И. В. Лингвистические аспекты межкультурной коммуникации / И. В. Щербина // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: материалы V Международной конференции, посвященной 90-летию образования Белорусского государственного университета, 28 октября 2011 г. / редкол. : В. Г. Шадурский [и др.].— Минск, 2011.

4. Грушевицкая, Т. Г. Основы межкультурной коммуникации : учебник для вузов / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин ; под ред. А. П. Садохина.— М., 2003.

5. Белоусова, М. М. Роль межкультурной коммуникации в процессах глобализации современного мира [Электронный ресурс]/ М. М. Белоусова // Труды ежегодной международной научно-практической Интернет-конференции «Многоуровневая языковая подготовка специалистов в высшей школе: проблемы и перспективы развития» [Электронный ресурс]. — 2014. — Режим доступа : http://conf.englishforsciences.sfedu.ru/м-м-белоусова.

О. А. Грива
Симферополь, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского

Межкультурные коммуникации как ресурс культурной идентичности личности в условиях поликультурности

Начнем с определения понятия поликультурности как одной из базовых характеристик современного человеческого сообще-

ства. Поликультурность создает особые условия, в которых разворачивается формирование каждой отдельной личности и национально-культурных групп, проживающих в многообразном мире.

Некоторые ученые в качестве синонима «поликультурности» употребляют термины «мультикультурность» или «многокультурность» (Г. Д. Дмитриев, Л. С. Дробижева, И. С. Кон, Н. В. Кузьмина, В. А. Тишков и др.), при этом сущность содержания не меняется. Поликультурность в англоязычных работах чаще всего обозначается термином *multicultural*.

Отметим, что в российской научной традиции на данный момент в большей степени распространен термин «поликультурность». Очевидно, это объясняется тем, что русский язык и культура испытывают большее влияние греко-византийской традиции, выражавшей множественное число через корень «поли». В то время, как например, украинская наука чаще пользуется корнем «мульти», находясь в поле тяготения западной латинской традиции (В. Горский, М. Култаева, М. Попович и др).

Мы применяем именно термин «поликультурность», имея в виду определенный теоретический подход в общественных науках. Признание поликультурности как принципа организации общества подталкивает к переосмыслению культурной целостности общества, требует отказаться от представления о возможности доминирования какой-то более сильной, доминирующей или более древней культуры.

В свою очередь, следует рассматривать социально-философский смысл понятия поликультурность, исходя из понятия «культура». Существует целый ряд определений культуры. Одним из удачных, на наш взгляд, определений, которое отражает современный подход к пониманию феномена культуры, дал известный американский специалист в области образования С. Нието [4], который под культурой понимал постоянно меняющиеся ценностные ориентации, традиции, социальные и политические отношения, мировосприятие, которые создаются и разделяются группой людей, связанных вместе комплексом факторов, включающих совместную историю, географическое положение, язык, социальный класс и религию.

Таким образом, исходя из вышеназванных определений, под поликультурной средой мы понимаем совокупность условий жизнедеятельности человека, которые определены творческим, паритетным взаимодействием в одном комплексе (территори-

альном, институциональном, культурно-историческом) культур (этнических, религиозных и т.д.), целью которого является взаимообогащение и дальнейшее развитие каждой из культур.

Перспективой поликультурного развития является не интегрированный конгломерат унифицированных культур, а поликультурная среда, где ценность каждой культуры должна расти и обогащать другие культуры, с которыми она находится в контакте.

В данном случае мы касаемся главным образом культуры, связанной с ее этническими и религиозными признаками как одними из ведущих факторов. Поликультурность по другим социальным признакам (гендерным, субкультурным, связанным с проблемами состояния здоровья, и другим) в данной работе мы намеренно не рассматриваем.

Поликультурность среды расценивается как социальный феномен современного общества в целом, в том числе и российского и белорусского. Особенно о наличии поликультурности можно говорить применительно к регионам, где традиционно или в силу каких-то социально-исторических причин проживают несколько национально-культурных групп, например, Крым, а также к мегаполисам, таким как Москва, Санкт-Петербург, Киев, Одесса, Харьков, Николаев, где сосуществуют представители большого количества культур. По данным последней переписи населения (2015 г.), в Крыму представлены 178 национальностей.

Мы обращаемся к понятию «поликультурность» в контексте поликультурной среды. В науке понятие среды первоначально было связано только с материальными взаимодействиями неживых систем. Затем представление о среде стало соотноситься с системой — живой или неживой. Окружающую среду стали рассматривать как состоящую из внешних условий, которые поддерживают или сдерживают действия живого существа. Если говорить о человеке, то здесь речь идет не просто о внешних условиях, а о культурном, точнее, о его культурно-историческом окружении. Поэтому поликультурная среда — это специфическая культурная окружающая человека действительность, которая складывалась на протяжении длительного времени под влиянием определенных условий. Поликультурная среда формируется историческим путем взаимовлияния различных культур, которые сосредоточиваются в одном регионе. Эти культуры могут быть абсолютно разными. При этом применение к ним критерия

оценивания «хуже» или «лучше» невозможно. Что можно сказать, например, о культурах народов Крыма, являющегося точкой соприкосновения не только отдельных культур, но и целых цивилизаций, например, восточно-христианской и мусульманской. Поликультурность, как категория философская, связана не только с регионом и с определенным временем, но и с характером взаимодействия и взаимовлияния культур. В каждую эпоху элементы поликультурной среды могли быть связаны между собой по-разному. От этого зависел и такой феномен личности, как культурная идентичность.

Следует уточнить определение идентичности. У понятия «идентичность» существует длительная история. Своим появлением и широким распространением в междисциплинарном научном обороте в шестидесятых годах прошлого столетия термин обязан американскому психологу Эрику Эриксону. Он видел в идентичности фундамент личности, от которого зависят показатели ее психосоциального благополучия. Со второй половины 1970-х гг. понятие идентичности стало популярным в кругу социально-гуманитарных наук. Сегодня оно широко используется в психологии, философии и культурологии.

Наряду с социологическим и психологическим направлением исследований идентичности существует широкое проблемное поле и в философских науках. В современном философском дискурсе продолжаются поиски в рамках трех подходов: нарративном (повествовательном), прагматическом, коммуникативном.

Нарративный подход направлен на поиск самотождественности в конструировании относительных и вариативных «рассказов» (Р. Рикер). Он основывается на идее о том, что жизни и отношения людей формируются в процессе социального взаимодействия, опираясь на те истории, что мы рассказываем друг другу.

Прагматический подход, в котором фактор практики используется в качестве методологического принципа, придает особое значение идентичности повседневности (Б. Вальденфельс, М. Мерло-Понти).

Наиболее интересный для нас — коммуникативный подход. Здесь коммуникации рассматриваются в качестве главного фактора идентичности (Ю. Хабермас).

Для отечественной философской науки наиболее актуальными стали вопросы национальной идентичности (В. Горло-

ва, А. Моргун, М. Степко) и культурной идентичности (А. Лосик, Н. Мадей, В. Малахов, В. Шинкарук и др.).

При анализе феномена культурной идентичности и поиска путей применения потенциала межкультурных коммуникаций для формирования и сохранения культурной идентичности в поликультурном обществе мы обращались и к трудам украинских философов и культурологов Е. Быстрицкого, А. Ермоленко, В. Ляха, Л. Ситниченко и С. Пролееева, в которых идентичность анализируется как феномен в современном глобализированном мире и с точки зрения места идентичности в структурах культуры.

Важнейшая роль идентичности прослеживается в том, что она позволяет человеку определить свое место в социокультурном пространстве и адекватно ориентироваться в окружающем мире. Человек нуждается в упорядоченности своей жизнедеятельности, ее соотношении с существованием других людей, что может быть реализовано только в социальной среде. Для обретения собственной идентичности личность добровольно принимает господствующие в данном обществе ценности, нормы, правила и другие средства регламентации человеческих коммуникаций. Поскольку каждый индивид является одновременно членом нескольких социальных и культурных сообществ, то в зависимости от типа групповой принадлежности принято выделять различные виды идентичности — профессиональную, гражданскую, этническую, политическую, религиозную и культурную. Важное место в структуре идентичности занимает культурная идентичность. Она играет определенную роль в формировании и социализации личности.

Под культурной идентичностью имеется в виду осознаваемая принадлежность индивида к какой-либо культуре или культурной группе. При помощи культурной идентичности происходит формирование ценностного отношения человека к самому себе, другим людям, обществу и миру в целом.

Можно сказать, что сущность культурной идентичности заключается в осознанном принятии индивидом соответствующих культурных норм и образцов поведения, ценностных ориентаций и языка, в понимании своего «Я» с позиций тех культурных характеристик, которые приняты в данном обществе. Культурная идентичность предполагает формирование у индивида устойчивых качеств, благодаря которым те или иные культурные явления или

люди вызывают у него симпатию или антипатию, в зависимости от чего он выбирает соответствующий тип, манеру и форму общения.

Одной из основных человеческих потребностей является реализация себя в разнообразных взаимосвязях с окружающим миром и коллективная жизнедеятельность, которая реализуется в процессе идентификации индивида с определенными идеями и ценностями, социальными группами и культурами.

Исследование культурной идентичности в современности тем неотложнее, чем глубже становится в глобализированном обществе кризис человеческой идентичности, как индивидуальной, так и групповой. Разрушение традиционных моделей идентичности — процесс довольно быстрый и опасный. Среди его последствий возможны потеря смыслов и ценности жизни, сущности личности, принадлежности к определенной культурной общности. В анализе межкультурных коммуникаций нам видится потенциальный ресурс для эффективности процесса формирования и развития содержания культурной идентичности личности в поликультурном пространстве.

В коммуникативном дискурсе присутствует утверждение о том, что каждый человек становится носителем той культуры, в которой он взрослеет и формируется как личность. В повседневной жизни это не замечается, поскольку специфические особенности родной культуры воспринимаются как данность, а при встрече с другой культурой особенности принимают форму различий. И человек осознает существование других культурных форм, выражающихся в поведении, переживаниях, способах мышления, которые отличаются от известных ему. Новые впечатления об окружающем мире превращаются в сознании человека в установки, идеи, ожидания, стереотипы, которые становятся регуляторами его поведения и коммуникаций. Становление идентичности личности происходит путем сопоставления и противодействия различных мнений и позиций групп. В процессе чего происходит понимание личностью своего места и роли как члена определенного сообщества, результатом чего и является культурная идентичность.

Таким образом, культурная идентичность базируется на представлениях о «своих» и «чужих». Именно в культурных коммуникациях человек узнает о других ценностях, способах мышления и поведения «чужих», которые определенным образом реагируют на его собственные ценности и конструкции деятельности. В па-

радигме развития толерантности в поликультурном мире образ «чужого» меняется на образ «другого» [2, с. 239]. «Чужого» по смыслу означает пришлого, незнакомого, более того, недоступного к познанию, а потому и враждебного, опасного, а может, и вредного. А в образе «другого» априори теряется доминанта враждебного и потенциально вредного. «Другой» ближе к «своему», чем «чужой». Поэтому межкультурные коммуникации могут способствовать лучшему пониманию мира вообще, его отдельных представителей, вести к превращению образа неизвестного, опасного и вредного воздействия на знакомый, такой, которого не следует опасаться и ожидать от него только неприятностей.

Итак, можно говорить о наличии расширения возможностей формирования и сохранения культурной идентичности путем повышения толерантности личности. Анализируя такие возможности, обратимся к анализу культурных факторов, которые влияют на процесс идентификации личности. Это необходимо потому, что личность, будучи интегрированной в культуру, находится с ней во множестве связей, она влияет на культуру также, как и культура влияет на личность.

Социальные психологи выделяют десять основных особенностей, которые обеспечивают различия между культурами: национальный характер, восприятие, мышление, концепции времени, концепции пространства, язык, невербальная коммуникация, ценности, поведение, социальные группы и отношения.

В свою очередь, социологи указывают на два основных фактора, которые определяют особенности культуры — это коллективистская или индивидуалистская ее сущность. Коллективная ориентация подразумевает, что коллектив (группа) первичны по своей сути, а индивидуалистская, наоборот, на первое место ставит индивидуальность, а коллектив (группу) видит производным от нее. Эти идеи были заложены Э. Дюркгеймом, затем дополнены Ф.Тоннисом, а позже развиты Г.Хофстеде, Б. Маркусом, Г.Триандисом.

В основе коллективистских норм лежит принцип групповой полезности (польза для группы), а для индивидуалистских основополагающим является индивидуальная польза (для индивида). Индивидуалистская парадигма подразумевает, что каждый сам ответствен за свою судьбу и состояние своей жизни, тогда как коллективистская видит во всем общую ответственность за каждого члена группы — его состояние, благополучие. Эти установки — коллек-

тивистская и индивидуалистская — глубоко укоренившиеся в ментальности людей, их психологическом складе, тесно связаны с процессами идентификации и идентичности личности [3, с. 27].

Процесс формирования идентичности держится на двух главных механизмах — индивидуации и социальной идентификации. У человека постепенно складывается Я-концепция, которая включает в себя когнитивные различия, помогающие отличать свое «Я» от того, чем «Я» не является. А также идентификацию, то есть отождествление себя с определенными объектами и субъектами внешнего мира. Постепенно личность получает представление о системе «Я — Они» и «Мы — Они». Уже в двадцатые годы прошлого столетия возникло противостояние двух типов философствования — философии трансцендентализма и диалогической философии, которое вырастало из представлений о человеке «сам-по-себе» и человеке в диалоге с другими. Тема диалога и коммуникации стала в начале XX в. одной из главных, потому что обострились проблемы, связанные с отчуждением, одиночеством человека, двойственного отношения человека к миру. Мартин Бубер впервые изложил свою главную творческую идею — учение о диалоге в книге «Я и Ты», которая увидела свет в 1923 г. В определенной степени он находился под влиянием идеи встречи, встречи-столкновения, принадлежащей Я. Морено. Фактически М. Бубер положил начало диалогической философии, и среди его заслуг подчеркивают то, что он остро поставил вопрос о необходимости для личности коммуникации как таковой [1, с. 175]. Его часто сравнивают с М. Бахтиным, Дж. Г. Мидом, Ю. Хабермасом. Его открытия повлияли на развитие теории коммуникативного действия и диалогической философии. Культура стала рассматриваться как процесс коммуникаций.

М. Буберу удалось объяснить причины отчуждения человека в мире. В своей выдающейся работе «Я и Ты» он писал о том, что современный мир становится для человека все более чужим и холодным, в котором он чувствует себя все более одиноким и «бездомным». Философ нашел путь к себе и к дому через открытие для себя мира «Ты» из-за любви к другому человеку, к природе, к миру. Он писал о том, что пока человек спасается в себе самом, он не может принести миру ни радости, ни горя, миру нет до него дела. Только тому, кто верит в этот мир, дана возможность взаимодействовать с ним. Поэтому если мы любим реальный мир, любим реально, во

всем ужасе, если мы решимся заключить его в объятия нашего духа, наши руки встретятся с другими, сплетутся с ними (см. [1]).

По М. Буберу, живущая в мире «Ты» личность освобождается от причинно-следственных связей, получает свободу, становится способной к творчеству. Эти мысли были развиты в трудах таких философов, как Г. Марсель, Х. Ортега-и-Гассет, С. Франк и др.

К культурным синдромам, которые влияют на процесс идентификации, кроме дихотомии «индивидуализм — коллективизм», также относят такие, как «открытость — закрытость» (то есть готовность или неготовность культуры к коммуникациям с представителями других культур), дистанцию по отношению к власти и иные факторы, которые так или иначе зависят от соотношения «коллективизм — индивидуализм» (см. [3, с. 33]).

Но для понимания ситуации с идентичностью личности в современном поликультурном мире необходимо помнить о существовании определенной динамики идентичности в ходе культурной адаптации к культурным изменениям, поскольку мы живем в мире, где все быстро меняется. Кроме того, следует учитывать и то, что не только культура влияет на личность, но и личность оказывает определенное влияние на культуру и приводит к ее изменениям в целом. Эти изменения могут быть медленными или быстрыми, заметными или не очень, что будет диктовать характер изменений в динамике идентичности человека. Наибольшее влияние на идентичность всегда оказывают быстрые коренные изменения. Таковые получили в науке название «культурного шока». Впервые этот термин применилам ериканский антрополог К. Оберг к случаю, когда человек попадает в совершенно новую для него культуру или культурную ситуацию. По К. Обергу, состояние культурного шока означает для личности потерю личной и социальной идентичности, сопровождается кризисом ценностей, социальным дискомфортом. Культурный шок может приводить к высокой тревожности, депрессии, отчуждению, а затем и психосоматическим заболеваниям. Степень и состояние, в которых проявляется культурный шок, зависят от индивидуальных особенностей человека, попадающего в другую культуру. Культурный шок усиливается беспокойством, являющимся результатом того, что социальные отношения теряют свои привычные знаки и символы.

Традиционно это явление расценивалось как глубоко негативный опыт при столкновении с другой культурой. Однако, по

свидетельству антропологов и психологов, в последние десятилетия в нем стал просматриваться некоторый потенциал для развития идентичности личности и общества в целом. Исследователи доказали, что восприятие новых ценностей, способов действий и поведения могут способствовать личностному росту [3, с. 36]. Так визитеры могут получать социальную поддержку окружения в инокультурной среде, с помощью которой преодолеваются культурные различия — для этого надо выучить язык, познакомиться с местной культурой. Тревога и депрессия могут медленно смениться оптимизмом, ощущением уверенности и удовлетворенности. В результате человек будет чувствовать себя более приспособленным и интегрированным в жизнь общества, а также психологически восстановленным, закаленным, более устойчивым к стрессу.

Таким образом, в рамках собственной культуры у личности, как правило, создается иллюзия собственного видения мира, единственно верного образа жизни, определенного менталитета как единственно возможного и, главное, единственно допустимого. Подавляющее число людей не осознает себя продуктом отдельной культуры. Только выйдя за пределы своей культуры, то есть встретившись с другими мироощущениями, мировоззрением, способами поведения и действий можно понять специфику своего собственного сознания, увидеть различие культур — своей и другой или других. Помощь на этом пути может приходить через такие межкультурные явления, как средства массовой информации, Интернет, транснациональный бизнес, туризм.

Литература

1. Бубер, М. Я и ты / М. Бубер. — М., 1993.

2. Грива, О. А. Толерантність в процесі становлення молоді в умовах полікультурного середовища. Дисертація на здобуття наукового ступеня доктора філософських наук / О. А. Грива. — Київ, 2008.

3. Коростелина, К. В. Система социальных идентичностей: опыт анализа этнической ситуации в Крыму / К. В. Коростелина. — Симферополь : Доля, 2002.

4. Nieto, S. Affirming diversity: The socio-political context of multicultural education / S. Nieto // 2nd ed. White Plains. — N.Y.,1996.

К. В. Грубич
Киев, Киевский национальный университет
культуры и искусств

Феномен пищи как предмет манипуляции кулинарных шоу

А. В. Яковец в своем «Общем взгляде на телевидение» определяет возможность телевидения передавать сообщение в форме телевизионного изображения, которое сопровождается звуком, термином «экранность». Украинский исследователь телевизионной журналистики отмечает: «Благодаря этому свойству телевизионные образы воспринимаются сознанием на подсознательном уровне, и поэтому они доступны большой аудитории» [6, с. 7–8].

От правильности, профессиональности, правдивости подачи информации через телеэкран зависит поведение миллионов людей. Таким образом, телевидение есть безусловный инструмент манипуляции. Мы поддерживем мысль А. Холода о том, что манипуляция не является негативным явлением, а представляет собой изменение моделей (сценариев) поведения. Такое изменение может быть нейтральным, позитивным и негативным [5, с. 94].

Шоу-технологии, применяемые для создания кулинарных телевизионных шоу, также превращаются в средство формирования мировосприятия еды и питания как важного аспекта ежедневного существования общества. Сам феномен пищи в разрезе восприятия его в телепрограммах на гастрономическую тематику является преметом манипуляции, в большинстве своем с нейтральной или позитивной направленностью на зрителей, аудиторию.

Разработке вопросов куммуникационных телевизионных технологий много внимания уделяют украинские и зарубежные ученые, в частности: Г. Почепцов, В. Иванов, А. Москаленко, В. Ризун, А. Холод, А. Яковец, В. Гоян, В. Патрушев, Д. Гавра, Т. Ежинанская и другие. Отметим, что большинство коммуникативных моделей были разработаны в XX веке. Теория коммуникации оперирует большим количеством моделей общетеоретического и прикладного характера: социологическими, психологическими, семиотическими, техническими и другими. Значительно меньше исследованы социально-коммуникационные технологии кулинарных проектов, их взаимосвязь с культурологическим и духовным влиянием пищи на жизнь человека. Среди постсоветских исследовате-

лей концепта «еда» на телевидении назовем В. Вильчек, М. Бережную, С. Уразову, А. Молчанову, М. Капкан, Л. Лихачеву, Т. Веремчук, Ю. Финклера, Т. Захарс, С. Тагамлика, К. Грубича. Несмотря на определенные усилия ученых, констатируем, что в отечественной науке коммуникационные телевизионные технологии именно кулинарных телевизионных шоу исследованы недостаточно.

Термин «коммуникационные технологии кулинарных телевизионных шоу» неразрывно связан с определением собственно «коммуникационных технологий», которые А. Холод определяет как «комплексы-действия, направленные на смену моделей поведения общества во время обмена информацией между коммуникатором и коммуникантом [5, с. 8]. В таком случае *коммуникационными технологиями кулинарных телевизионных шоу* нужно считать *специальные телевизионные комплексы-действия, направленные на изменение поведения телеаудитории определенного сегмента с помощью обмена информацией, которая касается непосредственно как кулинарии, так и кулинарного дискурса.*

Кулинарный дискурс, как показывает практика современных медиа, довольно востребован аудиторией. Представители телевизионного бизнеса давно поняли, что кулинарные проекты не есть что-то случайное, второстепенное в сети вещания того или иного канала, а наоборот — кулинарные передачи всегда были и будут локомотивом по привлечению рекламных бюджетов, ибо спрос на них всегда стабилен, он не зависит от политической, социальной и экономической ситуации в той или иной стране в определенный период времени ее развития. Предприниматели от телевидения быстро среагировали на тенденцию изменения отношения людей во всем мире к еде как к чему-то приземленному и бытовому, ощутили феномен пищи как источник информации, развлекательности и средства влияния на сознание зрителей.

Тема гастрономического является относительно новой для культурно-философских дискуссий, поскольку традиционная философская мысль избегала подобных «низменных» тем, которые актуализировали значение телесного как вполне релевантного душевно-духовной жизни человека, а не такового, которое «отягощает» ее. Несмотря на это, сфера пищи — один из наиболее важных факто- ров в жизни человека. По меткому высказыванию А. Гениса, «каждое спасенное из Леты блюдо — это иероглиф отечественной культуры, оно не менее ценно, нежели отстроенная церковь или спасенная

икона» [2]. О влиянии питания на менталитет наций в разные времена сообщали такие исследователи гастрономической культуры, как француз Александр Дюма, россияне Вильям Похлебкин и София Кириленко, американец Дуглас К. Стивенсон и другие. Французский мыслитель, кулинар и политический деятель начала 19-го столетия Жан-Антельм Брийя-Саварен в своем фундаментальном труде «Физиология вкуса» выдвинул ряд тезисов, которые превратились в афоризмы. В частности, «Судьбы наций находятся в зависимости от того, как они питаются» [4, с. 239]. Мы считаем, что это определяющая причина популярности различных кулинарных телешоу.

В современном мире наблюдается повышение интереса к сфере повседневного питания. Тема пищи проникает практически во все сферы массовой культуры: издается множество книг и периодических изданий кулинарной тематики, бурно развивается кулинарный контент в Интернете, проходят выставки и конкурсы кулинарного искусства, научные международные симпозиумы на тему еды. Активно развиваются система общественного питания и ресторанный бизнес. Одним из популярных видов современного туризма становится гастрономический туризм, целью которого является знакомство с кухнями разных народов. При этом вызывает интерес как приготовление еды, так и ее употребление. Итак, на основе вышеперечисленных аргументов делаем вывод, что процессы потребления пищи перестают быть просто способами удовлетворения биологической необходимости и становятся одной из важных сторон повседневной жизни современного человека [3, с. 34–43]. Также их справедливо можно отнести к виду социальных коммуникаций.

Вопросы гастрономической культуры, а именно ее телевизионной презентации сегодня оказываются актуальными с позиций культурологического, философского знания, заслуживают внимательного теоретического изучения. Исследователи телевидения с разных стран на протяжении нескольких последних десятилетий рассматривают различные аспекты кулинарных телевизионных шоу.

Заочное обучение аудиовизуальными методами (чем и занимаются кулинарные шоу) исследовал американец Р. Уильямс, который в 1974 году выпустил в США книгу «Телевидение. Технология и культурная форма» [7, с. 234]. Р. Уильямс анализирует телевидение как «поток», то есть движимый, изменяющийся способ передачи информации несвязанных на первый взгляд текстов, которые объединены общим способом восприятия, который называется телевизионным

опытом. Именно такая социально-коммуникационная технология ненавязчивой передачи кулинарного опыта от коммуниканта (повара, ведущего и т.п.) к коммуникатору (зрителям, аудитории) широко используется творцами телепередач на гастрономическую тему.

Упоминания об особенностях производства кулинарных шоу есть в работах Дж. Фиска, Р. Харриса, А. Бергера, А. Моля. Важный вклад в исследование украинской медийной сферы находим в научных работах В. Гоян, З. Дмитровского, А. Яковца, в критических замечаниях Т. Веремчук, Ю. Финклера (для «Телекритики»). Именно кулинарной составляющей телевизионного контента на отечественных каналах уделили внимание такие исследователи, как Т. Захарс, С. Тагамлик, А. Юсипович, К. Грубич. К сожалению, список исследователей получается слишком коротким.

Мы не нашли ни одного фундаментального исследования кулинарных шоу, которое позволило бы выделить именно анализ и разбор телепередач кулинарной тематики в самостоятельное направление телевизионной критики и науки о телевизионных коммуникациях. Пока что мы наблюдаем отдельные работы с анализом тех или иных конкретных кулинарных проектов или же попытки анализа кулинарных шоу как фрагмента более обобщенных исследований телевизионных процессов. Данное обстоятельство свидетельствует о перспективности научного осмысления и обобщения тенденций развития коммуникационных технологий презентации гастрономической культуры, изучения феномена пищи как предмета манипуляции кулинарных шоу.

Отталкиваясь от собственного опыта многолетней работы в украинских телевизионных медиа, утверждаем, что понять природу успеха кулинарных телевизионных проектов стремятся не только ученые-теоретики, но и телевизионщики-практики. Интерес к кулинарным проектам, по выражению генерального директора канала «ТЕТ» (г. Киев) Ирины Костюк, никогда не пропадал, поскольку такие программы — классика. Однако новая тенденция, с ее точки зрения,— это привлечение в производство таких шоу разнообразных новейших телевизионных коммуникационных технологий, что позволяет осуществить перевоплощение кулинарных шоу в масштабные постановки: «Когда кухарка — это уже не просто тетка в фартуке или дядька в колпаке, которые возятся на студийной кухне. Это когда огромная студия, много народа, много пафоса, акценты на харизме главного героя, в общем — шоу в буквальном смысле этого слова» [1].

На наш взгляд, успешные кулинарные телевизионные шоу должны приближать телевизионное приготовление пищи к возможному в домашних условиях, просмотр качественных кулинарных программ должен вызывать у зрителей не стресс и чувство неполноценности, а желание повторить увиденный опыт на собственной кухне.

Как уже отмечалось, четкой научно обоснованной структуры успешности кулинарного шоу в доступных источниках автор не обнаружил. После проведенного анализа ряда отдельных исследований, соотношения мнений отечественных и зарубежных исследователей, теле- и ресторанных критиков, мы предлагаем собственную схему дифференциации социально-коммуникационных технологий создания качественного телевизионного продукта на гастрономическую тематику (см. рис. 1).

Рис. 1. Дифференциация социально-коммуникационных технологий кулинарных проектов (по К. Грубичу, 2015)

Таким образом, делаем вывод, что основными принципами дифференциации социально-коммуникацiооных технологий, обеспечивающими позитивную манипуляцию восприятия феномена пищи телевизионной аудиторией кулинарных шоу, являются:

– создание образа кухни, интимности восприятия;
– наличие харизматичных ведущих;
– обмен навыками, эффект прайминга;
– адекватный замыслу сценариста телевизионный дискурс;
– динамичность режиссуры;
– наглядность;
– интерактивность (возможность участия зрителей в создании шоу);
– введенние инновационных подходов по отношению к традиционным рецептам.

Активное использование основных принципов дифференциации перечисленных социально-коммуникационных технологий (комплексов-действий, направленных на изменение моделей поведения благодаря передаче информации) и их видов приводит к логичным результатам в перезентации кулинарных шоу на телевидении, к каковым мы относим присутствие:

– конвергенции;
– возможности получить новые знание в области кулинарии;
– возможности изучать гастрономические традиции разных народов;
– возможности получать эмпатию (сочувствие);
– возможности приобретения зрителями новых знаний для установления/поддержания общения с родными, близкими, соседями.

Приведенный список не является окончательным, поскольку творчество — не математика, точных формул в нем не существует. Но приведенные основные принципы дифференциации технолигий являются действенными, их можно и нужно использовать в разных моделях современных телепрезентаций кулинарных шоу, они красноречиво свидетельствуют о значительной роли и влиянии пиши на формирование мировоззрения и настроения целых народов.

Литература

1. Веремчук, Т. Прайм-кулінарія / Т. Веремчук // Телекритика [Електронний ресурс].— Режим доступу : http://www.telekritika.ua/telebachennya/2011–03–31/61557.

2. Генис, А. Хлеб и зрелище. О кулинарной прозе Вильяма Похлебкина / Александр Генис // Звезда, Эссеистика и критика — М., 2000.— № 1.

3. Капкан, М. В. Гастрономическая культура: понятие, функции, факторы формирования / М. В. Капкан, Л. С. Лихачева // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. Гуманит. науки.— 2008.— Вып. 15.— № 55.— С. 34–43.

4. Физиология вкуса: Сочинение Брилья-Саварена, переведенное на немецкий язык и дополненное Карлом Фогтом / Е. В. Лаврентьева // Культура застолья XIX века: пушкинская пора.— М. : Терра, Книжный клуб, 1999.— С. 223.

5. Холод, О. М. Комунікаційні технології [текст] підручник / О. М. Холод — Киев : Центр учбової літератури, 2013.— С. 8.

6. Яковець, А. В. Телевізійна журналістика: теорія і практика: Посібник / А. В. Яковець // 2-ге вид., доповн. І переробл.— К. : Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2009.— С. 7–8.

7. Шапинская, Е. Н. Телевидение в современной культуре и обществе: технология и культурная форма // Массовая культура.— М. : 2004.— С. 234.

Л. А. Диханова-Внуковская
Минск, Белорусский государственный университет

Конфликт и гармония в межкультурном общении: дальневосточные миссии иезуитов в XVI в.

Развитие межцивилизационного диалога является одним из основных ориентиров современной мировой науки в условиях углубления процесса глобализации. Поэтому высокую актуальность приобретает изучение одного из первых успешных опытов межкультурного общения — миссионерской деятельности иезуитов на Дальнем Востоке в XVI в. Особый интерес представляет наличие у миссионеров Общества Иисуса (выходцев из одной исторической, социальной и религиозной среды, объединенных принадлежностью к единому институту и общностью целей) двух диаметрально противоположных подходов к взаимодействию с представителями иной цивилизации. Данный доклад выявляет причины возникновения двух путей решения задачи межкультурного общения, выделяя основные элементы обеих мировоззренческих систем.

Основоположник миссионерской деятельности иезуитов Франциск Ксавье (1506–1552) обозначил основные географические приоритеты для евангелистских устремлений ордена в Азии

в XVI в.— Японию и Китай, крупнейшие геополитически определяющие страны региона. Наделенный властью апостолического нунция, подкрепленной десятилетним опытом «полевой» работы, Ксавье, столкнувшись в Азии с развитыми религиозными системами, существенно модифицировал предшествующие методы доктринации. Изменения методики носили качественный характер благодаря новаторской идее о необходимости принимать во внимание особенности менталитета народов, среди которых велась проповедь [12, p.70] Он также ввел такие новшества в миссионерскую практику ордена, как изучение местных языков и создание местного духовенства. Закрепленные в инструкциях, написанных Ксавье для отдельных регионов Азии, методы стали ориентиром для деятельности будущих миссионеров ордена, однако отсутствие единой выработанной стратегии евангелизации сделало их уязвимыми для субъективных интерпретаций последующих руководителей миссий.

Так, в 1570 г. главой японской миссии становится португалец Франсиско Кабрал (1570–1581), которого современные историографы описывают как амбициозного и нетерпимого человека, который фанатично боролся с язычеством, относился с холодным презрением к японскому этикету, как к любому языческому ритуалу. В этом историки [3, с. 227; 9, p. 20] видят корень проблем, возникших у иезуитов в Японии в 70-х гг. XVI в.: падение в глазах японцев престижа христианства и европейских миссионеров, а также духовный дисбаланс между членами самой миссии.

Анализ источников, однако, выявляет, что отказ от следования японским культурным традициям был характерен в первую очередь для миссий на о. Кюсю [11, p. 79]. Так, группа иезуитов, дислоцировавшихся в Мияко (совр. Киото), под руководством итальянца Гнечче-Сольдо Органтино (1532–1609) сумела преодолеть постулаты средневековой антропологии. Она приняла для себя нормы японского этикета, диеты и образа поведения, тщательно изучала японский язык и, по словам современника, «трансформировала себя» в японцев [11, p. 180–188]. Таким образом, к середине 1570-х гг. в японской миссии Общества Иисуса сложились два различных подхода в межкультурном общении с автохтонным населением архипелага и степени адаптации к японскому образу жизни. Причины возникновения данного явления можно подразделить на следующие категории: мировоззренческую и политическую.

Лидеры двух течений, Кабрал и Органтино, являлись представителями различных мировоззренческих позиций, существовавших в период Раннего Нового времени. Франсиско Кабрал был ярким носителем средневековой философии, с ее идеей теоцентризма, изображавшего сущее таким образом, что в нем единство человечества представлялось как норма, от которой отошла история и к которой она стремится вернуться. Согласно данной концепции, иные народы, находящиеся за границами христианского мира, представлялись, в первую очередь, в качестве антагонистов. Средневековые христианские миссионеры не искали равного обмена ценностями: религиозный и культурный поток должен был течь только в направлении объекта евангелизации. [4, p. 7] Поэтому следует признать, что отказ от принятия элементов иноземной культуры являлся нормой для поведения европейца XVI–XVII вв., а исключения, такие как, например, Ксавье и Органтино, вызывали искреннее изумление.

Данная философская позиция в случае португальца Франсиско Кабрала подкреплялась особенностями восприятия колониальной экспансии иберийского типа ее носителями. Португальцы и испанцы, вследствие длительной реконкисты, к XVI в. стали считать себя избранными народами, призванными осуществить божественную волю — утвердить крест в самых отдаленных уголках земли. Закономерно, что аристократ Кабрал, имея, к тому же, личный опыт светской службы в свите вице-короля португальской Индии дона Афонсо де Норонья (1550–1554), не отделял себя от колониальной системы Лиссабона, а являлся ее закономерной частью, разделяя ее взгляды на нехристианские народы и методы пропаганды христианства (обязательную европеизацию; массовые, формальные обращения). Следует также учитывать тот факт, что Кабрал получил образование в португальском университете в Коимбре и иезуитском коллегиуме в Гоа, впитав в себя крайний ригоризм, характерный в целом для португальской ассистенции Общества Иисуса [9, p. 72–73].

На теологические и антропологические взгляды оппонента Кабрала, итальянца Гнечче-Сольдо Органтино, уроженца Тридентских Альп, большое влияние оказали социокультурные и мировоззренческие процессы первой половины XVI в., когда Европа столкнулась с «небывалым многообразием» как внутри самого европейского христианского сообщества, так и с абсолютно новыми

знаниями о ранее неизвестных мирах. Так, в одном из своих писем Органтино признавался, что «даже будучи ребенком, я мечтал стать тем, кто я есть (член ордена и миссионер среди нехристиан)» [10, p. 98].

Более того, обучение в иезуитском Римском коллегиуме в начале 60-х гг. XVI века обеспечило итальянцу знакомство с обстановкой культурного возрождения, основанной на переосмыслении философии Аристотеля. Общество Иисуса, не опровергая аристотелевских принципов о том, что человек ищет высшее совершенство в своих встречах с высшей божественной причиной, утверждало, что эта встреча с Богом обусловлена самой Природой. [13, p. 228] Разделение природного и сверхъестественного замыслов открыло двери для официального признания разнообразия, элемента, который был фундаментально важен для осуществления апостолата Общества. В данном контексте контакт Органтино с иезуитом Франциском Толедским (1532–1596), профессором Римского коллегиума, автора многочисленных комментариев к «Физике» Аристотеля, без сомнения, имел фундаментальную важность.

Среди политических причин возникновения двух разных концепций межкультурного общения в японской миссии можно выделить присутствие на о. Кюсю португальских купцов, осуществлявших посредническую торговлю между Японией и Китаем. Дело в том, что основой распространения христианства служил намеченный еще Франциском Ксавье метод «сверху-вниз». Кабрал отметил в письме от 1571 г., что японцы, живя на земле, отведенной для них их господином, полностью завися от последнего, легко могут быть убеждены принять избранную им религию. [8, p. 102–103] Таким образом, благосклонность и разрешение японского землевладельца являлись определяющими факторами для обращения в христианство больших масс людей. Так первый христианский даймё Омура Сумитада (1533–1587), крещенный в 1563 г., привел за собой в христианство приблизительно 35 тысяч человек [7, p. 14]. На о. Кюсю иезуиты имели рычаг давления на даймё в лице португальских купцов, направлявших свои корабли только в порты лояльных к христианству японских владетелей. [11, p.11, 27, 77–79] Принимая христианство, японские даймё обеспечивали себе доходы от налогов и оживления торговли, а также получали возможность закупать европейское огнестрельное оружие.

Иезуиты, занимающиеся евангелизацией центральных районов страны, были лишены подобных преимуществ, [11, p. 182] что вынуждало их идти на большую интеграцию в японский социум. Более того, в отличие от южных областей, где иезуиты находили поддержку среди сепаратистки настроенных даймё, Органтино вынужден был искать опору у Ода Нобунага (1534–1582), [6, p. 261–269] претендента на верховную власть в Японии, который в борьбе за объединение страны подчинил себе города Мияко и Сакай с расположенными там резиденциями ордена. Платформой для взаимопонимания между иезуитами и японским военачальником стала их обоюдная вражда с буддийским духовенством. Ода Нобунага рассматривал христианских миссионеров как неожиданно открывшуюся возможность для ослабления влияния могущественного буддийского духовенства, ставшего оплотом антинобунаговской оппозиции [2, с. 171–179].

Для воссоздания полноты картины межкультурного диалога между иезуитами и японцами в 70-х гг. XVI века важно учитывать реакцию автохтонного населения на оба подхода к восприятию японской культуры миссионеров Общества Иисуса. Одним из важнейших источников по этому вопросу служат отчеты [5, p. 266–268; 13] генерала-викария Восточной Индии, визитатора Алессандро Валиньяно (1539–1606). Так, например, описывая свои встречи с влиятельными даймё о-ва Кюсю Омура Сумитада (1533–1587) и Отомо Сорин (1530–1587), он приводил жалобы последних на пренебрежение миссионерами правил японского этикета и образа жизни. В частности, он писал: «Дон Бартоломью (Омура Сумитада — ***Л. Д.-В.***) просветил меня о сложившейся ситуации. То как мы ведем себя в своих домах… настолько отличается от принятой в Японии манеры и настолько ей противоречит, что он всегда уходит от нас разочарованным… Это же служит причиной, почему они (японские христиане — ***Л. Д.-В.***) относятся к нам с такой холодностью» [5, p. 266]. Японские язычники, сообщает далее визитатор, насмехаются над христианскими владетелями, указывая на то, что они променяли буддистских монахов, славившихся своей обходительностью, на незнакомых варваров.

Более того, игнорирование норм автохтонной культуры привело к возникновению дисгармонии между европейским и японским персоналом иезуитской миссии. Начиная с 60-х гг. XVI века, японцы становятся неотъемлемой и крайне важной составляю-

щей миссионерского контингента из-за невозможности европейцев досконально изучить японский язык. [11, p. 200] Именно на японских иезуитов ложилась основная тяжесть пропаганды христианства. Несмотря на полную зависимость от местного духовенства, иезуиты на о. Кюсю относились к японским братьям как к людям второго сорта. Их заставляли европеизироваться, постоянно унижали, обращались к ним жестко, зачастую грубо, «дабы они не забывали своего места» [11, p. 74]. Подобное положение к концу 70-х гг. XVI века привело иезуитскую миссию в Японии в состояние глубокого кризиса.

В тоже время иезуитская резиденция в Мияко пользовалась уважением со стороны аристократических столичных кругов. Приняв для себя нормы японского этикета, иезуиты не вызывали отторжения, как их коллеги на юге Японии. Органтино и его соратник Луиш Фройш (1532–1597) неоднократно принимались при дворе Ода Нобунага [6, p. 112, 155–157], а сыновья последнего были частыми гостями в миссии [6, p. 186]. Стоит подчеркнуть, что этикет в традиционном японском обществе играл огромную роль, поскольку предписывал разное поведение в зависимости от социального статуса оппонента, т.е. поведение человека четко обозначало его позицию в обществе. Иезуиты должны были использовать надлежащие манеры, дабы утвердить свой престиж и социальный статус. В обратном случае им грозила роль аутсайдеров или же присвоение низкого социального статуса. Вопрос о культурной адаптации рассматривался членами японской миссии как способ решения двух проблем: установления взаимопонимания между европейским и японским персоналом миссии как необходимого условия дальнейшего осуществления евангелизации в Японии; а также социальной интеграции в японское общество для закрепления высокого статуса миссионеров и, как следствие, высокого статуса проповедуемого ими христианства.

Миссионерской конференцией в Бунго (1580) было принято решение: «Учитывая размер Японии, ее удаленность и отличие культуры, принять японский образ жизни, дабы достигнуть единства разумов с японцами» [11, p. 311]. Адаптация должна была стать правилом для каждого члена миссии. Собрание поручило генералу-викарию составить свод предписаний по адаптации к японским социально-культурным и бытовым условиям [10, p. 32], что Валиньяно и выполнил в 1581 г., написав трактат «Пред-

упреждения и предостережения по поводу обычаев и нравов, распространенных в Японии» [1]. Таким образом, в начале 80-х годов XVI в. происходит оформление унифицированной стратегии ордена в Японии, известной в истории как «политика культурной аккомодации», основными положениями, которой были:

– адаптация к автохтонной культуре;

– пропаганда веры в соответствии с методом «сверху-вниз»;

– подготовка местного духовенства;

– использование научно-культурных достижений Европы для привлечения интереса объектов евангелизации;

– модификация христианской доктрины в соответствии с местными религиозно-культурными традициями.

Новая стратегия евангелизации нехристианских народов позволила иезуитам в относительно краткие сроки интегрироваться в сложную социальную структуру как Японии, так и других азиатских государств. Особый интерес представляет опыт китайской миссии Общества Иисуса, поскольку она, вследствие определенных исторических причин (закрытость китайского сообщества, культивируемые государственным аппаратом Китая ксенофобия и китаецентризм), не могла напрямую опираться на поддержку португальской колониальной системы. Действуя в рамках «политики культурной аккомодации», иезуиты, в частности Маттео Риччи (1552–1610), смогли в 1583 г. получить легальный доступ в Китай, занять высокое положение в империи, приравнявшись по рангу к шэньши (сословие чиновников-ученных), интегрироваться в систему взаимоотношений гуаньси и, в конечном итоге, получить официальный вид на жительство, дарованный императором. Тем самым европейские миссионеры достигли необходимых условий для стабилизации своего положения в империи. Разработка конфуцианско-христианского синтеза в 1603 г. дала иезуитам надежную основу для привлечения внимания высокообразованных китайских чиновников к новой религии.

Таким образом, в XVI в. в дальневосточных миссиях иезуитов выделились два пути решения задачи межкультурного общения с автохтонным населением архипелага: неприятие и адаптация к местной культуре. Причины возникновения двух концепций как базировались на разнице в мировоззренческой позиции Средневековья и раннего Нового времени, так и зависели от наличия внешней поддержки со стороны европейской колониальной ад-

министрации, а также от опорной социальной базы миссионеров внутри автохтонного общества. В ходе апробации двух методик выявились преимущества подхода сторонников адаптации, что и было закреплено в 1580 г. на миссионерской конференции в Бунго и оформлено впоследствии в универсальную стратегию ордена по евангелизации нехристианских народов — политику культурной аккомодации. Тем самым иезуиты, выделившись из средневековой антропологической традиции, сумели преодолеть европоцентризм и ксенофобию, перестав воспринимать нехристианские народы в качестве обязательных антагонистов. Новая политика позволила ордену успешно интегрироваться в азиатскую культуру и занять высокое место в социальных структурах таких стран региона, как Япония и Китай, для дальнейшей пропаганды христианства.

Литература

1. Валиньяно, А. Предупреждения и предостережения по поводу обычаев и нравов, распространенных в Японии / А. Валиньяно // Книга японских обыкновений : сборник / сост. А. Н. Мещеряков ; под ред. А. Р. Вяткина.— М., 1999.— С. 251–305.

2. Искандеров, А. А. Тоетоми Хидэеси / А. А. Искандеров.— М. : Наука, 1984.

3. Ким, Э. Г. Недолгое свидание. Христианская миссия в Японии (1549–1614) / Э. Г. Ким // Книга японских обыкновений : сборник / сост. А. Н. Мещеряков ; под ред. А. Р. Вяткина.— М., 1999.— С. 218–232.

4. Bailey, G. A. Art on the Jesuit missions in Asia and Latin America, 1542–773 / G. A. Bailey.— Toronto : Univ. of Toronto Press, 1999.

5. Documenta Indica : in 18 vol. / ed. J. Wicki.— Roma : Hist. Inst. of the Soc. of Jesus, 1948–1988.— Vol. 17: 1595–1597.

6. Frois, L. Historia de Japam : in 5 vol. / L. Frois ; ed. J. Wicki.— Lisboa: Bibl. Nac., 1976–1984.— Vol. 2.— 1981.

7. Higashibaba, I. Christianity in early modern Japan: Kirishitan belief and practice / I. Higashibaba.— Boston : Brill, 2001.

8. Moran, J. F. The Japanese and the Jesuits: Alessandro Valignano in sixteenth century Japan / J. F. Moran.— L. Routledge, 1993.

9. Schutte, J. F. Valignano's mission principles for Japan (1573–1582) : in 2 vol. / J. F. Schutte.— St. Louis : The Inst. of Jesuit Sources, 1980–1985.— Vol. 1: From his appointment as visitor until his first departure from Japan, pt. 1: The problem, 1573–1580.— L., 1980.

10. Schutte, J. F. Valignano's mission principles for Japan (1573–1582) : in 2 vol. / J. F. Schutte.— St. Louis : The Inst. of Jesuit Sources, 1980–1985.— Vol.

1: From his appointment as visitor until his first departure from Japan, pt. 2: The solution, 1580–1582.— L., 1985.

11. Valignano, A. Sumario de las cosas de Japon (1583). Adiciones del sumario de Japon (1592) / A. Valignano.— Tokyo : Sophia Univ., 1954.

12. Xavier, F. The letters and instructions of Francis Xavier / F. Xavier.— St. Louis : The Inst. of Jesuit Sources, 1992.

13. Wallace, W.A. Natural philosophy. Traditional natural philosophy / W. A. Wallace // The Cambridge history of Renaissance philosophy ; ed.: C. B. Scmitt, Q. Skinner.— Cambridge, 1988.— P.199–235.

О. А. Дубецкая
Киев, Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

Пресса для детей разных национальностей в Украине: традиции и современность межкультурного общения

Исторические корни и современные аспекты прессы для детей неоднократно становились предметом исследования украинских ученых. В сфере социальных коммуникаций, истории, педагогики, филологии и других научных отраслях существуют диссертации, монографии, статьи, указатели, посвященные тем или иным проблемам функционирования указанного сегмента информационного пространства. Т. Ежижанская рассматривает коммуникационные аспекты прессы для детей; О. Марущак обращается к электронным ресурсам отечественной периодики для детей и обобщает опыт современных этнических средств массовой информации в Украине; Э. Огар, Т. Давидченко, О. Орлик, У. Колесниченко и др. рассматривают типологические особенности и тенденции развития детской прессы в XXI в. (см. [1]). Сегодня также возрастают возможности детской периодики, издающейся на языках этнических народов, проживающих в Украине. Здесь важно учитывать и исторический опыт, и новые средства воспитательно-познавательной деятельности.

Издания для детей на территории Украины конца XIX и в первой половине XX в. различались не только по тематической и идеологической направленности, но и учитывали национальный фактор. Например, редакции изданий «Дзвіночок», «Читайте, діти!», «Молода Україна», «Волошки», сборник «Світло» и др. свое

содержание ориентировали на украинских читателей, подавая им образцы родной литературы, воспитывая национальное сознание и патриотизм.

Некоторые периодические издания в разных городах были предназначены еврейской аудитории («Молодая Иудея», «Заря», «Колосья», «Молодой Израиль», «Юный Израиль», «Хапрахим», «Цветник Иудеи», «Домой в Сион», «Еврейская молодая мысль», «Еврейское юношество»). Местом их издания обозначены Одесса, Луганск, Кременчуг, Ялта, Киев, Лохвица Полтавской губернии.

С установлением советской власти и образованием УССР пресса для детей также придерживалась национального «распределения». Центральное бюро Коммунистического детского движения и специальное издательство — Госкомнацмениздат (позже — Укргоснацмениздат) позаботились о создании целого ряда печатных органов, издающихся на разных языках. Появились журналы идеологически-воспитательного плана — болгарский «Бъди готов! / Будь готов!» в Харькове (1929–1938) и греческие «Νεος Μαξιτις / Юный боец» и «Πιονερος / Pioneros» в Мариуполе на Донбассе (1931–1937).

Киевское губернское бюро учителей издавало орган Центрального еврейского бюро при Народном комиссариате образования, ежемесячный журнал для детей «Фрейд / Радость» (1922–1925); еврейская секция издательства «Юнгер Арбетер» при ЦК ЛКСМ Украины организовала популярный научно-литературно-художественный и политический журнал «Либкнехте дор / Поколение Либкнехта» (Харьков, 1923). Наиболее длительно существующим журналом на еврейском языке был орган ЦК ЛКСМУ и НКО УССР «Октяберл / Октябренок» (1930–1933), переименованный в «Зай грейт! / Будь готов!» (1933–1940).

Немецким детям адресовался журнал под названием «Die Trompete / Горн» (Харьков, 1927–1933, дальше в газетном формате до 1937 г.). Польские читатели имели возможность присоединиться к ежемесячным журналам для детей и молодежи — «Młody towarzysz / Молодой товарищ» (Киев, 1924) и «Sztandar pioniera / Знамя пионера» (Киев, 1924–1925), еженедельнику рабочей молодежи «Głos młodzieży / Голос молодежи» (Киев, 1927), а также иллюстрированному двухнедельнику для пионеров и детей с довольно традиционным названием «Bądz gotów! / Будь готов!» (Харьков, 1929–1932).

Основным приоритетом периодики для детей Советской Украины стало воспитание «организованного» подрастающего поколения: октябрят, пионеров, частично комсомольского юношества. Главными символами на страницах прессы становятся пионер-горнист, октябрятская звездочка с изображением молодого Володи Ульянова, красные флаг и галстук, комсомольский значок. Девизы украинской, русской, греческой, еврейской, польской, болгарской печати были фактически идентичными: от простого «Будь готов!» к «Будь готов к борьбе за рабочее дело!». Ключевые слова в журналах и газетах для детей дошкольного и школьного возраста имели «революционную» окраску: *пионер, революция, коммуна, товарищ, вождь, коммунистическое движение.*

Редакция киевского журнала «Sztandar pioniera» сообщала, что будет заботиться о развитии коммунистического движения среди польских детей, увеличении групп молодых пионеров, будет стремиться создавать новые организации и направлять детское движение в ленинское русло.

Лозунги «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» и «К борьбе за рабочее дело — будь готов!» поддерживала газета польских пионеров в Украине «Bądź gotów». Рубрики и заголовки этого издания («Съезду Советов — о нашей работе рапорт», «Цветет красная Украина», «Пионеры Минска у пионеров Киева», «Объединение городов», «Как следует использовать перерыв в школе», «Будем подвижными, энергичными, сильными», «Железный Феликс» и т.д.) свидетельствовали о напряженной идеологической работе по воспитанию подрастающего поколения в духе ленинских традиций.

Содержание журнала для немецких детей «Die Trompete» шире, чем издание на польском языке. Здесь чаще печатаются песни, рассказы, пьесы, рассказы о природных явлениях и научных открытиях, подаются образцы практических занятий (например, искусство вышивки), а также шарады, игры, задачи, способствующие всестороннему развитию детворы. Неслучайно тираж «Die Trompete» постепенно увеличивался: № 17 за 1927 г. издан в количестве 2300 экземпляров, № 19 — уже 3300, № 20–4200; в 1928 г. общий тираж увеличился до 7500, а в 1933 г.— 10 400 экземпляров.

Общая идеологическая позиция редакции журнала «Die Trompete» прослеживается в стихах «Карл Либкнехт» Макса Бартеля, рассказах об известных деятелях коммунистического дви-

жения (В. Ленин, Р. Люксембург, К. Либкнехт, И. Сталин) и членов политбюро Коммунистической партии Советского Союза (с некоторыми портретами и биографиями). Наряду со словами идеологического смысла — *коммунист, пионер, революция, красная армия, союз молодежи* — появляются также понятия: *свобода, работа, обучение, воспитание* и т.д.

Для коммунистического «закаливания» греческих детей, проживающих на территории Советской Украины, в 30-е гг. XX в. предназначались периодические издания «Неос махитис» и «Пионерос». Тематическое содержание редакции рассчитывали на детей среднего школьного возраста: сбор урожая без потерь, «огни пятилетки», разоблачения подкулачников и коммунистическая победа во всем мире. Понятными для восприятия юных читателей были сообщения и корреспонденции или стихи, например, «Маленькие коммунары», «Мировая армия юных ленинцев», «Оздоровительная детская кампания — боевое задание пионеров», «Привлечь птиц», «Сажайте и охраняйте деревья» и т.д.

Большое внимание редакция обращала на жизнь греков в Советском Союзе и на родине (по материалам прессы, сообщениям корреспондентов, воспоминаниям). Во многих номерах журнала печатался греческо-русский словарь, который помогал понять тексты пионерского издания. Не забывали здесь и о детских развлечениях (например, предлагались описания игры «Горячий мяч» или «Мула и барашек») и другие предложения в рубрике «Во время досуга».

Как и в предыдущих изданиях, на страницах «Νεος Μαξιτις» немало идеологических клише: *советская страна, социалистическое строительство, маленькие коммунары, план хлебозаготовок, политическое задание, революционные знамена, зверская эксплуатация, большевистский сев* и т.д.

Продолжением предыдущего издания является греческое издание «Πιονερος / Pioneros /Пионер» в Мариуполе в 1937 г. Содержание номера, которое уже дублировалось не на украинском, а на русском языке, также позволяет нам акцентировать внимание на идеологически маркированных заголовках («Красноармеец», «Лучшая армия мира», «Непобедимая страна», «С. М. Буденный о пионерах», «Песня о Ворошилове», «Пустите меня на фронт»). Наряду с ними — нейтральные названия: «Село», «Конь», «Ночь», «Утро», «Блокнот натуралиста», «Зимняя дорога», «Лев», «Тигр»,

«О 4-й школе города Мариуполя» и т.д. Поэтому очевидно, что эта «пионерская периодика» уверенно равнялась на лучшие революционные традиции, не забывая об общем развитии ребенка (изучение творчества Пушкина, наблюдение явлений природы, развитие творческих способностей, физическая закалка).

Сейчас в фондах отдела литературы стран Азии и Африки Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге хранятся экземпляры двух газет, которые издавались как еврейские органы ЦК ЛКСМУ. Это газеты «Yunge gvardie / Молодая гвардия» (Харьков, 1924–1936) и «Zay greyt / Будь готов» (Харьков, 1928–1937). В логотипе первого издания зафиксирована пятиконечная звезда на фоне флага, а в другом — улыбчивый пионер с поднятой правой рукой на фоне лучистой звезды.

Отдел иудаики (подраздел Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского) сохранил коллекцию еврейских детских и юношеско-молодежных изданий, среди которых «Frejd / Радость», «Libknekhts dor / Поколение Либкнехта», «Oktyaberl / Октябренок», «Roman-tsajtung parkinder / Роман-газета для детей», «Zay greyt» и другие (всего 10 наименований) (см. [2]).

Традиции уважения к подрастающему поколению этниче- ских сообществ, которые проживают на территории Украины, закладывались в начале XX в. особенно интенсивно в период осуществления политики «коренизации». Но большинство изданий прекратили свое существование в средине или конце 30-х гг., для чтения детской аудитории были предложены центральные и республиканские издания. Дети Украины чаще всего обращались к газетам «Пионерская правда», «Зірка / Звезда», «Юный ленинец», журналам «Мурзилка», «Веселые картинки», «Пионер», «Пионерия», «Барвінок/Барвинок», «Малятко/Малыш».

С 90-х гг. XX в. произошли изменения как в количественном выражении прессы для детей, так и в качественном наполнении, полиграфическом оформлении, использовании новых средств информационного общения. По сравнению с предыдущими периодами развития детской и ученической периодики в Украине, заметны достижения и в языковой палитре СМИ. Значительная часть таких газет и журналов издается на государственном (украинском) языке — 570 (53,5 %), 365 изданий избрали для публикаций материалов русский язык (34,1 %), 114 изданий выходили на украинском и русском языках (10,6 %). Еще 7 редакций под-

твердили на практике двуязычный вариант в ином сочетании: украинский и другие языки — английский, немецкий, ромский (цыганский), румынский. В последнюю группу входили такие издания, как «Велика перерва / Веселая переменка» (с. Йорданешти Черновецкой обл.), «Абетка / Азбука» (Тернополь), «Карусель» (Киев), «Teen English» (Харьков), «Кур'єр / Курьер» (с. Новоселовка Запорожской области).

Существовали также издания для детей, где в публикациях текстов использовалось несколько языков. Например, волынская областная газета ученической молодежи «Бриз» обозначила такие языки издания: украинский, русский, польский; киевский журнал «Я і сім'я / Я и семья» предложил читателям украинский, русский и английский языки; международный ежемесячник «Пізнайко / Познайко / Poznayko» предлагает на выбор украинский, русский и английский варианты; подобным образом издается и развлекательный журнал «Кузя» (русский, украинский и английский языки); инициаторы журналов «Добрик крокує планетою / Добрик шагает планетой» и «Добрик крокує Києвом / Добрик шагает Киевом» выбрали семь языков: украинский, английский, испанский, немецкий, польский, русский, французский.

Десять изданий предназначено для иноязычного читателя — детей этнических обществ. Например, на венгерском языке можно ознакомиться с такими журналами, как «Irka», «Bobita» и «Nyomkeresö», на румынском — «Făgurel», на польском — «Polak mały», на гагаузском — «Солнышко плюс», на крымскотатарском — «Балалар дюньяса» (дополнение к газете «Яньи Дюнья»), «Йылдызчыкъ / Звездочка» и созданном в 2012 г. журналом «Арманчыкъ / Armançiq».

Ромским детям младшего школьного возраста предназначался публицистический и информационный журнал «Кгаморо / Солнышко» и соответственное приложение к нему «Бібліотечка "Кгаморо" / Библиотечка "Кгаморо"» (Ужгород, основатель — Закарпатская ассоциация ромских общественных организаций «Экгипе / Единство»). Некоторые материалы напечатаны на украинском, ромском и венгерском языках. Художественные произведения, песни, сказки, детские рисунки, конкурсы, очерки из жизни местных цыган и их истории (постоянная рубрика «Наша история»), переводы украинской поэзии Т. Шевченко и других авторов составили духовную основу ужгородского журнала. Еже-

квартальное издание стало важным звеном в воспитательной работе классов, групп в детских садиках и воскресных школах Закарпатья, где обучались дети ромов.

С 2012 г. в Ивано-Франковске издается на польском языке журнал «Polak Mały», в котором представлены познавательные, развлекательные, образовательные и художественные материалы. Ежемесячник знакомит читателей с природными явлениями, рассказывает о праздниках и традициях, печатает рассказы, стихи, сказки, репортажи о природе, праздниках, обычаях, жизни детей (в частности: «Bałwankowe szczęście» T. Massalska, «Domek dla ptaszków» I. Suchorewska, «O facetach i facetkach» J. Miodek, «Marzec» B. Kazia, «Tyle kobiet dookoła!» H. Łochocka). Здесь также размещены загадки, поздравления, тесты, разрисовки. Издание полноцветное, есть рисунки и фотографии.

Мусульманским детям адресовано киевское издание на русском языке «Веселый светлячок» (приложение к газете «Минарет»). Духовное управление мусульман Украины как учредитель журнала заботится о нравственно-религиозных и познавательных интересах читателей.

Журнал для детей «Făgurel (revista copiilor români din Ucraina) » выходил в Черновцах на румынском языке один раз в месяц. Основателем была Всеукраинская научно-педагогическая ассоциация «Арон Пумнул» и писатель Симион Гочу. На страницах издания постоянно появлялись сказки, рассказы, стихи, смешинки, загадки, в частности произведения М. Эминеску, Т. Аргези, В. Сухомлинского и др. («Să nu trădez» S. Gociu, «Fata babei şi fata moşneafgului» I. Creanga, «Alfabetul» T. Arghezi, «Mama mea, aroma păinii» V. Suhomlynski). Отдельным приложением к журналу выходила «Biblioteca revistei Făgurel», где печатались художественные произведения отдельных авторов. Например, в 2007 г. издана книга стихов для детей «Do-re-mi-fa-sol-la-cri… / До-ре-ми-фа-соль-ля-кри…» (тираж — 2000 экземпляров) А. Сучевяну.

Как правило, большинство изданий для детей национальных меньшинств в Украине заботятся сегодня о родной культуре — знании традиций, обрядов, языка, литературы. Немаловажно и патриотическое, гражданское воспитание, элементами которого являются экскурсы в историю Украины, рассказы о современных достижениях, диалоги с детьми других национальностей. Чаще всего со страниц детской периодики, независимо от языка

ее издания, звучат понятные слова: дети, детвора, ребята, малыши, школьники, мальчики и девочки (мальчишки и девчонки).

Если в 20–30-е годы XX в. в периодике для детей преобладали пропагандистско-идеологические и социальные установки (воспитание советского «организованного» человека — октябренка, пионера, комсомольца), то в современной прессе проявляется познавательная направленность, обращение к культурным традициям, историческому опыту, национальным ценностям, стремление к интеграции культур. Происходит движение от стандартных маркированных названий (еврейские, польские, болгарские, греческие, немецкие газеты и журналы 1925–1937 гг.— «Zay greyt!», «Yunger shlanger», «Sztandar Pioniera», «Oktyaberl», «Πιονερος / Pioneros», «Νεος Μαξιτις», «Бъди готов» и др.) к ценностно-воспитательным приоритетам нового времени (венгерские, ромские, польские, румынские и др. издания —«Polak Mały», «Кгаморо», «Făgurel», «Nyomkeresö», «Irka»).

Литература

1. Єжижанська, Т. Періодичні видання для дітей: комунікаційний аспект [Електронний ресурс]/ Тетяна Єжижанська // Гуманітарна освіта в технічних вищих навчальних закладах : зб. наук. праць. —Режим доступа : jrnl.nau.edu.ua/index.php/go/article.

2. Марущак, О. М. Електронні ресурси вітчизняної періодики для дітей [Електронний ресурс] / Марущак О. М.— Режим доступа : http://eprints.zu.edu.ua.

3. Сахневич, Ю. Журнал для дітей «Фрейд» видавництва «Культур-Ліга» (за матеріалами Державного архіву друку Книжкової палати України) / Юлія Сахневич // Вісник Кн. Палати.— № 3.— 2014.

И. Н. Дьяченко
Житомир, Житомирский институт медсестринства

Аксиосфера славяно-украинской культурной традиции: филоменологический аспект

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью историософского осмысления фундаментальных социокультурных изменений, которые происходят в современном украинском обществе, для определения аксиофундаментальных мотивов деятельности и эффективного функционирования меха-

низмов сохранения и развития жизни человека, а также определения перспектив эффективной интеграции Украины в славянское культурное пространство. Неразработанность понятий «жизнь», «любовь к жизни» в отечественной историософской культуре, выкристаллизация идеи рожденности человека и ее смыслового значения в русле современных тенденций отечественных и зарубежных исследований в этой области (Т. Щитцова в Литве, Н. Депр во Франции, Шуес в Германии) сполна оправдывает научное внимание автора к ценности «любовь к жизни», формам ее проявления в славяно-украинской культурной традиции.

Цель статьи состоит в осмыслении роли славяно-украинской культурной традиции в процессе раскрытия основного содержания генеральной нормативно-ценностной установки украинской культуры — «любви к жизни» (филоменологичности), интегрирующей все формы сущего и бытийного (сакрального).

В наше время изучение славяно-украинской культурной традиции — серьезная междисциплинарная проблема, решением которой занимаются представители разных подходов (этнопсихолингвистический, философско-социологический, историко-философский, философско-культурологический, философско-антропологический, социокультурный, эзотерический) и парадигм (натуралистическая (онтологическая), конструктивистская (социоцентристская), философско-антропологическая, персонально-трансцендентная) [1]. При всем научно-исследовательском потенциале вышеупомянутых подходов остается непроясненным основное содержание генеральной ценности, интегрирующей все элементы украинской культурной традиции в единое целое.

Генеральные ценностные установки в обществе составляют основную характеристику культуры, указывающую на ее идеалы и на конечные цели деятельности людей. Обобщая определения ценностей многих зарубежных теоретиков, Ш. Шварц и У. Билски выделили основные характеристики ценностей, подчеркивая, с одной стороны, фундаментальность ценностей, выступающих как стандарты, которые руководят выбором или оценкой поступков, людей, событий, а с другой стороны, способность ценности к постепенному изменению [2].

Мы считаем, что не все ценности могут изменяться. С позиций системного анализа ценностью считается положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для

человека, группы людей, которая определяется их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений. Потребность — это осознанный под давлением среды внутренний недостаток реализации ресурсов для жизнеобеспечения. В связи с этим определением ценностью можно назвать потребность, оцененную относительно других потребностей по какой-либо шкале в условиях ограниченности реализации собственных ресурсов [3]. Ценность, которая воспринимается как желательный (предполагаемый) результат запланированной деятельности, обязательно превращается в цель. Ценности, ориентация на которые способствует сохранению жизни человека, развития его личностного потенциала [4], претендуют на статус конечных целей, достижение которых является задачей не одного поколения. Ценности любого народа образуют систему. В такой системе ценности связаны друг с другом и отличаются между собой по значению, так как представляют собой еще и цели. Ценности, которые оформляются как конечные цели, составляют ядро культуры и традиции, не изменяются. Для сохранения наработанной методологии достижения целей, удовлетворения жизненнонеобходимых потребностей формируется традиция.

Ценности, не ставшие целями, но выполняющие функции жизнесохранения в разных условиях в большей или меньшей степени, отодвигаются на периферию культуры и традиции, подвержены изменениям. Именно ценности формируют мотивы человеческого поведения (Е. Багрова, С. Кручинин, Ш. Шварц, У. Билски).

Анализ восточнославянской мифологии, легенд, древних хроник, исторических описаний, памятников древнерусской литературы, семиосферы народных обычаев, культов восточных славян позволяет теоретически реконструировать систему нормативных ценностных ориентаций наших предков и выкристаллизовать генеральную ценность славяно-украинской культурной традиции, а именно: «любовь к жизни» (филоменологичность).

Во-первых, восточные славяне, как и западные, несмотря на видимое многобожие, признавали одного всемогущего Бога, Отца природы, заботящегося о небе и земле [5, с. 1].

Во-вторых, встречаются разные названия Бога: Радегаст, Сварожич, Свентовит, Даждьбог, Лада, Слава, Живой, Жив. Лингвистические, топонимические, археологические материалы по-

зволяют утверждать, что в именах Бога отражается его существенная характеристика: способность животворить и своими действиями быть все равно что свет, солнце, мать для природы [5, с. 85]. Принимая во внимание тождественность в названиях, в культе, в изображениях Солнца и богини жизни (Славы), от имени которой целый народ получил название славяне, Я. Боровский указывает на Солнце как на существо женского рода [6, с. 89], подчеркивая отраженную в семиотике славян способность порождать живое. Н. И. Костомаров указывает, что Живой (бог Жизни) был источником благополучия, верховным правителем Вселенной и божеством красоты и весны [5, с. 28]; апеллируя к хронике Дитмара, Гельмольда, приводит доказательства того, что Верховный Бог славян и Радегаст, и Сварожич, и Даждьбог — это одно и тоже божество, которое означает воплощение Света физического и этического.

В-третьих, коренной принцип восточнославянской религии — эманация. Эманация необходима, потому что Бог такой, какой Он есть. Бог не отождествляется с природой. Бог не рассеялся в своем творении, а лишь выпустил из себя духов, которые населяют материю и служат посредниками между мертвой массой и все оживляющим Началом, но сами существуют от Бога отлично. Гельмольд утверждает, что другие божества «истекли постепенно от высочайшего Бога и как бы рождаются из крови его; и оттого из них тот выше и совершеннее, кто более приближается к Богу богов» [7, с. 185]. Согласно представлениям наших предков, нравственная и физическая природа представляется живущею, заключающею в каждом явлении своем жизненный дух, исходящий от зиждителя, потому, что Бог есть бытие, сохраняет свою истинность, продолжает необходимый род существования, который относится к его сути, как образ к своему первообразу. Бог есть то, что он есть. Бог — Первопринцип, принцип первоединства. По убеждению славян, Бог есть Жизнь. Воля Бога и его суть тождественны. Результат воли Бога — это его творение, которое свободно, так же как и сам Бог-Отец, и является живым. Каждый объект тем самым наполняется жизнью (оживляется), становится сопричастным Божественному, Жизни, получая возможность не просто быть вместилищем, носителем животворной, божественной силы как потенциала, а взаимодействовать с божественным, достичь полноты реализации полученного потенциала и способ-

ствовать продолжению Жизни. Жизнь пронизывает весь мир, является основой его существования, в т.ч. и человека.

В-четвертых, эманация — принцип индивидуальности вещи. Бог детерминируется отличием от своего творения. Каждая отдельная вещь не есть сам Бог-Отец, но обязательно содержит в себе принцип своего первоединства. Принцип Абсолютного Первоединства существует и во всем неабсолютном, как и существующее обязательно является каждый раз какой-либо единицей, и сама единица неделимая и недробимая ни в чем. Животное есть именно животное, человек есть именно человек, а не что-нибудь другое. Даже при всем разнообразии вещей, отличающихся от Абсолютного Первоединства, каждая вещь, если она действительно существует и как-то называется, является, прежде всего, сама собой. Принцип Абсолютного Первоединства, будучи одним и тем же во всех вещах, обязательно существует и в каждой отдельной вещи. Благодаря именно этому своему собственному первопринципу она лишь и является сама собой, и благодаря этому первопринципу собственного первоединства вещь лишь и может быть субъектом разного рода свойств и качеств. Вещь и имеет свою причину, она и результат желания кого-нибудь, она является необходимостью общего бытия, она есть и результат своего собственного желания или нежелания быть.

В-пятых, человек — живущее сущее, владеет бытием, поскольку принимает участие в бытии, стремящееся к Жизни и жить, то есть стремящееся актуализировать полученное от Бога-Жизни, которое рассматриваем как потенциал, и максимально его осуществить в той форме, в которой сущее есть (форме человека). Так, восточные славяне верили, что существо Светлое было на земле и воплощалось в человеческом роде. Н. И. Костомаров, ссылаясь на Ипатьевскую летопись, свидетельствует о том, что когда-то царствовал на земле Сварог (наивысшее существо, Отец Света), научил человека искусству ковать и брачным связям, потом царствовал сын его Даждьбог [8, с. 5; 5, с. 3]. Человек — это существо вместе и человеческое, и божественное. Ярким примером этого убеждения было поверье западных славян о воплощении в Радегасте (равнозначный со Сварожичем, Даждьбогом герой, который когда-то царствовал со славой, потом погиб в бою и сделался божеством) светоносного и животворящего Начала [7, с. 126].

Очевидно, что именно воплощенный в человеке Свет (символ Бога-Жизни) и сопричастность Активному Началу, участие в Божественном, в Жизни определяет смысл, направленность, перспективы деятельности человека. Борьба с тьмой, с недостатком Света, неПолнотой, неСовершенством, со всем тем, что угрожает и вредит Жизни, ее проявлениям, развитию открывает перед человеком перспективы вечной жизни (бессмертия). Человек получил жизнь от Бога, является представителем рода «vivens», и вида «homo vivens». Бог, который есть Жизнь, связь человека с Ним является необходимым условием жизни человека. Жизнь является и той способностью, которой сущее может двигать себя и в то же время быть принципом собственных действий, и потенциалом, который реализуется. Бог всегда в акте, Жизнь всегда в акте, поэтому бытие является интенсивно динамичным, полным, совершенным. Отсюда генеральной нормативной ценностной установкой человека является стремление или любовь к Жизни, так как Жизнь (Бог и полученное от Него (потенциал)) — это необходимое условие существования человека именно как человека.

В-шестых, «Жизнь человека» — это интегрированное понятие, которое описывает то, что человек вмещает в себе недифференцированный потенциал, который получает еще до своего рождения. Потенциал человека характеризуется не только недифференцированностью, но и синкретичностью, т.е. единством родового и видового в человеке. Полученный человеком потенциал при его рождении дифференцируется, определяя уровни развития человека в направлении усложнения. Процесс рожденности актуализирует проблемы: соотношения божественного и человеческого; необходимости распознания в полученном потенциале того, что человек должен, может, хочет осуществить именно как человек; оценки, осознания обязательности следования «принципу участия» в процессе существования человека как человека-творения Бога-Жизни.

Категория «Жизнь человека» акцентирует внимание на реализации человеком его способности к существованию, которое возможно только в результате соединения с Богом-Жизнью и составления с ним одной существенной целостности, без отождествления сущности человека с Богом. На логическом уровне эта реализация означает полное осуществление предоставленной Богом

уникальной сущности человека, т.е. его человечности, в процессе активной деятельности. В реализации потенциала человека важными факторами являются пол, возраст, мудрость, семья, мораль, общество, что собственно отражает ценностную иерархию славяно-украинской культурной традиции. Анализ украинских паремий подтверждает приоритетность ценности «жизни» в этой иерархии. Объектом нашего анализа были 4028 паремий, на основе которых были сформированы десять тематических групп-ценностей, которые были проранжированы.

Таблица 1

Тематические группы-ценности

Ценности	Количество вариантов	Частота упоминания
Возраст-пол	848	0,21052632
Жизнь	669	0,16608739
Мудрость	547	0,1357994
Душа-тело	515	0,12785501
Семья	448	0,11122145
Мораль	347	0,08614697
Общение	336	0,08341609
Отдых	118	0,02929494
Человек	109	0,02706058
Пространство-время	91	0,02259186
Итого	**4028**	**1**

По данным таблицы была построена гистограмма частоты упоминания ценностей в пословицах и поговорках украинского народа. В результате получилось, что в первую группу значимых ценностей войдут возраст-пол, жизнь, мудрость, во вторую — душа-тело, семья, в третью — мораль, общение, в четвертую — отдых, человек, пространство-время. Первую группу назовем «Значимые ценности», вторую — «Вспомогательные ценности», третью — «Дополнительные ценности», четвертую — «Малозначимые ценности».

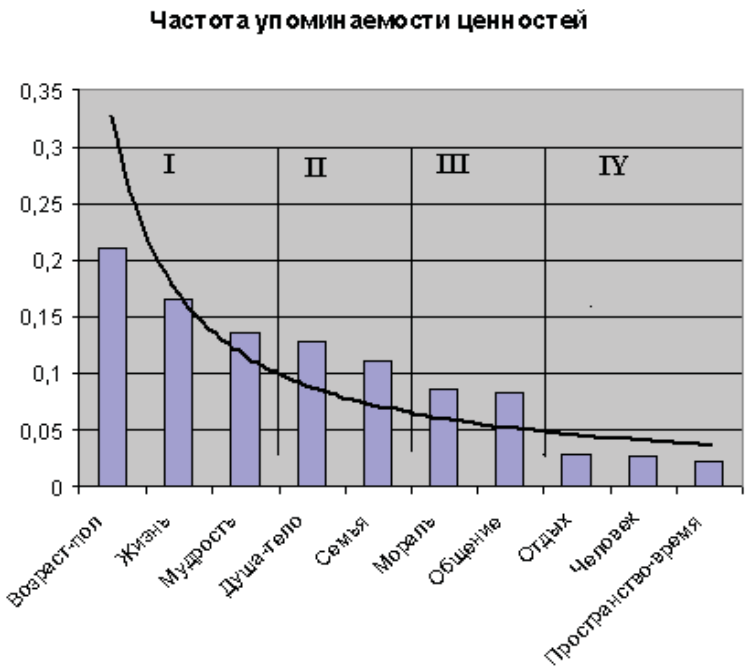

Рис. 1. Гистограмма распределения частоты упоминания ценностей в украинских паремиях. Группы ценностей: I — значимые; II — вспомогательные; III — дополнительные; IV — малозначимые

Первая и вторая группы представляют центральную зону славяно-украинской культуры, являясь основным содержанием (ядром) отечественной культуры и гуманистической традиции. Периферия представлена третьей и четвертой группами ценностей [9, с. 181–182].

Итак, историософский анализ славянской гуманистической традиции [10] свидетельствует о том, что сущее, которое называется «человек», преисполнено относительно бытия (Бога-Жизни) исключительным беспокойством и потребностью интеграции с ним. Это единственное сущее, которое не просто интересуется бытием (Богом-Жизнью), выясняет суть бытия как такового, но и стремится к единству с ним. Потребность в развитии полученного потенциала, усилия по распознаванию, созданию условий для

его реализации, приумножения в контексте стремления к Богу-Жизни составляет содержание понятия «филоменологичность». Филоменологичнисть является наиболее значимой из генеральных ценностей славяно-украинской культуры и традиции. Из нее выводятся другие ценности и элементы образа существования украинцев (религиозность, эстетичность, кордоцентричность, гуманизм и т.д.). Мера развития филоменологичности определяет меру активности человека в процессе развития его потенциала на всех уровнях его существования.

Литература

1. Д'яченко, І. М. Феномен української культурної традиції: філоменологічний аспект / І. М. Д'яченко // Традиції та сучасність українського цивілізаційного простору: проблеми духовної, державної, національної єдності.— Ужгород : Видавничий відділ КаУ, 2015.— С. 21–28.
2. Schwart, S. Toward a universal psychological structure of human values / Shalom Schwart, Wolfgang Bilsky // Journal of Personality and Social Psychology.— 1987.— Vol 53 (3), Sep.— S. 550–562.
3. Богомолов, А. М. Личностный адаптационный потенциал в контексте системного анализа / А. М. Богомолов // Психологическая наука и образование.— 2008.— № 1.— С. 67–73.
4. Личностный потенциал. Структура и диагностика / Д. А. Леонтьев [и др.] ; ред. Д. А. Леонтьев.— М. : Смысл, 2011.
5. Костомаров, Н. И. Славянская мифология / Н. И. Костомаров.— Киев : Типография Вальнера, 1847.
6. Боровский, Я. Е. О названии Великой Богини славян / Я. Е. Боровский // Древние славяне и Киевская Русь : сб. науч. трудов.— Киев : Наук. думка, 1989.— С. 84–92.
7. Гельмольд. Славянская хроника. Гл. I / Гельмольд.— М. : Наука, 1963.
8. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей.— М. : Изд-во вост. лит., 1962.— Т. 2.
9. Дьяченко, И. Н. Русская гуманистическая традиция в условиях современного российского общества / И. Н. Дьяченко // Россия и Европа: связь культуры и экономики : материалы международной научно-практической конференции.— В 2-х частях.— Ч. 2. / отв. ред. Наумов А. В.— Прага, Чешская Республика : DigiTisk Studio spol. s.r.o., 2011.
10. Дьяченко, И. Н. Гуманизм и славяно-русская гуманистическая традиция: филоменологический аспект / И. Н. Дьяченко.— Ханты-Мансийск : Информационно-издательский центр, 2011.— 492 с.

Ж. А. Ермекбай
Астана, Казахстанский филиал Московского
государственного университета имени М. В. Ломоносова

Культурные реалии и традиции народа Казахстана

Республика Казахстан является многонациональной страной. На ее территории кроме казахов проживают разные этносы. По данным Всероссийской переписи населения 1897 г., на территории казахского края в пределах нынешних границ проживали 4147,8 тыс. человек, из них казахов — 3392,7 тыс., что составляло 81,7 % среди других этносов. В начале XX в. население Казахстана становится все более многонациональным, и это происходит в основном на счет переселенцев, которые в период столыпинской аграрной реформы направлялись из внутренних губерний Российской империи в Казахстан и Сибирь. В настоящее время население Республики Казахстан составляет свыше 17 млн. человек. По площади Казахстан занимает 9-е место среди государств мира (2 млн. 724.9 км^2) и 2-е место среди стран СНГ после Российской Федерации. Общеизвестно, что на территории Казахстана проживают, кроме казахов, русские, украинцы, белорусы, татары, немцы, поляки, уйгуры, дунгане, народы Кавказа и другие этносы, оказавшиеся здесь волею судеб.

Административная и национальная политика в Казахстане, когда она была в составе Российской империи и СССР, конечно, разнились. В составе Российской империи Казахский край был административно распределен между тремя генерал-губернаторствами. В составе Западно-Сибирского или впоследствии Степного генерал-губернаторства казахи проживали в Акмолинской и Семипалатинской областях, в Оренбурском генерал-губернаторстве в Уральской и Тургайской, а в Туркестанском губернаторстве населяли Сырдарьинскую и Семиреченскую области. В Российской империи казахи именовались инородцами, а в советское время были гражданами СССР в составе Казахской Советской Социалистической Союзной Республики. Основные принципы национальной политики советской власти базировались на принципах свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик. Казахстан вначале был автономной ре-

спубликой в составе Российской республики, а затем преобразился в союзную республику со своей конституцией.

В период СССР население Казахской ССР имело все права и обязанности, как и другие граждане страны. Была проведена национально-государственная реформа, в ходе которой территория и население увеличились, в республике осуществлялась политика коренизации, когда казахи как титульная нация получили возможность участвовать в работе законодательных и исполнительных органов власти. В Казахстане были осуществлены коренные преобразования в культурной области. На казахском языке выходили газеты, журналы, книги, открывались казахские драматические и художественные театры и другие новые очаги культурных учреждений, появилась национальная творческая и техническая интеллигенция. Также это коснулось и других этносов, проживающих а республике. Население Казахстана получило доступ к образованию, в краткие сроки была ликвидирована безграмотность, было принято постановление о введении всеобщего обязательного начального образования, открылись средние и высшие учебные заведения, было введено всеохватывающее медицинское обслуживание, люди разных этносов приобщались к своим национальным истокам, для казахов был разработан вначале алфавит на латинице, а затем на кириллице. В 1926 г. открылся первый казахский театр, в 1934 г.— театр оперы и балета имени Абая, а в 1936 г. в Москве состоялась первая декада казахского национального искусства. В целом в республике были проведены грандиозные, масштабные культурные реформы, которые коснулись всех этносов, но, вместе с тем, следует отметить негативные явления, сопутствовавшие вплоть до распада Советского Союза.

Новационные национально-культурные просветительские преобразования были омрачены жестокой экономической политикой и социальной несправедливостью, когда репрессии административно-командной системы унесли из жизни ярких представителей казахского, русского, украинского и других этносов. Многие граждане в ходе коллективизации сельского хозяйства (в особенности казахское население) понесли тяжелые потери от голода и эпидемий. Смертность казахов составила около 1750 тыс. человек [1, с. 311], а многие навсегда откочевали в другие сопредельные советские республики и края, а также в Монголию, Китай, Афганистан, Иран. Конечно, резко снизилась численность и других

этносов, населявших Казахстан. Казахский этнос понес тяжелейшие потери, вынужден был отказаться от традиционной кочевой и полукочевой хозяйственной деятельности и перейти к седентиризации. Казахи смогли преодолеть это кризисное явление только потому, что последнее застало его на самой ранней стадии демографического периода. Благодаря демографическому взрыву, который совершился уже в послевоенные годы, лишь через 40 лет казахский народ смог восстановить прежнюю численность.

В Казахстан мигрировало немало этносов из различных внутренних губерний европейской части Российской империи, областей, краев и республик Советского Союза на протяжении конца XIX и всего XX веков. Это было вызвано экономическими, политическими, военными, репрессивными, социальными причинами. Некоторые этносы целиком из мест своего постоянного проживания были депортированы на территорию Казахстана. Так, в предвоенные годы и в годы Великой Отечественной войны в республику были насильственно выселены как политически неблагонадежные, обвиненные в коллаборационализме 1 млн. 200 тыс. человек, в том числе — 38 % немцев, 83 % чеченцев и ингушей, 59 % корейцев, 58 % карачаевцев, 55 % балкарцев, 76 % греков, 62 % курдов и др. [2, с. 233]. Невозможно описать все невзгоды, которые пережили спецпереселенцы в условиях резкой смены климата, тяжелых жилищно-бытовых, антисанитарных условий, постоянного голода, вызывавших болезни и смерть на чужбине.

Следующая волна миграций была связана с освоением целинных и залежных земель. В республику по комсомольским путевкам прибывают комсомольцы и молодежь, в первую очередь, из европейской части СССР. И если в 1954 г. на целину ехала в основном молодежь, то в 1955 г. начинают прибывать семьи колхозников из России, Украины, Белоруссии и других республик СССР. После окончания кампании более шести миллионов русских, украинцев, белорусов из России, Украины и Белоруссии остались в Казахстане.

Реальность XX столетия, принесшая тяжелые испытания многим этносам, конечно, отразилась на сознании. Многие народы подверглись интернационализации общения с людьми разных культур. Однако не все испытали на себе процессы аккультурации и тем более ассимиляции. В многонациональном Казахстане каждый этнос сохранил реликты своей национальной поведенче-

ской культуры. Если оглянуться назад в недавнее историческое прошлое, например, в период перестройки СССР, то можно увидеть, как началось возрождение забытых национальных обрядов и традиций. Это было характерно для всех народов, населявших СССР. Ценностные ориентации любого этноса, населяющего территорию Казахстана, в настоящее время стали еще прочнее сохраняться в поведенческой культуре соотечественников республики.

Культура каждого народа Казахстана в советское время стала национальной по форме и, конечно, социалистической по содержанию. Это выразилось в проведении жесткой цензуры, ограничении свободы слова и печати, атеистической политики в отношении верующих. Многие представители национальной интеллигенции подверглись новому витку послевоенных репрессий по ложным политическим, социальным и классовым причинам. Если в Москве и Ленинграде появились «дело врачей», «ленинградское дело», то в Казахстане «дело Бекмаханова». Молодой талантливый историк Е. Бекмаханов в составе коллектива эвакуированных ученых из Москвы, Ленинграда, куда входили известные в СССР ученые историки академики А. М. Панкратова, Н. М. Дружинин, Б. Д. Греков и другие, работал в годы войны над созданием академического учебника «История Казахской ССР», который вышел в печать в 1943 г. В 1947 г. Е. Бекмаханов подготовил монографию «Казахстан в 20–40-х гг. XIX в.», которую власти посчитали националистической, антисоветской. Он был осужден на 25 лет и лишь после смерти Сталина смог выйти на свободу. Жертвами политических обвинений стали казахские ученые А. Жубанов, Х. Жумалиев, Б. Сулейменов, русский писатель Ю. О. Домбровский и другие. Первый президент Академии наук Казахстана, известный ученый академик К. И. Сатпаев и выдающийся казахский писатель М. О. Ауэзов были вынуждены покинуть республику. Это пережили и другие представители этносов, населявших Казахстан и другие республики СССР.

Трудовая и общественная деятельность гражданского общества неразрывно связана с ее культурной деятельностью. О культурных нормах жизнедеятельности населения Казахстана написано немало как в научных изданиях, так и в художественной литературе. В целом морально-этические кодексы поведенческой культуры всех этносов, населяющих территорию Республики Казахстан, не вступают в серьезные противоречия. Волею судьбы

люди разных национальностей, оказавшись в Казахстане, в целом не нарушили своего морального кодекса жизнеобеспечения и во взаимоотношениях с другими этносами придерживались своего этнонационального этикета, при этом проявляя уважение к иным, соседним нормам поведенческой культуры.

По мере налаживания жизни депортированных народов Северного Кавказа у них укреплялась земляческая и тейповая связь, а религия, в свою очередь, играла важную духовную роль, что создавало условия для тесного контакта между чеченцами, ингушами, балкарцами, карачаевцами, в среде которых еще более усилились традиционные стремления в оказании взаимной помощи и покровительства в поиске работы, жилья и т. д. Все это укрепляло национальную идентичность и сохраняло историческую память. В целом у ряда этносов республики большую роль играет институт родственных связей. Например, этикет кодекса морали поведенческой культуры у горских народов формировался в ландшафте уплотненного проживания населения Кавказа, где соседство самых разных этносов вырабатывало определенные стереотипы кровнородственной взаимосвязи, необходимой для жизнеобеспечения. К примеру, у чеченцев и ингушей благородные поступки соотечественников во многом связывают с его принадлежностью к конкретной семье и роду. Милосердие, оказание помощи в нужный момент и другие благие дела отдельных людей связывают с их происхождением и их сородичами. Родственные связи и родственность как таковая оказали чеченцам и ингушам большое подспорье в период проживания на спецпоселении. Многие выжили в силу принадлежности к определенному тейпу.

В Казахстане у представителей многих этносов национальная культура всегда присутствовала в семейной жизни в виде обычаев и традиций, сказок, преданий, колыбельной. Она подпитывается национальными мифами об этнической исключительности народа, особенно у чеченцев. Одним из символов национального единства чеченцев и ингушей служит память о депортации, нелегкой судьбе на чужбине и мечта о возвращении на историческую родину. Следует отметить, что чечено-ингушское население Казахстана, представляющее этноконфессиональную общину, характеризуется устойчивым этническим самосознанием со значительным запасом аккультурации.

Кланово-родовые отношения до сих пор имеют влияние на этносы из Северного Кавказа. Практически любой из них должен неукоснительно соблюдать обычаи и традиции, составляющие правила поведенческой культуры. Это дает им право рассчитывать на помощь близких, т.е. своих сородичей. И вместе с тем многочисленные народы и национальные группы, волею судьбы оказавшиеся в республике, являются ее гражданами и в первую очередь следуют законам Республики Казахстан.

В Казахстане многие этносы смогли реализовать себя в мультикультурной среде. Это касается в первую очередь людей творческих профессий, которые ищут неординарные пути своей самореализации. Некоторые из них достигли определенного признания в казахстанском обществе. Хотя надо признать, что немногие казахстанцы, особенно из числа депортированных, могли сделать профессиональную карьеру в условиях советской системы правления. Однако и в тех непростых для них условиях жизнедеятельности появились талантливые личности, достигшие определенных вершин в профессиональной и творческой деятельности.

Интересны судьба и творчество Герольда Карловича Бельгера (1934–2015), казахстанского переводчика, прозаика, публициста, литературоведа. Он был из семьи поволжских немцев, которых в 1941 г. депортировали в Казахстан. Рос и учился в сельской казахской школе, где в совершенстве овладел казахским языком, закончил филологический факультет Казахского педагогического института имени Абая. После института работал учителем, затем в литературном журнале «Жулдыз», с 1964 г.— он писатель-прозаик, переводчик и критик. В 1971 году избран членом Союза писателей Казахстана, с 1992 г.— заместитель главного редактора немецкоязычного альманаха «Феникс». Герольд Бельгер с малых лет жил и трудился в Казахстане, свободно владел казахским языком, работая в сфере трех культур — казахской, русской и немецкой. Как талантливый писатель, Герольд Карлович является автором свыше 40 книг, в том числе романов «Дом скитальца», «Туюк Су», «Разлад», а также 1600 публикаций в периодической печати. Активно занимался общественной и государственной деятельностью, в 1994–1995 гг. был депутатом Верховного Совета Республики Казахстан.

Этносы, проживающие в настоящее время в Казахстане, не чувствуют себя обделенными заботой и вниманием со стороны государства. Правительство и местная власть всегда оказывают

им всяческую поддержку, будь то издание газет, книг, проведение вечеров памяти, празднование национальных праздников, соблюдение обычаев и традиций и т.д. Каждый этнос в республике имеет свою национально-культурную организацию. В настоящее время в Казахстане более 950 этнокультурных объединений, из них 29 республиканские. Газеты и журналы выпускаются на 15 языках, действуют 4 этнических театра, финансируемых государством.

Что касается белорусов, то они оказались в Казахстане с давних времен. Они были в числе крестьян-переселенцев и осужденных, которых царское правительство отправляло в казахские степи. В первой половине 60-х годов XIX века в Казахский край был выслан ряд участников восстания 1863–1864 гг., среди которых были уроженцы белорусской земли З. Сераковский, Б. Залесский и др. Бронислав Францевич Залесский, известный белорусский политический деятель, журналист, историк и художник, был другом Тараса Шевченко по казахстанской ссылке. В 1865 г. в Париже Б. Ф. Залесский на французском языке издал альбом «Жизнь киргизских степей», что стало значимым культурным событием. Казахские степи были местом ссылки революционеров-народников. В 1886–1888 гг. в Акмолинском уезде отбывал наказание ссылкой член организации «Черный передел», впоследствии активный член Минской социал-демократической организации П. Румянцев, в доме которого, как известно, в 1898 г. прошел I съезд РСДРП. В 1901 г. в Семипалатинске вел революционную пропагандистскую деятельность высланный туда представитель Минской социал-демократической организации С. Милевский. Основная масса белорусов-крестьян прибыла в Казахстан в поисках лучшей доли в начале XX века.

Белорусы активно участвовали в государственной, экономической и культурной жизни казахского края. В 1920 г. председателем первого правительства Казахстана был назначен белорус В. Радус-Зенькович. С началом Великой Отечественной войны из Беларуси в Казахстан были эвакуированы 10,7 тысячи рабочих и служащих, заводы, научные и культурные заведения. В Казахстане в годы эвакуации работали коллективы Белорусского театра оперы и балета, витебского областного драматического театра имени Я. Коласа, многие из белорусских кинематографистов. За период с 4 сентября 1941 г. по апрель 1942 г. колосовцы дали 8 шефских концертов, 12 спектаклей и 21 концерт в армейских госпиталях. В эвакуации

находилась певица Белорусского театра оперы и балета Лариса Александровская. Она выступала с казахской артисткой Куляш Байсеитовой в рабочих клубах Алматы и Караганды, госпиталях и в прифронтовой полосе. На алма-атинской киностудии белорусский режиссер В. Корш-Саблин в 1942 г. поставил первые белорусские фильмы периода Великой Отечественной войны — «Белорусские новеллы» («Пчелка» и «Боевые друзья»).

С началом освоения целинных земель в Казахстан выехали десятки тысяч крестьян, специалистов в сфере сельского хозяйства, и многие из них там остались. В составе студенческих стройотрядов там работали многие молодые белорусские поэты. Культурные связи Беларуси и Казахстана особенно проявились в Дни литератур народов СССР, которые прошли в Минске (1972) и Алматы (1974) и Недели белорусской литературы в Казахстане (1974). Казахстанцы узнавали Беларусь на спектаклях по пьесам К. Крапивы, А. Макаёнка, А. Мавзона, А. Петрашкевича, М. Матуковского, А. Дударева.

К концу девяностых годов национальные культурные центры белорусов были созданы в Павлодаре, Усть-Каменогорске, Астане, Костанае, Караганде, Кокшетау, Петропавловске. В настоящее время их зарегистрировано более десяти. Среди них можно отметить деятельность Алматинского регионального НКЦ (руководитель Л. Н. Питаленко), Павлодарского НКЦ (Л. И. Богнат), Усть-Каменогорского (В. П. Магазинщиков), Карагандинского «Фонда белорусской культуры “Спадчына”» (А. А. Хука), Северо-Казахстанского областного НКЦ (Р. В. Солопова), Костанайского НКЦ (Л. В. Шевченко), НКЦ «Беларусь» в Астане (А. Ф. Романова). Ассоциация белорусов Казахстана зарегистрировала свое официальное название на учредительной конференции в 2002 г. К тому времени уже 10 лет действовал национальный культурный центр «Беларусь». Его основатель и первый руководитель — сенатор П. А. Атрушкевич. Во многих НКЦ открыты воскресные школы, где изучаются родной язык, литература, культура, история, обычаи и традиции белорусского народа, проводятся праздничные мероприятия с участием коллективов народного творчества, решаются вопросы досуга, развития малого и среднего бизнеса.

По официальным данным на 12 января 2012 г. гражданами Республики Казахстан являются 63 694 белоруса. Наибольшее количество выходцев из Беларуси проживают в Костанайской

(21 тыс.), Карагандинской (18 тыс.), Акмолинской (16 тыс.), Северо-Казахстанской (9 тыс.) областях.

В культурной жизни этносов республики большую роль играет Ассамблея народа Казахстана, образованная в 1995 г. по инициативе президента республики Н. А. Назарбаева. За время своей двадцатилетней деятельности АНК показала себя эффективным органом по урегулированию межнациональных отношений, развитию гражданской идентичности при сохранении различий в культуре, вероисповедании, языках, воспитании патриотизма в русле единства казахстанского народа.

Отметим, что сознание принадлежности к единому казахстанскому обществу у различных этносов, граждан Республики Казахстан после приобретения независимости складывалось не сразу. Заслуга АНК заключается в том, что она взяла на себя роль объединяющей политической силы по стимулированию межкультурного и межэтнического взаимодействия в рамках государственной программы совершенствования казахстанской модели межэтнического и межконфессионального согласия. Ассамблея народа Казахстана постоянно совершенствует свой стиль работы. В процессе конституционной реформы полномочия ассамблеи расширены. В соответствии с Законом «О внесении изменений и дополнений в Конституцию РК» ассамблея преобразована из консультативно-совещательного органа в конституционный, обеспечивающий представительство различных этнических групп в социально-политической жизни общества. В парламенте республики созданы квоты для избрания депутатов из членов ассамблеи, которые проводят экспертизу законодательных актов на идентификацию характера межнационального согласия, равноправия и толерантности.

На XXIV сессии АНК, состоявшейся в апреле 2016 г. президент Н. А. Назарбаев в своем докладе отметил, что в ассамблее насчитывается почти полторы тысячи этнокультурных объединений с десятками тысяч активных участников. При ассамблее действует почти три тысячи различных общественных структур, охватывающих всю страну. В настоящее время в АНК сосредоточен большой научный потенциал, действует научно-экспертный совет, 16 региональных научно-экспертных групп, созданы кафедры в крупных вузах страны. Во всех областях республики работают секретариаты региональных ассамблей.

Литература

1. История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Очерк — Алматы, 1993.
2. Кан, Г. В. История Казахстана : учебник для вузов / Г. В. Кан. — 5-е изд., перераб. и доп. — Алматы, 2013.

А. В. Жабинский
Минск, Белорусский государственный университет

Феномен антисемитизма как объект исследования Франкфуртской школы

Эпоха XX века ознаменована тяжелейшими испытаниями для человечества. Это эпоха двух мировых войн, множества революций и потрясений, а также самая переломная и трагическая страница в истории европейского еврейства и еврейства всего мира. Именно в XX в. нацистская Германия разработала четкий план реализации «окончательного решения еврейского вопроса». Холокост явился наивысшим пиком ненависти, ужасным и непростительным преступлением, трагедией не только еврейского народа, но и всего человечества.

Существует целое множество концепций, стремящихся дать трактовку Холокосту, и небезосновательно: этот феномен явился важным антропологическим и этическим изломом всей европейской истории в частности и истории мира в целом. Часть ученых возлагают вину за Холокост на плечи Адольфа Гитлера, чей глубинный антисемитизм, по их мнению, и стал причиной трагедии. Другие выводят корни Холокоста из контекста Второй мировой войны. Еще часть полагает, что антисемитизм имеет древние корни и почва ненависти к евреям была подготовлена за десятки веков до Холокоста. К примеру, С. Лурье уверенно заявляет, что «антисемитизм в древнем мире не только не был менее интенсивен, чем в наше время, но и выражался как раз в таких же формах, как и теперь. Нет ни одного обвинения, бросаемого ныне евреям, которое не предъявлялось бы им уже в древности» (цит. по: [1, с. 18]).

Философское осмысление Второй мировой войны позволило более детально рассмотреть нацизм и квалифицировать его как явление, являющееся абсолютной противоположностью ценностям новой западной цивилизации. По этому поводу выдающий-

ся философ Франкфуртской школы Юрген Хабермас справедливо отметил: «Сознание того, что Германия идет по особому пути, что Германия отделена от Запада и находится в особом положении по отношению к Западу, было поколеблено только из-за Освенцима; во всяком случае, после Освенцима оно утратило мифообразующую силу. То, из-за чего мы, немцы, в те годы отделились не только от западной цивилизации, но и от цивилизации вообще, вызвало шок» [2, с. 115].

Франкфуртская школа не осталась в стороне от исследований причин Холокоста, и этой теме был посвящен целый ряд публикаций. Макс Хоркхаймер, стоявший у истоков школы вместе с Теодором Адорно, создал в соавторстве с ним теоретико-методологический труд критической теории «Диалектика Просвещения», в котором были раскрыты фундаментальные принципы анализа, ставшие основой исследований знаменитой школы, а также представлена попытка анализа феномена антисемитизма. Если на ранней стадии разработки проблемы авторитаризма Адорно и Хоркхаймер рассматривали реификацию, то есть овеществление как предмет основного идеологического препятствия, которое стоит перед критическим сознанием, а способом его преодоления считали критический разум, то после Холокоста приоритетным направлением их исследований стало пассивное подчинение власти. Сам разум уже оценивался учеными как форма доминации. Обратившись к исследованию исторических корней антисемитизма, Т. Адорно и М. Хоркхаймер разработали теорию, в соответствии с которой политическое поведение масс детерминируется социопсихологическими факторами. Холокост, утверждают ученые, свидетельствует о негативной диалектике, в которой технический и материальный прогресс был обращен в человеческий и общественный регресс.

Т. Адорно и М. Хоркхаймер отмечают, что «в образе еврея, сооружаемом шовинистами на глазах у всего мира, находит свое выражение их собственная сущность. Их страстью является исключительное обладание, присвоение, власть без границ любой ценой. Евреев, на которых они сваливают свою вину, в качестве властителей осмеиваемых, пригвождают они к кресту, бесконечно возобновляя то жертвоприношение, в действенную силу которого они не могут верить» [3, с. 211].

Исследуя Холокост, точнее, его последствия, Т. Адорно обратился к концепции исторической памяти и пришел к выводу, что в вос-

поминаниях о травматических событиях — депортациях, массовых убийствах — присутствует стремление использовать более мягкие выражения, эвфемизмы или вообще умолчания. Память, которую Адорно назвал «ослабленной», пытается отвергнуть рациональные аргументы, призванные к критике фашизма и диктатуры. Несмотря на то, что ученый отмечал свойственное части немецкого общества 50–60-х гг. XX в. тяготение к вытеснению памяти о нацизме, ему все же удалось проследить некие позитивные тенденции, направленные на осмысление и осуждение немецкого прошлого, на поиски путей преодоления его причин, а не простое забвение. Эти взгляды оказали влияние на новое поколение немцев, желавших строить новую Германию на отрицании ценностей национал-социализма и покаянии за его грехи и предавшихся острым дискуссиям о том, можно ли возлагать весь груз ответственности на плечи немецкого народа за преступления фашистской диктатуры.

Ю. Хабермас высказывал более критическое мнение на этот счет и утверждал, что антисемитизм глубоко укоренен в германской истории и психологии немцев, откуда проистекает особая специфика Холокоста, замкнутая исключительно на нацизме. Немецкий психолог Эрих Фромм объяснял Холокост присущей всему биологическому роду человека злокачественной деструктивностью.

Представители Франкфуртской школы считали, что Холокост не явился прямым следствием модернизации; он есть не что иное, как ошибка, произошедшая вследствие незавершенности этой самой модернизации. В «Диалектике Просвещения» М. Хоркхаймер и Т. Адорно трактуют Холокост как своеобразный ритуал массовых человеческих жертвоприношений. По их мнению, он был призван снять с нацистов психическое перенапряжение от войны, которую те вели. Вместе с тем идеализм и пафос фашистов не знал границ: они возложили на себя «великую» миссию: «Антисемиты превращают себя в исполнителей заповедей Ветхого Завета: они заботятся о том, чтобы евреи обратились в прах за то, что вкусили от древа познания» [3, с. 231].

Антисемитизм, ставший причиной Холокоста, по мнению философов Франкфуртской школы, не был просто случайностью, чем-то несовместимым с просвещенной разумностью. Он, напротив, неявно присутствует в самих основаниях рационализма. Антисемитизм, считают они, есть выражение идеала самодержавного разума, абсолютной рациональности. Тотальный ново-

европейский разум, изначально стремящийся к господству и всеобщему подчинению, не знает или даже не желает знать другого, а посему ему неизбежно предречено упереться в собственные границы, поскольку тотальное господство невозможно. Такое фиаско побуждает разум искать виновных — евреев. «Поэтому-то и кричат: "Держи вора!", а указывают при этом на еврея. Он и в самом деле является козлом отпущения, но не просто из-за отдельных маневров и махинаций, но во всеобъемлющем смысле, так как на него взваливается ответственность за экономическую несправедливость целого класса» [3, с. 217]. Овладев самим собой, превратившись в насилие, Просвещение преодолевает свои же границы и превращается в варварство.

В связи с этим Т. Адорно и М. Хоркхаймер приходят к неутешительному выводу: уже само существование Освенцима является неоспоримым свидетельством краха культуры: «Безоговорочный реализм цивилизованного человечества, достигающий своей кульминации в фашизме, представляет собой специальный случай параноидального бреда, обесчеловечивающего природу и, в конечном итоге, сами народы» [3, с. 239]. Отныне культура не может рассматриваться в качестве ценности.

Таким образом, философы Франкфуртской школы расценивают Холокост как исторический, социальный и культурный феномен, оказавший влияние на всю последующую культуру XX века.

Литература

1. Соминский, М. С. Антисемитизм и антисемиты / М. С. Соминский.— Иерусалим : Лексикон, 1991.

2. Хабермас, Ю. Политические работы / Ю. Хабермас.— М. : Праксис, 2005.

3. Хоркхаймер, М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. Адорно.— СПб. : Медиум : Ювента, 1997.

Е. Н. Ждановская
Минск, Белорусский государственный университет

Паттерн «селф-мейд» в культуре США

Концепт «селф-мейд» является опорным элементом для выявления ценностно-культурных доминант, образующих амери-

канское национально-культурное пространство. Явление «селф-мейд» как феномен культуры наиболее наглядно иллюстрирует образ жизни, национально-культурные стереотипы и эталоны американского общества.

«Селф-мейд» предполагает независимость, уверенность в себе и своих силах, самостоятельность, решительность в достижении поставленной цели. Такая традиционная жизненная ориентация стимулирует практические усилия и устремления человека, которые ассоциируются с индивидуальным успехом. Американский тип героя — это «селф-мейд мен», человек, который добился всего личными усилиями, решительностью и честолюбием. Такой упор на индивидуальные усилия при достижении целей отражается в американском языке. Это можно проследить в современной разговорной речи американцев, в которой, например, можно найти следующие устойчивые выражения: «решиться на что-либо» — *to fish or cut bait*; «не пасовать перед трудностями» — *to stand the gaff*; «вступить в борьбу» — *to lock horns*; «не остановится ни перед чем» — *to be on the kill*; «проявить мужество» — *to stand (up) to one's lick log*; «пускаться в рискованное предприятие» — *to shoot Niagara*; «отвечать за последствия, нести ответственность за свои поступки» — *to come (stand) up to the rack*; «делайте со мной, что хотите, я вас не боюсь» — *to bring on your bears*; «вести себя непринужденно» — *to cut loose*; «владеть собой» — *to keep in line*; «сделать какой-либо шаг в деле» — *to get to (reach) first base*; «при любых обстоятельствах, что бы ни случилось» — *blow high, blow low*; «начать свою карьеру» — *to cut one's eyeteeth on smth*; «быть готовым вступить в дело» — *to be on it*; «действовать решительно» — *to take the bull by the horns*.

Уверенность в себе как важная характеристика «селф-мейд мен» предполагает бодрое и жизнерадостное мироощущение, оптимизм, веру в будущее, в успех. Именно поэтому даже самый серьезный кризис не воспринимается в Америке как «конец света», но как очередной жизненный этап, который нужно с достоинством преодолеть, так как и он будет иметь счастливый финал; для этого нужно подняться и идти вперед в поисках лучшего.

Приоритет самоуважения (*self-respect*), «сохранения лица» (*saving the face*) при любых обстоятельствах является одной из важнейших характеристик психологического портрета современного американца как человека «селф-мейд». С другой сторо-

ны, его важными характеристиками также являются трудолюбие и упорство в достижении цели. «Американским богом» становится не только доллар, но и труд. Леность и праздность отражаются в национальном мышлении в качестве одних из основных пороков. В целом, активный, деятельностный подход к окружающему миру, подразумевающий наличие таких характеристик, как трудолюбие, упорство в достижении цели, находчивость, стойкость, сообразительность, изобретательность, готовность к эксперименту, поиск нестандартных решений,— является одной из доминирующих черт национального характера американца.

Культивирование «селф-мейд» обеспечивается еще одним, безусловно, значимым для американского социума концептом — соревновательностью. При этом соревнование является одним из ведущих методов мотивации, развития лидерских качеств, способствующих личному успеху и карьерному росту. Система американского воспитания устроена таким образом, чтобы развить лидерство, умение соревноваться и выигрывать везде и во всем. «Селф-мейд» предполагает также независимость и неприкосновенность личности, личного времени, личного пространства индивидуума (*privacy*). Нарушение приватности как ключевой ценности американской личности сродни вторжению в личную жизнь. Грубым нарушением приватности считаются вопросы, касающиеся финансов, интимных и личных взаимоотношений, политики, вредных привычек, здоровья, религии, этнической принадлежности.

Влияние идеи «селф-мейд» на американское мировосприятие можно проследить на примере такой особенности американцев, как стремление к материальному благосостоянию.

Мысли о важности успеха, только облаченные в религиозную оболочку, можно найти уже в работах пуритан XVII в., которые писались как руководство жизни, в которых давались советы, как достичь материального успеха с учетом других ценностей. Похожие мысли можно найти у баптистского священника К. Конуэла, который в своем «Евангелии успеха» призывал: «Я говорю, что вы должны стать богатыми и ваш долг стать богатыми», а также «нехорошо быть бедным» [1, с. 85].

Французский генерал Ф. Божур, побывавший в США в 1810 г., писал, что «американец никогда не упускает возможность обогащаться, для него выгода является предметом всех забот и мерой всех действий». Эта черта американского характера достигла свое-

го апогея к 20-м гг. XX в., когда президент К. Куллидж пустил в оборот свое знаменитое изречение: «Дело Америки — это бизнес» [1, с. 85]. В это время особенно остро стали насаждаться принципы и идеалы успешного богатого человека.

В американском общественном сознании «стремление к успеху» уже устоялось как добродетель. По словам А. Макдональда: «Стремление к богатству стало настоящей религией в Америке, содержащей свою собственную литургию и систему моральных ценностей, этики и табу, которые определяли отношения между обществом, собственностью и индивидом». Однако никакие красноречивые призывы и публикации не могут так воодушевить и заразить человека как реальный пример. Как пишет исследователь К. С. Гаджиев, «из насчитывавшихся 4046 миллионеров в США к 1892 г. часть действительно была выходцами из фермерско-мелкобуржуазной массы, добившимися богатства и процветания благодаря личной энергии и способностям» [2, с. 35]. Более того, бизнесмены превратились в признанных лидеров нации.

Для американцев успех и деньги становятся основной мерой ценности личности. В обществе, где большим влиянием пользуется принцип денежного интереса, деньги рассматриваются почти как главное средство удовлетворения потребностей человека, утверждения его социального, психологического, морального, политического статуса в обществе.

Самое главное для американца — это его личные достижения. Он определяют себя в терминах того, чем он занимается. В отличие от людей многих других культур, которые определяют себя в терминах того, кто они есть и откуда произошли. Таким образом, деньги и социальные успехи являются источником идентификации американца, его статус основан на том, что он делает как человек и чего добился. Поэтому феномен «селф-мейд мэн» укоренился именно в американской культуре.

Однако концепт «селф-мейд» действует в сознании американцев не только с одной материальной стороны. Эта идея находит себя во множестве воплощений и таким образом поддерживается в американском национальном сознании. Она проявляется в отношении американцев ко времени, к власти, к природе и т.д. Исследования в данной области проводил голландско-французский исследователь в области кросс-культурных коммуникаций Ф. Тромпенаарс.

Например, исходя из исследований Тромпенаарса, ко времени американцы относятся с прагматичной позиции человека, который использует все возможные средства для достижения успеха. Если проанализировать отношение ко времени в Америке и Франции, «американская мечта» может обернуться «французским кошмаром». Американцы обычно начинают с нуля, и решающим для окружающих является их теперешнее состояние, а также намерение «добиться своих целей» в будущем. Таких людей французы называют нуворишами, у них прошлое в несравнимо большем почете; они меньше сконцентрированы на настоящем и будущем, нежели американцы.

У американцев общественная сфера занимает больше места, чем частная, и при этом разделена на ряд конкретных секций. У американского гражданина могут быть положение и репутация на работе, в боулинг-клубе, комитете родителей и педагогов и др. Окружающие, которые имеют доступ в любую из названных жизненных сфер, вовсе не обязательно являются близкими друзьями этого человека. Более того, когда речь идет не о компьютерах или боулинге, позвонить домой, может быть, не решится ни один из них. Считается, что американцы так приветливы и открыты потому, что пустить человека в одну из жизненных сфер, притом общественного склада, значит не так уж сильно обязать себя. В этом аспекте американцы противоположны немцам, в чьи жизненные сферы труднее попасть, но и число общественных жизненных сфер относительно невелико. Частные жизненные сферы американцев, напротив, обширны и проницаемы, т.е. если человека считают другом, это обеспечивает ему доступ в любую частную жизненную сферу.

Ввиду этих причин американцы могут воспринимать немцев как людей, ведущих себя отчужденно и зажато. Немцы же могут считать американцев веселыми, болтливыми, но при этом поверхностными людьми, что допускают вас в те сферы своей жизни, которые являются «общественными», и смотрят на вас самих как на нечто «периферийное».

В США люди мобильны, поэтому одежда, предметы интерьера, машины и т.п. могут иметь, так сказать, общественный статус. Примером могут служить распродажи, когда американцы превращают свой гараж или зимний двор в лавку подержанных вещей, выставляя на всеобщее обозрение предметы нередко весьма

частного свойства, так что любой может не только их увидеть, но и приобрести.

Американская культура относится к культурам низкоконтекстуальным. Контекст имеет отношение к тому, сколько собеседникам нужно знать для того, чтобы состоялось эффективное общение, какой объем «общей информации» собеседники считают необходимым для полноценного общения. В культурах с высоким контекстом (Япония, Франция) считается, например, что чужестранцы должны быть как следует «приобщены к культуре», прежде чем состоятся нормальные деловые переговоры. В культуре же с низким контекстом (США и Нидерланды) напротив, считается, что всякого чужестранца следует немедленно привлечь к обсуждению правил, и чем меньше бюрократических и иных преград возникает, тем лучше. Культурам низкого контекста свойственна адаптивность и гибкость.

Американский взгляд на будущее таков, что индивидуум в состоянии направлять его посредством личных достижений и внутреннего стремления к успеху. Вместе с тем, поскольку человек, добивающийся успехов в работе, ничего особенного по поводу отдаленного будущего сделать не может — слишком много разных событий может произойти,— то будущее в глазах американцев выглядит краткосрочным: оно контролируется из настоящего. Отсюда и обвинение в философии «скорейшего бакса», и большое значение, придаваемое показателям текущего квартала. Если стремиться к лучшему будущему, то необходимо постоянно наращивать объем продаж и увеличивать прибыль. Нет оправдания тому, чтобы не работать лучше, поскольку из сегодняшнего успеха вытекает еще больший успех в будущем.

К примеру, карьера человека в Голливуде является успешной ровно настолько, насколько хорошо он сыграл свою последнюю роль, будущее представляется последовательностью эпизодов относительных успехов и неудач. Люди освобождают себя от отношений и зависимостей, не представляющих ценности на следующей стадии карьеры, точно так же, как первые американские иммигранты полностью разрывали связь со своей родиной. Власть, которой обладает человек, зависит от его последнего достижения: те, кто сегодня наверху, завтра могут быть низвергнуты. При этом авторитет человека легко оспаривается и подвергается оценке. Успешные коллективы пополняются выдающимися

индивидуумами, остальные распадаются. Внутри коллектива работники, которые внесли наибольший вклад в реализацию проекта, должным образом отмечаются и вознаграждаются. Всё это стимулирует человека на постоянное совершенствование, на неустанную работу над собой и иллюстрирует действие принципа «селф-мейд» в сознании американцев.

Американец как «селф-мейд мен» считает своим долгом контролировать обстоятельства. Американское общество и дух эпохи постиндустриальной революции сделало героями предпринимателей, чья борьба за покорение природы вовсе не имеет трагического конца, как то часто случалось с древнегреческими героями. Это самый что ни на есть американский взгляд на вещи, сложившийся на опыте открытия гигантского континента с малочисленным коренным населением и превращения пустыни в оазис прогресса. Успех отождествляется с контролем над внешними обстоятельствами. В изначальной американской концепции внутренних и внешних источников контроля одно из ее логических следствий заключается в том, что человек, направляемый внешними силами, не склонен объяснять ими свои неудачи, он считает необходимым пытаться побороть эти силы и применить что-то новое. Другие нации не считают слабостью человека признание им силы внешних обстоятельств.

Подводя итог, еще раз отметим, что «селф-мейд мен» как реально действующий принцип в американском обществе создает неограниченные возможности для роста и развития личности, вселяет уверенность в возможность бесконечного самосовершенствования.

«Селф-мейд» как концепт представляет собой широкое понятие и заключает в себе основополагающие принципы американского сознания и предполагает независимость, самостоятельность, уверенность в себе и собственных силах. Такой упор на индивидуальные усилия при достижении целей нашел свое отражение в разговорной речи американцев, особенно ярко это проявилось в устойчивых фразеологических оборотах, демонстрирующих множество конструкций, описывающих уверенность американцев в себе, их бодрое и жизнерадостное мироощущение, оптимизм и веру в будущее.

Так как важными характеристиками личности «селф-мейд» являются трудолюбие и упорство в достижении цели, это проявляется в такой национальной американской черте, как сорев-

новательность, при этом соревнование стало одним из ведущих методов мотивации, развития лидерских качеств, способствующих личному успеху и карьерному росту. Система американского воспитания и образования во многом построена на принципе соревновательности.

Влияние идеи «селф-мейд» и успеха на американское мировосприятие можно проследить на примере такой особенности американцев, как стремление к материальному благосостоянию. Для американцев успех и деньги являются основной мерой ценности личности, а это в свою очередь вытекает еще из идей пуритан XVII в. Таким образом, деньги и социальные успехи являются источником идентификации американца, его статус основан на том, что он делает как человек и чего добился.

Однако концепт «селф-мейд» действует в сознании американцев не только с одной материальной стороны. Он проявляется в отношении американцев ко времени, к власти, к природе и т.д. Например, ко времени американцы относятся с прагматичной позиции и решающим для окружающих является нынешнее положение дел, а также намерение «добиться своих целей» в будущем.

Общественная сфера у американцев занимает больше места, чем частная, и при этом разделена на ряд конкретных секций. Американцы четко разграничивают эти две сферы жизни. Американская культура относится к культурам низкоконтекстуальным, вследствие этого данной культуре свойственна адаптивность и гибкость.

Будущее в глазах американцев выглядит краткосрочным: оно контролируется из настоящего. Нет оправдания тому, чтобы не работать лучше, поскольку из сегодняшнего успеха вытекает еще больший успех в будущем.

Власть, которой обладает человек, зависит от его последнего достижения. При этом авторитет человека легко оспаривается и подвергается оценке.

Действие принципа «селф-мейд» проявляется и в том, что американцы считают своим долгом контролировать обстоятельства. Американцы, в отличие от других наций считают слабостью человека признание им силы внешних обстоятельств.

Всё вышесказанное стимулирует человека на постоянное совершенствование, на неустанную работу над собой и иллюстрирует действие принципа «селф-мейд» в сознании американцев.

Литература

1. Гачев, Г. Американский образ мира, или Америка глазами человека, который ее не видел / Г. Гачев // Национальные образы мира. Космопсихо-логос.— М., 1995.

2. Паррингтон, В. Основные течения американской мысли. В 3-х томах / В. Л. Паррингтон.— М. : Изд-во иностранной литературы, 1962.

3. Тромпенаарс, Ф. 4 типа корпоративной культуры / Ф. Тромпенаарс.— М. : Попурри, 2012.

С. П. Забелаў
Мінск, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Тэндэнцыі культурна-гуманітарнага жыцця беларускай супольнасці ў Польшчы ў 1991–1994 гг.

Пасля Другой сусветнай вайны нацыянальныя меншасці ў Польшчы фактычна былі пазбаўлены магчымасцяў ажыццяўляць грамадска-культурную дзейнасць. Толькі ў кастрычніку 1956 г. нацыянальныя меншасці атрымалі права арганізоўваць свае аб'яднанні, якія, тым не менш, знаходзіліся пад кантролем і ў фінансавай залежнасці ад Міністэрства ўнутраных спраў. Такой магчымасцю скарысталіся беларуская, літоўская, руская, чэшская і славацкая, нямецкая, яўрэйская і украінская меншасці. Аднак ужо ў 1976 г. Цэнтральны Камітэт Польскай Аб'яднанай Рабочай партыі прыняў рашэнне аб маральна-палітычным адзінстве польскай нацыі, што мела негатыўныя наступствы для дзейнасці аб'яднанняў нацыянальных меншасцяў [6, с. 115].

Пасля цяжкіх для беларускага нацыянальнага жыцця ў Польшчы часоў у 1970–1980-я гг. змены грамадска-палітычнай сітуацыі у 1989–1991 гг. дазволілі выправіць становішча да лепшага. На пачатку 1990-х гг. у польскіх школах беларускую мову вывучалі 3677 чалавек, а ў беларускіх ліцэях у Гайнаўцы і ў Бельску займаліся 630 вучняў. У ліцэі ў Гайнаўцы выкладанне прадметаў вялося на польскай мове, аднак 4 гадзіны на тыдзень адводзілася на вывучэнне беларускай мовы, літаратуры, культуры і гісторыі Беларусі. Беларуская філалогія як спецыяльнасць для славяністаў была ўведзена ў Люблінскім універсітэце, а ў Ягелонскім універсітэце выкладаўся курс беларускай мовы [2, с. 9].

Паводле дадзеных апошнга перапісу насельніцтва Польшчы 2011 г., беларускае насельніцтва краіны склала 43 878 чалавекі, паменшыўшыся ў параўнанні з перапісам 2001 г. прыблізна на 4 тыс. (у 2001 г.— 47 640). Найбольшую долю беларусы складалі ў чатырох паўднева-сходніх паветах Беластоцкага ваяводства: 39,2 % — у Гайнаўскім павеце, 19,8 % — у Бельскім, 3,46 % — у Семятыцкім, 3,2 % — у Беластоцкім. У 12 гмінах ваяводства доля беларусаў перавышала 20 %, а ў чатырох гмінах (81 % у гміне Чыжы Гайнаўскага павета, 81 % у гміне Дубічы Царкоўныя Гайнаўскага павета, 68 % у гміне Орля Бельскага павета, 84 % у гміне Гайнаўка Гайнаўскага павета) доля беларускага насельніцтва была большай за 50 %. Паводле афіцыйных падлікаў беларуская меншасць з'яўляецца другой найбуйнейшай нацыянальнай меншасцю ў Польшчы пасля нямецкай меншасці (144 236 асоб) [7, с. 113].

У той жа час цэнтральныя ўлады (1976 г.), гмінныя улады (1992 г.) і беларускія арганізацыі Польшчы (1992 г.) ацэньвалі колькасць беларускаў Польшчы ў 180 тыс., 76 тыс. і 400 тыс. асоб адпаведна. Разам з тым даследчык Люцыян Адамчык падкрэсліваў, што дадзеныя анкетных даследванняў не абапіраліся на самадэкларацыі грамадзян, а афіцыйныя звесткі часцяком значна скажаліся па палітычных прычынах. [6, с. 121].

Польская даследчыца Андрыяна Скарупска адзначала пэўныя цяжкасці з дакладным вызначэннем колькасці беларусаў у Польшчы, што, паводле яе меркавання, было абумоўлена недасканаласцю методык падліку (адсутнічала прамое пытанне аб нацыянальнай прыналежнасці), а таксама тым фактам, што колькасць беларусаў вызначалася толькі праз статыстыку, якая фактычна датычылася толькі праваслаўных. Спецыяліст таксама падкрэслівала феномен падвоенай, няпэўнай альбо рэгіянальнай самасвядомасці сярод шэрагу жыхароў беларуска-польскага памежжа [3, с. 214].

Паводле шэрагу польскіх даследчыкаў, падзеі ў Польшчыў 1980-я гг. і трансфармацыя 1989 г. абумовілі новыя з'явы ў свядомасці пэўнай часткі беларусаў Польшчы. Адзначалася ўзрастанне рэлігійнай дзейнасці сярод праваслаўнага гарадскога насельніцтва, што адпавядала агульнаму росту рэлігійнасці польскага грамадства. Актывізацыя беларускага жыцця ў Польшчы ў канцы 1980-х — пачатку 1990-х гг. грунтавалася таксама на змене пакаленняў у беларускай супольнасці. Новае пакален-

не, маючы добрую адукацыю і часцяком гарадскую прапіску, з'яўляючыся сучаснікам «Салідарнасці», было гатовае больш актыўна ўдзельнічаць у беларускім культурна-грамадскім жыцці. Даследчык А. Садоўскі акрэсліў новых прадстаўнікоў беларускай меншасці як «новых беларусаў» (што датычылася як прадстаўнікоў інтэлігенцыі, так і прадпрымальнікаў, якія ўсталёўвалі кантакты з Беларуссю і падтрымлівалі беларускія арганізацыі Польшчы), уключаючы ў іх лік найбольш адукаваных, актыўных і свядомых беларусаў Польшчы, адначасова адзначаючы істотны разрыў паміж імі і «традыцыйнай» часткай беларускай супольнасці [3, с. 216].

Беларускія арганізацыі ў Польшчы атрымалі магчымасць карыстацца пэўнымі датацыямі: у 1990 г. на іх патрэбы было выдзелена 6 млрд. злотых, у 1991 г.— больш за 3 млрд. злотых. У Гайнаўцы распачалося будаўніцтва Музея беларускай культуры. Для вырашэння пытанняў, звязаных з арганізацыяй беларускага нацыянальнага жыцця ў Польшчы, была створана спецыяльная камісія пры міністэрстве культуры [2, с. 10].

Найбуйнейшай і найстарэйшай арганізацыяй беларусаў у Польшчы з'яўлялася заснаванае ў 1956 г. Беларускае грамадска-культурнае таварыства (БГКТ). Да 1988 г. БГКТ было адзіным аб'яднаннем беларусаў Польшчы. Ключавымі накірункамі дзейнасці арганізацыі былі пашырэнне нацыянальнай самасвядомасці, умацаванне прыязных стасункаў паміж беларусамі Польшчы і палякамі, распаўсюджванне інфармацыі аб Беларусі, правядзенне культурных і навуковых мерапрыемстваў беларусаў Польшчы. Нягледзячы на тое, што таварыства традыцыйна канцэнтравала сваю дзейнасць на Беласточчыне, арганізацыя таксама мела свае прадстаўніцтвы ў Варшаве і Гданьску. Паводле польскага даследчыка Ежы Рыхліка, важным крокам ў накірунку фармавання інтэлектуальнай эліты беларусаў Польшчы стала адкрыццё аддзялення беларускай філалогіі ў Варшаўскім універсітэце ў 1956 г. [7, с. 116].

15 сакавіка 1993 г. распачаў дзейнасць Беларускі саюз Рэспублікі Польшча (БСРП), які аб'яднаў шэраг беларускіх грамадска-культурных арганізацый. У прыватнасці, у склад БСРП увайшлі Беларускае літаратурнае таварыства «Белавежа», Беларускае гістарычнае таварыства (БГТ), Праграмная рада «Нівы», Беларускае аб'яднанне студэнтаў (БАС), Беларускае таварыства «Хатка», а таксама палітычная партыя Беларускае дэмакратычнае аб'яднанне (БДА). Па-за межамі Беларускага саюза Рэспублікі

Польшча засталіся БГКТ, Таварыства беларускай культуры (ТБК) і Саюз беларускай моладзі (СБМ). Галоўнымі накірункамі дзейнасці БСРП стаў шырокі спектр пытанняў, звязаных з жыццем беларускай меншасці ў Польшчы: ад мясцовых пытанняў да пытанняў узаемадзеяння з дзяржаўнымі ўладамі [7, с. 117].

Нефармальна сваю дзейнасць Беларускае аб'яднанне студэнтаў распачало вясной 1981 г., знаходзячыся ў апазіцыі да БГКТ, аднак афіцыйна было зарэгістравана толькі ў 1988 г. БАС займала пазіцыю, паводле якой БГКТ мела ператварыцца ў арганізацыю, якая прадстаўляла б інтарэсы беларускай грамады на Беласточчыне. З 1990 г. арганізацыя выступала ў якасці арганізатара музычнага Фестывалю музыкі маладой Беларусі («Басовішча»). З 1992 г. БАС шчыльна супрацоўнічала з Саюзам беларускай моладзі. У 1993 г. БАС упершыню арганізавала Фестываль песеннай паэзіі і аўтарскай песні «Восень бардаў». У 1993–1996 г. арганізацыя дзейнічала ў межах Беларускага саюза Рэспублікі Польшча [7, с. 117].

У 1990 г. пачало сваю дзейнасць Беларускае літаратурнае таварыства «Белавежа», арганізаванае групай літаратараў, што функцыянавала пры БГКТ з 1958 г. Ключавым накірункам дзейнасці таварыства стала папулярызацыя беларускай культуры ў Польшчы. Удзельнікамі таварыства стаў шэраг вядомых беларускіх літаратараў: Надзея Артымановіч, Віктар Швед, Сакрат Яновіч, Міра Лукаш, Ян Чыквін і інш. Апошні стаў старшыней таварыства. Беларускія журналісты і публіцысты Польшчы ў 1992 г. аб'ядналіся ў Таварыства беларускіх журналістаў. У межах дзейнасці таварыства было арганізавана выданне грамадска-культурнага штомесячніка «Часопіс» [7, с. 117]. Намаганнямі беларускамоўніх рэлігійных выдавецтваў рыхтаваліся выпускі штомесячніка «Праваслаўны агляд» і штоквартальнік «FOS» [3, с. 218].

У 1992 г. распачала дзейнасць Праграмная рада штотыднёвіка «Ніва». У яе склад увайшлі прадстаўнікі ўсіх беларускіх арганізацый Польшчы, акрамя БГКТ і ТБК. Беларускае гістарычнае таварыства пачало працу ў 1993 г. Галоўным накірункам дзейнасці стала распаўсюджванне гістарычных ведаў аб беларусах і Беларусі, а таксама фармаванне падстаў талерантных узаемадачыненняў. БГТ ажыццяўляе выданне «Беларускіх гістарычных сшыткаў» [7, с. 118].

15 лютага 1991 г. на надзвычайным кангрэсе таварыства «Польшча — Савецкі Саюз» было трансфармавана ў «Таварыства

супрацоўніцтва Польшча — Усход». Адначасова было выказана меркаванне аб неабходнасці стварэння асобных для двухбакова-га супрацоўніцтва па лініі Польшча — Беларусь, Польшча — Расія і Польшча — Украіна [2, с. 37]. У 1991 г. з таварыства «Польшча — Савецкі Саюз» вылучылася група ініцыятараў стварэння «Таварыства Польшча — Беларусь» (ТПБ), устаноўчы з'езд якога прайшоў 21 чэрвеня 1992 г. і сфармуляваў ключавыя прынцыпы і накірункі дзейнасці [5, с. 54].

Пытаннямі падтрымання культурна-грамадскага жыцця беларусаў у Польшчы ў пачатку 1990-х гг. таксама займаліся таварыства «Музей і цэнтр беларускай культуры ў Гайнаўцы», таварыства «Villa Sokrates», таварыства «Музей малой Айчыны» у Студзіводах, таварыства «АВ-ВА» у Беластоку [7, с. 118].

У траўні 1991 г. у Мінску прайшоў Першы міжнародны кангрэс беларусістаў, па выніках якога была ўтворана Міжнародная асацыяцыя беларусістаў. Напрыканцы 1991 г. ўзнікла Польскае беларусістычнае таварыства (ПБТ), заснавальнікамі якога сталі прафесары Альберт Барташэвіч (Варшава), Аляксандр Баршчэўскі (Варшава) і Міхал Кандрацюк (Беласток). На ўстаноўчым сходзе А. Баршчэўскі быў абраны старшынёй ПБТ. Адной з ключавых ініцыятыў ПБТ стала правядзенне штогадовых канферэнцый «Шлях да ўзаемнасці». ПБТ інтэнсіўна супрацоўнічала з Міжнароднай асацыяцыяй беларусістаў, Навукова-асветніцкім цэнтрам імя Ф. Скарыны ў Мінску, Беларускім дзяржаўным універсітэтам, Беларускай бібліятэкай імя Ф. Скарыны ў Лондане, Польскім інстытутам у Мінску [5, с. 62].

Беларускімі аб'яднаннямі Польшчы арганізоўваліся такія мерапрыемствы, як Фестываль музыкі маладой Беларусі «Басовішча», фестываль «Беларуская песня» у Беластоку, Фестываль спяванай песні і аўтарскай песні «Восень бардаў», Міжнародны культурны фестываль «Сяброўская бяседа», «Свята беларускай культуры» у Беластоку, «Свята Купалле» у Белавежы, Польска-беларуская літаратурная майстэрня «Бязмежжа», конкурс паэзіі і прозы «Дэбют» [7, с. 118].

У студзені 1992 г. на Польскім радыё услед за ўтварэннем літоўскай і ўкраінскай рэдакцый была ўтвораная і беларуская рэдакцыя. Беларуская рэдакцыя радыё ўключала 6 супрацоўнікаў беларускага і польскага паходжання, якія з'яўляліся выпускнікамі і студэнтамі беларускай філалогіі і Інстытута гісторыі Варшаўскага ўніверсітэта [1, с. 291].

Беларуская рэдакцыя Польскага радыё рыхтавала справаздачы з мерапрыемстваў, якія ладзіліся ў кантэксце развіцця двухбаковых польска-беларускіх адносін: паказы фільмаў і тэатральных спектакляў, канцэрты і навуковыя канферэнцыі, фестывалі і музейныя выставы, інтэрв'ю з дзеячамі культуры [1, с. 293].

Рост колькасці арганізацый беларускай меншасці ў Польшчы і інтэнсіфікацыя іх дзейнасці праявілася і ў палітычнай сферы. У красавіку 1989 г. у асяроддзі беларускіх аб'яднанняў было прынятае рашэнне аб утварэнні ўласнага Беларускага выбарчага камітэта (БВК) для самастойнага ўдзелу ў чэрвеньскіх выбарах у Сейм і Сенат. Кандыдатам у Сейм быў вылучаны гісторык Яўген Мірановіч, кандыдатам у Сенат стаў літаратар С. Яновіч. Апошні (кандыдат ад БВК) атрымаў на выбарах 22,5 тыс. Галасоў, альбо 8,5 %.

10 лютага 1990 г. адбыўся ўстаноўчы з'езд Беларускага дэмакратычнага аб'яднання (БДА), якое стала адзінай партыяй у Польшчы, створанай нацыянальнай меншасцю. [93b, с. 124]. У прынятым Статуце ў якасці ключавой мэты партыі было адзначана «замацаванне тоеснасці беларускага народа ў Рэчы Паспалітай і абарона яго палітычнага, культурнага, рэлігійнага і нацыянальнага суверэнітэту» [4, с. 72].

Тым не менш, партыі не ўдалося дасягнуць значных поспехаў на выбарах. Паводле меркавання Ежы Рыхліка, няўдача партыі была звязаная з тым, што БДА успрымалася ў якасці прадстаўніка плыні «Салідарнасці», а не ў якасці прадстаўніка ўласна беларускага насельніцтва [7, с. 124]. У той жа час даследчык А. Садоўскі адзначаў, што, нягледзячы на паражэнне на выбарах, беларускія кандыдаты атрымалі значную падтрымку з боку выбаршчыкаў [3, с. 218].

У 1991 г. падчас парламенцкіх выбараў у беластоцка-сувалкаўскай выбарчай акрузе паміж сабой спаборнічалі два выбарчыя камітэты, якія разлічвалі на падтрымку беларускага насельніцтва,— БДА і Выбарчы камітэт праваслаўных (ВКП). Адсутнасць адзінай ўласна беларускай платформы прывяло да таго, што большасць выбаршчыкаў аддалі перавагу не беларускім выбарчым камітэтам, а спісу Сацыялістычнай левіцы дэмакратычнай (СЛД). У выніку ВКП атрымаў 4,3 %, а БДА— 1,4 %. Галасы, набраныя Выбарчым камітэтам праваслаўных, дазволілі атрымаць мандат дэпутата Сейма Яўгену Чыквіну. Падобным чынам склалася і сітуацыя падчас парламенцкіх выбараў 1993 г., калі ВКП зноў змагло набраць толькі 4 % галасоў і не змагло атрымаць прадстаўніцтва ў польскім

Сейме. Тым не менш, беларуская меншасць была прадстаўлена ў Сейме праз кандыдатаў, якія балатаваліся па агульнапольскіх спісах. У 1993–2001 гг. дэпутатам Сейма быў Сяргей Плева, які з'яўляўся кандыдатам ад СЛД [7, с. 124].

На прэзідэнцкіх выбарах 1990 г. беларускія выбаршчыкі пераважна аддалі свае галасы на карысць Уладзімежа Цімашэвіча, які разглядаўся ў якасці «свайго чалавека з гучным іменем». Непапулярнасць «Салідарнасці» сярод беларускіх выбаршчыкаў, паводле А. Садоўскага, грунтавалася на ўспрыняцці першай як народна-каталіцкага руху, непрыхільнага да праваслаўю і беларушчыне [3, с. 219].

У пачатку 1990-х гг. большасць беларусаў Польшчы з'яўляліся прыхаджанамі Польскай аўтакефальнай праваслаўнай царквы пераважна на тэрыторыі двух дыяцэзій: варшаўска-бельскай і беластоцка-гданьскай. Польская аўтакефальная праваслаўная царква з'яўлялася другой найбуйнейшай царквой у Польшчы, уключаючы 6 дыяцэзій, 21 дэкана і 243 парафіі і ахопліваючы 600 тыс. вернікаў. Набажэнствы праводзіліся на царкоўнаславянскай мове, а казанні па-польску альбо па-руску [7, с. 124].

Паводле падлікаў «Таварыства Польшча — Беларусь», намер ажыццяўляць шчыльнае культурна-гуманітарнае супрацоўніцтва з усходнімі суседзямі, у тым ліку з Беларуссю, дэкларавалі больш за 750 некамерцыйных арганізацый Польшчы, аднак рэгулярныя самастойныя мерапрыемствы ладзіліся толькі 70 аб'яднаннямі [5, с. 58].

Такім чынам, ключавой тэндэнцыяй 1991–1994 гг. стаў значны рост інтэнсіўнасці і разнастайнасці праяў беларускага культурнага жыцця ў Польшчы, што ўвасобілася ў дзейнасці грамадскіх, асветніцкіх, адукацыйных, забаўляльных і іншых фармальных і нефармальных аб'яднанняў і ініцыятыў.

Літаратура

1. Баршчэўская, Н. Удзел беларускай рэдакцыі Польскага радыё ў працэсе будаваньня новых польска-беларускіх адносін / Н. Баршчэўская // Беларусь паміж Усходам і Захадам : праблемы міжнацыянальнага, міждзяржаўнага і міжкультурнага ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу : мат. II Міжнароднай канферэнцыі беларусістаў, Мінск, май 1993 г.— 1997.— Мінск.— С. 291–294.

2. Кавалевіч, М. Беларускае школьніцтва ў Польшчы і польскае на Берасцейшчыне / М. Кавалевіч // Беларуска-польскае ўзаемадзеянне

ў галіне культуры : мат. нав.-практ. канф., Брэст, 1993 г.— 1993.— Брэст.— С. 7–10.

3. Скарупска, А. Беларуская меншасць у Польшчы / А. Скарупска // Polska i Białoruś po rozszerzeniu Unii Europejskiej.— 2005.— Warszawa.— S. 213–221.

4. Снапкоўскі, У. Беларуска-польскія сувязі ў 1980-я гг. / У. Снапкоўскі // Беларусь — Польша: путь к сотрудничеству : мат. науч.-практ. конф., Минск, 11 ноября 2004 г.— 2005.— Минск.— С. 66–73.

5. Хмяліньскі, Б. Грамадскі рух у Польшчы за добрасуседства з Беларуссю (1991–2006 гг.) : дысертацыя на атрыманне вучонай ступені доктора гістарычных навук: 07.00.15: абаронена 20.06.07: зацверджана 12.12.07 / Хмяліньскі Баляслаў ; навуковы кансультант Лойка Л. В. — Мінск : БДУ, 2007.

6. Adamczyk, L. Mniejszości narodowe w Polsce w 1992 roku / L. Adamczyk // Białoruś, Czechosłowacja, Litwa, Polska, Ukraina. Mniejszości narodowe w świetle spisów statystycznych XIX–XX w.— 1996.— Lublin.— S. 113–122.

7. Rychlik, J. Realizacja praw mniejszości białoruskiej w Polsce i mniejszości polskiej na Białorusi / J. Rychlik // Dziedzictwo pogranicza: realizacja praw mniejszości polskiej na Litwie, Białorusi, Ukrainie i w Czechach oraz mniejszości białoruskiej, litewskiej, ukraińskiej i czeskiej w Polsce.— 2013.— Łodź.— S. 113–140.

Т. В. Зайдаль
Минск, Белорусский государственный университет

Передача социокультурного опыта в префигуративной культуре

Социальная динамика, как нам представляется, всегда отставала от технических инноваций. Немецкий философ и теоретик культуры Вальтер Беньямин характеризовал XIX век как «неспособный ответить на новые технологические возможности новым социальным порядком» [1, p. 94]. О XX веке американский социолог Дэниел Белл писал: «В настоящем столетии решающее значение для экономической и социальной жизни, для способов производства знания, а также для характера трудовой деятельности человека приобретет становление нового социального уклада, зиждущегося на телекоммуникациях» [2, с. 331]. Тем отчетливее виден темп изменений, который приобрели после наступления цифро-

вой революции социальные процессы. Человек XXI века столкнулся с проблемой передачи социокультурного опыта и определения самого его содержания в мире высоких технологий и неконтролируемого потока информации. Конкретизируя эту проблему, мы пришли к нескольким существенным вопросам: кто, кому, в каком направлении и, главное, какой социокультурный опыт передает, какие паттерны (ценностно-смысловые структуры) передачи этого опыта сохраняет?

В информационном обществе молодые люди становятся источником не только новых типов отношений в системе «человек-техника», но и новых форм социальной жизни, которые базируются на этих технологиях и их широком внедрении в повседневность. Вместе с технологиями претерпела изменения и межпоколенная трансмиссия культуры, информационный поток, идущий теперь не только от родителей к детям, но и от детей к родителям. Процесс вхождения ребенка в культуру все больше детерминируется навыками и опытом, принадлежащими его поколению. Свой вклад в разработку темы внесли М. Херсковиц, М. Мид, Х. Ортега-и-Гассет, Т. Парсонс, Ш. Айзенштадт, К. Мангейм, Л. Фойер, Е. Шацкий, С. Л. Шалаева, В. А. Луков, В. З. Шурбе и другие. На наш взгляд, дальнейшее изучение форм и механизмов передачи социокультурного опыта в префигуративной культуре является важным элементом устойчивого развития общества.

Каждая культура предполагает передачу опыта, который выражается в формах осуществления любой социально значимой деятельности людей, знаниях, традициях, нормах, ценностных ориентациях, культурных паттернах и пр. По А. Я. Флиеру, социальный опыт если и не тождествен всей культуре во всем многообразии ее форм и артефактов, то «является квинтэссенцией ее содержания, продуктом исторической селекции различных технологий удовлетворения человеческих интересов и потребностей, аккумулирующим наиболее приемлемые по социальной цене и последствиям способы осуществления коллективной жизнедеятельности людей, их социальной консолидации и регуляции, локализации культурной специфики сообществ и их социального воспроизводства» [3, с. 98]. Таким образом, проявляются основные функции социокультурного опыта — аккумуляция культурных черт и особенностей и их трансляция от поколения к поколению для социального воспроизводства сообщества.

Американский культурантрополог Маргарет Мид в отношении взаимодействия разных поколений выдвинула категорию «фигуративности». Типология включает три типа культуры: постфигуративный, кофигуративный и префигуративный. Постфигуративная культура определяет тип отношений, где дети учатся у старшего поколения. Эта культура ориентирована на прошлое, традицию, безусловное принятие опыта предков. В кофигуративной культуре дети и взрослые учатся у сверстников. Кофигурация возникает, когда опыт молодого поколения радикально отличается от опыта их родителей и дедов: она ориентирована на настоящее и передачу опыта от современников. Префигуративная культура ориентирована на будущее, и в ней взрослые учатся у своих детей. Прошлый опыт не только недостаточен, но может препятствовать дальнейшему развитию общества. Префигуративная культура выводит молодое поколение на новый уровень межпоколенного авторитета, что означает признание со стороны взрослых (повышение статуса детей и молодежи на государственном и международном уровнях, детоцентризм, культ юности, джэйнизм (предпочтение молодых людей более старшим в политике, рекламе) и пр.). Префигуративность связана с глубокими изменениями сознания современного человека, вызванными прежде всего информационными технологиями, пронизывающими социальную реальность. Динамичность и многоаспектность этого процесса порождают новые формы бытия человека в социальном измерении.

Если в традиционной схеме отбор приемлемого содержимого социокультурного опыта (норм, ценностей, моделей поведения) происходит достаточно длительное время, то в префигуративной культуре время отбора/отбраковки социокультурной информации сокращено, а критерии избирательности наследования неопределённы (слишком разнообразны), ведь постмодернистское видение разрешает различные девиации. Традиция как основная форма социального наследования утрачивает свое влияние.

Ускорение темпов изменений провоцирует повышение требований к уровню образования каждого последующего поколения. Знания мгновенно устаревают. Опыт старшего поколения лишь частично отвечает на запросы современного общества. Немецкий философ Одо Марквард назвал это «ускоренным устареванием опыта»: «То же самое происходит и с нашим опытом, ведь в нашем жизненном мире все реже повторяются те ситуации, в которых

и для которых мы этот опыт приобретали. По этой причине вместо того чтобы по мере постоянного роста опыта и познания мира становиться самостоятельными, т.е. взрослеть, мы постоянно и все быстрее вновь откатываемся к состоянию, для которого мир в большинстве своих проявлений неизвестен, нов, чужд и непонятен, а это и есть положение детей. Опыт — это единственное средство против чуждости миру, но теперь оно больше не действует… Люди больше не взрослеют» [4].

Того же мнения придерживается и американский профессор психологии Элисон Гопник. По ее концепции, в обществе знания человек должен учиться постоянно. Позиция ученика — это детская позиция, ведь взрослость как раз и характеризуется тем, что человеку больше не нужно учиться, а нужно реализовывать знания. По ее словам, дети больше не взрослеют, мы вплотную подошли к эпохе «бесконечного детства» [5]. «Lifelong learning» — образование на протяжении всей жизни, непрерывное образование — становится частью повседневности. Ситуация безостановочной учебы таит в себе опасность: когда же передавать полученный опыт следующему поколению? Вложив в руки ребенка электронное устройство, которое само покажет и расскажет? Так делали родители нынешнего молодого поколения, создав цифровые технологии и передав опыт их использования. Теперь же возникает проблема, что и как передавать, ведь никто уже не знает, что может понадобиться через 5 лет.

Э. Тоффлер призывал общество обратиться к будущему, передавать иные навыки: «Новое образование должно научить индивида, как классифицировать и переклассифицировать информацию, как оценивать ее достоверность, как при необходимости изменять категории, как переходить от конкретного к абстрактному и наоборот, как взглянуть на проблемы под новым углом зрения, как заниматься самообразованием. Неграмотным в будущем будет не тот человек, который не умеет читать, а тот, кто не научился учиться» [6, с. 450]. Не случайно сейчас в качестве базовых компетенций ценится адаптивность, креатив, «fluid intelligence» — подвижное, творческое мышление, умение быстро находить неочевидные решения для никогда до этого не возникавших задач. «Оценивать достоверность информации» — еще одно важное умение в мире, где мы все больше вынуждены принимать на веру те опытные знания, которые были получены не нами и о которых мы знаем только по-

наслышке, по большей части из средств массовой информации. Одо Марквард подчеркивает парадоксальность этой ситуации: чем более научным становится опыт, тем более мы вынуждены полагаться на веру. А эта зависимость от опыта, полученного не нами, всегда была прерогативой положения ребенка.

Важной характеристикой социокультурного опыта в префигуративной культуре является его всеобщность. В традиционном обществе трансляция культуры, а фактически — специализированных фрагментов социального опыта, присущего этой культуре (А. К. Петров), по преимуществу происходит в рамках страт, сословий, этнических и религиозных групп. Не все общество воспроизводит себя целиком, а каждая страта воспроизводит свою специфику и свое место в общем социальном порядке. «Сегодня же,— как отмечала Маргарет Мид,— вдруг во всех частях мира, где все народы объединены электронной коммуникативной сетью, у молодых людей возникла общность опыта, того опыта, которого никогда не было и не будет у старших» [7, с. 361]. У миллениала из одной страны куда больше общего с миллениалом из другой страны, чем со старшими поколениями внутри его собственного народа.

Исследователи отмечают возрастающую (под влиянием ускорения процессов изменений) потерю непрерывности, пропасть между «опытом и ожиданием». Ожидание будущего все меньше определяется мерой прежде имевшегося опыта и в силу этой тенденции все больше становится иллюзией.

Одновременно появляются «компенсаторные линии преемственности» [4]. Мы не можем взять опыт из его традиционного источника и ищем такой источник в прошлом или за счет снижения индивидуальной культурной идентичности. Паттерны, встраиваясь в глобальный контекст, помогают нам действовать с минимальными затратами энергии даже в динамично меняющемся мире. Молодые люди сами становятся архитекторами своего мировосприятия, плавая в информационном пространстве «текучей/жидкой современности» (З. Бауман) и конструируя множество опытов, смыслов по своему выбору.

Эти процессы связаны с низвержением авторитетов во всех сферах социальной жизни. Поскольку миллениалы не уважают власть, они ею и не возмущены. Конфликт поколений нивелируется, родители выступают как советчики, на первый план выходит жизненная осторожность.

Опосредование социокультурного опыта информационной средой происходит через медиа, прежде всего через экраны компьютеров, телевизоров, смартфонов и других гаджетов. Информационные технологии позволяют аккумулировать, передавать и воспроизводить информацию, что отчуждает человека от первоначального источника опыта. Появляются новые объекты, аккумулирующие знания и опыт, создаваемые в реальном времени большим количеством людей. Примером может служить электронная энциклопедия Википедия, создаваемая людьми интерактивно и в этом схожая с понятием технообраза (в искусстве) французского культуролога Анны Коклен. Технообраз — нематериальный, подвижный и нестабильный объект, создаваемый в сетевом пространстве одними пользователями, изменяемый другими, в результате чего все становятся соавторами, активным началом, субъектами социального действия, а объект живет независимо от автора, является плодом «коллективного разума».

Социокультурное наследование протекает через усвоение и расшифровку вербальных и невербальных форм прошлого жизненного опыта культуры.

В современном мире все события или открытия мгновенно становятся достоянием широкой общественности. По замечанию Тоффлера, «В электрическую эпоху мы носим на себе как свою кожу все человечество» [6, с. 57]. Но дело не только в немедленном распространении событий современности, «теперь мы ощущаем влияние всех прошлых событий по-новому, ибо прошлое возвращается к нам с новой силой» [6, с. 28]. Событие, затронувшее небольшое количество людей во время своего свершения в прошлом, может иметь широкомасштабные последствия сегодня. Так было не всегда. Пелопоннесская война повлияла на Грецию и будущее Европы в целом, но вряд ли о ней подозревали тогда жители Японии или Мексики. Теперь история догоняет нас и реально влияет на людей. Она становится частью всеобщего, глобального опыта, коммуникации, культурной памяти.

Одновременно с этим цифровой эре свойственны понятия забывания, беспамятства. Режиссер Терри Гиллиам в одном из интервью дал достаточно емкое определение нынешнего поколения: «Я бы хотел снять кино про поколение людей, у которых не будет памяти. Про тех, кто не помнит имена и телефоны друзей, важные даты… Сейчас оно как раз растет. Эти дети на любой во-

прос немедленно кидаются в Интернет, чтобы проверить IMDB, Википедию и поискать в Google. Тотальное исчезновение памяти. Как снять кино про людей, настолько одержимых Интернетом? Про тех, которые все время должны обозначать, где они находятся, что сделали и увидели… Это инопланетяне — поколение, у которого постоянный зуд, кратчайший фокус внимания, нетерпимое желание все получить здесь и сейчас. Что это за жизнь, в которой нет памяти и ожидания?» [8]. Меняется сам способ запоминания — мы запоминаем, где находится нужная информация, а не ее саму.

Зрелый возраст, являющийся периодом максимальной реализации человеческих способностей и интегрированности в общественные сферы в традиционном обществе, в префигуративной культуре уже не является таковым. Приведем цитату, взятую в одной из групп социальной сети Вконтакте, которая точно описывает современную ситуацию: «Когда наши родители думают, что мы еще вырастем, то мы не можем им объяснить, что этот мир просто поменялся. Мы в нем уже взрослые. Не настанет момент, когда нам захочется одеться серьезнее или снять кольцо из носа. *Этот мир уже принимает нас на работу такими*». Инновации агрессивно теснят взрослых в профессиональной деятельности, приносящей доход. Компания Google прямо говорит, что уже берет на работу людей 14 лет. Потому что молодость быстрее всего производит новое.

Ученые отмечают доминирующую позицию постфигуративности, кофигуративности и префигуративности в соответствующие эпохи премодерна, модерна и постмодерна.

В современном мире социокультурный опыт передается во всех направлениях — от детей к родителям и обратно от родителей (тех же детей в некоторых смыслах). Исследователи предлагают выделять новый полифигуративный (социологи В. З. Шурбе, И. Б. Бритвина) или эстрафигуративный (социолог С. В. Лапина) типы культуры, в которых разные поколения учатся у разных поколений (все учатся у всех). Данные понятия в рамках социологии не объясняют причин-следствий зарождающегося типа, принадлежности к культурной эпохе, не затрагивают контекста изменения сознания и картины мира современного человека. Все это еще подлежит изучению.

Мы предполагаем, в зарождающейся эпохе «постпостмодерна», или метамодерна, эпохи «новой искренности», где судьба метамодернового человека — преследовать бесконечно отсту-

пающие горизонты — доминировать будет новый тип передачи социокультурного опыта (метафигуративный), устремленный в будущее, основанный на стремлении к очевидным ценностям, уважении и деидеологизации исторического наследия.

Литература

1. Benjamin, W. Blanqui / W. Benjamin // Selected Writings. Vol. 4. 1938–1940. Benjamin London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2003.

2. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества / Д. Белл // Новая технократическая волна на Западе.— М. : Прогресс, 1986.— С. 330–342.

3. Флиер, А. Я. Культурология для культурологов : учебное пособие / А. Я. Флиер.— М. : Академический Проект, 2000.

4. Марквард, О. Эпоха чуждости миру? [Электронный ресурс] / О. Марквард // Отечественные записки.— 2003.—№ 6 (15). — Режим доступа : http://www.strana-oz.ru/2003/6/epoha-chuzhdosti-miru.

5. Гопник, Э. Что изменит все? Бесконечное детство [Электронный ресурс] / Э. Гопник.— Режим доступа : http://esquire.ru/future-never-ending-childhood.

6. Тоффлер, Э. Шок будущего : пер. с англ. / Э. Тоффлер.— М., 2002.

6. Мид, М. Культура и мир детства / М. Мид // Избранные произведения / ред., сост. и автор послесловия И. С. Кон.— М., 1988.

7. Долецкая, А. Встреча Терри Гиллиама и Алены Долецкой [Электронный ресурс] / А. Долецкая.— Режим доступа : http://www.interviewrussia.ru/movie/vstrecha-terri-gilliama-i-aleny-doleckoy.

В. А. Зайцева
Минск, Белорусский государственный университет

Формирование лингвокультурологической компетенции как к акту межкультурной коммуникации в процессе обучения переводу

Сегодня рассмотрение перевода как феномена опосредованной межъязыковой коммуникации предполагает участие как минимум двух языковых и культурных традиций, что в свою очередь определяет значимость академической дисциплины «Перевод и межкультурная коммуникация», изучаемой студентами специальности 1–21 06 01–02 «Современные иностранные языки (перевод) » Белорусского государственного университета.

Целью изучения данной дисциплины является формирование «вторичной языковой личности» и подготовка будущих переводчиков к успешной англоязычной межкультурной коммуникации, призванной сформировать у них представления об основных национально-культурных расхождениях в английском и русском языках.

Структурирование содержания учебной дисциплины основывается на модульном подходе, который предполагает разбивку учебного материала на относительно самостоятельные учебные разделы, включающие лексические, грамматические и стилистические аспекты перевода, предопределенные англоязычной культурой и непосредственно связанные с ней.

Дисциплина не только предусматривает обобщение и углубление лингвистических знаний, усвоенных студентами ранее, но и рассматривает их в тесном взаимодействии с такими аспектами межъязыкового общения, как национальный менталитет, культурная восприимчивость, культурные стереотипы, вербальные национально-культурные расхождения носителей английского и русского языков.

Это обусловлено тем, что перевод иноязычной речи в аспекте межкультурной коммуникации требует в значительной степени культурной адаптации, для реализации которой переводчик должен владеть лингвокультурологической компетенцией, основными компонентами которой являются: «а) фоновые знания о предмете коммуникации и об элементах базовой части иноязычной картины мира, соотносящихся с предметом коммуникации; б) лингвистические знания о типах языковых соответствий, лакунах культурного пространства и способах их элиминации; в) языковой навык распознавания и распредмечивания содержания культурных терминов с опорой на фоновые знания; г) речевой навык понимания и употребления устойчивых соответствий в сфере межкультурного общения; д) речевое умение элиминировать лакуны культурного пространства с учетом этнокультурных особенностей коммуникантов» [1].

Формирование лингвокультурологической компетенции будущего переводчика как совокупности системно организованных знаний о культуре, воплощенной в языке, основывается на самостоятельной учебно-аналитической деятельности студентов, предполагающей исследование оригинального текста, в ходе

которого выявляются его культурные черты и преодолеваются культурно-языковые расхождения, которые необходимо учитывать при решении переводческих задач. Чтобы правильно интерпретировать и передать исходный текст, переводчику необходимо знать его национально-культурный контекст, являющийся частью языковой картины данной культуры.

Таким образом, в процессе перевода происходит переосмысление культурного контекста, предполагающее элиминирование лингвистических и фоновых лакун, что способствует созданию наиболее адекватного текста перевода, соответствующего языковой картине мира его получателя.

Такое преобразование невозможно без сформированности у переводчика кросс-культурной грамотности, которую Р. Хенви рассматривает как «постижение особенностей культуры и народа — ее носителя на уровне сознания, различий между своей и чужой культурами:

готовность их понять при наличии таких черт личности, как эмпатия, толерантность и др.

проявление уважения и терпимости к разным привычкам, вкусам, взглядам, нормам жизни» [3, с. 70].

Р. Хенви выделяет четыре уровня кросс-культурной грамотности: «На первом уровне человек знакомится с поверхностными, бросающимися в глаза странностями. Эти особенности становятся расхожими стереотипами и воспринимаются как нечто экзотическое. Этот уровень связан со знаниями, которые получают из средств массовой информации, кинофильмов и т.д. На втором и третьем уровнях мы проникаем в сущность глубинных особенностей культуры, контрастирующих с нашей собственной. Но если на втором уровне эти особенности раздражают своей нелепостью и непохожестью, то на третьем они уже представляются по-своему оправданными, в какой-то степени рациональными. Этот уровень является отправной точкой для формирования положительного стереотипа и толерантности. Лишь на четвертом уровне возможно восприятие культуры глазами ее носителя. Этот уровень труднодостижим, но способность человека менять психологическую ориентацию делает возможным достижение хотя бы нескольких аспектов четвертого уровня. Этому поможет особое свойство человеческой личности — способность увидеть себя на месте другого человека» [3, с. 70].

Такая учебно-аналитическая деятельность осуществляется посредством следующих практических методов обучения: системно-модельный метода, метода дискуссии, аудиовизуального метода, лингвопереводческого метода.

Сначала она реализуется в форме делового взаимодействия преподавателя и студента, когда преподаватель контролирует учебную переводческую деятельность, исправляя и корректируя тексты перевода, указывая на ошибки, часто связанные с тем, что культуремы языка оригинала нередко подменяются сходными, существующими в языке перевода, но семантически не идентичными.

При этом внимание студентов концентрируется на решении основной переводческой задачи — найти соответствие контексту и логике изложения оригинала, сохранив при этом его культурное своеобразие. Студенты, сравнивая и сопоставляя удачные и менее удачные варианты перевода, анализируют их, вырабатывая при этом правильную оценочную установку по отношению к собственным знаниям и возможностям.

Затем следует этап индивидуальной творческой деятельности, в основе которого лежит принцип развивающего обучения, предполагающий наличие ряда умений (когнитивных, аксиологических и креативных), необходимых для выявления значений лингвистических единиц английского языка с национально маркированным компонентом семантики для их адекватной передачи на русском языке.

Таким образом, переводческую деятельность можно рассматривать как лингвокультурологический анализ, направленный на постижение глубинного смысла иноязычных текстов для их последующего декодирования на родном языке. Формирование лингвокультурологической компетенции, ориентированной на интеграцию лингвистических знаний и знаний культуры у будущих переводчиков, является непременным условием, необходимым для успешного решения переводческих задач в ситуации межкультурного общения и коммуникации.

Литература

1. Брыксина, И. Е. Концепция билингвального / бикультурного языкового образования в высшей школе : автореф. дис. … доктора пед. наук [Электронный ресурс] / И. Е. Брыксина.— Тамбов, 2009.— Режим

доступа : http://www.dissercat.com/content/kontseptsiya-bilingvalnogo-bikulturnogoyazykovogo-obrazovaniya-v-vysshei-shkole-neyazykovye.
2. Хенви, Р. Достижимая глобальная перспектива / Р. Хенви.— Рязань, 1994.

Т. Г. Зеленова
Ярославль, Ярославский филиал
Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования
«Академия труда и социальных отношений»

Формирование модели компетенций менеджера по персоналу в учреждениях культуры

Государственная политика в сфере культуры в Российской Федерации направлена на развитие и реализацию культурного и духовного потенциала каждой личности и общества в целом. По мере развития личности растут потребности в ее культурно-творческом самовыражении, освоении накопленных обществом культурных и духовных ценностей. Необходимость в удовлетворении этих потребностей требует адекватного развития сферы культуры в целом, её отраслей и специалистов. Формирование сбалансированной культурной политики, способствующей повышению качества и доступности услуг культуры для граждан Российской Федерации, отвечающей общественным и частным интересам, направленной на повышение жизнеспособности культуры, является составной частью стратегии развития отрасли. По мере возрастания роли культуры в обществе она перестает быть просто одной из форм удовлетворения потребностей и должна стать активным участником социально-экономических процессов.

Важнейшим условием устойчивого развития Ярославской области в гуманитарном, экономическом, политическом и социальном измерении является признание значимости культуры. Уровень развития территории в современном обществе определяется взаимосвязью культурной политики и политики в иных сферах — социальной, экономической, образовательной, а также политики в области градостроительства и охраны окружающей среды. Целостный подход в формировании культурной политики региона, сочетающий программно-целевой метод планирования, частно-государственное партнерство, международное сотрудни-

чество и взаимодействие гражданского общества, позволяет культуре эффективно развиваться в новых рыночных условиях.

Важное место в развитии культуры в Ярославской области занимает подготовка и профессиональное развитие менеджеров учреждений культуры, связанные с моделью развития компетенций управленческого персонала. Под моделью компетенций менеджера по персоналу следует понимать набор взаимосвязанных знаний, умений, навыков и ценностей, необходимых управленческому персоналу для формирования конкурентных преимуществ и повышения эффективной работы учреждений культуры.

Модель развития компетенций управленческого персонала разрабатывается в области культуры, как и в других социальных сферах, для каждой должности. Она должна описывать интеллектуальные и деловые качества работника конкретной должности и обеспечивать развитие персонала в двух направлениях:

1) в направлении приспособления к сложившейся в конкретной организации культуре — готовность всех работников учреждения демонстрировать ожидаемое от них эффективное поведение, что обеспечивается единством взглядов на профессиональную этику, механизмы принятия управленческих решений, ответственность за качество и конкурентоспособность продукции и услуг;

2) в направлении получения знаний, умений и навыков, необходимых для успешной работы в конкретной специализированной области профессиональной деятельности.

Учреждения сферы культуры Ярославской области постоянно находятся в поиске эффективных методов оценки способностей и потенциала персонала, хотя в последние годы оценка человеческих ресурсов приобретает комплексный и более системный характер. Наши учреждения культуры должны полагаться на гибкость персонала, способность его к обучению и умение работать в команде. Формирование моделей компетенций персонала предполагает идентификацию в совокупности навыков, знаний и способностей.

Ключевым моментом в развитии компетенций управленческого персонала сферы культуры Ярославской области является определение его потребностей в данной отрасли. Следует выявить несоответствие между знаниями, навыками и способностями, которыми должен обладать персонал на разных ступенях иерархии для реализации долгосрочных целей, и теми навыками, знаниями и способностями, которыми он обладает в действи-

тельности. Определение потребностей в развитии компетенций отдельного менеджера учреждения культуры или руководителя требует совместных усилий.

Универсальная модель компетенций персонала организации не разработана, так как каждое учреждение или фирма выявляют свои компетенции, которые будут способствовать формированию своих конкурентных преимуществ. Однако многие ученые (Р. Бояцис, В. Дулевич) разработали набор компетенций менеджера. Р. Бояцис определил компетенции на основе описаний эффективного и неэффективного поведения, руководствуясь инцидентами, различающими более или менее эффективных менеджеров. Его компетенции включили мотивы, черты личности, когнитивные и межличностные способности, изображенные нами на схеме 1. Вполне понятно, что Р. Бояцис к компетенциям относит способности менеджера, при этом не учитывает навыки, которыми должен обладать менеджер, и знания, которые являются неотъемлемой частью компетенций [1].

В. Дулевич разработал двенадцать полностью независимых, по его мнению, компетенций работы менеджеров среднего звена, не учитывая необходимость конкретных компетенций для руководителей высшего и низшего звена управления, которые разделились на четыре группы:

- интеллектуальные,
- межличностные,
- адаптивные
- ориентированные на результат.

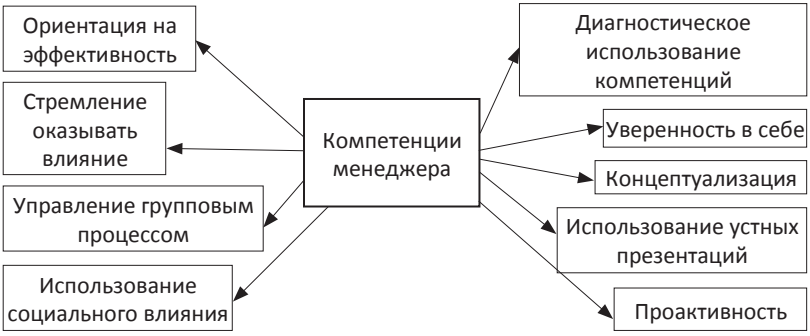

Схема 1. Компетенции менеджера по Р. Бояцису

Компетенции, разработанные В. Дулевичем, не являются показателями эффективности работы менеджера, поскольку не охватывают категорию знаний, которыми должны обладать специалисты данного уровня управления.

Изучив наборы компетенций, предложенные различными авторами, необходимо отметить, что у каждого набора компетенций существуют определенные недостатки. В результате нашего анализа выявлено, что полностью не были раскрыты и охарактеризованы составляющие компетенций — знания, способности и навыки управленческого персонала в организации. Также не отражены специфические особенности набора компетенций для каждого уровня управления учреждения культуры.

Формирование и развитие компетенций персонала позволяет наряду с текущим управлением на уровне учреждения поднять и уровень стратегического управления. Методология развития компетенций управленческого персонала предполагает рассмотрение методов, средств, приемов, с помощью которых приобретается и обосновывается выполнение соответствующих целей и задач учреждения культуры Ярославской области. Основным методом изучения развития компетенций управленческого персонала учреждений культуры является метод моделирования, то есть способ теоретического и практического действия, направленного на разработку и использование моделей. Он основывается на замещении реальных объектов их условными образцами, аналогами. Посредством моделирования описываются структуры объекта (статистическая модель), процесс его функционирования и развития (динамическая модель). В модели воспроизводятся свойства, связи, тенденции исследуемых систем и процессов, что позволяет оценить их состояние, сделать прогноз, принять обоснованное решение. Формы моделирования многообразны, зависят от видов структурированных моделей и сферы применения. Как известно, выделяют предметное и знаковое моделирование. Предметное предполагает создание моделей, воспроизводящих пространственно-временные, функциональные, структурные и другие свойства оригинала (конкретно-научные модели). Знаковое моделирование заключается в репрезентации параметров объекта с помощью символов, схем, формул (логично-математической модели).

Взаимосвязь модели компетенций со следующими областями управления персоналом в учреждении культуры Ярославской области можно проследить по следующим показателям [2]:

– оценка персонала;
– подбор и расстановка персонала;
– управление карьерой;
– обучение и развитие персонала;
– трансляция корпоративной культуры.

При рассмотрении оценки персонала модель компетенций позволяет разработать профили требований для должностных позиций и осуществлять оценку развития компетенций сотрудников через сравнение текущего состояния компетенций с предшествующим состоянием и с требуемым состоянием. При использовании данной модели оценка осуществляется с применением единых стандартов, что облегчает проведение сравнительного анализа в случае его необходимости.

При подборе персонала модель компетенций позволяет сформулировать профиль требований к потенциальным кандидатам и проводить их оценку. По результатам оценки соответствие кандидатов компетенциям может характеризоваться как полное и как частичное. На основании таких заключений могут быть даны обоснованные заключения о соответствии кандидата должности и быть приняты соответствующие кадровые решения. Принимая во внимание управление карьерой специалиста, модель компетенций может использоваться для формирования кадрового резерва через сравнение компетенций сотрудников учреждения культуры с профилем компетенций соответствующих потенциальных должностей.

В области обучения и развития персонала отрасли культуры Ярославской области модель компетенций позволяет делать точные и обоснованные заключения по необходимым направлениям обучения сотрудников и подготавливать для них индивидуальные планы развития. Для вынесения решений по необходимости обучения достаточно сравнить текущий уровень развития компетенций сотрудника с целевым уровнем. Кроме того, модель компетенций позволяет проводить комплексные исследования результативности мероприятий по обучению персонала.

При трансляции корпоративной культуры модель компетенций позволяет в любой момент времени отслеживать то, как кра-

тковременные усилия в области управления талантами работают на долгосрочные цели развития учреждения культуры Ярославской области, через рациональную и прозрачную систему показателей (численных значений компетенций). При этом корпоративная культура и стратегия развития компании закладываются в содержание требований, предъявляемых к сотрудникам.

Разработав модели компетенций для руководителей разных уровней управления и специалистов сферы культуры Ярославской области, автор должен отметить, что предложенный набор представляет собой оптимальное сочетание компетенций, которые необходимо иметь персоналу в учреждении. Для их формирования требуется провести оценку имеющихся компетенций, выявить те компетенции, которые отсутствуют, составить карту развития и механизм по тем компетенциям, которые необходимо совершенствовать.

Литература

1. Бачин, Д. А. Обзор современных методов оценки эффективности обучения персонала / Д. А. Бачин // Электронный научно-практический журнал «Современные научные исследования и инновации», 2013, № 23 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://web.snauka.ru/issues/2015/03/48583.

2. Ксенофонтова, Х. Модели компетенций различных категорий управленческого персонала / Х. Ксенофонтова // Управление персоналом.— М., 2009.— № 17.

А. В. Зеленовская, С. А. Трофименко, О. П. Шабан
Минск, Белорусский государственный университет

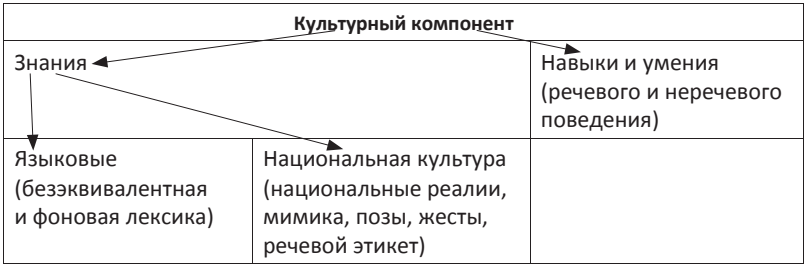
Социокультурный компонент при обучении немецкому языку в ВУЗе

На современное общество большое влияние оказывают такие процессы, как глобализация и расширение мирового рынка, которые в свою очередь посредством информационных технологий способствуют распространению стандартов массовой культуры; эти процессы взаимосвязаны. Все это находит свое отражение в сфере образования и в сфере обучения иностранному языку, где возникают новые приоритеты. Наряду с формированием умений и навы-

ков иноязычной речи задачами современного лингвистического образования в вузе становятся также формирование понимания культуры (как собственной, так и чужой), понимание и принятие различий, существующих между народами и этническими группами. Данная способность становится объектом целенаправленного формирования в процессе обучения иностранному языку. Под обучением традиционно понимается процесс передачи и усвоения знаний, умений и навыков какой-либо деятельности. В процессе же обучения иностранному языку происходит передача не только знаний лексики и грамматики данного иностранного языка, но и культуры, накопленной народом данной страны. Основная цель обучения иностранному языку — научить взаимодействию с представителями другой культуры посредством языка. А именно, пониманию других людей и культуры, умению договариваться с другими людьми, понимать и писать тексты, активно принимать участие в общественной и культурной жизни. В достижении этой цели огромную роль играет принцип ориентации на формирование компетенций. При обучении иностранному языку основное внимание прежде всего уделяется формированию коммуникативной компетенции, которая включают в себя понимание иноязычной речи, чтение, говорение, письмо. В рамках коммуникативной компетенции в свою очередь следует выделить функциональную коммуникативную компетенцию, которая включает в себя овладение лексическими, грамматическими, фонетическими и орфографическими навыками и умениями. Наряду с коммуникативной компетенцией в последнее время все больше внимания уделяется формированию социокультурной компетенции при обучении иностранному языку, под которой понимается ситуативность использования языка. Успешное овладение вышеперечисленными языковыми средствами (коммуникативная компетенция) и знание социокультурных особенностей страны изучаемого языка приводят к созданию условий для успешной коммуникации, что в свою очередь и является основной целью обучения иностранным языкам.

Говоря о формировании социокультурной компетенции, следует определить, что входит в такое понятие, как социокультурный компонент.

Согласно Никитенко, Осияновой, социокультурный компонент может быть представлен и реализован следующим образом (см. таблицу): [2, с. 5].

Кроме того, в процессе преподавания иностранного языка неизменно затрагиваются вопросы страноведения, которые являются основополагающими в формировании социокультурной компетенции. Под страноведением при изучении иностранного языка понимается совокупность политических, социо-экономических и культурных фактов, которые являются определяющими в процессе воспроизводства и рецепции иноязычных высказываний. Такое понятие страноведения охватывает все проявления общества, не ограничиваясь только так называемой «высокой культурой», а включая в себя и «повседневную культуру», и особенности менталитета.

В дидактике страноведения выделяют следующие компоненты:

- Когнитивный.
- Коммуникативный.
- Межкультурный.

Дидактический план	**Когнитивный компонент**	**Коммуникативный компонент**	**Межкультурный компонент**
Процесс осуществления	Самостоятельная учебная дисциплина	Урок иностранного языка	Урок иностранного языка
Основная задача	Формирование знаний о культуре, общественном устройстве страны изучаемого иностранного языка	Коммуникативная компетенция: быть в состоянии общаться без недоразумений	Коммуникативная и культурная компетенция: понимать свою и другую культуры

Окончание таблицы

Дидактический план	Когнитивный компонент	Коммуникативный компонент	Межкультурный компонент
Содержание	Социология Политика Экономика Культура История	Как люди живут. Отдых. Общение людей. Участие людей в общественной жизни. Домашнее хозяйство. Работа / обеспечение жизненного уровня. Образование. Культурные традиции	Все формы презентации культуры страны изучаемого иностранного языка на занятиях: ее значение внутри региона и для изучающих иностранный язык
Итог	Общая картина страны.	Повседневная культура / устные темы для общения	Понимание культуры вообще и культуры страны изучаемого языка

В основе когнитивного компонента лежат реалии, история, культура и общественное устройство страны. Учебный процесс нацелен на передачу и усвоение сведений, данных, фактов. Исходными пунктами тем являются смежные дисциплины, такие как политология, социология, история, география или литература. Изучение данного компонента осуществляется на продвинутом этапе обучения иностранному языку. Основной целью является передача систематизированной и реальной картины истории, настоящего времени и перспектив страны изучаемого иностранного языка.

Основной проблемой является отбор информации, которая продолжительное время оставалась бы актуальной. Особенно четко видна эта проблема в случае объединения Германии. После 1990 г. остались актуальными тексты, в которых речь шла о политических, экономических и человеческих трудностях объединения Германии.

В случае коммуникативно-ориентированного компонента страноведческие темы приобретают новое содержание. В основе лежат теперь знания, опыт и точка зрения обучаемых. Выбор тем страноведческого содержания базируется на их интересах и потребностях, в основном они затрагивают спектр тем повседневного общения. В процессе коммуникативного обучения страноведение должно служить основой успешного общения в процессе повседневной деятельности, а также понимания феноменов жизненного уклада страны изучаемого языка. Целью обучения является способность действовать в другой культуре и отношение к этой культуре.

В процессе обучения иностранному языку следует принимать во внимание, что слово одновременно является знаком реалии и единицей языка. Многие единичные слова являются носителями культурологического значения. Например, в учебниках немецкого языка можно проследить трансформацию понятия «СЕМЬЯ». На примере интервью показывается различное понимание понятия «семья». Молодые немцы, говоря о семье, подразумевают того, с кем они живут в настоящий момент, в других странах «семья — это все, с кем находишься в родстве». Это подтверждают и статистические данные, согласно которым в Германии увеличилось количество людей, живущих по одному или вдвоем. Таким образом, знания норм и традиций народа дадут возможность участникам коммуникации, которые принадлежат к разным национальным культурам, адекватно воспринимать и понимать друг друга, что окажет положительное влияние на межкультурную коммуникацию.

Также следует обратить внимание студентов на различные виды приветствий и прощаний, употребляемые в разных регионах немецкоязычных стран (Grüß Gott! Servus! — в Австрии и на юге Германии, Grüezi, Adé! — в Швейцарии), а также на более частое употребление «Du» по сравнению с русским языком.

Следует обратить внимание на безэквивалентную и фоновую лексику, овладение которой связано с пониманием национальной культуры. Безэквивалентная лексика практически непереводима, а ее значение раскрывается путем транслитерации, толкования. В качестве примера можно привести названия праздников и связанных с ними атрибутов, например, Advent, Osternhase. Для закрепления безэквивалентной лексики по теме «Праздники страны

изучаемого языка» наиболее оптимальна организация и проведение подобных праздников на занятиях иностранного языка.

Также следует обратить внимание на несозвучные географические названия. Например, die Ostsee — Балтийское море, (das) Memel — Клайпеда, Montenegro — Черногория. Можно отметить, что данные географические объекты с несозвучными названиями, как правило, находятся в зонах, где происходили наиболее интенсивные контакты и/или столкновения этносов. [1, с. 174].

Исходя из вышесказанного. можно утверждать, что обучение иностранному языку тесно связано со знакомством с культурой страны изучаемого языка. При этом происходит усвоение не только культурологических знаний (фактов культуры), но и формирование способности и готовности понимать ментальность носителей изучаемого языка, а также особенности коммуникативного поведения народа этой страны.

К основным особенностям русского коммуникативного поведения относят общительность, искренность, эмоциональность. К общим особенностям немецкого коммуникативного поведения относят высокий уровень внешней приветливости, подробное планирование, шумность в компании, предпочтение официального стиля общения и другие. Страноведение — это не только общие сведения о стране изучаемого языка, но и образы (гештальты) людей, живущих в ней; не только абстрактные правила и нормы (законы, экономика, политика), но и их конкретное влияние на отдельных людей, а также впечатления других людей о Германии. Данная информация является полноценным и достаточно мотивирующим введением в страноведение. Например, студентам можно предложить суждения о Германии и немцах с последующим заданием: определить, представителю какой страны может принадлежать данное мнение. Посредством сравнения высказываний может быть показано, насколько относительны высказывания о людях, живущих в определенной стране.

Следует также добавить, что общение всегда сопровождается различными невербальными элементами, то есть жестами, мимикой, позами. Лицо (мимика), руки (жесты), символы (обручальное кольцо), сигналы (одежда и другие) и движение тела оказывают большое влияние на успешность общения. Невербальное поведение обусловлено коммуникативно и национально, и его следует

учитывать при изучении иностранного языка. В процессе обучения иностранному языку следует обратить внимание на кинемы, которые не совпадают в речевом поведении носителей немецкого и русского языков. На занятиях иностранного языка можно использовать жест постукивания костяшками пальцев по столу, который выражает традиционно в западноевропейских странах приветствие у преподавателей, а также одобрение и удовлетворение от блестяще прочитанного доклада.

Таким образом, интенсивная работа по формированию социокультурной компетенции при обучении немецкому языку способствует заинтересованной коммуникации и взаимодействию людей на иностранном языке. Одновременно знание социокультурного компонента способствует формированию умений коммуникативно обмениваться в устной и письменной формах мыслями и информацией с людьми, говорящими на немецком языке. При этом происходит осознанное овладение немецким языком как средством общения.

Литература

1. Латышев, Л. К. Технология перевода / Л. К. Латышев.— М., 2001.

2. Никитенко, З. Н. О содержании национально-культурного компонента в обучении английскому языку на начальном этапе / З. Н. Никитенко, О. М. Осиянова // Иностранные языки в школе.— 1994.— № 5.

3. Schart, M. DLL 1. Lehrkompetenz und Unterrichtsgestaltung / M. Schart, M. Legutke.— München : Langenscheidt, 2012.

Н. К. Зубовская, Н. М. Смирнова, И. И. Ковган
Минск, Белорусский государственный университет

Урок-дискуссия как способ обучения межкультурной коммуникации

В русле современной образовательной идеологии изменились традиционные взгляды на иностранный язык и методологию иноязычного образования. Его цели и содержание ориентируются на плюралингвизм и диалог культур. Иностранный язык рассматривается не только в качестве средства межкультурного общения,

но и средства формирования личности как субъекта национальной и мировой культуры. Предполагается, что мировоззрение, включающее в себя ценности личности, общества, государства, а также более широкого сообщества (европейского, мирового), способствует большему взаимопониманию и сближению народов в современном поликультурном мире, а следовательно, стабильности и устойчивости его развития [3, с. 3].

Задача преподавания иностранного языка состоит не только в том, чтобы научить студентов языку, но и подготовить их к межкультурным контактам. Важно, чтобы общение на иностранном языке являлось как межличностным, так и межкультурным.

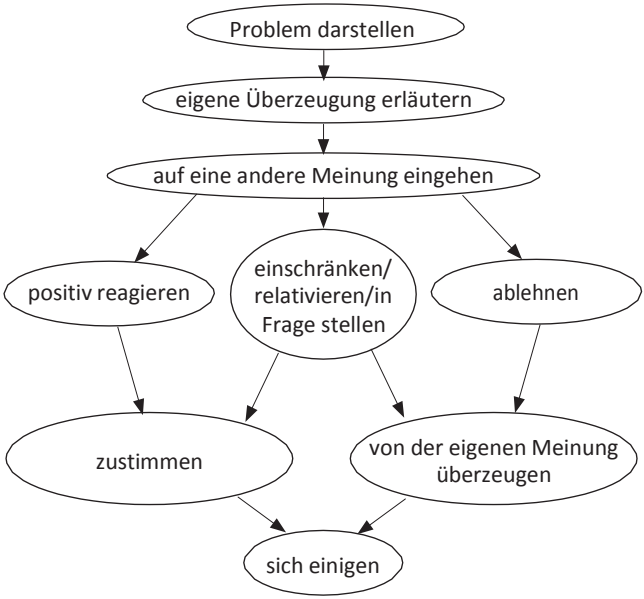
Образовательный аспект подготовки специалиста в неязыковом вузе в области межъязыковой коммуникации предполагает сообщение знаний о культуре, реалиях и традициях изучаемого языка. Поэтому основной целью обучения иностранному языку является формирование личности, готовой к межкультурной коммуникации.

Актуальным представляется поиск метода, обеспечивающего не только приобретение знаний для межкультурной коммуникации, но и обучение соответствующей деятельности.

Одним из способов лингвистического обеспечения межкультурной коммуникации, с нашей точки зрения, может быть урок-дискуссия. Целью такого занятия является развитие и совершенствование всех видов речевой деятельности студентов. Данный вид учебной работы требует от преподавателя тщательной подготовки. Необходимо определить актуальную тему, подобрать материал для ведения дискуссии. Преподаватель должен поставить студентов перед необходимостью найти языковые средства для высказываний в конкретной ситуации. Важная роль здесь отводится коммуникативным упражнениям.

Указав тему и ситуации, необходимо изучить лексику; прочитать текст/тексты по данной теме, которые должны дать студентам информативный материал; овладеть языковыми средствами ведения дискуссии (сопоставления, противопоставления, обобщения, выражение согласия, критики, выводы). Кроме того, необходимо предложить студентам схему ведения дискуссии, что структурирует и облегчит работу.

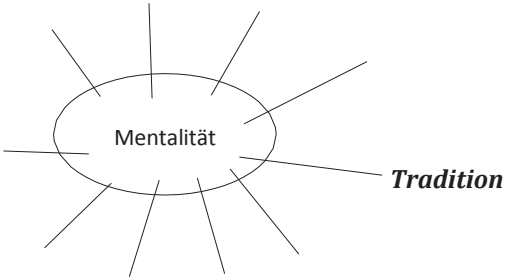
Схема может выглядеть следующим образом [1, с. 3]:

Например, урок-дискуссия по теме «Клишированные представления о других народах и странах» можно провести со студентами, изучающими немецкий язык, следующим образом: Тема дискуссии «Klischeevorstellungen über andere Völker». После определения темы следует обозначить несколько ситуаций, позволяющих вести обсуждение:

A. Mentalität — wie entsteht sie?

Übung 1. *Mentalität* — Wie entsteht sie? Finden Sie möglichst viele Komponenten, aus denen sie sich zusammensetzt.

Übung 2. Lesen Sie das folgende Zitat des deutschen Philosophen Jürgen Habermas (geboren 1929). Vergleichen Sie Ihre und seine Charakterisierungen von Mentalität. Achten Sie auf eventuelle Abweichungen.

Unsere Lebensform ist mit der Lebensform unserer Eltern und Großeltern verbunden durch ein schwer entwirrbares Geflecht von familialen, örtlichen, politischen, auch intellektuellen Überlieferungen — durch ein geschichtliches Milieu also, das uns erst zu dem gemacht hat, was und wer wir heute sind. Niemand von uns kann sich aus diesem Milieu herausstehen, weil mit ihm unsere Identität, sowohl als Individuen wie als Deutsche, unauflöslich verwoben ist. Das reicht von der Mimik und der körperlichen Geste über die Sprache bis in die kapillarischen Verästelungen des intellektuellen Habitus [2, c. 14].

B. Vorurteile über andere Länder.

Kennen Sie den Witz? Ein Deutscher, ein Franzose und ein Nordamerikaner fahren durch einen Nationalpark mit vielen Elefanten. Später schreibt jeder ein Buch über die Fahrt. Der Deutsche nennt sein Buch ‚Vorüberlegungen zu einer Theorie der Elefantologie', der Franzose ‚Das Liebesleben der Elefanten' und der Nordamerikaner ‚Wie man stärkere und schönere Elefanten machen kann'.

Übung 1. Mit welchen Nationalitäten würde man diesen Witz in unserem Land erzählen?

Übung 2. Welche Vorurteile über die deutschsprachigen Länder gibt es in unserem Land?

Übung 3. Welche Vorurteile gibt es in unserem Land über unsere Nachbarländer?

Übung 4. Welche Vorurteile über unser Land sind Ihnen bekannt?

Übung 5. Welche der angegebenen Eigenschaften bezeichnen nach Ihrer Meinung Ihr eigenes Volk am besten?

	Deutsche	Franzosen	Italiener	Engländer	Amerikaner
Sehr arbeitsam	90	46	67	57	68
Intelligent	64	79	80	52	72
Praktisch veranlagt	53	17	24	47	53
Eitel	15	30	24	11	22

Окончание таблицы

	Deutsche	Franzosen	Italiener	Engländer	Amerikaner
Großzügig	11	62	41	48	76
Grausam	1	0	3	1	2
Rückständig	2	4	7	6	2
Tapfer	63	56	45	59	66
Selbstbe-herrscht	12	12	5	44	37
Herrsch-süchtig	10	4	8	6	9
Fortsch-rittlich	39	34	17	31	70
Friedlich	37	69	27	77	82

Übung 6. Welche Vorurteile der Deutschen über unser Land sind Ihnen bekannt?

Übung 7. Diskutieren Sie bitte die Informationen.

Die Deutschen — eilig und verkrampft	*leistungsstark*
Viel zu wenig Zeit zum Leben	*romantisch*
Mercedes und Sauerkraut	*musikalisch*
	pünktlich
	fleißig

[2, c. 21–22]

C. Typischer Europäer

Übung 8. Lesen Sie bitte den Text, und unterstreichen Sie die Angaben zu den Nationalitäten.

Ein typischer Europäer verlässt nach einem Blick auf seine Schweizer Uhr die Niederlassung des US-Konzerns, in der er arbeitet, fährt in seinem französischen Auto nach Hause, zieht seinen Anzug aus (englischer Tweed), das Hemd (Made in Hongkong), die Schuhe (italienisches Fabrikat), schlüpft in eine bequeme Hausjacke (importiert aus Polen), trinkt aus österreichischen Gläsern deutsches Bier oder

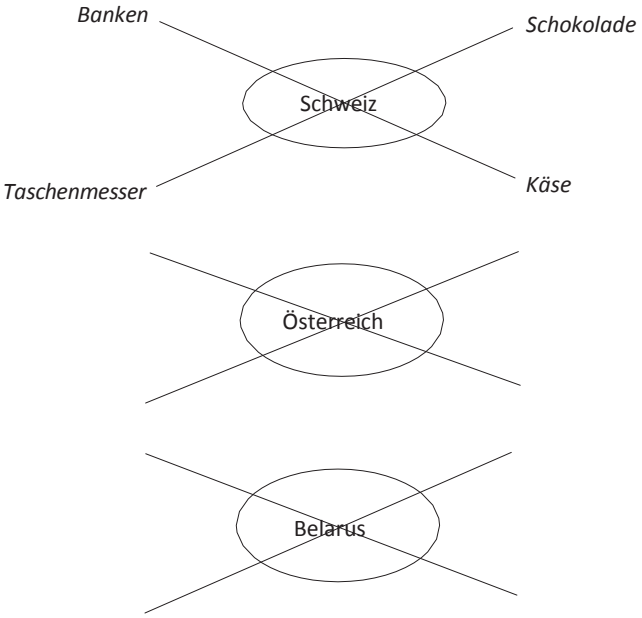
schottischen Whisky, setzt sich in einen dänischen Sessel, raucht eine Brasil oder stopft sich die Pfeife mit holländischer Tabakmischung, schaltet seinen japanischen Fernsehapparat ein, sieht und hört, wie ein schwedischer Sänger ein spanisches Volkslied trällert, isst belgische Hähnchen, Tomaten aus …

Übung 9. Machen Sie bitte eine Liste der Produkte, und ergänzen Sie die Adjektive und/oder Herkunftsländer.

Beispiel:	Schweizer Uhr	e *Schweiz*
US-Konzern	*Amerika*	*amerikanisch*

Übung 10. Diskutieren Sie bitte, warum bestimmte Produkte mit einzelnen Nationen verbunden werden.

Übung 11. Suchen Sie bitte andere Beispiele für Produkte oder Eigenschaften, die bestimmten Ländern zugeordnet werden.

[2, c. 22–24]

Студентам предлагаются выражения и структуры, позволяющие высказать свое мнение:

Для выражения собственной точки зрения—
Ich denke/glaube/finde, (dass) …
Mir scheint …
Ich würde sagen, (dass) …
Ich bin der Ansicht/Auffassung/Überzeugung, (dass) …
Ich bin fest dazu überzeugt, (dass) …
Ich stehe auf dem Standpunkt, (dass) …
In meinen Augen … [1, с. 7]

Для выражения согласия с мнением собеседника—
Damit bin ich einverstanden.
Das überzeugt mich.
Das ist richtig.
Sie haben Recht.
Das stimmt.
Ich teile diese Auffassung.
Dem kann ich nur zustimmen.
Ich finde, das sehen Sie richtig. [1, с. 8]

Для выражения сомнения и несогласия—
Dass kann sein, aber es kommt immer darauf an, ob …
Da bin ich nicht so sicher. Ich könnte mir denken, dass …
Sie mögen hier ja recht haben, aber …
Das überzeugt mich nicht.
Das halte ich für falsch.
Dem stimme ich nicht zu.
Hier muss ich widersprechen.
Das sehe ich ganz anders. [1, с. 11–12]

Для убеждения собеседника в своей правоте—
Sie können nicht bestreiten, dass …
Überlegen Sie doch bitte einmal.
Es geht mir darum, dass …
Ich möchte daran erinnern, dass …
… So meine ich.
Es kommt hinzu, dass …

Sie müssen zugeben, dass …
… So sieht das aus meiner Sicht aus. [1, с. 12]

Каждую группу выражений необходимо закреплять в упражнениях и кратких ситуациях-диалогах.

Следует помнить, что обучение дискуссии как способу межкультурной коммуникации должно быть построено таким образом, чтобы оно являлось для студента осмысленной деятельностью.

Мы полагаем, что материалы, применяемые на уроке дискуссии, имеют культуроведческую направленность и являются хорошим лингвистическим обеспечением для обучения межкультурной коммуникации.

Литература

1. Зубовская, Н. К. Argumentationsstrategien. Arbeit mit Texten. Стратегия аргумента. Работа с текстом : учеб.-метод. пособие для магистрантов и аспирантов / Н. К. Зубовская, Н. М. Смирнова.— Минск : ФУСТ БГУ, 2002.

2. Зубовская, Н. К. Стереотипы и действительность Германии. Stereotype und Wirklichkeit über Deutschland / Н. К. Зубовская, Н. М. Смирнова ; авт.-сост. Н. К. Зубовская, Н. М. Смирнова.— Минск : БГУ, 2004.

3. Иностранный язык : учебная программа для высших учебных заведений / сост. : Л. В. Хведченя, И. М. Андреасян, О. И. Васючкова.— Минск : РИВШ, 2008.

О. А. Иваненко
Киев, Институт истории Украины Национальной академии наук Украины

Участие ученых-естествоведов Университета Св. Владимира в общеевропейской системе международной коммуникации (нач. XX в.)

Начало XX в. ознаменовалось колоссальными достижениями в развитии науки и техники, основанными на революционных открытиях европейцев: результатах исследований радиоактивности, осуществлённых французскими учёными П. Кюри и М. Склодовской-Кюри; теории относительности А. Эйнштейна; разработанной британскими учеными Э. Резерфордом и Ф. Сод-

ди теории радиоактивного распада; квантовой теории атома датского физика Н. Бора; созданной отечественным биологом И. Мечниковым фагоцитарной теории иммунитета и т.д. На фоне научно-технического прогресса, роста промышленного производства, стремительного развития транспорта, средств связи и военной техники беспрецедентную угрозу европейской цивилизации создавали обострение соперничества между ведущими государствами, гонка вооружений, раскол Европы на враждебные военно-политические блоки. В то же время бурное развитие науки сопровождалось подъёмом международной кооперации, воплощённой в создании международных научных организаций, многочисленных конгрессах и съездах, Всемирных выставках, на которых демонстрировались научно-технические достижения разных стран. Начиная с 1901 г., за самые важные достижения в науке, литературе, борьбе за мир и разоружение ежегодно присуждались самые престижные международные награды — Нобелевские премии.

В начале XX в. международное научно-образовательное сотрудничество (несмотря на обострение напряжённости в международных отношениях, нарастание шовинистических настроений, раскол Европы, приведшие к развязыванию Первой мировой войны) стремительно набирало обороты, обеспечивая мировое лидерство европейской науки. В рассматриваемый период времени университеты Украины внесли значимый вклад в развитие общеевропейской системы международной коммуникации, сохранение единства европейского научного пространства и интеграцию в него Российской империи.

В Университете Св. Владимира (основанном в 1834 г. в Киеве) традиционно аккумулировалась информация о наиболее важных событиях культурной жизни Европы. При посредничестве немецкого посольства в Санкт-Петербурге и министерства народного просвещения Российской империи в 1901 г. в университет поступили сведения о проведении с 31 июля по 30 августа V Международного зоологического конгресса в Берлине [3, с. 1–2]. В 1902 г. французский посол в Санкт-Петербурге предоставил информацию о шестой сессии Международного конгресса гидрологии, климатологии и геологии в Гренобле [4, с. 1–3]. В 1905 г. было получено сообщение об организации под патронатом правительства Бельгии I Международного конгресса по радиологии

и ионизации (12–14 сентября, Люттих) [5, с. 1–4]; 1909 — относительно проведения с 4 по 10 апреля в Алжире VII Международного конгресса по гидрологии, климатологии, геологии и физической терапии [7, с. 1]. От российского отдела организационного комитета VII Международного конгресса по прикладной химии (27 мая — 2 июня 1909 г., Лондон) Киевскому университету было адресовано приглашение, в ответ на которое физико-математический факультет постановил направить официальное приветствие его участникам [7, с. 2–5]. Университет также получил информацию о III Международном конгрессе ботаники в Брюсселе (1910) [7, с. 55]; Международном конгрессе по радиологии и электрике под патронатом короля Бельгии Альбера I (13–15 сентября 1910 г., Брюссель) [8, с. 26]; праздновании 250-летнего юбилея Королевского общества естествоведения (1912 г., Лондон) [9, с. 3]; VIII Международном конгрессе по прикладной химии (4–13 сентября 1912 г., Вашингтон) [9, с. 1–2].

Одной из самых ярких страниц истории международных связей отечественной науки начала XX в. стала деятельность основанной в 1886 г. при Киевском университете в окрестностях Ниццы Виллафранкской зоологической станции. В 1901 г. ее сотрудники отправили коллекции и материал для специальных работ в зоологический институт Мюнхенского университета, Школу медицины и фармации в Гренобле, зоологический институт в Нанси, зоологический институт Марселя, анатомический институт Грейфсвальдского университета, зоологический институт Женевского университета; в 1902 г.— в зоологический институт Школы медицины и фармации в Гренобле [10, с. 20–21]; в 1903 г.— в зоологическую лабораторию Женевского университета, зоологический институт и лабораторию сравнительной анатомии Сорбонны; в 1904 г.— в Сорбонну, зоологический институт г. Росток, ветеринарное училище в Мюнхене [11, с. 23]; в 1905 г.— в зоологические кабинеты Женевского и Лейпцигского университетов; в 1906 г.— в физиологический кабинет Сорбонны, зоологический кабинет Женевского университета, Коллеж де Франс, природно-исторический музей в Бухаресте [12, с. 43].

Презентовав на Международной колониальной выставке в Марселе (1906) коллекцию консервированных животных (170 экземпляров), свои планы, отчёты и фотографии, Виллафранкская зоологическая станция получила самую высокую награду [12, с. 42].

В научно-исследовательской деятельности Виллафранкской зоологической станции принимали активное участие учёные со всего мира: представители Берлинского, Бернского, Брюссельского, Вюрцбургского, Гейдельбергского, Генуэзского, Гиссенского, Грейфсвальдского, Женевского, Йенского, Калифорнийского, Краковского, Лейпцигского, Лозаннского, Льежского, Мюнхенского, Пражского, Страсбургского, Фрайбургского, Цюрихского университетов, Сорбонны, университетов в Монпелье и Галле, Института Пастера, Королевской Академии Бельгии, зоологической лаборатории в Генуе, психиатрической клиники в Берне, природно-исторического музея в Невшатель (Швейцария), Института инфекционных болезней Берлина, лаборатории сравнительной анатомии Женевы и др. учреждений.

В 1907 г. на Виллафранкской зоологической станции начались практические занятия по зоологии, которые продолжались на протяжении марта–апреля — в период пасхальных каникул. Программа занятий была разработана ещё в 1906 г. и направлена в ведущие высшие учебные заведения Российской империи, Германии, Франции. Она предусматривала изучение анатомии, гистологии, эмбриологии, технологии консервирования животных, изготовление микроскопических препаратов и т.д. С 1907 по 1910 гг. в этих занятиях принимали участие учёные из Берна, Цюриха, Йены, Мюнхена, Фрайбурга, Висбадена, Женевы, Лозанны.

В 1908 г. Виллафранкскую зоологическую станцию посетили с экскурсией директора зоологической станции в Средиземном море Banyuls-sur-mer Э. Прюво и Э. Раковица, а также профессора университета в Монпелье [13, с. 32–33].

Стажировки в ведущих европейских научных центрах были важным этапом в научной карьере отечественных учёных, которые не только усваивали новые знания за границей, но и знакомили своих зарубежных коллег с собственными достижениями, которые были неотъемлемой частью общеевропейского культурно-цивилизационного развития. Так, в сентябре 1902 г. ординарный профессор чистой математики Киевского университета Д. А. Граве был командирован в университет Христиании для вручения его Сенату поздравительного адреса в связи с празднованием 100-летия со дня рождения математика Н.— Х. Абеля [2, с. 1–4].

Приват-доцент чистой математики Университета Св. Владимира Г. Ф. Пфейффер летом 1904 г. ознакомился с уровнем пре-

подавания и организацией работы научно-вспомогательных учреждений в Геттингенском университете. Особый интерес для него представляли лекции немецких учёных Ф.— Х. Клейна, Д. Гильберта и Г. Минковского (учителя А. Эйнштейна), которые начинали свои курсы с толкования элементарных понятий, а завершали их всесторонним раскрытием современного состояния той или иной научной дисциплины. Прослушать их лекции съезжались студенты со всего мира: англичане, французы, русские, венгры, шведы, греки, румыны, американцы, японцы и др. (в том числе 12 женщин). Киевский математик особо отметил преподавательское мастерство профессора Клейна [18, с. 2], а также присутствовал на заседаниях университетского математического общества, где осуществлялся обзор новейшей литературы и произносились доклады, а по окончании официальной части обсуждение научных проблем традиционно продолжалось за бокалом пива. В мае 1905 г. он прибыл в Париж с целью изучения теории алгебраических функций двух переменных и большую часть своего времени посвятил курсу высшей алгебры и высшего анализа Э. Пикара в Сорбонне. Французский учёный оказал на Пфейффера сильное впечатление своей преданностью науке, энциклопедичностью знаний, скромностью и толерантностью по отношению к многонациональной студенческой аудитории [18, с. 10].

На IV Международном конгрессе математиков в Риме (6–11 апреля 1908 г.) Университет Св. Владимира представлял приват-доцент чистой математики И. И. Белянкин. Рабочими языками этого международного научного форума были итальянский, немецкий, французский и английский. Его программа, кроме общих и секционных заседаний, предусматривала развлекательные мероприятия для участников и членов их семей, которым предоставлялось право бесплатно посещать большинство музеев и галерей Рима [1, с. 6]. Работа проходила в секциях: 1) арифметики, алгебры и анализа; 2) геометрии; 3) механики и прикладной математики; 4) философии, истории и педагогики. К недостаткам конгресса Белянкин отнёс погрешности в организации, нехватку идей, отсутствие выставки, на которой могла бы быть представлена новейшая научная литература, математические модели и приборы. Киевский учёный иронизировал, что современные Декарты, Ньютоны, Лейбницы и Лагранжи на конгрессе не поража-

ли простых смертных математиков величием, оригинальностью, универсальностью своих идей [1, с. 10].

Другим представителем Университета Св. Владимира на конгрессе был приват-доцент чистой математики Г. Ф. Пфейффер, который выступил с докладом на заседании секции геометрии. Он отметил, что III Международный конгресс математиков в Гейдельберге (1904) в большей степени способствовал сближению участников благодаря гостеприимству немцев, итальянцы же были любезны, но холодны и проявляли заботу преимущественно о тех иностранцах, которые могли быть им полезны, и если «божком конгресса» был французский математик Ж. Г. Дарбу, то в отношении к другому французскому учёному, Ш.— Э. Пикару, недоставало почёта. На открытии конгресса присутствовал король Италии Виктор Эммануил III.

Физико-математический факультет Киевского университета принял решение о командировании своих делегатов на церемонию празднования в Кембриджском университете 100-летия со дня рождения Ч. Дарвина (22–24 июня 1909 г.). Однако член университетского Совета, профессор богословия, протоиерей П. Я. Светлов считал участие университета в праздновании юбилея Дарвина нежелательным по мотивам «научным, религиозным и общественным» [6, с. 1–4].

Согласно годовым отчётам Университета Св. Владимира, в 1908 г. заграничные командировки во время каникул получили 38 профессоров и преподавателей, а в учебное время — 8 [14, с. 44–45]; в 1911 г. за границу были командированы 52 человека в каникулярное время и 2 — в учебное, в частности в международных научных конгрессах приняли участие 3 учёных [15, с. 56–57]; в 1912 г. за границей с научной целью находилось 8 человек [16, с. 10–11]; в 1913 г. заграничные командировки получили 13 учёных [17, с. 79].

Таким образом, в начале XX в. для европейской науки было характерно углубление интеграционных процессов, связанных с потребностью объединения усилий различных наций для повышения уровня жизни населения, решения общих проблем: борьбы со стихийными бедствиями, преодоления тяжёлых болезней, эпидемий инфекционных заболеваний и т.д. Бурный научно-технический прогресс обусловил необходимость введения единых измерительных стандартов и научной терминологии, обеспечения координации исследований, а следовательно, создания меж-

дународных научных организаций, созыва конгрессов и съездов, перед участниками которых открывалась перспектива расширения творческих горизонтов, ознакомления с новейшими тенденциями развития мировой науки, популяризации собственных научных достижений.

Значение международных форумов не ограничивалось научной сферой, поскольку они представляли собой грандиозные культурные акции, к которым присоединялась широкая общественность — политические и общественно-культурные деятели, а также коронованные особы. Неотъемлемой частью подобных мероприятий были торжественные приёмы и широкие экскурсионные программы, которые способствовали популяризации культурно-исторического наследия и ценностных ориентиров европейцев, активизации их духовного взаимодействия и взаимосближения, несмотря на социальные барьеры, национальные и государственные границы. В целом, международное научное сотрудничество, активными участниками которого были отечественные учёные, выполняло важную интегративную функцию в контексте сохранения культурно-цивилизационного единства Европы вопреки активизации экономического и колониального соперничества, борьбе между европейскими государствами за мировое лидерство, росту гонки вооружений.

Литература

1. Белянкин, И. И. Отчёт о поездке на четвёртый международный конгресс математиков в Риме / И. И. Белянкин // Университетские известия.— 1908.— № 11.
2. Державний архів міста Києва.— Ф. 16.— Оп. 339.— Спр. 80.
3. Державний архів міста Києва.— Ф. 16.— Оп. 340.— Спр. 94.
4. Державний архів міста Києва.— Ф. 16.— Оп. 341.— Спр. 65.
5. Державний архів міста Києва.— Ф. 16.— Оп. 344.— Спр. 91.
6. Державний архів міста Києва.— Ф. 16.— Оп. 348.— Спр. 17.
7. Державний архів міста Києва.— Ф. 16.— Оп. 348.— Спр. 40.
8. Державний архів міста Києва.— Ф. 16.— Оп. 465.— Спр. 5981.
9. Державний архів міста Києва.— Ф. 16.— Оп. 465.— Спр. 378.
10. Коротнев, А. А. Отчёт о деятельности Вилла-Франкской зоологической станции за 1901–1902 годы / А. А. Коротнев // Университетские известия.— 1904.— № 1.
11. Коротнев А. А. Отчёт о деятельности Вилла-Франкской зоологической станции за 1903–1904 годы / А. А. Коротнев // Университетские известия.— 1906.— № 3.

12. Коротнев, А. А. Отчёт о деятельности Вилла-Франкской зоологической станции за 1905–1906 годы / А. А. Коротнев // Университетские известия.— 1907.— № 12.
13. Коротнев А. А. Отчёт о деятельности Вилла-Франкской зоологической станции за 1907–1908 годы / А. А. Коротнев // Университетские известия.— 1910.— № 2.
14. Отчёт о состоянии и деятельности Киевского Императорского Университета Св. Владимира за 1908 год.— Киев, 1913.
15. Отчёт о состоянии и деятельности Императорского Университета Св. Владимира за 1911 год.— Киев, 1912.
16. Отчёт о состоянии и деятельности Императорского Университета Св. Владимира за 1912 год.— Киев, 1913.
17. Отчёт о состоянии и деятельности Императорского Университета Св. Владимира в 1913 году.—Киев, 1915.
18. Пфейффер, Г. Отчёт о летних заграничных командировках 1904 и 1905 гг. / Г. Пфейффер // Университетские известия.— 1907.— № 5.

Д. Н. Караваева
Екатеринбург, Институт истории и археологии
Российской академии наук

Коротко об оценках мусульманской иммиграции и мультикультурализма в современной Великобритании

Для западноевропейского населения, особенно сегодня, слова «иммиграция» и «ислам» ассоциируются с криминальностью, безработицей, терроризмом, фундаментализмом, проблемами толерантности. Количество иммигрантов, в частности, выходцев из мусульманских стран, сила и развитие их общественных организаций, связанные с этим проблемы межкультурной коммуникации и идентичности вызывают тревогу и интерес со стороны общественности. «Мусульманский вопрос» — один из факторов, определяющих национальную, религиозную и другие идентичности европейского населения.

Великобритания (особенно Англия) [13] в настоящее время входит в тройку крупнейших стран иммиграции в Европе. Масштабы и специфика иммиграции в Британию обусловлены ее колониальной историей, современной геополитикой, высоким уровнем благосостояния и особой социальной системой равных возмож-

ностей [12, с. 213–214]. В 2011 г., по данным Национального агентства статистики, наибольшее количество иммигрантов являются выходцами (в порядке убывания) из Индии, Польши, Пакистана, Республики Ирландия, Германии, Бангладеш [14]. По мнению экспертов, ислам в 2000-е гг. стал второй по численности приверженцев религией Британии, стремительно укрепляющей свои позиции и имеющей большое количество практикующих верующих; мусульманские организации и структуры Британии — среди сильнейших в Европе и Америке [23]. К. Брайант указывает на то, что большинство, обозначая приоритеты, предпочитает называть себя «британскими мусульманами», а не «мусульманскими британцами» [11]. Исследователи говорят и о трех поколениях, и о большей или меньшей склонности к религиозной и политической радикализации [7, с. 61–63; с. 19].

Британским обществом иммиграция все чаще воспринимается негативно, что объясняется рядом факторов, в частности, наличием культурных различий между коренными британцами и иммигрантами, неудачей в области мультикультурализма и интеграции. Усиление ксенофобских настроений связано и с террористическими актами, беспорядками и высоким уровнем преступности в районах компактного проживания иммигрантов, а также недавним наплывом в страны Европы иммигрантов из Сирии и т.д. В 2011 г. в речи на 47-й Мюнхенской конференции по безопасности новый премьер Д. Камерон говорил о провале политики «государственного мультикультурализма» и том, что идея мультикультурализма способствует «разобщенности в отделенных друг от друга этнических сообществах» [4]. В академических исследованиях М. Фелдблума, например, отмечается, что «англосаксонская модель мультикультурализма» приводит к социальной дезинтеграции и геттоизации групп меньшинств [16]. А по мнению Д. Хоровитца, мультикультурализм по-британски — это относительно гибкая и успешная политика, а также возможность сохранения этнической идентичности и территориальной автономии [17, с. 320].

И если в 1990-е гг. у мультикультурализма было немало адептов, то в 2000–2010 гг. все больше интеллектуалов высказывается против разделения страны по этническому и религиозному принципу. А. Браун указывает, что масштабы иммиграции и сила иммигрантских общин, особенно в северных индустриальных городах,

препятствуют интеграции, заставляют мигрировать «коренное» британское население [10]. Я. Алибай-Браун считает, что мультикультурализм разъединяет, и для коренного населения Британии, особенно англичан, мультикультурализм расценивается как политика, созданная для «любого рода меньшинств» [9, с. 10–11]. Глава созданной лейбористами для решения проблем в обла- сти интеграции Комиссии по расовому равноправию Т. Филлипс заявлял о провале политики мультикультурализма, которая поощряет сепаратизм и разрозненность, в то время как британцы, по его мнению, нуждаются в общих ценностях, почитании культуры Британии, включающей английский язык, наследие Шекспира, Диккенса и т.д. [26] Р. Муа, руководитель социальной службы «Peace Maker», работавший на протяжении 25 лет над проблемами мультикультурализма в Олдеме, уверен, что проблему могли бы решить интеркультуралистские программы адаптации подростков-иммигрантов и распространение смешанных школ, программы расселения азиатских семей в районы с преимущественно английским населением, строительство торговых и развлекательных центров, привлекательных для всех групп, школ английского языка для пакистанских и бангладешских иммигрантов. Наиболее показательны в этой связи т.н. «дискуссии о мусульманском платке», ставшем нарицательным в обозначении проблем, связанных с интеграцией мусульман в западноевропейское сообщество, где часть населения страны видит в демонстративном ношении религиозных символов опасность для британского общества, а другая в негативной реакции на ношение одежды — проявление расизма и ксенофобии.

Широкой общественностью мультикультурализм Британии, иммиграция, в том числе исламская, воспринимаются еще более неоднозначно. В СМИ к концу 1990-х гг. наблюдается тенденция нарастания, а после терактов в Нью-Йорке и Лондоне — эскалация негативистских дебатов о мусульманах. Нередки были такие аналитические масштабные проекты, как «Исламская раса и британская идентичность», инициированный «The Guardian» в 2004 гг. [18] По данным статистики, в современном Лондоне 78 % опрошенных различных возрастов и социальных категорий высказываются против усиливающихся потоков иммигрантов по различным причинам, среди которых преобладают экономические мотивы и боязнь культурного поглощения [21]. В этом случае

показательны общественные скандалы вокруг детского насилия в Роттерхаме, якобы совершавшегося со стороны мусульман в отношении английского населения в 1997–2013 гг. с «разрешения» полиции и общественности, боявшейся обвинений в расизме [27], или недавний интернет-скандал по поводу видео «христианского патруля» в декабре 2015 и январе 2016 гг., устроившего «рейд» по мусульманским кварталам, и людей, «почувствовавших себя не хозяевами в собственной стране» [15].

Север Англии, в силу расположения здесь больших анклавов иммигрантов, оказался в центре дебатов о мультикультурализме. Документальный проект 2012 г. «Би-би-си» «Сделать Бредфорд британским» посвящен городу, в котором компактно проживает большое количество иммигрантов из мусульманских стран (например, кашмирцев) и регулярно происходят столкновения на расовой почве. Считается, что в Бредфорде проживает и значительная часть электората крайне правых. Кинопроект вызвал горячие дискуссии в обществе. Руководитель городского совета назвал происходящее «несправедливой картиной города» и заявил, что сегодня сообщество здесь гораздо более объединенное, тогда как выходцы из иммигрантских общин активно высказывали противоположное мнение насчет расовой и этнической сегрегации в городе [20].

Олдем в Большом Манчестере также является одним из самых разделенных в этническом отношении городов [11]. Отчеты местных комиссий и полицейских служб по поводу беспорядков 2001 г., материалы архива муниципального совета за 2001–2011 гг. и материалы полевых исследований подтверждают факт сильнейшей сегрегации в регионе, обусловленной рядом причин. Иммигранты из Пакистана и Бангладеш, прибывавшие сюда в 1960–1970 гг. в качестве рабочих ночных смен фабрик (куда местные жители не хотели идти работать), вместо того, чтобы ждать строительства муниципальных домов для своих семей, строили дешевое жилье в отдельных районах (где им разрешало правительство). Население росло за счет высокой рождаемости и иммиграции, и в результате возникли густонаселенные этнические «гетто». Затем, когда в 1980–1990-х гг. фабрики закрылись, иммигранты не смогли переселиться в другие места, т.к. уже привыкли к проживанию здесь, не имели другой квалификации и достаточных знаний языка (особенно жены рабочих, которых они привезли из своих стран). Эти дома никто не покупал из-за их некомфортабельности

и близости к мусульманским общинам (несмотря на отдельные попытки городского совета модернизировать жилье).

Встретившаяся нам во время полевой работы в деревне Аппермил в районе Олдем пожилая англичанка заявила, что она не узнает свою деревню и свою страну: церкви наводнены чуждыми ей мусульманами (они ассоциируются в ее представлениях с малолетней преступностью, наркотиками, хулиганством), с которыми она не желает иметь дела, и считает, что «либо они должны выехать за пределы Англии, либо жить изолированно в своих гетто». Однако, по ее мнению, изначально жилищная политика правительства привела к тому, что ее «родная тихая провинциальная Англия превратилось в сгусток социально-опасных анклавов» [6]. Район Олдема Глодвик как раз является таким районом компактного проживания выходцев из других стран: по словам сопровождавшего нас британца бангладешского происхождения М. Чоудхари, «белые журналисты даже не рискуют сюда соваться». Во избежание межэтнических конфликтов и столкновений между представителями англичан и иммигрантов каждую пятницу и субботу летом 2012 г. в Олдеме огораживались улицы [5]. Занятие заброшенных протестантских соборов здесь, по свидетельствам жителей, обычное дело. Например, в Олдеме на углу улиц Сент-Джонс и Холмфиф старая английская церковь в 1980–1990-е гг. была заброшена (разбитые окна, граффити, курители марихуаны и любители секса внутри — английские подростки, в основном), затем откуплена местной бангладешской и пакистанской общинами, и превращена постепенно в мечеть, молиться в которую мусульмане приходят регулярно и многочисленно. Могилы во дворе территории церкви мусульмане не трогают, но внутри здания многое переделано. Снаружи стоит табличка с новым названием молельного дома [6].

Таким образом, в ходе дебатов о мультикультурализме поднимается вопрос о жизнеспособности мультикультурализма как идеологии, отторгаемой не только иммигрантами, но и коренными жителями, о проблеме радикализирующегося меньшинства (особенно мусульманской молодежи), о необходимости поиска удовлетворяющей всех концепции сосуществования. Несомненно, при большой организованности и силе общины мусульман и сильной англизированности понятия «британский» возможность создания единого культурного пространства на сегодня выглядит утопичной.

Литература

1. Интервью с руководителем социальной службы «Peace Maker», чья работа посвящена формированию благоприятной среды для молодежи из иммигрантской среды и бедных семей Р. Муа.— Олдем, Манчестер.— 26.07.12.

2. Киллиан, К. Французский запрет на религиозную символику в школах и взгляды женщин Магриба на ношение Хиджаба / К. Киллиан // Этнографическое обозрение.— 2005.— № 3.— С. 39–57.

3. Кондратьева, Т. С. Великобритания: дискуссия по проблемам иммиграции / Т. С. Кондратьева // Западная Европа перед вызовом иммиграции : сборник научных трудов.— М. : ИНИОН РАН, 2005.— Вып. 1.— С. 88–114.

4. Кэмерон призывает забыть о политике мультикультурности [Электронный ресурс] // Русская служба «Би-би-си».— 2011.— 5 февраля. — Режим доступа : http://www.bbc.co.uk/russian/uk/2011/02/110205_cameron_multiculturalism_failed.shtml.

5. Полевые материалы 33 экспедиций автора в Олдем (Oldham), графство Большой Манчестер, регион Северо-Западная Англия, июль 2012 г. (информанты: Дж. Хопкинс (Jemma Hopkins) 1982 г.р., М. Чоудхари (Musa Chowdhury) 1979 г.р.).

6. Полевые материалы 35 экспедиции автора в Аппермил (Uppermill), графство Большой Манчестер, регион Северо-Западная Англия, июль 2012 г. (информанты: Д. Робертсон (Dorothy Robertson), 1919 г.р.).

7. Понамарева, А. Мусульмане Европы: прогрессирующий фактор страха / А. Понамарева // Индекс безопасности.— 2007.— № 3.— С. 61–79.

8. Филиппова, Е. И. Французы, мусульмане: в чем проблема? / Е. И. Филиппова // Этнографическое обозрение.— 2005.— № 3.— С. 20–38.

9. Alibhai-Brown, Y. Imagining the New Britain / Y. Alibhai-Brown. — L. : Routledge, 2001.

10. Browne, A. Do We Need Mass Immigration: The Economic, Demographic, Environmental, Social and Developmental Arguments Against Large-Scale Net Immigration to Britain / A. Browne.— L. : Institute for the Study of Civil Society, 2002.

11. Bryant, C. The Nations of Britain / C. Bryant. — Oxford : Oxford University Press, 2010.

12. Castles, S. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World / S Castles. — L. : Palgrave Macmillan, 2003.

13. Census 2011. Office for National Statistics [Electronic resource].— Mode of access : http://www.ons.gov.uk/ons/guide-method/census/2011/index.html.

14. Census 2011. Religion, Race and Qualifications. See How England & Wales have [Electronic resource] // The Guardian. 2012, 11 December.—

Mode of access : http://www.guardian.co.uk/news/datablog/2012/dec/11/census-2011-religion-race-education.

15. Christian Patrol Marches Through Islamist Hotspot [Electronic resource] // Before it`s News. 2016, January.— Mode of access : http:// beforeitsnews.com/blogging-citizen-journalism/2016/01/christian-patrol-marches-through-islamist-hotspot-watch-what-instantly-happens-2529042.html.

16. Feldblum, M. Paradoxes of Ethnic Politics : The Case of Franco-Maghrebins in France / M. Feldblum // Ethnic and Racial Studies. — 1993. — Vol. 16. Issue 1. — P.52–74.

17. Horowitz, D. Immigration and Group Relations in France and America / D. Horowitz // The Immigration Reader: America in a Multidisciplinary Perspective / D. Jacobson (ed.).— Malden, MA : Blackwell, 1998.— P.320–328.

18. Islam Race and British Identity [Electronic resource] // The Guardian's Project. 2005, January-November.— Mode of access : http://www.guardian.co.uk/uk/series/islam-race-british-identity-series.

19. Kabir, N. A. Young British Muslims: Identity, Culture, Politics and the Media / N. A. Kabir.— Edinburgh : Edinburgh University Press, 2012.

19. Make Bradford British Documentary is «Unfair Image» of City [Electronic resource] // BBC News.— Mode of access : http://www.bbc.co.uk/news/uk-england-leeds-17211995.

20. Mapped: How high is immigration in your area? [Electronic resource]//TheTelegraph.2015,June.— Modeofaccess:http://www.telegraph.co.uk/news/general-election-2015/politics-blog/11698156/Mapped-How-high-is-immigration-in-your-area.html.

21. Miah, R. Barriers to Belonging: Overcoming the Challenges to Developing a British Identity Amongst British Muslims / R. Miah // Being British. The Search for the Values that Bind the Nation / M. D`Ancona (ed.).— Edinburgh, L. : Mainstream, 2009.— P.89–98.

22. Nielsen, J. S. Muslims in Western Europe / J. S. Nielsen — N. Y. : Columbia University Press, 2005.

23. Oldham Beyond: a Vision for the Borough. A Report for Oldham Local Strategic Partnership and Northwest.— Manchester : Northwest Development Agency, 2004.

24. Petley, J. Pointing the Finger: Islam and Muslims in the British Media Paperback / J. Petley, R. Richardson.— L. : Oneworld Publications, 2011.

25. Phillips, T. Britishness and the «M» Word / T. Phillips // Connections.— 2004.— Vol. 2.— P. 12–13.

26. Rotherham Child Abuse Scandal: 1,400 children exploited, report finds [Electronic resource] // BBC news. 2014, August.— Mode of access : http://www.bbc.com/news/uk-england-south-yorkshire-28939089.

А. А. Касперук
Минск, Белорусский государственный университет

Индустрии в туризме и культуре как экономический фактор

В современной культурологии содержание понятия «индустрия» интерпретируется в разных значениях. С одной стороны, предельно обобщенно «индустрия» как промышленность; с другой — весьма расширенно — как туризм, мода, развлечения и СМИ и т.д. В основе расширительного толкования «индустрий» проявление феномена культуры как сложного и многообразного явления. Однако при существующем многообразии подходов общим все же остается сама область реализации индустрий — деятельность в сфере продаж и оказания услуг, экономики и бизнеса.

Ряд авторов культурную индустрию отождествляет по аналогии с производством через понятия — сбыт, потребление, продажи, традиции, потребление [1].

По методологии ЮНЕСКО, культурные индустрии комбинируют создание, производство и коммерциализацию творческого содержания, неосязаемого и культурного по природе, защищаемого авторским правом и принимающего форму товара или услуги.

Появление постиндустриального общества констатировало слияние культуры с производством и индустрией, при этом углубился весь спектр и контекст понимания культурных индустрий, где по-новому происходит осмысление всех связей и вариантность комбинаций субъектов культуротворческого процесса. Результаты и эффективность этого процесса, да и всей деятельности, измеряются не только в таких экономических категориях, как прибыль, издержки, затраты и убытки, но и в социально-культурных: индексы счастья, качества жизни, социальный и человеческий капитал и др.

Примером культурных индустрий может быть туризм, где они синтезируются с креативными индустриями, а их комбинация придает туристической отрасли мощный синергетический эффект. Креативное содержание туристического бизнеса определяется мобильностью реагирования на изменение интересов и потребностей креативного класса (туристов). В мировой экономике туристическая индустрия одна из динамично развивающихся отраслей, с ежегодным ростом 4–6 процентов год. По данным Всемирной туристической организации (ВТО), наиболее популярны-

ми видами туризма к 2020 году по прогнозу развития, сделанному ВТО, станут: приключенческий, экологический, культурно-познавательный, тематический и круизный. Доля туризма в мировой торговле услугами составляет более 30 %. Ежегодный рост инвестиций в индустрию туризма составляет 35 %, туризм использует до 7 % мирового капитала [2].

Симптоматично, что в конце XIX века англичанин Томас Кук реализует правила и идеи туристической индустрии в первую очередь через экономическое содержание (чеки, скидки, акции, бонусы и др.), а в конце XX века премьер-министр Великобритании Тони Блэр запускает проект «творческие индустрии» («Creative Industries»), где бизнес вообще может успешно реализовываться и через культуру. Основатели проекта к креативным индустриям относили те, которые основаны на индивидуальном творческом выражении, умениях и таланте, потенциале для создания богатства и рабочих мест за счет генерирования и использования интеллектуальной собственности [3]. Понадобилось сто лет, чтобы экономический дискурс приблизил и наоборот идею культурного творчества и культуры.

Креативным взаимообогащением индустрии туризма стали музыка, дизайн, мода, рынок искусств и антиквариата, программное обеспечение, визуальные и исполнительские искусства, телевидение и кино, СМИ и развлечения.

В формирующейся гуманистической экономике XXI века культура, сфера досуга и отдыха, по мнению С. Глазьева, будет составлять 5–7 процентов от ВВП, уступая только сферам здравоохранения и образования. Культурные индустрии уже эффективно работают на экономику, стимулируя сферу туризма.

Литература

1. Голованивская, М. К. Культурная индустрия как маркетинговое решение для территории / М. К. Голованивская // Культурные индустрии в Российской Федерации в контексте мировых тенденций : Междунар. науч. конф. избр. тез. докл., Москва, 17–18 октября 2011 г.— М., 2011.

2. Всемирная туристская организация — специализированное учреждение ООН [Электронный ресурс].— Режим доступа : http://www.unwto.org/index_r.php.

3. Официальные данные по экономике творческих индустрий [Электронный ресурс].— Режим доступа : http://www.culture.gov.uk/global/research/statistics_outputs/creative_industries_eco_est.htm.

Л. М. Кобрина
Минск, Белорусский государственный университет

Психолингвистические проблемы преподавания языка иврит студентам-культурологам

Необходимость преподавания языка иврит студентам-культурологам обусловлена его огромным культурным потенциалом. Его изучение дает доступ к культурным ценностям, которые за века и тысячелетия накопило человечество. Владение ивритом позволяет «прикоснуться» к Библии, а также огромной массе текстов, созданных в ходе тысячелетий и веков в процессе её толкования. Общеизвестно, что язык иврит внес огромный культурный вклад и в культуру западной цивилизации. Этот классический язык изучается в университетах всего мира наряду с латинским и греческим, и мы гордимся, что в образовании студента-культуролога в БГУ учитываются современные мировые тенденции.

Этот язык считается классическим, но, в отличие от латинского и греческого, это и живой, современный язык, на котором говорит население целого государства. На этом языке наши студенты, будущие специалисты-культурологи, в том числе и гебраисты, могут общаться с коллегами, повышать квалификацию, вести личную и деловую документацию, работать с большой еврейской общиной в Беларуси.

При подготовке культуролога-гебраиста язык иврит просто является элементом профессии, выделяет его из общей массы специалистов по культуре, позволяет работать с документами из области истории и культуры еврейского народа. Но при этом понятно, что культуролог-гебраист, т.е. специалист по культуре, обязан суметь прочитать не только надпись на стене Национальной библиотеки Беларуси, но и надпись на майке или пластиковом пакете едущего в нашем городском автобусе пассажира.

Все вышесказанное определяет статус языка иврит в учебном процессе: иврит — дисциплина, которая путем правильного применения межпредметных связей «поддерживает» практически все культурологические дисциплины, имеющиеся в учебном плане для подготовки студентов-культурологов, и в то же время —

второй иностранный язык, позволяющий будущему культурологу быть конкурентоспособным в профессиональной сфере.

Наличие этих двух аспектов языка иврит само по себе порождает возникновение проблем в процессе его изучения:

- Литературный и разговорный язык в иврите — «два разных языка».
- Отсутствует нормативный подход к произношению, применению заимствованных корней и лексики.
- «Расплывчатые» на данный момент требования к корректному применению предлогов.
- Особенности иврита, создающие диссонанс с привычными проблемами европейских языков: главенствующее положение глагола; трехбуквенная модельно-корневая система; получение слов встраиванием корня в стандартные модели, градация качества глаголов, отсутствие гласных букв при наличии гласных звуков, наличие гортанных звуков, многовариантность прочтения слова, необходимость «перебора вариантов» и т.д.

Современная лингводидактика учит, что преподавать новый язык следует с опорой на родной язык и родную культуру, и все иностранные языки, которые ранее изучал студент, также оказывают влияние на процесс его освоения, т.е. у студента уже сложилась ранее структура лингвистического сознания. Здесь мы наблюдаем интересное противоречие: язык иврит кардинально отличается от европейских языков (это отличие вызывает и отличие в процессе преподавания), но при этом опора на русский язык при преподавании иврита не только возможна, но и необходима. Кроме того, логика иврита изначально в большинстве случаев соответствует логике русского, а в процессе возрождения иврита участвовало большое количество русскоговорящих людей, что только усиливало проявление аналогии. В качестве примера можно привести изучение количественных числительных языка иврит, где от начала и до конца преподаватель может рекомендовать студентам пользоваться логикой русского языка для достижения стопроцентного результата: «пять миллионов пятьсот пятьдесят тысяч пятьсот пятьдесят пять» — это говорят на иврите, думая по-русски.

В процессе преподавания иврита возникают следующие проблемы:

1. ***Перенос*** — взаимное влияние родного и изучаемого языка; возможное влияние родного и изучаемого языков. Бывает поло-

жительным и отрицательным. Положительный перенос приветствуется. Отрицательный является проблемой, которую решают с учетом специфики языка.

Виды отрицательного переноса:

1.1. Фонетический:

• Русские безударные гласные произносят нечетко, а в иврите гласные имеют словоразличительную функцию: «корова» — «карова» (חוזה, חזה).

• В русском конечные согласные оглушаются, а в иврите нет (בד, בת).

• «Международные» слова в иврите и русском могут иметь разное ударение (טלפון, אוטובוס).

1.2. Семантический:

• Разный объем семантических полей. Например, слово «ריש» в русском языке означает «песня», но в иврите это слово имеет еще значения: песня, стихотворение, поэма, псалом, ритуальная песня.

• Выбор стилистических синонимов. Например, для русского слова «старый» в словаре иврита мы найдем ряд слов: «זקן» — для одушевленных объектов, «ישן» — для неодушевленных, «עתיק» — старинный, «נושן» — древний, «ותיק» — старый по стажу, старожил.

• Слова, совпадающие по звучанию в русском и в иврите, могут иметь разный смысл в этих языках: «קלמר» — «пенал», «חור» — «дыра».

1.3. Лексико-грамматический:

Например, глагольное управление в русском и в иврите иногда может сильно отличаться:

Я жду Дину.

לדינה מחכה אני.

В иврите нормально применять следующие выражения: «спросить вопрос», «сломать тарелку», «сломанное молоко», но подобные вещи недопустимы в русском языке.

1.4. Грамматический перенос:

Различие грамматических структур в русском языке и в иврите. Например, в русском языке можно сказать: «я напишу», а можно — «я буду писать». В иврите второй вариант невозможен. В русском языке мы говорим: «рядом с Диной», в иврите — «דינה על-יד».

2. ***Итерференция.*** Человек строит фразы в соответствии с нормами родного языка и устанавливает между явлениями не-

свойственные в изучаемом языке связи, калькирует язык. Например, в иврите не говорят «у меня дома» — говорят «в моём доме», не говорят «тебе нужно» — говорят «ты должен».

3. Психологические проблемы:

- Перфекционизм: хочу знать иврит лучше, чем русский, а пока это не так — не буду говорить.
- Опасение показаться примитивным или быть непонятым.
- Одну и ту же мысль можно выразить на разном уровне освоения языка.
- Говорить и переводить с языка на язык — разные виды языковой деятельности.
- Проблемы мотивации.
- Тип темперамента, индивидуальные психологические особенности, когнитивные возможности, общее физическое состояние, климат в учебном коллективе, личность преподавателя и т.д.

Пути преодоления спектра проблем, возникающих при изучении языка, вопрос, волнующий преподавателей иностранных языков во все времена, и сегодня он также актуален. Язык иврит, имеющий пока статус «редкого» в нашей стране языка, опыт преподавания которого невелик — несколько десятков лет — подтверждает верность основных положений лингводидактики. Выявление специфических проблем, возникающих при изучении языка иврит, и поиск новых эффективных путей их преодоления позволят оптимизировать учебный процесс и подготовить культурологов, профессиональные качества которых позволят им соответствовать современным требованиям, предъявляемым к специалистам по культуре.

Р. В. Козак
Каменец-Подольский, Каменец-Подольский
национальный университет имени Ивана Огиенко

Национальная специфика экспрессивных синтаксических концептов украинского, белорусского и русского языков (на материале этикетных слов-предложений приветствия)

Современная наука активно использует понятия национальной концептосферы (когнитивной модели мира) — упорядочен-

ной совокупности концептов нации, национальной языковой картины мира — мироощущения человека в категориях и формах родного языка.

Когнитивный подход, распространившийся на рубеже двух веков — XX–XXI) является необходимым и в сопоставительной славянской синтактологии. Синтаксические структуры имеют свои означаемые — синтаксические концепты, без которых не могут существовать семантические пространства языков. Несмотря на определенные успехи в изучении синтаксиса каждого из славянских языков, сопоставительная славянская синтактология остается в настоящее время наименее разработанной областью славянского языкознания. Поэтому одной из *актуальных задач* этой науки является конфронтационный анализ синтаксических явлений, открывающий новые возможности более глубокого познания синтаксической системы каждого из современных славянских языков.

Существование народа как общности — это общественный фактор и формирование сознания. На формирование народа влияют объективные факторы: экономические, культурные, политические, а также отношение людей к своей земле, убеждение в общем происхождении, чувство общей истории, положительная самооценка, осознание общих интересов, желание иметь независимое государство. Таким образом народ приближается к своему отечеству, своей родине. Национальная специфика каждого народа свидетельствует о его зрелости. На формирование национальной специфики влияет развитие языка, издание литературы на этом языке и т.д.

Научно интересным в этой связи считаем исследование сущности национальной специфики экспрессивных синтаксических конструкций украинского, белорусского и русского языков, учитывая тот фактор, что происхождение этих славянских народов «и их языков (украинского, русского и белорусского) интересовало много поколений исследователей. На каждом историческом этапе учёные толковали эти проблемы по-разному, в зависимости от объёма имеющегося у них материала, идеологических позиций исследователей, господствующей в это время политической конъюктуры и т.д.» [9, с. 3]. И сегодня нет единого мнения по этой теме, а значит, есть определённые проблемы, требующие пристального изучения и описания, на что обращают внимание многие исследователи.

Так, С. А. Рылов подчёркивает: «Несмотря на определенные успехи в изучении синтаксиса каждого из славянских языков, сопоставительная славянская синтактология остаётся в настоящее время наименее разработанной областью языкознания. Поэтому одной из актуальных задач этой науки по-прежнему является конфронтационный анализ синтаксических явлений, открывающий новые возможности более глубокого познания синтаксической системы каждого из современных славянских языков» [11, с. 697]. Более того, нет сопоставительного описания экспрессивного синтаксиса славянских языков, не исследованы синтаксические концепты, без которых не могут существовать семантические пространства языков.

Цель нашего исследования — проанализировать, как экспрессивные синтаксические конструкции — этикетные слова-предложения приветствия — в коммуникативном акте украинца, белоруса и русского отображают их национальную специфику и ценности говорящего как носителя определённой культуры.

Национально-культурная специфика речевого поведения отображается несоответствием стратегической, дискурсивной и социолингвистической компетенции разноязычных лиц, что предопределяется сформированными национально-культурными стереотипами в коммуникации (В. Красных, А. Павловская, И. Стернин, Н. Шумарова и др.). Различия в языковых картинах мира выявляются не только на разных уровнях языковой системы (А. Вежбицкая, И. Голубовская, Е. Сепир), но и в коммуникативных стратегиях и тактиках, социальных ролях коммуникантов, принадлежащих к той или иной лингвокультуре (А. Леонтьев, И. Стернин, В. Телия). Ведь речевой акт отображает ценности субъекта речи как носителя определённой культуры и формирует в конкретный период времени позицию народа по отношению к другим народам и странам, с которыми постоянно изменяются отношения. Других мы можем представлять себе и друзьями, и врагами. Это значит, что мнение о других народах формируется не из реальных фактов, а исходя из своей народной самоидентификации. Такое сравнение не всегда является справедливой оценкой других лиц: чаще относительно своего народа это прежде положительные черты, и только потом — негативные, а по отношению к другим — наоборот. Например, поляки считают англичан жадными, а себя бережливыми; украинцы считают русских лени-

выми, а себя медлительными; американцы отмечают стереотип «азийской жестокости» и т.д.

Национальная специфика анализа языковой картины мира через призму экспрессивных синтаксических единиц связана с исследованием структуры и семантики грамматических единиц, в том числе и синтаксических, в свете идеи о том, что языковая картина мира формируется системой ключевых концептов, связующих её тем или инвариантных ключевых идей.

Если лингвокогнитивные исследования языковой картины мира концентрируются на рассмотрении диады «язык — мышление», то национально специфические — на триаде «язык — мышление — культура». Структурно-семантическую организацию предложения лингвокультурологи стремятся рассмотреть через призму национальной культуры, акцентировать внимание на закреплении этнической ментальности в грамматическом строе. Наиболее основательны и показательны в этой сфере исследований, на наш взгляд, работы польской исследовательницы А. Вежбицкой и представителей Новомосковской школы концептуального анализа А. А. Зализняк, И. Б. Левонтиной и А. Д. Шмелева. Так, А. Вежбицкая исходит из того, что любой концепт может быть представлен в виде конфигурации элементарных смыслов, закодированных во всех языках и семантически неразложимых (семантические примитивы или универсальные неопределяемые понятия). По её мнению, языки (как на уровне лексики, так и грамматики, в том числе и синтаксических конструкций) обнаруживают большое разнообразие на уровне сложных концептов *(душа, совесть, судьба* и др.), но не на уровне простейших *(я, ты, думать, знать* и др.), которые очень сходны в языках, если "не полностью идентичны" [1, с. 11]. Языковые картины мира закрепляют "видение мира" и передают его от поколения к поколению.

Среди конструкций экпрессивного синтаксиса мы выделяем синтаксический концепт *этикетные слова-предложения приветствия,* к которым относят «однословные, реже дву- и многословные синтаксически нечленимые конструкции, являющиеся традиционными формулами приветствия, прощания, извинения, благодарности, просьбы, приглашения, пожелания успехов, счастья и т.п., если это не эллиптические конструкции» [4, с. 327–328].

К словам-предложениям их относят условно: ими ничего не утверждают и не отрицают, а выражают экспрессивно-модальную

оценку чьего-то высказывания. Это лишь выявление отношения говорящего к лицу (лицам). Поводом считать такие структуры словами-предложениями является их способность выражать отношение к лицу и нечленимость синтаксической структуры, отсутствие в ней членов предложения.

В этом выражается и их экспрессивность.

Под *концептом* мы понимаем структурно и образно организованное инвариантно-вариантное знание определённого социума (отдельной языковой личности) о любом явлении духовной или материальной культуры, которое реализуется системой разноуровневых и разнопорядковых языковых знаков, соединённых между собой парадигматично, синтагматично и/или ассоциативно. Проблема существования синтаксических концептов как обозначаемых синтаксических знаков, а значит, и концептом ЭС, наряду с концептами лексическими и фразеологическими, была затронута проф. З. Поповой в конце XX века. В монографии, изданной в соавторстве с Г. Волохиной, «Синтаксический концепт русского простого предложения» (1999), З. Поповой было выдвинуто понимание синтаксического концепта как «типовой пропозиции, зафиксированной конкретной структурной схемой простого предложения, и подчёркнута возможность полностью объективного раскрытия состава синтаксических концептов современного русского языка через структурные схемы, выделенные на основе их информационной достаточности».

После этого издания начали появляться и другие исследования, посвященные разным синтаксическим концептам, их формированию, способам языкового выражения как в русском, так и в английском, французском, позже — в украинском языке [2; 5; 7; 8; 10; 12 и др.].

Основываясь на положения этих исследований, можем утверждать, что этикетные слова-предложения в украинском, белорусском и русском языках — экспрессивные синтаксические конструкции.

«Основная цель приветствия,— подчёркивает Н. С. Гребенщикова,— манифестация расположения к адресату. Выразить хорошее отношение можно различными способами: демонстрацией интереса к состоянию собеседника, демонстрацией более высокого статуса собеседника по отношению к инициатору приветствия, демонстративным приближением (словесным или физическим)

к собеседнику, допуском его на свою территорию или физическим контактом (поцелуй, пожатие руки), пожеланием благ адресату приветствия» [3, с. 25].

Концепт приветствия для украинского, белорусского и русского языков — это абстрактная ментальная подсознательная единица, сформировавшаяся из компонентов мышления человека, обладающая определёнными формами и нормами, которая выражается при помощи вербализации слов-предложений этикетного характера, и основной функцией которой является вступление в контакт, возникшая в результате когнитивной деятельности человека и реакции общества на неё.

Формулы приветствия — одни из самых употребительных формул вежливости.

У многих народов выбор приветствия зависит не только от возраста, пола и степени близости общающихся. На него влияет и время суток, и то, кем является приветствуемый, и то, чем он занят в данный момент и т.д. По-разному здороваются с пастухом и с кузнецом, с охотником, возвращающимся с добычей, с гостем и с попутчиком, с теми, кто занят работой, и с теми, кто обедает. В каждом случае звучит своё приветствие, особое пожелание. Именно из пожеланий и возникает у разных народов большинство приветственных формул.

Рассмотрим особенности вербализации приветствия-осведомления и приветствия-благожелания [3, с. 25] украинцев, белорусов и русских, объединив их в одну группу:

укр.: *Добрий день! Доброго дня! Добридень! Здрастуйте! Здорові будьте! Добрий ранок! Доброго ранку! Добрий вечір! Доброго вечора! Добривечір! Добраніч! На добраніч! Доброго здоров ‹я! Привіт!* (розмовно-просторічне). *Вітаю! Слава Україні! — Героям слава! Слава Ісу су Христу! — Слава навіки! Христос рождаешься! — Славімо Його!* (на Святвечір, Різдво). *З Різдвом Христовим! Христос воскрес! — Воістину воскрес!* (на Великдень). *Дай, Боже, щастя! З приїздом Вас! Поздоровляю Вас! Зі святом Вас! Щасливих Вам свят! Бажаю Вам приємно провести свята (відсвяткувати)! Вітаю з днем народження! Бажаю (зичу) Вам здоров ‹я, щастя, успіхів! Бажаю (зичу) щасливого Нового року! З Новим роком! Хай щастить у Новому році! Хай здійсняться всі ваші мрії! На здоров ‹я! Дозвольте вітати Вас від імені…* (офіційне). *Дозвольте поздоровити… Моє шанування! Наше щире вітання…* (іронічне). *Привіт (вітання)*

з України! (в чужій країні). *Я хочу (мені хочеться) привітати Вас. Я хотіла б привітати Вас. Прийміть найкращі вітання.*

бел.: До́бры дзень! Дзень до́бры! Дабрыдзень! До́брага здаро́ўя! Здаравéнькі былі! Здаро́ўце! До́бры ра́нак! До́брай ра́ніцы! До́бры ве́чар! Здаро́ў! Прывіта́нне! Маё шанава́нне! Чало́м Вам! До́брага здаро́ўя! Здаро́вы былі! Віта́ю (віта́ем)! Як спра́вы? Як ча́ешся (ча́ецеся)? Як ма́ешся (ма́ецеся)? Як дуж-здаро́ў, ду́жа-здаро́ва (ду́жы-здаро́вы)? Вельмі рад, ра́да (ра́дыя)! Да пабачэння! Да спатка́ння! Быва́йце здаро́вы! Заставáйцеся здаро́вы! Быва́й (быва́йце)! Паку́ль! Ну, паку́ль! Усяго́ до́брага! Усяго́ найле́пшага! Трыма́йся (трыма́йцеся)! Маці́йся (маці́йцеся)! Дабра́нач! До́брой но́чы! Помага́й бог! Спо́ру ў пра́цы! Паздаро́ў бо́жа! Баранí, бо́жа! Крый бо́жа! Не дай бо́жа! Шчаслíвай даро́гі! Гладкой дорогі! У до́бры час! По́спехаў, шча́сця! Вялíкі (вялíкая) расцí!

Рус.: *Здравствуйте! Доброе утро! Добрый вечер! Здравствуй! Привет! Мое почтение! Поклон Вам! Здравия желаю (желаем)! Приветствую (приветствуем)! Как дела? Как себя чувствуешь (чувствуете)? Как поживаешь (поживаете)? Как жив-здоров, жива-здорова (живы-здоровы)? Очень рад, рада (рады)! До свиданья! До встречи! Будьте здоровы! Прощай (прощайте)! Пока! Ну, пока! Всего хорошего! Всего наилучшего! Держись (держитесь)! Крепись (крепитесь)! Спокойной ночи! Бог в помощь! Дай бог здоровья! Не дай бог! Не доведи господи! Упаси бог! Счастливого пути! В добрый час! Успехов, счастья! Большой (большая) расти!*

Из богатого в прошлом набора специальных формул сохранились немногие. Устойчивее других оказались приветствия утренние, дневные, вечерние: **укр.:** *Добрий день! Доброго дня! Добридень! Здрастуйте! Здорові будьте! Добрий ранок! Доброго ранку! Добрий вечір! Доброго вечора! Добривечір! Добраніч! На добраніч!* (12 единиц); **бел.:** *До́бры дзень! Дзень до́бры! Дабрыдзень!! До́бры ра́нак! До́брай ра́ніцы! До́бры ве́чар!* (6 *единиц);* **рус.:** *Доброе утро! Добрый вечер! Доброе утро! Добрый вечер! (4 единицы).* Как видим, количественно преобладают вербализованные слова-предложения приветствия в украинском языке.

Во все трех языках они являются классическими, стилистически нейтральными и употребляются адресантами всех категорий к адресатам разного социально-коммуникативного статуса.

Активно функционирует форма *Здравствуй! Здравствуйте!,* но, в отличие от указанных выше формул, содержит обращение на

«Ты» или «Вы», поэтому требует избирательно подходить к употреблению.

Отдельные этикетные слова-предложения непосредственно отображают национально-культурную специфику украинцев, белорусов и россиян. В национально-патриотических группах украинцев, особенно во время праздников, приветствуются словами *Слава Україні! — Героям слава!* Жители Западной Украины, активно исповедующие христианскую мораль, приветствуются изречением *Слава Ісусу Христу!*, а в сельской местности его сокращенным вариантом — *Слава Йсу!*

В итоге изучение национально-культурной специфики экспрессивных синтаксических концептов, употребляемых для приветствия, позволяет сделать выводы, что украинский, белорусский и русский языки имеют одинаковые, похожие синтаксические формы слов-предложений, употребляемых для приветствия, а также характерные различия, позволяющие раскрыть национальный характер каждого народа. В перспективе планируем провести сравнительное исследование каждой группы слов-предложений приветствия.

Литература

1. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и базисные концепты / А. Вежбицкая — М., 2011.

2. Волохина, Г. А. Синтаксические концепты русского простого предложения / Г. А. Волохина, З. Д. Попова.— Воронеж : изд-во Воронеж. ун-та, 2003.

3. Гребенщикова, Н. С. История русского приветствия (на восточнославянском фоне : монография / Н. С. Гребенщикова.— Гродно : ГрГУ, 2004.

4. Дудик, П. С. Синтаксис української мови : підручник / П. С. Дудик, Л. В. Прокопчук.— К. : Академія, 2010.

5. Загнітко, А. П. Типологія категорій та одиниць когнітивного синтаксису / А. П. Загнітко // Наукова скарбниця освіти Донеччини.— 2008.— № 2 (3).— С. 45–51.

6. Зализняк, А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира [Электронный ресурс] / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев.— Режим доступа : http://www.lingvoda.ru/transforum/articles/zaliznyak_a1.asp.

7. Казарина, В. И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (к вопросу о его формировании): монография / В. И. Казарина.— Елец, 2002.

8. Карамишева, І. Д. Дискусійність виокремлення «синтаксичного концепту» в сучасних лінгвокогнітивних дослідженнях [Электронный ресурс] / І. Д. Карамишева. — Режим доступу : http: //litmisto/org/ua/?p=8153.

9. Півторак, Г. П. Походження українців, росіян, білорусів та їхніх мов / Г.П. Півторак // Міфи і правда про трьох братів слов'янських зі «спільної колиски».— Киев, 2001.

10. Попова, З. Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов / З. Д. Попова.— Воронеж, 2009.

11. Рылов, С. А. Сопоставительная славянская синтактология: когнитивный аспект (на материале русского и чешского языков) / С. А. Рылов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского.— 2010.— № 4 (2).— С. 697–700.

12. Фурс, Л. А. Синтаксически репрезентируемые концепты : автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.04, 10.02.19.— Тамбов, 2004.

А. В. Костромицкая
Симферополь, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского

Продвижение символического пространства города в контексте межкультурной коммуникации

Интенсивность трансформации городских территорий зависит от их вовлеченности во всемирный глобализационный процесс. Города конкурируют друг с другом, ориентируясь на самые успешные и быстроразвивающиеся, и в ходе этого совершенствуются, постепенно видоизменяя уклад жизни городского сообщества. Это обеспечивает жизнеспособность современного города, его социокультурное, экономическое и политическое развитие, а также комфортность проживания и высокое качество жизни населения. Локальная активность приобретает глобальный характер, и город более не является продуктом исключительно «ближайшей региональной культуры, но все в большей степени отражает все мировые культуры» [15, с. 41], региональные урбанизационные процессы и процессы глокализации.

В прошлые эпохи наиболее актуальной задачей являлось создание нового города, сегодня, в условиях непрерывного процесса разрастания города, мы чаще сталкиваемся с необходимостью правильно переоформить уже существующее пространство. Поэтому

«сохранение потенциально сильных образных черт, разрешение имеющихся трудностей, и прежде всего выявление структуры и распознаваемости, скрытых за беспорядочностью целого» [7, с. 110],— являются одними из ключевых задач современной урбанистики.

Действенным инструментом, способствующим устойчивому развитию такого территориального образования, как город, мы можем назвать геобрендинг. На всех этапах конструирования и реализации брендинговой кампании необходимо, на наш взгляд, учитывать символическую компоненту территории.

Проблема символики городского пространства является одной из актуальных тем в гуманитарных исследованиях. Так, в трудах Ю. Лотмана, М. Кастельса, Р. Барта, У. Эко «символический текст города» является предметом семиотического, культурологического анализа. В исследованиях маркетологов Д. Визгалова, Ф. Котлера, А. Панкрухина акцент смещен на изучение соотношения символа и бренда. В центре внимания любой теории, направленной на осмысление города, так или иначе оказывается символ.

Обратимся к определению символа. Символ — «материальный или идеациональный культурный объект» [6], «знак, образ, воплощающий какую-либо идею; видимое, реже слышимое образование, которому определенная группа людей придает особый смысл, не связанный с сущностью этого образования» [11, с. 413]. Символ многозначен, динамичен, зависим от коммуникативной актуальности и ситуации, сложен для восприятия, часто имеет эмоциональную нагрузку. Его можно понимать не только рационально, но и интуитивно, что важно учитывать при формировании городского пространства. Для продуктивного влияния на горожан различных возрастов, профессий, социальных прослоек и так далее важна эстетическая привлекательность, относительная простота и общезначимость отдельных символов и общей системы символов.

Сам город на символическом языке — «микрокосмическое отражение космических структур, созданное по плану и целенаправленно заложенное по координатам» [2, с. 60]; «символ сложности общества, и, если зрительно он хорошо организован, этот символ приобретает сильную выразительность» [7, с. 18]. Ю. М. Лотман, выделяя городу особое место в системе символов, определяет его как «механизм, постоянно заново рождающий свое прошлое, которое получает возможность сополагаться с настоящим как бы синхронно», как «механизм, противостоящий времени» [9, с. 325].

В контексте семиотического подхода любая городская ткань трактуется как множество текстов и кодов. Благодаря их разнообразию, разноплановому и разноуровневому взаимодействию и взаимообогащению, город предстает как генератор новой информации, как книга, которую нужно учиться читать не только исследователям, но и каждому жителю для того, чтобы превратить накопленные знания в действия, направленные на улучшение городского пространства.

Поскольку в улучшении городских территорий заинтересованы представители различных отраслей, обратимся к экономическим наработкам. Так же, как и в городском пространстве, в экономической сфере процесс внедрения инноваций занимает длительный период (от года до нескольких лет), особенно если учесть стремительность протекания современных процессов и постоянное обновление информации. Специалисты в этой сфере утверждают, что любые нововведения должны не только способствовать обновлению бизнеса, но и вносить в жизнь компании идеи, вдохновляющие сотрудников. Мы полагаем, что трансформировать бренд города нужно, также опираясь на ценности городского сообщества, предшествующий опыт развития (а также опыт других городов) и в континууме с мировыми тенденциями.

Инициируют брендинговую кампанию города власти (мы имеем в виду программу изменений на конкретный период времени), определяя вектор ее трансформации, программу гармоничного развития, последовательность реформационных действий. От того, будет ли верно начата брендинговая кампания по преобразованию городского пространства, зависит дальнейшее его насыщение символической составляющей. Долгосрочная программа должна предусматривать некоторую «гибкость», давать возможность городскому населению проявить инициативу. Это поможет избежать «сухости» и чрезмерной упорядоченности в формировании пространства, внесет жизнь, наполнит креативными деталями. Такие незначительные изменения, зависящие от населения и гостей города, дадут возможность властям увидеть успехи и неудачи в планировании. От них также зависит приобретенная символическая насыщенность пространства, в то время как некоторые символические доминанты должны быть продуманы еще на стадии разработки стратегии развития. Стоит упомянуть, что сменяющие друг друга стратегии не должны

быть противоречивыми, а должны способствовать устойчивому развитию, непрерывному совершенствованию, так как диссонанс в городском пространстве ведет к снижению психологического комфорта жителей, не привлекает переселенцев, понижает конкурентоспособность города.

Отдельно взятые символы (части городского пространства, а не весь город как целое) также заслуживают пристального внимания. Так, М. Кастельс — один из крупнейших испанских социологов современности, занимающийся проблемами урбанистики — считает, что места в городе узнают по символам, которые предстают как «выражение коллективной памяти в практике коммуникаций», они — «фундаментальные средства, обеспечивающие продолжение существования мест, как таковых, без необходимости оправдывать свое существование исполнением функциональных обязанностей» [5]. Центральные городские территории представляются нам наиболее важными для создания таких отдельных, в некоторой степени обособленных, символов. Именно они выступают публичными пространствами и активно влияют на формирование индивидуального образа города и всю совокупность индивидуальных образов, то есть общий образ города.

Интенсивность и продуктивность изменений зависят от вовлеченности города во всемирный глобализационный процесс. Города ориентируются на успешные и быстроразвивающиеся и, следовательно, совершенствуются сами. Геобрендинг направлен не только на улучшение финансовых результатов, когда территория воспринимается частными предпринимателями и инвесторами исключительно как сырьевой ресурс, который можно купить, продать, сдать в аренду, но и на продуцирование новых символов, обогащающих городское пространство. Конкурентоспособность городов, по мнению таких исследователей как Ш. Зукин, Р. Флорида, Д. Джекобс, Ч. Лэндри и др., повышается сегодня именно за счет культурных достижений, что отвечает требованиям информационной эпохи. «Символическая экономика» (термин Ш. Зукин) предполагает насыщенность территорий, услуг и товаров символами, что обеспечивает их жизнеспособность, социокультурное, экономическое и даже политическое развитие.

Здесь проявляется существенное отличие брендинга города: это «не коммерческий, а социальный проект, который измеряет не коммерческие успехи отдельных фирм, а влияние их успехов

на развитие всего городского сообщества» [4, с. 12–13]. Эмоциональная составляющая, таким образом, является принципиальным отличием. А поскольку одной из особенностей символа является его эмоциональная насыщенность, задачей городского брендинга представляется идентификация города как семиотического пространства, «определение лучшего пути развития и позиционирование новой концепции в информационном пространстве» [4, с. 15].

Осмысление города как бренда — идея не новая, однако создание символов и придание новых смыслов уже имеющимся представляется, как нам кажется, актуальной задачей для каждой брендинговой стратегии. Поэтому «сохранение потенциально сильных образных черт» и «выявление структуры и распознаваемости, скрытых за беспорядочностью целого» [7, с. 110],— являются ключевыми векторами развития современного геобрендинга.

Существенным представляется конструирование символов долгосрочных, предполагающих длительную коммуникативную актуальность и аксиологическую наполненность, в отличие от «симулякров» (термин Ж. Бодрийяра) — псевдовещей, отсутствующих действительностей, иллюзий.

Иными словами, важно сохранить историческое прошлое города: постройки, монументы, предметы, носящие символический характер, связанные с деятельностью исторических личностей, «нечто, способное указать на характер бытовавшей здесь среды, на ее масштаб, пространство, пути, озеленение» [7, с. 161]. Задача проектировщиков города «заключается не только в том, чтобы обнаружить и выразить прошлое, но и записывать в память места текущую историю» [7, с. 311], которая с течением времени становится (либо не становится) все более насыщенной символами.

У. Эко, итальянский культуролог и семиотик, пишет о том, что «семантика города постигается не тем, кто смотрит на него как на порождающую означаемые структуру, но тем, кто в нем живет, участвуя в конкретных процессах означивания» [14, с. 227]. Следовательно, появление системы символов — двусторонний процесс: город продуцирует символы, воспринимающиеся человеком, и человек насыщает городское пространство символами.

Город — не только «структурированная непрерывность пространственной формы» и совокупность читаемых территорий, но и «подвижные элементы» (определение К. Линча): население,

городское сообщество, которое также неоднородно и имеет различного рода границы. Поэтому важно обратить внимание на понятие культурных границ.

Д. С. Лихачев, говоря о культурной границе, обозначает ее как «творческую сферу», «сферу общения» и «обмена опытом» [8]. Он настаивает на том, что противопоставление «свой-чужой», которое мы достаточно часто встречаем в научной литературе, посвященной проблеме границ, (например, Ю. Лотман считает его основой культуры), неблагоприятно влияет на развитие граничащих культур, ведет к распространению враждебности, национализма и, в итоге, к умиранию культуры. Стремление к взаимообогащению, «добролюбивое отношение» — основополагающий принцип взаимодействия граничащих культур. Рассмотрение границ пространства Симферополя в данном контексте и с позиций межкультурной коммуникации представляется актуальным не только с теоретической точки зрения, но и с практической.

Обратимся к современному этапу трансформации границ взаимодействия этносов Симферополя. В статье «Этническая составляющая социокультурной рубежности Крыма» О. Шевчук и А. Швец с проблемой пространственных границ связывают феномен полиэтничности полуострова в целом, что обусловлено барьерностью территориального расселения этносов в прошлом. На разных этапах развития межнациональных отношений барьеры (природные, социокультурные, политические) могут служить как разграничивающим, так и связующим началом. Сегодня крымские культурологи, географы, социологи отмечают трансграничный характер, условность границ в области межэтнических отношений, что связано не только с процессами аккультурации и ассимиляции на местном уровне, но с глобальными процессами стандартизации, техногенностью цивилизации и другими причинами. Отдельно стоит назвать постоянно возрастающее антропогенное давление на ландшафт, так как именно оно «существенно ослабляет эмоционально-когнитивную связь этноса с природной средой, создает условия для разрушения у него бессознательной субъективной привязанности к тому или иному ландшафту» [13, с. 168]. Ландшафты современного Симферополя предлагается трактовать как трансформирующиеся и подвижные, что связано с процессами взаимопроникновения текстов различных этносов. Пространство города принадлежит пограничным культурам,

«прилегающим семиосферам», трактуется как «фильтрующая мембрана, которая трансформирует чужие тексты» [9, с. 262].

На территории полуострова проживает около 200 этносов, основная масса из которых представлена и в Симферополе. Напоминание о границах исторического ареала расселения этносов мы находим в топонимике улиц города: Русская, Турецкая, Караимская и другие. Несмотря на то, что сохранились районы с высокой этнической концентрацией (например, Ак-Мечеть, где преобладает крымскотатарское население), на современном этапе развития Симферополя этнических кварталов в городе нет. Вероятно, подобная тенденция расселения характерна для многих постсоветских городов, где «компактного расселения отдельных этнических групп… зачастую не наблюдается» [1, с. 138].

Культурный ландшафт Симферополя является интерэтническим, трансграничным и кросскультурным, в нем, как и во всех крымских ландшафтах, отсутствует «функция этноформирования». Однако говорить о стирании границ между этносами мы не можем. Напротив, возрастает внимание к культурному и историческому прошлому, о чем свидетельствуют внимание к языковому наследию (открытие бесплатных курсов чешского языка при Симферопольском чешском обществе «Влтава»), ежегодное проведение национальных праздников (Масленица, Ураза Байрам), носящих ритуальный характер, и другие схожие процессы.

Несмотря на процессы консолидации внутри этнических сообществ в Симферополе, на наш взгляд, нарастает безразличие внутри городского сообщества. Призывы к толерантности (а не ко взаимному уважению, участливости, добрососедству), которые актуальны для полиэтничного Крыма, влекут ко «взаимоприспособлению через разобщение», то есть в бесконфликтной среде «то, что может показаться проявлением сдержанности и вежливости, на деле проявление безразличия» [3, с. 172]. Блазированность (термин Г. Зиммеля) ведет к «утрате любопытства к другому» [10, с. 104], а «бытие с другими… не только держится чаще во внешних границах, но входит в модус отстраненности и сдержанности» [12, с. 122]. Так, на основе анкетирования, проведенного нами в 2011 году, выяснено, что 33 % респондентов считают симферопольцев безразличными.

Отметим также, что наличие границ негативно сказывается на общем облике города, следовательно, необходимо их устранение

или смягчение, то есть перевод барьера в статус шва. Теоретическое изучение, рефлексирование и дальнейшее продуманное конструирование городских территорий предполагает устранение неблагоприятных пространственных локусов, которые сформировались в городе и предупреждение появления новых, которые смогли бы войти в символическое пространство современного крымского города.

Таким образом, осуществление межкультурной коммуникации на современном этапе развития города Симферополя имеет ряд особенностей и нуждается в дальнейшем детальном теоретическом исследовании и практическом развитии. В качестве такого развития мы предлагаем рассматривать геобрендинговое продвижение территории города. Учитывая современные реалии, обилие накопленных в ходе развития истории ценностных установок и богатство культурной памяти места, продвижение символического пространства столицы Крыма необходимо реализовывать, предлагая резидентам и туристам обилие смыслов и кодов, учитывая государственные программы развития территории и местные инициативы.

Литература

1. См. Антропологический форум. Исследования города.— № 12.
2. Бидерманн, Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерман.— М., 1996.
3. Бодрийяр, Ж. Америка / Ж. Бодрийяр.— СПб., 2000.
4. Визгалов, Д. В. Брендинг города / Д. В. Визгалов.— М., 2011.
5. Кастельс, М. Информационный город. Информационная технология, экономическое реструктурирование и регионально-городской процесс [Электронный ресурс] / М. Кастельс.— Режим доступа : http://www.urban-club.ru/?p=100.
6. Культурология. XX ВЕК. Энциклопедия в 2-х томах / под ред. С. Я. Левит— СПб., 1998.
7. Линч, К. Образ города / К. Линч ; пер. с англ. В. Л. Глазычева ; сост. А. В. Иконников ; под ред. А. В. Иконникова.— М., 1982.
8. Лихачев, Д. С. Очерки по философии художественного творчества / Д. С. Лихачев.— СПб, 1996.— С. 97–102.
9. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман — СПб. : Искусство–СПБ, 2000.
10. Сеннет, Р. Капитализм в большом городе : глобализация, гибкость и безразличие / Р. Сеннет // Логос № 3 (66), 2008.— С. 95–107.
11. Философский энциклопедический словарь.— М. : ИНФРА-М, 2005.
12. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер — М., 1997.

13. Шевчук, О. Г., Швец О. Б. Етнічна складова соціокультурної рубіжності Криму / О. Г. Шевчук, О. Б. Швец // Стратегічні пріоритети.— № 2 (3), 2007.— С. 165–170.

14. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Г. Эко — М., 1998.

15. Houtum, H., Kramsch, O., Zierhofer, W.— Wiltshire : Ashgate, 2005.

В. В. Криштаносов
Минск, Белорусский государственный университет культуры и искусств

Культуротворческий процесс в современных креативных индустриях: тенденции развития

В течение последних десятилетий во всем мире наблюдается экспоненциальный рост различных видов социокультурной и предпринимательской деятельности, объединенных под общим именем «креативных индустрий». Креативность, или, в переводе на русский язык, «творческий подход», «творчество» в эпоху глобализации становится новым субстанциальным условием для многих сфер деятельности. Интерес социологов, экономистов, культурологов к данному феномену связан с современным видением и пониманием креативности в отраслях, зачастую не связанных непосредственно с искусством и культурой.

Известно, что начало бурного роста креативных (в некоторых источниках — «культурных») индустрий произошел в 60-е годы XX в. в развитых странах Европы и Америки и был обусловлен проблемами трансформации производственных отношений. Как ни парадоксально, рост культурных и креативных индустрий был вызван причинами чисто экономического характера. Дефицит ресурсов, активный рост стран третьего мира и Юго-Восточной Азии привел к тяжелому кризису традиционной модели производства.

Способности индивидов к генерации идей стали важны как никогда ранее в новейшей истории, поскольку креативность как ресурс неисчерпаема, неизмерима и не имеет материального выражения. В то же время эффект от внедрения и эксплуатации инновационных идей, как показывает практика, приводит к революционным переменам.

Новая парадигма предпринимательской деятельности в социокультурной сфере по аналогии с дарвиновской теорией происхождения видов стала результатом естественного отбора и эволюции. Выживают и достигают успеха наиболее востребованные проекты, способные быстро приспособиться к условиям перманентно вариативной среды. В пространстве тотальной дигитализации, где затраты на ресурсы, логистику, хранение, переработку и тому подобные компоненты традиционной модели производства стремятся к нулевой отметке, эволюция культурного продукта перманентна, ничем не сдерживаема и мало подвержена внешнему управлению. Всеобщая вовлеченность в единое информационное пространство — уже давно свершившийся факт.

Основными чертами, присущими культурным индустриям независимо от сферы деятельности, стажа и размера являются: креативность персонажей, задействованных в производстве культурного продукта; эффективное и независимое управление (в первую очередь — оперативное принятие решений); ориентация на запросы потребителя, отсутствие прямой зависимости между затраченными ресурсами и полученным эффектом и защита авторских прав.

Специфика взаимоотношений креативных деятелей (акторов) как между собой, так и с потребителями и предметами своего труда носит инновационный характер, так как основана на интерактивности, сетевой форме взаимодействия, непрерывном обмене информацией. Несмотря на жесткую конкуренцию, креативные акторы активно обмениваются информацией и сотрудничают. Инновации в режиме онлайн становятся общим достоянием. Данная форма взаимодействия, невозможная в традиционной модели организации производства культурных продуктов, появилась на свет в результате бурного развития креативных индустрий во второй половине XX в.

Практика привлечения реципиентов (зрителей, ценителей, посетителей) к селекции культурного продукта путем проведения опросов онлайн, подписки на участие и тому подобных инструментов не является чем-то из ряда вон выходящим.

Аудитория активно вовлекается в действо, зритель, он же потребитель, получает то, за что готов заплатить. Как нельзя яснее иллюстрирует модель взаимоотношений, сложившихся в последние десятилетия в мире шоу-бизнеса, пример популярного лон-

донского театра «Челси»[1]: заинтересованные зрители участвуют в действе, выборе формата мероприятий, приглашении актера или труппы, генерируют идеи.

Показателен в этом отношении пример известнейших лондонских экспозиций: музеев Виктории и Альберта (Victoria and Albert Museum, V&A) и «Тэйт» (Tate Britain). Постоянные посетители, участвующие в программе «друзья музея», становятся таковыми за установленную ежегодную плату, участвуют на официальных сайтах в выборе тематики будущих экспозиций и пользуются рядом привилегий и преференций.

В условиях, когда потребитель избалован предложениями, проекты, имеющие отношение к культурным индустриям, не могут существовать без массовой реализации произведенного ими продукта: необходимым условием жизни идей и произведений является их распространение [2, с. 108].

Негативное отношение некоторых исследователей культурных (или креативных) индустрий к их коммерциализации, берущее истоки в классических трудах Т. Адорно и М. Хоркхаймера, на наш взгляд, не совсем актуально в современных условиях. Производство массового и коммерчески успешного продукта в культуре общества потребления, получение положительного экономического эффекта есть ожидаемый результат деятельности и критерий успеха. Весьма уместны в данном контексте слова В. Ленина: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» [1].

Удовлетворенность потребительского спроса становится главным мерилом ценности того или иного перформанса, фильма или цифрового продукта. На самом деле, совершенно очевидно, что в «посткультурной бухгалтерии» достижения «подлежат количественному учету» [3, с. 546].

Примечательно, что одна из наиболее влиятельных организаций Великобритании, первой державы, декларировавшей приоритетность задачи развития национального сектора культурных индустрий,— Художественный Совет Англии — открыто декларирует: нам следует больше инвестировать в искусство и культуру, потому что таковое вложение окупится многократно [4, с. 14]. Приоритетными априори являются проекты с более массовой аудиторией. При изучении стартапов креативных акторов используются

[1] Информация о театре доступна на сайте chelseatheatre.org.com.

услуги профессиональных финансистов и аудиторов. При этом собственно культурной ценности проекта не уделяется особого значения. Парадоксально, что при явно меркантильном подходе именно Великобритания и ее столица Лондон в последние десятилетия являются наиболее значимым мировым культурным центром с оптимальной *национальной культурной экологией.* Под национальной культурной экологией мы подразумеваем взаимодействие творческих деятелей и их сообществ между собой и средой, в которой они существуют и функционируют в рамках одного государства.

Культурная конкуренция, подкрепленная активным обменом данными между креативными акторами, неизбежно приводит в действие философский закон перехода количества в качество. Изобилие предложений, практически ничем не ограниченный выбор культурного продукта неизбежно приводят к повышению требований со стороны потребителя. Массовая аудитория XXI века все больше и больше становится «подготовленной», отметает культурный продукт низкого сорта или не соответствующий тренду.

Характерно, что политика поддержки культурного разнообразия ЮНЕСКО, с одной стороны, решает важную задачу развития регионов с аутентичной культурой, но в то же время в наибольшей степени преследует цели дальнейшего расширения предложений в сфере культурных индустрий и в конечном итоге — адсорбции уникальных идей для их последующей эксплуатации.

Таким образом, основные тенденции в культуротворческом процессе в современных креативных индустриях — это монетаризация и коммерциализация производства культурного продукта, вовлечение потребительской аудитории в разработку и генерирование идей, ориентированность производителя на спрос, моду, актуальные тренды, сотрудничество и ускоренный обмен информацией между конкурентами, что в свою очередь стимулирует инновации в создании и продвижении культурных продуктов и креативных проектов.

Литература

1. Ленин, В. И. Партийная организация и партийная литература [Электронный ресурс] / В. И. Ленин (1905).— Режим доступа : http://v-ulianov-lenin.livejournal.com/1287.htm.

2. Моль, А. Социодинамика культуры / А. Моль : пер. с фр. ; предисл. Б. В. Бирюкова.— 3-е изд.— М. : Издательство ЛКИ, 2008.

3. Николаева, Е. В. Произведение высокого искусства в формате массовой культуры / Е. В. Николаева // Развлечение и искусство : сб. статей под ред. Е. В. Дукова.— СПб., 2008.— С. 546–559.

4. Arts Counsil England Grant-in-Aids and Lottery distribution annual report and accounts / Arts Counsil England.— UK, Williams Lea Group — 2014.

Е. А. Криштаносова
Минск, Белорусский государственный университет
культуры и искусств

К проблеме типологии мультикультурализма

Известно, что большинство государств современного мира являются поликонфессиональными, полиэтническими, полиязычными. В связи с этим приблизительно с 70-х годов XX в. страны оставляют усилия добиться этнокультурной гомогенности общества и провозглашают в качестве основного приоритета интеграцию без ассимиляции. Общество предстает не как гомогенная целостность, а как совокупность разнообразных и равноправных сообществ. Значимую роль в трансформации современных воззрений на социум и на культуру играет политика мультикультурализма. Ее главный императив — равенство типологически и аксиологически различных культур, их толерантное взаимодействие в рамках единого социокультурного «организма» при сохранении самобытности каждой из них. Однако следует отметить, что мультикультурализм — это не просто признание наличия культурных различий у групп населения единого государства, но и определенная концептуальная позиция в политической сфере. Она воплощается в правовых нормах, отражается в характере общественных институтов и в повседневной жизни людей. Поэтому с точки зрения современной политической культуры цель проекта мультикультурализма — обеспечить поддержку культурной специфики миноритетов и возможность принадлежащих к ним индивидуумов и групп принимать полноправное участие во всех сферах культуры и в целом в общественной жизни государства.

Мультикультуралистские стратегии государств можно с некоторой степенью условности разделить на три типа:

– социальный, предполагающий улучшение условий проживания иммигрантов, обеспечение равных прав на образование,

трудоустройство, здравоохранение, на улучшение жилищных условий и т.д.;

– этнический, выражающийся в признании историко-культурных традиций и ценностей различных этнических групп;

– религиозный, обеспечивающий равное принятие вероисповеданий различных этнических групп и возможность их сосуществования на территории единого государства.

На наш взгляд, с помощью типологии возможно наиболее глубокое определение позитивных и негативных последствий для страны в ходе осуществления политики мультикультурализма.

Выбор того или иного типа политики мультикультурализма в разных странах мира зависит от общенациональных приоритетов и устоявшихся ценностей. Мы настаиваем на нашей оговорке «с некоторой степенью условности», поскольку, по нашему убеждению, в практических взаимодействиях этнокультурных групп эти три типа в значительной мере пересекаются. Так, вряд ли возможно говорить о реальном равноправии миноритетных групп при отсутствии уважения к их ценностям и традициям. Тем не менее, мы убеждены в том, что речь идет не только о принципах мультикультурализма, но и о его типах, так как интеракции этносов и этногрупп, определяемые указанными выше габитальными параметрами, всегда в большей степени центрируются на социальной, этнической или религиозной подоплеке.

С целью обоснования этого тезиса следует проанализировать каждый из предложенных типов на примерах конкретных стран.

На наш взгляд, ***социальный тип*** политики мультикультурализма характерен, главным образом, для США. Отметим, что в США мультикультурализм не стал частью государственной политики, он проявился, в первую очередь, именно в социальной сфере. На протяжении последних нескольких десятилетий система социального обеспечения в США постепенно превращается в инструмент решения проблем меньшинств; около 60 % расходуемых на эти цели средств направляется на поддержку граждан африканского и латиноамериканского происхождения, составляющих менее 20 % населения страны [3, с. 17].

Сильнее всего влияние мультикультурализма затронуло, пожалуй, американскую систему образования. К концу 1990-х годов мультикультурная парадигма утвердилась во многих американских университетах с введением квот на поступление. Но на пути

ее воплощения возникли существенные осложнения, основное из которых — снижение качества образования. Исследования уровня подготовки в американских колледжах показали, что афроамериканцы, поступившие благодаря квотам, имеют гораздо более низкие результаты тестирования, чем студенты, поступившие без квот. Можно сделать вывод, что стратегия мультикультурализма, проводимая в Америке, преобразовалась в практику своего рода «позитивной дискриминации» по отношению к «цветным» гражданам (позднее — и к этническим меньшинствам, формируемым иммигрантами). Тем самым проводимая политика не принесла ожидаемого результата — интеграции миноритетных групп в общество, а закономерно привела к проявлениям сегрегации в отношении титульной нации. Примером этого стало появление общежитий для выходцев из Азии; изменение гуманитарных учебных программ, где культуре WASP отводится такое же количество часов, как и культуре индейцев и других этнических групп. В общем смысле можно говорить о начавшемся процессе размывания общеамериканской государственно-культурной идентичности. Красноречивые примеры издержек «позитивной дискриминации» во множестве представляет и следующая установка: со второй половины 90-х гг. XX в. участились случаи, когда судебные решения выносятся с учетом культурных особенностей подсудимого. Так, в 2014 г. в штате Висконсин судья оправдала иммигранта из Юго-Восточной Азии, обвиненного в растлении двух 11-летних девочек, на основании того, что «сексуальные контакты с молодыми девушками являются традиционной чертой азиатской культуры», и приговорила его к бесплатному 2-месячному курсу изучения английского языка, что должно было способствовать его приобщению к американской культуре [2, с. 62–64]. Здесь речь идет уже не размывании национальной самоидентификации американского общества, а о том, что фундаментальные ценности права и морали США оказываются под вопросом, т.е. нарушаются принципы самой социокультурной организации общности. Тем не менее, по прошествии времени выяснилось, что отказаться от политики мультикультурализма невозможно. Представители меньшинств, для которых «позитивная дискриминация» давала преимущества в образовании и на рынке труда, резко воспротивились отмене этой практики. Здесь речь уже идет о проблеме самосохранения американских граж-

дан. Результат этого — утрата словом «мультикультурализм» положительных коннотаций словом.

Религиозный тип стратегии мультикультурализма наиболее ярко проявился в политике Франции. Основной проблемой, связанной с иммигрантами во Франции, всегда было их вероисповедание (ислам). В отличие от иммигрантов из южной Европы, которые, как и большинство французов, являются католиками, иммигранты, исповедующие ислам, не смогли органично влиться в общество и принять основные нормы французской культуры. Не имея возможности ассимилировать выходцев из исламского мира, республиканская модель впервые потерпела серьезное фиаско, подорвав веру французов в способность их культуры «переваривать» иноэтнические «вкрапления». Желание французов полностью ассимилировать мусульманское население страны никоим образом не совпадало со стремлением последних жить по своим религиозным установлениям и придерживаться собственных культурных ориентаций, порой резко отличающихся от французских. Несколько последних десятилетий эти разнонаправленные намерения определяли противоречивый характер мультикультуралистского дискурса во Франции.

Недовольство иммигрантов во Франции имеет множество формальных и вполне актуальных причин: главная состоит в том, что уровень безработицы в иммигрантской среде чрезвычайно высок (достигает 30 %). Кроме того, районы расселения иммигрантов во Франции — далекие и недостаточно обустроенные пригороды. И постоянные незначительные поводы для выступления религиозных меньшинств против политики, проводимой французскими властями, послужили обострению противоречий, которые уже вышли в настоящее время за рамки сугубо религиозных ценностей. Это, в свою очередь, вызвало во Франции общественную дискуссию, которая стала началом продолжительного и до сих пор не завершившегося противостояния двух идеологий во французской политике: той, которая выступает за ассимиляцию иммигрантов и религиозных меньшинств, и той, что отстаивает их право быть «другими». Этот конфликт выявил, что проблема культурных различий во Франции преимущественно связывается с религией (прежде всего исламом), которая противопоставляется секуляристской республиканской традиции и французским правовым и политическим традициям в целом.

Некоторые из защитников религиозной модели мультикультурализма указывали на тот факт, что отказ правительства поддерживать мусульман в борьбе за религиозную традицию и символику играет на руку французскому Национальному Фронту и другим радикальным группировкам, которые основывают свои кампании против иммигрантов и меньшинств на идее защиты французской культуры. Оппозиционное мнение было, в частности, высказано историком Михаэлем Виноком. Он обсуждает два возможных сценария: «Или в противоположность нашим традициям мы допустим образование религиозных сообществ, живущих по своим собственным правилам как государство в государстве, со своими особыми законами, обычаями и, значит, мы способствуем сегрегации во имя «различий». Или, верные своей истории, мы полагаем, что мусульмане могут, если они того хотят, стать французскими гражданами. В этом случае их религия, религия меньшинства пойдет на те уступки, которые в прошлом должен был сделать католицизм» [1, с. 31].

Сегодня французская идеология в области культурных различий ориентируется на «золотую середину», которая заключается в сочетании политики плюрализма и политики исключения, т.е. в принятии культурных различий при условии, что сами меньшинства ограничивают эти различия рамками доминирующих культурных норм. Однако, как показывают события последних лет, эта «золотая середина» далеко не достигнута, и неясно, может ли она быть достигнута в принципе.

К *этническому типу* можно отнести политику мультикультурализма, проводимую Австралией. В Австралии иммиграция привела к резким изменениям этнодемографической структуры общества. К концу 70-х гг. XX в. политика, нацеленная на ассимиляцию иммигрантов, начала давать сбои и встала необходимость в срочном изменении национально-культурного курса. Вследствие этого австралийские власти решились переориентировать иммиграционную политику на модель мультикультурализма. Начали складываться структуры (самая известная и действенная из которых — *Australian Institute of Multicultural Affairs*), на которые была возложена забота об «этнических общинах». Специальный телеканал и радиопрограмма, ориентированные на переселенцев, начали вещать на многих языках, образование в школах перешло на мультикультурную систему и т.д.

Однако нельзя не отметить и негативных последствий такой стратегии. Модель «мультикультурного общества», функционировавшая в Австралии с середины 70-х до середины 80-х гг. XX в. обрекала иммигрантов на необходимость отождествлять себя с определенной общиной, склоняя к самоизоляции и создавая опасность *этнизации* социальных различий и отношений. Одна из причин этого — некорректная интерпретация культурных особенностей той или иной этнической группы администрациями городов, навязывающими им образ жизни, не соответствующий их ценностным ориентациям.

При этом государственные и общественные деятели Австралии не сдались перед грудой накопившихся противоречий. Опубликованная в 1989 г. *National Agenda of Multicultural Australia* (Национальная повестка дня мультикультурной Австралии) выделила три измерения мультикультурной политики:

– культурную идентичность;
– социальную справедливость;
– экономическую эффективность.

Первый пункт закреплял за каждым гражданином право на культурную реализацию, причем право *на выбор культурной идентичности* предоставлялось всем гражданам. Этничность — как и языковая, и религиозная принадлежность — не закреплялась за индивидами или группами в качестве неотъемлемого свойства; считалось, что она — плод свободного решения человека. Второй пункт предполагал правовые гарантии равенства возможностей и отсутствия социальной дискриминации. Наконец, третий пункт означал поощрение талантов граждан, независимо от их происхождения. Эта социальная политика позволила представителям меньшинств реализовать себя в качестве высококвалифицированных работников и занимать высокооплачиваемые должности независимо от своей этнической принадлежности.

В целом можно признать, что австралийский опыт мультикультурализма оказался удачным именно потому, что не претендовал на создание системы этнически специфицированных прав, осложняющей гражданскую консолидацию. Следует особо отметить, что в Австралии реально действуют законы против расизма и этнической дискриминации. Но существует обратная сторона — отсутствие юридически оформленного положения о мультикуль-

турализме. Решение проблем, связанных с социальной интеграцией иммигрантов, делят между собой департамент занятости, образования и профессионального обучения. В связи с этим отсутствует возможность решения каких-либо вопросов на уровне правительства страны, в силу чего австралийский мультикультурализм имеет во многом ситуативный, несогласованный характер. Основной позитивный момент — снижение уровня агрессивности современного австралийского общества. Вследствие этого глубокие этнодемографические и этнокультурные изменения, происшедшие за одно поколение, не вызвали заметной социальной напряженности.

Подводя итог, хотелось бы остановиться на нескольких основных позициях:

– в мультикультурных странах наблюдается отказ от идеи доминирования одной культуры и единой межконфессиональной сферы, и тем самым формируются условия для взаимопонимания и толерантности, равно приоритетных для всех граждан;

– при корректно проводимой политике мультикультурализма этнические, социальные или религиозные разделения, как правило, приводят не к вражде, а к согласию. Однако следует принять во внимание, что ущемление прав коренного населения во благо «приезжих» зачастую приводит к конфликтным ситуациям;

– анализ стратегий мультикультурализма в США, Франции, Австралии дает возможность предположить, что введение мультикультурной политики ориентировано на решение разных проблем. В связи с этим возможно выделить типы мультикультурализма, которые всецело зависят от ценностей, идей и идеалов конкретного общества;

– избранный конкретной страной тип мультикультурализма не решает всех проблем в обществе. В связи с этим мы считаем, что при доминировании одного типа мультикультурализма необходимо уделять внимание рецессивным направлениям социальной политики;

– мультикультурализм является ярким примером взаимосвязи культуры и политики, что способствует признанию существования поликультурного сообщества на уровне государства или его регионов.

Литература

1. Конданьоне, К. Миграционная политика как планирование наугад. Иммиграционная политика западных стран: альтернативы для России / К. Конданьоне.— М. : Гендальф, 2012.

2. Lutton, W. Immigration, Sovereignty, and the Future of the West / W. Lutton // The Real American Dilemma: Race, Immigration, and the Future of America.— N.Y. : New Century Books, 2015.— P. 62–67.

3. Statistical Abstract of the United States 2011.— Washington (DC) : U. S. Census Bureau, 2011.

С. Кулявичюс
Вильнюс, Вильнюсский университет

Зарождение региональной «политической памяти» в XXI веке: Жямайтийский случай

«Наша современная государственная политика побудила нас перестать молчать, решительнее противостоять политике как по ассимиляции жямайтов, так и по уничтожению Жямайтии в качестве региона. Современная ситуация в Жямайтии наглядно показала, как меняется жямайтиский язык вследствие инвазии литературного языка в Жямайтийский край. На наш взгляд, это делается целенаправленно и тенденциозно» [2],— такими словами неудовольствия начинается презентация *Ассоциации Жямайтийского края* перед общественностью. Это сказано в 2010 г. До 2000 г. трудно себе представить акцентирование жямайтов как национальности или открытую критику политики «центра» (Литвы). Это свидетельствует о том, что в XXI в. в сознании части жямайтов происходят новые важные изменения — их вдохновляют новые идеи.

Предыстория. В письменных источниках *жямайты (жмудь, жемайты, жамойты, жмудины)* упоминаются с XIII в. наряду с наименованием Литвы. Со временем эта тенденция не изменилась. Складывается впечатление, что жямайты вышли на арену истории благодаря Литве или в её контексте. Тем не менее, трудно не заметить или опровергнуть, что жямайты и Жямайтия с позиции той же Литвы всегда были, по крайней мере, самобытной единицей. Самобытность проявлялась на различных уровнях:

– *на культурно-археологическом уровне*: в V–XIII вв. на территории современной Жямайтии существовало племя жямайтов, культура которого резко отличалась от культуры племени аукштайтисов (литовцев)[2]. Сегодня это подтверждают археологические памятники и находки;

– *на культурно-этнографическом, или на уровне «народной» культуры*: в последующие века вплоть до первой половины XX в. культура жителей Жямайтии характеризовалась достаточно яркими особенностями, позволяющими говорить о Жямайтии как об отдельном культурном (этнографическом) регионе Литвы. Об этом в настоящее время свидетельствуют памятники так называемой народной культуры — архитектурное наследие, предметы домашней утвари и т.д.;

– *на языковом*: жямайтийский говор считается отдельным диалектом литовского языка, он резко отличается от современного литературного литовского языка; эти различия сохраняются и по сей день;

– *на историко-политическом*: в середине XIII в. жямайты во главе с князем Викинтом воевали с основателем литовского государства великим князем Миндовгом; различного рода «мятежи» жямайтов против Литвы имели место и в последующие годы вплоть до 1440 г.; в 1253–1404 г. великие князья Литовские не менее 8 раз «дарили» Жямайтию или её часть Немецкому ордену, однако с 1413 г. они стали предоставлять жямайтам привилегии суверенитета;

– *на историко-административном*: в 1409/1411–1795 гг. Жямайтия обладала статусом отдельной административной единицы (сянюнии (староства), с 1441 г.— княжества); с 1441 г. название Жямайтийского княжества включается в официальные титулы правителей Литвы; в 1417–1926 гг. существовала отдельная административная единица католической церкви — Мединикское /Жямайтийское/Тельшовское епископство.

---

[2] (1) Понятия *жямайты* и *Жямайтия* не имеют постоянного или однозначного определения. Это зависит от избранной точки отсчёта или контекста. В данной работе употребление этих понятий также является не однозначным, а контекстуальным. (2) Приводимые здесь даты во многих случаях носят дискуссионный характер, по-разному трактуются отдельными авторами или научными школами. В данном случае нашей целью является иллюстрирование, а не установление конечных или бесспорных «истин» исторической науки.

В XIX в. осознание общности жямайтов и литовцев ещё не получило повсеместного распространения и не являлось само собой разумеющимся фактом — это требовало доказательств [18, с. 185].

С началом базирующегося на принципах национализма общества формирования современной литовской нации утратили актуальность эти истории, традиции и идентификации. Литовский национализм ничем не отличается от других разновидностей национализма: желанием видеть на одной, закрепляемой за собой территории одну нацию и одну культуру [7]. Все политические амбиции жямайтов должны были исчезнуть ради становления или самореализации *современной* литовской нации. И жямайты сделали это мирно, «естественно», без какого-либо противостояния или конфликтов. Они прекратили существование в качестве политической общины и превратились только в один из аспектов, оттенков *единой* литовской национальной культуры. Их историю и наследие начинают интерпретировать как литовские по природе или по своей сути или «однозначно», как «несомненно» направленные на сосуществование с литовцами в *едином* литовском государстве. Таким образом, с двадцатых годов XX в. под «жямайтизмом» подразумевается в лучшем случае историческая, культурная, но ни в коем случае не политическая категория.

Современные парадигмы: интегральная жямайтийская идентичность. В первой Литовской Республике (1918–1940 гг.) понятия *жямайт* и *Жямайтия* имели значения различающихся категорий. Жямайтизм связывался с конкретной территорией и с проживающей на данной территории или происходившей оттуда, а также говорившей на жямайтийском диалекте общиной. Основными мотивами для деления (выделения) служили особенности истории, этнографии, говора и наследия жямайтов. С другой стороны, жямайтизм являлся не только дифференцирующим, но и объединяющим, создающим более тесные социальные связи фактором, обладающим мощным духовным и творческим потенциалом как в аспекте прошлого, так и настоящего [19, с. 6]; [20, с. 2]. По инициативе самих жямайтов предпринимались попытки выявить и объединить исследователей прошлого жямайтов, писателей, художников. Выпускались газеты, создавались товарищества, музеи, в названиях которых были слова *жямайт*, *Жямайтия*. В сороковые годы XX в. в Тяльшяй (который в то время

считался и до сих пор считается «столицей» Жямайтии) возникла идея учреждения центра жямайтийской культуры — «пантеона»[3].

Примечательно, что жямайты той эпохи осознавали свою инакость по отношению к тем, кого обобщенно называют литовцами. Другими словами, литовскость являлась обязательной для самосознания жямайтов и осознания собственной исключительности. При этом это не проявлялось как оппозиция литовскости — жямайты декларировали строгую приверженность ориентации на литовскую идентичность. Подобная установка отражается в идеологической программе созданных в тот период памятников. Жямайтия и Клайпедский край были двумя уникальными регионами Литвы, в которых памятники имели региональные знаки и посвящения. Следует подчеркнуть, что в Жямайтии памятники создавались с использованием традиционных для литовских памятников тем: по поводу юбилеев независимости Литвы или в честь великого князя Литовского Витовта Великого. Имевшиеся на них жямайтийские символы не затмевали по значимости литовских символов. Памятники словно подтверждали, что Жямайтия, ранее исторический регион, в настоящее время является интегральной частью Литовской Республики, объединённой общей историей, общим настоящим и общими надеждами на будущее. Отсутствовали радикальные, не совпадающие с ориентацией на литовскую идентичность претензии.

Идея жямайтизма возродилась с новой силой в последние годы советской оккупации. В 1988 г. была создана *Жямайтийская культурная ассоциация*, которая на определённое время стала основным направлением и выражением всего жямайтийского движения. Её деятельность основывалась на нескольких идейных принципах. Во-первых, жямайтизм воспринимался как нечто самобытное и исключительное. Под этим лозунгом деятельность велась в аспекте исследования и пестования, а также возрождения прошлого жямайтов, их наследия, диалекта, искусства, культуры в целом, повышения уровня исторического самосознания. Велись поиски дифференцирующих жямайтийских знаков (герба, флага, грамматики, топонимов и т.п.). Как и в Литве межвоенного периода, жямайтизм сохранился не только в реликтах прошлого, но проявлялся и в повседневной жизни, являлся живым самовыраже-

[3] В варианте статьи на русском языке почти не приводятся ссылки на литовские источники, указания на которые даны в литовской версии данной статьи [13].

нием. Во-вторых, жямайтизм не противопоставлялся литовскости, а считался интегральной её частью. Образно говоря, работа на благо Жямайтии считалась полезной и для Литвы. Эта установка также остаётся неизменной со времён Первой Литовской Республики. Укрепление независимого Литовского государства — одна их главных целей Ассоциации и по сей день [15]. До сих пор Ассоциация — основная объединяющая жямайтов в Литве организация.

Современные парадигмы: автономная жямайтийская идентичность. С 2000 г. среди жямайтов неожиданно стали наблюдаться тенденции, связанные с общей неудовлетворенностью, на первый взгляд, уже устоявшимся традиционным соотношением литовскости и жямайтизма. Необходимо отметить, что до того времени всё, что было жямайтийским, считалось интегральной частью Литвы, а политические претензии жямайтов — решённой в прошлом проблемой. Приведем несколько наглядных примеров:

– *вопрос о жямайтийской автономии*: в 2000 г. по частной инициативе был создан *Жямайтийский общественный парламент*, провозгласивший о «возрождении» жямайтийской экономической автономности, идея которой не получила широкой поддержки среди жямайтов — удалось объединить только небольшую группу единомышленников;

– *вопрос о жямайтийской идентичности/гражданстве*: после 2001 г. стали призывать к узакониванию жямайтийской национальности, приблизительно в 2007 г.— к её фиксированию в паспорте Литовской Республики; в 2002 г. начались судебные рассмотрения, получена поддержка со стороны *Жямайтийской культурной ассоциации*;

– *вопрос о границах Жямайтии*: приблизительно в 2002–2004 гг. намного обострилась реакция жямайтов на определение границ Жямайтии: литовцы (аукштайтисы) подозревались в уменьшении, урезании границ Жямайтии, правда, эти претензии высказывались в основном на общественных собраниях и не получили официального оформления;

– *вопрос о жямайтийском языке*: развернулись дискуссии, споры о том, не является ли жямайтийский диалект языком;

– *вопрос о жямайтийской истории*: в 2007 г. вышла в свет книга американца Charles Pichel об истории Жямайтии [17], неожиданно ставшая очень популярной. Хотя профессиональные историки однозначно признали это произведение фальсификаци-

ей истории, для части жямайтов и сочувствующих им оно явилось источником «настоящей» истории Жямайтии.

Ещё один пример — в 2009 г. была основана *Жямайтийская партия*. В программных партийных документах тех лет проблемные вопросы о жямайтизме трактовались с радикальной позиции: жямайты безоговорочно признавались национальностью, так называемый жямайтийский диалект — языком, литовцы — угнетателями жямайтов. Так, основной целью партии, наряду с декларируемым обеспечением безусловного соблюдения Конституции Литовской Республики, являлось гарантирование «культурной и **политической** преемственности жямайтийской **нации»** [21]. В предлагаемой на сайте партии истории Жямайтии литовцы называются корыстными, предававшими жямайтов в тяжёлых битвах, а великий князь Литовский Миндовг — «ярым врагом жямайтов», который боролся против жямайтов [9]. Правда, вместо автономии выдвигается умеренная идея Жямайтийского уезда (региона, земли) [16]. В настоящее время на сайте этой партии размещён более мягкий вариант программы партии, однако интерпретация истории не изменилась. В 2009 г. создана ещё одна общественная организация жямай- тов — *Ассоциация Жямайтийского края*. Её намного более прямолинейно декларированные цели совпадали с целями Жямайтийской партии. По инициативе Ассоциации, с 2009 г. организуется *День жямайтийского национального единства*.

В настоящий момент эти инициативы представляются не столь активными или не имеют большого резонанса. Тем не менее, жямайты могут гордиться и определёнными достижениями. К примеру, в 2011 г. во время переписи населения Литвы появилась возможность вписать нацианальность «жямайт». 2169 человек воспользовались возможностью подобной самоидентификации [8].

Эти и подобные факты при одиночном рассмотрении могут показаться просто любопытными и не заслуживающими серьёзного внимания. Однако их объединяет общий критерий — поиск собственной самобытности за счёт литовской идентичности. С этой точки зрения, отдельные разрозненные случаи выстраиваются в цепочку составных элементов единой концепции. Другими словами, это можно оценивать как различные формы проявления одного формирующегося явления — новой жямайтийской идентичности. Своеобразие этой идентичности заключается в том, что Жямайтия становится не только историческим или культурным, но и поли-

тическим регионом, до сих пор предъявлявшим претензии только к принадлежащим «центру» (ориентации на литовскую идентичность) привилегиям и к навязываемым им правилам. Это кардинально меняет все ранее существовавшие идейные принципы жямайтийского движения: (1) пестование жямайтийской истории и культуры вытесняется новой тенденцией — поисками и формированием жямайтийской нации; (2) категория «жямайты» элиминируется из понятия «литовцы» (разрушается его интегральность), и сосуществование жямайтов и литовцев перестаёт быть априорным, ставится под вопрос; (3) активизировались поиски жямайтийской истории и наследия; «настоящей» и «чистой» жямайтийской истории, а не истории Жямайтии в контексте Литвы; научно обоснованные интерпретации подменяются романтизированными легендами. Тем не менее, следует сделать одну оговорку. Речь идёт не о тотальном преобразовании, а о возникновении новой парадигмы. На сегодняшний день эта парадигма пока не доминирует, но уже имеет место, своё содержание и сторонников.

Поиски жямайтийского наследия. До возникновения парадигмы автономности или национальной идентичности жямайтов полностью удовлетворяли общие политические и культурные тенденции в стране в отношении наследия — не наблюдалось никакого диссонанса между жямайтийским и литовским началами. После 2000 г. стало появляться всё больше памятников жямайтийского наследия, которые нарушали этот традиционный устоявшийся порядок. Во всех вышеуказанных случаях (по вопросам автономии, национальности, языка и др.) жямайты приводили в качестве аргумента прошлое. Право жямайтов на экономическую автономию объяснялось тем, что якобы в 1588 г. король Стефан Баторий узаконил таковую для Жямайтии, что впоследствии не было аннулировано. Относительно национальности говорилось, что жямайты как нация указываются во многих старинных документах. *День жямайтийского национального единства* упоминается 13 июля — в день Дурбской битвы (1260 г.). Пришло время для материальных свидетельств жямайтийского прошлого. И они стали появляться.

«Древняя жямайтийская столица» / «Город Викинта» в Вямбутай (Тяльшяйский р-н): около 2001 г. тогдашний директор жямайтийского музея «Алка» и председатель Ассоциации Жямайтиского края Стасис Каспаравичюс публично выдвинул гипотезу о том, что Вямбутайский курган является не чем иным, как упоминае-

мым в Ипатьевской летописи XIII в. замком Викинта или «городом» Твиримент[4].

«Древняя жямайтийская столица» в Тверай (Ретавский р-н): современные Тверай и находящийся рядом курган Лопайчяй отождествляются с упоминаемым в летописи XIII в. *Твиримен*том. Самыми активными распространителями этой идеи были сами жители Тверай, которые в 2003 г. объединились в клуб любителей истории «Айтра». К поддержке этой идеи склоняются и учёные [6, с. 259].

Твиримент трактуется как место резиденции Викинта, победителя битвы при Сауле, руководителя борьбы против Миндовга, а также как «центр этого края», поэтому его возникновение, по сути, означает появление исторического военного центра или столицы Жямайтии. Таким образом, существует как минимум два претендента на статус исторической столицы жямайтов.

«Сакральные места» / «Жямайтийский языческий духовный центр» в Лопайчяй (Ретавский р-н): в 2003 г. уже упоминавшийся С. Каспаравичюс первым высказал предположение, что в находящемся рядом с Лопайчяйским городищем лесу могли находиться святилища.

В данном случае найден претендент на религиозный центр Жямайтии. Были и другие находки, но не все они получили признание и известность.

Согласно рассказам открывателей или интерпретаторов этих мест, перед нами разворачиваются грандиозные события прошлых лет. В Вямбутай С. Каспаравичюс увидел комплекс оборонительных сооружений и поселения с мощными фортами длиной до 420 метров, оборонными террасами, захоронениями, местом для астрономических наблюдений, запрудами, пристанью [12, с. 191–193; 11, с. 11–12]. По словам сторонников «города Викинта», все сомнения относительно значимости этого места развеивает и стоящий в Вямбутай камень с выбитым на нём гипотетическим портретом человека — «возможно, великого князя Жямайтийского

[4] Имеется в виду отрывок из Ипатьевской хроники, в котором рассказывается о событиях 1251 г.: «Собравший большие силы Миндовг прибыл к замку Викинта под названием Тверай, Товтивил выехал верхом из замка, а вместе с ним русские Данелия, и половцы, и жямайты, много пеших; преследуя их, половец Кочей подстрелил Миндовга в бедро. И вернулся Миндовг на свою землю; много столкновений было между ними. Висмонт был убит у того замка».

Викинта?» [3, с. 17]. В Лопайчяйском лесу найден целый ряд гипотетических сакральных объектов: предполагаемая обсерватория, дольмен (единственный на территории современной Литвы!), камни с выбитыми на них знаками (корабликом, лицом человека и др.), могилы знахарей, странные котлованы, впадины и т.д. [3; 4]. Городок Тверай не является достаточно эффектным для воплощения гипотетического величественного замка Викинта или для столицы, поэтому его значимость усиливается (конструируется) при помощи современных средств: в 2005 г. на городской площади Тверай возведён памятник Викинту, который впоследствии был перенесён к Лопайчяйскому городищу; рядом с дорогой Тверай–Варняй скромным монументом увековечено символическое место *ранения Миндовга*; о боях между Викинтом и Миндовгом, по всей вероятности, напоминает и утверждённый в 2008 г. *герб Тверай*, на котором изображены оборонительная стена и наконечники копий, символизирующие замок и битвы возле него.

В результате создано акцентирующее роль жямайтов, объединяющее их между собой, а также выделяющее среди других наследие. Можно сколько угодно критиковать его происхождение, но благодаря этому наследию сегодня часть жямайтов осознаёт наличие своих исторических, политических и религиозных центров, что побуждает переосмыслить одну литовскую историографическую константу — Жямайтия является интегральной частью Литвы. Исключительность этих мест формируется посредством преднамеренной или неосознанной конфронтации с ориентацией на литовскую идентичность. Их интерпретация базируется на следующей оппозиции: *Жямайтия / Викинт / язычество / оборона,* с одной стороны, и *Литва / Миндовг / христианство / агрессия*, с другой. Второстепенный или даже третьестепенный персонаж в литовской истории Викинт стал сегодня для жямайтов настоящим героем. Его героизм доказывается двумя фактами: победой в битве при Сауле и войной против великого князя Литовского Миндовга. Если жямайты считают Викинта героем, соответственно, Миндовг становится для них антигероем или подлецом [4, с. 46; 10, с. 35]. Эта жямайтийская версия истории материализуется её проекцией на наследие — ландшафт. Находят «города Викинта» — столицы жямайтов, устанавливают памятники Викинту, увековечивают место ранения Миндовга. Языческая тема также приобрела у жямайтов не только фактологический, историче-

ский, но и идеологический подтекст. В литовской историографии акцентируется тезис о том, что «литовцы являются «последними в Европе язычниками» [11, с. 11]. В Жямайтии он видоизменён на утверждение «жямайты — последние в Европе язычники», ставшее краеугольным камнем новейшей ориентации на жямайтийскую идентичность. Язычество выделяет жямайтов не только в европейском пространстве, но и помогает это сделать и среди литовцев благодаря тезису «мы были язычниками дольше их». Влияние идеи язычества на жямайтов прекрасно иллюстрирует обилие появившихся после 2003 г. «языческих сакральных мест», превратившихся в объекты своеобразного паломничества.

Выводы. Возможны различные объяснения рассматриваемого процесса. Можно искать внешние причины и связывать изменения памяти жямайтов и идентичности с интеграцией Литвы в европейские структуры (Литва — член Европейского Союза с 2004 г.). В подобном случае речь должна идти о демократизации общественности страны (или, по крайней мере, о появлении новых перспектив и возможностей) и о вызванных этим крайностях «великого» националистического нарратива, а также о повышении роли общин различной природы. В контексте последних волнений во Фландрии, Каталонии, Шотландии жямайты отражают европейские, а не уникальные тенденции. Можно говорить о желании местных общин закрепить свою идентичность (в случае с городком Тверай), о создании новых неоязыческих культовых мест (с 70-х годов XX в. идея неоязычества оказывает большое влияние на некоторые общественные группы Литвы), однако, случайно или нет, новая парадигма стремится воплотить в жямайтах все необходимые для национализма признаки (национальность, язык, культуру и государство). Для совокупности обязательных для национализма компонентов пока недостаёт идеи о восстановлении (создании) своего государства[5]. В настоящий момент в публичном

[5] В настоящем исследовании мы опираемся на конструктивистские теории национализма и его связи с прошлым, а также с наследием. Основной тезис: несмотря на то, что национализм пытается репрезентировать себя как историческую преемственность, объективно он конструирует новые социальные производные, не имеющие соответствий в прошлом; этому новообразованию необходима легитимация, что чаще всего делается при помощи исторических средств [1; 7].

пространстве не озвучиваются подобные претензии, однако прецедент уже сформирован — жямайты находят или придумывают такое государство в прошлом.

Литература

1. Anderson, B. Įsivaizduojamos bendruomenės: apmąstymai apie nacionalizmo kilmę ir paplitimą / B. Anderson.— Vilnius : Baltos lankos, 1999.

2. Aplei mumis. Mūsa veikla ėr tėkslā [El. išteklius] // Žemaitėjės krašta draugėjė.— [Prieiga internet] — http://www.zemkd.lt/node/16.

3. Bunka, E. Lopaičiai. Sustingęs laikas. Ieškojimai, atradimai, versijos / E. Bunka.— Kaunas : Adaksita, 2007.

4. Bunka, E. Takas per Rietavo miškų urėdiją. Straipsniai ir informacijos / E. Bunka.— Kaunas : Adaksita, 2006.

5. Bunka, E. Tverai, kur tvėrėsi Žemaitija [El. išteklius] // Tverai.— [Prieiga internet] — http://www.tverai.lt/Istorija/E.%20Bunka_Kur_tveres.htm.

6. Dakanis, B. Rietavo apylinkių žvalgymas ir žvalgomieji archeologiniai tyrimai / B. Dakanis // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 2002 metais.— Vilnius : Diemedžio leidykla, 2005.— P. 258–262.

7. Gellner, E. Tautos ir nacionalizmas / E. Gellner.— Vilnius : Pradai, 1996.

8. Gyventojai pagal tautybę, gimtąją kalbą ir tikybą [El. išteklius] // Lietuvos statistikos departamentas.— [Prieiga internet] — https://osp.stat.gov.lt/documents/10180/217110/ Gyv_kalba_tikyba.pdf/1d9dac9a-3d45–4798–93f5–941fed00503f.

9. Iš istorijos. Žemaitijos krašto, Žemaitijos kunigaikštystės istorijos fragmentai // Žemaičių partija.— [Prieiga internet] — http://zemaiciupartija.lt/is-istorijos.

10. Ivinskis, A. «Žemaičių klausimas» ir nūdienos politiniai vėjai / A. Ivinskias // Naujasis židinys-Aidai.— 2004.— № 1–2.— P. 32–36.

11. Kasparavičius, S. Kunigaikščio Vykinto pilies beieškant / S. Kasparavičius // Žemaičių žemė.— 2001.— № 1.— P. 11–12.

12. Kasperavičius, S. Vembūtai — kunigaikščio Vykinto pilis / S. Kasperavičius // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 2000 metais.— Vilnius : Diemedžio leidykla, 2002.— P. 191–193.

13. Kulevičius, S. Žemaičių tapatumo vingiai XXI a.: savos praeities ir paveldo paieškos / S. Kulevičius // Acta humanitarica universitatis Saulensis. Mokslo darbai ; sud. B. Maskuliūnas, S. Strelcovas.— Šiauliai : VšĮ Šiaulių universiteto leidykla, 2012.— T. 14.— P. 224–245.

14. Lowenthal, D. Paveldo klastojimas / D. Lowenthal // Gamtos ir kultūros paveldas: perteikimas ir ugdymas ; sud. R. Čepaitienė.— Vilnius : Eugrimas, 2009.— P. 281–304.

15. Mukienė, D. Žemaičių muziejuje «Alka» veikiančios visuomeninės organizacijos. Žemaičių kultūros draugija / D. Mukienė // Žemaičių muziejus

«Alka».— [Prieiga internet] — http://zam.mch.mii.lt/ZKD_trumpai.htm#pla %E8iau.

16. Partijos programa // Žemaičių partija.— [Prieiga internet] — http://zemaiciupartija.lt/partijos-programa.

17. Pichel, C. L. T. Žemaitija: nežinoma istorijoje / C. L. T. Pichel.— Klaipėda : Samogitia Media, 2007.

18. Subačius, P. Antanas Baranauskas apie žemaitišką ir lietuvišką tapatybę / P. Subačius // Žemaičių istorijos virsmas. Iš 750 metų perspektyvos ; sud. A. Ivinskis.— Vilnius : Aidai, 2004.— P. 183–198.

19. Velėnaitis, J. Laiškas apie Žemaičių Žemę / J. Velėnaitis. // Vakarai.— 1938.— № 216.— P. 6.

20. V-tis, K. «Alkos» muziejų atidarius / K. V-tis // Žemaičių prietelius.— 1932.— № 10.— P. 2.

21. Žemaičių partija // Žemaičių partija.— [Prieiga internet] — http://zemaiciupartija.lt.

И. А. Лапина
Санкт-Петербург, Российский государственный
педагогический университет имени А. И. Герцена

Социально-психологические барьеры как причины фантомных межэтнических конфликтов: механизмы формирования, проблемы устойчивости

Знание механизмов формирования и функционирования межкультурных барьеров приобретает в наши дни не только теоретическое, но и сугубо практическое значение. Стремительное изменение культурного ландшафта крупных городов и целых регионов вызывает серьезную социальную напряженность. В этой связи становится актуальной проблема поиска образовательных технологий и методик, направленных на изучение проблем этнонациональных отношений и формирование адекватного отношения к ним. Данная публикация является попыткой обобщения некоторого опыта изучения социально-психологических межкультурных барьеров в курсе этноконфликтологии в педагогическом университете.

В существовании межкультурных барьеров, как известно, есть две стороны. Позитивной стороной устойчивости культурных границ является культурное многообразие, которое необходимо сохранять и развивать. В таких городах как Петербург, который

рос как столица империи и на протяжении более 300 лет формировался как поликонфессиональный и полиэтничный мегаполис, это чувствуется, как нигде более. Невозможно представить себе архитектурный облик города без шедевров итальянской, французской и немецкой архитектуры, без примеси голландского колорита и шведских шпилей, но стоит помнить, что все это великолепие создавалось руками татар и «чухонцев» [3, 4, 9]. Сегодня в Петербурге существует множество культурно-национальных автономий. Программа правительства города «Толерантность» (имеющая с 2014 г. другое название — «Создание условий для обеспечения общественного согласия в Санкт-Петербурге»), направленная на утверждение взаимопонимания и уважительного отношения людей друг к другу, безусловно, имеет положительный эффект.

Однако лавинообразный приток иммигрантов, грозящий не только перераспределением ресурсов, но и деформацией традиционных европейских культурных ценностей, вызывает мигрантофобию, которая становится постоянно действующим явлением общественного сознания. Межэтнические конфликты, имеющие реальную почву, усугубляются фантомными конфликтами. Здесь мы сталкиваемся с отрицательной стороной существования межкультурных барьеров, затрудняющих согласование интересов и целей различных этнокультурных групп. Применительно к современным проблемам можно сказать, что наличие культурных барьеров затрудняет интеграцию мигрантов в принимающие сообщества и порождает всевозможные эксцессы. Группу риска, открытую ксенофобским установкам и подверженную экстремистским настроениям, составляют подростки с характерной для них неопределенностью социальных идентификаций, доминированием эмоционального восприятия, категоричностью и импульсивностью мотиваций. Будем считать, что именно эта социальная группа является целевой аудиторией наших будущим педагогов. Как научить молодежь правильно воспринимать культурные различия?

Толерантность — это форма рационального самоконтроля. Это — меньше, чем альтруизм, но больше, чем покорность перед лицом угроз. Толерантное сознание опирается на знание и разум, предполагает способность к рефлексии. Попробуем продемонстрировать некоторые способы выработки рефлексивного мышления на материале этноконфликтологии, которая сложилась как

междисциплинарная и практико-ориентированная область обществоведческого знания. Структура нашего курса предполагает знакомство с основами этнологических знаний, с аналитическим инструментарием общей теории конфликта, анализ классических примеров этнических конфликтов и рассмотрение современных региональных проблем.

Изучение исторических причин формирования негативных стереотипов восприятия отдельных этнических групп неизменно приводит к выводу о том, что в основе образования социально-психологических барьеров лежит определенная система ценностей. Именно ценностные ориентации, которые когда-то фиксировались в традициях, в религиозных догматах, а позднее — в политических учениях, таких как либерализм, социализм, национализм, играют главную роль в формировании межкультурных границ. Значение идеологических факторов как важнейших конструктивных элементов разных культур хорошо раскрывается на примере расхождения двух авраамических религий, определивших судьбу Европы — иудаизма и христианства. Сопоставление различных трактовок исходных идей в иудаизме и христианстве позволяет продемонстрировать, каким образом те или иные ценностные ориентации становятся инструментами конструирования межкультурных барьеров.

Триада, которая определяет сущность культурных границ — это идеология, организация, ритуал. Мы видим, что расхождение между иудаизмом и христианством началось на уровне понимания *отношений между Богом и людьми.* Трактовка Единого Бога: в иудаизме — «Нет Бога, кроме Бога». В христианстве Бог предстает в образе Святой Троицы. Вера в Троицу и Христа как богочеловека приспособила абстрактную монотеистическую идею к образному сознанию язычников и способствовала утверждению единых социальных норм — Закона, но, кажется, навсегда развела в разные стороны иудаизм и христианство. Мессия в иудаизме трактуется как политический вождь, в христианстве — как идеал для подражания. В понимании Закона и справедливости иудеями важнейшим принципом является неизбежность воздаяния за грехи, христианство же дает надежду на прощение, на милосердие Господа, призывая людей быть такими же милосердными, как он. Изображая всемирную историю как непрерывный процесс совершенствования человечества, призывая к смирению собственной

гордыни и отказу от стяжательства, христианство стало универсальной социально-педагогической системой.

Сверхпрочные барьеры создает разница в *понимании границ религиозной общности.* Иудаизм настаивает на богоизбранности одного народа, внушая ему мысль о великой чести нести Закон людям. Границы общности — семья, род, еврейский народ. Принципиальным отличием христианства стало отрицание этнических перегородок. Апостол Павел провозгласил: «Нет ни эллина, ни иудея», вера в Христа доступна всему человечеству, все люди — братья. В политическом отношении Закон Божий для евреев всегда был выше светских законов, что неизбежно порождало подозрение в двойной лояльности со стороны властей. Христианство, следуя своей цели — объединить все человечество — принимало принцип симфонии царства и священства. В организации взаимосвязи для иудеев была и остается характерной традиция общинного самоуправления, принцип гражданского общества. Христианская церковь превратилась из общности верующих в политический институт, равнозначный государству.

Существенные различия сложились и в *ритуальной системе.* Жертвоприношение в иудаизме имеет конкретный, материальный смысл, принося пользу общине. В христианстве идея жертвы принимает философский характер, призывая людей к самопожертвованию ради других. В следовании принципу религиозной чистоты для евреев важным моментом является формальное соблюдение традиционных предписаний, цель христианских постов — не диета, а воспитание воли. Понятно, почему правоверный еврей опасался сесть за один стол с христианином: он боялся принять некошерную пищу, у христианина же это рождало подозрительность. Наконец, мы видим, что в календаре и праздниках иудаизма и христианства сакрализируются разные события: в иудаизме — события Ветхозаветной истории, в христианстве — события, изложенные в Евангелиях. Таким образом, можно сказать, что иудаизм и христианство шли к одной цели — к миру и справедливости, к Царству Божьему, но предлагали следовать к этой цели разными путями.

Благодаря новым трактовкам исходных идей иудаизма, христианство вызвало культурную революцию в Римской империи: из *субкультуры* оно превратилось в *контркультуру,* а затем стало *доминирующей культурой.* А евреи превратились в гонимое

меньшинство… Сюжет канонических Евангелий о суде над Христом стал основанием обвинения христианами евреев в богоубийстве. В период средневековья евреев обвиняли в ритуальных убийствах, в умышленном отравлении христианских колодцев, в осквернении христианских ценностей, а если они принимали христианство — в двоеверии. Подозревая в двойной лояльности, их ограничивали в правах или депортировали…

История европейского антисемитизма может рассматриваться в качестве классического примера этноконфессионального конфликта, демонстрирующего механизмы развития социальной вражды. Значение этого примера заключается еще и в том, что он показывает, к каким страшным последствиям может привести эта вражда. Логические схемы, придуманные конфликтологами в качестве инструментария для анализа социальных конфликтов, основаны на обобщении исторического опыта. Они как нельзя лучше применимы к истории антисемитизма. Пирамиду ненависти — динамическую структуру конфликта — можно рассматривать как огромный айсберг, вершиной которого является Холокост, а основание скрыто в глубине веков. Эта пирамида состоит из множества маленьких пирамид — инцидентов более локального масштаба, происходивших в разное время [8].

Рассматривая социологическую структуру конфликта между еврейским меньшинством и европейским большинством, мы видим, что один из субъектов конфликта на протяжении долгого времени остается почти неизменным: это — еврейская община, сохраняющая традиционные ценности. Менялась противоположная сторона, и разными значениями наполняется третий элемент этой формулы — «третьи лица», которые могут занимать ту или иную позицию (быть защитниками, пособниками или безразличными наблюдателями). Под воздействием культуры Просвещения вместе с религиозным фанатизмом должен был бы исчезнуть и христианский антисемитизм, тем более что значительная часть еврейства была готова принять и принимала новые ценности. Почему же он не исчез, а лишь приобрел новые очертания? Реальной причиной социальных конфликтов всегда является ограниченность ресурсов. Большинство имевшихся реальных причин антисемитизма можно объединить в одну: конкурентоспособность евреев в новых исторических условиях. Не имея собственной земли, евреи занимали свободные ниши, их территорией стали

банки, промышленные предприятия, страницы книг и журналов, университетские кафедры. Еврейское меньшинство стало конкурентоспособным в сфере экономики и духовной культуры, а «титульные» нации, в свою очередь, требовали преференций от государства и получали их.

Но были и идеологические причины укрепления «культурных границ» — это поиск культурной идентичности «молодыми» нациями, а также взращенный на почве позитивистской философии сциентизм — доверие к научным гипотезам. В условиях строительства немецкого государства и поисков новой идентичности некоторые представители позднего немецкого романтизма заявили о кризисе европейской культуры и стали отвергать монотеистические ценности, призывая к новой культурной революции [8]. Особое значение в формировании антисемитизма XX века имела аргументация с позиций расовой теории антропосоциогенеза, ставшая одним из краеугольных камней идеологии немецких нацистов. Френология — раздел физической антропологии, изучающей строение черепа, стала особенно удобной для обоснования идеи расовой гигиены.

Национальное унижение Германии в результате поражения в Первой мировой войне оказалось питательной почвой для *антикоммунизма* и *реваншизма*, объединившихся с *идеей расовой гигиены.* Эти три идеи послужили основными конструктивными элементами воинствующего германского национализма и превратились в орудие его агрессивной международной политики. С точки зрения правового определения геноцида вопрос о том, было ли уничтожение евреев результатом осознанного и целенаправленного решения или страшные последствия были непредвиденными, наверное, имеет значение. С точки зрения морали, как нам кажется, это значения не имеет, как представляется бессмысленной и дискуссия о числе жертв. Знакомство с особенностями Холокоста на оккупированной территории СССР доказывает, что история Катастрофы — не еврейская история, она касается всех нас. Более того, в отличие от истории Троянской войны, она вполне современна. Нам важно подвести студентов к осознанию того, что в роли гонимого меньшинства вполне могут оказаться русские в Прибалтике, сирийцы в Западной Европе, таджики в Петербурге.

Что может предложить система образования для объяснения современных миграционных процессов и ответа на вопрос, как

преодолевать межкультурные барьеры в человеческих отношениях? В школьной программе есть курсы истории и обществознания, в которых можно успешно использовать подходы к анализу миграций и проблеме расширения этнических диаспор, выработанные разными социальными дисциплинами [16]. Так, история может рассказать о возможных сценариях взаимоотношений миноритарных групп и принимающей стороны. Культурная антропология знакомит с традициями и моделями поведения иммигрантов и ролевым поведением принимающей стороны. С точки зрения демографии и экономики, миграционный поток в «стареющий» северный регион из южных регионов, представленный мужчинами от 18 до 45 лет — это замечательно, потому что из всех качеств потенциального брачного партнера девушки 18–23 лет предпочтут ответственность за семью и детей, отсутствие дурных привычек и обходительность — то есть качества, которые прививаются культурой ислама. Зато политология покажет, что пока существуют этнические диаспоры, самый простой путь решения ими экономических проблем — лоббирование своих интересов через представителей власти и подкуп чиновников… Важно учитывать все это при составлении образовательных программ.

Принимающее сообщество должно выработать *взвешенную позицию к этнической миграции.* Надо помнить, что процессуальная сторона адаптации мигрантов включает два момента: познавательный (узнавание ситуации, обучение новым образцам поведения) и психологический (усвоение принятых в данной среде критериев поведения). Можно выучить русский язык и даже сдать экзамен по истории России, но психологическая переориентация происходит значительно труднее и дольше. Из всех типов адаптации мигрантов в различных сферах жизни в новых условиях — адаптации к структурам и системам, адаптации к этнической колонии, адаптации в личных вопросах, адаптации к формам участия в гражданском обществе, адаптации к жизненным ориентациям местного населения — именно последняя происходит сложнее всего.

Будущие педагоги, как сознательные граждане, должны знать о разграничении полномочий между государством и обществом в предупреждении националистического экстремизма. Методы *государственно-правового противодействия националистическому экстремизму* включают в себя совершенствование правовой

системы, оперативную работу полиции и служб безопасности, сбалансированную миграционную политику, совершенствование системы социальной защиты, создание предпосылок для реализации культурных потребностей различных социальных и возрастных групп, обеспечение должного уровня и качества образования граждан, создание условий для усвоения трудовыми мигрантами правовых и культурных норм принимающего общества и др. То есть, все то, чего мы вправе ожидать и требовать от государства как добросовестные налогоплательщики.

Однако желание внутреннего мира с одновременным стремлением к сохранению культурного наследия обязывает и общество к проявлению активности в этом направлении. К методам *общественного противодействия националистическому экстремизму* относятся просвещение в области истории преступлений и геноцидов на расовой и этнической почве, общественное порицание и отказ в публичности, психолого-педагогическая помощь и профилактика, инкорпорации несистемных экстремистов в более цивилизованную среду, общественный мониторинг экстремизма, его профилактика и нейтрализация на низовом уровне, выявление ситуации культурного непонимания в поведении представителей разных этнических групп, межкультурное и кроскультурное образование: «узнавание» друг друга и поиск общих культурных ценностей. Ибо, как сказал Дж. Ст. Милль, у нас «нет другого пути, как согласиться с необходимостью совместного проживания в условиях равноправия и законности».

Литература

1. Дмитриев, А. В. Конфликтогенность миграции: теоретические и практические проблемы / А. В. Дмитриев // Социологическая наука и социальная практика.— 2015. № 1.— С. 16–29.

2. Зубок, Ю. А. Молодежный экстремизм: сущность, формы, проявления и тенденции [Электронный ресурс] / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров — М. : ACADEMIA, 2009. — Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/884/633/1219/Zubok_4.pdf.

3. Конструирование этничности : Этнические общины в Санкт-Петербурге /ЦНСИ–Институт Восточной Европы Свободного университета Берлина / под ред. В. Воронкова, И. Освальд.— СПб. : Дмитрий Буланин, 1998.

4. Многонациональный Петербург : карта-путеводитель. Вып. 1 / МЦБС им. М. Ю. Лермонтова.— СПб, 2010.

5. Ницше, Ф. Антихристианин. Опыт критики христианства / Ф. Ницше // Сумерки богов / Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм [и др.].— М. : Политиздат, 1990.— С. 3–67.

6. Нойманн, Ф. Л. Бегемот. Структура и практика национал-социализма / Ф.Л. Нойманн 1933–1944.— СПб. : Владимир Даль, 2015.

7. Пленков, О. Ю. III Рейх. Социализм Гитлера (очерк истории и идеологии) / О. Ю. Пленков.— СПб. : Нева, 2004.

8. Поляков, Л. История антисемитизма. В 2-х кн. /Л. Поляков.— Иерусалим ; Москва : Гешарим, 1997.

9. Религии Санкт-Петербурга. Историко-культурный атлас / под ред. В. В. Аржанухина.— СПб. : Союз, 2002.

10. Садохин, А. П. Межкультурные барьеры и пути их преодоления в процессе коммуникации [Электронный ресурс] / А. П. Садохин // Обсерватория культуры : Журнал — обозрение, 2008. — № 2. — С. 26–3. — Режим доступа : fapcom.ru/files/Monitoring/ sadohin_mejcult_barrier.pdf.

11. Телушкин, Й. Еврейский мир. Важнейшие знания о еврейском народе, его истории и религии / Й. Телушкин.— Иерусалим ; Москва,1998.

12. Хабермас, Ю. В. поисках национальной идентичности: Философские и политические статьи / Ю. В. Хабермас.— Донецк : Донбасс, 1999.

13. Холокост на территории СССР. Энциклопедия / рук. проекта и гл. редактор И. А. Альтман.— М. : РОССПЭН, 2009.

14. Христианство [Электронный ресурс] // Электронная еврейская энциклопедия. —Режим доступа : www/eleven.co.il.

15. Экстремизм в среде петербургской молодежи: анализ и проблемы профилактики / под ред. А. А. Козлова. — СПб. : Химиздат, 2003.

16. Юдина, Т. Н. Социология миграции : учебное пособие для вузов / Т. Н. Юдина.— М. : РГСУ, 2006.

Т. В. Лашук, Т. Г. Давидович
Минск, Белорусский государственный университет

Интегрированное преподавание немецкого языка как иностранного

На занятиях по немецкому языку как иностранному необходимо ориентироваться на требования Единой европейской системы оценки владения иностранными языками (GeR). Согласно этому документу, обучаемые должны овладеть рядом компетенций, которые, среди прочего, помогают им знакомиться с окружающим миром вне стен учебного заведения как на родном, так и на иностранном языках и использовать и углублять полученные знания

в рамках межкультурного обучения. Из осознания и понимания отношений между реалиями исходной страны и реалиями страны изучаемого языка (это сходства и существенные различия) возникает межкультурное сознание. Таким образом, благодаря занятиям по иностранному языку, ученики должны быть в состоянии соотнести (свою) исходную культуру и чужую культуру.

Этот взгляд на другие культуры концентрируется, с одной стороны, на различиях в повседневной жизни или на обычаях, традициях и национальных особенностях. С другой стороны, невозможно узнать менталитет и мироощущения представителей других культур, если на занятиях по иностранному языку не будут представлены такие сферы культурной жизни, как музыка, искусство и литература.

Межкультурная компетентность включает в себя определенные знания и навыки:

– хорошее знание родной культуры,

– способность смотреть на свою национальную культуру глазами представителей другой,

– определенные знания и представления о других культурах,

– способность вникать в ситуации людей из других культур,

– признание наличия различий между культурами,

– способность гибко действовать в зависимости от складывающихся ситуаций,

– способность открыто и без страха идти на контакт с чужими культурами и незнакомыми людьми.

Исходя из вышесказанного, ориентирующиеся на данные принципы занятия по иностранному языку делают возможным осуществление как межкультурного, так и интегрированного (междисциплинарного) обучения. Преподавание профессионально ориентированного немецкого языка предполагает обучение таких учащихся, для которых немецкий язык не является родным. Как следствие, данный вид преподавательской деятельности сопряжен с языковыми проблемами. Так как немецкий язык как иностранный является не только средством транспортировки специальных знаний от преподавателя к обучаемому, но и инструментом взаимодействия с содержанием каждой отдельной специальности на когнитивном и эмоциональном уровнях, соотношение между передачей знаний по специальности и руководством по обучению по овладению системой иностранного языка должно быть очень взвешенным, чтобы оно соответствовало этим обеим целям. В качестве при-

мера можно сослаться на опыт преподавателей кафедры немецкого языка БГУ, которые создали ряд учебно-методических комплексов в рамках дисциплины «Профессионально ориентированный иностранный (немецкий) язык». Это УМК по математике, физике, биологии, истории, экономике и менеджменту, правоведению. Данные УМК созданы по модульному принципу. Модуль социального общения охватывает социально-бытовое, социокультурное и социально-тематическое общение. Модуль профессионального общения включает учебно-профессиональное и производственное общение.

Специфика таких занятий заключается в их сильном погружении (иммерсии) в данные предметы и специальности. А межкультурный подход имеет свое особое, прочное место в интегрированном преподавании немецкого языка и таких культурологических, эмоционально насыщенных составных частей соответствующих культур, как искусство, музыка, литература и пр. Именно в эпоху глобальной попкультуры и огромного, почти выходящего за пределы мыслимых и немыслимых границ массива информации, имеющегося в Интернете, взаимодействие иностранного языка, с одной стороны, и музыки и искусства, с другой, соответствует интересам молодежи, более того, оно соединяется с имеющимся опытом молодых людей и предлагает им освоение чужой культуры, исходя из собственного опыта и имеющихся взаимосвязей с ней. Уроки в рамках междисциплинарных занятий дают возможность знакомства с культурой и за пределами учебной аудитории, а работа с музыкальными и художественными произведениями

способствует также формированию компетенций в области иноязычного языка образования.

Искусство на занятиях по немецкому языку как иностранному. Произведения живописи особенно хорошо подходят для придания занятиям как творческого, так и лингвистического характера, когда, например, описываются действия, эмоции и отношения между людьми, когда в центр внимания учащихся попадают исторические места и природные ландшафты или когда описываются также личные чувства и переживания. Использование дополнительных произведений искусства благотворно влияет на течение самого занятия, вызывая более или менее продуктивное возбуждение и альтернативные способы языковой обработки и интерпретации содержания со стороны учащихся. Искусство имеет своей задачей создавать как эстетическую, так и этическую ценности, которые у созерцателей ведут к другой, новой, более сложной перспективе и интерпретации увиденного.

Аналогично использованию музыкальных произведений, воздействие и значение художественных полотен часто очень трудно может быть описано вербально. Произведения искусства воспринимаются разными людьми индивидуально и вызывают у них различные эстетические ощущения, которые не всегда согласуются с чужими мнениями. Поэтому интегрированные занятия по иностранному языку должны воспитывать толерантность, это значит, принятие различных мнений, так как каждый обучаемый должен иметь шанс сформировать, представить и защитить свою собственную интерпретацию художественного произведения. На данных занятиях участники учатся понимать самих себя. Если вначале они что-то и не понимают, то хотят это понять. Тем самым у них развивается способность к оценке и интерпретации и расширяется общеобразовательный уровень. И только когда учащиеся сами поймут, чего они хотят, можно переходить к процессу обмена мнениями с соучениками относительно смысла и идеи художественного произведения. Таким образом, искусство может вызывать языковые действия и потребность в коммуникации.

Чтобы успешно использовать на занятиях по иностранному языку аспекты искусства, целесообразно уже на начальных стадиях приучать учащихся к обращению с художественными и музыкальными произведениями. Только таким образом они будут подготовлены к объяснению и интерпретации содержащихся в них

посланий и сигналов. Чтобы избежать неудач, которые могут привести к потере мотивации, подобная конфронтация, в пределах которой необходимо постоянно обсуждать значение произведения, может быть осуществлена только по принципу «от простого к сложному». Учащиеся бережно подводятся к отдельным аспектам искусства, при этом они также должны иметь поле деятельности для своего творческого опыта или эксперимента.

Используемые на занятиях по немецкому языку как иностранному методы и приемы, ориентированные на вербальные и невербальные действия и на конечный продукт, обращаются к разным индивидуальным способностям учащихся. Кроме того, они посредством личных и совместных успешных действий учащихся усиливают у них чувство собственной значимости. Поэтому такой подход к аспектам искусства и музыки на занятиях по иностранному языку должен быть постоянно связан с так называемым «учением головой, сердцем и руками», т.е. целостными методами преподавания. Индивидуальные условия и предпосылки учащихся также должны учитываться в рамках дифференцированного набора заданий, чтобы способствовать прогрессу каждого индивидуально.

Так как художественные и музыкальные произведения невозможно толковать однозначно, они стимулируют у учащихся фантазию и вызывают такие языковые действия, которые при других обстоятельствах очень редко имеют место на занятиях по иностранному языку: выражение предположений, симпатии или антипатии, согласия или несогласия и т.п. Кроме этого, субъективный элемент интерпретации, полной фантазии, дает учащимся возможность активно и заинтересованно участвовать в происходящем на занятиях.

Как следует из вышесказанного, междисциплинарное занятие по музыке и искусству на немецком языке как иностранном имеет связующую функцию с двуязычным иммерсионным занятием по специальности. Поэтому преподавателям следует тщательно и основательно готовиться к урокам. Преподавание иностранного языка требует от педагогов уверенного и пошагового подхода.

Но наряду с чисто языковой работой по специальности существует целый ряд других факторов, которые играют значительную роль для успешного интегрированного занятия и которые представлены в следующем обзоре:

• Аспекты специального занятия по музыке и искусству интегрируются в занятия по немецкому языку как иностранному таким образом, что учащиеся приобретают как языковые, так и профессиональные компетенции.

• Иностранный язык является не только предметом, но и, прежде всего, элементарным аутентичным коммуникативным средством на уроке и для урока по немецкому языку как иностранному. Таким образом, иностранный язык представляет собой одновременно средство коммуникации и содержания.

• Междисциплинарное занятие по музыке и искусству на немецком языке как иностранном способствует развитию навыков и умений учащихся. Оно превращает «немые» образовательные процессы в речь.

• Такое занятие предоставляет учащимся возможность действовать индивидуально.

• Оно способствует взаимодействию музыкального и художественного произведения и слушателя/зрителя на основе эстетического подхода.

• Междисциплинарное занятие по музыке и искусству на немецком языке базируется на целостных принципах и способствует обучению с помощью всех органов чувств, ориентированному на действие.

• Оно расширяет компетенцию учащихся при разработке методов и способов планирования, что касается:

– вопросов и оценок;
– предположений и толкований;
– предугадывания и идентификации.

• Междисциплинарное занятие на немецком языке использует проектно-ориентированные методы.

• Оно помогает осуществлять межкультурное коммуникативное обучение.

Литература

1. DaF unterrichten. Basiswissen Didaktik. Deutsch als Fremd- und Zweitsprache / M. Brinitzer [et al.].— Klettverlag, Stuttgart, 2013.

Х. Э. Мамутова
Симферополь, Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского

Межкультурная коммуникация и культурная идентичность в соверменном мире

В условиях непрерывных глобализационных процессов межкультурная коммуникация выступает не просто средством общения представителей различных народов, наций и континентов, но и важным инструментом их взаимодействия, направленного на достижение общих целей. Таким образом, углубленное исследование процесса межкультурного взаимодействия, предпосылок его осуществления и выявление основных факторов, которые могут повлиять (прямо или косвенно) на эффективность такого взаимодействия, является актуальным вопросом сегодня. К тому же тот факт, что постоянное пребывание личности в интернациональной среде может вызвать трансформационные процессы в ее сознании и приводит к снижению ее культурной или национальной самоидентификации, не вызывает сомнений. Именно поэтому выяснение характера влияния на личность и потенциальных последствий этих процессов требует анализа.

Как сложное многомерное и многофункциональное явление, идентичность включает в себя всю совокупность взаимоотношений и связей личности в окружающей среде, тем самым оказываясь внутри социокультурной действительности и сочетая в себе такие понятия, как лицо, культура и общество. Отсюда наблюдается два вида развития каждой национальной культуры: во-первых, как неповторимой, уникальной по форме, во-вторых, как части мировой культуры.

В обоих случаях национальная культура выступает не только инструментом выражения человеческого начала в определенной форме, а и выше — иерархическим звеном для него, то есть включает его в себя. Таким образом, каждая культура устремлена к совершенствованию общепринятых человеческих норм и ценностей.

В то же время представителей разных культур отличают по определенным наборам уникальных свойств, характерных для отдельных групп. Это позволяет говорить о культурной идентичности, суть которой заключается в осознанном признании

личностью соответствующих культурных норм и образцов поведения, ценностных ориентаций и языка, в понимании своего «Я» с позиций тех культурных характеристик, которые приняты в данном обществе, в отождествлении себя с культурными образцами конкретного общества.

Довольно часто возникают противоречия между усилиями общества и националистических сил, несущих свою пропаганду. Преувеличение роли национальных ценностей в обществе, находящемся в процессе динамичного развития, в первую очередь связано с экономическим и социальным кризисом страны, усилением интересов большинства, которые, как правило, скрываются за навязанными обществу национальными мотивами. По мнению А. Е. Сук, таких негативных проявлений не наблюдается, например, в религии. Ни одно из основных направлений религии (христианство, ислам, буддизм) не выделяет людей по национальному признаку. Националистические тенденции в эпоху перемен становятся благоприятной почвой для развития идей национализма. Это происходит, потому что лишенный общечеловеческих социальных идеалов человек выдвигает на первый план идеологию национальную. Но несмотря на то, что идея «национальной исключительности» стала сегодня частью нашей жизни, даже самых реалистично мыслящих людей привлекает идея национальной исключительности, и, к сожалению, это не является идеей национального самосознания [12].

Таким образом, идея национализма распространена среди различных групп развивающегося общества, и состоит в культивировании исключительности и отличия от других наций, однако на самом деле в большинстве случаев она не идентична идее национального сознания или идентичности.

Следует помнить, что основными субъектами и непосредственными носителями культуры являются люди и различного рода взаимодействия, которое происходят между ними в социокультурной среде. В процессе взаимодействия личности с другими представителями социума отображается принадлежность к собственной культуре, а именно к культуре государства, в котором она родилась и выросла, и к народу, представителем которого она выступает. При этом любые особенности своей культуры человек воспринимает как должное, а восприятие и осознание ею других форм поведения, мышления, образа

жизни происходит только во время ее взаимодействия с представителями других культур и народов. Впечатления о мире трансформируются в сознании человека в идеи, установки, стереотипы, ожидания, которые становятся для нее регуляторами поведения и общения.

Таким образом, через взаимодействие людей друг с другом, понимание и противостояние их культур происходит становление личной национальной, культурной идентичности человека, формируется представление личности о своей роли в социальной или этнической группе, то есть осознание им принадлежности к собственной культуре.

Почти все сферы культурной жизни (образование, наука, религия, моральные ценности и другие) способствовали развитию цивилизаций и сближению народов. Но, с другой стороны, в мире продолжают сосуществовать и взаимодействовать различные культуры, каждая из которых характеризуется уникальными свойствами.

Культурная идентичность человека представляет собой осознание собственного «Я», восприятие и анализ собственных поступков и форм поведения, норм и ценностей с позиции правил, господствующих в данном обществе. Внешней формой проявления идентичности являются ее маркировки, то есть определенный показатель, который должен быть сквозным и присущим определенной группе, этносу или народу. Одними из наиболее значимых символов идентификации являются язык, стиль одежды, питания, образ жизни, религия, традиции.

Каждая нация уважает, несет и хранит традиции своей культуры, но, учитывая культурную границу, она может заимствовать традиционные достижения других народов, тем самым обогащая собственное культурное наследие. От обогащения национальной культуры зависит и развитие общечеловеческой культуры в целом. Народ усваивает достижения других народов органично, в соответствии со своими потребностями и национальными свойствами, что и обеспечивает нормальное развитие национальной культуры.

Следует отметить, что не каждый человек осознает границы собственной культурной идентичности. Но в любом случае весь набор символов-маркеров укрепляет его принадлежность к собственной культуре. Так, Т. В. Потапчук отмечает существование

двусторонней связи между языком и идентификацией. С одной стороны, использование языка как культурного смысла и маркера является следствием идентификации, с другой — существование языка является необходимым условием самоидентификации человека в культуре [9].

Необходимость как этнической, так и национальной идентификации проявляется в трех основных базовых психологических потребностях личности:

1) потребность в безопасности и защите;

2) потребность в принадлежности к общности, к группе: как показал Э. Фромм, в условиях острого социального кризиса и атомизации социума, лицо готово променять найденную (или навязанную) свободу на чувство безопасности и принадлежности к группе. По Э. Фромму, именно универсальная потребность в идентичности стоит за стремлением людей к получению социального статуса и за конформизмом как одним из четырех психологических механизмов «бегства» от свободы [7];

3) потребность в самовыражении собственного «Я», самобытности и уникальности себя как личности дает право не походить на других.

Соединяясь, эти базовые потребности проявляются в процессе индивидуализации и самоидентификации личности.

Таким образом, процесс взаимодействия представителей различных культур предусматривает соотношение в их коммуникации общечеловеческого и национального, что, в свою очередь, представляет собой процесс диалектического взаимодействия: национальное относится к общечеловеческому как единичное, особенное — к общему. В этом случае каждый участник межкультурной коммуникации выступает представителем целой нации и входит в процесс взаимодействия на таких основаниях. Общечеловеческое же проявляется в непосредственном диалоге культур в национальном и через него, и если они основываются на одинаковых принципах гуманизма, то эти элементы взаимодействия не противоречат друг другу, а процесс диалога культур завершается эффективно.

В культурологии и межкультурной коммуникации идентичность является основанием для национального и культурного тождества, индикатором своего и противоположностью чужому. Следовательно, межкультурную коммуникацию можно рассматривать как взаимоотношение противостоящих идентичностей,

при котором происходит взаимодействие партнеров по коммуникации. А. П. Садохин определяет культурную идентичность как «принадлежность индивида к какой-либо культуре или культурной группе, формирующей ценностное отношение человека к самому себе, другим людям, обществу и миру в целом» [10]. Представляется важным рассматривать культурную идентичность в качестве одного из значимых инструментов, который оказывает влияние на сам процесс коммуникации, тем более что самоопределение в культуре невозможно без знания других культур в условиях культурного плюрализма. Таким образом, можно сделать вывод о сущности культурной идентичности, которая заключается в осознанном принятии индивидом соответствующих культурных норм и образцов поведения, ценностных ориентаций и языка, понимании своего «Я» с позиции тех культурных характеристик, которые приняты в данном обществе.

В процессе межкультурной коммуникации каждый человек одновременно решает две важнейшие проблемы — стремится сохранить свою культурную идентичность и включается в чужую культуру [3]. Именно на особенностях разделения представителей всех культур на «своих» и «чужих» основывается круг проблемных вопросов, связанных с культурной идентичностью в межкультурной коммуникации. Вопрос о границе между культурой, которая считается своей, и чужой культурой в процессе межкультурной коммуникации является неизбежным. Обычно «своей» называют ту культуру, с которой человек связан своим происхождением, местом проживания, воспитанием, языком, на котором он говорит и мыслит, традициями, сохраняющимися в его памяти. В. М. Межуев справедливо отмечает, что граница между «своей» и «чужой» культурами устанавливается не только не зависящими от человека обстоятельствами, но и его свободным выбором [6]. Эту границу не всегда легко распознать. К. Леви-Стросс, основывая оппозицию «свой»–«чужой» на принципе организации жизнедеятельности примитивных обществ, отмечал, что свойственный им наивный этноцентризм также имел своей обратной стороной установление дистанций между «своим» и «чужим» [4]. По мнению К. Леви-Стросса, «многообразие человеческих культур в меньшей степени обусловлено изолированностью их носителей и в большей — связями, которые их объединяют» [4].

Анализ теоретических разработок в сфере влияния межкультурного взаимодействия на идентичность общества позволяет утверждать, что быстрое развитие межкультурной коммуникации безусловно оказывает влияние на этническую, национальную и культурную идентичность, причем оно может быть как положительным, так и отрицательным.

Перечислим основные факторы этого воздействия.

В современном мире предусматривается необходимость принадлежности человека как к социокультурной группе, так и к этнической общности. Во все времена наиболее устойчивой социокультурной группой можно считать этносы.

Результатом осуществления противоречивых контактов является нестабильность современного мира, что делает его сложным для постижения и понимания. Это, в свою очередь, побуждает людей к поиску целостности, стремлению к совершенствованию и улучшению собственного бытия. В таких ситуациях личность часто обращается к древним ценностям своего этноса, что является надежной и проверенной основой существования. Отсюда у представителей одной нации или культуры возникает ощущение сплоченности, единства и родства. Осознанность принадлежности к социокультурной группе дает уверенность в трудных ситуациях во время социального кризиса, позволяет динамично и стремительно развивать свою идею.

К указанным факторам воздействия можно добавить и мнение Н. М. Мищенюк о том, что закономерностью развития любой культуры всегда была преемственность в передаче и сохранении ее ценностей, поскольку человечеству необходимо самовоспроизводиться и саморегулироваться. Это во все времена происходило внутри этносов путем связи между поколениями. Если бы этого не было, то человечество не развивалось бы [7].

Перечень факторов влияния межкультурных коммуникационных процессов на национальную и культурную идентичность общества не является исчерпывающим и может дополняться в процессе исследования взаимосвязи этих явлений.

На сегодняшний день более уместным будет рассматривать общечеловеческую культуру как систему социокультурной действительности, а национальные — как отдельные ее элементы. В процессе развития они действуют в тесной взаимосвязи, ведь одна не может существовать без другой.

Можем сказать, что:

– система ценностей является исторической переменной каждой эпохи, которая трансформируется в процессе развития общества;

– общественная (общечеловеческая) и национальная культура — неотъемлемые составляющие друг друга;

– представители различных наций и народностей пытаются сохранить свою идентичность на базе постоянной и определенной этничности и национальности;

– процесс межкультурной коммуникации видоизменяет национальную культуру.

Культурная идентичность является неотъемлемым аспектом межкультурной коммуникации. Можно сказать, что она выполняет двойную функцию. В первую очередь, помогает коммуникантам лучше понять друг друга, предсказать поведение собеседника, то есть облегчить процесс общения. В то же время проявляется ее ограничительная черта, согласно которой возникают конфликтные ситуации. Поэтому именно ограниченность побуждает рационализировать процесс межкультурной коммуникации, позволяя вести разговор в тематическом русле, не касаясь тех аспектов коммуникации, которые могут привести к конфликту.

Межкультурная коммуникация, с одной стороны, способствует культурному сближению между народами через межкультурное общение и познание, с другой стороны, может привести к пересмотру и отказу от некоторых традиционных ценностей собственной культуры, в конечном счете — к утрате культурной самобытности. В результате взаимодействия локальных культур стираются границы между своим и чужим. Тенденция смешения культур становится характерной для отдельных индивидов и целых обществ.

Изучение вопроса формирования культурной и национальной идентичности в условиях межкультурного взаимодействия и глобального мира позволяет сделать вывод о том, что взаимовлияние народов и культур способно привести к силовому противостоянию этносов и к усилению локальных идентификаций. Ярко выраженная тенденция к унификации культур обостряет у некоторых наций потребность в сохранении собственных культурных ценностей. Исчезновение языков, сокращение количества идентичностей позволяют отнести спор сторонников и против-

ников мультикультурализма к одному из основных дискурсов в поликультурном пространстве. Ряд государств и культур демонстрируют категорическое неприятие глобальных культурных изменений. Все это усугубляется наличием нерешенных исторических, геополитических проблем, ведущих к изменению границ политико-экономических пространств, превращению границ между культурами в военные рубежи.

Литература

1. Акопов, С. В. Идентичность в эпоху глобальных миграции / С. В. Акопов, М. С. Розанова.— СПб., 2009.
2. Геллнер, Э. Нации и национализм / Э. Геллнер.— М., 2003.
3. Куропятник, А. И. Мультикультурализм. Нация. Идентичность (перспективы мультикультурного развития России) / А. И. Куропятник // Глобализация и культура: аналитический подход.— СПб., 2003.— С. 126–150.
4. Леви-Стросс, К. Раса и история / К. Леви-Стросс // Путь масок / К. Леви-Стросс.— М., 2000.— С. 323–356.
5. Ломакина, О. Е. В мире межкультурной коммуникации / О. Е. Ломакина.— Волгоград, 2009.
6. Межуев, В. М. Философия культуры в системе современного знания / В. М. Межуев // Личность. Культура. Общество.— Вып. 2 (22).— М., 2004.
7. Міщенюк, Н. М. Сутність та роль культурної та етнічної ідентичності в процесі міжкультурної комунікації [Электронный ресурс] / Н. М. Міщенюк.— Режим доступа : http: //vuzlib.com/content/view/452.
8. Основы теории коммуникации : учебник / под ред. проф. М. А. Василика.— М., 2003.
9. Потапчук, Т. В. Культурна ідентичність особистості: постановка проблеми [Электронный ресурс] / Т. В. Потапчук.— Режим доступа : http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/pspo /2010_27_1/pataphuk.pdf.
10. Садохин, А. П. Межкультурная коммуникация / А. П. Садохін.— М., 2004.
11. Смирнов, П. Национальная идентичность: основные функции и факторы формирования [Электронный ресурс] / П. Смирнов.— Режим доступа : http: //www.rosbalt.ru/smirnov.
12. Сук, О. Є. Діалектика загальнолюдських і національних цінностей у трансформаційних процессах / О. Є. Сук // Вісник Міжнародного Слов'янського університету.— 2008.— № 2.

В. Ф. Мартынов
Минск, Институт современных знаний имени А. М. Широкова

Белорусская культура в системе межкультурной коммуникации

Культура белорусов обладает богатейшим духовным опытом, разнообразными традициями, в которых воплотились самобытные мифологические, религиозные, художественные, нравственные, философские представления. Процессы глобализации привели к пространственному сближению народов, усиливая противоборство различных ценностных установок, проверяя на прочность национальные духовные приоритеты. Не случайно в этом мировом горниле не только обострились этнические столкновения, но и заметно возрос интерес к специфике национального самосознания, самобытности культурного развития. Без осознания собственной идентичности невозможен действенный поиск своего пути в мировом цивилизационном пространстве. И подобно тому, как человек способен совершить множество серьезнейших ошибок и не в состоянии себя адекватно творчески реализовать, если игнорирует познание собственной природы, действуя сугубо по конъюнктурным соображениям, культура в отрыве от своих корней обречена на деградацию. Продвижение самобытных ценностей, сохранение и приумножение национального духовного наследия приобретает особое значение в эпоху техногенной обезличенности, стандартизации, всевозрастающего потребительства, широкого распространения утилитарных установок. За свою историю белорусская культура проходила различные этапы духовной динамики, в которых сплетались язычество, православие, католицизм, униатство, протестантизм, марксизм, авангардизм, постмодернизм, утилитаризм и т.д.

Как неотъемлемая часть восточнославянского мира, белорусская культура нередко становилась мимесической, подражательной, эклектичной, импортируя, в первую очередь, западные идеи, ценности, формы культуры. Так, в XIX в. в лоне индустриальной цивилизации в Германии рождается очень жесткая, рационалистическая идеология — марксизм. Но реформирование общества на основе марксистской идеологии стало осуществляться не на

родине К. Маркса, не в других, наиболее развитых капиталистических странах (Англия, Франция, Голландия), которые с точки зрения марксистской теории подходили для этого более всего. Именно в восточнославянском мире совершается самая масштабная, бескомпромиссная и самая трагичная за всю историю существования мирового сообщества революция. Произошло заимствование, которое раскололо восточнославянский мир в изматывающей, непрекращающейся гражданской войне, оторвало от национальных корней, традиционных культурных ценностей, христианства, пробудило в миллионах людей ненависть и самые низменные инстинкты. Иными словами, органичный, естественный рост восточнославянской духовности нарушался нередко внедрением заимствованных ценностных установок.

На первый взгляд белорусская культура не имеет ярко выраженной доминанты. Нередко полагают, что она тяготеет к маргинальности, транзитивности, эклектичности. Существуют и существовали культуры гораздо более энергичные, имеющие прочный духовный стержень, интегративное ядро (египетская, античная, немецкая, итальянская, французская, американская, индийская, китайская, арабская, японская). Эти и другие культуры смогли создать глобальные религиозные, философские, научные, нравственные, художественные, мифологические системы. Возникает вопрос: есть ли у белорусской культуры свой стержень, который позволяет представить культуру как единое, органичное целое, определить её роль и место в духовном мировом процессе? Или она настолько мозаична, размыта, что не поддается типологизации?

Анализ духовного национального опыта показывает, что такой стержень, базисный элемент есть. По своей фундаментальной направленности белорусская культура представляет собой эмпатический тип культуры, в которой культивируется способность человека к сопереживанию, вчувствованию, толерантности, богатству душевных проявлений, что отражено в самом имени «Белая Русь». Существует достаточно интересное предположение, которое обосновывает филолог П. Крапивин, об этимологической близости слова «Русь» (корень — «рус», «рос») слову «вода» (по-итальянски ruscello — ручей; на лат. языке — ros — роса, влажность и т.д.). Вода, как известно, является символом женственного, чувственного начала, животворного очищения. Белый цвет

символизирует чистоту, любовь, красоту. Эмпатическая направленность белорусской культуры объясняет ее толерантность, «рахманасць», «памяркоўнасць», что проявляется в отсутствии этноцентризма, мирном сосуществовании различных наций, религиозных конфессий. Так, не случайно именно в Беларуси в XVIII в. удалось внедрить такую компромиссную форму христианства, как униатство. Более 70 % населения стали униатами. Эмпатией объясняется и доминирование в белорусской культуре художественного творчества, отсутствие развитых философских, научных систем.

Следует подчеркнуть, что в силу своей архетипической направленности белорусская культура тяготеет не к экспансии, проникaнию, но проникновенности, вслушиванию в мир, гармоническому единению с природой, отсутствию амбициозности, агрессии. Эта ключевая интенция наиболее ёмко выражена в стихотворении А. Мицкевича «Рамантычнасць», которое заканчивается словами: «Май сэрца, глядзі ў сэрца». Когда жизнь отторгает белоруса от этой генеральной линии развития, становится антигуманной, прагматичной, рождается чувство боли, разочарования. Тревога, обеспокоенность по поводу утраты сердечности, эмпатии звучат в произведениях Я. Коласа «Сымон-музыка», М. Танка «Прыснілася», І. Шамякіна «Сатанінскі тур». Известные работы М. Шагала «Я и деревня», «Над городом», «Зелёный скрипач» также аккумулируют интенсивный свет эмпатии.

Эмпатическая направленность белорусской культуры сближает её с восточной культурой, которая основана на культе предков, природной гармонии, пантеизме, женственности, толерантности. Например, менталитету белорусов очень близок японский тип восприятия красоты — ваби. Гармония ваби означает отсутствие вычурного, яркого, броского, витиеватого. Эта прелесть простого, незамысловатого, безыскусного. Воспитывая в себе умение довольствоваться малым, мудрую воздержанность, японцы находят и ценят прекрасное во всем, что окружает человека в естественном мире. Поэтика ваби не приемлет европейского надрыва, жесткого, взвинченного ритма, внешней грандиозности, пышности, помпезности, которые воплотились в готике, барокко, тяжелом роке и многих других формах духовного освоения мира. Ваби обозначает скорее бедность, скудость, скромность. Это стиль тишины, умиротворенности, сопереживания явленному. Но принцип

ваби, утверждая бедность внешнего, открывает красоту внутреннего. Ибо только богатство человеческого духа позволяет высветить ценность незаметного, простого.

И белорусская культура знает множество примеров, когда стиль тишины, бедности внешнего, абсолютного слияния с миром природы привлекает художника (М. Танк, А. Рязанов). Проникновенный тип мироощущения, который доминирует в белорусской культуре, делает особенно близким сердцу красоту василька, который символизирует простоту, неприхотливость, незамысловатость. Можно вспомнить одно из самых известных стихотворений М. Богдановича «Слуцкие ткачихи», где образ василька становится символом родной земли.

И хотя белорусская культура по своей ключевой направленности близка восточной культуре, есть и принципиальное отличие. По своей сакральной глубине восточный менталитет является эмпатическо-мистическим, или эмпатическо-интровертивным, стремящимся к единству с Абсолютом. Восток — это устремлённость к овладению безграничностью внутреннего пространства, это непривязанность к мирскому, это преодоление земного притяжения, это образ парящей в небе птицы.

В белорусской культуре эмпатия проецируется на близкое, локальное, обжитое пространство. Сильно развитое чувство родной земли составляет коренную черту менталитета белорусов. И если для восточного мироощущения Бесконечное становится близким, родным, интимным, то для белоруса близкое становится Бесконечным (бесконечно значимым) в силу пробуждения неисчерпаемых душевных сил, направленных на близкое. Фундаментальное сопричастие к родной земле позволяет отнести белорусскую культуру к типу древообразной, корневой. Весьма символично в этом плане произведение Я. Коласа «Адзінокае дрэва». Когда дерево остается абсолютно одиноким, так как друзья его покидают, мудрый ворон дает ему практический совет: для того, чтобы выжить, необходимо «пусціць глыбей карэнні ўзямлю».

В силу своего географического положения белорусская культура не могла не впитывать западноевропейские ценности. Поэтому белорусский менталитет характеризуется эмпатическо-практической направленностью, потребностью в стабильном земном обустройстве. Практическая направленность белорусской культуры сближает ее с западной культурой.

Однако в белорусском менталитете нет того прагматизма, утилитаризма, индивидуализма, которые характерны для западной культуры. Западная цивилизация представляет собой рационально-прагматический тип духовности, основанный на культе рефлексии, экспансии, покорении, прагматизации «я», что находит свое воплощение в интенсивном развитии науки и техники. Наиболее яркой реализацией такого типа мировосприятия является американская культура. Составляя 5 % населения Земли, американцы потребляют примерно 45 % мировой энергии. Вместе со своими транснациональными корпорациями США дают 66 % всех отходов, загрязняющих природную среду. Прагматическая направленность американской цивилизации побуждает проводить целенаправленную экспансивную, силовую политику при решении всех международных проблем.

Белорусская культура тяготеет не к экспансии, противоборству, силовому давлению, но к гибкому, толерантному диалогу с иными цивилизациями, иными культурными системами. В рамках белорусского этноса всегда осуществлялся органичный синтез пользы и красоты, практически значимого и незаинтересованного, что весьма убедительно отражено в притче М. Богдановича «Васильки». Когда между житом взросли васильки, крестьянин подумал о том, что надо бы избавиться от них. Ведь тучные колосья могли бы взойти на месте васильков. Но потом приходят воспоминания о том, что еще с детства полюбилась красота этих неприхотливых, но пронзительных цветов. И крестьянин решает не вырывать их как обычную сорную траву: «Пусть растут и радуют, как в детстве, сердце мое»,— решает он.

Вот почему для эмпатического типа культуры наиболее деструктивными, чужеродными являются вестернизация в форме рационализации, прагматизации. Некритичное отношение к западным ценностям, безоговорочное заимствование и перенесение на белорусскую почву западных моделей образования, философствования, воспитания, экономического развития и т.д. всегда вносило и продолжает вносить серьезные моменты дисгармонии, диссонанса в органичный, естественный рост национальной культуры, сбивает с собственного ритма движения, подтачивает сакральное ядро национальной культуры. Целенаправленное вытеснение эмпатического прагматическим может обернуться устойчивой культурной зависимостью, подража-

тельностью, утратой творчества во всех сферах национальной культуры.

Белорусская культура духовно близка русской культуре. Обе культуры объединяет осознание ценности душевного опыта, способность к сопереживанию, состраданию, коллективизму. Но существует и принципиальное различие. Историческое развитие зафиксировало одну важнейшую особенность. Русская культура в процессе своей эволюции впитала не столько дух Востока, сколько азиатчины. В известное время монгольская империя на 250 лет заблокировала возможность России для непосредственных глубоких контактов с восточными культурами, Западной Европой, насаждая в процессе захватнических войн вкус к экспансии внешнего пространства, деформируя чистоту эмпатического мировосприятия, культивируя неискренность, вероломство, лицемерие, корыстолюбие, холопскую психологию, бесчувственность, жестокость. Таковым было негативное влияние татаро-монгольского кочевого этноса. Русская культура начинает формироваться как эмпатическо-экстравертивная, нацеленная на овладение далеким. То, что находится за горизонтом, завораживало душу русского человека, манило, вдохновляло. Масштабное мышление, тотальная устремленность к максимальному охвату бытия жаждали воплотиться во всемирных проектах: «Москва — третий Рим», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». А на личностном уровне рождается известная шукшинская фраза: «Позови меня в даль светлую». Русская культура нацелена на формирование глобально-коллективного «я».

Но энергичное, мучительно-напряженное движение к далекому, глобальному изматывало, вытягивая колоссальные творческие силы, отвлекая от укрепления духовного пространства, вовлекая в трагедийность. Казалось бы, далекое приближалось, но оно никогда не становилось подлинно близким.

Белорусская культура всегда грезила не о далеком, но о близком, осознавая значимость «тутэйшасці», сопрягая свое неторопливое движение во времени и пространстве с чувством меры, здравого смысла, избегая крайностей, тяготея скорее не к революционному, а эволюционному пути развития, проявляя заботу не о глобальном, но локальном, конкретном, местечковом, формируя локально-коллективистское «я». Но это близкое, родное оказывалось нередко очень далеким, неподвластным. История складыва-

лась таким образом, что белорус, словно волею злого рока, постоянно отдалялся от родного языка, духовной «спадчыны», родной земли, которые рассматривались как основная точка опоры.

XXI век открыл новые перспективные возможности для развития культуры Беларуси. Существует реальный шанс, позволяющий динамично двигаться по пути самобытного и независимого культурного развития. Ведь только как уникальный, неповторимый тип духовности, в основе которого лежит эмпатическо-практическая направленность, белорусская культура может занять свое достойное место в системе мировой коммуникации.

М. О. Марченко
Симферополь, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского

Гендерная специфика ценностных ориентаций маскулинной женщины в культуре

Современное общество — общество глобальных трансформационных процессов. Проблема гендерной идентичности и гендерных взаимоотношений затрагивает практически все стороны жизнедеятельности человека. На сегодняшний момент биполярная модель «мужское — мужчинам», «женское — женщинам» изменяется, и данный процесс затрагивает каждую отдельную личность, которая доказывает или изменяет свои установки, вследствие чего происходит преобразование личности.

Проблема гендера впервые была поставлена американским психоаналитиком С. Бэм, которая ввела для этого специальные термины и разработала методику определения психологического пола. Если мы говорим о половой принадлежности, то используем понятия «мужской» и «женский», а когда говорим о гендерной идентичности, то пользуемся понятиями «феминный» и «маскулинный». Швейцарский психиатр, основоположник аналитического подхода в психологии, К. Г. Юнг, разрабатывая универсальные принципы маскулинности и феминности, ввёл понятия «анимус» и «анима». Он считал, что анимус и анима никогда не существуют в чистом виде, то есть в любой женщине время от времени проявляется мужчина и наоборот. Впервые различие

в дефинициях «пол» и «гендер» встречается у американского психоаналитика Р. Столлера, который попытался разделить биологический пол и род, т.е. гендер человека, и объяснить тем самым возможность существования в культуре людей женского пола, но мужского рода, и наоборот. Эта категория была призвана объяснить прижизненность возникновения различий в разнообразных социально-психологических характеристиках конкретных женщин и мужчин при принципиальном тождестве их биологии внутри половой группы; социальный характер конструирования противоположной субъектной позиции и активности, а также социального бытия женщин и мужчин на основе транслирования культурных конструктов «феминности» и «маскулинности», обеспечивая тем самым поддержание и воспроизведение укоренившейся социальной системы власти и доминирования.

Пол понимался в качестве анатомо-физиологических, неизменных природных особенностей человека. Он считался незыблемым, неизменным природным основанием, над которым лишь надстраивается социальная реальность (гендер), не затрагивающая сам пол последующими обратными влияниями. Гендер, в противовес биологии, выдвигался как социальный пол, который, исходя из различий в культурно-исторических аспектах обществ, многолик и разнообразен у разных представителей одной половой группы, но, в тоже время, применительно к конкретному субъекту, мыслился неизменным, сформированным социальным конструктом.

Последующая рефлексия позволила отойти от простого противопоставления категорий «пол» и «гендер». Во многом этому способствовали разработки области смыслового пространства гендера. Многоплановый и в то же время противоречивый феминистский дискурс задал открытость и широту эпистемологии нового понятия, на сегодняшний день трактуемого не только в качестве социального конструкта, но и как социальный институт, сеть властных отношений, идеологическая система. Впоследствии данная концепция использовалось представителями феминистской антропологии Маргарет Мид, Элси Парсонс, и др. В России гендерная проблематика подробно изучалась в философии феминизма, в работах О. Ворониной, Т. Клименковой, М. Малышевой, Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной и др., которые рассматривали гендер как социально-демографическую категорию, как катего-

рию субъективности, как социальную конструкцию, культурную метафору. Гендер — сложная многоуровневая система, воплощающая в себе культурно-символическое определение пола. В более узком и строгом смысле гендер обозначает «социальный пол», социально детерминированные роли, идентичности и сферы деятельности мужчин и женщин, зависящие не от биологических половых различий, а от социальной организации общества [6, с. 20].

Гендерное разделение труда и нормы поведения не универсальны, а культурно обусловлены и исторически изменчивы, к ним нужно относиться критически. Совокупность взглядов о феминности и маскулинности, об отношениях полов в разных областях общественного бытия создается в недрах культуры, базируется на ее традициях и выражает практику взаимоотношений среди мужчин и женщин в мире.

В традиционном патриархальном обществе мужчина испокон веков был охотником, добытчиком пропитания, сильной стороной общества. Женщина же была утонченной представительницей социума, которая вела хозяйство, воспитывала детей и была хранительницей устойчивого положения собственного дома. Тем противоестественней является словосочетание «женщина-воин» — женщина, отнимающая, а не дарящая жизнь. Такую женщину мы можем охарактеризовать как маскулинную. Маскулинность — комплекс телесных, психологических и поведенческих особенностей, рассматриваемых и воспринимаемых как мужские, т.е. лидерство, доминирование, агрессивность, самодостаточность, целеустремленность и др. [4].

С понятием маскулинности в культурологии непосредственно связан архетип «девы-воительницы» — женский образ, обладающий сильным характером и обычно занимающийся военным делом [2]. В культурном наследии практически каждого народа можно обнаружить женщин-воительниц: где-то они были традицией, а где-то исключением. При этом практически в любом социуме представители сильного пола утверждали, что война — не женское дело. Французский мастер куртуазного романа Кретьен де Труа в романе «Ивейн, или рыцарь со львом» писал:

Сражаться даме не пристало.
Кровопролитный блеск металла
Не для прекрасных женских рук.
Хороший нужен ей супруг… [3]

Однако зачастую, чтобы найти себе достойного спутника жизни, дочерям Евы необходимо было взять в руки оружие. В истории древней культуры известно множество примеров от царицы амазонок Пентеселеи и Камиллы — героини «Энеиды» римского поэта Вергилия до английской королевы Гвендолин и Василисы Микулишны — супруги Ставра Годиновича. В мифологии архетип девы-воительницы наиболее полно представлен в образах греческой Афины, римской Беллоны, шумерской Инанны, скандинавской Фрейи и др.

Сарматские девушки не имели права выйти замуж, пока не убьют врага. Поляницы — воинственные половецкие девушки — бесстрашно вступали схватку с русскими богатырями. Женщины-ниндзя — куноити — были известны в средневековой Японии. Кодекс бусидо восхвалял женщин, «которые были способны подняться выше несовершенства и недостатков, свойственных их полу, и проявить героическую силу духа, которая могла бы быть достойной самых храбрых и благородных мужчин» [5].

Первая мировая война помогла женщине стать иной, предоставила возможность реализовать себя в новом качестве, как профессионально, дав доступ к недостижимым ранее профессиям и специальностям, так и в гражданско-правовом смысле. Поэтому, наверно, не случайно одна из статей в Женском вестнике была названа «Открытие Америки». В ней отмечалось, что в деревнях и городах мужчины «…открывают Америку по отношению к женщинам». Они с изумлением убеждаются, что женщины способны делать то же самое, что и мужчины. Современники-мужчины даже с ехидством предсказывали, что «…после борьбы с немецким засильем мужчинам предстоит бороться еще с бабским засильем». Заметим, что и в других воюющих государствах отмечалась тенденция завоевания женщинами новых профессий, чувства свободы и ответственности. На эту особенность указывает в своей работе французская исследовательница Эвелин Сюллеро: «… В сфере труда война в некотором смысле как бы пошла на пользу женщинам… Мужчины мобилизованы, и женщины воспользовались этим необычным положением. Именно в 1914–1918 гг. они обрели недосягаемую для них ранее экономическую независимость. И именно во время войны они начали коротко стричь волосы, укорачивать юбки. Миллионы мужчин, вернувшихся домой с фронтов, не узнали своих жен…» [7, с. 168]. В экстремальной ситуации гендерная

идентификация и гендерные стереотипы проявляются гораздо ярче, так как там акцентируется именно маскулинная система ценностей. Первую мировую войну можно назвать своеобразной точкой бифуркации. Бифуркация — от лат. *bifurcatio* — раздвоение, разветвление) — понятие, разработанное в синергетике, но имеющеее категориальное значение, поскольку позволяет более точно представить то, что в диалектическом материализме именовалось «скачком» или «перерывом постепенности», т.е. происходящее в момент появления нового качества [1]. Война породила широкую общественную инициативу женщин, внесла новый импульс в повседневность. Многие из них подчинили свою работу потребностям фронта. Получило распространение движение сестер милосердия. Участие женщин в боевых действиях поначалу не было организованным, это был личный порыв, причем добровольцы скрывали свой пол, выступая в мужском обличье. Тем знаменател феномен прапорщика Марии Леонтьевны Бочкаревой и организованного ею «Первого женского батальона смерти». В период, когда мужчины не видели смысла в проливании крови на войне без идеи, женщины взяли на себя его роль патриота, чему поспособствовала трансформация гендерного статуса женщины, её поведенческих и мотивационных стереотипов. Она воплощает новые гендерные ориентации и, осознавая это, становится активным, дестабилизирующим фактором, способствующим падению стереотипов «мужского мира». Таким образом, происходит некая «ревизия» в каждом поколении заданных культурной символикой стандартов поведения. Этот процесс протекает интенсивно в условиях трансформации структуры общества, например, как мы наблюдали вовлечение женщины в процесс защиты Родины в годы Великой Отечественной войны. Смена гендерных ролевых функций — процесс неоднозначный. Война изменила и внесла новые импульсы в женскую повседневность. Трансформация общественного сознания на личностный уровень конкретной личности проходит через осмысление им ценностных установок, норм и правил гендерного поведения через призму собственного видения, учитывая культурный опыт.

На сегодняшний день заметны существенные изменения и переосмысление роли и образа женщины в обществе. На смену господствующего патриархата приходит согласие и взаимодействие мужчин и женщин.

Литература

1. Бифуркации точка [Электронный ресурс].— Режим доступа : http://terme.ru/dictionary/1071/word/bifurkaci-tochka.

2. Дева-воительница [Электронный ресурс].— Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Дева-воительница.

3. Кретьен де Труа. Ивэйн, или рыцарь со львом [Электронный ресурс].— Режим доступа : http://www.lib.ru/INOOLD/DETRUA/ivane.txt.

4. Маскулинность [Электронный ресурс] // Сексологический словарь.— Режим доступа : http://dic.academic.ru/dic.nsf/seksolog/119.

5. Онна-бугэйся [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Онна-бугэйся.

6. Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой.— М. : Информация XXI в., 2002.

7. Сюллеро, Э. История и социология женского труда / Э. Сюллеро.— М. : Прогресс, 1973.

Н. А. Масюкова

Минск, Минский городской институт развития образования

Социально-культурные и методологические основания практикоориентированной направленности НИР в системе образования

Поиск путей решения проблемы обеспечения практикоориентированной направленности совместных проектных разработок (ученых и практиков) возможен на основе таких оформляющихся в последние годы научных подходов, как антропологический, культурологический, средовой и синергетический. **Антропологический подход** в образовательной интерпретации В. И. Слободчикова [7] постулирует необходимость теоретического и практического сохранения целостности человека как биологического индивида, социокультурного субъекта и духовно-практического существа. Идеи именно этого подхода легли в основание разработанного научным коллективом Национального института образования культурно-исторически-образовательного проекта экспериментального центра начального образования «Фальварак» (2001–2005 гг.).

Средовой подход ([9], [10] и др.) позволяет разрабатывать щадящие, ненасильственные образовательные технологии, смещающие акцент организационно-педагогических усилий с обучающегося на его окружение, включая и самого педагога. Такие

технологии носят название стохастических, или вероятностных. В значительной мере это технологии доверия к человеку и заботы о нем, поскольку направлены они на создание и активное стимулирование использования благоприятной образовательной среды. Идеи средового подхода использованы нами в уже упоминавшемся культурно-исторически-образовательном проекте экспериментального центра начального образования «Фальварак».

Широкими возможностями, ограждающими субъектов образования от грубого управленческо-педагогического вмешательства и значительно снижающими неадекватно высокие амбиции официальной теории и практики педагогики, обладает, на наш взгляд, **синергетический подход**. Одна беда — он еще недостаточно адаптирован для использования в сфере гуманитарных наук.

Культурологический подход ([9], [10] и др.) делает акцент на социокультурной природе личности. Он не столь всеобъемлющ, как антропологический, актуализирует лишь одну из ипостасей человека, но на данный момент идеи культурологического подхода чрезвычайно актуальны. Это связано с тем, что на сегодняшний день в извечном противостоянии социума и культуры чаша весов склоняется отнюдь не в пользу последней. Возвращение поколений в лоно культуры — вот задача, которую культурологический подход считает достойной усилий современных педагогов — ученых и практиков образования. Во времена засилья масскультуры (по сути, антикультуры) спасти человечество от деградации способна только истинная культура, которая, согласно определению В. С. Степина, является ведущим средством воспроизводства и развития человеческой социальности [8].

Единство и взаимосвязь науки и практики должны быть ориентированы на укрепление ведущих культурных функций: сохранения, передачи и развития программ общения, поведения и деятельности (в нашем случае — научно-исследовательской и инновационной), которые в совокупности составляют «социокод», позволяющий каждому последующему поколению профессионалов не начинать с нуля, но продолжать и приумножать достижения предшественников. Такое восприятие культуры особенно значимо для педагогики как науки о способах поддержания связи между живущими и ушедшими человеческими поколениями.

Культура для педагогики (как науки и практики, долженствующей быть нравственной) является постоянным ориентиром

в силу того, что, по И. Канту, она (культура) представляет собой способ достижения морального существования человека, подчиненного нравственному императиву [1]. Во времена массового падения нравов именно культура способна вернуть поколения живущих к истинно человеческому существованию в мире. И здесь задачи культуры и педагогики смыкаются. Педагогика немыслима и недейственна без культуры, так же как и культура не в силах выполнять свои функции без достойной педагогики.

Кроме того, культура обладает не только общественной (социальной), но и личностной значимостью. И. Г. Фихте выделял ее в качестве особой субстанции, обеспечивающей разумную и свободную деятельность «чистого Я» [1]. Ведь культура не только сохраняется и передается, но и творится людьми, самыми достойными представителями человеческого рода. Наделить разумом, помочь становлению личности, предоставить и научить пользоваться свободой — тоже исконно педагогические задачи. Недаром В. И. Слободчиков трактует понятие «образование» как обретение человеком образа своего «Я». С точки зрения культурологической образовательной стратегии, социализация предполагает развитие у растущего человека способностей понимать, адекватно интерпретировать и достойно действовать в окружающем его мире.

Актуальность и сложность рассматриваемой проблематики, совмещающей в себе как чисто научные, так и, в немалой степени, управленческие аспекты требуемых для ее разрешения действий, обусловила комплексный характер используемых философско-методологических оснований. Тем не менее, мы со всей очевидностью можем утверждать, что ядром комплексирования послужили положения, выдвинутые В. А. Никитиным в докторском исследовании по культурологии «Организационные типы современной культуры» [16].

В ходе анализа структуры и содержания современного состояния поднимаемого вопроса автор делает ссылку на современный нам процесс смены форм организации общественной и культурной жизни (переход к информационному обществу, или обществу знаний) и обращает внимание на необходимость адекватных средств описания этого явления: в терминах смены форм культуры, а не только общественных отношений. Показывая читателям необходимость решения этой, безусловно, непростой за-

дачи, автор отмечает, «что только в структуре коммуникативных отношений многих позиций проявляется подлинное устройство общества, и сегодня, думаю, быть культурным — значит быть представленным в этой структуре отношений и представлять себе ее устройство» [16, с. 4].

Особенности организации культуры рассматриваются В. А. Никитиным в контексте развития, в связи с чем автор вводит различение понятий прогресса и развития. «Идея развития подразумевает в качестве критерия адекватное обстоятельствам соотношение искусственных усилий и естественных процессов. Обобщая, можно сказать, что идея развития предполагает множественность точек зрения и возможных путей, формирующихся во взаимодействии носителей разных точек зрения (принципов, парадигм, программ, проектов) по отношению к ситуации. Критерием развития в этом случае будут выступать возможности преодоления кризисов за счет накопления форм адекватных “ответов” на “вызовы” ситуации (в терминологии А. Тойнби)» (там же).

Представленные в тексте и выделенные В. А. Никитиным типы организации культуры — традиционный, корпоративно-ремесленный, профессиональный и технологический, отличающиеся ведущим способом воспроизводства и характером коммуникативных отношений,— позволяют не только произвести диагностику текущего состояния дел, но и наметить работу по переходу к наиболее совершенному типу организации культуры — научно-исследовательской деятельности.

В рамках поднятой в статье тематики значимыми оказываются и положения цитируемой работы о культуротехническом цикле как механизме развития культуры. «Количество артефактов, создаваемых принципиально как новые, не имеющих аналогов в сфере хранения, все возрастает, но при этом получить должную оценку, в том числе в денежном выражении, они могут, как правило, получив социальную и культурную апробацию. Эта апробация проходит в четыре условных этапа: создание артефакта, обусловленного ситуацией и противопоставленного сфере хранения; превращение его в явление культуры; измерение этого явления наличными средствами устройства мира хранения и создание новых размерностей вследствие обнаружения несоразмерности культуры и нового явления (если существует достаточное давление со стороны социума); помещение нового явления в соот-

ветствующие места хранения — как документа, как экспоната, как текста и как элемента окружения. Такое движение я называю культуротехническим циклом. В современной культуре этот цикл уже достаточно технологизирован, воспроизводится через совокупность специализированных деятельностей, поощряется хозяйственной системой, так как ускоряет смену поколений вещей в мире потребления, и поддерживается идеологией прогресса человеческого общества, развития культуры. Современная культура уже вступила в эпоху организации культуротехнических циклов, и я предполагаю, что эта технология будет реализовываться все в больших масштабах» [16, с. 19–20].

Осуществив блиц-обобщение отмеченных выше положений, можно отметить, что для развития управления научными исследованиями решающее значение имеет конституирующий работу В. А. Никитина авторский взгляд на культуру вообще и культурность отдельного человека в частности. «Культура является механизмом удержания различений и возможностей творить новые пространства существования человека. Следует различать культурность как некоторую всеобщую форму проявления норм, образцов, эталонов, что, безусловно, составляет неотъемлемую часть и коммунальности, и социальности, и культуру как особую область человеческой деятельности, особый регулятор и структуру человеческого общества. В так понятой культуре основным вопросом является вопрос о том, принадлежит ли данное явление определенному роду или не принадлежит, другими словами, как реализуется в общественной жизни отношений «иное–другое». Культурность человека определяется не его вписанностью в данную среду — это результат воспитания и меры традиционности; не его знакомством с набором художественных произведений — это результат подготовки и признак места в социальной иерархии; а тем — в состоянии ли человек, столкнувшись с незнакомым ему явлением, поставить его в ряд других или признать уникальным, не впадая при этом в соблазн обозвать это чужим (и, следовательно, с коммунальной точки зрения, подлежащим уничтожению) или посчитать его бесполезным и бессмысленным (то есть не имеющим отнесения к местам в иерархии) и отторгнуть» [16, с. 32–33].

Именно поэтому решать задачу развития культуры организации научных исследований, исходя из таких постулатов, не только реально, социально значимо и актуально, но и весьма интересно.

При всем многообразии философских воззрений большинство авторов сходятся в том, что грядущий этап развития цивилизации будет отличаться главенствующей ролью информации, в связи с чем называют его информационным обществом, или обществом знаний. В качестве ведущих признаков прогнозируемых общественных отношений выделяются технологическое использование данных фундаментальных наук, а также повышение статуса интуитивного знания [3]. В целом же можно говорить о значительном росте социальной значимости знаний в информационном обществе, «то есть в обществе, в котором получение и применение знаний, прежде всего научных, определяется не только соображениями экономической эффективности, но и тем, что они в самых разнообразных формах входят в повседневную жизнь рядовых людей» [3, с. 587].

Переход к новой структуре общественных отношений, безусловно, требует развития ныне несовершенной организации научных исследований, что подтверждается не только анализом сегодняшней практики, но и философской оценкой современного, переходного этапа общественных отношений как общества незнания. «Это название верно отражает суть дела, так как при том избытке самой разнообразной как истинной, так и ложной информации, гуляющей сегодня в средствах массовой информации и в сети Интернет, и невозможности не только для простого обывателя, но часто даже для искушенного ученого отделить в этом информационном потоке зерна от плевел, мы пребываем в неведении, что же действительно могут современная наука и техника выполнить из данных ей общественности и правительствам обещаний…» [2, с. 66].

Смена незнания на знание, связанная в первую очередь с переходом к социально интегрированной науке, конечно же, зависит от совершенства приоритетного типа организации научной культуры. Развитие научной культуры должно быть релевантно складывающейся социокультурной ситуации, а значит — быть направленно на разрешение ряда проблем общества не-знания, обусловленных изменениями общественной функции науки.

Литература

1. Бережнова, Е. В. Педагогическое исследование: социально-гуманитарный аспект / Е. В. Бережнова // Педагогика.— 2006.— № 6.— С. 23–30.

2. Горохов, В. Г. Научно-техническая политика в обществе не-знания / В. Г. Горохов // Вопросы философии.— 2007.— № 12.— С. 65–80.

3. Колпаков, В. А. Общество знания. Опыт философско-методологического анализа В. А. Колпаков // Вопросы философии.— 2008.— № 4.— С. 26–38

4. Крылова, Н. Б. Культурная деятельность подростка: альтернативный подход / Н. Б. Крылова // Школьные технологии.— 2000.— № 5.— С. 69–91.

5. Культура, культурология и образование : материалы «Круглого стола» // Вопросы философии.— 1997.— № 2.— С. 3–56.

6. Никитин, В. А. Организационные типы современной культуры : автореф. дис. … д–ра культурологии: 24. 00. 01 / Негос. образоват. учреждение «Междунар. акад. бизнеса и банковского дела» г. Тольятти.— М., 1998.

7. Слободчиков, В. И. Развитие субъективной реальности в онтогенезе (психологические основы проектирования образования) : автореф. дис. … д-ра психол. наук.— М., 1994.

8. Степин, В. С. Философия и эпоха цивилизационных перемен / В. С. Степин // Социология.— 2006.— № 2.— С. 3–14.

9. Ясвин, В. А. Психологическое моделирование образовательных сред / В. А. Ясвин //Психологический журнал.— 200.— № 4.— С. 79–88.

10. Ясвин, В. А. Экспертиза школьной образовательной среды / В. А. Ясвин.— М. : Сентябрь, 2000.

Н. М. Морозова
Нижний Новгород, Приволжский филиал Института
социологии Российской академии наук

Тенденции развития межнациональных отношений в Нижегородской области (на основе анализа медиадискурса региональных СМИ)[6]

Современные внешнеполитические реалии оказывают непосредственное влияние на трансформацию социокультурного пространства регионов России. Рост внешней и внутренней миграции, мировой экономический кризис, укрепление влияния ИГИЛ, увеличение числа конфликтов на межэтнической и межрелигиозной почве усиливают социокультурную дифференциацию, способствуют росту напряжения между представителями различных этнических групп в субъектах страны.

[6] Выполнено при поддержке РНФ, проект № 15–18–00093 «Прогнозное моделирование межэтнических отношений в российских регионах (на основе анализа идентификационных стратегий диаспорных/земляческих групп» (руководитель А. В. Дмитриев)

Нижегородская область стала одним из модельных регионов проекта «Прогнозное моделирование межэтнических отношений в российских регионах (на основе анализа идентификационных стратегий диаспорных/земляческих групп)», осуществляемого Институтом социологии РАН. В рамках этого исследования был проведен анализ медиадискурса региональных СМИ, который позволил, с одной стороны, выявить наиболее острые проблемы, присутствующие в поле межнациональных и межэтнических отношений региона, а с другой,— тенденции и перспективы развития данной сферы общественных отношений.

Полиэтничность является одним из важнейших факторов социально-экономического, культурного и политического развития как страны в целом, так и отдельных ее регионов. В XXI в. этнокультурное разнообразие активно стало пополняться и расширяться за счет беженцев, вынужденных переселенцев и трудовых мигрантов из стран дальнего и ближнего Зарубежья, в том числе из бывших республик СССР. Закономерным результатом усложнения этнокультурного состава населения стала трансформация межнациональных отношений, что повлекло за собой изменения в области межкультурной коммуникации.

Актуальность исследования проблем межкультурной коммуникации в российских регионах, с политологической точки зрения, обусловлена, в первую очередь, ее взаимосвязью с разработкой отдельных аспектов стабильности и безопасности государства. В этой связи в качестве примера можно привести принятие Федерального закона РФ 284-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения полномочий и ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений» [7], в соответствии с которым ответственность за межнациональное согласие возлагается на местные органы власти. Утверждение законодательной инициативы в очередной раз подтвердило актуальность существующих проблем в области межнациональных отношений и межкультурной коммуникации на уровне субъектов страны.

С 2015 г. Институтом социологии Российской академии наук реализуется проект «Прогнозное моделирование межэтнических отношений в российских регионах (на основе анализа идентифи-

кационных стратегий диаспорных/земляческих групп) ». Исследование осуществляется в трех российских регионах: западно-сибирском (включающем в себя Тюменскую область с автономными округами), южно-российском (Краснодарский край с Республикой Адыгея) и поволжском (Нижегородская область).

Специфика Нижегородской области в этнокультурном срезе заключается в том, что, как правило, ее относят к мононациональным регионам, т.к. русское население составляет около 95 % от общей численности проживающих в данном субъекте. В то же время, оставшиеся 5 % представлены более чем 150 национальностями (по итогам переписи населения 2010 г.) [2]. Наиболее многочисленной этнической группой являются татары — 1,4 % от общей численности населения [2].

Следует заметить, что в рамках проекта выделаются две категории этнических групп: первая — представители ныне независимых государств, ранее входивших в Советский Союз, в настоящее время дисперсно проживающие в том числе в разных российских регионах (диаспоры); вторая — представители этнических групп, проживающих в других регионах России (землячества). В данной работе внимание сфокусировано на отношениях местного населения с представителями диаспор.

Одним из направлений в исследовании межэтнических отношений по проекту «Прогнозное моделирование межэтнических отношений в российских регионах (на основе анализа идентификационных стратегий диаспорных/земляческих групп) » стал анализ регионального медийного пространства. Анализ регионального медийного пространства позволяет, во-первых, определить ключевые события, влияющие на развитие межнациональных отношений, во-вторых, обнаружить проблемные точки во взаимодействии представителей различных народов и этнических групп. На этой основе представляется возможным выявить основные тенденции в развитии межнациональных отношений.

Средства массовой информации сегодня играют крайне значимую роль в формировании общественных настроений, в том числе способны влиять на трансформацию межэтнических отношений — например, могут способствовать эскалации конфликта, увеличивая численность «групп поддержки» его участников и сторонников. И наоборот, СМИ могут формировать толерантную среду, закладывать основу для осуществления диалога культур.

В процессе анализа регионального (нижегородского) медиадискурса выявлено, что категория «землячество» употребляется крайне редко и при этом не всегда содержит этническую или национальную окраску. Например, данный термин часто используется при обозначении групп, имеющих общие географические (территориальные) привязки, а также групп, базирующихся на единой политической платформе (идеологии). В этой связи в качестве базовой категории в рамках исследовательского проекта в Нижегородском регионе выбрана категория «диаспора».

В целом, в Нижегородской области наблюдается позитивный информационный фон в области межнациональных отношений. Это связано, во-первых, с политикой региональных органов власти, реализуемой в области межнациональных отношений. В рамках принятой в Нижегородской области программы по гармонизации межнациональных отношений [3, с. 4–6] осуществляется «знакомство» местных жителей с традициями и культурой других народов, прибывающих в Поволжский регион. Вовлечены в этот процесс национально-культурные автономии, активно участвующие в национальных праздниках и субботниках. Во-вторых, региональные СМИ поддерживают курс «толерантности», не акцентируя внимания на мелких конфликтах бытового характера между представителями разных этнических и национальных групп.

Исследование медийного дискурса Нижегородской области показало, что острых проблем, связанных с межнациональными и этноконфессиональными отношениями и межкультурной коммуникацией, в регионе не наблюдалось за исследуемый период (январь 2010 — июнь 2015). Исключением стали события в Арзамасе (крупный город в Нижегородской области, численность населения составляет около 105 тыс. человек) в декабре 2013 г.: представителями армянской диаспоры был убит житель города. Это происшествие имело значительный резонанс на уровне региона, который был обусловлен во многом общефедеральным фоном.

В 2013 г. на федеральном уровне было несколько информационных поводов, связанных с крупными конфликтами на межэтнической основе, всколыхнувшими российское общество и активизировавшими националистические движения: конфликт в Пугачеве (июль 2013 г.) и столкновения в Бирюлево (октябрь 2013 г.). Эти события вскрыли целый комплекс проблем и противоречий, существующих в области межнациональных и этноконфессиональных

отношений российского социума и актуализированных ростом миграции в регионы страны. На фоне усиления экономического кризиса, роста уровня безработицы в субъектах РФ, «укоренения» представителей диаспор в определенных сферах бизнеса на уровне региона и муниципалитета, лоббирования их бизнес-интересов в местных органах власти росло недовольство коренных жителей, чувствующих себя ущемленными; в связи с ростом уровня преступности с участием представителей этнических и национальных групп усилилась напряженность в сфере межэтнических отношений, участились проявления ксенофобии по отношению к мигрантам. Указанные факторы способствовали активизации и актуализации этнического фактора и были способны превратить «бытовой инцидент» в крупный межнациональный конфликт.

Вследствие описанных процессов произошло некоторое обострение межнациональных отношений на региональном уровне, в том числе и в «спокойной» Нижегородской области. Убийство жителя Арзамаса стало поводом к выплескиванию недовольства, сдерживаемого на протяжении какого-то времени, и связанного с ростом числа мигрантов, их «неподобающим поведением» по отношению к традициям и законам принимающего общества и к самим жителям.

Доля публикаций в региональных печатных СМИ, освещающих данную тему в декабре 2013 г., составила порядка 70 %. Виновники конфликта чаще называются *«лицами кавказской национальности», «южанами», «восточной диаспорой»,* встречается их определение как *«пришельцев с юга»,* а также *«представителей одной из диаспор»,* т.е. без конкретной идентификации. Такие «обобщения» способны в целом усилить негативное отношение коренных жителей по отношению к представителям других национальностей, причем независимо от того, из какого региона/республики они приехали. В региональной прессе в декабре 2013 г. появляются такие слова-маркеры, как *«приезжие», «кавказцы» «ведут себя как хотят», «не уважают местных жителей»,* которые не выявлялись в более ранний период. Необходимо отметить, что региональные печатные СМИ практически не представляют информации о реакции и действиях представителей национальных диаспор (национальных лидеров), их комментариев относительно происходивших событий, а также реакции представителей региональной власти.

Доля сообщений в Интернете, касающихся данной темы, составляет порядка 51,5 %. Ряд статей, опубликованных на вебсайтах, повторяется и перекликается со статьями из газет, но общий тон публикаций в Интернете значительно резче, содержит явную критику действующей власти как на местном, так и на региональном уровнях [1]. Представлены и позиции лидеров национальных общин Нижегородской области в отношении конфликта в Арзамасе, которые считают, что в его основе лежат именно межнациональные противоречия, а недавние события в Бирюлево способствовали их обострению и нагнетанию обстановки [6]. В информационном поле, сформированном интернет-ресурсами, присутствует третья точка зрения — жителей Арзамаса. Их возмущает неуважение традиций и культуры взаимоотношений, сложившихся в обществе, приезжими из национальных республик. Арзамасцы отмечают, что приезжие из кавказских республик ведут себя чрезвычайно нагло, неуважительно, чувствуют вседозволенность [4].

Реакция со стороны региональных и муниципальных властей также была отражена в информационных сообщениях в интернет-сфере. Представители региональной власти, комментируя конфликт в Арзамасе, единогласно отнесли его к «бытовому», не находя в нем признаков конфликта межнационального [5]. Практически сразу после описанных событий в городе был создан общественный совет, в компетенцию которого были включены вопросы из области межэтнических и этноконфессиональных взаимодействий.

Ситуация в городе была нормализована оперативно. С декабря 2013 г. по июнь 2015 г. в медиадискурсе Нижегородского региона информационных поводов о крупных конфликтах в области межэтнических отношений больше не встречалось.

В рамках осуществленного анализа в информационном пространстве Нижегородской области были выделены основные информационные поводы и сгруппированы «по тематикам»:

а) праздники национальных культур;

б) конфликт в Арзамасе;

в) «отголоски» Бирюлево (нарастание напряжения в отельных регионах города и области после событий в октябре 2013 г.);

г) проблемы мигрантов (адаптация, взаимоотношения с принимающим обществом и диаспорами, отношения с властью и законом и т.д.).

В региональное информационное поле попали сообщения о «проблемах» мигрантов, но качественный анализ показал, что данные «проблемы» неоднородны. Их можно охарактеризовать со знаком «минус» (нарушение законодательства), со знаком «плюс» (речь идет о стремлении и желании приезжих адаптироваться в принимающем обществе, их ориентации на осуществление коммуникации с местными жителями), и как нейтральные. Причем последние преобладают. Нейтральные информационные поводы связаны с проведением совещаний, встреч, заседаниями Советов по взаимодействию с религиозными объединениями в крупных городах Нижегородской области, на которых обсуждались проблемы реализации миграционной политики в регионе, вопросы сотрудничества национально-культурных автономий с органами власти и между собой, участия их в процессе адаптации приезжих.

Очевидно, что в области межэтнических и этноконфессиональных отношений Нижегородской области, а соответственно, в сфере межкультурной коммуникации рассматриваемого субъекта в 2015 г., эпизодично присутствовало некоторое напряжение, которое обусловлено общероссийскими и мировыми процессами. В целом же позитивный информационный фон свидетельствует о работе муниципальных и региональных органов власти, диаспор и национально-культурных автономий. Платформой их деятельности является Государственная программа «Гармонизация межнациональных отношений в Нижегородской области», которая направлена на осуществление диалога между представителями различных культур, проживающих на территории региона.

Взаимодействие представителей национальных и этноконфессиональных групп в первую очередь подразумевает межкультурную коммуникацию. Праздники национальных культур, межнациональные субботники и подобные мероприятия способствуют знакомству с традициями, обычаями, ментальными особенностями представителей разных национальных культур, благоприятно влияют на общие настроения коренных жителей по отношению к мигрантам и представителями иных национальностей.

Таким образом, итоги анализа медиадискурса свидетельствуют об отсутствии острых проблем в межкультурной коммуникации на территории Нижегородской области. Естественно, имеют место правонарушения, совершенные представителями той или иной этнонациональной группы, но они носят бытовой характер,

хотя предпринимаются попытки классифицировать в их основании национальную подоплеку.

Говоря о проблемах, нашедших отражение в региональном медиадискурсе, способных представлять потенциальную угрозу межнациональной стабильности, необходимо отметить следующее. В первую очередь, существенную опасность, по мнению экспертов, представляют так называемые анклавы (национальные регионы), которые сформировались в отдельных районных города (Канавинский и Автозаводский). На их территории действуют национальные школы, преподавание в которых ведется исключительно на национальном языке, что способствует формированию соответствующего этнического самосознания молодежи, минимизирует ее культурную вовлеченность в традиции коренного населения региона. К тому же, в пределах анклава этническая группа живет и руководствуется своими традициями и законами, что зачастую отражается на дальнейшей коммуникации с местными жителями.

Активное лоббирование представителями диаспор своих бизнес-интересов в органах региональной власти также деструктивно отражается на межкультурной коммуникации. Местные жители недовольны тем, что якобы у представителей других национальностей оказывается больше привилегий в сфере организации малого бизнеса (как результат, на продовольственных рынках доминируют азербайджанцы, армяне и т.д.). Данный момент проявился особенно остро в конфликте в Арзамасе — жители оказались возмущены крайней активностью отдельных представителей этнических групп в сфере организации собственного бизнеса (город заполонили ларьки с шаурмой), что, с точки зрения жителей, является показателем лояльности к ним городской власти.

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что межнациональные отношения в Нижегородской области развиваются конструктивно. Несмотря на это, представителям региональной власти необходимо учитывать области возможной конфронтации в межнациональных и этноконфессиональных отношениях, регулярно осуществлять социологические замеры уровня конфликтного потенциала в разрезе межнациональных взаимодействий, реализовывать комплексные программы по гармонизации межнациональных отношений, заниматься повышением квалификации сотрудников соответствующих отделов и департаментов.

Соблюдение данных условий способствует осуществлению в регионе позитивной межкультурной коммуникации в частности, и развитию межэтнических и этноконфессиональных отношений в целом.

Литература

1. Все дело в местных властях: хроника конфликта в Арзамасе [Электронный ресурс] // Политический форум Дзержинска. — Режим доступа : http://www.1dzer.ru/articles/1875-vse-delo-v-mestnyh-vlastyah-hronika-konflikta-v-arzamase.

2. Всероссийская перепись населения 2010. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство [Электронный ресурс] // Перепись населения–2010. — Режим доступа : http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

3. Государственная программа «Гармонизация межнациональных отношений в Нижегородской области» [Электронный ресурс] // Оф. сайт Министерства внутренней региональной и муниципальной политики Нижегородской области. — Режим доступа : http://mvp.government-nnov.ru/?id=48880; Перечень основных мероприятий государственной программы [Электронный ресурс] // Оф. сайт Министерства внутренней региональной и муниципальной политики Нижегородской области. — Режим доступа : http://mvp.government-nnov.ru/?id=48880

4. Накипело у народа уже. О чем еще говорил Арзамас [Электронный ресурс] // nn.ru. — Режим доступа : http://www.nn.ru/news/society/2013/12/16/nakipelo_u_goroda _uzhe_o_chem_eshche_govoril_arzamas.

5. Правительство Шанцева заминает межнациональный конфликт [Электронный ресурс] // Политический форум Дзержинска. — Режим доступа : http://1dzer.ru/articles/1882-pravitelstvo-shantseva-zaminaet-mezhnatsionalnyy-konflikt-v-arzamase; Все дело в местных властях: хроника конфликта в Арзамасе [Электронный ресурс] // Политический форум Дзержинска. — Режим доступа : http://www.1dzer.ru/articles/1875-vse-delo-v-mestnyh-vlastyah-hronika-konflikta-v-arzamase.

6. «Убийство в Арзамасе произошло на почве межнациональной ненависти» азербайджанская диаспора [Электронный ресурс] // Оф. сайт регионального новостного агентства «В городе N». — Режим доступа : http://www.vgoroden.ru/?id=283229; Армянская община ответила на возмущение жителей Арзамаса [Электронный ресурс] // nn.ru. — Режим доступа : http://www.nn.ru/news/society/2013/12/12/armyanskaya_obshchina_otvetila_na_vozmushchenie_zhiteley_arzamasa.

7. Федеральный закон Российской Федерации от 22 октября 2013 г. N284-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения полномочий и ответствен-

ности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений». [Электронный ресурс] // Российская газета. — Режим доступа : http://rg.ru/2013/10/23/mezhnacionalnye-site-dok.html.

И. Л. Набок
Санкт-Петербург, Российский государственный
педагогический университет имени А. И. Герцена

Этнонациональный дискурс культурологического образования

Проблемы развития культурологического образования, очевидно, следует отнести к числу актуальных социогуманитарных проблем современного общества. Особую значимость и остроту здесь приобретает то, что можно назвать *этнонациональным дискурсом* культурологического образования, ориентированным на раскрытие широкого спектра этнонациональных аспектов генезиса, развития и функционирования культуры, которые затрагивают одну из сущностных характеристик процесса межгенерационной трансляции культуры — преемственность как основу самого её существования. Современной наукой ещё не осмыслены возможные риски для цивилизации происходящей смены типа культуры — перехода от культуры письменной к культуре экранной, связанной, в частности, с бурным развитием компьютерных технологий. Говоря о нарастающем процессе формирования нового типа личности, *Homo Informaticus*, И. И. Халеева отмечает: «…Последствия могут быть самыми непредсказуемыми и опасными, и в своей совокупности должны квалифицироваться как новая глобальная угроза развитию общества — угроза интеллектуальной безопасности. *Homo Informaticus* не только с лёгкостью осваивает новые виды электронной и информационной техники и методы общения в социальных сетях, но он также утрачивает многие человеческие качества — способность сосредоточиться над осмыслением конкретной проблемы, умение критически анализировать полученную информацию, умение общения с другими людьми «напрямую», без использования технологий. Испытывать чувство ответственности за последствия своих действий». [5, с. 21–22] Заметим,

что в ситуации тотальной информатизации заметным становится явное доминирование количественных параметров информации над качественными — так, в электронной коммуникации подавляющее значение приобретают скорость и лёгкость передачи и получения информации, а не её содержание, отодвигаемое на «второй план». Именно с этим прежде всего связан и перманентный «потребительский бум» — погоня за всё новыми моделями гаджетов, имеющая чисто коммерческий рыночный смысл. В системе образования это имеет свои последствия: появляется и прогрессирует новый вид «самостоятельной работы» студента — «скачивание» из Интернета, способствующий атрофированию и памяти, и интеллектуально-аналитических способностей.

Неумеренный «прогрессизм», «культ техники» ориентирует молодёжь на модернистски пренебрежительное отношение к культурной традиции, воспринимаемой как пережитки и архаика. Между тем именно этнонациональное «измерение» культуры, отражающее историческую «горизонталь» солидарности с прошлым, со своими предками, их традициями, духовными ценностями, «образом мира» способно поддерживать преемственность в развитии культуры, обеспечивать органичность и «естественность» этого развития.

В то же время в ситуации развития глобализационных процессов, нивелирующих культурное и языковое многообразие человечества, лишающих народы их уникального, неповторимого культурного «лица», этнокультурной специфики, отчётливо наблюдается нарастание этномобилизации, развитие этнонационального самосознания, остро осознаётся необходимость ревитализации исчезающих языков и культурных традиций. Кроме того, духовный и экологический кризисы современной цивилизации порождают своеобразную ностальгию по прошлому, по традиционной, лишённой внутренних противоречий и культурно консолидированной модели общества, огромный интерес к традиционным верованиям и знаниям аборигенных народов, не прошедших цивилизационную «мясорубку», в частности, к шаманизму с его необъяснимой в научных понятиях картиной мира и культурной практикой. Растёт убеждение в том, что этнос, этносоциум — не атавизм, не архаизм, а наиболее гармоничная и устойчивая форма человеческой общности, основанная не на противостоянии, а на паритетном взаимодействии человека и природы, их взаимоа-

даптации. Это становится особенно очевидным при обращении к коренным малочисленным народом Севера, Сибири и Дальнего Востока, создавшим в экстремальных природно-климатических условиях уникальные культуры, цивилизационные модели, обеспечивая тем самым сохранение одного из системообразующих качеств российской цивилизации — культурного многообразия, культурной многокрасочности.

Другая важнейшая сторона актуальности этнонационального дискурса культурологического образования связана с необходимостью преодоления нарастающих сегодня негативных тенденций в межэтнической и межконфессиональной коммуникации, с потребностью развития культуры межэтнических, межнациональных отношений, противостоянием ксенофобии, интолерантности, возрождению расизма и крайнего национализма [см. 3].

Этнонациональные аспекты образования входят сегодня в сферу интереса различных областей гуманитарного знания — педагогики, психологии, социологии, культурологии, этнологии и др. *Междисциплинарность,* т.е. взаимодействие, интеграция этих наук в рассмотрении этнического измерения образовательных процессов в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств сегодня приобретает не только актуальный теоретический смысл, но и большое культурно-практическое значение. Здесь есть и политический смысл, связанный с необходимостью сохранения в России — государстве полиэтническом и поликультурном — *единого культурно-образовательного пространства.* Речь идет, разумеется, о пространстве не однородном, гомогонезированном, но поливариантном, гибком, содержательно многообразном, этнически многокрасочном.

Рассматривая процесс исторического становления концепции этнокультурного образования в России и за рубежом, начиная с 70-х гг. XX в., петербургский исследователь А. Б. Афанасьева определяет его как «целостный процесс изучения и практического освоения этнокультурного наследия (материального, духовного, социального), процесс становления и воспитания личности на традициях культуры этноса, сочетающий моноэтническую глубину постижения родной культуры и полиэтническую широту» [1, с. 101]. Появление в конце XX в. других понятий — «поликультурное образование», «мультикультурное образование» претендовало лишь на некоторое расширение и даже уточнение

смысла этнокультурного образования, подчёркивая то, что освоение языка и культуры своего народа должно здесь обязательно сочетаться с уважением и интересом к языкам и культурам других народов, образующих вместе целостное культурно-образовательное пространство страны. Интересно, что в американской педагогической практике продолжает существовать возникшая ещё в 1960–1970 гг. во многом аналогичная концепция т.н. «многокультурного образования» (К. Беккет, А. Голлник, К. Кэмпбелл и др.). В то же время, здесь наметилась тенденция его замены принципиально другой моделью — «глобальным образованием», делающим акцент не на культуре своего этноса, а на «универсалиях» мировой культуры, гомогенизирующей культурное многообразие.

Важным отличием российской модели этнокультурного образования является то, что здесь особый акцент делается на этнорегиональном уровне — уровне многоэтничных регионов, на котором происходит взаимодействие языков и культур, и таким образом вырабатывается «единство в многообразии» всего общества, формируется гражданская идентичность. Именно так, например, строится этнокультурное образование в Ханты-Мансийском автономном округе, где оно рассматривается именно как *этнорегиональное,* ориентированное на культурное многообразие региона, на взаимодействие и взаимообогащение языков и культур разных народов. Большое значение здесь имеет комплексный характер такой образовательной модели, который заключается, с одной стороны, в освоении разных сторон культуры (комплекса культурных проявлений народа в его духовном, материальном и социальном измерениях), с другой стороны, в использовании разных видов деятельности ребёнка — и познавательной, и игровой, и собирательно-исследовательской (собирание и запись образцов фольклора, традиционной предметной бытовой культуры и т.д.), и коммуникативной (языковое общение в рамках методики «языковых гнёзд), и художественно-творческой. Последнее, на наш взгляд, имеет часто недооцениваемые особые перспективы и возможности для освоения культуры и родного языка. Исследования, проходившие в начале 1990-х гг. в Ханты-Мансийском автономном округе показали, что особенностью этнического менталитета детей — представителей коренных малочисленных народов — является особая предрасположенность к *образно-символическому мышлению,* к созданию целостной образной карти-

ны мира. Это, несомненно, является отражением синкретизма (нерасчленённостью, взаимопереплетением различных элементов, мозаичностью) традиционной этнической культуры, «разрушенного» впоследствии рациональной специализацией и профессионализацией видов деятельности. Очевидно, в перспективе развития и дальнейшей модернизации культуры традиционное, синкретичное, целостное должно продолжать своё существование в обществе параллельно с модернизированным, рационализированным, технологизированным, как источник, как фундамент культуры, обеспечивающий, с одной стороны, её этническую индивидуальность и неповторимость, с другой стороны,— преемственность, без которой не может быть подлинного развития. Именно так происходит в художественной сфере, где фольклор (если он не модернизируется и сохраняется) сосуществует с современной профессиональной художественной культурой.

В то же время решающим звеном образовательной системы, безусловно, является *педагогическое образование,* подготовка учителей и воспитателей. Здесь мы имеем дело с *этнокультурологическим образованием,* основанном на этнокультурологии как важнейшей составляющей и направлением культурологической науки. Здесь, на наш взгляд, возникает множество проблем, связан- ных с тем, что стандартизация образования в недостаточной мере учитывает как этнорегиональные особенности и условия, так и описанные выше потребности освоения единого в своём этническом многообразии культурно-образовательного пространства. Этнокультурная невоспитанность и массовая этнологическая безграмотность в таких многонациональных, полиэтнических странах как Россия приобретают значимость важнейших социальных факторов. Это осознаётся и во многих других странах. Не случайно, например, в большинстве этнографических и исторических музеев США и Канады существуют специальные программы повышения этнологической (культурно-антропологической) квалификации полицейских и других работников правоохранительных органов. Стоит ли в этом контексте говорить о значимости *этнологической образованности* учителей, осуществляющих процесс трансляции культуры в обществе, обеспечивающих реализацию такого фундаментального, системообразующего свойства культуры как преемственность? Между тем, *этнология (этнография)* как предмет практически отсутствует в государственных образо-

вательных стандартах высшего образования. Переход на многоуровневую подготовку ситуацию не изменил, а наш взгляд, даже усугубил ситуацию.

Разумеется, дело ещё и в том, что сегодня этнологическое знание переживает глубокий методологический кризис, в том числе в отношении научной интерпретации своих фундаментальных категорий — этнос, нация, этничность, этническая идентичность [см. 4]. Последняя категория сегодня приобрела особенно важный смысл, так как непосредственно затрагивает одну из острейших теоретических и одновременно социально-практических и политических проблем — *соотношение этнической и гражданской идентичностей,* возможности и условия их гармонизации или, наоборот, противопоставления. Сегодня эта категория нередко политизируется. Политический смысл здесь связан с опасением этнического сепаратизма, разрушения целостности и неделимости страны и её культурно-образовательного пространства. На практике несовершенство методики построения компонентов образовательных программ, приведшее в некоторых регионах к нарушению пропорций, к дисбалансу в соотношении национально-регионального и федерального компонента (в пользу первого) *привело не к совершенствованию методики,* не к исправлению ситуации в нужном русле, а к *«отмене»* Министерством образования и науки *компонентного принципа* образовательных программ. Национально-региональный (этнорегиональный) компонент теперь «интегрирован» в Федеральный. Но на практике это привело к тому, что, например, преподавание родных языков коренных малочисленных народов Севера повсеместно в северных регионах *перестало быть обязательным,* и существенно сократилось. И только инициатива региональной власти и их финансовые возможности могут противостоять этой тенденции. В то же время возможности у регионов очень различаются, что приводит к определённому неравенству в решении этих вопросов для разных регионов, разных народов.

Но вернёмся к *этнокультурологическому образованию.* В контексте вышесказанного здесь многое зависит именно от научного решения принципиальных вопросов. Это касается, в частности, проблемы идентичности, научного обоснования процесса развития гармонизации (а не противопоставления, которое осуществляется «без всякой науки») этнической и гражданской иден-

тичности. Этническую идентичность можно рассматривать как определенное состояние, достигнутое в процессе *«идентификации»,* и означающее постепенное перенесение индивидом на себя (освоение, интериоризация — перенесение «внутрь») качеств общности, в которой индивид формируется как личность. Есть еще одна очень важная сторона идентичности и идентификации. Речь идет о том, что идентичность — это не только *сознание* идентичности. Известный этносоциолог Л. М. Дробижева вычленяет в идентичности три основных взаимосвязанных компонента: *когнитивный (познавательный), эмоциональный и регулятивный (поведенческий)* [2, с. 11]. Этническая идентичность, таким образом, понимается как: а) факт самосознания индивида и группы, связанный с осознанием единства и отличия от других (подобных групп и индивидов) по соответствующему набору признаков (язык, стереотип поведения и прочие качества, приписываемые этнической общности); б) переживание человеком своего тождества с определенной этнической группой; в) поведение, соответствующее этническим установкам, т.е. интересам и ценностям этнической общности.

Чрезвычайно важен здесь вопрос о возможности смены этнической идентичности. Но ответ на этот вопрос напрямую зависит от того, что до сих пор является предметом дискуссий в этнологии — понимания природы этноса и этничности, спора «примордиалистов» и «конструктивистов», который «расколол» отечественное этнологическое научное сообщество на два лагеря в самом главном, фундаментальном вопросе этнологической науки, своеобразном «основном вопросе этнологии», касающемся объективных оснований этноса — его укоренённости /конструируемости.

Трудно согласиться с тем, что идентичность при этом не имеет никаких внутренних оснований, никаких внутренних опор, что она сводится только к культуре, языку, внешнему виду, образу жизни и т.д., которые в разной степени, действительно, сменить можно (т.е. «сменить культурную принадлежность»). Очевидно, ответ на этот самый сложный вопрос еще впереди.

Таким образом, этнокультурологическое образование ещё нуждается в серьёзном научном обосновании. И это касается прежде всего того, что можно назвать смыслом и целью образования — формирование личности духовно суверенной и одновре-

менно социально ответственной, личности с развитой этнической и гражданской идентичностью.

Автору данной статьи довелось создавать в Институте народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена в середине 1990-х годов первую в России *кафедру этнокультурологии* и соответствующую задачам и особенностям подготовки учителей из числа коренных малочисленных народов Севера концепцию профессионального этнокультурологического образования будущих педагогов-северян. При разработке данной образовательной программы мы исходили из следующих принципиальных установок:

– образование северян должно быть подлинно университетским и включать в себя развитый этнорегиональный компонент;

– в качестве одной из основных функций образования учителей-северян должна быть признана функция *сохранения и развития традиционной этнической культуры* (культуро-экологическая) и обеспечения ее взаимообогащающего диалога с иными, современными моделями культуры;

– такое образование должно быть многопрофильным — адекватным реальному синкретизму, целостности этнической культуры и поэтому построенным на интеграции различных областей знания;

– образование учителей-северян должно их ориентировать на формирование целостного культурно-образовательною пространства, на *интеграцию собственно образовательной и культурно-просветительной деятельности* (в частности, музейной, досуговой, информационной и т.д.);

– образование учителей-северян должно учитывать возможность их многопредметной деятельности в условиях малокомплектной северной школы;

– содержание и методика образовательного процесса должны учитывать особенности менталитета, специфику мироотношения северян, в частности, их особую склонность и способность к художественно-эстетическому, образно-символическому освоению культурного пространства.

В соответствии с этими требованиями модель этнокультуро-логического образования, реализуемая в Институте народов Севера основана на содержательной интеграции четырех предметных сфер: *культурологической, этнологической, исторической и филологической.* Логика освоения этих предметных областей строилась с учетом мирового, общероссийского и этнорегиональ-

ного масштабов. Принципиально важным оказывается то, что все годы обучения в специалитете осуществлялось преподавание родных языков и дисциплин художественно-фольклорной специализации (по выбору: декоративно-прикладное искусство и художественные промыслы народов Севера; музыка и музыкальный фольклор народов Севера; фольклорный театр народов Севера). Здесь чрезвычайно важно и существенно дополнение теоретического освоения культуры — художественно-творческим, образно-эстетическим. К этому следует добавить музейную подготовку, подкреплённую соответствующей музейной практикой. Этнокультуро-логическое образование дает возможность целостного понимания и освоения культуры, путей и средств её трансляции учителем, без чего практически невозможна реализация упомянутой выше *культуро-экологической функции.*

Следует отметить, что реализация данной программы в рамках пятилетнего специалитета имела очень позитивные результаты, переход же на многоуровневую подготовку, бакалавриат с сокращением одного года обучения не мог не сказаться на реализации указанной *многопрофильной, многопредметной* образовательной модели.

Этнокультурологическое образование педагогов, на наш взгляд, не только актуально, но может иметь интересные и общественно полезные перспективы дальнейшего развития.

Литература

1. Афанасьева, А. Б. Этнокультурное образование как проблема современной педагогической науки / А. Б. Афанасьева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена — 2008.— Вып. 68.

2. Дробижева, Л. М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность / Л. М. Дробижева // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России.— М. : Ин-т социологии РАН, 2006.

3. Набок, И. Л. Педагогика межнациональных отношений: учеб. пособие для студентов вузов / И. Л. Набок.— М., 2010.

4. Тишкова, В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков.— М., 2003.

5. Халеева, И. И. Социальный дискурс в междисциплинарных процессах / И. И. Халеева // Вестник Московского государственного лингвистического университета.— М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015.— Вып. 6 (717).

Л. А. Нестерская, И. И. Яценко, Л. А. Дунаева
Москва, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова

Глоссарий русско-французского словаря «Откройте для себя Россию» как базовая основа культурологического минимума

В последние десятилетия появилось достаточно много лингвистических словарей, которые содержат информацию о лексических единицах как о единицах с культурным компонентом значения. Следовательно, лингвистические словари сегодня — это одновременно и источник лингвострановедческой информации. В то же время следует отметить почти полное исчезновение из практики преподавания русского языка как иностранного «нелингвистических» (то есть собственно страноведческих) словарей, так называемых словарей реалий, представляющих фоновые знания о России, известные современному среднему носителю русского языка. А именно такие словари могли бы стать основой для культурологического минимума, способного предоставить изучающему язык минимизированную информацию о прошлом и настоящем России.

Как известно, к лингвистическим словарям обращаются за информацией о языке, а к энциклопедиям — чтобы получить справку о реалиях действительности. К особому типу энциклопедических словарей относится словарь страноведческий, с тем различием между ними, что последний представляет факты, события, персоналии, принадлежащие только одной стране, культуре, народу. Этот особый тип словаря обретает всё большую актуальность и в системе иноязычного образования, и в системе сертификационного тестирования по иностранным языкам. Особенно с учетом того, что сегодня тестирование во многих странах мира, и в России в том числе, предусматривает измерение объема базовых знаний о стране и ее культуре.

О существовании этой тенденции в современной учебной лексикографии свидетельствует появление целого ряда лингвострановедческих словарей энциклопедического характера. В своем большинстве они ориентированы на английский язык и описывают культуру Великобритании или США. Примером такого издания

является вышедший в 1992 г. и многократно переиздававшийся «Словарь современного английского языка и культуры» издательства Лонгман, включающий 15 000 реалий англоязычных стран.

Наиболее солидное издание подобного типа, но уже двуязычное,— англо-русский словарь А. Рума «Великобритания. Лингвострановедческий словарь» (*Dictionary of Great Britain*), включающий 10 000 словарных статей. Его отличительная особенность — введение в словарные статьи обширной истори- кокультурной информации. Сегодня такой подход к созданию лингвострановедческого словаря никого не удивляет, но в 1986 г. А. Рум счел необходимым написать в предисловии: «На первый взгляд может показаться, что наш словарь — это непривычное сочетание словаря и энциклопедии, поскольку в нем, с одной стороны, имеются определения и элементы этимологии, которые обычно содержатся в словарях, а с другой — приводятся факты и цифры, которые помещаются в энциклопедиях и других справочных изданиях».

В 90-е гг. XX в. и в первое десятилетие XXI в. появились достаточно авторитетные лингвострановедческие словари энциклопедического типа, подготовленные российскими авторами. Среди них — англо-русскийсловарь *Americana English-Russian Encyclopedic Dictionary* (1996), содержащий более 20 000 словарных статей по истории, государственному, экономическому и социальному устройству, литературе и искусству, повседневной жизни США. В 1998 г. был издан англо-русский лингвострановедческий словарь «Жизнь и культура США»; в 1999 г.— «Англо-русский лингвострановедческий словарь США» г. Д. Томахина; в 2001 г.— немецко-русский лингвострановедческий словарь «Германия. Страна и язык», основное содержание которого составляют «национально-специфические реалии»; в 2008 г.— «Учебный испанско-русский лингвострановедческий словарь-справочник», а также два больших лингвострановедческих словаря «Франция» и «Россия». Все перечисленные словари в той или иной мере демонстрируют основной принцип лингвострановедения — взаимопроникновение языка и культуры, но в то же время не предполагают обратного вектора — ориентации на конкретного пользователя-адресата, носителя языка и культуры конкретной страны.

В рамках совместного проекта филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и Университета города Страсбурга

в течение ряда лет разрабатывался национально ориентированный двуязычный страноведческий словарь «Откройте для себя Россию». Необходимость такого издания была продиктована результатами масштабного опроса, проведенного авторским коллективом словаря в 2013–2014 гг. среди преподавателей русского языка высших учебных заведений Франции. Данный опрос охватил 13 университетов и 29 высших школ и позволил констатировать потребность студентов, изучающих русский язык, в двуязычном страноведческом справочном издании для поддержки университетского курса по изучению русского языка и русской культуры.

Поиск франкоязычных учебных словарей страноведческого характера привел нас к изданию 60-х годов *Voisi La Russie Et Les Russes*, которое было подготовлено Сержем Косманом. Его книга носит название «Россия и русские» и имеет подзаголовок «Учебник русского языка», хотя носит исключительно страноведческий характер и представляет собой набор статей по географии, государственному устройству, истории, литературе России и так далее с переводом на русский язык. Помимо этой книги полувековой давности никаких других подобных изданий, предназначенных для изучающих русский язык во Франции, не было обнаружено, что убедило нас в необходимости создания учебного страноведческого словаря энциклопедического типа. Таким образом возникла идея создания книги «Откройте для себя Россию».

Сам характер этого словаря, который одновременно призван выполнять и учебную, и справочную, и систематизирующую функции, поставил перед нами задачу по отбору, размещению, поиску способов подачи страноведческого материала. За основу были взяты два подхода — энциклопедический и тематический, синтез которых позволил представить в словарных статьях широкий спектр актуальной информации об основных сферах жизни российского государства (известных любому россиянину реалиях, фактах, событиях, персоналиях) в сопровождении иллюстраций и комментариев. При этом ограниченный объем издания потребовал от авторов предельного сжатия излагаемого материала. Можно сказать, что таким образом был реализован один из основных принципов учебной лексикографии: максимум информации при минимуме места.

Может возникнуть вопрос о целесообразности такого издания сегодня, когда любую фактографическую информацию мож-

но найти в Интернете. Аргумент в пользу такого словаря состоит в том, что ни одно из существующих изданий или интернет-ресурсов не содержит аналогичного двуязычного контента, в компактной форме представляющего достаточно полный свод культурологических знаний о России, необходимых изучающим русский язык в зарубежных школах и вузах. Впервые в составе одной учебной книги представлен специально отобранный, минимизированный, обработанный в учебных целях материал на русском и французском языке.

В книге четыре части. Первая часть, структурированная по модели вводного тома Большой российской энциклопедии «Россия», содержит 55 предельно сжатых текстов на русском языке с параллельным переводом на французский (например, текст о русской литературе занимает всего 2 с небольшим страницы). В текстах статей словаря сосредоточены ключевые сведения по разделам «Природа», «Люди», «Города», «Культура», «Общество», «Экономика», «Политика», «Средства массовой информации». Каждый раздел имеет более подробную рубрикацию. Например, в раздел «Природа» входят статьи следующей тематики: Территория и границы, Природные зоны и климат, Рельеф, Моря и океаны, Реки и озёра, Полезные ископаемые, Животные и растения, Часовые пояса.

В каждом тексте в учебных целях полужирным шрифтом выделялись ключевые слова (антропонимы, топонимы, страноведческие реалии), которые затем послужили основой составления специального приложения к книге — культурологического глоссария. Глоссарий включает 650 словарных статей, которые расши- ряют содержание первой части книги. То, что в текстах первой части в силу ее сжатости лишь упомянуто, в глоссарии получает свое толкование, описание, объяснение. Например, имена писа- телей, художников, музыкантов, ученых в силу понятных причин, обусловленных жанром издания, в текстах часто представлены «через запятую», но в глоссарии учащиеся могут получить дополнительную информацию, связанную с фактами их биографии, творчества, вкладом в культуру, науку, литературу, искусство. Тексты глоссария представлены на русском языке, но при этом трудные слова и словосочетания (в том числе безэквивалентная лексика) снабжены переводом, а культурологические реалии прокомментированы.

Таким образом, в процессе работы, по существу, был выделен тот культурологический минимум, на который могут ориентироваться изучающие русский язык как иностранный.

Книга публикуется объединением издательств *Le Courrier de Russie* и *L'Asiathèque* при поддержке франко-российской торгово-промышленной палаты (CCIFR). Ее апробация в учебном процессе позволит проверить на практике предположение авторов о целесообразности разработки культурологических минимумов на основе страноведческих словарей энциклопедического типа.

Литература

1. Американа : англо-русский лингвострановедческий словарь / под ред. Г.В. Чернова.— М., 1996.
2. Ансимова, О. К. Словари лингвокультуры: формирование корпуса и построение типологии / О. К. Анисимова // Наука и Мир (Science and World).— 2014.— № 9 (13).— С. 86–91
3. Рум, А. Р.У. Великобритания. Лингвострановедческий / А. Р.У. Рум.— М. : Русский язык-медиа, 2003.
4. Волкова, Г. Испания : учебный испанско-русский лингвострановедческий словарь-справочник / Г. Волкова, А. Дементьев.— М., 2006.
5. Иванищева, О. Н. Лексикографирование культуры в двуязычном словаре : автореф. дис… доктора филолог. наук / О. Н. Иванищева.— СПб., 2005.
6. Лебедева, С. В. Учебные словари различных типов в культурологическом аспекте: на материале британских справочников : автореф. дис… докт. филолог. наук [Электронный ресурс] / С. В. Лебедева.— Иваново, 2005.— Режим доступа : http://cheloveknauka.com/uchebnye-slovari-razlichnyh-tipov-v-kulturologicheskom-aspekte#ixzz3GRKxk9GK.
7. Мустайоки, А. Знание общества как элемент коммуникативной компетенции / А. Мустайоки // XI Конгресс МАПРЯЛ : пленарные доклады.— СПб., 2007.
8. Немецко-русский лингвострановедческий словарь. Германия. Страна и язык / LandeskundedurchdieSprache ; сост. Г. Д. Мальцева.— М. 2001.
9. Петрушова, О. Л. Учебные словари в межкультурной коммуникации : автореф. дис… докт. филолог. наук [Электронный ресурс] / О. Л. Петрушова.— Ярославль, 2009.— Режим доступа : http://cheloveknauka.com/uchebnye-slovari-v-mezhkulturnoy-kommunikatsii#ixzz3GRKaphbi.
10. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под ред. Ю. Е. Прохорова.— М., 2008.
11. Томахин, Г. Д. США. Лингвострановедческий словарь / Г. Д. Томахин.— М., 1999.

Г. М. Ниязова
Тюмень, Тюменский государственный университет

Этнолингвоинформационные технологии современности как фактор формирования толерантности в полиэтничном регионе

Этническая маргинализация общества порождает специфическую информационную ситуацию, когда резко снижается способность психической адаптации человека к порожденным системным кризисом цивилизации усложняющимся информационным потокам. В современной культурно-исторической ситуации, в условиях системного кризиса «цивилизованного мира» информационно-психологические воздействия на психику человека лавинообразно нарастают, что, несомненно, представляет собой постоянный источник психического стресса. Страх будущего часто переживается как страх потерять национальную самобытность, быть «человеком без национальности», страх перед «цивилизацией и прогрессом», разрушающими родную природу, весь культурно-хозяйственный комплекс народов России в целом.

В сложных условиях тесного контактирования близкородственных и неблизкородственных народов Сибири и Урала встает вопрос: как осуществлять этноязыковую политику? Что брать в качестве образцов? Само понятие этнолингвоинформационных технологий стоит, на наш взгляд, на пересечении таких смысловых полей, как «личность» — «язык» — «культура» — «социум» [1]. Особую важность эти стратегии обретают в ситуации усиления миграционных процессов в современном мире и в связи с необходимостью выработки социально-гуманитарных механизмов адаптации прибывающего населения [2]; [3].

В целом рассеяние и смешение народов обусловлено нарастанием глобализационных процессов — экономическим, культурным, языковым объединением людей, глобализацией повсеместных военных конфликтов и пр. [4]. Взаимодействие этнолингвоинформационных стратегий связано с такими структурными компонентами, как: 1) культурное воспроизводство; 2) социальная интеграция; 3) социализация. Каждый из этих компонентов, на наш взгляд, ориентирован в свою очередь на реализацию стратегий, которые имеют значение в целом для этой триады «личность — культу-

ра — общество» [5]. При осуществлении этнолингвоинформационных стратегий вырабатывается координация действий через интерсубъективное признание притязаний на их значимость. Например, большинство татарских информонимов имеет ярко выраженную этническую окраску. Так, исследователи отмечают, что такие ярко окрашенные татароязычные информонимы, как «**Тулпар**» (Конь-скакун, Уфа), «**Кояш**» (Солнце), «**Нур**» (Луч), «**Юл**» (Путь), «**Саф чишме**» (**Чистый родник**, Екатеринбург) отражают мифологические константы татарского народа, что сразу ориентирует потенциального реципиента на конкретный круг вопросов: либо ориентация на семейные ценности (типа: «**Хужа хем хужабикэ**» / «Хозяин и хозяйка»), либо на религиозные ценности (типа: «**Азан**» / «Призыв к молитве») и т.д. [7, с. 208]. Итак, с одной стороны, огромную роль здесь играют различные информационные средства (Интернет, телевидение, печатные средства массовой информации), а с другой — достаточная легкость использования современных транспортных коммуникаций. Действительно, как справедливо подчеркивают А. М. Хайретдинова и И. С. Карабулатова, «если мы посмотрим на виртуальную карту этнолингвоинформационного пространства России, то обнаружим, что оно голографически передает суть этноязыковой картины российского государства» [7, с. 210].

Анализ информационной сути процессов, происходящих в современном обществе, показывает, насколько глубоко все элементы нашего информационного пространства пронизаны этнической функцией. Особенно ярко это видно при массированных информационных атаках в сфере СМИ. Например, социальные сети («Одноклассники», «Вконтакте», «Фейсбук» и др.) становятся ареной, на которой разворачиваются основные «боевые действия» по трансформации восприятия тех или иных событий. При этом используются как видеоряды, так и текстовые сообщения, креолизованные тексты (тексты с фотографией и/или картинкой). Не каждый реципиент такого сообщения способен осознать, что он имеет дело с искусственно созданным текстом — орудием информационной войны. Каждый элемент информации, при таком подходе лишь постольку является таковым, поскольку он несет новую этническую информацию [8]. Возьмем, к примеру, один из популярных сайтов постсоветского пространства «Одноклассники». Один из его пользователей разместил у себя в статусе

картинку с текстом «Крым входит в состав России». Сам по себе текст нейтрален, однако при соединении с изображением он вызывает крайне негативные реакции. Дело в том, что изображен оголенный зад мужчины в партикулярном платье, в анус которого идут толпы людей [9]. Эта картинка-статус имеет свыше тысячи комментариев с ярко выраженной негативно-экспрессивной окраской, сниженной и матерной лексикой, частотными являются слова «суки», «мрази» и т.п. Комментаторами выступают люди как с украинской, так и с российской стороны [9]. Такого рода публикации наглядно демонстрируют необходимость выработки инструментария формирования этнической толерантности в сфере интернет-сообществ. Следует напомнить, что украинцы занимают третью позицию среди народов России, уступая лишь татарам, поэтому нагнетание негативных настроений приведет не только к отчуждению, но и к длительно незаживающей этнотравме обоих народов. Исследователи отмечают, что «этнотравма приобретает гипертрофированные черты и требует включения в механизм национальной идентификации» [7, с. 212]. Напомним, что элементом информации можно считать: 1) сообщение, сведение о чем-либо; 2) уменьшение неопределенности в результате получения сообщения [10, с. 311]. Таким образом, при выборе этнолингвоинформационных технологий в полиэтничном регионе необходимо учитывать сложившуюся специфику этноинформационного пространства, те стратегии межэтнического взаимодействия, которые выработаны в конкретном регионе.

Мы полагаем, что этнолингвоинформационные стратегии служат установлению обобщенных ожидаемых линий вербально-паравербального поведения реципиентов для формирования «личностной идентичности членов общества через усвоение ими ценностных ориентиров группы, а значит — социализации личности» [11, с. 14].

Этнолингвоинформационные технологии, используемые в современных СМИ, насыщают личность реципиента смысловыми интерпретациями, позволяющими манипулировать его сознанием. Само общество представляет собой совокупность нормативно закрепленных и обоснованных институтов, через которые коммуникативно действующие институты демонстрируют свою принадлежность к конкретной социальной группе. Однако рассмотрение базисных понятий социолингвистики (этноязыковая ситуация,

этноязыковая политика, этноязыковое планирование, этноязыковое строительство, этноязыковая технология и др.) под влиянием негативного советского наследия зачастую оказывается «за бортом» современных лингвистов, хотя серьезная лингвистическая «расшифровка» дала бы новый толчок для социолингвистических исследований. Проф. В. И. Беликов метко замечает: «В настоящее время значительная часть отечественных интеллектуалов занята поиском Национальной Идеи» [12]. В то же время сам поиск «философского камня» национальной идеи усложняется не только за счет экстралингвистических факторов (распад СССР, выбор приоритетов в национальной политике в целом, российско-украинский конфликт и т.п.), но и сугубо лингвистических.

Чем интересна Тюменская область? Тем, что в этом регионе формирование толерантности шло естественным путем, это было обязательным условием выживания в суровых условиях. Этническая идентичность, зафиксированная в фольклоре, выступает мощным фактором формирования этнических групп и их социальных связей, служа достаточно сильным катализатором массового поведения. Массовые заимствования, зафиксированные в традиционной культуре народов-контактеров Тюменского региона, свидетельствуют о народной толерантности к инокультурам, являясь фактором развития специфической региональной культуры как таковой [13, с. 855]. На примере речи местных казахов и русских авторы показывают, «каким образом происходит трансформация внутри современной евразийской языковой личности российско-казахстанского приграничья» [13, с. 853]. Авторы приводят факты, указывающие, что казахский язык российских казахов Западной Сибири влияет как на русский язык казахов и татар, так и на русские говоры российско-казахстанской границы в районе казахстанской части. Этот процесс отражен на всех языковых уровнях [13, с. 853–858].

Становление отношений человека к его культурной и природно-биологической среде имеет определенные этапы; эти отношения в той или иной мере включают сенсорные, эмоциональные, когнитивные и поведенческие компоненты. В частности, сформированность когнитивных связей представляет собой собственно мировоззрение, тогда как сенсорные и эмоциональные компоненты отношений человека больше определяют то, что называется мироощущением и т.д.

Идеологические метания лингвистов то в утверждение безусловного и абсолютного влияния общества на язык, то в доказательства мифа о равноправии языков в эпоху социализма, то в поиски аргументов в пользу тезиса о русском как втором родном языке привели к тому, что сама проблематика социологии языка в этот период значительно сузилась, переместившись с центра языковедческих исследований на периферию.

По сути, этноязыковое строительство в полиэтничном регионе, каковым и является Тюменская область, направлено на воспроизводство наследования этнокультуры у жителей региона. Для достижения оптимальной степени этнической (или этнокультурной) идентичности человек должен в значительной мере включиться именно в культуру региона его рождения и проживания — в родную культуру, язык, усвоить определенные традиции мировоззрения, мироощущения и мирочувствования.

Учеными замечено, что мозаичная этнокультурная среда в современном мире только усугубляет культурно-мировоззренческие рассогласования в психике отдельного человека.

Однако преподавание языка и возрождение этнических традиций столкнулось с проблемой их функционирования в различных слоях диаспоры. Например, работа с украинцами севера и юга области, как одной из самых мощных диаспор в крае, должна строиться, на наш взгляд, с учетом времени функционирования самой диаспоры и ее адаптированности в этнопространстве области, включенности в социальную жизнь региона. «Старая» украинская диаспора юга, насчитывающая не одно столетие, в большинстве своем оторвана от исторической родины, чего не скажешь о «новой» украинской диаспоре севера [14]. Поэтому при адаптации соотечественников мы неминуемо столкнемся с проблемами взаимодействия различных слоев диаспоры между собой. Итак, этнические группы (я имею в виду «пришлые») Тюменской области чаще всего неисследованы, до сих пор сведения об их реальной языковой деятельности, сохранности элементов материальной и духовной культуры крайне незначительны. Таким образом, налицо необходимость достоверного скрининга этнолингвоинформационного пространства региона.

В Тюменском регионе с традиционно нерусским населением поощряются у детей зачатки билингвизма и «бикультурности» в дошкольном и школьном возрасте, поскольку это чувство, при-

витое в ненасильственной форме и в достаточно раннем возрасте, способствует психической адаптивности детей к двум культурам.

Современная этноязыковая политика в регионе должна учитывать и сложившиеся в конце 1990-х гг. особые мигрантские сообщества, которые, с одной стороны, определяют свои собственные стратегии, направленные на представительство интересов переселенцев в обществе, во властных структурах, а с другой стороны, сами оказывают воздействие на стратегии различных культурно-политических сил региона и местных властей.

В этой ситуации солидная татарская диаспора Тюменского края может показать позитивный пример реализации этноязыковой политики для других молодых диаспор, близких по языку, религии, культуре. В области успешно реализуются телевидение и радиовещание на татарском языке, издаются газета и журнал.

Таким образом, мощные миграционные потоки в разное время способствовали трансформации этнической карты Тюменской области, определив этноязыковую специфику региона. Можно предположить, что процессы этнической миксации будут проходить в области более интенсивно, способствуя выработке новых региональных стереотипов, основанных на материнских культурах народов-контактеров. Такое этническое многообразие, которое наблюдается в Тюменской области, заставляет обращаться к проблемам межкультурной коммуникации и взвешенной этноязыковой политики в регионе.

Литература

1. Поливара, З. В. Языковая личность в трансформирующемся сообществе: этнолингвистические дифференциации татар-билингвов в иноэтническом окружении / З. В. Поливара, И. С. Карабулатова.— М., 2013.

2. Гультяев, В. Н. О проблемах формирования полилингвоментальной евразийской языковой личности в российско-казахстанском пограничье : языковые, социальные и экономические факторы / В. Н. Гультяев, К. К. Койше, И. С. Карабулатова // Научное обозрение.— М.— 2013.— № 1–2.— С. 158–169.

3. Karabulatova, I. S. Turkic and Slavs: Bi-Polylinguism in Globalization and Migrations (On an Example of Tumen Region) / I. S. Karabulatova, Z. V. Polivara // Middle-East Journal of Scientific Research.— 2013.— № 17 (6).— P. 832–836.

4. Ниязова, Г. М. Современное информационное пространство: этнолингвофу нкциональный подход / Г. М. Ниязова.— Тюмень : Печатник, 2007.

5. Luhmann, N. The Reality of the Mass Media / N. Luhmann.— Stanford : Stanford University Press, 2000.

6. Карабулатова, И. С. Специфика функционирования номинативных единиц этнолингвоинформационного пространства (на материале татарского языка) / И. С. Карабулатова, А. М. Хайретдинова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств.— Кемерово : КемГУКИ, 2012, № 19–1.— С. 16–22.

7. Хайретдинова, А. М. О месте информонимов (номинативных единиц СМИ) в современном этнолингвоинформационном пространстве (на материале татарского языка) / И. С. Карабулатова, А. М. Хайретдинова.— М. : Научное обозрение, 2012.— № 1–2.— С. 206–213.

8. Тоффлер, О. Футуршок / О. Тоффлер.— М. : Прогресс, 1973.

9. Одноклассники. Профиль пользователя [Электронный ресурс].— Режим доступа : http://www.odnoklassniki.ru/profile/124235458347/statuses/6247474204957.

10. Ниязова, Г. М. Особенности информационного пространства многонационального региона и этническая идентичность / Г. М. Ниязова, А. М. Хайретдинова // Сборник материалов Международного научно-методического семинара «Мультилингвизм и межкультурное образование: опыт преподавания иностранных языков в Казахстане» (посвящается 20-летию Независимости Республики Казахстан). Астана, 20 января 2012 г.— Астана : ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2012.— С. 311–313.

11. Шапиева, О. Г. Нравственно-правовая социализация : учебное пособие / О. Г. Шапиева.— Махачкала : ИПЦ ДГУ, 2001.

12. Беликов, В. И. Национальная идея и культура речи / В. И. Беликов // Отечественные записки.— 2005.— № 2.

13. Karabulatova, I. S. The Dialogue of Kazakh Steppe and Russian Forest: About the Character of Turkic-Speaking Linguistic Personality on the Territory of Russian-Kazakhstani Border-Zone / I. S. Karabulatova, K. Koyche, V. N. Gultyaev // Middle-East Journal of Scientific Research.— 2013.— № 17 (7).— P. 853–858.

14. Карабулатова, И. С. Украинская диаспора Тюменской области: история, язык, культура / И. С. Карабулатова, Л. Ф. Карелина.— Тюмень, 2006.

З. Б. Озер
Анкара, Университет Гази

Аксиологическая оценка национально-культурных кодов

Ценность как философская категория является одним из важнейших объектов современных языковых исследований. Аксиология, изучающая ценностные категории, всегда была объектом исследования философов, филологов, историков, политиков, со-

циологов, писателей и поэтов разных эпох. Теоретическая основа аксиологии отражена в работах западных исследователей (Кант, Гегель, Ницше, Леви-Стросс, К. Лоренц, И. Гердер, А. Шопенгауэр, Дж. Фейблман, И. Хейзинга, В. Библер, Л. Уайт, Т. Парсонс, В. Гумбольдт и др.). Необходимо особо отметить, что в древневосточной дидактической литературе в различных художественных жанрах были представлены ценностные категории. Ценность, которую можно представить как «совершенную или идеальную модель» поведения человека и социума, всегда была одной из основных тем произведений древнейших эпох. Это и «Калила и Димна» (XI в.), «Кабуснаме» (XI в.), «КутадгуБилиг» (XI в.) Юсуфа Баласагуни, «Трактат о взглядах жителей добродетельного города», и философские трактаты Аль Фараби (IX в.), литературно-философские работы Ахмеда Яссави (XII в.), творчество Юнуса Емре (XIII в.), Хаджи Бекташа Вели (XIII в.), Мевляны (XIII в.) и многих других восточных мыслителей.

Современные исследования в области лингвокультурологии и лингвоаксиологии, к сожалению, не всегда учитывают колоссальные труды древневосточных ученых. Достаточно вспомнить «Словарь тюркских языков» Махмуда Кашгари (XI в.). Лингвокультурологический словарь, подготовленный в XI в., поражает обширностью и полнотой описания с учетом уклада жизни, особенностей географической и культурной среды. Взаимосвязь языка и культуры наиболее полным образом отражена в этом уникальном словаре. Автор монографии «Основы этнолингвистики» М. М. Копыленко дал высокую оценку этому фундаментальному труду [5]. Учёный отмечает, «что яркая этнолингвистическая направленность труда М. Кашгари не повторяется более ни в одном лингвистическом сочинении Запада–Востока» [3, с. 411]. Теория совершенного человека и философия сердца, отражённые в древневосточной философии, заложили фундамент для развития западной и российской философии ценностей (В. В. Розанов, В. О. Ключевский, В. С. Соловьев, П. А. Флоренский, Н. К. Рерих, Г. С. Сковорода, П. Д. Юркевич и др.). Аксиологические исследования с учетом древневосточной, в частности, тюркской философии и литературы, могут служить фундаментом для последующих исследований в области теоретической и практической аксиологии. Например, теория совершенного человека и философия сердца, глубоко отраженная в творчестве казахского мыслителя Абая Кунанбая, может служить средством вос-

приятия аксиологической оценки общечеловеческих ценностей. Потребность в изучении ценностей определённой лингвокультуры способствовала появлению таких новых языковых дисциплин, как лингвострановедение, межкультурная коммуникация, этнолингвистика, когнитивная лингвистика, народная лингвистика, сопоставительная лингвокультурология, аксиологическая лингвистика. Особо следует отметить научные труды Ф. И. Буслаева, А. Н. Веселовского, А. А. Шахматова, В. А. Звегинцева, Б. А. Ларина, М. М. Копыленко, А. А. Потебни, Ю. М. Лотмана, Ю. С. Степанова, В. А. Масловой, Н. Д. Арутюновой, Ю. Д. Апресяна, Ю. Н. Караулова, А. Вежбицкой, В. Г. Костомарова, В. Н. Телии, Б. Огеля, О. О. Сулейменова, А. Т. Кайдарова, А. Маргулана, М. Ф. Кёпрюлю, И. Меликофф, А. Б. Ерджиласуна, Д. Аксана, М. О. Огуза, Б. Вардара, З. К. Ахметжановой, Г. М. Алимжановой, З. К. Сабитовой и многих других российских и тюркских исследователей.

Аксиологическая оценка является одним из базовых концептов многих социальных дисциплин, потому что она теснейшим образом связана с историей, психологией, культурой, общественной моралью и нравственностью социума и человека. Аксиологическая оценка определяет соответствие или несоответствие реалий окружающей действительности общепринятым человеческим нормам. Аксиологическая оценка и переоценка национально-культурных кодов в общественном или индивидуальном сознании определяется различными социально-политическими, идеологическими, религиозными, национально-культурными, образовательными и воспитательными факторами. «Время» и «пространство» являются определяющими признаками становления аксиологической оценки. В зависимости от возраста, профессии, образования и воспитания, приобретенного опыта, знания о мире, нравственных ценностей шкала оценочности может меняться. Механизмы становления и изменения аксиологической оценки национально-культурных кодов можно проанализировать посредством изучения и сравнения текстов, наскальных рисунков, орнаментов и других объектов различных эпох. Наиболее ярким объектом изучения аксиологической оценки является язык. Как известно, аксиологическая оценка проявляется как в языковом, так и в речевом выражении. Речевое поведение носителей языка является одним из определяющих критериев национально-культурных кодов в определённый отрезок времени. В речевом поведении проявляются неологизмы, за-

имствования, которые становятся активными в словаре носителя языка. Речевое поведение является зеркалом определенного общества. Аксиологический анализ современного состояния языка проводится на различных языковых и речевых уровнях.

Общность национально-культурных кодов больше всего проявляется в мифонимах, фразеологизмах, пословицах и поговорках. Например, несмотря на различные именования, *Егорий Храбрый, святой Георгий, Хазрети Хызыр, Кыдыр, Джирджис* являются одним историко-мифическим образом. Это показывает на то, что исторические исследования являются неотъемлемой частью полного выражения аксиологической оценки. Знание и целостное восприятие истории влияет на образование ценностных ориентаций и способствует появлению общих национально-культурных кодов или почтительному отношению к «чужим» национально-культурным кодам. Данная задача является очень сложной, так как уничтожение или фальсификация исторических документов на протяжении веков, кардинальные политические преобразования, изменение геополитических границ, появление новых государств, смена алфавитов, различные наименования и оценка одних и тех же явлений препятствуют видению целостной картины мира и выражению аксиологической оценки. В связи с указанными причинами концептосфера и аксиосфера большинства историко-географических понятий и их отражение в литературных произведениях рассматриваются и оцениваются в основном с точки зрения новейшей истории.

Лингвокультурологические анализы номинативных единиц (в том числе и национально-культурных кодов) базируются на материале современного состояния языка. Аксиолингвистика в большей степени занимается исследованиями современных языковых явлений. Например, Н. Г. Брагина подчеркивает, что «лингвокультурологический анализ не совпадает с этимологическим. Его задачей является не установление происхождения языковой единицы, но попытка определить условия формирования культурного константа» [4, с. 133]. Тогда как на наш взгляд, этимологический и этнолингвистический анализ являются неотъемлемой частью лингвокультурологического анализа, без которого невозможно полное описание любого национально-культурного кода. Сопоставительный лингвокультурологический анализ национально-культурных кодов позволяет выявить исторические реалии в совершенно другом контексте.

Тематические блоки национально-культурных кодов — это история, язык, речь (различные типы письма, алфавиты), литература, фольклор, верования, искусство, национальная архитектура, кухня, одежда, музыка, игра и т.п. Восприятие и оценка предметов материальной культуры теснейшим образом связана с духовной культурой и системой ценностей, которые, к сожалению, определялись политическими, идеологическими и образовательными факторами. Попытаемся определить общеизвестные лексико-тематические блоки национально-культурных кодов, выявить закономерности и особенности развития национально-культурных кодов и их аксиологической оценки. Например, национальная одежда является важнейшим атрибутом национально-культурных кодов. По национальной одежде вы можете отличить представителей различных культур. Несмотря на то, что национальная одежда является одним из важных национально-культурных кодов, общественно-политические и идеологические факторы могут влиять на оценку и восприятие национальной одежды. Например, казахская национальная одежда в период советской власти являлась признаком провинциальности, отсталости. Носили национальную одежду в деревнях в основном люди пожилого возраста. С распадом Советского Союза национальная одежда постепенно стала входить в повседневную жизнь казахов, стала символом национального самосознания. Национальная одежда тюркских народов в настоящее время является непременным атрибутом праздников, свадебных обрядов, фестивалей, различных культурных мероприятий.

Национальная архитектура является не только материальным объектом культуры, но и своеобразным символом, «знаком» ее духовности. Например, *«Кремль»* символизирует Россию. В сознании носителей турецкого языка данный национально-культурный и исторический код известен и прогнозируем. Тогда как *«Бабыали»* как символ власти Османской империи известен узкому кругу специалистов. В русских текстах *«Бабыали»* переведен как *«Высокая Порта»*. В данном случае устойчивое словосочетание *«Высокая Порта»* не является воспроизводимым кодом, символизирующим власть Османской Империи. Данный пример обращает на себя вниманием тем, что перевод национально-культурных кодов является одним из важнейших факторов сохранения и воспроизводимости национально-культурных кодов.

Национально-культурные коды не всегда имеют семантические эквиваленты. Например, *«семазен»* как национально-культурный код Турции в русском языке не имеет семантического эквивалента. Анализ переведенной литературы показывает попытку дословного перевода данной культуремы: *танцующие дервиши, крутящиеся дервиши, вращающиеся дервиши*. В данном случае наиболее верным словосочетанием было бы *«парящие дервиши»,* где актуализируется тема «небеса, Бог». Но для сохранения этого необычного национально-культурного кода номинативная единица *«семазен»* в других языках должна оставаться в турецком варианте. Передача материальных и духовных концептов одного языка на другой язык возможна посредством сохранения звукового ядра. Такие номинативные единицы, как *матрешка, тройка, перестройка, гласность* и т.п. не требуют перевода на турецкий язык. Любое наименование можно передать в другом языке, определяя его назначение, функцию и оценку. Например, национальные турецкие танцы: *Зейбек* (парный или групповой мужской танец, символизирующий воинскую силу); *Халай* («хоровод», символизирующий единство); другие групповые танцы *Бар, Хорон, Сеймен,* отражающие мировосприятие и национально-культурные традиции народов.

Лингвокультурологический анализ национально-языковой картины мира позволяет выделить основные национально-культурные коды, символизирующие духовное наследие различных и родственных народов. Национально-культурные коды наиболее ярко отражаются в антропонимах и топонимах, где наблюдается эксплицитное и имплицитное смешение, заимствование, процессы ассимиляции и фонетической адаптации. На протяжении веков алфавитная политика вела к постепенному поэтапному стиранию национально-культурных кодов. Национально-культурные коды и их аксиологическая оценка характеризуют, в основном, концептуальную модель современника.

Аксиологическая оценка национально-культурных кодов связана с асимметрией языкового знака и языкового сознания. Асимметрия — это несоответствие или смысловой и оценочный конфликт плана выражения и плана содержания, поиск новых средств выражения, развертывание различных вариантных рядов, т.е. изменение аксиологической оценки. Изменение аксиологической оценки основывается под непосредственным влиянием различных языковых материалов, влияющих на формирование

оценочности. Например, номинативная единица *«шахид»* в турецкой мифологии имеет значение «герой». Люди, которых называют шахидами, остаются героями, патриотами. В Турции *«стать шахидомд»* — это честь. А в России шахидами называют террористов-смертников. Наименование ИГИЛ (в переводе «исламское государство») оскорбляет многих мусульман, так как настоящий Ислам призывает к добру, миролюбию и проповедует истинные духовные ценности. Именно поэтому в прямом эфире мусульмане настояли на том, чтобы эту террористическую организацию называли ДАИШ, что в переводе означает Сатана. Данный пример подтверждает, что наименование не всегда соответствует внутреннему содержанию слова. Оценочное отношение зависит от многих факторов (возрастные, социально-политические, когнитивные, профессиональные, нравственные, идеологические, религиозные, жизненный опыт, ценностные ориентации и т.п.).

Может ли язык точно зафиксировать все национально-культурные коды? В чём причина заимствования, смешения и, как следствие, появления новых национально-культурных кодов? В процессе исторического развития и возникновения новых геополитических границ дешифровка национально-культурных кодов зачастую стала не просто усложненной, а даже неразрешимой задачей. Большинство исследований, проводимых в области лингвокультурологии, этнолингвистики, аксиологии и других научных дисциплинах, исключают историко-лингвистический подход. Постулат произвольности языкового знака, т.е. немотивированности номинативных единиц, замедлил путь к историческому подходу изучения языков. «Теория произвольности слова порождена произволом лингвистики, не способной восстановить словообразовательную модель, мотивировать причину акустической формы лексемы и её значения» [7, с. 30]. Как известно, объектом исследования исторической лингвистики была, в основном, историческая грамматика. Исторические исследования проводились, в большинстве своем, в области фонетики, грамматики. Возможность историко-аксиологического анализа и оценки (переоценки) исторических текстов, летописей, рукописей позволила бы выявить больше общностей, чем различий национально-культурных кодов. Выявление общностей национально-языковых картин мира позволит различным народам жить в мире и согласии.

Выявление, устойчивость и воспроизводимость национально-культурных кодов зависит от многих факторов. Прежде всего, устойчивость ассоциаций определяется принадлежностью к одной культуре всех носителей языка. Но это не означает, что национально-культурные коды стереотипны. «Стереотип — это некоторый фрагмент концептуальной картины мира, ментальная “картинка”, устойчивое культурно-национальное представление о предмете или ситуации» [1, с. 100]. Стереотипы реализуются посредством языковых и речевых моделей, вызывающих регулярные ассоциации. Данные ассоциации и их оценка определяются отношением определенного социума и языковой личности к определённым национально-культурным кодам. Они рассматриваются как составная часть процессов мыслительно-речевой деятельности, которые обусловлены потребностью национального и наднационального сознания в активизации их аксиологической оценки. Вероятность появления определенных национально-культурных кодов обусловлена разными факторами, среди которых можно особо выделить частотность их употребления (литература, телевидение газеты, учебники, официальные праздники, праздники и т.п.). Многократная повторяемость приводит к закреплению определенного кода в языковом сознании. Тем самым обеспечивается устойчивость и воспроизводимость определённых национально-культурных кодов. Но следует иметь в виду и то, что повторяемость кодов посредством средств массовой информации, художественной литературы, телевидения, учебных пособий, переводных изданий и т.п. может быть целенаправленной, выборочной и служить определенным социально-политическим и идеологическим целям.

Большая роль в обучении и распространении национально-культурных кодов принадлежит так называемой массовой литературе. Ю. Лотман рассматривает массовую литературу как историко-культурную проблему. По мнению ученого, «теоретическая самооценка литературы выполняет двойную роль: на первом этапе данной культурной эпохи она организует, сторит, создаёт новую систему художественного общения. На втором — тормозит, сковывает развитие. Именно в эту эпоху активизируется роль массовой литературы — имитатора и критика литературных и теорий» [6, с. 825]. Массовая литература влияет на моделирование национально-культурных кодов и их оценку. Например, для выявления, понимания и восприятия тюркских национально-культур-

ных кодов можно обратиться к широким возможностям массовой литературы. Учитывая тот фактор, что в Турции латиница используется с 1928 г, историко-культурное наследие предыдущих эпох можно передать посредством массовой и научно-популярной литературы. То же самое можно реализовать и для тюркских народов постсоветского пространства, где тюркские народы по различным социально-политическим и идеологическим причинам в течение одного столетия сменили несколько алфавитов, что, безусловно, привело к ослаблению исторической памяти народов. Глобальные процессы и преобразования, происходящие в мировом обществе, влияют на знание и восприятие национально-культурных кодов. В частности, процессы заимствования, уничтожения, ассимиляции или интернационализации национально-культурных кодов в результате исторических и языковых контактов приводят к расширению или сужению их аксиологического смысла.

Таким образом, любая лингвокультурная общность интерпретирует национально-культурные коды с позиции созданной ею системы ценностей. Система знаний и система ценностей являются регуляторами механизма аксиологической оценки национально-культурных кодов. При этом необходимо учесть, что система знаний и система ценностей — взаимосвязанные, взаимовлияющие, но не тождественные концепты. Национально-культурные коды являются связующей нитью между прошлым и настоящим любого социума, поэтому последовательность и преемственность являются характеризующими признаками. Ценность национально-культурных кодов является определющим фактором их восприятия и влияния на духовную жизнь человека и общества.

Для решения вышеуказанных задач предлагаем следующие пути решения проблем:

1. Лингвокультурологические исследования должны проводиться с учетом анализа произведений древневосточных философов, историков, мыслителей и ученых.

2. Сопоставительное исследование языков, истории, национальных культур предполагает необходимость комплексных исследований с участием филологов, философов. историков, социологов, лингвогеографов, археологов, культурологов и других специалистов, которые могли бы исследовать национально-языковую картину мира не только с позиции родного языка, но и его связи с другими языками как в современном, так и в историческом аспектах.

3. Аксиологический анализ национально-языковой личности на различных этапах исторического развития позволит выявить новые национально-культурные коды или пополнить новой информацией имеющие коды.

4. Словарное описание национально-культурных кодов предполагает создание словарей нового типа. Для претворения в жизнь данной цели необходимо проанализировать и древние словари, в которых отражена национально-культурная и этнолингвистическая информация.

5. В целях воспитания подрастающего поколения необходимо включить в общеобразовательные программы основные национально-культурные коды во взаимосвязи с мировыми культурными кодами.

6. Реализация возможностей массовой литературы для распространения национально-культурных кодов различных народов с целью расширения межкультурных контактов во имя мира на Земле.

Литература

1. Алимжанова, Г. М. Сопоставительная лингвокультурология. Взаимодействие языка, культуры и человека / Г. М. Алимжанова.— Алматы, 2010.

2. Ахметжанова, З. К. Очерки по национальной концептологии / З. К. Ахметжанова.— Алматы, 2012.

3. Ахметжанова, З. К. Язык в социальном, культурном и коммуникативном контексте / З. К. Ахметжанова.— Алматы, 2012.

4. Брагина, Н. Г. Фрагмент лингвокультурологического лексикона (базовые понятия) / Н. Г. Брагина // Фразеология в контексте культуры / отв. редактор В. Н. Телия.— М., 1999.

5. Копыленко, М. М. Основы этнолингвистики / М. М. Копыленко.— 1995.

6. Лотман, Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема / Ю. М. Лотман // О русской литературе. Статьи и исследования : история русской прозы, теория литературы.— СПб., 2012.

7. Сулейменов, О. О. Язык письма. Взгляд в доисторию — о происхождении письменности и языка малого человечества / О. О. Сулейманов. — Алматы–Рим, 1988.

Д. Д. Отыч
Киев, Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

Проблема религиозного сознания личности в современной психологии

Развитие общественно-исторической практики, а также многочисленные философские и научные ее исследования свидетельствуют о том, что изменения в общественной жизни людей всегда сопровождались изменениями в общественном сознании, в том числе и в такой его специфической форме, как религиозное сознание. Так, если раньше своеобразным аккумулятором религиозного сознания выступало искусство [8, с. 21], то последнее столетие показало устойчивую тенденцию к уменьшению в нём религиозного содержания с одновременным поиском такого содержания в других сферах бытия, в том числе науке. Таким образом, если раньше религия противопоставлялась науке, то сейчас наука активно ищет Творца Вселенной. В частности, в первой серии замечательной телевизионной передачи «Сквозь червоточину с Морганом Фрименом» приведены примеры поиска наличия Бога в различных отраслях человеческого знания — физике, математике, нейрологии и даже программировании.

Поскольку религия есть ирреальное отражение окружающей действительности, то она развивается и изменяется одновременно с изменением самой жизни [8, с. 21]. Усложнение мира и увеличение знаний о нем закономерно приводят к усложнению религиозного сознания человека.

Поскольку расширение знаний невозможно одновременно во всех сферах жизни и науки, а каждый человек имеет различное количество и качество знаний, различные интересы, то это позволяет говорить об увеличении различий в религиозном сознании людей.

Проблема религиозного сознания рассматривается в различных науках и охватывает различные аспекты. В частности, символизм религиозного сознания и его феномены исследует религиоведение. Место и роль религиозного сознания в общественной системе — социология. Религиозное сознание как одну из форм отражения действительности, совокупность идей, взглядов и теорий изучает философия. Культурология рассматривает его как

своеобразное символическое изображение религиозных образов в искусстве, обрядах, ритуалах, как отражение культурных норм и ценностей общества на определенном этапе его развития, в качестве соотношения традиций и инноваций во взаимодействии общества, культуры и религии. Историческая обусловленность типов современной религиозного сознания стала предметом изучения истории [2, с. 3]; [5, с. 5]; [11, с. 43]. Для психологии актуальной проблемой является изучение психологических особенностей религиозного сознания современной личности.

Кроме этого, при исследовании религиозного сознания представители различных наук нередко используют психологический подход, видя его основное преимущество в возможности изучения религиозного сознания в единстве религиозного мироощущения, мироотношения и мировосприятия [5, с. 5].

Как объект изучения, религиозное сознание имеет свою специфику в социальной психологии, которая рассматривает психологические механизмы формирования и проявлений религиозного сознания, в частности, особенности религиозной перцепции, коммуникации и интеракции, формирование религиозных сообществ и их функционирование [15, с. 7].

Психология личности рассматривает религиозное сознание в личностном аспекте как раскрытие мира человеческой субъективности, где внутреннее Я выступает самостоятельным объектом исследования [6, с. 10]. Религиозное сознание выступает индивидуальным феноменом, зависит от типа религиозности, психологической сущности веры и особенностей формирования религиозной личности.

Следует отметить, что различные психологические концепции по-разному рассматривают содержание религиозного сознания личности, что обусловлено неодинаковыми подходами к пониманию сущности и структуры личности.

В частности, в центре психоаналитической концепции религиозного сознания как «навязчивого невроза» (З. Фрейд) находится потребность в защите и механизм проекции («комплекса отца» на фигуру Бога). Религиозное сознание человека ограничивается культурными особенностями общества, в котором оно существует [9, с. 161].

Гуманистический психоанализ (Э. Фромм) рассматривает религиозное сознание как поиск ориентира для «самореализации»

личности через выбор действий и самоанализ собственных поступков, где Бог выступает «символом» человеческой силы и идеалом, к которому он стремится [13, с. 71; 16, с. 165].

Трансперсональный подход в психологии (С. и К. Гроф, А. Маслоу, К. Уилбер) раскрывает религиозное сознание человека через религиозные переживания, духовность и измененные состояния сознания [10].

Экзистенциальная психология определяет религиозное сознание через субъективную реальность отдельного индивида, аспекты его индивидуального человеческого бытия, которые выявляются в его отношении к экзистенциальным проблемам (в частности, жизни и смерти, свободы и т.д.) [4].

Классический бихевиоризм (Б. Скиннер, Д. Трот, Р. Уэллс, Дж. Уотсон) не рассматривает вопрос религиозного сознания (как и сознания вообще), концентрируясь только на исследовании религиозного поведения, которое является наблюдаемым [14].

Таким образом, на сегодняшний день не существует общепринятого психологического понимания сущности религиозного сознания, что обусловлено сложностью указанного феномена и разнообразием его проявлений.

В отечественной психологической литературе религиозное сознание определяется как система понимания и восприятия человеком сверхъестественного через признание присутствия Бога в мире как Творца и Промыслителя, который определяет такой смысл жизни индивида, который гарантирует светлую эсхатологическую перспективу. Это определенная совокупность взглядов и идей (структурированная или неструктурированная), которая учитывает необходимость дополнения объективированных в соответствующей религиозной культуре норм и правил религиозного мышления и поведения через субъективированную религиозную и конфессиональную самоидентификацию [2, с. 5].

Результаты современных психологических исследований показали, что религиозное сознание является социальным и диалогическим, консервативным и символическим.

Социальность религиозного сознания выражается в восприятии религиозных ценностей как механизма социальной регуляции и как гносеологических ориентиров [1, с. 3]. Диалогичность отражается в выявлении личностных свойств индивида в процессе межличностного взаимодействия [6, с. 10]. В. Джеймс отмечал

индивидуальную неповторимость религиозного сознания разных людей [3]. Консерватизм имеет своей целью обеспечение жизнестойкости религии и ее приспособление к внешним общественным условиям существования. Символизм религиозного сознания реализуется в опосредованной передаче абстрактных идей божественной сущности и идеального совершенства через наделение слов, действий, предметов и текстов особыми религиозными значениями с помощью чувственных образов [8, с. 24]. Религиозному самосознанию также присущи целостность и полнота знаний верующего о догмах, канонах и ритуалах, которые определяют образ жизни человека, принятый в его религиозной традиции [2, с. 5].

Р. А. Козловский среди особенностей религиозного сознания выделяет: наличие идеи Бога и признание его сверхъестественности; фантастическое отражение действительности, раздвоение мира на мир реальных и «Над» сущностей; подражание в новой религии (и религиозном сознании) элементам верований предыдущей религии; относительную самостоятельность и медленное обновление религиозного сознания, которые проявляются в том, что религия медленнее других форм общественного сознания реагирует на изменения в обществе [9, с. 161]. Стоит отметить, что процесс модернизации современного религиозного сознания происходит очень противоречиво и отличается в разных конфессиях. В частности, это проявляется в отношении различных ветвей христианства к процессам глобализации [8, с. 25].

Среди основных черт современной религиозного сознания называют также:

– эклектичность, что проявляется в смеси религиозных и парарелигиозных идей (магии, астрологии, колдовства);

– сосредоточенность на личностном субъективном опыте и мистическом подходе к единению человека с Богом, а не на коллективной ритуальной практике;

– неинституционализированный характер как выявление человеком веры без пребывания в определенной религиозной общине;

– религиозную мобильность — изменение религиозной принадлежности [8, с. 25].

Ядром религиозного сознания личности выступает религиозная вера как духовный феномен, который был рационально осмыслен человеком и приобрел эмоционально-волевые признаки

[5, с. 5]. Духовность человека в таком случае является стремлением к совершенству, к соединению с божественным в собственной душе и проявляется как идентификация с идеалом Добра, Истины, Красоты, Блага [13, с. 84]. Именно вера человека определяет сознание как собственно религиозное [5, с. 6].

Вокруг религиозной веры располагаются определенные религиозные истины, нормы, символы, ценности, ориентации, установки, которые имеют теоретико-познавательную, эмоционально-оценочную и деятельно-волевую составляющие. Они образуют такие обязательные признаки религиозного сознания, как наличие религиозной веры, знание о религии, эмоциональное отношение к ней и волю к ее реализации в повседневных религиозных и социальных практиках [5, с. 6].

Для религиозного человека, который трактует все жизненные события как божественный замысел и придает им особый смысл как испытанию, религиозная вера выступает особым ресурсом, позволяющим перенести невзгоды [3].

Религиозная вера по-разному проявляется на двух уровнях религиозного сознания — теоретическом (концептуальном) и бытовом (повседневном).

Теоретический уровень религиозного сознания образуется тремя элементами:

– системой религиозных верований (идея сверхъестественного, которая персонифицируется в образе могучего существа, создавшего мир и управляющего его существованием);

– религиозными концепциями различных сфер жизни и деятельности человека (в частности, таких как политика, право, экономика, искусство, общество и мораль и др.);

– религиозной философией (проблемы существования мира, места и роли в нем человека, его назначения, бессмертия души и др.).

Бытовой (жизненный) уровень религиозного сознания объединяет типичные религиозные образы, чувства и настроения определенного количества верующих людей [5, с. 5]; [8, с. 24].

По мнению Д. Майерса, информация, связанная с религиозными вопросами в сознании человека, может искажаться и быть иллюзорной, поскольку религиозный опыт позволяет ему интуитивно знать ответ на вопрос и реагировать на событие жизни без его эмоционального анализа. Это связано с особенностями перцептивных социально-психологических процессов. Так, установки челове-

ка контролируют его интерпретации. Неопределенность воспоминаний обусловливает то, что памятью о них начинают управлять чувства. Такая особенность позволяет сделать вывод о субъективности религиозного опыта (а значит, и религиозного сознания). Человек склонен переоценивать свои суждения. Нередко религиозная личность воспринимает случайные события как взаимосвязанные, что порождает у нее «иллюзию контроля» (идею о том, что случайные события подвергаются нашему влиянию). Такие лица обращают внимание только на совпадение одного события с другим, а события, которые не соответствуют идеям верующего, не замечаются. Частота таких совпадений переоценивается, а выводы, которые делает верующий, нередко бывают ложными.

Важной особенностью восприятия религиозной информации является и то, что на человека в большей степени влияют необычные истории (сообщение о чудесах, исцелениях и т.д.), чем факты. Однако это способствует развитию подлинной религиозности, поскольку ощущению трепета, благоговения и собственного несовершенства чаще всего предшествует история о выполнении «Божьего замысла», который не может быть постигнут человеком [7].

Восприятие информации религиозного содержания само по себе не является свидетельством религиозной жизни человека, которая, по мнению В. Джеймса, происходит между чувствами и поведением верующего [3].

Таким образом, проблема религиозного сознания является настолько обширной и разносторонней, что ее изучением занимаются различные науки, в том числе и психология. Кроме того, разные психологические сферы и направления по-разному рассматривают сущность религиозного сознания. В современной отечественной психологии религиозное сознание понимается как система идей, которая утверждает существование Бога, определяет смысл жизни, гарантирует эсхатологическую перспективу и субъективирует существующую в определенной культуре систему норм и ценностей через идентификацию человеком себя как верующего.

Специфика религиозного сознания определяется его субъективностью, просоциальностью, диалогичностью, консерватизмом, символизмом, целостностью. Основными чертами современного религиозного сознания учёные называют его эклектичность, сосредоточенность на личностном субъективном опыте, неинституционализированный характер и религиозную мобильность.

Проведённый теоретический анализ научных подходов к пониманию сущности, содержания, составляющих и особенностей религиозного сознания создаёт теоретическую основу для дальнейшего изучения проблемы его взаимосвязи с изменениями в социальной жизни и процессами глобализации в современном мире, что и станет перспективным направлением нашего дальнейшего научного поиска.

Литература

1. Воропаева, Е. В. Религиозное сознание и его гносеологический потенциал : автореф. дис. … канд. философ. наук, 09.00.01 / Е. В. Воропаева ; Моск. пед. гос. ун-т.— М., 2008.
2. Гаврілова, Н. С. Релігійна свідомість сучасного студентства в контексті світоглядного плюралізму (на матеріалах України) : автореф. дис. … канд. філософ. наук, 09.00.11 / Н. С. Гаврілова ; Ін-т філософії ім. Г. С. Сковороди НАН України.— Київ, 2007.
3. Джеймс, У. Многообразие религиозного опыта / У. Джеймс.— М. : КомКнига, 2010.
4. Дружинин, В. Н. Варианты жизни очерки экзистенциальной психологии / В. Н. Дружинин.— М. ; СПб., 2000.
5. Зайцева-Чіпак, Н. О. Соціологічні виміри релігійної свідомості : автореф. дис… канд. соціол. наук: 22.00.04 / Н. О. Зайцева-Чіпак ; Гуманітарний ун-т «Запорізький ін-т держ. та муніципального управління».— Запоріжжя, 2007.
6. Излученко, Т. В. Социально-философский анализ диалогичности религиозного сознания : дис. канд. философ. наук, 09.00.11 / Т. В. Излученко ; Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева.— Красноярск, 2014.
7. Ильин, И. Оновы христианской культуры / Иван Ильин.— М., 2011.
8. Кислюк, К. В. Релігієзнавство : підручник для студентів вузів / К. В. Кислюк, О. М. Кучер.— Киев, 2005.
9. Козловський, О. Р. Релігійна свідомість і релігійні практики населення сучасної України як предмет соціально-філософського аналізу / О. Р. Козловський.— Київ, 2007.
10. Майков, В. Трансперсональная психология: Истоки, история, современное состояние / В. Майков, В. Козлов.— М., 2004.
11. Оськин, В. А. Специфика «Нового религиозного сознания» / В. А. Оськин // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.— Кострома, 2010.— № 4.— Т. 16.— С. 43–46.
12. Словарь-справочник по социальной психологи / В. Крысько.— СПб., 2003.
13. Ставицька, С. О. Духовна самосвідомість особистості: становлення і розвиток в юнацькому віці : монографія / С. О. Ставицька.— Киев, 2011.

14. Стевенсон, Л. Десять теорий о природе человека / Л. Стевенсон, Д. Хаберман — М.,2004.
15. Угринович, Д. М. Психология религии. / Д. М. Угринович — М., 1986.
16. Nelson, J. Psychology, Religion, and Spirituality / J. Nelson — USA, N.Y., 2009.

Б. В. Пальчевский
Минск, Минский городской институт развития образования

Типы культуры и адекватные виды готовности авторов к разработке научно-методического обеспечения для системы образования

Культура управления разработкой научно-методического обеспечения в системе непрерывного образования в современной социокультурной ситуации является актуальной и назревшей для развития реальной образовательной практики. В данной статье в качестве результатов исследовательской деятельности выступают закономерности культуры управления разработкой научно-методического обеспечения, которые представлены через типы культуры и адекватные виды готовности авторов-разработчиков.

Одной из фундаментальных категорий, которая предопределяет успех реализации проекта по обеспечению культуры управления разработкой научно-методического обеспечения для образовательной практики выступает категория **готовности**. В ракурсе рассмотрения данной категории целесообразно определить ее как готовность авторского коллектива к научно обоснованному видению и разработке учебно-методических комплексов (УМК). Готовность авторов-разработчиков выращивается в рамках специально организованного, ограниченного определенными временными рамками педагогического процесса.

На основании методологических разработок появилась возможность сформулировать сущность и значение готовности к разработке УМК. **Готовность к разработке УМК — базовый уровень культуры, духовно-нравственного состояния и квалификации работника системы образования (как специалиста в сфере методического оснащения процесса обучения по конкретной образовательной области или учебному предмету), обеспе-**

чивающий быструю и качественную мотивацию, адаптацию и включенность в решение задач научного обоснования, разработки, авторского надзора и экспериментальной апробации целостных УМК.

Имеющие место методолого-теоретические основания позволили выявить, обосновать и «привлечь» различные типы культуры к конкретной деятельности по разработке УМК. Так, на основе выделенных и представленных **типов культуры** был осуществлен модельный переход на **виды готовности** с учетом дифференциации конкретных представленностей каждого типа культуры. В этом случае появилась возможность описания специфики содержания адекватной профессиональной деятельности авторов по разработке УМК для каждого вида **готовности**.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА определяет такие виды готовности к разработке УМК, как: а) мотивационный; б) рефлексивный; в) коммуникативный.

Мотивационная готовность фиксирует нацеленность и стремление специалиста в сфере образования (управленца, ученого, методиста, педагога-практика, программиста и др.) к осуществлению профессиональной деятельности по разработке УМК.

Рефлексивная готовность определяет умение рефлексировать свою профессиональную деятельность и деятельность авторского коллектива по разработке как компонентов, так и УМК в целом.

Коммуникативная готовность обеспечивает осуществление профессиональной коммуникации с коллегами-авторами УМК, с сотрудниками экспериментальных площадок, с обучаемыми, с управленцами, с экспертами и другими позиционерами, участвующими в разработке, создании, внедрении и обсуждении результатов опытно-экспериментальной работы.

ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА предполагает следующие виды готовности к разработке УМК: а) проектировочную; б) организационную; в) управленческую.

Проектировочная готовность обеспечивает автору-разработчику УМК владение теорией и практикой гуманитарного проектирования, в частности, проектирования технологии обучения и, как следствие, научно обоснованной разработки идеи, структуры, содержания и компонентов УМК.

Организационная готовность к предстоящей профессиональной деятельности автора-разработчика УМК гарантирует

возможность оптимальной организации, выбора путей, средств, форм и методов индивидуальной и коллективной деятельности при разработке всех компонентов УМК.

Управленческая готовность обеспечивает оптимальное проектирование законченного управленческого цикла с целью создания наиболее благоприятных условий авторам-разработчикам для индивидуальной и коллективной деятельности на всех этапах создания УМК.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА выступает своеобразным гарантом соблюдения гуманистического ракурса при разработке структуры и содержания каждого компонента УМК, что реализуется с помощью таких видов готовности, как: а) ценностная; б) гражданская; в) культурологическая.

Ценностная готовность определяет, во-первых, наличие у автора-разработчика, во-вторых, принятие им и, в-третьих, использование в процессе проектирования всех компонентов УМК таких ценностных оснований, как истина, ответственность, сопереживание.

Гражданская готовность обеспечивает соблюдение автором-разработчиком УМК базовых основ, правил и принятых в гражданском обществе устоявшихся положений в рамках гражданской позиции и правового поля, направленных на отстаивание авторских прав, собственного достоинства и принципа «не навреди».

Культурологическая готовность гарантирует соблюдение преемственности и норм культурного наследия прошлого, настоящего и прогнозирование будущего слоя культуры.

ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА в современном мире становится все больше определяющей и обеспечивающей возможности для дальнейшего и прогрессирующего продвижения вперед на пути развития и человека, и общества. Именно поэтому данный тип культуры при разработке УМК может быть реализован посредством специфических типов готовности: а) компьютерной; б) средствиальной; в) иллюстративной; г) текстово-гносеологической.

Компьютерная готовность предопределяется современной ситуацией, когда компьютер и другие сопровождающие его технические устройства как мощное и эффективное средство используется практически во всех сферах человеческой деятельности, в том числе и в образовании. Автор-разработчик УМК должен иметь компьютерную готовность на уровне пользователя самых современных электронных технических устройств. При этом он

должен дидактически грамотно ставить задачи специалистам по современным электронным средствам обучения, профессионально осуществлять их инспектизу и экспертизу.

Средствиальная готовность касается средств обучения и выражается владением автором-разработчиком УМК информацией (банком данных) о номенклатуре и дидактических возможностях всех существующих в каталогах (и даже оригинальных, изготовленных в учебных заведениях самостоятельно) средств обучения, осуществлением дидактически обоснованного выбора необходимых средств и (или) разработкой новых в соответствии с конкретными целями каждой учебной ситуации технологии обучения.

Иллюстративная готовность обеспечивает у авторов-разработчиков УМК реализацию способов деятельности по созданию зрительного ряда новых средств обучения в виде эскизных вариантов для передачи специалистам (художникам, программистам, модельерам и др.).

Текстово-гносеологическая готовность предполагает владение автором-разработчиком УМК способами и навыками адаптации научного материала в учебный, и последующего написания адаптивного, доступного и воспринимаемого учащимися текста для различных компонентов УМК (например, для учебника, рабочей тетради, сборника заданий и упражнений и др.) с учетом реализации принципов научности, доступности, наглядности.

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА представляет собой высокий уровень обобщения и систематизации накопленных человечеством научных и методологических знаний в различных сферах жизнедеятельности. Присвоенная профессионалом научно-теоретическая информация, формы, методы и средства научного познания мира и социума, теоретические способы мышления и мыследеятельности, обобщения и систематизации научной информации, умение перевода научных знаний в учебные предметы для их изучения — далеко не полный перечень компонентов научно-теоретической культуры разработчиков УМК.

Научно-теоретическую культуру можно представить через два вида готовности авторов-разработчиков УМК: а) методологическую; б) теоретическую.

Методологическая готовность предполагает достаточно высокий уровень философской подготовки автора-разработчика УМК, широкое оперирование категориями общего и единичного, а также

владение основами методологии образования, педагогической науки, проектирования технологии обучения и разработки УМК.

Теоретическая готовность авторов-разработчиков УМК предполагает владение научными (теоретическими) категориями педагогической науки, высоким уровнем логического мышления и построения умозаключений, теоретизации и построения теоретических моделей исследуемого феномена в образовании (в частности, моделей образовательных процессов и явлений), создание концепций реализации теоретических моделей, а также теоретическими основаниями разработки технологии обучения и на ее базе — структуры и содержания компонентов УМК.

Особое значение в современной социокультурной ситуации имеет проявление различного рода представленностей продуктов материальной и материализованной деятельностей человека посредством художественно-эстетического типа культуры. Данный тип культуры (по мнению к.п. н. Е. Г. Гуляевой) подразумевает наличие у разработчика УМК высших, т.е. духовных потребностей, сформированности нравственных и эстетических аспектов миропонимания и мироощущения, возможности оптимального присвоения и развития непреходящих национальных и духовных ценностей, реализации уникальной преобразовательной деятельности внешнего порядка.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА, являясь базовым звеном в ходе трансляции накопленных человечеством художественно-эстетических ценностей, при разработке УМК может проявляться посредством таких видов готовности авторов-разработчиков, как: а) эстетическая; б) креативная; с) художественная *(раскрытие каждого вида готовности в рамках художественно-эстетической культуры представлено Е. Г. Гуляевой и О. Ф. Таланцевой).*

Эстетическая готовность предполагает непрагматичность и неутилитарность отношения автора к созданию оригинального и целостного УМК.

Креативная готовность определяет неповторимость, уникальность процесса и (или) результата такого вида профессиональной деятельности работника образования, как разработка такого уникального продукта научно-методической деятельности, как целостный УМК.

Художественная готовность обеспечивает профессиональное использование оптимальной образной формы при предъявлении автором-разработчиком содержательных компонентов УМК.

В особом ряду находится **ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ТИП КУЛЬТУРЫ**, который выполняет функцию базового для авторов-разработчиков УМК. В основе своей деятельность авторов-разработчиков УМК выступает в рамках педагогической культуры как методическая деятельность, которая базируется на закономерностях педагогической науки и работает на образовательную практику. Педагогический тип культуры предопределяет специфическую направленность готовности авторов-разработчиков к созданию педагогически эффективных и культурологически заданных УМК. В этом случае на первый план выдвигается **предметно-содержательный тип готовности**, который определяет высокий уровень профессиональной готовности автора-разработчика по той предметной области учебного знания, по которой разрабатывается УМК.

Далее следует **методический вид готовности**, который определяет высокий профессиональный уровень автора-разработчика как методиста в той предметной области учебного знания, по которой разрабатывается УМК. Методическая готовность рассматривается нами в ракурсе методической деятельности с учетом предложенных Г. П. Щедровицким методологических аспектов этого достаточно сложного и важного вида педагогической культуры автора-разработчика УМК (при этом нежелательно путать предлагаемое методологическое видение методической деятельности с традиционной деятельностью методистов по должности).

Использование в учебном процессе УМК предполагает необходимость наличия у авторов-разработчиков обратной связи по констатации дидактической эффективности каждого компонента УМК. Информацию подобного типа возможно получить в процессе специально организованного эксперимента, в русле которого авторы-разработчики смогут увидеть УМК в реальной образовательной практике, его ожидаемые положительные и возможные отрицательные стороны. Для педагогически грамотной подготовки и проведения экспериментальной работы авторам-разработчикам УМК требуется обладать готовностью к экспериментальной работе, т.е. владеть **экспериментальной готовностью**.

Педагогический тип культуры определяется необходимостью осуществления постоянной экспертизы, которая позволяет полу-

чить ответ на вопрос «Качественно или нет» разработан тот или иной образовательный проект? Не являются исключением и вопросы дидактического качества УМК, которое возможно определить при помощи не только экспериментальной проверки, но и на основе профессиональной экспертизы. Именно поэтому авторы-разработчики УМК должны владеть **экспертной готовностью**, которая в свою очередь опирается на конкретные критерии и показатели качества.

Таким образом, педагогический тип культуры определяет такие виды готовности авторов-разработчиков УМК, как: а) предметно-содержательный, б) методический, в) экспериментальный, г) экспертный.

Предметно-содержательная — определяет необходимость базового уровня образования и владения адекватной предметной информацией; предъявления авторских текстов (фрагментов) и визуальной информации, которая определяет разработку комплекса дидактически обоснованных средств обучения.

Методическая — предполагает владение авторами-разработчиками УМК методологическим и нормативным содержанием способов методической деятельности в конкретной предметной области системы образования при разработке УМК.

Экспериментальная — определяет наличие у авторов УМК опыта и научного основания организации, разработки методик и научно-методического обеспечения экспериментальной деятельности по определению дидактической эффективности УМК

Экспертная — предполагает владение нормами, типологией и методикой организации и проведения различных типов экспертизы качества УМК.

УМК как научно-методический продукт деятельности авторского коллектива предназначен для использования обучающимися и педагогом в реальной образовательной практике. Для этого УМК должен предстать перед пользователями в удобной и качественно представленной материальной или материализованной формах предъявления. Такими формами могут быть: полиграфическая (книжная, альбомная, картографическая и т.п.), модельная, макетная, электронная (на дискетах, CD, флешках и т.п.) и др. Для итогового оформления всех компонентов УМК в авторский коллектив (на временных основаниях) могут входить редакторы, корректоры, дизайнеры, верстальщики, художники, программи-

сты, графики и другие специалисты. Вполне понятно, что у них имеется своя сфера профессиональной деятельности в структуре УМК, о которой все члены основного авторского коллектива по разработке УМК должны иметь представления и знать ее специфические особенности. Здесь особое значение приобретают возможности РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО И ПОЛИГРАФИЧЕСКОГО ТИПОВ КУЛЬТУРЫ.

О. Г. Пепик, С. С. Кулапина
Минск, Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка

Педагогические аспекты эффективной организации обучения учащихся курсу «Искусство (мировая и отечественная художественная культура)»

Введение в школьные планы учебного предмета «Искусство» в 2015–2016 учебном году обрадовало и одновременно обескуражило педагогическую общественность. С опаской к новому предмету отнеслись и родители учащихся, что неудивительно, так как бесконечные малоэффективные реформы белорусской школы привели к потере доверия к ним. Можно вспомнить введение 12-летнего обучения, шестого школьного дня для занятий в секциях и кружках и т.д. Представляются весьма странными «нервные прыжки» составителей учебных планов средних школ Беларуси. Алгоритм известен: из планов убирается предмет — из школы вследствие потери учебной нагрузки уходят специалисты — теряется методический фонд — учащиеся не получают важные знания, умения, навыки, необходимые им для верного выбора профессии в будущем и успешного ее освоения. Проходит время, негативные результаты непродуманных изменений в системе образования становятся очевидными. Нужно заметить, что многие учителя-предметники, директора школ это осознавали сразу, но «реформаторам образования» требуются годы для понимания неэффективности подобных решений (обычно это происходит при смене руководства). Далее, когда результаты «реформ» становятся очевидными, предмет возвращается в школьные пла-

ны, зачастую в искаженном либо урезанном варианте. Так было, например, с черчением. В свое время был нанесен существенный удар по потенциалу инженерной мысли страны, по качеству подготовки высококвалифицированных рабочих, в которых нуждается промышленность страны — а это, в свою очередь, отразилось на экономике (чертеж, как известно, язык техники, а выпускников школ лишили знания этого языка). Черчение вернули в школы — правда, один год обучения вместо двух, как ранее (обидно, что не учли опыт наших российских и украинских соседей, где с черчением осталось все по-прежнему — два года обучения). Подобная участь постигла в свое время предмет «Мировая художественная культура». Предмет, формирующий личность, ее потребность в общении с искусством, развивающий ее морально и эстетически, заставляющий размышлять, анализировать, ценить и сохранять прекрасное, был удален из учебного плана. Он, как нам представляется, весьма уместно находился в программе обучения в 9-м, 10-м и 11-м классах. Как здорово перехватывал этот предмет интеллектуальную нить у литературы, истории, изобразительного искусства, обобщал, детализировал, позволял посмотреть на всё в контексте культуры — и это перед самым выходом во «взрослую» жизнь, когда появляются серьезные, сложные вопросы о себе, о своем месте в жизни, о ценностях и приоритетах, о способах познания и достижения цели. Искусство, несомненно, помогает ответить на эти вопросы или «нащупать» пути нахождения ответов. Предмет изъяли из школьной программы, специалисты ушли, методическая база была уничтожена, государственные деньги, выделенные на обеспечение предмета, потрачены «впустую». Но все же, смеем утверждать, профессионалы в свое время трудились не зря. Выросли ученики, имеющие уже своих детей. Они приводят их в школу и вспоминают уроки МХК, благодарят своих бывших учителей за то, что научили общаться с искусством, испытывать потребность в этом общении, сожалеют, что этого предмета нет у их детей. Наконец искусство возвращается в школу. Возвращается, но… Вместо изобразительного искусства, которое и так является «жертвой реформ» уже долгие годы: если ранее (последнее десятилетие прошлого века) обучение изобразительному искусству проводилось с 1-го по 7-й класс, то сейчас сокращено до обучения с 1-й по 4-й класс. У детей забрали рисование… Процесс повторяется. Мы опять теряем учите-

лей, базу и, главное, теряем возможности, которые дают ученику заниматься художественно-творческой деятельностью. Обучение изобразительному искусству в начальной школе — это, возможно, «провальный» проект. Да, многие учителя, которые получили образование ранее, имеют специальность учителя изобразительного искусства помимо специальности учителя начальных классов. Но сейчас таких специалистов не выпускают. А учебный предмет требует специальной подготовки по рисунку, живописи, композиции, цветоведению. Отсюда — расцвет безвкусицы и пошлости (лебеди из автомобильных покрышек, пальмы из пластиковых бутылок, мягкие игрушки в кустах наших дворов). Желание «творить» есть — вкуса нет, он не развит. Да, сохранилась еще педагогическая специальность «учитель изобразительного искусства» в наших университетах. Но «оставшиеся в живых» часы изобразительного искусства «мертвой хваткой» держат учителя начальных классов. Им не хватает часов на ставку, и администрация школы идет им навстречу (так как ощущается нехватка специалистов в области начального образования), не выделяя поэтому эти часы специалистам, которые в результате остаются без нагрузки и уходят из школы.

МХК в школу вернули, но сейчас предмет начинют преподавать с 5-го класса, когда возраст возраст ученика еще не позволяет воспринимать полноценно достаточно сложный материал программы. На уроках дети часто просят «начать уже рисовать». Им хочется что-то создавать самим, узнавать новые художественные техники, учиться именно рисовать, лепить. Такое желание радует учителя, знающего изобразительное искусство и его законы, умеющего не только говорить об искусстве, но и способного показать, объяснить, как что можно создать самому ребенку. А если Отечественную и мировую культуру ведет учитель трудового обучения, историк, филолог? Ведь в программе заложен принцип практико-ориентированного обучения, когда учащиеся должны выполнять художественно-творческие работы. Сомнительны в этом направлении и возможности учителей музыки.

Анализируя результаты педагогической практики в Белорусском государственном педагогическом университете имени М. Танка, где студентам-заочникам, обучающимся по специальности «Изобразительное искусство и черчение. Народные художественные промыслы», было предложено посетить, проанали-

зировать, попробовать вести уроки искусства в текущем учебном году, мы увидели, что учителя изобразительного искусства прекрасно справляются с данным предметом, хотя и говорят о том, что предмет «Изобразительное искусство» был гораздо понятней и интересней учащимся. В школах есть и талантливые «самоучки», не имеющие художественного образования, на своем месте чувствуют себя многие преподаватели с культурологическим образованием, хотя и испытывают сложности с практической работой учащихся, несмотря на то, что учить рисовать уже вроде бы и не нужно, а необходимо развивать креативное мышление средствами искусства. Но беда происходит там, где этими часами «догрузили» трудовиков, историков, филологов, учителей начальных классов.

Что же можно и нужно сделать для того, чтобы данный предмет, который, на наш взгляд, нужно было «вводить» не для таких малышей, а несколько позже, имел необходимую методическую поддержку и был эффективным в созданных непростых условиях?

Во-первых, должен быть учебник, который получают учащиеся вместе с комплектом учебников в начале учебного года. Недопустим вариант «Можно приобрести…»: не все семьи могут позволить себе купить учебник, рабочую тетрадь по непонятному пока для них предмету. Родители вынуждены покупать очень много дополнительных учебных пособий по всем предметам. В непростой экономической ситуации представляется нецелесообразным нагнетать напряжение просьбой купить еще и учебник, помимо тетради. Заметим, что даже не во всех населенных пунктах это можно сделать. Должны быть созданы равные условия для всех учеников страны. Представляется востребованным наличие общедоступной электронной версии учебника, рабочей тетради. Тогда в школу учебник не нужно будет носить и можно иметь комплект учебников на весь класс.

Во-вторых, обязать администрацию школ выделить кабинет для уроков искусства, оснащенный необходимой стационарной техникой для демонстрации произведений, прослушивания музыки, просмотра кинофрагментов. И необходимо контролировать соблюдение этого требования на деле. Часто происходит так, что и телевизор в школе имеется, и мультимедийный проектор, но у учителя нет возможности ими пользоваться. Переносы в течение перемены из кабинета в кабинет техники, ее настройка отнимают слишком много времени. Прекрасно, если в штате школы есть спе-

циальный лаборант, инженер, который занимается этой работой, и учителю достаточно только сделать заявку на соответствующую аппаратуру к своему уроку (хотя существует вероятность, что она понадобится на другой урок другому учителю). Если учитель должен всем заниматься сам, то тогда зачастую ничего не получается. Ведь на перемене у него очень много обязанностей. Он должен и дежурить где-нибудь в коридоре, и вывести учащихся в гардероб, и заняться вопросами питания учащихся, и общением с классом или пришедшими родителями. То есть необходима стационарная аппаратура. Учащиеся должны иметь возможность рассмотреть произведение, прежде чем его анализировать. Присутствие цветных репродукций произведений искусства в учебнике, тетради на печатной основе значительно удорожает их, что сказывается на их доступности для учащихся. Замена цветных репродукций в печатном издании для учащихся (особенно это касается произведений живописи) на черно-белые не позволяет достигнуть качественного обучающего результата. Например, в неплохой рабочей тетради по искусству для 5-го класса рассмотреть атрибуты искусства на натюрморте Ж-Б. Шардена очень сложно [2, с. 4].

Третьей важнейшей составляющей организации эффективного обучения искусству представляется повышение профессиональной квалификации учителей, как теоретическое, так и практическое. Тем более существуют прекрасные базы для этого в БГПУ в Минске, в ВГУ имени П. М. Машерова в Витебске, в МГПУ имени И. П. Шамякина в Мозыре. Необходимо организовать курсы по рисунку, живописи, лепке, декоративно-прикладному искусству для учителей, ведущих искусство, которые бы оплачивались из бюджета школы, района. Весьма полезной представляется организация мастер-классов, проводимых педагогами-живописцами, педагогами-графиками и так далее. Что может быть лучше при подготовке к разговору с учащимися о том, как работает, живописец, график, скульптор, особенно, если мастер-класс был организован в мастерской художника? Необходимо поощрять учителей, стремящихся повысить свою квалификацию, участвующих в круглых столах, педагогических форумах, научно-практических конференциях. Хорошего учителя, как и хорошего ученика, нужно вырастить.

В-четвертых, обучение искусству должно максимально использовать возможности, которые создают музеи, галереи, теа-

тры и так далее. Педагог искусства должен стараться, по возможности, организовывать посещение учащимися музеев, выставок, театров, встреч с художниками, мастерами декоративно-прикладного искусства, музыкантами. Необходимо убрать формализм из работы учителей. К сожалению, на просьбу к классному руководителю помочь организовать посещение выставки, учитель часто может услышать, например, что «мы в этом месяце друзья музея ВОВ, а вашу выставку нам не засчитают».

Ни в коем случае нельзя заставлять учащихся посещать музеи, выставки. Только на добровольной основе. Ожидание общения с искусством должно предвкушаться, встреча должна быть праздником.

В-пятых, представляется очень важным проведение качественной экспертизы учебников, пособий, методических рекомендаций психологами, педагогами. Приведем примеры. В рабочей тетради по искусству для 5-го класса присутствует задание: придумать рассказ и выполнить иллюстрацию на тему «Мои родные мечтают о моем будущем» [2, с. 62]. А где сам ученик в этом процессе? Сколько трагедий существует из-за того, что ребенок пытался соответствовать мечтам родителей о его будущем, занимаясь нелюбимым делом, мучимый комплексом неполноценности. Иллюстрацией не самого удачного примера для рассмотрения на уроке, на наш взгляд, является притча, приводимая в методических рекомендациях к предмету «Искусство» тех же авторов для 5-го класса. «Человек срывается с высокого обрыва и стремительно падает вниз. Вдруг рука его инстинктивно хватается за тонкую ветвь кустарника. Он на мгновение зависает над пропастью и видит перед глазами на стене обрыва маленький цветок, пробившийся между голых камней. «Красота-то какая!»,— восклицает он непроизвольно и, успокоенный, продолжает падение» [1, с. 21]. Для чего в теме «Прекрасное в искусстве» эта история? И это в наше время, когда проблема детского суицида все больше обсуждается.

Очень хочется, чтобы авторами учебников были люди, знающие школу практически. Полагаем, необходимо обязать автора поработать по созданному им учебнику, пособию хотя бы год, а в качестве дополнительных рецензентов привлекать учителей школ. И только потом уже издавать большими тиражами на всю страну.

В белорусскую школу необходимо вернуть человечность. Парты предназначены для ученика, а не ученик для парты. Качество

работы учителя не должно определяться количеством папок в кабинете, их нумерацией и правилами расстановки. Призвание учителя — развивать способности учащегося, формировать достойную личность, которая будет любить свою страну, которая захочет быть ей полезной. Учитель должен воспитывать человека, который сумеет быть счастливым сам и сможет сделать счастливыми окружающих его людей. И в этом сложном, интересном, нужном процессе, несомненно, большая роль принадлежит учителю искусства (отечественной и мировой художественной культуры).

Литература

1. Грачева, О. О. Искусство. Отечественная и мировая художественная культура в 5 классе : методические рекомендации / О. О. Грачева, Ю. Ю. Захарина, С. И. Колбышева.— Минск, 2016.

2. Грачева, О. О. Искусство. Отечественная и мировая художественная культура. 5 класс : рабочая тетрадь : пособие для учащихся учреждений общ. сред. образования с белорус. и рус. яз. обучения / О. О. Грачева, Ю. Ю. Захарина, С. И. Колбышева.— Минск, 2015.

3. Пепик О. Г. К вопросу о проблемах дополнительного образования учителей учебного предмета «Искусство» (Отечественная и мировая художественная культура) // О. Г. Пепик, С. С. Кулапина // Повышение квалификации и переподготовка: проблемы и перспективы развития : материалы Международной научно-практической конференции, г. Минск, 12 ноября 2015 г. / Белор. госуд. пед. ун-т имени Максима Танка.— Минск : БГПУ, 2016.— С. 207–209.

И. В. Петрова
Киев, Киевский национальный университет
культуры и искусств

Профессиональные компетентности менеджера индустрии досуга

Тенденции развития современного общества определяют изменения в системе высшего образования, в частности в вопросах подготовки специалистов нового поколения — менеджеров индустрии досуга, которые наряду с комплексом профессиональных знаний, умений и навыков, должны своевременно овладевать инновационными технологиями разработки и реализации культурно-досуговых программ.

Основными категориями, определяющими качество и уровень образования в современно учебном процессе, выступают компетентности и результаты обучения — понятия, которые являются предметом исследования многочисленных работ представителей мировой научной общественности (см. [1]; [2]; [5]; [6]).

Концепция компетентностного обучения была разработана сравнительно недавно — в 90-х гг. XX в.— и опробована на практике в Австралии, Новой Зеландии, Великобритании, Дании, Швеции, Ирландии, других странах. Ее философия зиждется на согласовании образовательных структур и учебных программ с учетом принципов автономии вуза и разнообразия специальностей [2, с. 6] с одной стороны, и синтезировании инновационных открытий и исследований с требованиями к образовательному процессу — с другой [5, с. 137]. Согласование образовательных структур и учебных программ на основе принципов разнообразия и автономии — девиз проекта *Tuning*, основными направлениями работы которого обозначены:

1. Анализ и определение перечня основных общих компетентностей, характеризующих универсальные способности, навыки и умения.

2. Разработка перечня основных специфических компетентностей в контексте избранных предметных областей.

3. Переосмысление содержания и роли Европейской кредитно-трансферной системы и ее трансформации в Европейскую кредитную трансферно-накопительную систему.

4. Анализ и разработка рекомендаций касательно подходов к обучению, преподаванию и оцениванию.

5. Роль обеспечения качества образования в образовательном процессе [1].

Согласно Закону Украины «О высшем образовании», компетентность рассматривается как динамическая комбинация знаний, умений и практических навыков, способов мышления, профессиональных, мировоззренческих и гражданских качеств, морально-этических ценностей, которая определяет способность личности успешно совершать профессиональную и учебную деятельность и является результатом обучения на определенном уровне высшего образования [3, часть первая статьи 1]. Как видим, содержательное наполнение этого термина предполагает охват проблемно-практических и технологических составляющих,

морально-этических и социально-психологических факторов, а также ценностных аспектов.

Компетентности в проекте *Tuning* определяются как «динамическое синтезирование когнитивных и метакогнитивных умений и навыков, знаний и пониманий, межличностных, интеллектуальных и практических умений, навыков и этических ценностей» [1, с. 98]. Согласно методологии Tuning, между компетентностями и результатами обучения имеются различия, которые состоят в том, что:

– результаты обучения формулируются преподавателями на уровне образовательной программы в целом или же отдельной учебной дисциплины, а компетентности приобретаются обучающимися;

– результаты обучения, в отличие от компетентностей, более четко сформулированы и измеряемы, в то время как компетентности характеризуются размытостью и нечеткостью;

– результаты обучения отражают намерения преподавателей касательно содержания образования, в то время как совокупность компетентностей является результатом ожиданий заказчиков образовательных услуг (работодателей) [6, с .8–9].

Отсюда определяются такие парадигмы обучения:

– ориентированная на преподавателя (output-oriented study programme). Парадигма, которая зиждется на наличии в высшем учебном заведении материальных, кадровых, методических ресурсов и зачастую учитывает интересы и опыт не работодателей и выпускников, а преподавателей и исследователей;

– ориентированная на студента (student-centered education). Парадигма, которая в своем основании имеет компетентностную модель специалиста, разработанную при участии преподавателей, работодателей, выпускников, профессиональных организаций;

– компетентностный подход в процессе разработки и реализации учебных программ (competence-based approach);

– обучение, ориентированное на результаты (result-based education) [6, с. 10].

В законодательном образовательном пространстве Украины выделяются такие виды компетентностей, как интегральная компетентность, общие и специальные компетентности.

В частности, в «Национальной рамке квалификаций», утвержденной в 2011 г., интегральная компетентность рассматривается как обобщенное описание квалификационного уровня, выражаю-

щее его основные компетентностные характеристики в контексте обучения и (или) профессиональной деятельности [4, пункт третий]. То есть, интегральной компетентностью менеджера индустрии досуга предусматривается способность решать сложные специализированные задачи и практические проблемы в культурно-досуговой сфере с использованием теории и методики прикладной культурологии.

Общие компетентности являются универсальными, не зависящими от конкретной предметной области, но важные для успешной реализации и развития определенной профессиональной деятельности. По нашему мнению, в контексте подготовки профессионалов в сфере досуга обучающиеся должны овладеть следующими компетентностями:

- Способность к абстрактному мышлению, анализу и синтезу. Предусматривает обладание навыками в выборе и изучении состояния современной мировой и отечественной культуры; гибкий способ мышления, который обеспечит понимание путей решения проблем и задач при сохранении объективности по отношению к устоявшимся научным концепциям.
- Знание предметной области и понимания профессии. Предусматривает понимание основ теоретической и прикладной культурологии, определения состояния, проблем и тенденций развития культурно-досуговой и рекреационной практики.
- Способность применять знание в практических ситуациях. Предусматривает интеграцию профессионально профилируемых знаний, умений и навыков в работе с разными категориями населения, в частности, применение основных теоретических методов для исследования и оценки объектов культуры; использование новейших достижений науки и техники в практической деятельности; реализацию в практике принципов и закономерностей организации досуга.
- Способность проведения исследований на соответствующем уровне. Предусматривает компетентность инициировать и производить поиск, обработку и анализ информации из разных источников; понимание причинно-следственных связей развития современной культуры; обладание методикой организации культурно-досуговой и рекреационной деятельности.
- Общие компетентности, обоснованные в категории «знания», невозможны без совокупности общих умений, среди которых:

– умение критически оценивать ситуацию предусматривает способность обнаруживать, обосновывать, синтезировать проблемы и принимать соответствующие решения;

– умение разрабатывать проекты и управлять ими предусматривает способность к адаптации в новой ситуации; мотивировать персонал; использовать информационные и коммуникационные технологии;

– умение креативно мыслить предусматривает навыки генерирования инновационных идей.

– умение управлять временем предусматривает планирование культурно-досуговой деятельности для разных категорий населения; налаживание творческих и деловых коммуникаций в профессиональной сфере; оценку и качество производимых работ в указанные сроки.

Навыки межличностной коммуникации и командной работы как составляющие общих компетенций предусматривают способность работать в профессиональной команде, в мультикультурной и межнациональной среде; общаться с представителями разных социально-демографических слоев населения; налаживать сотрудничество с соответствующими организациями и объединениями разных форм подчинения и собственности с целью решения социально полезных и культурно-досуговых задач.

Автономия и ответственность в системе общих компетенций охватывают учебу в течение жизни (способность к профессиональному самообразованию и самосовершенствованию); понимание персональной экологической и этической ответственности за результаты своей деятельности, в том числе в непредсказуемых условиях и с учетом возможного влияния досуговых и рекреационных мероприятий на окружающую среду или социальную сферу; способность к критике и самокритике, сопровождаемая наличием креативности, системного мышления, умения отстоять собственную точку зрения и гражданскую позицию; способность работать автономно, обнаруживая инициативу, самостоятельно планируя свои действия и руководя временем.

Специальные (профессиональные, предметные) компетентности — компетентности, зависящие от предметной области и важные для успешной профессиональной деятельности по определенной специальности. Такими составляющими профессиональных компетентностей для менеджера индустрии досуга являются:

– способность использовать профессионально профилируемые знания и практические навыки в отрасли социально-культурной и культурно-досуговой деятельности для организации культурного досуга. Предусматривает наличие знаний о специфике реализации культурно-досуговых и анимационно-игровых программ для разных категорий населения, определения их эффективности и результативности;

– способность использовать знания основ научных исследований как составного культурологического образования и научного творчества. Предусматривает навыки использования результатов современных научных исследований в организации культурно-досуговой деятельности; анализа инновационных рекреационных программ и выявления ведущих тенденций развития сферы культуры;

– способность работать над социально-культурными проектами во время производственной практики с целью приобретения навыков практической социальной, культурной и досуговой работы с разными социально-демографическими слоями населения;

– умение создавать и реализовывать программы социокультурных мероприятий (фестивалей, праздников, выставок, конференций и т.п.). Предусматривает способность разрабатывать программы социально-культурных мероприятий, проводить культурно-художественные акции, компоновать различные средства художественной выразительности в процессе постановки сценических мероприятий, владеть методикой подготовки и организации массовых праздников;

– умение использовать сценарно-драматургические приемы и навыки в постановке и проведении культурно-досуговых мероприятий и программ;

– умение использовать механизмы PR для организации творческих, культурно-просветительных и рекреационных мероприятий;

– умение обрабатывать и анализировать информацию из разных источников для выявления и устранения социально-культурных проблем;

– умение использовать профессиональную терминологию в устной и письменной формах родным и иностранным языком;

– умение эффективно использовать соответствующие ресурсы, необходимые для реализации культурно-досуговых и рекреационных мероприятий.

Среди составляющих специальных компетентностей коммуникативного характера нами выделяется способность наладить коммуникативный процесс с представителями разных социально-культурных групп без предвзятого отношения к ним.

Целью деятельности кафедры культурно-досуговой деятельности Киевского национального университета культуры и искусств является удовлетворение возрастающего спроса украинского общества на подготовку высококвалифицированных кадров в сфере культуры и досуга; профессионалов, которые вооружены глубокими теоретическими знаниями и практическими навыками их эффективного использования в процессе формирования культурной политики и реализации культурно-досуговых технологий; владеют навыками лидера, высокими моральными качествами, являются конкурентоспособными на рынке труда, эффективно взаимодействуют в профессиональной, корпоративной и социальной среде, имеют стабильный спрос у работодателей.

Необходимо учитывать, что индустрия досуга охватывает:

– культурно-просветительные учреждения и арт-центры (клубы и дома культуры, кинотеатры, театры, центры народного творчества, дома творчества и этнокультурные комплексы, библиотеки, музеи, галереи, выставочные центры);

– развлекательные и зрелищные учреждения (парки отдыха, семейные развлекательные центры, ярмарки, карнавалы, цирки, дискотеки);

– учреждения активного отдыха (рекреационные комплексы, спортивные клубы, бильярдные салоны, площадки для игры в гольф, бассейны, ипподромы, треки);

– курортные, туристические, спортивно-оздоровительные учреждения;

– гостиницы и ресторанно-развлекательные комплексы;

– государственные зоны отдыха и историко-культурные места.

В то же время, как доказывает многолетний опыт работы кафедры, менеджеры индустрии досуга, работают также:

– в учреждениях государственной службы и органах регионального государственного управления (министерство и управления культуры);

– учреждениях ведомственного подчинения, творческих союзах и товариществах (Домах офицеров, учителей, художников, театральных деятелей, кинематографистов);

– учреждениях системы средств массовой коммуникации;
– общеобразовательных учебных заведениях и учреждениях внешкольного воспитания;
– разноуровневых учебно-методических центрах;
– социальных и социально-реабилитационных службах;
– общественных учреждениях;
– научно-исследовательских институтах.

Поэтому учебная программа, имеющая целью подготовку высокопрофессионального специалиста в сфере досуга, состоит из теоретических дисциплин общенаучного и профессионального цикла, практической подготовки и научно-исследовательской работы.

Благодаря таким дисциплинам, как «История Украины», «История украинской культуры», «История зарубежной культуры», «Теория и история досуга», «Культурология», «Украинский обряд», «История искусств» студенты кафедры культурно-досуговой деятельности КНУКиМ получают классическое гуманитарное образование с углубленным изучением культурологии, истории украинской и зарубежной культуры, теории, истории и технологий досуга, народной культуры.

Лидерские навыки и управленческие умения, способности к общению в коллективе и с целевой аудиторией студенты приобретают в процессе прослушивания таких курсов, как «Деловой этикет», «Психология», «Ораторское искусство», «Паблик рилейшнз в социокультурной сфере», «Имиджелогия», «Конфликтология».

Дисциплины «Экономика», «Правоведение», «Государственная политика в сфере культуры» способствуют овладению основами социально-политических, правовых и экономических процессов в обществе, а также раскрывают особенности законодательного сопровождения в организации культурно-досуговой деятельности.

Благодаря таким дисциплинам, как «Анимационно-игровые технологии досуга», «Организация и постановка культурно-досуговых программ», «Индустрия досуга и развлечений», «Организация деятельности учреждений культуры», «Социально-культурные практики» и другим, студенты усваивают методологию и технологию социально-культурной деятельности в таких ее формах, как менеджмент институтов и организаций культуры, организация выставок, презентаций, праздничных торжеств, прогнозирования и проектирования социально-культурного развития регионов.

Например, учебная дисциплина «Социально-культурное проектирование» имеет целью получение студентами знаний и умений проектных технологий в социально-культурной сфере; создание возможностей для обобщения социально-культурного опыта и его эффективной практической реализации путем воплощения проектов. После прослушивания курса студенты знают методологию разработки и реализации социально-культурных проектов, особенности управления социально-культурными проектами; источники финансирования социально-культурных проектов; требования к оформлению проектной документации.

Умения, которые приобретают студенты после прослушивания курса, охватывают анализ возможностей и ограничений проектного подхода в конкретной социально-культурной ситуации, разработку критериев отбора и измерения результативности определенного проекта, оформление проектной документации и управление проектной реализацией, осуществление проектного анализа и его мониторинг.

В процессе прослушивания курса «Анимационно-игровые технологии в сфере досуга» студенты знакомятся с функциями, принципами и направлениями социально-культурной анимации, специализированными технологиями анимационно-игровых программ; особенностями организации анимационно-игровых программ для разных категорий населения.

Целью учебной дисциплины «Индустрия досуга и развлечений» является ознакомление студентов с теоретическими и практическими основами индустрии досуга и развлечений, с ведущими досуговыми и развлекательными технологиями, которые используются в работе с населением в современной Украине; обеспечение студентов необходимыми теоретическими знаниями и практическими навыками профессиональной работы в сфере современной индустрии досуга и развлечений.

Знания, которые получают студенты после прослушивания курса, охватывают социальную сущность, цели и задания индустрии досуга и развлечений; специфику функционирования рынка досуговых и развлекательных услуг в мире и в Украине; инфраструктуру правового обеспечения индустрии досуга и развлечений.

Умения, которые приобретаются студентами после прослушивания курса, охватывают осуществление сегментации досугового

спроса и классификацию потребителей досуговой услуги; характеристику сферы производства и видов досуговых товаров; отслеживание тенденций становления и развития индустрии досуга и развлечений в современной Украине; осуществление правового анализа функционирования индустрии досуга и развлечений в Украине; раскрытие принципов государственного регулирования индустрии досуга и развлечений.

Цель дисциплины «Досуг в зарубежных странах» — определить сущность и методологию организации досуга в зарубежных странах, основные досуговые концепции, управленческие особенности досуговой сферы в разных странах мира; особенности досуговой работы с разными категориями населения. В результате прослушивания курса студент должен уметь анализировать проблемы сферы досуга в современном мире; выявлять разные подходы к досугу как социокультурному явлению; прогнозировать досуговые тенденции в современном обществе; выявлять современные досуговые технологии в повседневной практике социально-культурной деятельности.

В процессе учебной деятельности применяются традиционные и инновационные технологии учебы, в том числе направленные на развитие навыков командной работы, лидерских качеств, межличностной коммуникации, принятие решений. Среди методов, которые используются в учебном процессе и определяются спецификой учебной дисциплины, лекции, семинары, практические занятия, выполнения индивидуальных и групповых проектов, подготовка и защита презентаций, практикумы, тренинги и тому подобное.

В пределах учебных курсов предусмотрены встречи с ведущими учеными-культурологами, искусствоведами, практиками индустрии досуга и развлечений, мастер-классы, участие в общих культурно-художественных и просветительских проектах, открытые лекции.

Организация досуга — сфера профессиональной деятельности, ориентированная на организацию свободного времени человека. Поэтому приоритетным направлением подготовки менеджера индустрии досуга является практическая подготовка, которая предусматривает умение работать с представителями разных слоев населения, а также осуществлять организационно-управленческую, культурно-просветительскую, социально-вос-

питательную и проектно-аналитическую деятельность в учреждениях культуры и досуга.

Принимая во внимание вышеотмеченное, кафедра культурно-досуговой деятельности уделяет особенное внимание базам практики, в которых осуществляется практическое обучение студента-культуролога. Среди основных баз практики:

– культурно-художественные комплексы (национальный культурно-художественный комплекс «Художественный Арсенал», Центр украинской культуры и искусства, дворцы и дома культуры, библиотеки, центры творчества детей и юношества, ивент-агентства);

– музеи и галереи (научно-развлекательный центр «Экспериментаниум», музей сновидений, галерея «Pete-Art», арт-центр «Я-Галерея» и др.);

– социальные службы и центры социально-психологической реабилитации (районные центры по делам женщин и семьи г. Киева, тренинговый центр «Инновация и развитие», детские дома для детей г. Киева и Украины);

– учебные и внешкольные заведения городского, районного или областного значения (школы искусств, специализированные и общеобразовательные школы, лицеи, гимназии);

– развлекательные центры (детский город профессий «KidsWill», образовательно-развлекательный центр «Океанариум Морская сказка», Киевский планетарий, сферический кинотеатр и цифровой планетарий «ATMASFERA 360» и др.);

– средства массовой коммуникации (киностудия им. Довженко, КП «Радиостанция "Голос Киева"», ТРК «УНН», телеканал «1+1», телеканал «СТБ»).

Согласно методологии *Tuning*, желательным результатом обучения является формулирование того, что должен знать, понимать, демонстрировать студент после завершения процесса обучения. Результаты обучения должны сопровождаться соответствующими критериями оценки, которые могли бы объективно отобразить уровень достигнутых студентом результатов [1, с. 103].

Результатом практического обучения будущего менеджера индустрии досуга, осуществляющегося кафедрой культурно-досуговой деятельности КНУКиМ, являются такие умения студента:

– реализовывать культурно-просветительные, художественно-творческие, рекреационно-развлекательные, анимационные игротехнологии;

– налаживать деятельность учреждений культуры, досуговых центров, социальных служб;

– организовывать досуг разных социально-демографических групп населения;

– выявлять социально-культурные проблемы и разрабатывать пути их решения;

– прогнозировать развитие культурных процессов в обществе.

В результате проведенного нами исследования сделаны следующие выводы.

Модернизация отечественной образовательной системы в контексте высшего образования и подготовки менеджеров досуга зиждется на подходе, который предполагает тесную взаимосвязь между компетентностями выпускника и результатами учебного процесса.

В условиях чрезмерно динамичного рынка труда, обусловленного технологическим прорывом, особенно важным представляется сотрудничество представителей образовательной системы и работодателей.

Поэтому усовершенствование процесса профессиональной подготовки менеджера индустрии досуга невозможно без тесной взаимосвязи «студент/выпускник — преподаватель — ученый — работодатель», которая сможет обеспечить и развитие научной рефлексии, и культурно-досуговой практики.

Литература

1. Вступне слово до проекту ТЬЮНІНГ — гармонізація освітніх структур у Європі. Внесок університетів у Болонський процес [Электронный ресурс]. — 2006. — Режим доступа : http://www.unideusto.org/tuningeu/images/stories/documents/General_Brochure_Ukrainian_version.pdf.

2. Гармонізація освітніх структур в Європі. Внесок університетів у Болонський процес [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.unideusto.org/tuningeu/images/stories/documents/General_Brochure_Ukrainian_version.pdf.

3. Закон України «Про вищу освіту» від 01.07.2014 р. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1556–18.

4. Національна рамка кваліфікацій [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1341–2011-п.

5. Розов, И. С. Философия гуманитарного образования (Ценностные основания базового гуманитарного образования в высшей школе) / И. С. Розов.— М., 1993.

6. Захарченко, В. М. Розроблення освітніх програм. Методичні рекомендації / В. М. Захарченко, В. І. Луговий, Ю. М. Рашкевич, Ж. В. Таланова.— Київ : ДП «НВЦ «Пріоритети», 2014.

Р. К. Петюр
Киев, Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко

Обострение суннитско-шиитского противостояния в политическом дискурсе современного Ближнего Востока

Социокультурное разнообразие мира на протяжении всей истории человечества воспринималось как источник вдохновения и познания многогранности человеческого рода и условий обитания человека. В то же время именно этнические, языковые и религиозные различия приводились в качестве аргументов для начала враждебных действий в отношении к другим народам. В современном мире взаимодействие между представителями различных культур настолько активизировалось, что порой социокультурные различия в отдельном коллективе или обществе в целом становятся скорее нормой, нежели исключением. Но, к сожалению, подобные ситуации характерны не для всех стран современного мира.

Ближний Восток традиционно воспринимается как регион повышенной напряженности. Однако это проявляется больше в XX в. по ряду причин. Во-первых, в прошлом столетии в регионе были обнаружены значительные месторождения углеводородов. В результате регион надолго стал приоритетом великих держав — основных потребителей энергоносителей.

Во-вторых, начавшаяся после Второй мировой войны «холодная война» привела к борьбе сверхдержав за союзников, привнося в регион идеологические компоненты глобального противостояния.

В-третьих, создание государства Израиль качественно изменило палитру политических идентичностей на Ближнем Востоке, четко увязав проблемы территорий, беженцев, собственности

и международно-политического статуса с вопросами религии и национальности.

Кроме того, на фоне кажущейся национальной (арабский мир) и религиозной (исламский мир) гомогенности большие игроки региона вели и продолжают вести борьбу за лидерство на Ближнем Востоке, апеллируя как к общерегиональным ценностям, так и к разъединяющим факторам, подчеркивая свою исключительность и ущербность противников.

Побуждения искать причины международных противоречий в социокультурных различиях доминируют в спектре подходов к анализу ситуации на Ближнем Востоке. Этническое, языковое и религиозное разнообразие Ближнего Востока действительно впечатляет. В регионе проживают представители различных этносов — арабы, турки, иранцы, евреи, курды, берберы и др. Население стран региона пользуется арабским, персидским, турецким языком, ивритом и многочисленными другими языками и диалектами. Среди религий, исповедующихся населением Ближнего Востока — монотеистические ислам, христианство (различные течения христианства в Египте, Ливане, Сирии), иудаизм, а также традиционные верования (языческие или политеистические, как, например, зороастризм в Иране).

Если обращаться к модели Большого Ближнего Востока (от Марокко до Афганистана), то палитра социокультурных различий выглядит еще богаче. Учитывая, что нынешний этап развития региональной системы международных отношений действительно тяготеет к расширению границ Ближнего Востока как политико-географического региона, любой анализ социокультурного разнообразия в регионе должен включать множество специфических характеристик ближневосточных обществ.

Необходимость учитывать, что такое разнообразие возникает, прежде всего, в связи с тем, что ряд политических акторов Ближнего Востока претендуют на своеобразную социокультурную ортодоксию. Так, Израиль отличается своим воинственным демократизмом и либерализмом. Саудовская Аравия является оплотом радикального ислама суннитского толка. Иран претендует на главенствующую роль в исламском мире как теократическое государство шиитского толка. В попытке укрепления своего политического влияния и статуса государства и негосударственные политические субъекты склонны навязывать свою систему соци-

окультурных взглядов (прежде всего, религиозного характера), при этом отвергая некоторые ценностные системы своих политических конкурентов. Таким образом, социокультурные различия в регионе становятся мощным стимулятором политического противостояния.

Ближний Восток исторически является истоком трех монотеистических религий — иудаизма, христианства и ислама. Как известно, Иерусалим — город, одинаково священный для представителей всех этих религий, в связи с чем статус города является противоречивым по сей день, поскольку на него претендуют Израиль и Палестина.

Однако не Иерусалимом единым ограничивается район противоречий на религиозной почве. Более ожесточенным на сегодняшний день является противостояние представителей одной религии, а именно ислама. Будучи разделенным на несколько течений, ислам занимает ведущее место в политическом дискурсе Ближнего Востока и мира в целом. На слуху понятия международного терроризма, исламского радикализма или фундаментализма и т.п. Как следствие, для современного человека, живущего в Европе или Америке, сложился образ мусульманина-террориста, несущего угрозу цивилизованному миру.

Однако основная часть терактов, и жертв терактов, случаются именно в регионе Ближнего Востока. Причем основной целью террористов являются именно собратья по религии. Масштаб нынешнего противоречия между суннитами и шиитами — представителями основных течений ислама — впечатляет (см. [1]).

Истоки данного противоречия берут начало еще в VII в., то есть практически сразу же с возникновением ислама. Это связано с тем, что со смертью основателя ислама пророка Мухаммада возникает спор относительно способа определения правителя халифата — преемника Мухаммада. Те, кто считал, что халиф должен избираться группой авторитетных религиозных деятелей ислама, вступили в противостояние с теми, кто поддерживал принцип наследника по кровной линии Мухаммада.

В дальнейшем эти два подхода к определению справедливого («праведного») правления в халифате привели к формированию двух течений со своими традициями, религиозной практикой и святыми местами.

Представители первого течения — сунниты, последователи «сунны», или пути Мухаммада. Для них первичным является Коран как священное писание.

Сторонники второго течения — шииты, или «последователи Али». Они считают, что преемником Мухаммада должен был стать не избранный в то время соратник Мухаммада Абу Бакр, а двоюродный брат пророка — Али ибн Аби Талиб. Для шиитов ключевым является именно правление в халифате представителей рода Мухаммада.

Схожий раскол мы можем наблюдать и в христианстве (на примере католицизма и православия), который, однако, не характеризуется тем уровнем насилия и нетерпимости, как в исламе. Это объясняется, прежде всего, объективным снижением роли религии в западноевропейских обществах в связи с развитием капитализма. Также в XX веке роль христианского православия практически нивелировалась в связи с приходом к власти в России атеистического режима.

Ислам в общем и его священная книга Коран имеют не больше призывов к насилию, чем христианство и Библия. Данный факт был продемонстрирован недавним «экспериментом» журналистов в Нидерландах, когда жителям этой страны предлагалось определить происхождение резких высказываний из священного писания. [6] При этом выдержки из Библии были ошибочно идентифицированы как слова из Корана. С одной стороны, это указывает на ошибочность противостояния ислама и христианства по степени склонности к насилию и вражде. С другой стороны, это является еще одной иллюстрацией того, насколько сильны предубеждения на уровне обычных индивидов, что может послужить основой для неверных действий в отношении других народов.

Наблюдения, полученные в результате исследования Ближнего Востока, позволяют утверждать, что первичными в возникновении внутренних и международных конфликтов в регионе выступают политические причины. Постулирование политических идентичностей с одними социокультурными характеристиками приводит к маргинализации носителей этих характеристик в политических социумах с другими социокультурными характеристиками. На региональном уровне это имеет следствием обострение межконфессиональных или межнациональных противо-

речий. На глобальном уровне это проявляется, в частности, в виде исламофобии и антисемитизма.

Современный политический дискурс Ближнего Востока сформировался под влиянием трансформационных процессов в регионе, начиная с борьбы против СССР в Афганистане «руками» боевиков, исповедовавших радикальный ислам, и продолжая войной в Ираке для свержения режима Саддама Хусейна. Американские политологи, поддерживавшие действия США, ожидали, что свержение диктатуры в Ираке приведет по эффекту домино к ряду изменений авторитарных режимов на всем Ближнем Востоке. Цветные революции в ряде стран Европы служили примером подобных изменений, и поэтому архитекторы новой системы международных отношений ожидали, что арабские диктатуры станут демократиями.

Однако война в Ираке привела к катастрофическим результатам. [3] Не оправдывая режим Хусейна и страдания иракского народа в период его правления, следует сказать, что война — легкий способ решить ситуацию. Однако легко войну начать, но сложно завершить. Одной из общепризнанных ошибок иракской авантюры США 2003 года является отсутствие *exit strategy*, то есть стратегии выхода из конфликта. Больше 10 лет потребовалось США и союзникам для выведения военных из Ирака. В результате после себя США оставили страну разделенную и погрязшую в конфликте.

Не дождавшись естественной смены режимов на Ближнем Востоке после свержения Хусейна, США активно поддержали т.н. «Арабскую весну», в результате которой были изменены режимы в Тунисе, Египте, Ливии. В Сирии, начиная с 2011 года, до сих пор длится кровопролитная война, в результате которой практически половина населения страны в числе беженцев или переселенцев, а более 400 тыс. людей погибли (см. [4]).

При этом в Бахрейне, где в 2011 г. также возникли народные волнения, они были оперативно свернуты при поддержке Саудовской Аравии, которая те же волнения, но в иных странах Арабской весны, активно поддерживала (см. [2]).

Данные события накладываются на межконфессиональные противоречия между суннитами и шиитами. При этом наблюдается четкое противостояние между странами Ближнего Востока, которые пытаются эти различия использовать с целью повышения своего политического влияния в регионе.

Основными противниками выступают Саудовская Аравия и Иран. Монархия Саудовской Аравии базируется на ваххабизме — радикальном течении ислама суннитского толка — и резко отрицает авторитет шиитского направления в исламе, которое является основой иранского режима.

Фактически Иран является единственным государством, претендующим на защиту шиизма в мире. В то же время, Саудовская Аравия пользуется мировым авторитетом среди мусульман по причине наличия в стране основных святынь для всех мусульман — Мекки и Медины.

Таким образом, в ситуации суннитско-шиитского противостояния нет ничего уникального. Мы можем подобные противостояния сравнить с другим проявлением социокультурного противоречия. Имеется в виду т.н. «языковой вопрос» в Украине, который на протяжении всего периода независимости страны использовали различные политические силы в узких электоральных целях, забывая о возможных последствиях для государства и общества. Следуя беспроигрышному принципу *divide et imperum*, политические силы, опиравшиеся на электорат юго-восточных районов Украины, разыгрывали языковую карту предвыборной игры, успешно об этом забывая с завершением очередных выборов. В итоге в 2014 году результаты подобной близорукой политики были умело использованы внешними силами, заинтересованными в ослаблении и разделении Украины. Таким образом, проигравшей стороной выступили те же политические силы, делавшие ставку на раздор в обществе, и, конечно же, все украинское общество и государство в целом.

Вмешательство внешних акторов в дела Ближнего Востока и использование противоречий местными игроками в интересах сохранения власти и расширения влияния приводит к манипуляции религиозными чувствами населения региона.

Акцент на межконфессиональных различиях уводит человека от общего к частному, что автоматически и неизбежно подпитывает чувство розни и вражды. Следует отметить, что ислам в своей сущности обладает мощным объединяющим потенциалом, что демонстрируется динамикой распространения ислама как в период арабских завоеваний, так и на современном этапе (см. [5]). Ислам лишен фетишизации, коммерциализации и элементов политеизма, присущих христианству, и поэтому привлекает людей,

отвергающих консюмеризм и материализм современной глобализированной культуры.

Поэтому подпитка суннитско-шиитского противостояния, совершаемая самими исламскими субъектами, является, фактически, ударом по исламу в целом и дает основания для развития исламофобии в мире.

Без сомнения, в интересах всех без исключения стран Ближнего Востока снижение градуса межконфессионального противостояния, смещение акцентов в политическом дискурсе от суннитско-шиитского противостояния к межконфессиональному диалогу и культуре мира.

Литература

1. Global Terrorism Database. Terrorist Attacks, 2015: Concentration and Intensity [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.start.umd.edu/gtd/images/START_GlobalTerrorismDatabase_2015TerroristAttacksConcentrationIntensityMap.jpg.

2. Watch: People don't know the Bible from the Koran // The Washington Post, December 7, 2015 [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/12/07/watch-people-dont-know-the-bible-from-the-koran.

3. Stiglitz, J. The true cost of the Iraq war: $3 trillion and beyond [Electronic resource]/ J. Stiglitz, L. Bilmes, // The Washington Post, September 5, 2010. — Mode of access : https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/12/07/watch-people-dont-know-the-bible-from-the-koran.

4. Syria death toll: UN envoy estimates 400,000 killed // Aljazeera, April 23, 2016 [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.aljazeera.com/news/2016/04/staffan-de-mistura-400000-killed-syria-civil-war-160423055735629.html.

5. The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010–2050 [Electronic resource] // Pew Research Center.— 245 p. — Mode of access : http://www.pewforum.org/files/2015/03/PF_15.04.02_ProjectionsFullReport.pdf.

6. Saudi Arabian intervention in Bahrain driven by visceral Sunni fear of Shias [Electronic resource] // The Guardian, March 20, 2011. — Mode of access : https://www.theguardian.com/world/2011/mar/20/bahrain-saudi-arabia-rebellion.

Т. А. Печенёва
Минск, Белорусский государственный университет

Культурологический аспект педагогического процесса в вузе: к постановке проблемы

Компетентностный подход, прочно обосновавшийся в российском и белорусском образовательном пространстве, не решает возложенных на него задач и в этой связи стал активно обсуждаемой темой в научном и публицистическом дискурсе [4]; [10]. Продолжающееся настойчивое продвижение компетентностного подхода на государственном институциональном уровне провоцирует развитие тенденций, идущих вразрез с отечественными педагогическими традициями.

Во-первых, человеческое измерение в рамках компетентностного подхода в современном обществе проявляет себя в двух формах: в форме человеческого и в форме социального капитала, где человеческий капитал — это профессиональная принадлежность, уровень квалификации, умения, образовательный и культурно-технический потенциал российских работников [2]; «социальный капитал» (понятие было введено в 1990-е гг. Р. Патнэмом) служит для обозначения личностных качеств и характеристик (доверие, эмпатия и т.д.), которые могут и должны проявляться в коллективной деятельности. А где же ЛИЧНОСТЬ? Получается, что нравственность, духовность, «взращиваемые» веками культурой народа, скромно обозначаются «культурно-техническим потенциалом» и становятся неким придатком к продаваемому на рынке труда работнику.

Во-вторых, всё большую популярность приобретают термины «знаньевая экономика» или «экономика знаний», которые ещё раз заостряют внимание на месте образования в современном обществе — «быть ценной интеллектуальной собственностью» и в этом виде являться «исключительно продаваемой услугой» [5]. В то же время, как справедливо отмечает Р. В. Свекатовски, образование относится к группе доверительных товаров, и определить качество этих услуг достаточно сложно [9].

И наконец, в-третьих, внедрение компетентностного подхода способствует переводу образования из сферы духовного производства в эрзац-образование, стандартизирующее людей и оглупляющее общество. Не случайно на сегодняшний день всё чаще

в ходу термин «макдональдизация образования», который отражает процесс выхолащивания фундаментальности образования, уничтожения лучших отечественных традиций духовного и нравственного воспитания личности.

Выход видится в реализации *культурологического подхода к образованию.*

Культура целостна по своей природе, и поэтому именно она создает объективную основу для целостности развития любой деятельности, при этом культура всегда была неотделима от личности человека. Ещё в древности под культурой понималось своего рода «возделывание души, «выпалывание» из нее порочных наклонностей и приготовление ее к принятию засева теми зернами, «которые, вызрев, приносят обильный урожай» («Тускуланские беседы») (цит. по: [14]). Аналогичное понимание культуры и степени её воздействия на развитие личности представлено у П. А. Флоренского, который считал одной из важнейших функций системы образования именно культурно-образовательную направленность, называя культуру той средой, которая растит и питает личность.

Современные исследователи с осмыслением содержания понятия «культура», как правило, связывают специфический способ определения, организации и развития человеческой жизнедеятельности, который представлен в продуктах материального и духовного труда, в совокупности нравственных норм и духовных ценностей. На сегодняшний день понятие «культура» соотносится с мерой *формирования, развития и реализации сущностных сил человека в его многообразной деятельности* (Э. Ион, Л. Коган, В. Межуев и др.). При этом, если принять во внимание методологическую трактовку культуры личности, можно констатировать, что в ней представлены две основные идеи:

– осознание культуры как единого целого в плане коллективного и индивидуального;

– представление культуры как многоуровневой системы.

В научном дискурсе стал очевидным факт признания того, что именно культура, которая с детства осваивается человеком, играет решающую роль в определении его мотивов, поступков, жизненных достижений. В большинстве современных антропологических, этнографических и социальных теорий культура понимается как специфичное для человека нормативно-преем-

ственное (в нравственном и духовном плане) программирование поведения [8].

По мнению Л. М. Баткина, культура служит одним из важнейших факторов саморазвития личности вследствие того, что «принцип индивидуальности и принцип личности реализуются только в культуре — во всей совокупности жизненных проявлений, поскольку они озаряются культурным смыслом — обретают основания и созидают новую социальность» [1, с. 30].

Культурообразующий подход к образованию имеет свою историю и «битву за умы», в которой приняли участие многие видные учёные. Так, концепция «культурологического подхода» в противоположность знаниевому подходу, так называемому «предметоцентризму», была выдвинута около полувека назад В. В. Краевским, И. Я. Лернером и М. Н. Скаткиным, рассматривающими содержание образования как *педагогически адаптированный социальный опыт человечества, тождественный по структуре общечеловеческой культуре.*

Анализ современной педагогической литературы свидетельствует о том, что сегодня уже можно воспринимать как аксиому идею необходимости выполнения образованием задачи **содействия становлению личностной культуры**, в структурно-содержательной компоненте которой определяющую позицию занимает мировоззрение, построенное на системе ценностей и обеспечивающее способность личности к социально-полезной деятельности (А. В. Афанасенко, В. И. Глухов, Н. А. Еньшина, С. Н. Заплетина, О. Н. Кравченко, Е. А. Никитина, Т. Н. Синенко и др.).

Ряд исследователей занят поиском и апробацией методов, приемов, форм, предусматривающих *активное* участие обучаемых в процессе освоения ценностей, исходя из того, что ценности нельзя искусственно сформировать и внедрить, поэтому каждое новое поколение и каждый человек заново осваивает («присваивает») и воссоздает ценности в процессе осмысления мира и своего места в нем.

Как отмечает А. М. Новиков, «этот прогрессивный, вполне современный культурологический подход получил широкое признание, многие его разделяют и поддерживают, <…> но до его реализации дело никак не доходит уже многие годы» [6, с. 14]. Парадокс в том, что применительно к образованию декларируется идея развития личности; актуализируется такой компонент

широкого понимания культуры, как представление о субъективных человеческих силах и способностях, проявляющихся в деятельности (знания и умения, профессиональные навыки, уровень интеллектуального, эстетического и нравственного развития, мировоззрение), однако именно этот — *субъективный* — компонент человеческой культуры еще более проблематичен в содержании современного образования, так как «умения, навыки, образные знания, уровень развития способностей и т.д. для дидактики как раньше, так и теперь являются как бы феноменами «за кадром» — «знаниевая парадигма» их признает, но говорит о них вскользь, нечетко и преимущественно декларативно» [6, с. 15].

Культурологический подход к образованию наполняет конкретным содержанием понятие «разностороннее развитие личности», при этом очевидно, что ориентации образования на формирование «человека культуры» обусловливает необходимость принципиально иного подхода к формированию содержания образования. А именно — раскрывать их не в понятиях «знание» и «умение», а в понятиях культуры: «интеллектуальная культура», «коммуникативная культура», «информационная культура», «культура толерантного взаимодействия», «техническая культура» и т.д.

При таком подходе цели и содержание образования теряют отчужденный по отношению к человеческой сущности характер и переводятся в личностный план, обусловливая ещё одну детерминанту образования — ценность культурного саморазвития.

Литература

1. Баткин, Л. М. Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания / Л. М. Баткин.— М., 2000.

2. Батракова, Л. Г. Эволюция научных взглядов на понятие «человеческие ресурсы» и его современная специфика / Л. Г. Батракова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.— 2011.— № 2.— Т. 6.— С. 46–68.

3. Громыко, Н. В. Оптимистическая модернизация = «макдональдизация»? [Электронный ресурс] / Н. В. Громыко.— Режим доступа : http://www.km.ru/spetsproekty/2011/08/15/ekonomicheskaya-situatsiya-v- rossii.

4. Крокинская, О. Откуда растут ноги у компетентностного подхода [Электронный ресурс] / О. Крокинская // Университетская солидарность. Официальный сайт Межрегионального профсоюза работников высшей школы.— Режим доступа : http://unisolidarity.ru.

5. Макбурни, Г. Глобализация: новая парадигма политики высшего образования. Рычаги глобализации как политическая парадигма высшего образования / Г. Макбурни // Высшее образование в Европе.— 2001.— Т. XXVI.— № 1.— С. 46–55.

6. Новиков, А. М. К вопросу о технологии построения содержания образования / А. М. Новиков // Муниципальное образование: инновации и эксперимент.— 2009.— № 5.— С. 12–21.

7. Ритцер, Дж. Макдональдизация общества 5 / Дж. Ритцер ; пер. с англ. А. В. Лазарева ; вступ. ст. Т. А. Дмитриева.— М., 2011.

8. Румянцев, О. Культура как место и время человека / О. Румянцев // Творение — творчество — репродукция: исторический и экзистенциальный опыт.— СПб. : Изд. СПбГУ, 2003.— С. 30–43.

9. Свекатовски, Р. В. Позиционирование высших учебных заведений на рынке образовательных услуг в условиях глобализации / Р. В. Свекатовски // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов.— 2011.— № 5.— С. 12–16.

10. Сенашенко, В. С. Компетентностный подход в высшем образовании: миф и реальность / В. С. Сенашенко, Т. Б. Медникова // Высшее образование в России.— 2014.— № 5.— С. 34–46.

11. Сидоркин, А. Приключения компетентностного подхода в России [Электронный ресурс] / А. Сидоркин // Профессиональное образование. Новости, События, Комментарии.— Режим доступа : http://www.profobrazovanie.org/t5149p100-topic.

12. Скворцов, В. Н. К вопросу об определении понятия «духовная культура» / В. Н. Скворцов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.— 2009.— № 3.— С. 48–55.

13. Флоренский, П. А. Сочинения : в 4 т. / П. А. Флоренский.— Т. 2.— М., 1996.

14. Хрестоматия по культурологии : в 2 т. / под ред. И. Ф. Кефели.— Т. 1: Самосознание мировой культуры.— СПб., 1999.

Г. А. Пискорская
Киев, Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко

Работа украинских культурных центров за рубежом над формированием международного имиджа страны в 2014–2015 гг.

Проблема формирования позитивного имиджа Украины занимает особое место. И хотя создание привлекательного образа страны осложняется целым рядом специфических обстоятельств

экономического и политического характера, в том числе широкомасштабной гибридной, а на Востоке страны и «горячей» войной, именно культурная дипломатия способна содействовать возникновению совершенно нового политического имиджа Украины. Сложная внутри- и внешнеполитическая ситуация, с одной стороны, искажает и унижает в глазах международной общественности образ Украины как независимого государства, но с другой — повышает и улучшает представление о ее народе, способном и готовом к политическим изменениям, которые позволяют с честью выйти из сформированного тупика. Находясь в глобализированном мире, где кроме мирных устремлений, существуют агрессия, произвол и насилие, Украина не может обходиться без поддержки со стороны стран-партнеров. Содержание и границы этой поддержки как раз и зависят от стабильности ее политического имиджа.

Целью исследования является определение позитивных и негативных признаков политического имиджа Украины, шагов по его совершенствованию, определение роли культурной дипломатии как важнейшего фактора его повышения.

Как утверждает С. Анхольт, один из известных английских основоположников бренд-индексирования страны, только положительный социальный климат, поддерживаемая государством культура, процветающая экономика, стимулирующая политика, привлекательные традиции могут обеспечить высокий рейтинг страны, сделать ее брендом [1]. Большинство из названных имиджевых качеств Украине придется поэтапно и настойчиво наращивать длительное время.

Категория «имидж», образ государства имеет определенный двусторонний характер. Для рядовых граждан существует внутренний имидж страны, окрашенный в традиционные этнокультурные тона. Мировой общественности предлагается несколько иной, более расширенный образ, представляющий внешний имидж государства. Он включает природный потенциал, национальное и культурное наследие, перспективы развития. Все они находятся в тесной взаимосвязи, взаимозависимости, взаимодействия и развития и подвержены непрерывных изменений во времени.

Следует согласиться с украинским исследователем Д. Богушем, что каждое государство сегодня, в условиях глобализации, имеет свой устойчивый имидж и является повсеместно узнаваемым брендом. Украина в этом смысле не является исключением [2]. На имидж

работают руководители страны, политики, ученые, писатели, журналисты, артисты, спортсмены и просто уезжающие за границу на отдых рядовые граждане. Кроме того, лидерство фирм, проектов, исследований, значительных достижений в любой области способствует укреплению положительного имиджа государства. Соответственно, большинство государств постоянно работают над улучшением своего имиджа и его широкой пропагандой, разрабатывая специальные государственные имиджевые программы. Это способствует не только укреплению международного авторитета государства, но и росту материального благосостояния его граждан.

Положительные эмоции на международной арене вызвали и продолжают вызывать разве что имена нескольких известных спортсменов. Правда, современные события внесли значительные коррективы в вытеснение накопленного за последние десятилетия негатива в восприятии Украины как третьесортной страны. В последнее время зарубежные СМИ и политики во весь голос заявили о стремительной консолидации украинской нации, ее свободолюбии, четкой приверженности демократическим ценностям, стремлении занять достойное место в семье европейских народов. Положительные элементы нового имиджа в данный момент используются для получения финансовой и военной помощи стран-партнеров.

В мировой конкуренции имиджевый подход — это один из наиболее действенных путей и способов достижения поставленных целей. Одновременно стратегической задачей и национальным приоритетом политического руководства Украины в данный момент является укрепление имиджевых завоеваний, прежде всего, заявленное требование о полном внутриполитическом реформировании страны. Это особенно важно, поскольку еще сохраняется риск реализации плохого сценария развития Украины, целью которого является уничтожение свободы, демократии, разжигание национальной розни и искусственное раскалывание страны.

Теоретически избежать перспективы разрушительного сценария, к которому подталкивают Украину, можно следующими способами:

а) добиться скорейшего и окончательного прекращения военных действий в Донбассе, целенаправленно обеспечивать политическую стабильность данного региона и тем самым стабилизировать ситуацию в целом;

б) ускорить реформирование налоговой системы, обеспечив законодательную защиту предпринимательства и частной собственности, что приведет к увеличению численности среднего класса и к укреплению гражданского общества;

в) в кратчайшие сроки перестроить судебную систему на основе справедливого демократического законодательства, обеспечив, таким образом, утверждение законопослушности населения как ведущего принципа организации общественной жизни;

г) развернуть широкую информационную кампанию о действительном статусе государства, его истории и культуры, его вкладе в развитие мировой цивилизации, то есть проводить политику, которая основывается на объективной оценке состояния внутренней жизни страны, не искажая ее репутацию ненужным преувеличением преимуществ или умолчанием недостатков. Указанный подход покажет, как правящая элита разделяет ответственность за состояние государства и решение внутренних проблем со своими гражданами (именно этого требовал от политиков Евромайдан 2014);

д) добиться того, чтобы в международном «Индексе хороших стран» (The Good Country Index) — комбинированном показателе, который анализирует страны мира по степени их глобального вклада (как положительного, так и отрицательного) в общее развитие человечества, Украина оставила в 2015 году занимаемое по результатам 2014 года 99 место, которое никак не способствует улучшению ее политического имиджа [3]. Для сравнения: Беларусь занимает в рейтинге 82 место, а Российская Федерация — 95 [3].

В мае 2015 была принята новая редакция Стратегии национальной безопасности Украины, которая исходит из новых реалий и предусматривает создание новой системы обеспечения национальной безопасности, которая способна противодействовать внешней угрозе [4]. На основе детального анализа среды безопасности в Украине были определены актуальные угрозы для национальной безопасности, на преодоление которых направлены основные силы державы. В частности, указывается на отсутствие целостной коммуникативной политики государства. В качестве актуальной задачи определяется утверждение демократических ценностей и повышение роли культуры.

Культурная составляющая присутствия Украины на мировой арене имеет большое значение для укрепления имиджа государ-

ства. В настоящее время созданием эффективного механизма продвижения Украины за рубежом путем обращения к культурной дипломатии, так называемой «мягкой силе» внешней политики, занимается вновь созданное Управление публичной дипломатии в Министерстве иностранных дел Украины [5]. Управление состоит из трех подразделений: отдела культурной дипломатии, отдела имиджевых проектов и отдела связей с медиа. В каждом из них работает по пять человек, всего — 17 штатных единиц с руководителем управления и секретарем включительно. Кадровое обеспечение состоялось путем проведения конкурса внутри системы МИД (в нем принимали участие работники из аппарата министерства и те, кто работает за рубежом). Создание эффективных процедур и привлечение эффективных людей как механизмов продвижения Украины в мире является, по словам посла по чрезвычайным поручениям Дмитрия Кулебы, главной целью вновь созданного управления и вообще новой политики публичной дипломатии: «Наша цель — это создание эффективного механизма продвижения Украины за рубежом. Почему не считаем ее инструментом? Потому что принципиальная цель типа «добиться узнаваемости Украины в мире» — очень общая. Мы создаем эффективный механизм, который, в свою очередь, представляет собой сумму эффективных процессов и эффективных людей» [6].

Культурная дипломатия в практическом измерении предусматривает установление более содержательных и динамичных международных связей, чем дипломатия традиционная. Среди ее образцов — деятельность украинских культурных представительств за границей, призванных обеспечить присутствие Украины в информационном пространстве других государств, создать условия для регулярных культурных обменов и прочее [7, 8]. Такие представительства в формате культурно-информационных центров действуют в составе заграничных дипломатических учреждений Украины, созданные во исполнение Указа Президента Украины «О культурно-информационном центре в составе зарубежного дипломатического учреждения Украины» от 20 февраля 2006 г. № 146/2006.

Исходя из этого документа, основной задачей культурно-информационных центров является содействие развитию сотрудничества Украины с государством пребывания в сфере культуры, образования, науки и техники, туризма, физической культуры

и спорта. Организация работы культурно-информационных центров возложена прежде всего на Министерство иностранных дел Украины, хотя ее содержательному наполнению должны способствовать другие ведомства (в частности, Минкультуры и МОН).

По состоянию на декабрь 2015 года в странах Европы действовало 17 культурно-информационных центров, из них 10 — в постсоветских и посткоммунистических странах. Деятельность центров сосредоточена на информационно-разъяснительной работе в юбилейные и памятные для украинцев дни (День соборности и свободы Украины, Шевченковские дни, Международный день родного языка и прочие). Большой вклад в популяризацию украинской культуры осуществляют преимущественно представители творческой элиты, деятели общественности и украинской диаспоры, которые активно и успешно представляют за границей украинскую культуру.

Так, в Беларуси в 2014–2015 годах приоритетным проектом являлось совместное проведение фестивалей искусств (Международный фестиваль «Славянский базар в Витебске», Межрегиональный фестиваль «Зори над Днепром», Республиканский фестиваль национальных культур в Гродно). В 2014 г. в Беларуси активно отмечали 200-летие Тараса Шевченко. Юбилейные мероприятия (концерты, конкурсы, круглые столы, тематические вечера) проходили по инициативе культурного центра при активном участии украинской диаспоры [9]. 1 апреля 2016 г. в польском Вроцлаве прошел Львовский месяц в рамках программы «Европейская столица культуры — 2016». Целый месяц между католической и православной Пасхами в центре города проходили концерты украинских исполнителей, презентации украинских книг, кинопоказы и дискуссии о Вроцлаве и Львове [10]. Во Франции при содействии посольства Украины ежегодно проходят акции и мероприятия, направленные на продвижение украинской культуры. Большой интерес вызывают «Дни украинской культуры», «Украинские сезоны», фестиваль «Взгляд из Украины». В городе Санлис проходят торжества, посвященные памяти Анны Ярославны, королевы Франции [11].

В 2014–2015 годах перед дипломатическими представительствами Украины возникли новые задачи — необходимо обеспечить поддержку не только продвижению украинской культур, но и донесение правдивой информации о реальных событиях в стра-

не. В этом плане интересна деятельность посольства Украины в Королевстве Бельгия. 9–12 декабря 2014 года в помещении Европарламента в Брюсселе прошла фотовыставка «Донбасс: война и мир» в рамках конференции «Украина как тест на европейскую солидарность» [11]. В поддержку демократических устремлений Украины и как выражение сочувствия погибшим в ходе конфликта на Востоке страны в 2014–2015 годах во Франции организован ряд художественных выставок: детских картин «Моя мирная Украина», фотовыставка «Огонь воплощенный». В январе 2016 г. в парижском кинотеатре La Filmothèque du Quartier Latin состоялись показы украинской документалистики. Французская программа длилась почти месяц. Туда вошли шесть украинских фильмов, по времени создания представляющих почти сто лет украинского кино («Живая ватра» Остапа Костюка, «Время жизни объекта в кадре» Александра Балагуры, альманах «Евромайдан. Черновой монтаж», фильмы Сергея Буковского «Завтра праздник» (1987) и «Украина: точка отсчета» (2011) и фильм Дзиги Вертова «Одиннадцатый» (1928). За полгода украинское кино планируют показать в пяти странах Европы: кроме Франции, это будут Германия, Испания, Италия и Греция. Кроме кинопоказов, проводятся лекции и дискуссии при участии общественных активистов и правозащитников, которые помогают зрителям лучше понять события, показанные в фильмах [12].

В Германии при помощи посольства состоялось более 100 мероприятий и акций, посвященных событиям в Украине, в том числе презентация в июне 2014 года произведений украинских деятелей изобразительного искусства и литературы «The Ukrainians». Ежегодно в Берлине проходит «Фестиваль мира» против терроризма, насилия, голода, неравенства и использования оружия массового уничтожения, в котором активно участвует украинская диаспора [11]. Украинский культурный центр в Австрии в ноябре 2014 года подготовил выставку современного украинского искусства в европейском музейном центре Mueumsquartier Vienna «До и после Майдана» [11].

Однако стимулировать развитие культурной дипломатии невозможно без учета современных инноваций и зарубежного опыта в этой области. По данным Института стратегических исследований, в течение всего периода работы не все украинские культурные центры выполняли возложенную на них миссию.

Это обусловлено рядом факторов — отсутствием квалифицированных кадров из культурного менеджмента, размытой структурой управления, отсутствием стратегии развития, нехваткой денег [9]. Специалисты утверждают, что современным инструментом культурной дипломатии должны быть учреждения, которые поддерживаются государством, но не подвергаются давлению со стороны чиновников [13].

В качестве образца может служить деятельность Французского института, созданного в 2010 году, который имеет 101 учреждение по всему миру. Кроме этого, функционируют 161 офис службы культурного сотрудничества и деятельности и 445 организаций Альянс Франсез. На международном уровне определяются три приоритета французской культурной политики: продвижение современного искусства, французской культуры и реализация культурного разнообразия, укрепление профессионального потенциала и творческих связей. Поддержка и продвижение языка для большинства учреждений за границей являются важнейшими и первоочередными заданиями. Например, Гете-Институт и Британский Совет главным образом сосредоточились на продвижении языка и имеют от этой деятельности определенную прибыль.

Речь идет о формировании сети высокопрофессиональных и эффективных культурных учреждений, которые бы имели автономный статус и действовали сбалансированно в одном ключе. Так работают за границей Британский Совет, Французский Институт, Гете-Институт, Польский Институт, Институт Сервантеса. Создание подобных организаций украинцев в Европе, по мнению экспертов, возможно, исходя из многолетнего опыта работы с приватными участниками культурного процесса, деятельности украинской диаспоры, а также культурно-информационных центров в составе посольств [13].

Представляет интерес в сфере культурно-гуманитарного сотрудничества Украины и Швеции инициатива украинско-шведской пианистки Наталии Пасичник, которая организовала в 2014 г. Украинский институт в Стокгольме [14]. В Совет директоров вошли две украинки и два шведа, которые сформулировали задачу организации — продвижение украинской культуры для шведского и международного сообщества. Силами института был проведены вечер украинской поэзии на Международном фестивале поэзии в Стокгольме и презентация первой книги по

истории Украины на шведском языке. Весной 2015 г. состоялся первый в Скандинавии фестиваль украинского кино, который открывала министр культуры Швеции Алис Ба Кунке. Тогда же Украинский институт в Швеции получил от Министерства культуры Украины полномочия представлять Украину в Объединении институтов культуры стран Европейского Союза (European Union National Institutes for Culture). Институт получил право вместе с культурными институтами стран ЕС участвовать и совместно организовывать культурные мероприятия в Швеции — представлять достижения украинской культуры как часть европейской культуры.

В 2014 г. Министерство культуры в рамках сотрудничества с Украинским центром культурных исследований предложило на рассмотрение концепцию Украинского института. Документ был разработан с учетом опыта Польши, Германии, Великобритании и других стран, которые имеют авторитетные центры по продвижению национальной культуры в мире. Ученые-авторы концепции, опираясь на анализ опыта этих стран, пришли к выводу, что оптимальный подход состоит в объединении усилий государства, бизнеса, культурной и научной общественности не только собственной страны, но и стран-партнеров [15].

Украинский институт будет создан как неправительственная организация сетевого типа. Целью создания Украинского института является формирование положительного образа Украины в мире и распространение информации о культурной, научной, общественной жизни Украины, ее культурном наследии и истории.

Согласно проекту Концепции, офисы Института будут заниматься информированием, созданием библиотек и электронных баз данных, налаживанием постоянных контактов с культурно-художественными и интеллектуальными средами разных стран; реализовывать за рубежом проекты, направленные на популяризацию украинской культуры; способствовать участию украинских художников в ведущих международных культурно-художественных мероприятиях. Также на Институт возложена реализация грантовых конкурсных программ, которые продвигают и популяризируют украинскую культуру, и содействие участию украинских художников в европейских культурных программах, привлечение спонсорских и грантовых средств до таких проектов. Кроме того, Институт будет издавать книги, создавать фильмы и другую ау-

диовизуальную продукцию, которая популяризирует украинскую культуру и искусство, будет проводить просветительские акции.

Разработчики Концепции предлагают руководствоваться следующими приоритетами в расположении офисов Института: страны Центральной и Восточной Европы, где существует значительный интерес к Украине и ее культуре (Польша, страны Балтии, Грузия, Беларусь, Чехия, Румыния); большие страны, где существуют значительные украинские общины, которые будут служить естественной социо-культурной базой для деятельности таких Институтов (США, Канада, Италия, Испания, Португалия); ведущие в экономическом, политическом и культурном плане страны Европы и других регионов мира (Германия, Великобритания, Франция, Китай, Япония, Индия). Важным инструментом во всех странах пребывания института должно стать создание/развитие украинских студий, которые бы включали комплексное изучение украинского языка, истории, искусства, философии, литературы. Институт должен иметь все полномочия и ресурсы по предоставлению стипендий на обучение в Украине, таким образом, удастся поддерживать иностранную профессуру и студенчество, заинтересованное в изучении украинского языка, истории, литературы, искусства. Целевой аудиторией института могут стать студенты гуманитарных специальностей (особенный акцент стоит сделать на журналистах). Не располагая финансовыми ресурсами, необходимыми для создания СМИ (прямой путь влияния на информационное поле), Украина должна сосредоточиться на тех, кто в будущем будет создавать контент (опосредованный путь).

Планируется, что деятельность сети Украинского института будет финансироваться за счет средств государственного бюджета; средств (грантов) европейских и международных культурных программ, а также благотворительных пожертвований и спонсорских средств отечественного и зарубежного бизнеса, направленных на поддержку проектов Украинского института. Таким образом возможны поступления средств, которые легче получить общественной организации, чем правительственной. Тем не менее, 40–60 % всех финансов института планируется привлечь из государственного бюджета.

Впрочем, вопросы финансирования тормозят процесс реформирования культурно-информационных центров при посольствах Украины за границей, а деятельность по продвиже-

нию украинской культуры пока рассматривают в ключе смены руководителей, а не реформирования системы. Назначение на должность Первого секретаря по вопросам культуры посольства Украины во Франции писательницы и активистки Ирэны Карпы (фактической руководительницы культурно-информационного центра) подтверждает этот вектор [16].

В долгосрочной перспективе создание Украинских Институтов должно изменить образ Украины в глазах жителей стран ЕС. Невыигрышное представление об Украине как стране проституции, коррупции, борща и шаровар должно исчезнуть из сознания европейцев. Задача всей государственной машины в том, чтобы появилась новая Украина — страна современного искусства, науки и литературы. Украина может и должна стать индустриальной страной с высокоразвитыми технологиями, поскольку обладает необходимыми ресурсами и высококвалифицированными кадрами,— убеждены многие зарубежные эксперты, которые анализируют структуру и состояние украинской экономики. Остальное зависит от политической воли нынешней политической элиты и мужества народа, восставшего против коррупции и правового бесспредела.

Литература

1. Anholt Simon (2010–01–23). Places: Identity, Image and Reputation. Palgrave Macmillan.— ISBN978–0230239777.

2. Богуш, Д. Влияние Евромайдана на имидж Украины [Электронный ресурс] / Д. Богуш.— Режим доступа : www.bohush.org.ua/ bohush.

3. Anholt Simon, Good Country Index [Electronic resource].— Mode of access : http://goodcountry.org/index/overall-rankings.

4. Указ Президента «Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 6 травня 2015 року «Про Стратегію національної безпеки України» [Електронний ресурс].— Режим доступу : http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/287/2015.

5. Дмитрий Кулеба: «Наша цель — чтобы об Украине писали в газетах не из-за войны, а из-за культуры» [Электронный ресурс].— Режим доступа : http://culture.lb.ua/news/2015/12/25/324392_dmitriy_kuleba_nasha_tsel-.html.

6. В МИД Украины образовали новое управление публичной дипломатии [Электронный ресурс].— Режим доступа : http://www.unn.com.ua/ru/news/1532283-u-mzs-ukrayini-utvorili-nove-upravlinnya-publichnoyi-diplomatiyi.

7. Оптимізація посилення культурної присутності України в Європі [Електронний ресурс].— Режим доступу : http://www.niss.gov.ua/articles/1522.

8. Досвід функціонування європейських інститутів культурної дипломатії: висновки для України [Електронний ресурс].— Режим доступу : http://www.niss.gov.ua/articles/1649.

9. Культурно-гуманітарне співробітництво: Україна у Білорусі. [Електронний ресурс].— Режим доступу : http://belarus.mfa.gov.ua/ua/ukraine-by/cultural.

10. Как проходит Львовский месяц в европейской столице куль- туры-2016 [Электронный ресурс].— Режим доступа : http://culture.lb.ua/news/2016/04/06/332169_prohodit_ lvovskiy_mesyats.html?utm_source=local&utm_medium=cpm&utm_campaign=lenta.

11. Культурна дипломатія України як відповідь на виклики часу: європейська складова [Електронний ресурс].— Режим доступу : http://www.nplu.org/storage/files/Infocentr/ Tematich_ogliadi/2015/2015_culture2.pdf

12. Украинские документальные фильмы покажут в пяти странах Европы [Электронный ресурс].— Режим доступа : http://culture.lb.ua/news/2016/01/25/326338_ukrainskie_dokumentalnie_filmi.html?utm_source=local&utm_medium=cpm&utm_campaign=lenta.

13. Український інститут як інструмент культурної дипломаті [Електронний ресурс].— Режим доступу : http://www.niss.gov.ua/articles/2111.

14. Культурна дипломатія: як це працює у Швеції і не працює в Україні [Електронний ресурс].— Режим доступу : http://life.pravda.com.ua/columns/2015/10/12/201718.

15. Минкультуры инициирует создание Украинского института для продвижения украинской культуры в мире. Пресс-служба Министерства культуры [Электронный ресурс].— Режим доступа : http://www.kmu.gov.ua/control/ru/publish/ printable_article?art_id=248054331.

16. Карпа возглавила культурный центр при посольстве Франции [Электронный ресурс].— Режим доступа : http://culture.lb.ua/news/2015/10/14/318442_karpa_vozglavila_ kulturniy_tsentr.html?utm_source=local&utm_medium=cpm&utm_campaign=lenta.

Т. А. Працкевич
Минск, Белорусский государственный университет

Осмысление реалий полиэтнических обществ Европы в мультикультурном искусстве рубежа XX–XXI вв.

Возникнув в первую очередь как политический курс на построение гармоничного полиэтнического общества в пределах одного государства, мультикультурализм на рубеже XX–XXI вв.

значительно расширил свои границы. Начиная с 80-х гг. XX в. можно говорить о мультикультурализме как новом направлении в современном искусстве. Его появление оказалось созвучно нарастанию активности этнических меньшинств в поликультурных обществах Западной Европы и привело к созданию целой плеяды уникальных художественных артефактов, раскрывающих сущность феномена мультикультурности в Европе рубежа XX–XXI вв.

Одними из ярких представителей современного мультикультурного искусства являются британские художники нигерийского происхождения Крис Офили и Йинка Шонибаре.

Крис Офили родился в 1968 г. в Манчестере в семье, приехавшей в Великобританию из Нигерии. Он получил британское художественное образование и стал известен в Европе благодаря передвижной выставке «Сенсация». В ее рамках экспонировалась картина под названием «Дева Мария». При создании этой немаленькой по размерам работы, которая в высоту составляла 2,5 метра, Крис Офили использовал необычный для художественных целей материал — слоновий навоз.

Для художника слоновий навоз в картинах является вовсе не средством эпатирования публики. Родившись в Великобритании, лишь в 24 года Крис Офили получил возможность поехать в Африку, в Зимбабве. Именно там, изучая свои африканские корни, он и открыл для себя слоновий навоз как культурный символ регенерации.

Африканские художественные мотивы также ярко выражены как в композиционно-цветовом подходе автора, так и в самой центральной фигуре Девы Марии, которая изображена темнокожей и с ярко выраженными африканскими чертами лица. Картина, таким образом, становится ярким примером наполнения исконно европейской темы африканским содержанием.

В одном ряду с Крисом Офили можно рассмотреть творчество еще одного британского художника нигерийского происхождения — Йинка Шонибаре. Он родился в Лондоне в 1962 г. Художник сейчас живет и работает в Лондоне, однако свое детство Йинка Шонибаре провел в Нигерии, что и послужило одним из отправных пунктов его дальнейшего мультикультурного поиска.

Отличительной чертой творчества этого художника является использование яркого узорчатого ситца, «голландской набивки», в качестве фона для живописных работ и одежды для скульптур-

ных фигур. Эта ткань изначально производилась в голландской Индонезии. Однако в этом регионе для нее не оказалось рынка сбыта. Затем ткань была скопирована и стала производиться англичанами и продаваться ими в странах Западной Африки. В результате она стала знаком идентичности и аутентичности населения Африки, а впоследствии и населения африканского происхождения в Великобритании.

В своем творчестве Йинка Шонибаре, как и Крис Офили, часто обращается к классическим сюжетам европейской культуры, зачастую наполняя свои работы ироничным содержанием. Йинка Шонибаре сознательно выбирает образы эпох, когда европейская аристократия контролировала огромные земли и богатства и была наделена властью над ними. Облекая фигуры в наряды из африканской ткани и лишая их голов, Йинка Шонибаре не замещает фигуру европейца африканцем, но сознательно размывает его образ и лишает прежней целостности и величия.

Безголовостью фигур в своих скульптурных композициях Йинка Шонибаре утверждает приоритет выразительности позы и жеста. К примеру, в работе «Качели», воплощающей в жизнь сюжет Жана Оноре Фрагонара, главным в полете безголовой девушки на качелях является не пустота над шеей, а грациозность фигуры и полет туфельки, слетевшей с ее ноги и зависшей в воздухе посреди зала.

Тема культурной и этнической идентичности афроевропейского населения в Европе находит свое продолжение в творчестве британской художницы ганского происхождения Линетт Ядом-Боакье. В отличие от Криса Офили и Йинки Шонибаре, Ядом-Боакье является, скорее, представительницей академического направления в искусстве.

Тем не менее главной особенностью творчества британской художницы является то, что на своих полотнах она изображает только темнокожих людей. Сама Ядом-Боакье говорит о том, что у нее отсутствует личная связь с Ганой. Художница идентифицирует себя со страной своего происхождения только через родителей. Поэтому свой выбор изображать только темнокожих людей она рассматривает не как культурный отпечаток, а как политическое высказывание. Линетт Ядом-Боакье так говорит о своем творчестве: «Когда передо мной возникает вопрос цвета, я думаю, что было бы гораздо более странным, если бы люди на моих

картинах были белыми. В конце концов, я выросла среди черных людей… и для меня это абсолютно нормально рисовать черных. В каком-то смысле это политический жест. Мы ведь так привыкли смотреть на изображения белых людей на картинах» (цит. по [1]).

Вопросы расы занимают важное место и в творчестве голландской художницы южноафриканского происхождения Марлен Дюма. Она родилась в Кейптауне в 1953 г. В 1976 г. художница переехала в Голландию, где живет и работает по сей день. Марлен Дюма стала известна благодаря портретам, написанным в экспрессионистской манере. В своих произведениях художница не делает различия между изображением белых и темнокожих фигур, одинаково вплетая их в художественную канву. Одновременно и равную подверженность человеческим порокам представителей всех рас, и их символическое смешение в мультикультурном обществе отражает работа 1994 г. под названием «Пары». В этой работе Марлен Дюма сплетает воедино темы расовой идентичности и человеческой сексуальности.

Особого внимания в контексте рассмотрения мультикультурного искусства заслуживает ее работа 1985 г. под названием «Белая болезнь». В ней художница сознательно уродует лицо белого человека, наполняя зрителя то ли страхом, то ли отвращением к белой коже, приобретающей символический смысл болезненности, неполноценности. Марлен Дюма создает конфликт между привычным образом благополучного европейца и новым статусом белого человека в мультикультурном обществе современной Европы. И делает она это не с помощью фигуративных и понятных художественных высказываний, а скорее воздействуя на глубинные чувства и эмоции своего зрителя.

Диалог европейской и неевропейских культур находит свое отражение также в творчестве французского художника китайского происхождения Хуана Юнпина. Он родился в Китае в 1954 г., однако с 1989 г. живет и работает в Париже. Работы Хуана Юнпина крайне провокационны и заставляют зрителя глубоко задуматься и об идее искусства, и о национальной идентичности, и об истории и культуре. Хуан Юнпин начал свою художественную карьеру в 1980-е гг. как живописец, однако вскоре нашел себя в создании инсталля- ций. Еще живя в Китае, вместе с несколькими единомышленни- ками он основал радикальную художественную группу под названием «Морские черепахи». Они сформировали новое течение,

так называемый дзен-дадаизм. Дзен-дадаизм в творчестве Хуана Юнпина стал способом поиска новой китайской культурной идентичности с помощью соединения художественных традиций модернизма и философских традиций даосизма.

Хуан Юнпин получил особую известность благодаря масштабным работам, включающим в художественное пространство чучела животных. Одним из ярчайших примеров этого направления в творчестве художника является скульптурное изображение тигра на спине слона.

Делу открытия Востока для европейского зрителя посвятил свое творчество и британский художник тибетского происхождения Гонкар Гьяцо. Он родился в 1961 г. в Лхасе. Изучив китайскую живопись в Пекине, в конце 1990-х гг. он переехал в Лондон, где обратился к изучению традиций европейского искусства. Оставшись жить в Великобритании, Гонкар Гьяцо стал основателем лондонской галереи тибетского искусства.

Основным источником вдохновения для Гонкара Гьяцо является образ Будды. Часто его работы представляют собой классические скульптурные изображения Будды, однако художник сплошь покрывает их наклейками и стикерами, как, например, в работе «Подождите, пока я целую небо». Так автор воплощает неразрывную связь религии и всего окружающего его мира, увековечивая через образ Будды наследие массовой культуры XXI в.

Неповторимым синтезом европейской и восточной художественных традиций является также творчество британской художницы индийского происхождения Пунам Мистри. В частности, свой мультикультурный талант художница проявляет в оригинальных иллюстрациях, сделанных ею для книги Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес». Это черно-белые и цветные иллюстрации в стиле этно, обрамленные индийским орнаментом, которые, очевидно, вдохновлены декоративно-прикладным искусством Индии. Таким образом, Мистри продолжает традиции индийского декоративно-прикладного искусства, облекая западные образы в богато украшенный восточный наряд.

Отдельную нишу в европейском мультикультурном искусстве занимают художники ближневосточного и североафриканского происхождения, поднимающие в своих работах, возможно, самую болезненную для мультикультурной Европы тему — европейско-арабского диалога культур. С помощью самых современных

средств художественной выразительности исследует тему европейско-арабского диалога египетско-немецкая художница Сьюзан Хефьюна. Сьюзан Хефьюна признается: «Я стала художницей из-за своего бэкграунда. Это мои корни, и египетские, и немецкие» (цит. по [2]).

Отдельное место в творчестве Сьюзан Хефьюны занимает исследование практических и метафорических свойств машрабиа — традиционных арабских оконных решеток. Машрабиа защищают женскую половину дома от взглядов людей на улице, но при этом позволяют женщинам видеть внешний мир изнутри. Сьюзан Хефьюна сделала большое количество фотографий-автопортретов, используя машрабиа, одновременно исследуя с помощью камеры мир пространства и перспективы и размышляя над метафорическим наполнением арабских решеток, определяющих закрытый, но защищенный мир арабских женщин.

С 2004 г. Сьюзан Хефьюна сама начала делать машрабиа, создавая специальные орнаменты и дополняя их фразами на английском и арабском языках. Ее работы добавили новые интерпретации смысла и предназначения традиционных арабских ширм, помещенных в пространство современного западного общества.

Исследованиям европейско-арабского диалога с помощью новейших средств художественной выразительности посвящено творчество и английской художницы палестинского происхождения Моны Хатум. Она стала известна благодаря перформансам и видеоработам в 1980-е гг., однако с 1990-х гг. в основном работает в жанре инсталляции.

Оказавшись в пространстве европейско-арабского диалога со всеми его достижениями и сложностями, Мона Хатум большое внимание в своих работах уделяет теме миграции и межнациональных конфликтов. Она видит и выражает подспудную напряженность и взрывоопасность «столкновения» культур. Это интуитивное художественное предчувствие визуально и осязаемо выражено в инсталляции 2004 г. под названием «Undercurrent», что в переводе на русский язык и несет смысл некого скрытого от глаз течения, тенденции. Инсталляция представляет собой толстые электрические кабели, сплетенные в ковер с лампочками вместо бахромы. Свет в лампочках монотонно пульсирует, наполняя изначально эстетически прекрасный объект ассоциациями со зловещим тиканьем бомбы.

Тема взрывоопасности европейско-арабского диалога ярко выражена и в творчестве египетско-французской художницы Гады Амер. Гада Амер родилась в 1963 г. в Каире. В 1974 г. вместе с родителями она покинула Египет, переехав во Францию. Художница долгое время прожила во Франции, а в настоящее время живет и работает в США.

Ее работа 2005 г. под названием «Царство террора» посвящена исследованию феномена терроризма глазами арабского мира. Изучив значение слова «терроризм» в английском, французском и арабском словарях, Гада Амер обнаружила, что в арабском словаре это слово отсутствует, за исключением единственной отсылки к событиям Французской революции, что подтверждает изначальную принадлежность концепции терроризма к западному миру. Инсталляцией «Царство террора» Гада Амер привлекает внимание зрителя к исторической хитрости, ставшей камнем преткновения в европейско-арабском диалоге. «Царство террора» представляет собой серию бумажных работ, в центре которой обои, покрытые различными определениями терроризма. Этой инсталляцией Гада Амер подчеркивает различие смыслов, которые привносят в христианско-мусульманский диалог две цивилизации, на стыке которых ей оказалось суждено творить.

Рассмотрев художественное поле мультикультурного искусства, следует отметить разнообразие авторов, посвятивших свое творчество теме взаимодействия и взаимопроникновения культур, и широкий спектр сопутствующих формированию мультикультурного общества проблем, поднимающихся в их работах. Однако важно подчеркнуть, что тема мультикультурности отражена в работах художников, имеющих неевропейские корни, что подтверждает существующую и продолжающуюся закрытость европейского общества в целом и европейской художественной среды в частности теме мультикультурной Европы. Сами биографии авторов говорят о том, что мультикультурное искусство — это искусство художников с двойной идентичностью.

Именно поэтому тема поиска идентичности и является одной из центральных в мультикультурном искусстве. Однако это не просто поиск идентичности, но и ее раскрытие в синтезе с европейской культурой. Результатом такого творческого поиска становятся как работы концептуального характера, пропагандирующие некую культурную идею, так и просто артефакты, являющиеся прекрас-

ными образцами синтеза художественных достижений Запада и Востока. Современные мультикультурные художники избирают различные творческие стратегии: используют классические европейские сюжеты и образы, преломляя их в зеркале мультикультурности или обрамляя европейское содержание в инокультурную форму, а также инкорпорируют африканские, восточные и арабские художественные реалии в европейский культурный контекст.

Наряду с поиском идентичности художественное творчество мультикультурной Европы направлено на раскрытие путей продуктивного и гармоничного взаимодействия этносов и культур. Особенно актуальной эта тематика становится для европейско-арабских художников, тонко чувствующих сложности и проблемы в развитии христианско-мусульманского диалога между европейским обществом и представителями стремительно растущей исламской общины.

Столкновение культур в мультиэтнических обществах приводит и к столкновению ценностей, смыслов и значений, присущих различным культурным традициям. Поэтому художественное творчество мультикультурных авторов не замыкается на вопросах этничности и культуры, а выходит за эти рамки, исследуя универсальные, общечеловеческие темы на стыке цивилизаций и размышляя над вопросами морали, социально-экономических благ, гендера, сексуальности и др.

В целом, следует ожидать, что мультикультурное искусство, обнажив свою актуальность и злободневность, подарит европейскому и мировому зрителю немало уникальных произведений, глубоко раскрывающих тему взаимодействия культур.

Литература

1. Барахвостова, А. Победительница Future Generation ArtPrize 2012: кто она? [Электронный ресурс] / А. Барахвостова // Bestin.ua.— 2012.— Режим доступа : http://bestin.ua/culture/art/3277.

2. Хэнсон, С. П. Простая художественная стратегия Сьюзан Хефьюны меняет восприятие ее работ [Электронный ресурс] / С. П. Хэнсон // Blouinartinfo.— 2012.— Режим доступа : http://ru.blouinartinfo.com/news/story/847182/prostaya-hudozhestvennaya-strategiya-syuzan-hefyuny-menyaet.

М. Ю. Прохорчик
Минск, Белорусский государственный университет

Методологические подходы к изучению этнокультурной политики колонизаторов в отношении североамериканских индейцев в XVII–XIX вв.

Современное общество пришло к пониманию того, что культуры и входящие в него этносы имеют огромную ценность и должны иметь возможность для сохранения и полноценного развития. Однако в условиях сосуществования нескольких культур существует угроза потери их самобытности и традиционных особенностей. В современной политической повестке остро стоят вопросы прав, свобод, условий жизни национальных меньшинств. Подвергается внимательному изучению проблема межкультурного взаимодействия, что позволяет рассмотреть наиболее важные и актуальные для современного общества проблемы — такие, как сложность национальной самоидентификации в поликультурном обществе, сохранение традиционной культуры коренного населения.

Названные проблемы актуальны, поскольку процессы глобализации интенсивно подавляют национальную культуру, что в конечном итоге может грозить полным исчезновением ее уникальности. Они также затрагивают социальное развитие этнических меньшинств, национальные отношения и внутреннюю политику государства. История показывает, что часть аборигенных культур уже исчезла с лица земли, а часть борется за свое место под солнцем. И правительства разных государств стараются оказать помощь этническим меньшинствам, чтобы сохранить уникальность их культур. Соединенные Штаты Америки, как и другие полиэтничные страны также проводят этнокультурную политику в отношении населяющих их народов, в том числе и в отношении североамериканских индейцев, материальная и духовная культура которых активно возрождается в последнее время.

Естественно возникает вопрос, почему следует рассматривать развитие двух культур в рамках этнокультурной политики. В связи с тем, что культурологическое знание не признает дисциплинарных границ и при проведении исследования можно применять методы целого ряда смежных дисциплин, пример этнокультурной политики колонизаторов в отношении аборигенного населения

Северной Америки в XVII — XIX веках очень показателен, поскольку он демонстрирует культурное взаимообогащение, что проявляется в традициях, искусстве, религии. Это длительный и сложный период, по окончании которого формируется американская нация, и на этот процесс существенно повлияла культура коренного населения.

Плодотворным для выстраивания методологической базы исследования этнокультурной политики колонизаторов в отношении североамериканских индейцев в XVII–XIX вв. является обращение к формационному и цивилизационному подходам в их взаимопересечении.

Суть предложенного К. Марксом и Ф. Энгельсом формационного подхода состоит в последовательной смене общественно-экономических формаций, различающихся между собой по способу производства и соответствующей ему социально-классовой структуре. И хотя многие исследователи подвергают критике теорию общественно-экономических формаций, а некоторые её категорически отрицают, нельзя полностью отказываться от материалистического понимания истории. По мнению В. Ж. Келле, «цивилизационный подход и формационная методология не отрицают друг друга, но различаются, потому что задают истории разные вопросы. Так, основой общественной формации является способ производства, основой цивилизации — способ существования» [4].

В период с XVII по XIX вв. встреча и сосуществование двух культур на Американском континенте сопровождались сменой общественно-экономических формаций как у общества коренного населения Америки, так и у евро-американского общества, которая проявляется в их «взаимной» обусловленности. Взаимодействие двух обществ скорее имело односторонний характер, в результате которого культурный облик индейца претерпел заметные изменения, в отличие от облика европейца. Это объясняется различным уровнем развития двух обществ. Во время освоения земель произошло столкновение позднефеодального европейского общества, где уже начинал зарождаться капитализм, с находившимся на стадии первобытности коренного населения. Как следствие, в течение рассматриваемого периода индейское общество перешло от первобытнообщинного строя к классовому, а колонизаторы — от позднефеодального к капиталистическому.

Однако интерпретировать взаимодействие колонизаторов и североамериканских индейцев, принимая во внимание только формационный подход, было бы неправильно, т. к. согласно концепции экономических формаций, главную роль в жизни общества играет материальное производство (в основе каждой общественно-экономической формации лежит определенный способ производства), а экономические факторы становятся базисом для иных общественных отношений. Поэтому для исследования этнокультурной политики в рассматриваемый период предполагается использование, в том числе, цивилизационного подхода. «Цивилизационный подход позволяет понять генезис, характерные черты и тенденции развития различных социально-этнических общностей, которые не связаны напрямую с формационным членением общества. Цивилизационный подход, в отличие от формационного, обращает внимание не только на экономические моменты, но и на социально-культурные измерения общества, духовное отношение. Он говорит о непрерывности и эволюционности развития» [8]. Исходя из этого подхода, понятие «культура» многогранно и синонимично понятию «цивилизация» и трактуется как совокупность уникальных по своей природе порядков, которые присущи конкретной исторической общности.

Взаимодействие формационного и цивилизационного подходов образуют многофакторный (плюралистический) подход», учитывающий и уникальность культуры, и универсализм формаций, и своеобразие цивилизации. Многофакторный подход в данном исследовании является базисом для изучения этнокультурной политики.

В 1954 г. вышла в свет книга американских антропологов Э. Холла и Д. Трагера «Культура как коммуникация», где впервые ввели термин «межкультурная коммуникация», в ходе эмпирических исследований доказав, что именно она находится в основе человеческих отношений и взаимодействия. [2] Вскоре после этого появилась дисциплина с таким же названием. Помимо Холла и Трагера, у истоков теории межкультурной коммуникации стоят представители из различных областей гуманитарного знания: этнологии, психологии, социологии, антропологии и т.д. Развившись в самостоятельную область, данная дисциплина оказалась на стыке различных гуманитарных наук. Поэтому будет умест-

ным использование элементов её методологии и её методологического аппарата.

Важную роль в теории межкультурной коммуникации играют такие понятия, как «свой»–«чужой», межкультурный конфликт, аккультурация, этноцентризм, на которых остановимся подробнее.

Концепты *«свой»–«чужой»* применимы, когда при взаимодействии культур возникают проблемы, в «своей» культуре сразу же всплывает «чужая». Данное явление можно охарактеризовать как реакцию на неизвестные культурные вливания. Об этих понятиях пишет и Т. Г. Грушевицкая: «Сначала, как это бывает чаще всего, обнаруживается открытое непонимание, при котором мнение и понимание не совпадают. Как правило, обе стороны не ставят под сомнение «свое само собой разумеющееся», а занимают этноцентрическую позицию и приписываю другой стороне глупость, невежественность или злой умысел» [2, с. 115]. Яркий пример — позиция европейцев по отношению к культуре аборигенного населения. Выражалось это в отказе признавать культуру индейцев как таковую и в нежелании изменять свой европейский образ жизни.

Почему возникает *конфликт?* Это можно объяснить поразному. Например, существует точка зрения, в соответствии с которой предполагается, что непонимание между людьми заложено в самой природе человека, в его неприятии на уровне инстинкта. Но, многие исследователи не согласны с данной гипотезой, доказывая, что неприятие и враждебность по отношению к «чужим» присущи не всем. Эти негативные явления возникают по причине социального характера. Диапазон межкультурных конфликтов довольно широк. Фундамент любого конфликта — незнание чужой культуры и языка, а также их непринятие. Но конфликт рассматривают и с позитивной точки зрения, как часть повседневной жизни.

Во время контакта с другой культурой люди в большинстве своём судят о чужих культурных ценностях, принимая за образец культуру своего этноса. Это и есть этноцентризм, что означает способность воспринимать, оценивать иную культуру лишь через призму своей собственной. Для этноцентризма характерно возвеличивание своей культуры над остальными, она оценивается как единственно правильная и имеющая право на существование.

Процесс межкультурной коммуникации подразумевает осмысление чужой культуры, а он принципиально отличается от

осмысления своей собственной. В связи с этим применять сравнительный анализ для исследования межкультурной коммуникации непродуктивно, поскольку его использование приведет к неверным результатам. Точно так же будет неправильным оценивать чужую культуру способами, характерными лишь для неё.

Процесс *аккультурации* идёт автоматически, культуры смешиваются, вследствие чего достигается состояние этнической и культурной однородности. Как правило, менее развитая культура видоизменяется намного больше, чем развитая. Поэтому аккультурация — это процесс слияния двух культур, в котором одна культура принимает нормы, ценности и традиции другой культуры. В данном процессе перед человеком встают две важные проблемы: сохранить свою культурную идентичность, при этом включиться в другую культуру.

В Североамериканских колониях Англии, а затем в США односторонний вектор взаимодействия между колонизаторами и местным населением привели к геноциду аборигенов, утрате самобытности, размыванию культурного кода индейца. Поэтому появилась необходимость не только возродить культурный облик коренного американца, но и создать четкие механизмы построения отношений с коренным населением и культурного взаимодействия представителей разных этнических групп.

Литература

1. Бурстин, Д. Американцы: Колониальный опыт / Д. Бурстин.— М., 1993.

2. Грушевицкая, Т. Г. Основы межкультурной коммуникации / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин.— М., 2002.

3. Данчевская, О. Е. Американские индейцы в этнокультурной политике США конца XX — начала XXI вв. / О. Е. Данчевская.— М., 2009.

4. Келле, В. Ж. Цивилизационный подход и проблемы формирования теории исторического процесса / В. Ж. Келле // Вопросы социальной теории : научный альманах. 2008. Том II. Выпуск 1(2). Социальная реальность: концепции и методология исследований.— М., 2008.

5. Ле Коадик, Р. Мультикультурализм [Электронный ресурс] / Ронан Ле Коадик.— Режим доступа :http://www.etnograf.ru/node/178.

6. Туганова, О. Э. Формирование национальной культуры США / О. Э. Туганова // Вопросы истории.— 1977.— № 4.

7. Уайт, Дж. М. Индейцы Северной Америки. Быт, религия, культура / Дж. М. Уайт ; пер. с англ. С. К. Меркулова.— М., 2006.

С. А. Радькова
Минск, Академия управления
при Президенте Республики Беларусь

Особенности культуры и национального характера испанцев в контексте межкультурной коммуникации

В русле современной парадигмы образования иностранный язык рассматривается не только как средство межкультурной коммуникации, но и в качестве средства формирования личности как субъекта национальной и мировой культуры. Направленность языка на иную культуру делает его мощным и незаменимым средством воспитания и становления полисубъектной гуманистически ориентированной личности, способной не только к самостоятельному выбору ценностей, но и к самоопределению в мире культуры. Как отмечает Е. В. Фалунина, полисубъектная личность способна к такой форме межкультурного взаимодействия, как «консолидация культур», определяемая умением понимать и уважать поликультурную реальность — иные традиции и ментальность, устанавливать связи между различными культурными системами, сохраняя при этом целостность своей культурной идентичности, и способностью преумножать общекультурные ценности посредством единения межкультурных разностей [1, с. 8].

Существуют различные подходы к пониманию проблемы соотношения языка и культуры, но по сегодняшний день данный вопрос остается дискуссионным. Само собой разумеется, что содержание языка неразрывно связано с культурой. В подтверждение этого можно привести слова одного из авторов «гипотезы лингвистической относительности» Э. Сепира: «Культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают» [2, с. 193]. Язык и культура — важнейшие понятия гуманитарного знания. Как полагает В. И. Карасик, «социальная сущность языка заключается в том, что он существует прежде всего в языковом сознании — коллективном и индивидуальном. Соответственно языковой коллектив, с одной стороны, и индивидуум, с другой стороны, являются носителями культуры в языке» [3, с. 7].

Как известно, каждая национальная целостность — народ, страна, культура — имеет особое мировоззрение, свою уникаль-

ную шкалу ценностей. Видный русский философ и правовед И. А. Ильин отмечал, что фактически каждый народ индивидуален, ему присущи свои особенные качества, проявления неповторимой природы, истории, души. Обобщая свои наблюдения о национальном характере, он писал: «Каждый народ по-своему вступает в брак, рождает, болеет и умирает; по-своему лечится, трудится, хозяйствует и отдыхает; по-своему горюет, плачет, сердится и отчаивается; по-своему улыбается, шутит, смеется и радуется; по-своему ходит и пляшет; по-своему поет и творит музыку; по-своему говорит, декламирует, острит и ораторствует; по-своему наблюдает, созерцает и творит живопись; по-своему исследует, познает, рассуждает и доказывает; по-своему нищенствует, благотворит и гостеприимствует; по-своему строит дома и храмы; по-своему молится и геройствует… Он по-своему возносится духом и кается. По-своему организуется. У каждого народа свое особое чувство права и справедливости, иной характер, иная дисциплина, иное представление о нравственном идеале, иной семейный уклад, иная церковность, иная политическая мечта, иной государственный инстинкт. Словом, у каждого народа иной, особый душевный уклад и духовно-творческий акт» [4].

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и устройства (т.е. концептуализации мира), или языковую картину мира. Языковая картина мира (ЯКМ) — одно из ключевых понятий современной лингвистики. Согласно О. А. Корнилову, «ЯКМ нации — это необходимое условие знакомства с национальной культурой, с национальным менталитетом, но не достаточное. Оно обязательно должно дополняться изучением всего комплекса элементов национальной культуры: истории, фольклора, поэзии, живописи и многого другого, включая физическую географию страны» [5, с. 82].

В настоящее время в лингвистике является общепризнанным тот факт, что самобытность мышления, психики и национальной культуры, вне всяких сомнений, проявляется в структуре национального языка и в речевом поведении его носителей. В то же время можно смело утверждать, что в тех случаях, когда один язык обслуживает не одну, а несколько наций (как, например, испанский, английский, французский и др.), видение мира носителями одного языка, проживающими в разных странах, будет различным [6, с. 56].

Языковые картины мира и особые речеязыковые ментальности различных народов, формируемые особенностями мышления, познания и спецификой отражения и «членения» мира в культуре и языке, проявляются в текстах на иностранных языках, которые имеют национальную окраску и выходят за пределы речевой нормы родного языка (но лишь с точки зрения носителей родного языка). В основе национально обусловленного видения мира — глубинные когнитивные структуры, которые связаны с общностью логического строя мысли. Язык выступает инструментом для структурирования действительности при ее отображении человеком и в известной степени «принуждает» индивидуумов использовать определенные речемыслительные способы восприятия действительности. И хотя логические закономерности мышления формируют универсальный аспект языков, они не всегда реализуются в аналогичных языковых структурах.

Язык в известной степени формирует духовное своеобразие народа и его психологию. Поэтому народный характер можно отчасти раскрыть и через проникновение в структуры и единицы языка. Когда речь заходит об испанцах, то многие зарубежные и отечественные специалисты говорят об «особой испанской манере бытия», «общеиспанской неповторимости», «уникальном испанском мире». Некая закономерность, свойственная только жителям Испании, заставляет испанцев в совершенно определенном ключе воспринимать любые события и действовать не так, как поступили бы на их месте представители других народов.

Среди важных особенностей испанского коллективного сознания отмечается их пиетет перед прошлым: значимые события настоящего практически всегда интерпретируются и оцениваются с оглядкой на события и установления прошлого. В основе испанского характера лежат индивидуализм, эмоциональность и общительность. К другим традиционным чертам национального характера жителей Испании, к их психологическим и культурным особенностям относят праздность, жизнерадостность, экспрессию чувств, экстравертность, темпераментность, мир дуэнде, который является одним из главных и самых таинственных концептов испанского национально-культурного мировидения. Испанский философ и писатель Хосе Ортега-и-Гассет указывал на то, что испанцы не мыслят своей жизни без постоянного общения, они всегда готовы прийти на помощь [7, с. 305].

Содержание концепта как единицы языковой картины мира всегда национально специфично, то есть отражает особенности культуры и мировидения конкретной лингвоэтнической общности. Однако существуют концепты, имеющие особую ценностную значимость в когнитивном пространстве и в культуре той или иной страны, поскольку определяют целый комплекс ценностей и установок данного сообщества. Современные исследователи называют такие концепты «ключевыми словами культуры» (А. Вежбицкая), «константами» (Ю. С. Степанов), «лингвокультурными концептами» (З. Д. Попова, И.А. Стернин).

Если русскую картину мира характеризуют прежде всего константы, связанные с психическим складом русского человека,— «душа», «судьба», «тоска», «счастье», «разлука», «справедливость» (по А. Зализняк, И. Б. Левонтиной, А. Д. Шмелеву), то в ценностной системе испанского сообщества важнейшую роль играют «искусство жить», «межличностная коммуникация», «семейные ценности». Такие слова являются лингвоспецифичными — в том смысле, что для них трудно найти лексические аналоги в других языках.

В работах Е. В. Астаховой образ Испании рассматривается сквозь призму концепта «праздник», который выступает как мегаконцепт, охватывающий многие сферы жизни данного этнолингвистического сообщества. Как говорится в испанской народной пословице, «жизнь — это праздник, а каждый день — приглашение к нему». Праздник — важнейшее условие обеспечения жизнеспособности Испании, свойство национального менталитета, привязанное к экстравертному характеру и культуре позитивного поведения [8, с. 286].

Помимо владения иноязычной коммуникативной компетенцией, для осуществления коммуникации между представителями разных культур необходимы специальные знания и умения: знания о системе ценностей и представлений, принятых в определенных социальных группах других стран и регионов; умение понимать и адекватно оценивать партнера по общению как представителя иного лингвокультурного общества; умение вести «диалог культур» и достойно представлять себя как носителя своей культуры. Представляется важным отметить, что основная задача преподавателя как медиатора диалога культур заключается в том, чтобы познакомить студентов с культурой Испании и сравнить ее с белорусскими социокультурными традициями, особенностями

национального видения мира, а также помочь им осмыслить свою культуру через отражение ее в белорусской и русской ментальности, выявить различия и сходства между ними, а также близость двух культур.

В качестве основных ценностей белорусского лингвосоциума выделяют такие, как любовь к малой родине; трудолюбие; взаимопомощь («талака»); толерантность; неприятие крайностей и конфликтов. Данные аксиологические приоритеты определяют следующие особенности национального характера: миролюбие, покладистость, неагрессивность, склонность к согласию и поиску компромиссов. Белорусская культура базируется на ценностных принципах взаимопомощи ближнему, отрицания немотивированного насилия, разумной достаточности, минимализма требований к жизни [9, с. 24].

Большое количество наблюдений и исследований в области межкультурной коммуникации свидетельствуют о том, что именно в процессе изучения иностранного языка как средства межкультурного профессионального общения происходят качественные изменения в структуре личности, что способствует развитию у будущих специалистов иноязычной коммуникативной компетенции, включающей формирование таких значимых качеств, как толерантность, коммуникабельность, эмпатия, ассертивность и доброжелательность по отношению к представителям иных культур.

Несомненно, что, несмотря на набирающие силу процессы культурной универсализации и усиления миграционных потоков, испанцам пока удается сохранить самобытность своей культуры и вековых традиций. Таким образом, при обучении основам межкультурной коммуникации будущих управленцев необходимо учитывать особенности национального характера и образа жизни испанцев в целях установления доверительных отношений с испаноязычными партнерами.

Литература

1. Фалунина, Е. В. Педагогическая модель системы подготовки будущих учителей к работе в пространстве современного образования : автореф. дис. … д-ра психол. наук: 19.00.07 / Е. В. Фалунина.— М., 2012.

2. Сепир, Э. Язык, раса, культура / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии.— М., 1993.

3. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик.— Волгоград, 2002.

4. Ильин, И. А. О русском национализме : сб. ст. / И. А. Ильин.— М., 2007.
5. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов.— 2-е изд., испр. и доп.— М., 2003.
6. Ахренов, А. В. Испанский язык Венесуэлы: языковая картина мира / А. В. Ахренов // Вестн. МГОУ. Сер. Лингвистика, № 3.— М. : МГОУ, 2009.— С. 56–62.
7. Иовенко, В. А. Национальное мировидение в двуязычной коммуникации / В. А. Иовенко // Вестн. МГИМО.— 2013.— № 4 (31).— С. 303–311.
8. Астахова, Е. В. Праздник в национально-культурном мировидении Испании / Е. В. Астахова // Вестн. МГИМО.— 2014.— № 2 (35).— С. 285–298.
9. Маслова, В. А. Национальный характер сквозь призму языка: моногр. / В. А. Маслова.— Витебск, 2011.

А. В. Руцкий
Минск, Белорусский государственный университет

Социально-культурные аспекты белорусской экономики

При цивилизационном подходе к истории развития общества учитываются, помимо экономических моментов, социальные, политические и особенно культурные факторы, а внимание акцентируется на сложности и многогранности человека, общества.

Исторический процесс рассматривается во взаимосвязи и преемственности, с точки зрения накопления духовного и материального богатства, учитывается роль общечеловеческих ценностей. При таком подходе экономика трактуется как элемент национальной культуры, сопряженной с системой ценностей данной культуры, понятной и потому принимаемой обществом.

В экономике и политике история умирает и списывается по причине морального устарения или изменения расстановки сил. Но лишь в цивилизации время сохраняется, накапливается, претерпевает изменения и в своих наиболее важных моментах «не проходит». Поэтому современный мир — вместилище и прошлого, и настоящего, и того, что принято называть ростками будущего.

Циклическая теория развития общества рассматривает всемирную историю как совокупность отдельных ограниченных во времени и пространстве национально-государственных или культурно-цивилизационных образований.

Циклические теории общества («культурно-исторические типы» Н. Я. Данилевского, «культурные миры» К. Н. Леонтьева, «высокие культуры» О. Шпенглера, «локальные цивилизации» А. Тойнби, «культурные суперсистемы» П. А. Сорокина, «суперэтносы» Л. Н. Гумилева), а затем работы по периодизации истории О. Конта, Д. Белла, А. Тоффлера подготовили почву для культурно-цивилизационного подхода, который сегодня занимает центральное место.

Выход на цивилизационную основу, введение категории времени в экономические исследования придает новое, культурно-историческое измерение процессу развития производительных сил.

Жизнь человека и общества всегда технологизирована. Технологизированы производства, в том числе сельскохозяйственное, торговля, управление, быт, семейные отношения, образование, культура, развлечения и т.д. Непреложный факт заключается в том, что характер, количество и качество производимых товаров, сельскохозяйственных продуктов, услуг, способ потребления и расходования энергии, восполнимых и невосполнимых природных ресурсов, характер связи, взаимодействие, общение между людьми зависят от того, какой уровень технологий является господствующим в обществе и какой тип информационной революции предшествовал созданию данного общества.

В историческом разрезе человечество прошло несколько технологических уровней, или укладов.

Современным, развитым может считаться только общество, в котором господствующее место занимают четвертый и пятый технологические уровни, т.е. общество высоких технологий. Каждому качественному уровню технологии соответствуют определенные типы общества, цивилизации и культуры.

Смена технологических уровней — важная характеристика, как и эволюция социальных отношений. Они тесно сопряжены, но изолированное их рассмотрение не дает панорамного видения развития общества, поскольку взаимосвязь и взаимообусловленность указанных компонентов проявляются через категорию «цивилизация», элементами которой (наряду с другими) они выступают [1].

Как правило, люди знают, что они хотят, но очень часто эти люди не знают, как достичь желаемого. С учетом цикличности общественного производства, других противоречий современной экономики достижение желаемого само приобретает характер

острой проблемы, что заставляет людей искать пути и средства ее разрешения. Одним из инструментов решения указанной проблемы в Республике Беларусь выступают преобразования в экономической сфере общества, получившие название модернизации, обновления экономики, перевод ее на инновационный путь развития и др.

Экономические реформы имеют смысл лишь тогда, когда в результате их осуществления обеспечивается экономический рост и повышение благосостояния общества.

Главной целью проводимых в стране реформ должно стать построение социально ориентированной рыночной экономики. Основная цель — это удовлетворение потребностей людей, Производство, которое не связано с реализацией тех или иных потребностей людей, бессмысленно.

Республика Беларусь пытается осуществить прорыв в новое качество жизни. Будущее представлено светлым и радостным. Но жизни в будущем не бывает, как не бывает жизни в прошлом. Жизнь бывает только в настоящем. При этом каждый прожитый день — это отрицание этой жизни. Поэтому главной проблемой стала настоящая, сегодняшняя наша жизнь.

Экономические реформы предполагают создание новой среды обитания, в которой комфортно бизнесу, уютно чувствует себя капитал и обеспечена достойная жизнь человека труда.

В общественном производстве особую роль играет труд. В современных моделях экономического роста показано, что каждая последующая единица труда, занятого в производстве, приносит отдачу в три раза большую, чем применение дополнительных единиц капитала. Труд — самая главная производительная сила общества. В структуре издержек производства неизбежно должна вырасти доля труда, то есть труд становится все более дорогим.

Любая продукция создается трудом человека. Настроение и мотивация человека напрямую зависят от ощущения экономической и социальной защищенности его самого и членов его семьи. И для этого надо прежде всего начинать с улучшения положения всех слоев общества, делами убеждая людей в том, что будущее страны — это их будущее [2].

Белорусская модель развития экономики имеет культурное, то есть цивилизационное измерение. Логика развития государств

мира говорит о необходимости спокойного, эволюционного, поступательного развития в соответствии с менталитетом, психологией белорусского народа.

Однако мы живем в информационном веке, когда мировой ритм ускорился, ежедневно происходят изменения, часто кардинальные, особенно в сфере высоких технологий.

Основная проблема состоит в умении быстро впитывать изменения, внедрять их в жизнь, в развитие экономики и общества, а это невозможно без изменения психологии белорусов и властной системы.

Только изменения моральных качеств белорусского общества, смена равнодушия, конформизма, страха на гражданскую инициативу, ответственность, смелость, способность к инновациям, изменениям могут привести нас к развитию.

Литература

1. Полоник, И. С. Экономика сферы услуг и сервисной деятельности / И. С. Полоник, А. В. Руцкий.— Минск, 2014.

2. Проблемы модернизации и инновационного развития / О. Н. Щевелева [и др.].— Воронеж, 2012.

Н. Н. Сидоренко
Киев, Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко

Диалог культур на страницах современной прессы национальных меньшинств в Украине

Одним из важнейших факторов процесса мирного сосуществования и толерантного общения и взаимопонимания являются средства массовой информации, которые стремятся к объединению этнических групп, их духовно-политическому возрождению, способствуют их национальному самоопределению, цивилизованному добрососедству в многообразном поликультурном мире.

Эти проблемы требуют сегодня не только государственно-политического внимания, но и научного осмысления — как в историческом ракурсе, так и в перспективном направлении. Более 100 диссертаций по разным отраслям наук защищено в Украине, начиная с 90-х гг. прошлого века, где освещались следующие важные во-

просы: конституционно-правовые проблемы регулирования межнациональных отношений в условиях становления демократии, механизмы реализации государственной этнонациональной политики, усовершенствование социальной практики в межнациональных отношениях, роль национальных меньшинств в возрождении культурных традиций, сохранении духовного наследия, создание и функционирование национально-культурных обществ. Этнические средства массовой информации исследовались в монографиях и статьях украинских ученых, в частности Ю. Бидзили [2], Ю. Колисныка [4], Н. Яблоновской [7], а также в справочниках [3].

В той или иной мере эти проблемы нашли отображение и на страницах всеукраинской и региональной прессы: культура свободы, интеркультурные образовательные и воспитательные практики, этика ответственности и поведения перед другими народами, взвешенная государственная политика относительно всех народов — граждан страны и ее гостей, возможности их общения и духовного взаимообогащения.

Как указывает этнопсихолог А. С. Баронин, сегодня для Украины не так важно войти в «цивилизацию», как «создать собственную цивилизацию, не потеряв самобытность и характерные национальные особенности. Без этого приобщение к цивилизации окажется водоворотом, в котором окончательно будут утрачены национальная идея и нация как таковая» [1, с. 252].

Рост этнического самосознания в последние десятилетия, пик своеобразного демократического и национального «ренессанса», который испытали многие народы в конце XX в., активизация миграционных процессов во всем мире дали мощный толчок к новым видам межкультурных коммуникаций. Эта проблема является значимой для Украины, на территории которой проживают представители почти 130 этносов и этнических групп. Например, национальный состав населения страны (по данным Всеукраинской переписи 2001 г.) имеет такие показатели: украинцы — 77,8 %, русские — 17,3 %, белорусы — 0,6 %, далее идут молдаване, крымские татары, болгары, венгры, румыны, поляки, евреи, армяне и др. Но каждая территория (область, район, населенный пункт) — это регион не только с присущей ему историей, культурой, экономикой, политическими амбициями, но и с определенным национальным своеобразием. В национальной панораме Киева насчитывается 82,2 % украинцев, 13 % русских, 0,7 % евреев,

0,6 % белорусов, 0,3 % поляков, 0,2 % армян, а также других народов [5]. В Закарпатье наблюдаем такую полиэтническую картину: украинцы составляют 80,5 %, венгры — 12,1 %, румыны — 2,6 %, русские –2,5 %, цыгане — свыше 1 %, словаки и чехи — 0,5 %, немцы — 0,3 % [5]. На Буковине (Черновицкая область) на втором месте — румыны (12,5 %), на третьем — молдаване (7,3 %) [5].

Современный этап самоорганизации народов отличается значительным уровнем этнической мобилизованности. Сегодня в Украине зарегистрировано свыше 1500 обществ (конгрессов, ассоциаций, культурных центров, фондов, форумов, клубов, землячеств) и других форм общественных национально-культурных организаций, имеющих как всеукраинский, так и областной, городской и районный статусы. Созданы этнические организации азербайджанцев, ассирийцев, албанцев, болгар, армян, греков, грузин, гагаузов, евреев, корейцев, литовцев, молдаван, немцев, поляков, татар, цыган и других народов.

Для большей части общества присуща высокая степень этнической солидарности и сплоченности, значительный потенциал для возрождения своей истории, языка, обычаев, традиций, сохранения самобытной культуры. В частности, в Киеве созданы Ассирийская ассоциация Украины, Азербайджанский общественно-культурный центр Украины, Общество литовской культуры им. Майрониса, Немецкое культурологическое общество «Валентайн», Чешский национальный совет Украины, Еврейский фонд Украины и др. На Западе страны Форум венгерских организаций Закарпатья составили национальные общества нескольких районов — Береговского, Тячевского, Свалявского; не менее активными являются также Общество венгерской культуры Закарпатья, Демократический союз венгров Украины, Общество венгерской интеллигенции Закарпатья.

Деятельность многих культурологических объединений направлена на развитие межнациональных отношений, защиту национальных интересов граждан, развитие национальных культур, удовлетворение духовных запросов иноэтничечского населения. Они принимают участие в проведении общественных мероприятий, создают национальные клубы и дискуссионные центры, занимаются издательской деятельностью, выпускают газеты и журналы, устанавливают связи и сотрудничают с государственными и общественными организациями Украины и других стран.

За годы независимости в Украине зарегистрированы более 300 газет, журналов, бюллетеней, альманахов, информационных вестников национальных меньшинств. Хотя официальная статистика отсутствует, но собственный опыт дает возможность сосредоточить внимание на некоторых группах этнической периодики и ее количественных показателях. Например, более 70 изданий еврейской общественности создано в нашей стране («Еврейский мир», «Эйникайт / Единение», «Шабат-шалом», «Наши люди — еврейский глянец», «Егупец», «Житомир еврейский», «Ган Исроэль / Райский сад», «Еврейский меридиан», «Еврейский обозреватель», «Киев еврейский», «Шабат», «Надія / Надежда», «Атиква / Надежда», «Бенсиах / Собеседник» и многие другие), издающиеся в Киеве, Харькове, Днепропетровске, Запорожье, Кировограде, Полтаве, Черкассах, Виннице, Конотопе, Кременчуге, Корсунь-Шевченковском.

Венгерских, румынских и польских этнических медиа намного меньше, чем в предыдущей группе (в каждом национальном сегменте — более 20). Например, венгерские издания «Kárpáti Igaz Szó / Карпатское слово правды», «Új hojtás», «Kárpátoloi / Закарпатье», «Karpat info», «Beregi hirlap / Вісник Берегівщини», «Nagyszőlős-vidéki hirek / Новини Виноградівщини», «Ungvári vidéki hirek / Вісті Ужгородщини», «Hotármenti szocialdemokrata / Прикордонний соціал-демократ» и др.) функционируют преимущественно на Закарпатье, румынские — на Буковине («Koncordia», «Zorile Bucovinei», «Meliag natal / Родной край», «Arcaşul / Стрелец», «Clopotul Bucovinei / Звон Буковины», этнокультурное издание «Cronici Bucovinene / Буковинские хроники»), «Juminea / Молодежь», «Recreata mare», «Gazeta de Herta» и др.). Чаще всего они учреждаются национально-культурными обществами, горрайонной администрацией (как дубли выпусков на двух языках). Стоит отметить, что полиэтничность закарпатского региона, соседствующего с четырьмя европейскими государствами, способствовала организации программ (Закарпатская государственная телерадиокомпания) на венгерском, румынском, словацком, немецком и ромском языках.

Редакции польских газет и журналов расположены в Киеве, Житомире, Черновцах, Львове, Виннице, Ивано-Франковске («Dziennik Kijowski / Киевский дневник», «Kurier Galicijski / Галицкий курер», «Glos Polonii / Голос Полонии», «Polak mały / Маленький поляк», «Krynica / Колодец», «Gazeta Polska / Польская газета»,

«Polacy Donbasu / Поляки Донбасса»), то есть функционируют по всей Украине.

Большинство греческих и болгарских медиа имеют региональное предназначение, ориентируются на читателей Приазовья (греческие) или Одессы и области (болгарские). В каждой группе около 10 газет, журналов, альманахов: «Элпида / Надежда», «Эллины Украины», «Греческая газета», «Хронос / ΧΡΟΝΟΣ», «Роден край» «Украина: болгарское обозрение», «Болгарський щорічник / Болгарский ежегодник», «Дружба», «Радолюбие», «Слов'янське сонечко».

В списке этнических СМИ Украины пресса армянская («Армянский дом», «Армянский вестник-Наири», «Голубь Масиса», «Сурб Хач», «Арагац» и др.), азербайджанская («Мосты дружбы», «Слово Азербайджана», «Голос Азербайджана»), ромская — в Одессе, Измаиле и Ужгороде («Амаро лав», «Романи Яг», «Романипе», «Мирикля», «Сгаморо») и других народов, издавна компактно проживающих на территории Украины.

При поддержке обществ русской культуры, русских политических блоков и партий создано за последние два десятилетия более 50 русских изданий (например, «Великая Русь», «Русская правда», «Газета для соотечественников Русская правда», «День за днем», «Русское слово», «Вестник русских организаций и движений Ровенщины», «Русский Крым», «За Русь единую», «Русская община» и др.). Несколько изданий в разное время ставили целью объедине- ние национальных меньшинств Украины в «одном доме». Это та- кие газеты, как «Моя Родина» (газета национальных меньшинств Украины, Харьков), «Форум наций» (учредители — Ассоциация еврейских организаций и общин Украины и ГО «Общество немцев «Видергебург»), «Відродження / Возрождение» (издание для директоров и учителей школ национальных меньшинств Украины), альманах «Етноси України / Этносы Украины». Воспитание толерантности, межкультурного сотрудничества, взаимопонимания, справедливого и демократического сосуществования в гражданском обществе — те основные задачи, которые средствами печатного слова утверждались на страницах периодики.

Функционировали или продолжают свое существование массмедиа грузинские, китайские, молдавские, татарские, словацкие, чешские. Некоторые издания освещают религиозные аспекты (мусульманские, иудейские, католические: «ИРРАИД», «Минарет» (издает Духовное управление мусульман Украины), «Аль-Баян»

(Исламский культурный центр Киева), «Украина и исламский мир» (Религиозное управление независимых мусульманских обществ Украины — Киевский Муфтият), «Шофар Поділля» (издает общество иудейской религии), «Криница» (Киевский колледж католической теологии св. Томы Аквинского), «Мир иудаизма» (Федерация иудейских обществ и организаций Украины).

Среди читательской аудитории этнической прессы — женщины (их интересам посвящены еврейские журналы «Идиш момэ» и «Мир еврейской женщины», словацкий ежемесячник «Dôvera / Доверие»), дети (польский журнал «Polak Mały», ромский «Кгаморо», румынский «Făgurel», венгерские «Nyomkeresö», «Irka» и «Bobita»; болгарское издание «Словянское солнышко»; «Еврейский мир») и др.

Учредителями этнических СМИ в Украине выступают как общественные организации (Всеукраинская общественная организация «Конгресс азербайджанцев Украины» — газета «Голос Азербайджана», Молодежное общества поляков Житомира — «Слово польське», Харьковская ассоциация деятелей и друзей еврейской культуры — газета «МИР»). И таких примеров большинство. Учредителями бывают также физические лица, что особенно характерно для еврейских и русских изданий. Это Элеонора Гройсман, Михаил Каршенбаум, Леонид Сапожников, Аркадий Монастырский (соответственно — газеты «Киев еврейский», «Шабат шалом» в Днепропетровске, «Шабат» в Виннице); Сергей Шувайников в Крыму («Русская Феодосия», «Русская Керчь», «Русский блок Сергея Шувайникова», «Русский фронт Сергея Шувайникова», «Русский блок Севастополя) и пр.

Большинство изданий народов Украины фактически рассказывают о себе, пытаются продемонстрировать лучшие образы и традиции своих духовных достижений: освещение героического прошлого, публикация литературных произведений, этнографические исследования, то есть не только забота о памяти, но и размышления о перспективах развития нации.

Как пример подобного взаимодействия между народами, проявление стремления к общему национальному «распознанию» и конструктивному межнациональному диалогу стоит назвать специальный выпуск львовского независимого культурологического издания «Ї», посвященного евреям. Кстати, редакция во главе с главным редактором Тарасом Возняком более склонна к нейтрально-академическому названию «гебреи», помня об обидных названиях

(«жид») и благородных («евреи», «израэлиты», «гебраи»), стараясь разобраться на страницах журнала в исторических судьбах украинско-гебрейских отношений, найти механизмы для сохранения национальной и культурной самоидентичности. Ведь сотни лет мирного сосуществования двух народов на земле Украины прерывались также «руинными периодами общественных катаклизмов, где оба народа, как правило, не были субъектами, а только объектами чужих манипуляций». Поэтому должно быть время осознать, кем были евреи Одессы, Киева, Умани, Бердичева, Львова, Житомира и сотни больших и маленьких городков на карте Украины: гости, чужестранцы, изгнанники, поселенцы?.. Но когда они живут тут тысячи лет, когда предки их настолько вкоренены, что не знают другой родины, когда коренные народы этой части Европы здесь живут столько же лет — разве нет у них равного права?» [6].

«Все мы дети твои, Украины» — вот основной принцип конструктивного диалога. Синтез национальных культур, информационная политика под девизом «Украина — наш общий дом», диалогичность решения социальных проблем присущи многим изданиям народов, проживающих на территории Украины: поляков («Kurier Galicijski», «Mozaika Berdyczowska», «Dziennik Kijowski»), греков («Хронос / ΧΡΟΝΟΣ», «Эллины Украины»), армян («Арагац», «Армянский вестник»), евреев («Еврейские вести», «Шамрей шабос»), болгар («Камбана», «Роден край»), румынов («Zorile Bucowinei»), венгров («Karpati Igaz Szo», «Uj Hajtas»), издающиеся как в центре страны (Киев, Житомир, Бердичев), так и на юге (Одесса, Николаев) и западе (Ивано-Франковск, Ужгород, Берегово, Виноградов, Черновцы и др.).

Современные реалии общественного развития требуют постоянного внимания к жизненным потребностям этнических народов, предупреждению межнациональных противоречий. Остро стоит вопрос формирования и воспитания национального сознания населения посттоталитарных регионов. Важным звеном в этом вопросе выступают и Система менеджменте качества, которые могут обладать силой объединения нации, духовно-политического возрождения, национального самоопределения,— с одной стороны; а с другой — преобразования на демократических основах взаимоотношений разных этнических групп, создания почвы для цивилизованного сосуществования в многоликом поликультурном обществе.

Литература

1. Баронин, А. С. Этническая психология / А. С. Баронин.— Киев, 2000.
2. Бідзіля, Ю. М. Інформаційна безпека поліетнічного регіону: пошук нової медіасистеми (на прикладі Закарпаття) / Ю. М. Бідзіля // Наукові записки Інституту журналістики.— 2014.— Т. 56.— С. 195–203; Бідзіля, Ю. М. Угорськомовна преса на Закарпатті / Ю. М. Бідзіля // Наукові записки Інституту журналістики.— 2013.— Т. 52.— С. 211–219; Бідзіля, Ю. Масмедіа Закарпаття як чинник міжкультурної комунікації / Ю. Бідзіля // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Соціальні комунікації.— 2013.— Вип. 1.— С. 283–293; Бідзіля, Ю. Угорський етнос та угорськомовна преса на Закарпатті / Ю. Бідзіля // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Соціальні комунікації.— 2010.— Вип. 23.— С. 104–113.
3. Київ: національно-культурні товариства та земляцтва : довідник / упоряд. В. В. Горовий, О. І. Сидоренко.— Киев, 2000.
4. Колісник, Ю. Преса національних меншин України або Як навчитись любити свою націю / Юрій Колісник.— Черкаси, 2006.
5. Про кількість та склад населення України за підсумками Всеукраїнського перепису населення 2001 року [Електронний ресурс].— Режим доступу : http://2001.ukrcensus.gov.ua/results/general/nationality.
6. Возняк, Т. [Редакційна стаття] / Тарас Возняк // Ї: незалежний культурологічний часопис.— 1996.— Ч. 8.— С. 2.
7. Яблоновська, Н. В. Етнічна преса Криму: історія та сучасність / Н. В. Яблоновська.— Сімферополь, 2006.

Ю. С. Скороход
Киев, Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко

Взаимодействие в единого социума социокультурных групп, принадлежащих к разным цивилизационным комплексам (на примере Ливана)

Исторически сложилось так, что после распада Османской империи и установления французского мандата 17 ливанских религиозных субобщин, представляющих в основном две мировые религии (христианство и ислам) и отличающихся по своей культуре и социокультурным ценностным ориентациям, сосуществуют на небольшой территории (10 452 квадратных километра) в рамках единого государства — Ливанской Республики.

В этом контексте закономерным представляется вопрос об особенностях взаимодействия социокультурных групп в ливанском социуме, формирование которого происходило под влиянием как западно-христианского, так и арабо-мусульманского культурно-цивилизационных комплексов. Автор разделяет точку зрения американского ученого С. Хантингтона, согласно которой «из всех объективных элементов, определяющих цивилизацию, наиболее важным…является религия» [3, с. 49]. «Основные цивилизации в человеческой истории,— утверждает С. Хантингтон,— в огромной мере отождествлялись с великими религиями мира; и люди общей этнической принадлежности и общего языка, но разного вероисповедания, могут вести кровопролитные братоубийственные войны, как это случилось в Ливане, бывшей Югославии и в Индостане» [3, с. 49].

На наш взгляд, определяющими чертами модели взаимодействия социокультурных групп в рамках единого ливанского социума являются следующие:

– ливанская модель является конфликтной моделью, которая характеризуется отсутствием консенсуса по ряду принципиальных вопросов функционирования политической системы, что в значительной мере обусловлено наличием цивилизационного разлома в ливанском социуме по линии христиане — мусульмане;

– ливанской модели присуща ограниченность межобщинных контактов на массовом уровне. Как следствие, процесс сбалансирования сил и определенное согласование интересов происходит на уровне элиты, которая представляет общины или субобщины; это определяет исключительную роль элиты в функционировании ливанского общества.

На всех этапах развития ливанского социума именно религиозная принадлежность была основой для становления личности, в частности для ее идентификации. Определяющее влияние этноконфессиональных факторов на формирование ливанского социума был обусловлено в значительной мере характером и спецификой имевших здесь место миграционных процессов. Причиной массовых миграций в Ливан были преимущественно религиозные мотивы — преследуемые сторонники религиозных течений искали убежище в труднодоступных горных районах страны. Именно сектантский характер миграций заложил основу для развития в последующем изоляционизма в рамках отдельных социокуль-

турных групп — субобщин. Усилению стремления религиозных субобщин к самоизоляции содействовало и одновременное проживание на общих территориях представителей различных конфессий (к тому же, не относящихся к ортодоксальным религиям). При этом необходимо учитывать, что представители тех или иных конфессий отличались приверженностью к признанию исключительности своих доктрин как единственно верных.

Такой конфессиоцентризм — исторически обусловленная совокупность религиозных представлений и стереотипов, утверждающих центральное место своей религиозной группы в системе мироздания — содействовал углублению изолированности ливанских субобщин. В свою очередь, изоляционизм в ряде ситуаций порождал противостояние, т. е. стремление объединиться в группы для дистанционирования себя и «своих» от окружающего мира, которое формировало предпосылки для возникновения конфликтных отношений, а в перспективе и конфликта.

Естественно, что становление в этих условиях мировоззренческого понятийного аппарата членов субобщины происходило в рамках последней и основывалось на базовом принципе субобщинной солидарности, религиозной по своей сути. Таким образом, историческая практика привела к формированию устойчивых политических и социальных стереотипов, свойственных представителям тех или иных субобщин. Сложившийся комплекс социокультурных представлений, основывающийся вначале на защите сугубо религиозных ценностей, охватил все сферы жизни ливанских субобщин и, естественно, экстраполировался на новые аспекты ливанской действительности.

Результатом этих процессов стало то, что конфессиональные субобщины в Ливане превратились в замкнутые социокультурные системы, которые владеют собственными социальными институтами, определяющими и регулирующими отношения внутри субобщины.

В этих условиях восприятие влияния извне как общей внешней угрозы, в свою очередь, содействовало внутреннему сплочению и дальнейшей консолидации каждой из субобщин и, соответственно, в определенной мере, сглаживанию внутренних противоречий внутри социокультурных групп. Таким образом, в условиях цивилизационного разлома ливанского социума процесс формиро-

вания самосознания ливанцев был ориентирован внутрь социокультурных групп и одновременно за пределы Ливана в сторону единоверцев. Это имело определяющее влияние на становление в Ливане национальной идентичности не как продукта национальной культуры, а как результата принадлежности к той или иной этноконфессиональной группы.

Идентификация ливанцев определяется, прежде всего, их религиозной принадлежностью, т.е. является ли он/она последователем христианства или ислама. При этом, как подчеркивает Р. Рэбил, понятие «религия» в данном случае соотносится не столько с понятием «вера», сколько с социальными установками, практикой, ценностями и определенными стандартами поведения, ассоциирующимися с различными религиозными общинами/субобщинами [8, с. 141]. Иными словами, чувство национальной принадлежности и национальной преданности, само понятие «Ливан» ассоциируется, прежде всего, с понятиями «христианин», «шиит» или «суннит» и трансформируется исключительно в чувство преданности членам своей религиозной субобщины и сородичам за пределами Ливана. При этом принадлежность того или иного индивидуума к той или иной религии безусловно идентифицирует его с культурной принадлежностью к арабскому или западному миру [8, с. 141].

Некоторые исследователи, например В. Фарес, полагают, что ливанские общины причастны к процессу формирования национальной идентификации в масштабах всего Ближнего Востока и, соответственно, что «ливанский конфликт (исторический и современный) является этничным конфликтом между двумя большими национально-этническими группами, христианами и мусульманами» [7, с. 4]. В. Фарес утверждает, что «ливанское христианское сопротивление» является частью «коллективных усилий этой [христианской — Ю. С.] ближневосточной этничности с целью сохранения своей идентичности» в условиях нарастания арабской угрозы (палестинской, сирийской и радикального ислама) [7, с. 5].

Следует отметить, что в 70-х гг. XX в. ряд политологов, принадлежащих, к тому же, к разным научным школам, утверждали, что роль в обществе такого феномена, как религия, будет снижена в результате процессов модернизации, индустриализации и урбанизации, которые приведут к формированию не только новых форм производственных отношений, но и новых культурных

комплексов, норм и ценностей. Представлялось, что постоянное расширение зон взаимодействия, расширение круга контактов представителей различных социокультурных групп в конечном итоге приведет к разрушению замкнутости конфессиональных субобщин и к включению индивидуума как гражданина в структуру общества, минуя промежуточные группы (общинно-религиозные, этнические, политические и прочие), членство в которых рассматривается как личная сфера (см. [2, с. 38]).

Однако исторический опыт доказал схематичность и упрощенность такого подхода как в целом к процессам, происходящим в поликонфессиональных социумах под воздействием индустриализации и модернизации, так и, в особенности, к роли в них религии, а именно неизбежности соответствующего усиления секуляризма в обществе. Так, шведский исследователь Т. Петтерсон пришел к заключению, что в современном обществе действие целого ряда факторов определяет развитие противоположных тенденций, которые будут влиять на уровень религиозности индивидуумов. По его мнению, рост обеспечения человеческой безопасности определяет тенденцию к падению уровня религиозности, в то время как возрастание культурного многообразия, наоборот, ведет к возрастанию религиозности [6].

В свою очередь, французский социолог И. Ламбер утверждает, что модернизация в зависимости от конкретно-исторических условий развития может иметь четыре последствия для религии: «падение; адаптацию и новые интерпретации; консервативную реакцию и инновацию» [5].

Используя методику И. Ламбера, шведский ученый Й. Герд в своем исследовании, посвященном взаимоотношениям ливанских конфессий, отмечает, что под воздействием модернизации часть ливанского общества стала более консервативной/религиозной, в то время как другая — более секуляристски настроенной, отмечено падение уровня ее религиозности [4, с. 297]. По его мнению, в результате этих процессов перспективы интеграции ливанского общества становятся все менее реальными; усиливается тенденция к дальнейшей фрагментации социума и возрастанию нестабильности как функции структурных отношений между ливанскими субобщинами. В целом Й. Герд приходит к выводу, что религия в ливанском контексте никогда не будет маргинализирована в общественной и политической сфере, оставляя каж-

дой конфессиональной субобщине высокую степень автономии управления на уровне социокультурной группы [4, с. 297].

Длительный исторический период сосуществования ливанских социокультурных групп в рамках единого государства (а ранее — социально-политической общности) не сопровождался существенным расширением сферы межконфессиональных контактов, а наоборот, привел к усилению этнокофессионального партикуляризма. Несмотря на то, что христианская и мусульманская общины уже длительное время живут рядом, случаи смешанных браков являются единичным явлением. И сегодня на массовом уровне в Ливане прослеживается стремление представителей разных конфессий к ограничению межобщинных контактов, как правило, бытовой сферой. Можно в данном случае согласиться с мнением российского ученого А. Б. Зубова относительно того, что интенсивность и масштабы социокультурных заимствований «…в автохтонном историко-бытовом контексте зависят не столько от длительности контакта, сколько от остроты потребности в возможном заимствовании» [1, с. 148].

Характерный для Ливана тип общественных отношений предусматривает сбалансирование сил и определенное согласование интересов на уровне элиты, представляющей общины и субобщины; сам же политический процесс является персонифицированным по своей сути.

В условиях ограниченности межконфессиональных контактов на лидера субобщины возложены, по меньшей мере, две основных функции:

– сотрудничество с лидерами других субобщин;
– преданность членам общины и защита их интересов.

Важнейшим условием такого взаимодействия на уровне лидеров было наличие консенсуса среди представителей ливанской элиты хотя бы по одному, но ключевому вопросу — согласие на существование самой политической системы, в рамках которой собственно и функционирует ливанская элита. В свою очередь, решение этого вопроса предполагает усилия, направленные на минимизацию конфликтов, существующих в социуме в рамках системы. Успешными же эти усилия могут стать исключительно в плоскости межконфессионального взаимодействия. С другой стороны, описанная модель отношений между лидерами и членами их общин, предусматривающая лояльность элиты, априори

ограничивает рамки процесса межконфессионального взаимодействия на уровне элиты.

К тому же лидеры субобщин исполняют функции «ограничения» и «сдерживания» один относительно другого, что обусловлено сегментарным по своей сути характером ливанской элиты. Ее интересы ориентированы как на защиты и укрепление своих позиций в рамках определенного сегмента социума (семьи, клана, субобщины и т.д.), так и на сохранение политической системы, существование которой является наиболее оптимальным вариантом для решения первой задачи. Такая ограниченность интересов лидеров субобщин (как не парадоксально) длительное время была своеобразным залогом политической стабильности Ливана, создавая необходимые условия для функционирования политической системы в целом. В контексте сказанного любые попытки тих или иных локальных лидеров — безотносительно их конфессиональной принадлежности — претендовать на роль стратегической элиты (стремясь к роли лидера национального уровня или же идентифицируясь с определенными внешними силами в надежде повысить статус в системе ливанской элиты) воспринимались другими лидерами субобщин как ставящие под угрозу политическую стабильность и само существование системы как таковой.

Сбалансирование сил в Ливане осуществляется на общинном уровне в плоскости христиане — мусульмане, что в определенной степени является отражением основного цивилизационного противоречия ливанского социума. Однако на практике здесь действуют более сложные схемы и механизмы, следствием которых становятся как процессы достижения согласия, так и процессы дисбалансов и конфликтов. В целом есть все основания утверждать, что существуют данные процессы на трех уровнях — общинном (христиане — мусульмане), субобщинном (общность религиозных групп Ливана) и внутриобщинном.

Ряд исследователей склонны считать модель «конфессиональной демократии» — определяющими чертами которой являются признание автономии субобщин (социокультурных групп), их роли как субъекта политического процесса; пропорциональность как ключевой принцип представительства конфессиональных субобщин во всех властных структурах — наиболее адаптированной к ливанским реалиям, а именно к наличию значительного количества социокультурных групп, среди которых ни одна не

претендует на роль доминирующей, и не может функционировать в качестве системообразующего сегмента, способного с позиций силы или численного превосходства сформировать соответствующие структуры. Уникальность ситуации ливанского общества состоит в том, что именно меньшинства и составляют большинство социума.

Национальный пакт (1943 г.), заключенный лидерами мусульманской и христианской общин Бешаром аль-Хури и Риадом Сольхом, не только подтвердил, что все государственные должности справедливым образом будут распределяться между религиозными общинами, но и фактически утверждал необходимость поиска и достижения компромисса как единственно приемлемой формы согласования интересов религиозных общин, т.е. единственно возможного способа функционирования системы государства. Именно этим в Национальном пакте де-факто признавалось, что важные решения не могут быть приняты простым большинством, а предполагают обязательное достижение консенсуса между всеми сторонами политического процесса.

Введение конфессиональной системы имело целью содействие достижению стабильности, безопасности, порядка и равновесии в обществе и было призвано предупреждать выход возникающих конфликтов за допустимые границы, т.е. предотвращать их превращение в реальную угрозу существованию самой системы.

Наиболее явно это прослеживается на примере избирательной системы Ливана. Среди ключевых принципов ливанского парламентаризма можно назвать следующие: 1) каждый округ в зависимости от его количественных показателей избирает определенное число депутатов, представляющих наиболее многочисленную субобщину округа; 2) каждый конфессиональный депутат избирается всем электоратом вне зависмости от конфессиональной принадлежности.

Стимулированию межобщинного взаимодействия в процессе выборов и предупреждению возникновению раскола вдоль конфессиональных линий способствовала практика баллотирования списками, характерная для многомандатных округов. Кандидаты в депутаты от разных субобщин, представляющих округ в парламенте, заключали между собой договоренности, в соответствии с условиями которых они баллотировались общим списком. Соперничество, таким образом, происходило между этими своео-

бразными избирательными блоками (коалициями), которые являлись межконфессиональными по своему составу.

После окончания гражданской войны в Ливане (1975–1990 гг.) были предприняты шаги, направленные на консолидацию ливанского общества и на формирование национальной идентичности. Так, Таифское соглашение, достигнутое в 1989 г. ливанскими депутатами, предусматривало создание двухпалатного парламента: Палаты депутатов, которая формируется путем прямых выборов на национальной (т.е. не на общинно-конфессиональной) основе, и Сената, который сохранит общинно-конфессиональное представительство [9, с. 96]. Такой процесс формирования двухпалатного парламента учитывал дуальную идентичность ливанцев и был направлен на реализацию ее обеих составляющих.

Вместе с тем, несмотря на все усилия по консолидации поликонфессионального общества в Ливане, процесс становления национального самосознания ливанцев в ближайшей перспективе будет сопряжен со значительными трудностями. Функционирование системы «конфессиональной демократии» порождает ряд дихотомий в многомерном ракурсе «реальность — перспектива». Так, ограничивая возможность возникновения межобщинных конфликтов (прежде всего, путем признания автономности субобщин, предоставления им статуса основных политических акторов и т.д.), конфессиональная система в то же время сдерживает процесс формирования общей политической культуры на национальном уровне, общеливанских ценностных ориентаций и превращения лояльности к государству в доминирующую лояльность системы.

Кроме того, конфессиональная система является по своей сущности статичной системой с ограниченными адаптационными возможностями, что сужает ее способность адекватно реагировать на радикальные изменения, происходящие как на локальном (в рамках системы), так и на регионально-глобальном (внешнее окружение) уровнях. Нестабильность системы заложена априори в самой комбинации автономных сегментов (общин и субобщин), наличии противоречия между динамикой соотношения автономных сегментов и жесткой структурой системы (законодательно закрепленных пропорций субобщинного представительства во властных структурах). Как следствие, решение этого противоречия происходит только через масштабный конфликт при явной угрозе самому существованию системы.

Литература

1. Зубов, А. Б. Парламентская демократия и политическая традиция Востока / А. Б. Зубов — М., 1990.
2. Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока / отв. ред. А. А. Празаускас.— М., 1991.
3. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; пер. с англ. — М., 2003.
4. Gärde, J. Patterns of Religiosity among Sunnis, Shias, and Christians in Lebanon's Multi-confessional Context / J. Gärde // Middle East Critique.— Fall 2012.— Vol. 21.— № 3.— P. 291–308.
5. Lambert, Y. Religion in Modernity as a New Axial Age: Secularization or New Religious Forms? / Y. Lambert // Sociology of Religion.— Autumn 1999.— Vol. 60.— № 3.— P. 303–333.
6. Pettersson, T. Religion in Contemporary Society: Eroded by Human Well-being, Supported by Cultural Diversity / T. Pettersson // Comparative Sociology.— 2006.— Vol. 5.— № 2–3.— P. 231–257.
7. Phares, W. Lebanese Christian Nationalism. The Rise and Fall of an Ethnic Resistance / W. Phares.— Boulder, London, 1995.
8. Rabil, R. G. Religion, National Identity, and Confessional Politics in Lebanon: The Challenge of Islamism / R. G. Rabil.— N.Y., 2011.
9. Salamey, I. Failing consociationalism in Lebanon and integrative options / I. Salamey // International Journal of Peace Studies.— Autumn/ Winter 2009.— Vol. 14.— № 2.— P. 83–105.

В. В. Слободенюк
Краснодар, Кубанский государственный университет

Россия в межкультурном пространстве: история и современность

Что есть Россия? Об этом не одно столетие спорят историки, философы, культурологи. В чем сущность знаменитого русского духа, менталитета? Не первое поколение этнографов, психологов пытаются разгадать особенность русского характера, отличающегося особой стойкостью, выдержкой, самодостаточностью и в то же время некой беспечностью. Обращение к особенностям формирования менталитета русской нации дает возможность более глубокого проникновения в смысл отечественной истории, понимания истоков российской государственности, осознания силы и слабости русского народа, что, в свою очередь, должно способствовать формированию нового ценностно-смыслового ядра русского менталитета, опреде-

ляющего социально-психологические и нравственные установки народа. На формирование русской цивилизации оказывал влияние ряд факторов, среди которых следует выделить геополитический, а именно среднее положение России между Западом и Востоком, чем объясняется усложненность русского характера. Кроме того, философы видели в русской душе два начала — природное и религиозное, что вело к амбивалентности ее менталитета. Русский нес с собой анархизм и деспотизм, жестокость и доброту, мягкость, индивидуализм и безличный коллективизм, национализм и всечеловечность, смирение и наглость. Проблеме специфики российской цивилизации и выявлению особенностей ее развития посвящены многочисленные работы отечественных авторов: Н. А. Бердяева[1], И. А. Ильина [2], Н. О. Лосского [4], Г. П. Федотова [6], С. Семенова [5] и др. В философии и культурологии подобные цивилизационные образования получили название «пограничье культур». Обратимся к определению пограничной культуры у С. Семенова «Пограничные цивилизации — это целостные общности, исторически сформировавшиеся на границах межу христианским, исламским, буддийским и языческим мирами и включающие в себя многие их элементы. Как правило, это политические объединения, которые сложились на протяжении многих веков и даже тысячелетий в результате симбиоза, то есть синтеза не только близкородственных, но и генетически далеко отстающих друг от друга культур» [5, с. 160]. Для пограничных культур выделяют следующие признаки:

– полиэтничность;
– поликонфессиональность;
– толерантность;
– религиозная веротерпимость;
– способность к культурной адаптации достижений и ценностей других культур;
– открытость и др.

Подобные цивилизации в последних исследованиях рассматриваются также сквозь призму завершенности и незавершенности, ряд авторов называют их «классическими и неклассическими». Для первых характерны устойчивость, завершенность формирования культурной системы, для вторых нестабильность, отсутствие сформированной системы культурных ценностей. Обозначенные вторые и есть пограничные. Я. Г. Шемякин выделяет структурную особенность «пограничных» цивилизационных

систем как преобладание принципа многообразия над принципом единства, гетерогенности над гомогенностью [10, с. 100].

Анализируя истоки формирования российской цивилизации, а также ее современное положение, следует отметить, что выше обозначенные признаки имеют свое яркое проявление в данном цивилизационном образовании. Российская цивилизация прошла ряд этапов своего становления, путь ее формирования был тернист. «Велик в своём служении и в жертвенности русский народ. Тих, и прост, и благодушен, и даровит в быту своём. Глубок, и самобытен, и окрылён в богосозерцании. Но страстна и широка его душа, и по-детски отзывчива на искушения и соблазны. И в детской беспечности своей забывает он перекреститься, доколе не грянет гром. Но грянул гром — и перекрестится; и сгинет нечистое наваждение…»,— напишет И. А. Ильин, пытаясь понять сущность русского народа [2]. Действительно, российская цивилизация зарождалась и развивалась в постоянной борьбе, противоречивости. Сначала это было противостояние сменявшим друг друга ордам кочевников. Контуры будущей российской культуры вырисовываются в духовных представлениях культуры Среднего Поднепровья X–VIII веков до н.э., уже тогда земледельческие племена восточного славянства создали союз для обороны от кочевых киммерийцев, научились ковать железное оружие и строить могучие крепости. Формирование государственности также проходило в постоянном противостоянии кочевым племенам, от которых Русь брала свои черты. Весь последующий период развития восточнославянской цивилизации можно характеризовать как процесс ее естественного расширения до естественных границ. Процесс расширения этой цивилизации осуществлялся преимущественно духовным могуществом, а отнюдь не военной силой. Славянская духовная мощь организовала вокруг себя другие народы, подавляя противников и соперников силой добра и справедливости. Финно-угорские, а позднее многие сибирские народы были вовлечены в цивилизацию добровольно, без крови и насилия.

Важным этапом становления русской цивилизации станет обращение к христианской вере, связь с великой Византийской империей, давшей основы православной культуры, права, письменность. В эпоху раннего средневековья Византия, наследница и преемница греческой культуры и государственно-правовой организации Римской империи, была наиболее культурным, наиболее сильным

и экономически развитым европейским государством. Вполне естественно, что её влияние было определяющим на достаточно большом отрезке русской истории. С XIII в. Русь столкнется с новым влиянием, на сей раз золотоордынским, привнесшим свои устои и особенности в славянский быт. Вся начальная история формирования восточнославянской культуры свидетельствует о том, что российская цивилизация формировалась в недрах славяно-тюркской цивилизации с включением в нее финно-угорских и других этнических элементов, принадлежащих как Западу, так и Востоку.

Важным этапом становления российской цивилизации станет история Московского княжества, в период которого происходит формирование русской народности, многонациональности, созданной в основном на восточном принципе. Как точно скажет об этом периоде Н. Бердяев, «это была восточная культура, культура христианизированного татарского царства» [1]. В самом деле, после усиленной монголоизации русской культуры на протяжении почти двух с половиной веков, после военного присоединения к Московскому царству Казанского и Астраханского ханств, после «прирастания» Руси Сибирью трудно было говорить о русской культуре как о разновидности западной. В XVI в. многие татарские мурзы, поступившие на службу к московскому царю, «записались» русскими, приняли православие, получили боярские титулы и вошли в правящую элиту Московского государства. Однако о чисто восточном характере русской культуры говорить тоже сложно.

Показательно, что символом русской государственности в Московском царстве стала на рубеже XV–XVI вв. «шапка Мономаха», породившая множество исторических и псевдоисторических легенд. Она представляла собой восьмиклинную тюркскую тюбетейку, отороченную мехом, увенчанную сверху четырехконечным греческим крестом и украшенную византийскими узорами. Так визуально было отмечено пограничье византийских и монгольских культурных традиций, пересекавшихся и взаимодействующих на территории Руси. Именно на рубеже XV и XVI вв. Московская Русь смело интегрировала культурно-цивилизационное наследие обеих исчезнувших империй, подготавливая почву для собственной империи. Происходившие с конца XVI и на протяжении всего XVII вв. цивилизационные потрясения (династический кризис, Смута и самозванство, народные бунты и религиозный Раскол) свидетельствовали о наступившем глубоком цивилиза-

ционном кризисе Руси (цивилизационном сломе) и подтверждали сохранявшийся за Русью статус глобального пограничья.

Следующий важный этап становления цивилизации связан с XVIII — началом XIX вв., когда происходило усиление европейской культуры, становление научно-технического прогресса, отделение церкви от государства, утверждение императорской монархической власти, усиление многонационального состава населения. Эти процессы были связаны с западным влиянием. XIX в. стал веком формирования национальной идентичности русского народа, когда произошло становление национальной музыки, языка, культурных ценностей.

Весьма интересен в процессе самоопределения современной российской цивилизации XX век. На осколках разрушенной империи развивалось новое советское общество, неся с собой иные принципы, отделявшие страну от европейских ценностей завесой коммунизма. СССР не сразу был принят как государство, это произошло только в результате угрозы со стороны агрессоров, после Раппальского договора 1922 г., да и то Запад долго пытался лавировать между Германией и советским государством, проводя политику умиротворения. Важным этапом стала Вторая мировая война, когда советский народ взял на себя основной удар и ответственность, выполнил, как и в прежние времена, миссию народа-освободителя.

После распада СССР настанет новый этап, связанный с формированием постсоветского общества с демократической формой государственного управления. Россия прошла тяжелый путь к правовому государству, становлению гражданского общества, восстановлению прежнего авторитета. Н. Бердяев в своей поздней (1946) работе «Русская идея» объяснял бинарность русской культуры («поляризованность», «противоречивость» русского народа, «противоположные свойства» и «крайности» в русском народе) сопряжением восточных и западных начал. «Противоречивость и сложность русской души, может быть, связана с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории — Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное» [1]. Каким бы простым и наивным ни казалось сегодня нам такое объяснение, в нем, безусловно, таится глубокий смысл, от которого невозможно совсем абстрагироваться.

Несомненно, пограничность русской культуры, продолжающая свое существование и развитие в новых исторических формах и в XXI в.,— это интериоризация глобального культурно-цивилизационного пограничья в самих основаниях русской культуры, в ее менталитете; это экстраполяция пограничности на всю историю культуры России. Г. П. Федотов, например, полагал, что исторически сложившиеся «два полярных типа русскости, борьба которых главным образом обусловила драматизм XIX века», ответственны и за разделение на «правых» и «левых», славянофилов и западников, на «народ» и «интеллигенцию», а в конечном счете — на советскую культуру и зарубежную, эмигрантскую. Более того, раскол православной церкви, раскол просвещенного дворянства, раскол интеллигенции и даже самих революционеров — заложен в представлении русской «коллективной души» как «единства противоположностей» [7, с. 177]. Но вся эта двойственность русского человека, по Федотову, опирается на разный опыт участников — «активизм Запада и фатализм Востока». Анализируя историческое прошлое российской цивилизации, следует отметить, что ареал ее обитания во все времена и эпохи находился под тем или иным влиянием, что определяет ее пограничность сегодня. Об особом положении обозначенной страны свидетельствует тот факт, что в зоне столкновения основных потоков мирового цивилизационного процесса часто возникают какие-то специфические социокультурные образования, что показали исторические корни российской цивилизации. Первым, кто поставил вопрос об особом цивилизационном статусе России, был П. Я. Чаадаев. В своих «Философических письмах» он напишет: «Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку» [9, с. 18]. Ряд последователей П. Я. Чаадаева, поднимая вопрос о месте России во всемирной истории, специфике ее собственной истории и культуры, о своеобразии ее государственности, пытаясь вникнуть и объяснить зигзаги исторического прошлого страны и народа, чаще всего обращались к философско-исторической схеме «Восток — Запад». Особенно остро данная тематика прослеживалась в идеологическом противостоянии 1840-х гг. в среде западников и славянофилов. Дальнейшее развитие идея «пограничности» между Западом и Востоком получила в XX в. В 1920–1930-е гг. сформировались два основных направления в трактовке цивилизационного статуса Рос-

сии: евразийство (Н. С. Трубецкой, Г. В. Вернадский, П. Н. Савицкий) и последователи идей Н. Бердяева, считавшего, что «…русский народ есть не чисто азиатский и не чисто европейский, Россия есть целая часть света, огромный Восток-Запад, она соединяет два мира» [1]. Помимо Н. Бердяева, ко второму направлению можно отнести Г. П. Федотова, Н. О. Лосского [4] и др. На протяжении XX в. ученые дискутировали о роли российской цивилизации в системе Запад–Восток. Все концепции сводились к следующим воззрениям:

1. Россия есть либо Запад, либо Восток.
2. Россия включает черты и западной и восточной культур.
3. Россия есть отдельная цивилизация.

Окончание холодной войны и распад СССР еще раз привели к пересмотру параметров глобального пограничья, нашедшего свое выражение в постсоветской России. Возникший на месте биполярного мира мир полиполярный, в котором глобальные интересы США, Китая, объединенной Европы, исламского мира, России, Латинской Америки и других обобщенных субъектов современной мировой культуры активно соревнуются, борются, тесно переплетаясь между собой, по-новому высветил пограничное положение Российской Федерации в современном мире. Историческая роль России, вытекающая из ее промежуточного положения, возможно, и состоит в неком посредничестве между культурами. Разделение на Запад и Восток достаточно устойчиво, однако, как показывает история, сами по себе эти культуры не способны жить в гармонии в силу своей односторонности. Российская цивилизация не является первой пограничной цивилизаций. К числу подобных относились Византия, Древняя Греция. Эти цивилизации сыграли важную роль в историческом процессе, в развитии мировой культуры, что еще раз доказывает необходимость их существования. К России можно относиться по-разному — любить, ненавидеть, но отрицать факт ее особого значения в межкультурном пространстве невозможно.

Литература

1. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма [Электронный ресурс] / Н. А. Бердяев.— М., 1990.— Режим доступа : http://www.magister.msk.ru/library/philos/.htm.

2. Ильин, И. А. О России. Три речи. 1926–1933 [Электронный ресурс] / И. А. Ильин.— София, 1934.— Режим доступа : http://project03.ru/PR/ii.php#PART1CH1.

3. Миронов, В. В. Глобальное коммуникативное пространство и кризис культуры / В. В. Миронов // Вопросы философии.— 2006.— № 2.— С. 27–43.

4. Лосский, Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский.— М, 1991.

5. Семенов, С. Иберо американская и восточноевразийская общности как пограничные культуры / С. Семенов // Общественные науки и современность.— 1994.— № 2.— С. 159–169.

С. В. Снапковская
Минск, Белорусский государственный университет

Когнитивный феномен «музейной педагогики» в образовательном процессе Республики Беларусь

Музей как источник образовательной информации впервые был обозначен еще в середине XVII века. Чешский педагог Я. А. Коменский использовал термин «музей» применительно к кабинету ученого, содержание которого всецело ориентировано на познание. Образование, как адресный институт передачи культурного опыта, всегда стояло перед проблемами определения форм его изучения и критериев оценки усвоения. Сложившийся механизм передачи культурного опыта через образовательные институты предусматривает освоение двух взаимосвязанных слоев культуры — слоя актуальной культуры, включающего синтез знаний, умений, навыков, необходимых человеку в современной жизни, и слоя культурного наследия, представляющего исторический опыт познания и творческого преобразования мира. Содержание культурного наследия включает в себя продукты духовной и материальной деятельности людей, представляющие собой эталоны, образцы и способы самореализации личности. Содержание актуальной культуры вбирает в себя способы и алгоритмы модернизации классических образцов и эталонов с целью развития уже освоенного опыта. Постижение слоя актуальной культуры обеспечивает процесс самореализации личности. Приобщение к культурному наследию развивает генетическую память, формирует логику познания и преобразования окружающего мира. Когнитивный феномен соответствует такой форме присвоения продуктов культуры, как изучение и понимание. В разнообразных

определениях культуры мы замечаем ее «знаниевую» характеристику: «память мира», «совокупность интеллектуальных элементов», «комплекс знаний».

В условиях информационной цивилизации возрастает роль традиционных образовательных институтов. Музей как уникальный феномен занимает весьма специфическую позицию в новейшей образовательной парадигме. Он является древним «институтом человеческой памяти». Каждый артефакт, входящий в музейное собрание,— отголосок различных эпох, наций и этносов. Подлинные экспонаты обладают удивительной способностью притягивать к себе внимание и быть аттрактивными. Музейная педагогика — междисциплинарная область знания, формирующегося на стыке педагогики, культурологии, психологии и музееведения и занимается педагогическими аспектами музейной коммуникации.

Музейная коммуникация является одним из ключевых понятий современной музеологии и представляет собой процесс общения посетителя с «реальными вещами». Ее условием является способность аудитории понимать «язык вещей» и способность создателей экспозиции выстраивать с помощью экспонатов невербальные пространственные «высказывания». Информационно насыщенными и приглашающими к диалогу с посетителем оказываются инновационные интерактивные экспозиции, позволяющие погрузиться в созданную атмосферу. Используя различные формы образовательной музейной коммуникации, музей может в значительной степени формировать представление об этнической культуре. Проблемы, связанные с идентичностью человека, его самоопределением в глобальном мире, приобретают сегодня невероятную остроту. Образовательный потенциал музея в аспекте этнической культуры обусловлен в первую очередь его способностью формировать и сохранять в обществе этническую идентификацию, что предполагает решение важнейшей задачи на когнитивном уровне — трансляции знаний о том или ином народе, его традициях. Данная задача успешно выполняется музеями на протяжении всего их существования как феномена.

Основываясь на восприятии музейного предмета, музей выстраивает собственную сферу образовательной коммуникации, способную охватить самую широкую аудиторию. Однако остается актуальным вопрос о необходимости введения новых форм культурно-образовательной работы, а также введения в музейную

коммуникацию острых и злободневных проблем и выстраивания вокруг них диалога с посетителем.

Понятие «музейная педагогика» аккумулирует в себе систему мер по социализации личности на основе духовно-нравственных и материальных культурных ценностей народа, а также рефлексию музейного опыта в реальной жизни. Музейно-педагогическая деятельность может осуществляться в самых разных направлениях, определяемых историческими, социокультурными, идеологическими и другими факторами, которые определяют развитие музея и культуры в целом. Важна связь музея с институтами культуры и образования. А потому актуальным является вопрос об эффективном взаимодействии музеев с учебными заведениями, учреждениями дополнительного образования, культурными объединениями и психолого-педагогическими центрами. В Беларуси в этом направлении сделаны шаги по разработке различных методик работы музеев, которые постепенно внедряются в системе воспитания и обучения молодежи. В частности, в течение нескольких последних лет плодотворно осуществляются совместные программы «Музей — школе», «Музей и дети» учреждений образования и культуры в крупных городах — Минске, Могилеве, Гродно, Гомеле, Бресте. Аналогичные проекты реализуются и в малых городах на базе преимущественно краеведческих и школьных музеев. В современных условиях культурно-образовательная деятельность ориентирована на личность потенциального и реального музейного посетителя, в связи с этим можно выделить ее основные направления: информирование, обучение, развитие творческих способностей личности и коммуникация.

Так, информирование является первой ступенью освоения музейной информации, что понимается как первичное получение сведений о музее, составе и содержании его коллекций или об отдельных музейных экспонатах, а также по вопросам, связанным с профилем музея и различными направлениями его деятельности. Информирование осуществляется как с помощью традиционных форм (лекция и консультация), так и в форме специального информационного портала, созданного в Национальном художественном музее и Национальном историческом музее Республики Беларусь. В частности, информационное обслуживание включает в себя самые разнообразные способы предоставления информации различным возрастным категориям посетителей с помощью компьютеров,

а также с использованием информационных киосков, установленных в холле музея с подключением к Интернету. Информационные системы содержат качественные изображения экспонатов с указанием их местоположения, сопроводительную и разъяснительную информацию. Эту функцию в рамках всей страны выполняет Государственный каталог музейного фонда Республики Беларусь. Вторая ступень освоения музейной информации выступает на качественно новом уровне — обучение, которое включает в себя передачу и усвоение знаний, а также приобретение умений и навыков в процессе культурно-исторического диалога. Обучение в музее предполагает получение дополнительных либо альтернативных знаний, которые невозможно или не в полной мере можно получить в других образовательных учреждениях. Этому способствует и внедрение музейно-педагогических программ, основанных на знакомстве с оригинальными материальными артефактами и духовной культурой белорусского народа (Программа «Музей и дети» Носовичской средней школы Добрушского района Гомельской области). Развитие творческих способностей — наивысшая ступень постижения музейной информации. Развитие творчества предполагает использование потенциала музея, сосредоточенного в памятниках материальной и духовной культуры, для выявления склонностей и раскрытия творческих способностей личности. Наиболее действенные средства — возможность «вхождения» в систему лучших образцов, традиций, примеров культуры прошлого. Это направление может быть реализовано в форме студии, творческой лаборатории или фестиваля, викторины, исторической игры. При этом отмеченные формы постижения музейной информации подходят как для учащейся, так и студенческой аудиторий. В Национальном художественном музее действует народная художественно-образовательная студия «В гости к Тюбику». Целью ее создания стало воспитание эстетически и этически развитого члена общества. В свою очередь, творческая лаборатория понимается как объединение заинтересованных субъектов, ведущих в музее или музейном объединении в учреждениях образования под руководством научного сотрудника или педагога научную деятельность в сочетании с творческой практикой. Не менее эффективным средством является и формат фестиваля, который сопровождается показом и смотром различных видов искусства или работ, выполненных участниками студий, кружков и других

творческих групп. Музей предоставляет широкие возможности как для общения с музейной информацией, так и для содержательной, интересной и неформальной межличностной коммуникации. Музейная встреча может приобретать характер торжества, вечеринки, что происходит с целью знакомства и общения с выдающимися личностями в сфере культуры на тему, связанную с профилем музея. С целью привлечения к себе студенческой молодежи музеям необходимо отходить от схемы «учитель — ученик», создавать культурную площадку для диалога на равных. Еще одна проблема — это персонификация, индивидуализация этнографических экспозиций, акцент на личность. Посетитель стремится приобрести в музейной экспозиции личностный опыт. Если традиционные этнографические экспозиции рассказывают о народах и регионах, то новаторские пытаются раскрыть личность в культуре, вызвать эмоции и волнения. Показательными являются образовательные программы, проводимые на базе Заславского историко-культурного музея-заповедника. Уникальна роль музея в решении проблемы культурной идентификации молодежи и ее позитивного отношения к нравственным ценностям. Музей может оказывать синтезирующее воздействие на интеллектуальную, эмоциональную и моральную сферу личности, активизируя чувственное восприятие, актуализируя личностный опыт и стимулируя ценностное отношение человека к действительности.

Таким образом, в образовательной деятельности музейной педагогики как когнитивного феномена реализуются принципы интеграции образовательного и музейного контекстов, креативности, диалоговости, целостности, информационной меры и персонализации содержания музейной работы с посетителем.

С. У. Снапкоўскі
Мінск, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Пытанні экалагічнай культуры ў рамках Сусветнага саміта ААН па ўстойлівым развіцці

27 жніўня — 4 верасня 2002 г. у Ёханэсбургу адбыўся Сусветны саміт па ўстойлівым развіцці. Гэта сустрэча на вышэйшым узроўні была прысвечаная 10-й гадавіне саміта ў Рыа-дэ-Жанейра

і накіраваная на выкананне рашэнняў, прынятых на папярэднім саміце. Важнейшае адрозненне ёханесбургскага саміта ад Саміта Зямлі ў Рыа заключалася ў тым, што на гэтай сустрэчы галоўная ўвага была накіраваная на выкананне рашэнняў, сфармуляваных у Парадку дня для 21 ст., які быў прыняты ў 1992 г [3]. На саміце ў Ёханэсбургу выступілі 100 кіраўнікоў дзяржаў і ўрадаў, а колькасць удзельнікаў склала больш за 22 тыс. чал., сярод якіх 10 тыс. дэлегатаў, 8 тыс. прадстаўнікоў неўрадавых арганізацый, 4 тыс. журналістаў [1].

Вынікі Сустрэчыаказаліся большканкрэтнымі, чымпапярэдніх канферэнцый па экалагічнай праблематыцы. Падчас Сустрэчы быў распрацаваны не толькі план дзейнасці, але і былі вызначаныя адказныя бакі за дасягненне вынікаў у сферы ўстойлівага развіцця і экалагічнай культуры. Галоўнай падзеяй Сусветнага саміта стала прыняцце Ёханесбургскай Дэкларацыі па ўстойлівым развіцці, згодна з якой зноў пацвярджалася прыхільнасць да ўстойлівага развіцця ўсіх прадстаўнікоў народаў свету, якія сабраліся на сустрэчы. Асаблівая ўвага надавалася выкараненню беднасці, узаемнай дапамозе, аб'яднанасці і развіццю чалавечага патэнцыялу.

У прынятай на саміце Дэкларацыі былі пастаўленыя некаторыя новыя важныя мэты, такія як: скарачэнне ўдвая да 2015 г. колькасці долі насельніцтва, якое не мае доступу да асноўных санітарных паслуг; звядзенне да мінімуму да 2020 г. шкоды, якая прычыняецца выкарыстаннем і вытворчасцю хімічных рэчываў здароўю людзей і навакольнаму асяроддзю; захаванне або аднаўленне вычарпаных рыбных запасаў, не пазней, чым да 2015 года; забеспячэнне істотнага зніжэння да 2010 года цяперашніх тэмпаў страты біялагічнай разнастайнасці [2].

Падчас Сусветнай сустрэчы былі створаныя звыш за 300 добраахвотных партнёрстваў, якія ўвасаблялі ідэю супрацоўніцтва паміж развітымі дзяржавамі і краінамі, што сталі на шлях развіцця. Кожнае з гэтых партнёрстваў павінна было забяспечваць збор дадатковых рэсурсаў для падтрымання намаганняў, што робяцца ў мэтах дасягнення ўстойлівага развіцця. Гэтыя партнёрствы, дзейнасць якіх ажыццяўлялася з улікам прынятых урадамі абавязацельстваў, павінны былі забяспечваць выкананне прынятых рашэнняў. У выніку дыялог паміж зацікаўленымі бакамі, асабліва урадамі, грамадзянскай супольнасцю і прыватным сектарам, узняўся на новы ўзровень. Удзельнікі Сустрэчы

на вышэйшым узроўні ў Ёханэсбургу былі вымушаныя ўступіць у сапраўды інтэрактыўны дыялог адносна патрэбаў з улікам пазіцый іншых бакоў.

Наладжванне партнёрстваў дазваляе пераадолець ранейшыя падыходы, у адпаведнасці з якімі вядучая роля адводзілася донарам, і дае магчымасць прадстаўнікам развітых краін і краінам, якія развіваюцца, сумесна распрацоўваць планы да прыняцця неабходных мер. Стварэнне партнёрстваў не вызваляе ўрад ад выканання сваіх функцый і абавязкаў і што задача партнёрстваў складаецца толькі ў тым, каб падняць ажыццяўленне прынятых рашэнняў на якасна больш высокі ўзровень.

Абавязкі па забеспячэнні больш шырокага доступу да водных рэсурсаў і санітарыі, развіцця энергетыкі, павелічэння вытворчасці сельскагаспадарчай прадукцыі, належнага выкарыстання таксічных хімічных рэчываў, захавання біялагічнай разнастайнасці і больш рацыянальнага выкарыстання экасістэм прымалі не толькі ўрады, але і няўрадавыя і міжурадавыя арганізацыі і камерцыйныя структуры [1].

На канферэнцыі ўдалося надаць выніковым дакументам больш канкрэтны характар, асабліва ў тым, што тычыцца мэтаў і графікаў. Адной з галоўных задач было абвешчана забеспячэнне таго, каб ўстойлівае развіццё набыло шырокія маштабы, каб тое, што добра зарэкамендавала сябе ў дзясятках месцаў, цяпер ўкаранялася б у сотнях і тысячах пляцовак.

Вынікі Сустрэчы былі пазітыўна ўспрынятыя не ўсімі яе ўдзельнікамі. Некаторыя няўрадавыя арганізацыі выказвалі меркаванне, што ўдзельнікі гэтай сустрэчы зрабілі занадта мала ў частцы ўстанаўлення мэтавых паказчыкаў для забеспячэння больш шырокага прымянення аднаўляльных крыніц энергіі. Прэзідэнт Інстытута сусветных рэсурсаў Джонатан Лэш заявіў: «Мы ўпусцілі магчымасць павялічыць вытворчасць энергіі за кошт выкарыстання такіх крыніц, як сонечная энергія, энергія біямасы і энергія ветру, і забяспечыць стабільныя ўмовы для дзейнасці шматлікім кампаніям, якія прымаюць меры па скарачэнні выкідаў» [1].

Варта адзначыць, што Сустрэча на вышэйшым узроўні ў Ёханэсбургу заклала падмурак і падрыхтавала глебу для новых дзеянняў. Саміт не прапанаваў якіх-небудзь цудадзейных рэцэптаў, але змог канстатаваць, што для вырашэння самых надзённых праблем чалавецтва трэба прымаць неабходныя практыч-

ныя меры. Сустрэча ў Ёханесбургу і яе рашэнні сталі важным укладам у фарміраванне новага паняцця і новай тэмы ў міжнародных адносінах — «міжнароднай экалагічнай культуры». Гэтая праблематыка адлюстроўвае ўсё большую ўвагу сусветнай грамадскасці да экалагічных праблем, паколькі навакольнае асяроддзе ў цяперашні час ужо не можа быць аддзелена ад умоў існавання чалавека і з'яўляецца найважнейшым элементам устойлівага развіцця грамадства.

Літаратура

1. Йоханнесбургская встреча на высшем уровне 2002 года. 26 августа — 4 сентября 2002 года, Йоханнесбург [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.un.org/ru/events/pastevents/wssd.shtml.

2. Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию. Принята на Всемирной встрече на высшем уровне по устойчивому развитию (Йоханнесбург, Южная Африка, 26 августа — 4 сентября 2002 года) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_wssd.shtml.

3. Johnson, S. UNEP: the first 40 years. A narrative / S. Johnson.— N.Y. : United National Environmental Program, 2012.

К. Л. Соколова
Гомель, Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

Организационные условия повышения эффективности межкультурного взаимодействия

Каждая организация, будь это учреждение образования, здравоохранения или коммерческая компания, имеет собственную культуру, состоящую прежде всего из принятых норм, практик, ценностей, программ и процессов, существующих как на сознательном, так и на бессознательном уровнях. Организационная культура, в свою очередь, в значительной степени отражает культуру общества в целом.

Исследователи и практики утверждают, что для того, чтобы системы, организации и практикующие специалисты могли обеспечивать культурно-компетентные услуги, они должны учитывать ценности, убеждения и практики клиентов и адаптировать

свои услуги для обеспечения специфических социально-культурных и языковых потребностей представителей различных этнических групп. В области психологии Д. Сью идет еще дальше, утверждая, что обеспечение культурно-компетентных услуг — это вопрос социальной справедливости.

Исследования в области этнокультурной компетентности в большинстве своем базируются на изучении микроуровня/уровня индивидуальных различий, меньший акцент делается на макроуровне: организации и общество в целом. Вместе с тем, ряд специалистов полагает, что мало хорошо готовить культурно-компетентных помогающих специалистов, когда те организации, которые используют их, монокультурны по сути и препятствуют или даже наказывают специалистов при использовании своих культурных знаний и навыков. Организационная культура не может сама изменить себя для обеспечения эффективности межкультурного взаимодействия, для этого необходимы специальные условия и усилия.

История и культура, принятые в организация, влияют на отношение работников и внедрение новых идей и практик. Исследования этики показали, что организационный этический климат и поведение лидера (то, на что он обращает внимание, как реагирует на кризисные ситуации, вознаграждает работников, нанимает и увольняет их) может формировать и подкреплять этичное или неэтичное поведение работников. Точно так же и для руководителей и работников, помещенных в ситуацию межкультурного взаимодействия, организационная система должна поддерживать и вознаграждать их действия. Лидеры должны заходить дальше, чем просто посещение семинаров по поликультурным практикам, а именно взять на себя персональную ответственность за собственное развитие и получение мультикультурного опыта в реальном мире.

Одним из первых культурную компетентность в системах и организациях описал Т. Кросс, который опирался на опыт работы и исследования в области социальной работы. Описанные им принципы затем получили широкое распространение в различных областях, связанных с оказанием услуг в системе человек-человек. Согласно Т. Кроссу культурно-компетентная система помощи признает и включает на всех уровнях важность культуры, оценку кросс-культурных отношений, внимание по отношению

к динамике, проистекающей из культурных различий, расширение культурных знаний, а также адаптацию услуг для удовлетворения культурно-специфических потребностей.

Динамическая модель Т. Кросса описывает континуум развития культурной компетентности как на индивидуальном уровне, так и на уровне организации, также отмечается необходимость длительных и постоянных усилий. При этом важно отметить, что согласно данной модели, и личность и организация могут одновременно находиться в разных точках континуума по отношению к представителям различных культур. Основными этапами являются:

1. Деструктивность, для группы распространенной практикой является утверждение собственного превосходства, эксплуатация представителей других культур.

2. Культурная неспособность, характерно предвзятое, а также снисходительное, патерналистское отношение к представителям других групп, невежество, страх перед другими культурами; на групповом уровне это может проявляться в сегрегации, существовании дискриминационных практик и обесценивания по отношению к представителям иной культуры.

3. Культурная слепота, сохраняется убежденность в том, что традиционно используемые подходы универсально применимы, в итоге применяемые методы этноцентричны по своей сути.

4. Культурная прекомпетентность, на организационном уровне проявляется в использовании критериев разнообразия при приеме на работу, продвижении членов групп меньшинства в состав лиц, принимающих решения, проведение тренингов межкультурной сензитивности и т.д.

5. Базовая культурная компетентность, включает стремление нанимать непредубежденных сотрудников, устанавливать контакты с сообществами культурных меньшинств, оценке того, какая помощь может быть предоставлена клиентам из различных культур.

6. Продвинутая культурная компетентность, выражается в найме культурно-компетентных специалистов, в оценке и изучении культурного разнообразия, постоянном внедрении новых практик и методов работы с разными клиентами [1].

Национальным центром культурной компетентности (США) были адаптированы положения теории Т. Кросса и описана модель

развития культурной компетентности организаций и их персонала. Согласно данным рекомендациям, от организации требуется:

1) ценить разнообразие;

2) проводить самодиагностику, опросы и обсуждение могут помочь членам организации стать более осведомленными в различных способах ведения дел и могут помочь им приспособиться к другим культурам;

3) управлять динамикой различий, необходимо учитывать предыдущую историю взаимодействия этнокультурных групп, которая может влиять, в том числе неосознанно, на нынешнюю динамику отношений, также необходимо рассматривать процесс общей групповой динамики и быть готовыми к постоянным изменениям;

4) приобретать и внедрять культурные знания, они должны быть интегрированы в каждый аспект организации. Необходимо обучение персонала и создание условий для эффективного использования полученных знаний. Администрация должна реагировать на культурное многообразие. Материалы программ должны отражать позитивные образы всех культур;

5) адаптация к разнообразию и культурным контекстам отдельных лиц и сообществ, обслуживаемых организацией.

В соответствии с моделью Д. Сью, существуют четыре уровня, на которых необходимо решать вопросы, связанные с обеспечением культурной компетентности: социальный, организационный, профессиональный и индивидуальный. Следует, правда, отметить, что на практике большинство ученых и общественных организаций, как правило, сосредоточиваются на трех уровнях, на которых внедрение культурно-компетентных практик, возможно, может иметь наибольшее влияние на качество предоставления услуг — это организационный, системный уровни и уровень конкретного профессионала.

Как утверждает Д. Сью, препятствиями развития этнокультурной компетентности на индивидуальном уровне являются предвзятость, предрассудкии и дезинформация, которые часто проявляются как дискриминация; на профессиональном уровне это культуросвязанные определения и этноцентристские стандарты; на организационном уровне — монокультурные правила, практики и структура; и на уровне общества препятствия включают невидимость этноцентрического монокультурализма, от-

рицание реальности и попытки предубежденного трактования истории [2].

Исследователи описали три типа организаций, представляющие разные точки на континууме внедрения мультикультурализма. Первый тип — этомонокультурные организации. Организа- ции на этом уровне, в первую очередь, этноцентричны. Они работают исходя из следующих положений и допущений: существует изоляция, явная или неявная, расовых и этнических меньшинств и других маргинализированных групп; они структурированы таким образом, чтобы обеспечивать преимущество членов большинства; есть только один лучший способ управления и лидерства; культура, как полагают, обладают лишь минимальным воздействие на управление, личность, или образование; сотрудники должны ассимилироваться; культурно-специфичные способы делать что-то не ценятся или не признаются; считается, что с каждым нужно обращаться одинаково.

Следующий уровень представляют недискриминационные организации, которые становятся более культурно восприимчивыми. Следующие особенности характеризуют эти типы организаций: существуют непоследовательные правила и практика в области поликультурных вопросов, хотя некоторые департаменты и некоторые лидеры и работники становятся чувствительными к мультикультурным проблемам, они не становятся приоритетными для организации; даже если лидеры признают необходимость для некоторых действий, не хватает систематической программы или политики для борьбы с предубеждением и предрассудками; изменения, которые производятся в отношении мультикультурных вопросов, зачастую являются поверхностными и делаются с целью создать благоприятное впечатление; равные возможности для продвижения и позитивные действия реализуются неохотно.

Действительно мультикультурные организации ценят разнообразие и пытаются содействовать постоянным культурным изменениям. Эти организации используют в работе взгляды, которые отражают идеи мультикультурализма; отражают вклад различных культурных групп в их миссию, действия, продукты и услуги; признают значение мультикультурализма и рассматривают его в качестве ценного актива; участвуют в формировании концепции, планировании, и решения проблем, которые обеспечивают равный доступ и возможности для всех; понимают, что

равный доступ и возможности не то же самое, что равное обращение; работают на диверсификацию окружения.

Исследования центра Управления программ специального образования Министерство образования США показывают, что рядовые сотрудники вряд ли могут повлиять на организационные изменения в той же степени, в какой это может сделать администрация. Следовательно, культурно соотвествующие услуги (образовательные, психологические и другие) не могут быть обеспечены на устойчивом уровне без приверженности и поддержки того или иного ведомства. Организации, которые не осведомлены о культурных особенностях и проблемах, могут не признавать, что различные группы могут иметь трудности с полноценным доступом к услугам, и тем самым ограничивать их возможности. Система может фактически препятствовать усилиям профессионалов, которые были вложены в развитие этнокультурной компетентности. Таким образом, развитие этнокультурной компетентности начинается на верхнем уровне организации, с особым акцентом на системных изменений.

Лидеры могут обеспечить разницу в реализации культурно чувствительных практик путем создания организационного климата, который поощряет и поддерживает такую практику. Это включает в себя готовность обсуждать важность этнокультурной компетентности, пробовать новые методы или подходы, терпеть неопределенность, которая сопровождает переходные периоды, в течение которых процессы эволюционируют, реагировать на непредвиденные препятствия и пересматривать те инновации, которые не работают, как предполагалось. Важно, чтобы руководство проявляло подлинную приверженность усилиям и чтобы их поддержка ощутимо проявлялась в распределении соответствующих ресурсов. Твердая приверженность улучшению организационной этнокультурной компетентности должна включать обязательство контролировать процедуры после того, как они были реализованы, поддерживать и пересматривать новые методы и предоставлять ресурсы и возможности для непрерывного обучения и культурно-компетентного мониторинга.

Для развития этнокультурной компетентности организациям следует менять властные отношения для сведения к минимуму структурной дискриминации. Это может включать привлечение представителей меньшинств к принятию решений и разделение

с ними власти, внедрение мультикультурных программ и практик с той же приоритетностью, как и другие важные для организации программы. И, что важнее всего, должны внедряться программы, которые адресно воздействуют на предрассудки и стереотипы как работников, так и руководителей.

Литература

1. Cross, T. Towards A Culturally Competent System of Care, Volume I. / T. Cross, B. Bazron, K. Dennis, M. Isaacs,— Washington, DC : Georgetown University Child Development Center, 1989.

2. Sue, D. Multidimensional facets of cultural competence / D. Sue // Counseling Psychologist.— 2001.— № 29.— P. 790–821.

С. О. Ставицкая, Г. А. Ставицкий
Киев, Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова;

В. П. Кутишенко
Киев, Киевский университет имени Бориса Гринченко

Религиозное просвещение юношества как условие развития толерантности

Современное состояние религиозности молодых украинцев обусловлено не только духовными, но и политическими, социальными, бытовыми и другими факторами. Поскольку в религии человек обретает не только духовную, но и бытийную, моральную и эстетическую поддержку, актуализируется задача изучения восприятия и понимания студентами высших учебных заведений особенностей влияния религиозного просвещения на расширение их кругозора, осознание ряда социально-культурных, этически-мировоззренческих, индивидуально-личностных проблем, а также поиск путей их решения. Обосновываются необходимость и роль преподавания в высших учебных заведениях специальных дисциплин, которые обеспечивали бы такое просвещение с целью осознанного понимания особенностей и толерантного отношения к верующим всех традиционных религиозных вероисповеданий и учений, представленных в Украине.

В исследованиях конца XX начала XXI вв., активно изучаются различные социальные процессы в молодежной среде, так как результат борьбы за молодежь господствующих и идеологически контролирующих структур и последствия борьбы самой молодежи за свободу самоопределения приобретают особое значение для существования общества и отдельной личности. Юношество по своей социальной сущности отражает все противоречия и возможности социально-исторической и культурной динамики общества в рамках определенного масштаба социальной реальности (своей страны, определенного социокультурного сообщества). В этом смысле мы можем отметить, что именно молодежь в значительной степени определяет траекторию исторического движения общества.

Старший юношеский возраст в психологии — это рубеж, обычно обозначаемый как переход от самоопределения к самореализации. В отечественной и зарубежной литературе неоднократно отмечалось, что осознание себя как части поколения приходит к возрастным группам в особые эпохальные моменты истории, периоды потрясений, ломки социальных стереотипов, ухудшение экономического положения широких масс населения, ощутимого сужения для подавляющего большинства молодых людей жизненных перспектив. На этом фоне, как правило, нарастает процесс консолидации социальных групп, и в частности молодежи, процесс постепенного зарождения идеологии молодого поколения [18, с. 63–65].

Ю. П. Зинченко и А. В. Логинова [17] считают, что толерантность целесообразно рассматривать в русле культурно-деятельностной психологии, в частности историко-эволюционного подхода (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев) [3]; [5]. Поскольку толерантность функционирует как норма культуры, как цивилизационная норма полиэтничности и поликультурности, она реализует следующие функции: поддержка многообразия сложных систем; обеспечение права каждой личности быть другой, непохожей; поддержание баланса противодействующих сторон, а также возможность диалога при согласовании различных мировоззрений, религий, культур и т.д. [17, с. 203–254]. Эти вопросы наиболее целесообразно ставить и реализовывать в старшем юношеском возрасте, поскольку юношам и девушкам еще присущ определенный максимализм в оценке различных жизнен-

ных ситуаций, однако в них сохраняется и высокий уровень пластичности, открытости к восприятию, переосмысления и нового видения определенных ситуаций поликультурной и межкультурного взаимодействия.

Л. Король отмечает, что молодежь, которая склонна рассматривать собственную личность как индивидуально неповторимую, такую, что характеризуется отличными проявлениями собственной индивидуальности (внешним видом, поведением, идеями, верованиями, убеждениями, ценностями, предпочтениями), более склонна и к толерантному, уважительному отношению к индивидуальным проявлениям «другого» [6].

Стоит также отметить, что толерантность, которая проявляется в признании права «других» отличаться, быть непохожими, не тождественна терпимому отношению к социальной несправедливости, не означает отказ или отрицание собственных идей, мыслей, убеждений и т.д. Толерантность не сводится к индифферентности, равнодушия, конформизма, ущемления собственных интересов, а предполагает, устойчивость как свойство личности реализовать свои позиции и гибкость как свойство уважать позиции и ценности других. Толерантность — это активная и осознанная позиция индивида, психологическая готовность к терпимости для обеспечения взаимопонимания и позитивного взаимодействия между людьми [12; 13; 15].

Таким образом, анализ научной литературы позволяет констатировать, что толерантность в плоскости психологической парадигмы означает уважение, принятие, позитивное отношение и понимание многообразия индивидуальных форм самовыражения. Толерантность является личностным свойством, что выражается в гуманистической направленности личности на ценностные отношения к окружающим. Она понимается как социальная установка на определенный тип отношений, которые проявляются в индивидуальных действиях и поступках личности.

Поэтому мы и считаем, что одним из важных направлений образовательной деятельности является формирование культуры толерантности как фактора развития этнического самосознания у молодого поколения многонациональных, поликонфессиональных государств, к которым относится и Украина.

Таким образом, толерантность — социокультурное явление, которое органично входит в различные научные парадигмы

и требует системного анализа вместе со своей противоположностью — интолерантностью, конфликтом на понятийном уровне. Как мы уже отмечали выше в XXI в. человечество продолжает выявлять различные формы нетерпимости, насилия, в том числе и на этнической и религиозной почвах, поэтому толерантность как практическая и теоретическая проблема остается темой психологической рефлексии.

Религиозная толерантность может определяться как терпимость к людям другой веры, уважение к другим убеждениям, беспристрастность в отношении других религиозных парадигм, культов и традиций.

Каждая религия выполняет различные функции в обществе, в том числе и апологетическую, провозглашая только свою религию истинной, поэтому определенная настороженность или нетерпимость к инаковерующим в любой религиозной системе, особенно на стадии становления, составляет одну из основ ее вероучения. Однако в современном полирелигиозном, поликонфессиональном мире умеренные представители различных религий осуждают проявления религиозного фундаментализма и экстремизма. Соответственно, в противовес конфликтным установкам прошлого приходит осознание того, что на смену нетерпимости должны прийти толерантность и взаимопонимание между различными религиозными конфессиями. Способствовать такому пониманию призвано, в том числе, и религиозного просвещение, которое должно осуществляться в светских учебных заведениях, в частности в высшей школе, которая готовит будущую экономическую, политическую, культурную элиту нации [16].

Образование как общественный институт является непременным условием развития человеческой цивилизации, а образовательная деятельность — важным фактором социализации молодежи, где она приобретает комплексные знания и закрепляет соответствующие отношение к процессам общественной и собственной жизнедеятельности, в частности и «связанных с проблемами (в том числе и религиозными) развития этнической общности к которой она себя относит» [1, с. 61]. Поэтому Совет Европы и выступает за преподавание основ религиозных знаний в муниципальных школах, что рассматривается как вариант борьбы против религиозного фанатизма. Также знание основных религиозных догм и постулатов мировых религий даст возможность не обижать рели-

гиозные чувства верующих, к какой бы конфессии они не принадлежали [19]. Соответственно мы считаем, что в вузах, прежде всего, педагогических, должны готовить кадры, которые будут нести в школу и передавать ученикам толерантность как черту личности, положительно влиять на профилактику любых конфликтов, в том числе основанных на этнической или религиозной почве.

Проведенный анализ дает возможность сделать вывод, что еще одним важным фактором, который влияет на развитие этнического самосознания юношей и девушек, является религия. Понятно, что она связана прежде всего с процессом формирования самосознания религиозного, изменение которого приводит к изменению уклада жизни, морали, этических норм, установок и психического состояния личности в целом [2, с. 108].

Исследование религиозно-нравственной тематики в гуманистически ориентированной психологии и феноменологии углубляют понимание современной украинской психокультуры, усиливают ее связи с культурами других народов, способствуют духовно-культурному и нравственному возрождению украинского этноса [8, с. 1].

Так И. П. Мозговой отмечает, что украинский тип культуры характеризуется традиционно европейскими чертами, которые получили свое совершенство в казачестве. Высокий образовательный уровень украинского народа во времена Средневековья показывал глубокое стремление нашего народа к знаниям даже в самые тяжелые периоды его истории. Философия сердца является чисто украинским явлением, которое базируется на специфике духовного склада украинского этноса, что является самобытным явлением, которое приобрело соответствующую окраску под воздействием европейской духовности [9, с. 109–111].

М. А. Козловец считает, что в религиозном разрезе украинцам всегда была свойственна глубокая набожность, связанная не только с культовой практикой, но и с моральными принципами, всем укладом экономической жизни. Украинское православие, принятое из Византии и модифицированное в Украине, было далеко по своей глубинной сущности от идеологических принципов огосударствления Российской церкви. И сегодня борьба за Киевский патриархат, во многом, является борьбой за украинскую государственность [4, с. 522].

Поэтому так важно влияние религиозной культуры на развитие этнического самосознания человека. К. К. Недзельский отмечал,

что культура является особой формой жизни этноса, специфика которого определяется конфессиональной ориентированностью. Поскольку этническое самосознание народа всегда конфессионально окрашено, постольку культура и религия каждого народа являются уникальными и неповторимыми. Рефлексируя эту уникальность и неповторимость, народ идентифицирует себя со своей культурой и, прежде всего, национальной Церковью [11, с. 12–13].

Традиционная православная церковь несколько пугает молодежь своей, как им предоставляется, крайней ортодоксальностью, а светских организаций, которые преподавали бы христианское богословие, в Украине практически нет. Соответственно, есть потребность создавать такие заведения в Украине, иначе эту нишу заполнят тоталитарные деструктивные секты различных направлений, разрушая сознание и самосознание личности юношей и девушек и, собственно, лишая их будущего [7, с. 108–109].

За годы независимости произошла определенная реабилитация религии в общественном мнении, переосмысливается ее роль и значение в духовной и общественной жизни народа. Современное состояние религиозности молодых украинцев обусловлено не только духовными, но и политическими, социальными, бытовыми и другими факторами. В этом ракурсе, на наш взгляд, очень позитивным является опыт Ивано-Франковской, Львовской, Тернопольской областей, где с 1992 г. в общеобразовательных учебных заведениях как избирательно-обязательный компонент базисного учебного плана изучается предмет «Христианская этика» (Основы христианской морали), который закладывает в сознание детей соответствующие моральные качества, осознание идентичности со своим народом, его историей и традициями.

В Национальном педагогическом университете имени М. П. Драгоманова для студентов специальностей «Религиоведение» и «Психология» читаются такие курсы, как «Социальные доктрины христианских церквей», «Государственно-церковные отношения», «Психология религии» и др. Однако нам кажется, что необходимо ввести в вузах обобщенный религиоведческий курс и для всех других специальностей, поскольку молодые люди должны ориентироваться в такой актуальной проблематике современности. Это будет способствовать профилактике их попадания в зависимость от различных деструктивных культов. Тем более это касается будущих педагогов, психологов, к которым мо-

гут обращаться как дети, так и их родители по поводу получения консультации по данным вопросам.

При этом речь идет не о религиозном образовании (ибо церковь у нас отделена от государства), а о религиозном просвещении, то есть предоставлении знаний об основных религиозных течения мира. Знание основных религиозных догм и постулатов мировых религий даст возможность не оскорблять религиозные чувства верующих, к какой бы конфессии они не принадлежали. Начать реализовывать такую программу необходимо в юношеском возрасте, когда структурируются определенные мировоззренческие принципы и убеждения и, одновременно, их гибкая структура позволяет осуществлять оптимальное влияние на сознательном уровне с целью их определенной модификации.

С этой целью возможно и создание светских учебных заведений под патронатом религиозных организаций (такие заведения созданы в Америке, Европе, в России), которые могут быть определенным способом создания специфической среды для поднятия уровня общественной и индивидуальной морали. Однако мы должны учитывать именно государственный, национальный интерес и традиционные для Украины религиозные культы, а для этого необходимо тесное взаимодействие государства и церкви, влияние государственного образования на такие учебные заведения через формирование определенного содержания учебных курсов и средств их преподавания. Этому бы способствовал и обмен кадрами между светскими и религиозными учебными заведениями и система переподготовки кадров путем получения второго высшего образования: педагогами, психологами — религиоведческого (теологического), а священниками — педагогического и психологического.

В современных вузах, в том числе педагогических, учебный процесс опирается в основном на интеллектуальный компонент, который является необходимым, но не определяющим для высоконравственного, высокодуховного человека. Он скорее социальное, чем духовное явление, потому что его реализация определяется социальными условиями развития, уровнем развития образования. Соответственно, к воспитательному процессу среди детей будущие учителя и родители практически не готовы. Поэтому к светскому аспекту образования необходимо добавить и религиозный, наиболее адекватно разработанный в традиционных религиях.

Таким образом, сочетание светского образовательного и религиозного просветительского подходов является перспективным направлением современных психологических исследований, способным указать пути выхода из кризиса в изучении человека, развития его духовного самосознания и духовности в целом.

Литература

1. Абдулкаримов, Г. Г. Толерантность в межнациональных отношениях в уральском регионе: социологический анализ : автореф. ... канд. социол. наук. 22.00.06 / Г. Г. Абдулкаримов ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького.— Екатеринбург, 2004.

2. Акопов, Г. В. Проблема сознания в российской психологии : учебное пособие / Г. В. Акопов.— М., 2004.— С. 35–199.

3. Выготский, Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. / Л. С. Выготский ; под ред. В. В. Давыдова.— М. : Педагогика, 1982.— Т. 2: Проблемы общей психологии (Мышление и речь).— 1982.— 504 с.— С. 147–148; Т. 3.— М., 1983.— С. 147–148.

4. Козловець, М. А. Феномен національної ідентичності: виклики глобалізації : монографія.— Житомир, 2009.

5. Леонтьев, А. Н. Образ мира / А. Н. Леонтьев // Избранные психологические произведения : в 2 т. М., 1983.— Т. 2.— С. 251–261.

6. Король, Л. Крос-культурні особливості толерантності української та канадської молоді [Електронний ресурс] / Лілія Король // Український науковий журнал. Освіта регіону. Політологія. Психологія. Комунікації. 2013, № 3.— Режим доступу : http://social-science.com.ua/article/1146.

7. Льовочкіна, А. М. Етнопсихологія : навч. посіб. / А. М. Льовочкіна.— Киев, 2002.

8. Макарова, Л. Л. Особливості розвитку самосвідомості студентської молоді / Л. Л. Макарова // Збірник наукових праць Інституту психології імені Г. С. Костюка АПН України / за ред. С. Д. Максименка.— Київ, 2005.— Т. VII.— Вип. 4.— 324 с.— С. 190–202.

9. Мозговий, І. П. Схід-Захід: дилема чи проблема українського вектору? // Україна в контексті Євроінтеграції : Матеріали Міжнародної науково-теоретичної конференції. Наукове виданне.— Суми, 2005.— С. 109–111.

10. Нація і держава / під ред. акад. Ю. Римаренка.— Київ, Донецьк, 1998.— С. 493–495.

11. Недзельський, К. К. Історіософія релігії Івана Огієнка (митрополита Іларіона) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філос. наук : спец. 09.00.11 «Соціальна філософія» / К. К. Недзельський.— Киев, 2003.— 20 с.

12. Обучение толерантности : методическое пособие / под. ред. Г. Л. Бардинер.— Спб. : Норма, 2005.— 138 с.

13. Основні етапи і чинники формування української етнічної самосвідомості [Електронний ресурс].— Режим доступу : http://lib.lntu.info/book/fof/ippy/2012/12–13/page10.html.

14. Психологічний словник / за ред. В. І. Войтка.— Київ : Вища школа, 1982.— С. 165.

15. Развитие этнической толерантности в ранней юности [Электронный ресурс].— Режим доступа : http// www.shatropova.narod.ru.

16. Ставицька, С. О. Духовна самосвідомість особистості: становлення і розвиток в юнацькому віці : монографія /Світлана Олексіївна Ставицька.— Київ : НПУ імені М. П. Драгоманова, 2011.— 727 с.— С. 300–492.

17. Толерантность как фактор противодействия ксенофобии: управление рисками ксенофобии в обществе риска / под ред. Ю. П. Зинченко и А. В. Логинова.— М. : Наука.— 2011.— С. 203–254.

18. Храмова, К. В. Самосознание современной молодежи с различной религиозной ориентацией : дисс. … канд. филос. наук: 09.00.11. — Ксения Вячеславовна Храмова.— Уфа, 2004.

19. UNESCO [Electronic resource]. — Mode of access : www.unesco.org/culture/endangeredlanguages.

Н. Н. Старыгина
Йошкар-Ола, Поволжский государственный
технологический университет

Культурологическое образование как способ формирования профессиональной компетентности социального работника

Культурологическая, или контекстуальная, компетентность рассматривается как важнейшая составляющая профессиональной компетентности специалиста любого профиля. Для социального работника культурологическая компетентность (как индивидуальная, так и институциональная) имеет особое значение, так как знание социокультурной среды позволяет выявлять и решать проблемы социализации граждан. Культурологическая компетентность формируется содержанием образовательной программы в целом, при этом системообразующую роль выполняет учебная дисциплина «Культурология».

В соответствии с ФГОС ВО образовательная программа направления подготовки бакалавров «Социальная работа», эта дисциплина должна обеспечивать выполнение профессиональных задач, соответствующих социально-технологической, организационно-

управленческой, исследовательской, социально-проектной деятельности. Например, «разработка и эффективное применение социальных технологий, учитывающих особенности современного сочетания глобального, национального и регионального, специфику социокультурного развития человека и общества, обеспечения его социального здоровья» для социально-технологической деятельности или «учет специфики физического, психического и социального здоровья, особенностей национально-культурного пространства и характера жизнедеятельности различных этнонациональных и половозрастных, а также социально-классовых групп как объектов социально-проектной деятельности учреждений социальной сферы, обеспечивающих благополучие граждан» для социально-проектной деятельности.

В процессе изучения культурологии формируются общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции социального работника, например, «быть способным к инновационной деятельности в социальной сфере, оптимизации ее сочетания с традиционной культурой личной и общественной жизни» (ПК-6), «использовать основные положения и методы социальных, гуманитарных и экономических наук при решении социальных и профессиональных задач» (ОК-2) и др.

В ФГОС ВО обозначены области знаний, умений и навыков (владений, опыта), определяющих содержание компетенций выпускника, который должен, например, **знать** «структуру современного культурологического знания», «структуру и особенности, основы культуры коммуникативных процессов в современном обществе», **уметь** «выделять основные структурные компоненты системы социального образования, культуроцентричность основ обеспечения его качества», «осуществлять медико-социальные и культурологические исследования» и т.д., **владеть** «основами культуры современного социального мышления, общественной и профессиональной деятельности, социально-технологических, медико-социальных и социоинженерных практик», «культурологическими и медико-социальными основами организации социальной работы».

«Культурология» обеспечивает подготовку специалиста, знающего историю мировой и национальных культур и цивилизаций, современное социокультурное пространство; умеющего применять эти знания в практической социальной работе; обладающего

высокой общей и профессиональной культурой и участвующего в обеспечении высокого уровня культуры в коллективе, в работе с населением.

Культурологическая компетентность — это контекстуальная компетентность, включающая знание социокультурной среды, современных культурных процессов и их исторической детерминированности, культурных явлений и методов их изучения; умение трансформировать теоретико-концептуальные знания в культурологическую технологию (модель действия), которая позволяла бы достичь решения проблемной ситуации; владение культурологическим методом, то есть способами выявления, анализа и описания проблемных социокультурных ситуаций, а также разработкой рекомендаций по их разрешению (то есть выработкой соответствующей программы действий по разрешению проблемных социокультурных ситуаций или конфликтов).

Содержание культурологической компетентности подвижно, поскольку изменчива социокультурная среда. Однако сохраняются содержательные константы, то, что мы можем, следуя ФГОС, назвать «основами культурологического знания».

Выделяют два аспекта культурологической компетентности: индивидуальный и институциональный [2]. Индивидуальная компетентность — это культурологическая компетентность социального работника, рефлексия и понимание им собственной культуры и культуры объекта его профессиональной деятельности (человека, социальной группы, социума), а также механизмов их взаимодействия и взаимовлияния и умение использовать эти знания в своей профессиональной практике. Институциональная компетентность — это культурологические знания социальной службы и умение работать и организовывать работу в современной социокультурной среде.

Можно согласиться с мнением ученого-методиста А. Н. Галагузова о том, что в профессиональной подготовке социальных работников культурологический подход к обучению «является базовым, находит проявление в усилении культурологической составляющей в содержании образования, отборе технологий формирования личности обучающегося как субъекта культуры, организации культуронасыщеной образовательной среды и создании целесообразных педагогических условий образования на основе культурной преемственности…» [1, с. 6]. Реализация культурологического подхода

к обучению будущих соцработников требует соответствующей технологизации всей образовательной деятельности. В этом контексте дисциплина «Культурология» должна занимать значимое место в формировании культурологической составляющей образования. Однако и работая в традиционном формате, преподаватель должен понимать, что роль дисциплины в обучении профессионально компетентных выпускников чрезвычайно велика.

Организация обучения культурологи должна, на наш взгляд, основываться на понимании культурологической компетентности (см. выше). Для формирования индивидуальной культурологической компетентности целесообразно создать учебные ситуации, цель которых — рефлексия собственного «я», поскольку понимание социальным работником собственной культуры — это ключ к пониманию культуры «другого». Для формирования институциональной культурологической компетентности актуальными будут элементы прикладной культурологии. Как известно, прикладная культурология — область культурологического знания, обращенная непосредственно к практике социальной жизни. Близка к ней прикладная социология культуры (научное направление, развивающееся в рамках социологии культуры, занимающееся социокультурной диагностикой культурной инфраструктуры, анализом эмпирических данных, разработкой и внедрением практических рекомендаций, управленческим консультированием властей по улучшению культурной ситуации в том или ином регионе [3 с. 463–464].

Основная задача в плане содержания дисциплины — познакомить обучающихся с видами социокультурологических исследований; охарактеризовать специфику применения культурологического метода и помочь освоить данный метод, показать основные области применения культурологического метода в практике социальной работы, научить выявлять и разрешать проблемные социокультурные ситуации и др.

В организации учебной деятельности делается акцент на практико-ориентированные образовательные технологии: технологии контекстного, проектного и проблемного обучения.

Выбор форматов, активных и интерактивных методов и приемов обучения осуществляется конкретным преподавателем. Активные и интерактивные методы обучения обеспечивают активность и разнообразие мыслительной и практической деятель-

ности обучающихся в процессе освоения учебного материала; они строятся на практической направленности, игровом действе и творческом характере обучения, интерактивности, разнообразных коммуникациях, диалоге и полилоге, использовании знаний и опыта обучающихся, групповой форме организации их работы, деятельностном подходе к обучению, рефлексии собственной деятельности [5].

Распределение форм и методов обучения зависит от базовых процессов обучения и от видов учебной деятельности. Важно найти такие формы организации учебной ситуации (занятия), которые соответствовали бы таким базовым процессам, как ознакомление, освоение и изготовление, а также переходным ситуациям от одного процесса к другому.

Первый базовый процесс — ознакомление, то есть передача знаний (сведений). Основная форма такого обучения — лекционно-семинарская. Второй базовый процесс — освоение образцов деятельности. Его формы — тренинги, упражнения, игры и пр. Третий базовый процесс — применение полученных знаний и усвоенных навыков и умений. Формы обучения — практика, проектирование, написание дипломных работ и др. Кроме того, выделяют промежуточные формы обучения: case-study, когда студенты осваивают кейсы (упражнения, созданные на основе эмпирического опыта) и в результате получают пакет «разобранных» случаев — готовых схем для действий в аналогичных ситуациях; обучающие имитационные системы, представляющие собой тип упражнений, в которых из реальной ситуации выделяются и описываются функциональные элементы и связи между ними, иными словами, вычленяется комплексная модель ситуации (имитационная система), которую студенты проигрывают несколько раз.

При этом преподаватель для каждого учебного занятия (аудиторного или самостоятельного) должен найти адекватные тактические технологии (активные методы обучения), которые используются внутри образовательного мероприятия, в процессе его проведения, например, «мозговой штурм», «кластер», диалог, составление таблиц, командная работа и т.д. Само же занятие, в целом, может быть организовано как лекция, интерактивный семинар, обучающая игра, тренинг, выполнение упражнений или др.

Дисциплина «Культурология» знакомит обучающихся со структурой современного культурологического знания.

Серия лекций и семинаров, посвященных программному материалу, обязательно дополняется занятиями, посвященными изучению культуры региона, Республики Марий Эл. Это семинар на тему «Наш поликультурный социум», во время которого представители (студенты группы) русской, марийской, татарской (и иной) культур знакомят присутствующих с их культурными паттернами, символической и знаковой системами, повседневной жизнью их представителей. Обязательными мероприятиями становятся посещение выставок, просмотр спектаклей с последующим написанием рецензий (причем, студентами проводится предварительная работа: опрос посетителей выставки или театра, изучение появившихся откликов на событие в Интернет и СМИ) и обсуждением на практическом занятии (или во время консультации). В этом ряду — задание для самостоятельной работы: написать эссе «… (указывается мероприятие) как событие моей культурной жизни». Для желающих продолжить изучение культурной жизни РМЭ предлагается написать реферат по данной тематике.

Кроме того, организуются еще два семинара: один посвящен знакомству с актуальными для республики субкультурами, другой — литературе.

Если в группе обучаются иностранные студенты, то один семинар посвящается знакомству с национальными культурами, которые они представляют. Опыт организации этого учебного занятия показывает, что оно является успешным в том случае, если проводится в форме пресс-конференции или если рассказ сопровождается театрализованными (танцевальными или музыкальными) номерами, видеорядом и др.

В процессе изучения социокультурной среды региона важно выделить существующие или возможные проблемные ситуации в области коммуникативной практики (межкультурные коммуникации, культура межнациональных отношений и др.) и в области обеспечения социализации и инкультуризации (формирование обыденной культуры различных социокультурных групп населения; адаптация к новой культурной среде; проявления маргинальности; формирование субкультурных феноменов и др.). Внимание к этим вопросам жизни социума обусловлено поликультурностью общества, в котором сосуществуют не только национально-этнические культуры, но и множество субкультур, «смешанных и пограничных форм культуры, вызванных тотальным отказом

от нормы — социальной, этической, эстетической, языковой» (И. В. Митина). Поликультурность и нестабильность современной социокультурной среды становится основой для возникновения конфликтных ситуаций в жизни представителей различных социальных групп (пенсионеров, мигрантов, молодых людей и т.д.), разрешить которые — в компетенции социального работника.

С целью выработки определенных профессиональных умений разработываются два блока заданий. В первом блоке — задания, направленные на осмысление студентом культурной идентичности своей и «другого» и значения культурного опыта в профессиональной деятельности (описать семейные традиции, воспроизвести детские впечатления, описать бытовую культуру (еда, одежда, привычки, жесты…, как приходит взаимопонимание, универсальный язык знаков и др.). Второй блок заданий — описать проблемные ситуации, с которыми сталкивались в процессе общения с представителями иной культуры. Совместно со студентами создаются актуальные кейсы, которые прорабатываются всеми с учетом типичной технологии анализа конкретных ситуаций: изучение, анализ и принятие (предложение) решения по выходу из ситуации. Систематизируя проблемные ситуации, сформулированные студентами на основе личного опыта, можно выделить универсальные (инвариантные) ситуации, которые могут послужить основой для проектной деятельности.

Актуальны тренинги на тему поведения в проблемной или конфликтной социокультурной ситуациях, которые предполагают совместную работу с психологами. Можно рекомендовать использовать игровые технологии (ролевые, деловые, организационно-деятельностные игры).

На переходном этапе от базового процесса освоения к процессу «изготовления», то есть применения полученных знаний и усвоенных навыков и умений в профессиональной деятельности, важная роль отводится созданию имитационных моделей. Объектом моделирования может быть предмет или процесс профессиональной деятельности. Студенты могут выполнить такие задания: создать модель социальной службы города (района) с учетом культурного и национального состава населения; создать модель комплекса досугово-рекреационных учреждений на основе культурного состава населения; создать культурологическую «модель» управленца в социальной сфере; создать модель межнаци-

ональных отношений как составляющую часть корпоративной культуры вуза; создать модель адаптации мигранта (пенсионера, представителя субкультуры…) к новой культурной среде и др.

Создание имитационной модели подготовит обучающегося к практической деятельности в рамках изучения дисциплины «Культурология», то есть к исследованию или к проектированию. Но прежде чем студент приступит к этому виду деятельности, он должен овладеть культурологическим методом исследования и основами проектной деятельности.

Характеристика культурологического метода может быть дана педагогом во время лекции или семинарского занятия соответствующей тематики: это логическая последовательность этапов познания [5, с. 12–18], в которой выделяется следующие аспекты.

Первый — гуманитарная (или собственно культурологическая) проблематизация эмпирического материала. Описывая культуру того или иного периода, в том числе культуру современности, или той или иной социальной группы, исследователь фиксирует факты и те вопросы, которые они вызывают. Проблематизация материала приводит к необходимости поставить вопрос об отношениях между теми или иными культурами и вскрыть (сконструировать) противоречия в мышлении или в поведении людей, представителей данной культуры или данной эпохи. То есть обнаруженные «странности» должны быть осмыслены в контексте существующих (традиционных) представлений о культуре. В результате проблематизации исследователь выявляет и описывает факты для культурологического объяснения, теоретически их осмысливает.

Второй аспект культурологического метода — сопоставление анализируемой культуры с другими культурами. Сопоставляемые культуры могут быть предшествующими в историческом ряду, последующими или синхронно бытующими. Они могут существенно отличаться друг от друга, могут развиваться в одной культурной традиции. В сопоставлении культур и их феноменов исследователь получает первые характеристики и делает первые выводы об интересующей его культуре. Подобное сопоставление предполагает обращение к философии, логике, социологии, языкознанию, семиотике, психологии, истории и др. дисциплинам. Такой анализ дает возможность выявить ведущие культурные тенденции, характеризующие в целом изучаемое явление; сформировать

культурную парадигму, описать основные признаки культурного явления. Иными словами, систематизировать имеющиеся культурные факты и их аналитические характеристики.

Третий аспект метода — объяснение тенденций и особенностей культуры, внешне противоречащих базовой культуре, основному культурному процессу. То есть после описания, анализа, в том числе сопоставления, делаются выводы. Культурологическое исследование на этом этапе имеет теоретический характер.

Теоретический уровень анализа обусловливает качество прикладного культурологического исследования, в том числе применительно к практике социальной жизни. Вступая в зону практического применения культурологического знания и культурологического метода, исследователь выявляет проблемную ситуацию в жизни отдельного человека, социальной группы или общества, анализирует ее, делает выводы, прогнозирует возможные пути выхода из проблемной ситуации, разрабатывает способы разрешения проблемной ситуации, иными словами, создает проект, обеспечивающий устранение проблемы.

В проектной деятельности можно обратиться к таким видам прикладных культурологических исследований, как диагностическое, аналитическое, прогностическое, сравнительно-культурное. Создавая проект, направленный на разрешение проблемной ситуации, важно понимать, что любая ситуация имеет типичную структуру: вход в ситуацию, пребывание в ней, выход из ситуации. Поэтому эффективность деятельности в рамках проекта зависит от того, насколько правильно осмыслено, как и почему человек/группа/общество «вошли» в проблемную ситуацию; каким образом и как долго они пребывали в данной ситуации; почему необходимо выйти из ситуации и как это можно сделать. В социокультурологическом исследовании используются методы социальных наук. Это может быть дескриптивный или экспериментальный метод, диагностический метод или метод моделирования; также активно применяются опросные методики.

Обучение студентов проектной деятельности может состояться на практическом (семинарском) занятии, построенном как учебно-деловая игра по моделированию проекта. В организации учебной ситуации используются презентация, содержащая информацию о специфике проектной деятельности, типах проектов, организации проектной деятельности, алгоритме работы над

проектом, и метод групповой (командной) работы, позволяющий студентам применить знания и умения, создавая мини-проект.

Создание контекста профессии в период изучения «Культурологии» мотивирует студентов к изучению дисциплины: они понимают, что культурологические знания и опыт их применения в социокультурологических исследованиях являются обязательным условием профессионализма и успешности их деятельности как социальных работников.

Литература

1. Галагузов, А. Н. Культурологический подход в профессиональной подготовке специалистов социальной сферы : автореферат дисс. … доктора пед. наук / А. Н. Галагузов.— М., 2011.

2. Доэл, М. Практика социальной работы / М. Доэл, С. Шадлоу.— М., 1995.

3. Кравченко, А. И. Культурология : словарь / А. И. Кравченко.— М., 2000.

4. Розин, В. М. Введение в культурологию / В. М. Розин.— М., 1994.

5. Mail [Electronic resource].— Mode of access : http: //mail.yandex.ru/neo/message?current_folder…).

М. Н. Степанова
Улан-Удэ, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Диалог культур посредством туризма как альтернатива разъединяющим силам экономической глобализации

Диалог как поиск взаимного постижения по своей природе основывается на открытости по отношению к различным выражениям сущности человечества как в синхроническом плане, так и в диахроническом. На протяжении истории человечество проявляло себя в многообразии жизненных миров [1, с. 41] и конкретных горизонтах понимания [2] — данный процесс продолжается и по сей день, и в целом может быть охарактеризован термином «глобализация».

В эпоху глобализации целые народы утрачивают свою ценность ради экономической выгоды, традиционные культуры и образы жизни находятся под угрозой давления и подчинения единой

модели развития экономики и общества; разрыв между богатыми и бедными только растет, и нет каких-либо шансов экономически более слабым странам конкурировать с более мощными странами на основе справедливости и партнерства — социальная несправедливость, как одна из основных причин международного насилия, не может больше игнорироваться.

Осознание того, что сохранение культурной и цивилизационной идентичности возможно без исключения «иной», «чужой» культуры и что эта идентичность обусловлена самим пониманием других цивилизаций и толерантностью по отношению к ним, может оказаться альтернативой разъединяющим силам экономической глобализации.

В наши дни одной из форм межкультурного диалога стал туризм, играющий роль источника, из которого люди черпают разнообразные познания о культурных ценностях прошлых поколений и ценностях современного мира.

«Совмещение отдыха с познанием жизни, истории и культуры другого народа — считает В. А. Квартальнов,— одна из задач, которую в полной мере способен решать туризм. Увидеть мир своими глазами, услышать, ощутить — важные части восстановительной функции туризма, они несут в себе большой гуманитарный потенциал. Знакомство с культурой и обычаями другой страны обогащает духовный мир человека» [3, с. 110].

Если обратиться к статистике, то можно констатировать следующее: туристический сектор растет быстрее, чем большинство других секторов в мировой экономике. В 2014 г. в отрасли туризма генерировалось около 10 % мирового ВВП — 7,6 трлн. долларов США. Во всем мире отрасль туризма напрямую использует 105 миллионов человек, а также поддерживает 277 миллионов рабочих мест, или 1 из 11 рабочих мест на планете [4].

По существующей в мировой практике оценке масштабов туристского движения, к туристам относят всех лиц, которые временно и добровольно переменили место жительства с любой целью, кроме вознаграждающей деятельности в месте временного проживания или нахождения. В отличие от туристов, лиц, пребывающих в свободное время в какой-либо местности менее 24 часов, называют экскурсантами. Путешествия в пределах своей страны объединяются понятием «внутренний (национальный) туризм», а за ее пределами — «иностранный туризм».

На этом фоне принципиально важно выделить те дефиниции туризма, которые определяют данное явление как способ приобщения к культуре и к культурному наследию. Рассмотрим некоторые из них. Так, например, доктор культурологии М. В. Соколова считает, что благодаря туризму можно раскрыть и актуализировать традиции, новации и нормы в культуре. «Туризм выявляет на теоретическом уровне и проблемы культурной антропологии взаимоотношения индивида и культуры, различного типа культур и пр. Поэтому представляется актуальным системное рассмотрение туризма и как феномена культуры, и как фактора, ее характеризующего» [5, с. 3].

Кандидат культурологии С. А. Красная определяет призвание туризма: «…налаживать общение и взаимопонимание между представителями различных культур и субкультур, этнических, национальных и религиозных общностей и т.п., избавляя людей от чувства отторжения чужого, иной культуры, иных ценностей и норм поведения. Знакомство с культурой представляет главную ценность туризма. Преодоление явного и скрытого неприятия «чужого», поиски оснований для диалога и разных форм сотрудничества выдвигаются в качестве приоритетных стратегий культурной политики разных государств. Таким образом, туризм выступает одной из форм межкультурного взаимодействия» [6, с. 11].

Доктор культурологии, профессор В. Л. Кургузов трактует туризм как один из каналов культурной диффузии, под которой понимает взаимное проникновение отдельных явлений культуры или целых ее комплексов из одной культуры в другую при их взаимодействии. Культурная диффузия, по мнению ученого, процесс стихийный и никем не контролируемый. С одной стороны, она позволяет народам больше общаться между собой и узнавать друг друга, а общение и познавание способствуют сближению народов. С другой стороны, чрезмерно активное общение и заимствование опасно потерей культурной самобытности [7, с. 88]. А если в ценностях и нормах другой культуры видится и распознается уже знакомое, давно понятное и в этой связи — малоинтересное, «в таком случае коммуникативно-диалогическая природа межкультурного взаимодействия в процессе путешествия реализуется не в полную меру [8, с. 11].

«Однако ни одна культура не может существовать изолированно, поскольку вынуждена постоянно обращаться как к своему прошлому, так и опыту других культур» [9, с. 90].

Мы согласны с исследователем В. Л. Кургузовым, который, по нашему мнению, предложил наиболее удачную теоретическую концепцию туризма, выделив его как один из каналов культурной диффузии, который способствует не только сохранению культурного разнообразия и развитию межкультурного диалога, но и, при неумелом его использовании, может стать катализатором утраты культурной идентичности.

Культурологический подход, все чаще применяемый современными отечественными исследователями, например Г. И. Афониным, Л. И. Ахатовой, Н. С. Барчуковой, Н. Л. Березницкой, Л. П. Воронковой, Л. Г. Домрачевой, Л. Н. Захаровой, А. А. Карамышевой, С. А. Красной, Е. М. Кузьминой, В. И. Рогачевой, М. В. Соколовой, С. Н. Сычаниной, З. Б. Чимитовым и другими, формирует систему исследований, направленных на изучение туризма в контексте культурологического знания.

В соответствии с данным подходом культурологический смысл туризма связывается с его ролью в социализации личности, инкультурации и аккультурации, в человеческой деятельности и интеграционных процессах мировой культуры. Значение туризма, согласно данному подходу, состоит в том, что туризм является средством познания, способствует пространственно-временной и этнокультурной самоидентификации человека, укреплению всех форм социальной коммуникации, диверсифицирует модели социально-ролевого поведения человека, множественно развивает и трансформирует социокультурную сферу.

С этой позиции туризм, как понятие, наполняется всеми основными функциями культуры. Назовем их:

– функция социализации;
– интегративная;
– регулятивно-нормативная;
– аксиологическая (ценностная);
– развлекательная или компенсаторная;
– познавательная, информационная;
– возрастная, гендерная.

Социализация понимается как процесс усвоения индивидом социальных норм и освоения социальных ролей, принятых в данном обществе. В свою очередь, функцию социализации туризма можно определить, как:

– благотворное влияние природной среды и психофизической активности на свежем воздухе;

– изменение социальной ситуации развития: кардинальная смена обстановки, изменение и расширение круга общения; – изменение социальной роли туриста (например, переход из роли опекаемого — объекта воздействия — в роль активного субъекта взаимодействия); – приобретение умения взаимодействовать в группе, состоящей из разных по социальному статусу людей;

– повышение жизненного потенциала: приобретение нового жизненного опыта, освоение новых знаний и умений;

– расширение среды обитания (освоение новых природных условий и новых видов жизнедеятельности).

Интегративная функция туризма направлена на общественную интеграцию людей вокруг определенных культурных и природных ценностей, на осознание единства всего человечества, опираясь не на стирание культурных различий, а на объединение людей как в рамках одной культуры, так и за ее пределами.

Регулятивно-нормативная функция туризма выполняет некую балансирующую роль во взаимоотношениях туриста, природной среды и общества. Она создает и контролирует определенные нормы и правила (экологические, этические, технические, правовые и др.) предназначенные для поддержания равновесия всех систем жизнеобеспечения человека.

Аксиологическая функция туризма отвечает за формирование у туриста ценностных ориентаций, своеобразных «полюсов» осмысленного направления движения. Путешествующий человек, знакомясь с этическими нормами той или иной культуры, пропускает их через себя, формирует свое дальнейшее представление о добре и зле, справедливости и несправедливости, правильности и неправильности поступков людей. Таким образом, аксиологическая функция туризма способствует созданию нравственной платформы личности.

Развлекательная или компенсаторная функция туризма позволяет отвлечься от ежедневной рутинной деятельности, жизненных проблем, хлопот благодаря смене среды обитания, окружения, различным лечебно-оздоровительным практикам, анимационным, спортивным, развлекательным и многим другим мероприятиям, направленным на восстановление физических и эмоциональных сил туриста.

Познавательная или информационная функция туризма проявляется посредством вовлечения личности в процесс познания, творчества и действия. Посещая различные выставки, музеи, театры, семинары, фестивали, аттракционы, памятники природы и архитектуры, интересуясь чужой идентичностью, турист с наибольшей полнотой может перенять знания и опыт предшествующих поколений, раскрыть себя и свои новые возможности в духовной и физической самореализации, понимании окружающего мира.

Возрастная или гендерная функция туризма создает пространство для психологического, экономического и социального расширения прав и возможностей. В настоящее время и мужчины, и женщины, люди разных возрастных групп могут по-разному проявить себя в области туризма. Так, например, все больший процент женщин, вовлеченных в управление проектами в данной отрасли, могут повысить уровень своих доходов. В связи с ростом количества пожилых людей в общей структуре населения, увеличивается количество и качество туристских программ для данной возрастной категории, предлагающих максимальный комфорт по доступным ценам.

Таким образом, туризм реализует важные социокультурные функции в жизнедеятельности общества: самоопределение индивидов в социальном пространстве, восстановление психофизиологических ресурсов общества; повышение трудоспособности человека и увеличение его доходов; рациональное использование свободного времени; осознание ценности, неповторимости и необходимости сохранения каждой культуры; детерминирует деятельность по рекреации регионального естественно-природного и антропогенного пространства.

Многообразие культур современного мира является залогом развития туризма. Отличия культур становятся фактором индивидуального стремления ознакомиться с различными этнокультурными сообществами в контексте культурной самоидентификации личности. Ввиду этого в рамках данного подхода изучаются различные ракурсы диалога культур посредством индивидуального общения представителей разных этнокультурных сообществ в условиях глобализационных и локально-культурных процессов, их особенностей и принципов.

Литература

1. Biemel, W. Husserliana / W. Biemel.— 2nd ed.— Vol. VI.— Den Haag : Martinus Nijhoff, 1962.

2. I.P.O. RESEARCH PAPERS [Electronic resource].— Mode of access : www.i-p-o.org/civ-dial.htm.

3. Квартальнов, В. А. Туризм : учебник / В. А. Квартальнов.— М. : Финансы и статистика, 2002.

4. Economic Impact Analysis [Electronic resource].— Mode of access : http://www.wttc.org/research/economic-research/economic-impact-analysis.

5. Соколова, М. В. Туризм как культурно-исторический феномен : автореферат дис… докт. культурологии / М. В. Соколова.— М., 2007.

6. Красная, С. А. Культурный туризм: просветительская сущность и факторы развития : дис. … канд. культурологии / С. А. Красная.— М., 2006.

7. Кургузов, В. Л. Восток–Россия–Запад: Теория и практика межкультурной коммуникации : очерки лекционного курса / В. Л. Кургузов.— Улан-Удэ, 2003.

8. Березницкая, Н. Л. Туризм как фактор межкультурной коммуникации : автореферат дис. … канд. культурологии / Н. Л. Березницкая.— СПб., 1999.

9. Кургузов, В. Л. Восток-Россия-Запад: Теория и практика межкультурной коммуникации : очерки лекционного курса / В. Л. Кургузов.— Улан-удэ, 2003.

Е. И. Стефановская
Минск, Белорусский государственный университет

Многоплановость метафорической проекции в англо- и русскоязычном спортивном дискурсе

Несмотря на то, что дискурсивные исследования уже не один десяток лет находятся на пике популярности, интерес к исследованию проблематики дискурса не ослабевает. Это обусловлено, в первую очередь, отсутствием у данного понятия четких границ категориального пространства, что актуализирует научный поиск и исследовательскую креативность. Дискурсу посвящено множество экспериментальных исследований и теоретических научных работ, авторы которых к трактовке этого явления подходят с позиций столь различных научных направлений, что данное понятие, можно утверждать, является одной из наиболее неоднозначных лингвистических категорий. Широкий диапазон изучения понятия «дискурс» в наибольшей степени обусловлен междисциплинарностью исследовательского подхода и рассмо-

трением дискурса в контексте смежных областей: лингвистики, психолингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии, литературоведения, социологии и др.

Дискурс — это и способ организации информации, как языковой, так и внеязыковой, в вербальной форме текста для обмена и передачи информации на основе концептуальных представлений пользователя языка [4], и «комплексное коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим (наблюдателем), в определенном временном, пространственном и прочем контексте» [2], и текст, взятый в событийном аспекте, речь, «погруженная в жизнь» [1, с. 136].

С учетом специфики нашего исследования наиболее релевантным видится следующее определение: дискурс — это объемное и многогранное явление, интегрирующее понятия «текст» и «общение» в органичный континуум экстралингвистических факторов (будь то социально-культурный контекст, историческое время, прагматическая установка в общении, психотип говорящего или же специфика коммуникативной аудитории — адресата). Только динамическое взаимодействие этих вербальных и невербальных факторов формирует категориальное пространство дискурса.

Среди разнообразия видов дискурса спортивный представляется менее изученным, но набирающим в последнее десятилетие все большую популярность. Е. Г. Малышева относит спортивный дискурс к институциональному и отмечает существование ряда его дискурсивных разновидностей (подвидов), объединенных, прежде всего, общностью спортивной тематики и концептуальных (содержательных) доминант [5]. По мнению К. В. Снятковa, «спортивный дискурс — это речь, которая транслирует смыслы, определяющие спортивную деятельность, и совокупность произведенных текстов, в которых репрезентированы эти смыслы» [6, с. 5].

При определении спортивного дискурса важным видится указание именно его функциональной специфики и тематической направленности реализуемого общения. Тем самым предлагаем определить спортивный дискурс как совокупность психологических, социальных и лингвистических составляющих, которые в своей уникальной совокупности передают богатство экспрессивно-эмоциональных проявлений спортивной борьбы, противостояния и авантюризма. Большинство выделяемых видов дискур-

са не существуют в чистом виде. Функционирование спортивного дискурса не иначе как в пространстве массмедийной коммуникации предопределило сращение массмедийного и спортивного дискурсов. Такое сосуществование усиливает эмоциональность и экспрессивность спортивного дискурса, которые особенно ярко проявляются в риторике спортивного репортажа.

Среди всего разнообразия средств передачи экспрессивности в спортивном дискурсе особого внимания заслуживает *метафора*, рассматриваемая сегодня не просто как средство стилистической образности, а как когнитивный инструмент миромоделирования, который строится на сравнении, апеллировании к объектам иной денотативной области и их характеристикам с целью более точной передачи сигнификативного значения при одновременном транслировании эмотивных и экспрессивных эффектов, образности и оценочности. Подобно другим тропам, *спортивная метафора* придает особую выразительность высказыванию и благодаря колоритным отсылочным образам «создает яркие, зрительные представления, вызывает устойчивые или нетипичные ассоциации, несет мощный положительный или отрицательный заряд, тем самым формируя в соответствии с интенцией автора текста отношение к предмету сообщения» [3, с. 12].

Изучение разнообразия метафорической проекции в англо- и русскоязычном спортивном дискурсе потребовало формирования экспериментального корпуса, материалом которого послужили биатлонные метафоры, выделенные нами из ряда параллельных новостных спортивных репортажей на русском и английском языках в рамках этапов кубка мира и чемпионатов мира по биатлону.

В структуре биотлонных метафор можно отметить значительное разнообразие областей отсылочных образов. Так, в русскоязычном спортивном дискурсе широко используются ***природные спортивные метафоры***, при построении которых именно объекты живой и неживой природы выступают в качестве отсылочных образов. Природа как сфера экспансии метафорических образов используется для: а) характеристики физических возможностей спортсмена: *«Фуркад как **лев**, который заявляет о своем мощном прайд»; «И тут этакое биатлонное **торнадо**»;* б) описания физической готовности биатлониста: *«Довольно легкой **бабочкой** преодолевает этот подъем Дорен-Абер»; «А вот теперь эту гору, как настоящий **эдельвейс**, преодолевает Фуркад»; «He was **like a horse***

in the starting gate»; в) описания ожесточенности борьбы и грозного соперничества: *«А там Дальмайер, Гесснер — вот они,* ***кровожадные*** *немецкие* ***акулы****»; «Как клешнями* ***рак*** *вцепился Симон Фуркад в Йоханнеса Бе»; «Bjørndalen has the hunger of* ***a young wolf****».* Следует отметить, что в англоязычном спортивном дискурсе данный тип спортивной метафоры не столь репрезентативен, как в русскоязычном спортивном репортаже.

Как в русскоязычном, так и в англоязычном спортивном дискурсе весьма активно представлены ***антропологические спортивные метафоры***, при формировании которых имеет место проекция на социальные и физические действия человека: *«****Дернулась*** *было мишень, но дальше* ***скорчила гримасу*** *и недобро* ***улыбнулась*** *Фуркаду»; «Не самая удачная стрельба едва* ***не похоронила российские надежды*** *на медаль»; «There is also the home-country favorite, Zina Kocher of Canada — the magic of competing on home soil could* ***propel*** *her to a personal best and a medal»; «At the same time, the Mass Start* ***favors*** *no one»; «the fastest skier or the best shot* ***may not win****».*

Метафоры, формируемые при апеллировании к прототипическим образам (древнегреческих и древнеримских богов, сказочных персонажей, исторических личностей, деятелей культуры и т.д.) предлагаем именовать ***прототипическими***. Оценочный и изобразительный потенциал прототипических биатлонных метафор обнаруживается при передаче:

а) характеристик физических возможностей спортсменов*: «Наверное пора уже прислушиваться к словам Александра Тихонова, который как* ***Зевс****-громовержец спускается с небес и палит из всех орудий»; «Невероятный, восхитительный, умопомрачительный 41-летний* ***гигант****»; «Of course, Dima deserves the title* ***King of Oberhof****»;*

б) значимости спортсмена в данном виде спорта: *«Бьорндален —* ***суперзвезда*** *всех времен и народов»; «Торстен Ланге из сборной команды Бельгии, ему 44, это самый ветеранистый* ***ветеран****»; «The 40-year-old* ***biathlon legend*** *took an early lead and held off Austria's Dominik Landertinger****»; «****First, it was the* ***veteran*** *Björndalen who was skiing faster of the two and then Svendsen took a lap around the oval loop*»;

в) особых успехов спортсмена в конкретной биатлонной гонке: *«Антон просто настоящий биатлонный Зевс,* ***Ярослав Мудрый****, Антон Мудрый! В этой биатлонной симфонии* ***Моцартом***

был Антон Шипулин, ***Паганини*** *мирового биатлона»;* «*Ole Einar Björndalen is* ***the King of the 20K***»; ***«****Meanwhile Darya Domracheva was called* ***queen of Sochi*** *by Russian media*».

В качестве отдельной структурной модели спортивных метафор можно выделить и так называемые ***фразеологические метафоры***, строящиеся как на основе фразеологизмов в исходной форме*: «Преимущество Кайсы и Даши над другими* ***выросло как на дрожжах****»; «Побед-то в этом сезоне у российских биатлонистов —* ***кот наплакал***»; «*Fourcade* ***had the upper hand****, winning 11 of their 20 matchups*»; «*At the same time, Germany led by Magdalena Neuner might have been able to* ***leave*** *the Russian women* ***in their dust****»;* так и на основе фразеологических дериватов для эффекта языковой игры: ***«Не так страшен Шемп, как его малюют»****; «****Каждый биатлонный сверчок знает свой стрелковый шесток****»*; ***«****In fact, Djokovic did little more than* ***let the drama take its course***» *(*в оригинале: *to let nature take its course*).

Еще одним видом часто используемых спортивных метафор являются ***артефактные*** метафоры, основанные на использовании в качестве отсылочных образов технических механизмов, предметов быта, орудий труда и т.д. Здесь в соответствии с метафорической проекцией мы можем отметить следующие метафоры: а) военные: *«Шемп до последнего момента* ***отсиживался в обороне****»; «Вот наконец-то* ***застрелился*** *немецкий спортсмен»; «Birkeland, France's Simon Desthieux and Malyshko* ***battled for the lead*** *after the prone stage*»; «*Sáblíková* ***seized power*** *in the seventh pair*»; б) транспортные: *«Ну вот тут Шипулин* ***идет*** *уверенно,* ***как ледокол****», «Последний круг Кайса Макарайнен пролетела как* ***ракета 'Прогресс'****»;* «*As a result he was* ***parachuted back*** *in as skip*»; «*Convincing victory* ***anchored*** *by Björndalen****»;*** в) основанные на использовании предметов быта и орудий труда: *«Хаммершмидт промахивается один раз: немецкий* ***молот*** *ударил мимо* ***наковальни****»; «На этой дороге желтой* ***кирпичом*** *стоит Шипулин»;* «*Offensive lineman aren't simply* ***human mailboxes*** *but can sprint to the flanks ahead of quarterbacks and running backs*»; «*He had a good* ***waymark*** *— Svendesn*».

Результаты нашего исследования позволили выявить в качестве доминирующей области метафорической проекции в русскоязычной спортивной риторике *мир живой и неживой природы,* тогда как в англоязычном спортивном дискурсе превалируют *артефактные* спортивные метафоры, в частности, *военные*. По-

добный контраст доминирующих сфер отсылочный образов в спортивном дискурсе в русском и английском языках позволяет сделать обобщенные выводы о примате природной проекции в культуре и национальной ментальности русского народа, в целом. Это и отражается на представлении даже спортивного противостояния и противоборства в образах естественной в природе борьбы, в которой право первенства за физически и психически более сильной и зрелой особью. При этом в англоязычной лингвокультуре спортивное противостояние представлено в доминирующем и отчетливо обнаруживаемом метафорическом образе спорт — война с характерным для нее признанием власти оружия, тактики, военных хитростей и напора.

Сравнительный анализ биатлонных метафор в русско- и англоязычном спортивном репортаже позволил обнаружить ряд единиц семантически и структурно аналогичных в английском и русском языках*: team spirit — командный дух, to cross the finishing line — пересечь линию финиша, firm favorite — явный претендент, home-field advantage — преимущество своего поля, end the year on a positive note — закончить на позитивной ноте; make the biggest jump — совершить большой скачок.* При этом весьма репрезентативна группа собственно англоязычных спортивных метафор, не имеющих русскоязычных аналогов: «*Her* ***journey*** *to the podium continued to look* ***golden*** *with each step»;* «***A medal of any color*** *would brighten their day»; «She won the ladies 1000 m* ***in dominant fashion***»; *«Djokovic might be the most* ***performance-obsessed player*** *in the history of the sport».* Наиболее численной и разнообразной по сферам метафорической проекции оказалась группа русскоязычных биатлонных метафор, не имеющие англоязычных аналогов: *(Цветков долго выцеливает) «Неужели и к нему пришел, как к Гараничеву в прошлом году,* ***шведский стояк****»; «Последний выстрел* ***захромал*** *у Иннерхофер»; «Не самая удачная стрельба едва* ***не похоронила*** *российские* ***надежды на медаль****»; «Возможностей* ***попасть в призы*** *у украинских биатлонистов сегодня вовсе не было».*

Выявленные нами сферы метафорической проекции при построении спортивных метафор позволяют фиксировать три области экспансии образов для метафорической характеристики спортивных сюжетов и реалий: человек в его социальном бытии, мир артефактов и природа. Обнаруженные отличия доминирующих сфер отсылочных образов в русско- и англоязычной спортивной

риторике формируют актуальность дальнейшего исследования особенностей структуры и семантики спортивных метафор в разных языках на более репрезентативном и объемном материале. Подобная исследовательская практика, можно полагать, способна выявить лингвокультурные различия скрытых чувственных, аффективных и зачастую неосознаваемых установок сознания, которые выступают социальными и духовными регулятивами человеческой активности и отношения к деятельности.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева — М. : Сов. Энциклопедия, 1990.— С. 136–137.

2. Ван Дейк, Т. А. К определению дискурса [Электронный ресурс] / Т. А. Ван Дейк.— Режим доступа : http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/vandijk2.html.

3. Кириллова, Ю. Н. Спортивная концептуальная метафора в современном немецкоязычном дискурсе СМИ : авторф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Ю. Н. Кириллова.— Барнаул, 2011.— 22 с.

4. Кубрякова, Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Е. С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность.— М. : РАН ИНИОН, 2000.— С. 7–25.

5. Малышева, Е. Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование [Электронный ресурс] / Е. Г. Малышева // Электронная библиотека.— Режим доступа : http://modernlib.ru/books/e_g_malisheva/russkiy_sportivniy_diskurs_lingvokognitivnoe_ issledovanie/read_1.

6. Снятков, К. В. Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса : автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.0пп2.01.— Череповец, 2008.

Т. А. Топоркова
Тюмень, Тюменский государственный университет

Информационное сопровождение межкультурных коммуникаций в сфере спорта: реалии и перспективы (на примере чемпионата мира по зимнему плаванию 2016 г.)

С 8 по 12 марта в Тюмени проходил чемпионат мира по зимнему плаванию. Соревнования такого уровня до сих пор в России не проводились, и средства массовой информации имели возмож-

ность всестороннего освещения этого события. С точки зрения медиа-менеджмента, информация о «моржах» хорошо продаётся как аудитории, так и рекламодателям: экстремальный вид спорта, колоритные герои, национальное превосходство. Оптимальный вариант такого информационного сопровождения — видеоформат: новостные сюжеты, репортажи, зарисовки, ролики. Добротная телевизионная программа с прямыми включениями, интервью на разных языках, комментариями и эмоциями могла бы стать идеальным примером исполнения всех социальных функций, возложенных на современное ТВ. Согласно классификации Г. В. Кузнецова [1, с. 36], органичное сочетание оных уже не просто задача, а сверхзадача тележурналиста.

В нашей «гипотетической передаче», безусловно, доминируют основные социальные функции. **Информационная:** подготовка к чемпионату, строительство бассейна на Туре, тренировки местных «моржей», количество стран (42) и участников (1500), подбор волонтеров, ход соревнований, знакомство с участниками, шоу и развлечения для гостей, убедительная победа российских спортсменов и церемония награждения — это далеко не полный ряд событий и фактов, достойных освещения.

Культурно-просветительская функция: самых взыскательных зрителей наверняка заинтересовали бы национальные особенности этого вида спорта, его исторические корни. Организаторы чемпионата подготовили интересную культурную программу, экскурсии по памятным местам Тюмени, участники соревнований охотно рассказывали о себе, своих национальных традициях. Отдельной темой для передачи могли бы стать экзотические наряды веселых «моржей» и «тюленей», их спортивные принадлежности.

Интегративная функция. В истории с чемпионатом мира по зимнему плаванию она представляется едва ли не самой важной в условиях обострения отношений России с рядом европейских стран. Такой атмосферы дружбы и доверительности, какая царила на берегах Туры, давно не отображалось на телевизионных экранах. В зимнем плавании нет жесткой спортивной конкуренции, испытание ледяной водой объединяет людей, и демонстрация этих отношений стала бы удачным примером **социально-педагогической функции**, способствующей укреплению дружбы и взаимопонимания между народами. В нашем конкретном случае телевидение просто обязано исполнять миротворческую миссию.

Организаторская функция состоит уже в подготовке к чемпионату, когда сам факт информационного сопровождения повышает статус мероприятия. Вполне ожидаемым результатом может стать «моржовый ажиотаж», когда резко увеличится число желающих заниматься зимним плаванием.

И это далеко не полный перечень возможностей телевизионного дискурса при освещении данного события. С точки зрения коммерции это был бы выгодный проект, рекламоемкий, без затрат на организацию самого мероприятия.

Региональное телевидение реализовало эти возможности в полном объеме, осуществляя on-line трансляцию по кабельным каналам, подробно освещая официальные мероприятия чемпионата. Совокупный продукт работы местных телекомпаний — более тридцати сюжетов и репортажей в программах новостей, аналитические программы, зарисовки, актуальные интервью. Безусловным лидером в этом ряду является телекомпания «Ладья», сотрудники которой нашли оригинальные формы подачи информации и сами принимали участие в заплывах. В целом же картина удивительного праздника, весёлого братания всех наций в ледяной воде не в полной мере была отражена на экранах провинциального ТВ. Приверженность форматам помешала журналистам ГТРК «Регион-Тюмень» заменить официальные интервью разноязычными лайфами, «подсмотреть» за «моржами» в парилках или раздевалках. Выбор интервьюируемых был сведён к минимуму: самый главный организатор, самый старый участник, председатель международной федерации аквайс-спорта. Мало было людей, простого общения, за кадром остались работа волонтёров, гостеприимные горожане, экскурсии по памятным местам Тюмени. В качестве оправдания этих недостатков можно сформулировать гипотезу: неординарное событие не умещается в телевизионные стандарты. Тем не менее, работа местных телекомпаний соответствовала уровню события. Вот именно уровню, потому что для соответствия статусу нужен совсем другой ареал распространения.

Напомним, что речь идёт о чемпионате мира, который впервые проходил в России. Следовательно, это тема для федеральных каналов, где так не хватает позитивных новостей, где культивируется «новый тип» недоверительных отношений с Европой и Америкой. В качестве аргументов «за» освещение ЧМ на федеральных

каналах вспомним, что не так часто они радуют своего телезрителя сообщениями о спортивных победах.

В нашем случае отрыв российских «моржей» от финских «тюленей» в медальном зачете составлял 263 против 46. Чем не повод для патриотической инъекции?

Но федеральные каналы дружно проигнорировали это событие, за исключением двух эпизодов. 18 марта в программе «Вечерний Ургант» на «Первом» канале был представлен сюжет Аллы Михеевой о чемпионате мира по зимнему плаванию. С присущим автору юмором там демонстрировались самые забавные моменты соревнований, короткие интервью, состоящие из одних междометий, ну и сама Алла Михеева предстала в купальном костюме. Второй эпизод — на канале «НТВ» в разделе происшествий был показан сюжет о чрезвычайном событии — во время огненного шоу, которое устроили для участников соревнования по зимнему плаванию в Тюмени, у клоуна загорелся костюм! Некачественное видео с мобильного телефона, отсутствие проверенных фактов — до нужного уровня сюжет вытягивает трагическая интонация закадрового текста. На каналах ВГТРК «Россия», имеющей, кстати, свой корпункт в данном регионе, эта тема не освещалась… Единственной телекомпанией, командировавшей в Тюмень съемочную группу, была «Life News». Но так или иначе — шанс упущен, удачный и конструктивный пример межкультурной коммуникации не получил должного информационного сопровождения на федеральных каналах.

Почему? Не имея возможности задать такой вопрос руководству региональных каналов, мы адресовали его студентам, специализирующимся по профилю «телевизионная журналистика». Имея некоторое представление о телевизионном производстве, они предложили разные варианты ответов:

1. Федеральные каналы предпочитают наращивать рейтинги на негативной информации — 42 %.

2. Этот вид спорта не входит в программу олимпийских игр, а также в реестр спортивных состязаний, финансируемых государством — 27 %.

3. Добрососедские отношения с европейскими странами не вписываются в нашу доктрину патриотического воспитания — 21 %.

Пункт первый трудно оспорить, действительно, в программах новостей на этих каналах преобладает негативная информация.

Можно лишь возразить, что такой контент не отражает реальную картину жизни и что государственное телевидение не должно работать под девизом старухи Шапокляк: х «Хорошими делами прославиться нельзя!».

Второй аргумент не выдерживает критики хотя бы потому, что на канале «Матч ТВ», где не нашлось места для зимнего плавания, представлены такие совсем не олимпийские виды спорта, как рыбная ловля или многопрофильные единоборства. Что касается третьего пункта, то он вызывает серьёзные опасения. Не на пустом же месте вдумчивые зрители сделали такое заключение… И если есть в этом предположении хоть доля истины, то вполне обоснованными выглядят современные предпочтения телезрителя, его массовый исход в Интернет.

В Интернете информация о чемпионате была представлена достаточно широко: сюжеты новостей из разных стран и российских городов, ролики, фрагменты состязаний, записи прямых трансляций, любительские и профессиональные фильмы. Уже на второй день соревнований по результатам просмотров было зафиксировано пять тысяч обращений из 189 городов и 32 стран мира. Самым популярным форматом Интернета остается **видеоролик**: «Видеоклип, видеоролик или просто клип (от англ. clip) непродолжительная по времени художественно составленная последовательность кадров. Видеоклипы часто применяются для рекламы товаров и услуг и для визуального сопровождения» [2].

Наибольшее число просмотров набрал ролик английского спортсмена, снятый на любительскую камеру. Преобладание такого видео, в том числе в сюжетах авторитетных телекомпаний (RT Espanol, Башку БСТ и др.), передает атмосферу непринужденности, неофициальности происходящего. Шумовой фон, колебания камеры, наивные комментарии упрощают восприятие, вызывают доверие зрителей. Короткие синхроны, реплики, восклицания сопровождают галерею лиц, много круп- ных планов — это реальное отражение происходящего, жизнь без ретуши. Справедливости ради надо отметить, что негатив- ной информации в 24-х отсмотренных роликах обнаружить не удалось.

Еще одним популярным форматом Интернета является **видеоблог**. «Видеобло́г, сокращённо влог (англ. vlog) — это форма

блога, в котором мультимедийной средой является видео. Видеоблог является формой подачи контента (веб-телевидения). Записи в видеоблогах (влогах) сочетают в себе видео с поддержкой текста, изображений и других данных» [2].

Буквально на второй день чемпионата в сети появился видеоматериал Данилы Герасимова, белгородского «моржа», в котором он очень обстоятельно рассказывает о своём приезде в Тюмень и подготовке к заплывам. Прилет в аэропорт Рощино, ночные поиски хостела, прогулка по городу, регистрация на заплывы, обед в наркомовской столовке, первые знакомства с «тюленями» и «белыми медведями», церемония открытия — такой пошаговый рассказ с иллюстрациями трудно соотнести с теорией жанров. Что-то вроде путевых заметок, но в данном случае автор — не сторонний наблюдатель, его собеседники полностью ему доверяют, в их общении нет обычной теледистанции. Хорошее знание английского языка помогает автору познакомиться со многими участниками, передать зрителю общее настроение подъема и взаимной симпатии. Заданный качественный уровень влогер выдерживает во всех своих хрониках, освещая каждый день чемпионата. Несмотря на солидный объем — хронометраж до 30 минут — все работы Данилы Герасимова смотрятся с интересом и продолжают набирать число просмотров.

Подводя общий итог, осмелимся предположить, что именно в Интернете чемпионат мира по зимнему плаванию получил достоверное отображение, и лучшие из этих работ сделаны любителями. И приходим к выводу, что на телевидении осуществить должным образом информационное сопровождение межкультурной коммуникации помешал… формат. Если рассматривать **формат** как «формулировку общественной миссии, принципы отбора материала для опубликования» [3, с. 109] то предположение о доктрине патриотического воспитания на федеральных каналах выглядит вполне правдоподобно. Если согласиться, что формат — это стандарт вещания [3, с. 110], то легко выявить общие требования к сюжетам новостей в региональных телекомпаниях, а в их числе — ограничения по времени, по числу синхронов, по набору кадров и пр. Похоже, что межкультурные коммуникации не укладываются в телевизионные форматы, и это далеко не первый случай, когда телевидение проигрывает Интернету.

Литература

1. Кузнецов, Г. В. Телевизионная журналистика: классический университетский учебник / Г. В. Кузнецов, В. Л. Цвик, А. Я. Юровский. — 5-е изд.— М. : МГУ, Наука, 2005.

2. Википедия — свободная энциклопедия [Электронный ресурс].— Режим доступа : http: // ru. wikipedia.org.

3. Лозовский, Б. Н. Журналистика : краткий словарь / Б. Н. Лозовский — Тюмень, 2004.

4. Библиотека международной спортивной информации [Электронный ресурс].— Режим доступа : http://bmsi.ru.

Э. А. Усовская
Минск, Белорусский государственный университет

Глокализация как модель адаптации национальных культур к глобализации

Исследование проблемы адаптации национальных культур к глобализации диктует необходимость уточнения содержания терминов «глобализация» и «глокализация».

Несмотря на то, что понятие глобализации приобрело устойчивый характер, оно по-прежнему требует научной атрибуции. Это связано с многоаспектностью и многоуровневостью глобализации как системного явления. Неслучайно поэтому немецкий социолог У. Бек предлагает разграничить понятия «глобализация», «глобальность» и «глобализм». Ученый определяет глобализацию как «процессы, в которых национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных акторов и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности» [1]. Это значит, что политический и национальный суверенитет и границы государств размываются, подчиняясь международным политическим субъектам, которые являются наднациональными по содержанию.

«Глобальность», по мнению У. Бека, указывает на взаимосвязь и взаимозависимость государств и цивилизаций друг от друга, более того, результаты человеческой деятельности не имеют ограниченного, локального характера: политическое, социальное, экологическое, экономическое действие имеет, как правило, следствие всеохватывающего характера: «Отныне все, что происходит

на нашей планете, несводимо к локальному, ограниченному событию, что все изобретения, победы и катастрофы касаются всего мира и что мы должны нашу жизнь и наши действия, наши организации и институции подвергнуть реориентации и реорганизации в соответствии с осью «локальное — глобальное» [1, с. 24].

Под глобализмом понимается неолиберальная идеология господства мирового рынка. Глобализм рассматривается У. Беком в качестве продолжения экономической вестернизации как одного из постулатов неолиберализма.

На уровне массового сознания глобализация чаще всего воспринимается в единстве глобализма и глобальности. Впрочем, сложность процессов глобализации и в научном мире, и в социально-политической и культурологической теории и практике позволяет выделить целый ряд подходов в понимании глобализации и ее аспектов. Феномен глобализации рассматривается чаще всего как тенденция мировой истории, имеющая циклический характер; в качестве этапа развития Западной цивилизации, экстраполирующей выработанную техногенную модель генезиса и функционирования на другие регионы земного шара; а также как процесс формирования общего для различных культурных и цивилизационных форм фундамента развития, основанного на универсальных для человечества ценностях.

Наиболее приемлемой оказывается третья трактовка, которая может быть обозначена как мегатенденция к «объединению человечества, воплощенная в диалектике пространственно-временных перемещений, взаимодействий и трансформаций антропосоциальных (т.е. культурно и политически связанных) целостностей» [2, с. 6]. Подобное понимание глобализации не означает унификации национальных культур или размывания их идентичности (хотя такая угроза вполне реальна): предполагается позитивное, основанное на диалоге, межкультурное взаимодействие, создание совместных механизмов социокультурного, политического, экономического бытия, включающих социально-исторический опыт различных национально-этнических образований. Однако в настоящее время такое понимание глобализации выглядит, скорее, как желание, идеалистическое по содержанию, чем реальное положение вещей. Ряд исследователей полагают, что глобализация есть продолжение экспансии ценностей, экономических, политических, социальных норм и правил так называемого «золотого мил-

лиарда». Это значит, что всегда существует группа стран, которая продуцирует собственное видение стратегии и модели развития мира (в настоящее время это уже не только так называемый Запад, но и группы стран, относящиеся к другим цивилизационным типам). Данная позиция продолжает концепцию И. Валлерстайна, согласно которой под правила игры «стран-боссов» вынуждены всегда подстраиваться другие государства, встраивающие систему управления, ценности и т.д. в структуру господствующих стран. Какую бы позицию, версию в отношении понимания глобализации мы ни выбрали, в любом случае глобализация — реалия, диктующая некую общую конфигурацию развития человечества, которая в определенной степени стирает границы между странами и культурами, а также инициирует потерю идентичности государствами, не являющимися стержневыми, подстраивающимися под доминирующие культуры-страны-цивилизации.

Последние два десятилетия продемонстрировали, что развитие человеческой цивилизации намного сложнее, чем его сведение к глобализации. На фоне универсализации-глобализации и интеграции разыгрывается сценарий дезинтеграции и сепаратизма. Возможно, он является следствием мучительной выработки тех самых общечеловеческих ценностей на основе культурных моделей различных цивилизаций и стран. То есть глобализация сегодня не идентична вестернизации, а представляет собой очень сложный процесс формирования консесусного формата отношений и ценностей общепланетарного масштаба. Всеобщий и всеохватывающий характер глобализации как продолжение ценностно-культурной стратегии развития так называемого Запада в настоящее время подвергается сомнению. Возможно, некогда западная версия и была актуальна для незападных стран, цивилизаций и культур и стала слыть синонимом глобализации. Но уже достаточно давно о себе заявили Япония и Китай, ОАЭ и другие страны, многие из которых подчеркивают и объясняют собственные успехи отнюдь не копированием западной модели, а следованию собственным традициям. Показательна в этом плане позиция японских бизнесменов и менеджеров, которые включаются в интернациональное бизнес-пространство: в ответ на процесс интернационализации японцы больше других стараются учитывать особенности местных национальных традиций. Как известно, они не первые заметили, что будучи «в Риме, поступай, как поступают

римляне». Но на практике следуют этому правилу строже, чем западные бизнесмены. Более того, японцы несколько изменили эту позицию: «Будучи в Риме, постигай поведение римлян и таким образом становись еще больше японцем» [3, с. 14].

Дискуссионными остаются и вопросы, касающиеся вариантов глобализации: существуют ли национальные, цивилизационные модели глобализации? Можно ли их, в таком случае, рассматривать в качестве результатов адаптации к глобализации — глокализации?

Глокализация чаще всего рассматривается как местный, локальный вариант восприятия культурами глобализации. Возникновение термина связывают с обозначением в японском маркетинге процесса и результата адаптации глобального товара к конкретному локальному рынку. Научная атрибуция принадлежит американо-британскому исследователю Р. Робертсону. Основной вывод, к которому он пришел, заключается в следующем утверждении — глобальные тенденции в сфере культуры видоизменяются под влиянием локального контекста; одновременно с этим местные культурные ценности и модели поведения также переосмысливаются в масштабе глобального мира: глобальные и локальные тенденции «в конечном счете взаимодополняемы и взаимопроникают друг в друга, хотя в конкретных ситуациях могут прийти в столкновение» [4]. Глокализация, таким образом, не сводится к процессу сохранения культурой своих местных особенностей, а в идеале представляет собой диалектическое единство национального и глобализационного.

Итак, глокализация есть процесс адаптации государства и национальных культур к глобализации. Результаты и цели глокализации находят выражение в разных формах. Наиболее полная их картина была дана Л. Кирьяновой (она использует термин «локальные реакции на глобальный вызов), которой удалось на основе исследований Дж. Берри, Ч. Кукатоса выделить следующие из них [5]:

– максимальная открытость и некритичность локальной культуры по отношению к действию глобальных потоков и институтов (пример — страны Африки, не обладающие достаточно мощной историко-культурной традицией и политическими амбициями для выражения сопротивления глобализации по сценарию вестернизации, хотя даже в данном случае мы могли бы апеллировать к, скажем, сомалийскому пиратству);

– сосуществование локальной культуры с глобальными культурными формами без какого-либо значимого взаимовлияния и интеграции (пример — «управляемая глобализация» в Китае);

– адаптация и трансформация глобальных потоков в результате сильной локальной реакции (пример — Россия, следующая видоизмененному западному пути «капитализма и демократии по-русски»);

– защита локальной культуры от глобализационных процессов, борьба и отрицание (наиболее яркий пример в данном случае — Северная Корея);

– регионализация (пример — Европейский Союз, который представляет собой воплощение проекта наднациональной интеграции и в котором достаточно органично сочетаются национальная и региональная европейские типы идентичности).

На наш взгляд, многообразие глокализационных форм можно представить следующим образом: изоляция, ассимиляция, регионализация. Наиболее распространенной формой в настоящее время в европейском культурно-геополитическом пространтсве является регионализация.

Новая регионализация началась еще в период формирования постиндустриального общества и усилилась благодаря появлению Интернет-сети и информационного этапа развития цивилизации.

Выбор государствами стратегии самоизоляции вряд ли обеспечит им возможность достичь более или менее высокого уровня социально-экономического развития и иметь какой-либо вес в решении международных проблем. Поэтому логичным является образование новых регионов как результата глокализационных процессов. Как полагает ряд аналитиков, «глокализация сменяет прежнее геополитическое соперничество централизованных национальных государств сетевой геоэкономической конкуренцией и прямым геокультурным обменом между различными регионами» [6]. Добавим, что появление так называемых новых регионов вызвано не только геополитическими трендами в мире, но и изменением ценностно-культурных, даже цивилизационных парадигм. Регионализация как глокализация формирует новую конфигурацию цивилизаций. Это значит, что тот или иной регион образуют государства близкие не только по геополитическому положению, но и имеющие между собой ценностно-культурное сходство.

В этой ситуации достаточно остро стоит проблема сохранения национально-культурной идентичности государствами, входящими в определенный регион. Если страны объединяются на основе вырабатываемых так называемых совместных, или разделяемых, ценностей, то это может свидетельствовать о приверженности к ценностно-культурному суверенитету этими государствами. Впрочем, скорее всего, апелляция к совместным ценностям, необходимость экономической интеграции вызовут взаимную диффузию моделей и ценностей и приведут к гибридизации культур. Однако, как правило, регионализация происходит вокруг так называемых стержневых стран и культур, обладающих высоким уровнем развития и потенциалом ресурсов — человеческих и природных. Одним из таких государств является, например, Германия. Следствием доминирующего влияния стержневой культуры может быть и ассимиляция. Возможность ассимиляции культуры зависит и от уровня сложившегося в ней национально-культурного единства и качества общих ценностей. Низкий уровень национальной идентичности — угроза растворения для подобных культур в ментально-культурном поле стержневых культур.

Процесс регионализации диктует перед страной и ее культурой необходимость выбора региона и нередко типа цивилизационного пути, по которому ей следует идти. Сегодня он осложняется мультикультурным характером палитры государства, усилившемся в последние десятилетия.

В свое время перед таким выбором предстали многие республики бывшего СССР. Если для стран Прибалтики — Литвы, Латвии, Эстонии — он оказался очевидным, то, например, для Беларуси и особенно для Украины — достаточно сложным. Вектор цивилизационно-регионального развития касался оппозиции «или — или»: Россия или Европа (Запад). Возможное историческое тяготение Беларуси к Европе (большую часть своей истории Беларусь входила в культурно-ментальное поле европейской цивилизации) было заменено на уже привычное единство с Россией. Подобный выбор объясним и историческими причинами (русификация Беларуси в составе Российской империи и, в целом, в СССР), слабо выраженной ментально-национальной константой и экономическими проблемами. Тем не менее, как нам представляется, вопрос о дальнейшем региональном «маршруте» Беларуси остается открытым.

Выбор страной и культурой определенного региона может сопровождаться серьезными конфликтами. Это связано чаще всего с тем, что сама страна представляет собой совокупность регионов, одни их которых тяготеют к некой «восточной» культурно-цивилизационной модели, другие — к так называемой «западной», или каким-либо другим сценариям. Возможно, именно поэтому ситуация в Украине и вокруг Украины оказалась сегодня столь непростой.

Литература

1. Бек, У. Что такое глобализация? / У. Бек — М. : Прогресс-Традиция, 2001.

2. Гранин, Ю. Д. Глобализация или вестернизация? / Ю. Д. Гранин // Вопросы философии. — 2008.— № 2.— С. 5–15.

3. Тромпенаарс, Ф. 4 типа корпоративной культуры / Ф. Тромпенаарс, Ч. Хэмпден-Тёрнер.— Минск, 2012.

4. Robertson, R. Globalization: Social Theory and Global Culture (Theory, Culture & Society Series) / R. Robertson.— London, 1992.

5. Кирьянова, Л. Г. Общество в контексте глобально-локальных отношений / Л. Г. Кирьянова.— Томск, 2007.

6. Понарина, Н. Н. Глокализация: общий вектор развития XXI в. [Электронный ресурс] / Н. Н. Понарина. — Режим доступа : http://irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe? C21COM.

М. А. Черкас
Минск, Белорусский государственный университет

Значение лингвострановедения в процессе обучения немецкому языку

Современные подходы к обучению иностранным языкам все больший акцент ставят на непрерывность обучения языку и культуры. На необходимость изучения языка как способа интерпретации человеческой культуры указал более полувека назад Л. Ельмслев в своих «Пролегоменах к теории языка»: «Язык, рассматриваемый как знаковая система и как устойчивое образование, используется как ключ к системе человеческой мысли, к природе человеческой психики. Рассматриваемый как индивидуальное социальное учреждение язык служит для характеристи-

ки нации» [1, с. 132]. Обучение в рамках такого подхода должно идти в русле диалога культур с опорой на лингвострановедческие знания обучаемых. Именно поэтому лингвострановедческое направление в преподавании немецкого языка в первую очередь преследует цель обеспечить межкультурное общение и взаимодействие между партнёрами. Знакомясь с новой культурой, обучающийся в конечном итоге, с одной стороны, лучше постигает собственное культурное окружение и, с другой стороны, лучше познаёт как многообразие, так и общность всего человечества. «Человек не просто овладевает кругом языковых значений. Он овладевает ими, осваивая ту систему идей, взглядов, которые они выражают» [2, с. 327].

Знания о стране этнического, социального, культурного характера обеспечивают устойчивый интерес к изучению языка. Лингвострановедческие знания способствуют становлению коммуникативных умений в разных сферах общения. Усвоение разносторонней информации о стране изучаемого языка помогает адекватному восприятию студентами иноязычной действительности. В процессе овладения немецким языком идёт постепенное накопление информации о стране, происходит постижение процессов, явлений, характерных черт, особенностей иноязычной действительности, культуры носителей языка. Для передачи этносоциокультурной информации очень важны такие языковые единицы с национально-культурным компонентом семантики, как безэквивалентная лексика, не имеющая эквивалента в русском языке и находящаяся за пределами формальной системы языковых явлений, например: Studentenwerk, Nikolaustag, Rigorosum, Fachhochschule, Numerus clausus, Eintopf, Bundesausbild ungsförderungsgesetz (Bafög), Richtfest, Disputation, Osterhase и т.д. Безэквивалентная лексика, как правило, вызывает наибольшие затруднения при изучении немецкого языка, поскольку называет понятия, не существующие в русском языке и культуре. Такая лексика требует особого подхода, пояснения, поскольку её понимание связано с пониманием той содержательной информации, которая «стоит» за безэквивалентным словом и на уровне лексического понятия, и на уровне лексического фона.

В практике часто используется традиционный способ однозначного перевода: от лексической единицы немецкого языка к русскому эквиваленту. Такой способ семантизации далеко не

универсален из-за часто встречающейся ассиметрии лексических единиц двух языков, вытекающей из содержательной многозначности слов, из специфики культурных компонентов, отражающих особенности народа и страны изучаемого языка.

Такого рода семантизация не даёт полного представления о содержательной стороне лексической единицы. Семантизация безэквивалентной лексики требует более основательных знаний о лексической единице, её лингвострановедческих фоновых характеристиках, которые можно приобрести на основании изучения быта, культуры народа — носителя языка.

Усвоение безэквивалентной лексики позволяет максимально приблизить изучающих немецкий язык к реалиям страны изучаемого языка, чтобы сформировать у студентов правильное и объективное представление о политических, культурных и социальных условиях жизни народа, язык которого является объектом изучения, поддерживать интерес к жизни народа, к достижениям в области науки, культуры, техники.

Лингвострановедческое комментирование безэквивалентной лексики во многом способствует развитию положительной мотивации изучения немецкого языка.

Лингвострановедческими знаниями должен владеть преподаватель немецкого языка, так как без этих знаний невозможно успешно осуществлять семантизацию безэквивалентной лексики. Практика показывает, что приобретению лингвострановедческой компетенции следует уделять больше внимания, так как это является важным фактором развития его профессиональной компетенции.

Языковые единицы, семантика которых включает национально-культурный компонент, являются специфическим языковым материалом, служащим основным объектом лингвострановедческой работы на занятиях по немецкому языку. Лингвострановедческими объектами являются и этикетно-узуальные фразы, используемые в стандартных и стандартизированных ситуациях общения.

Лингвострановедческий материал помогает студентам лучше представить иноязычную действительность, позволяет предупредить трудности, которые могут возникнуть у них при восприятии культуры вследствие действия социокультурной интерференции. Отражая естественную языковую среду, такой материал созда-

ёт и поддерживает мотивацию учения. Ознакомление студентов с иноязычной действительностью на занятиях немецкого языка происходит на основе совокупности страноведческих сведений, заключённых в учебных материалах и используемых в учебном процессе.

Лингвострановедение отражает типичные явления (процессы, события) жизни народа. В реальной коммуникации темы не связаны однозначно и жёстко с той или иной сферой общения. Одна и та же тема может определять содержательный план речи в ситуациях разных коммуникативных сфер. Поэтому лингвострановедческая информация одной темы может распределяться по учебным ситуациям, соотносимым с разными сферами общения, находя своё отражение в устных и письменных формах речи. Реализация лингвострановедческой темы обеспечивается языковым материалом, отобранным с учётом его функционирования в сферах общения, минимизированным в соответствии с этапом обучения, ориентированным на тот или иной вид речевой деятельности. Из всех сведений о стране изучаемого языка следует отобрать тот минимум, который может быть освоен в ограниченный период обучения и который позволяет выполнять функцию коммуникации. В процессе обучения должны рассматриваться те элементы культуры, которые имеют наиболее распространенный общий характер. Репрезентативность всех указанных экстралингвистических единиц и уровень их информационной насыщенности находятся в прямой зависимости от коммуникативных потребностей, познавательных и эстетических запросов студентов.

Каждый язык теснейшим образом связан с культурой, которую он обслуживает. Именно поэтому в реальной ситуации общения с носителем языка иногда возникает «культурный барьер» даже при условии грамматически правильной речи. Он связан с реалиями в нормах речевого поведения, жестах, с различными значениями, вкладываемыми участниками общения, казалось бы, в одни и те же слова, т. е. с неадекватными фоновыми лингвострановедческими знаниями участников общения. Сведения, являющиеся неадекватными, обычно называются стереотипами. Стереотипы возникают на основе полуправды, закрепляющейся в сознании определённой национальной или социальной общности.

Типичной для стереотипов является та личность, с какой большинство из нас прибегает к обобщениям, едва заходит речь об особенностях той или иной национальной или этнической группы. Как правило, не задумываясь о происхождении подобной «информации», её истинности, правдивости или хотя бы правдоподобии. Немногие понимают, насколько существенно влияние стереотипов на наши представления о людях другой национальности.

Лингвострановедческая компетенция, наряду с лингвистической, создаёт основу для становления и развития коммуникативной компетенции студентов. Усвоенные знания способствуют нормативному речевому поведению в ситуациях общения, адекватности восприятия услышанного, прочитанного, написанного.

Естественно, что само понятие минимума лингвострановедческих знаний должно определяться в зависимости от страноведческого тезауруса студентов. Их запас сведений о стране изучаемого языка, как правило, не очень велик. Эти сведения нуждаются в дополнении, уточнении и такой их организации, чтобы представляли собой некий единый информационный массив, который и будет представлять лингвострановедческий минимум. Обучение на продвинутом и завершающем этапах характеризуется расширением сфер коммуникативной, познавательной, эстетической деятельности обучаемых, включением их в новые ситуации общения, увеличением объёма усваиваемой страноведческой информации. В работу вовлекаются не только номинативные единицы с национально-культурным компонентом семантики, но и страноведческие ценные реляционные единицы языка, а также слова с межъязыковыми понятиями, приобретающие страноведческие коннотации в публицистических текстах.

Лингвострановедение является составной частью преподавания немецкого языка и реализуется не самостоятельно, а во всех формах учебного процесса с учётом целей изучения языка и межкультурной коммуникации.

Литература

1. Ельмслев, Л. Пролегомены к теории языка / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике.— М., 1960.— Вып. № 1.— С. 131–256.

2. Леонтьев, А. Н. Проблема развития психики / А. Н. Леонтьев.— М., 1959.

Д. Шайбакова, Г. Амангельдиева
Алматы, Казахский национальный педагогический
университет имени Абая

Культурная интеркаляция в билингвальной коммуникации в Казахстане

В ситуации перманентного влияния контактов равноправных языков и культур, которую мы наблюдаем в Казахстане, Белоруссии, мы отмечаем их взаимное, а не одностороннее влияние. В Казахстане сейчас, в отличие от советского времени, более заметным становится воздействие казахской культуры и казахского языка на русский язык. В советское время достаточно хорошо были описаны языковые контакты, однако особенность того описания заключалась в том, что внимание уделялось значимости доминантного, т.е. русского языка и его воздействию на систему казахского языка. Обсуждались интерференция в неисконной речи, вопросы национально-русского двуязычия (о некорректности этого термина писали многие). Но взаимодействие предполагает и роль другой стороны, а эта сторона вопроса часто оставалась вне поля исследовательских интересов.

Структура билингвальной коммуникации значительно сложнее, чем ее представляют, она характеризуется смешением знаков контактирующих языков и культур. В ее пространстве вырабатываются особые нормы, клише, стереотипы, формируется новая оценочность. Виктор Владимирович Кабакчи, чей взгляд на межкультурную коммуникацию в большей степени лингвистичен, влияние иной культуры квалифицирует как вторичную культурную ориентацию языка [6, с. 12], а элементы чужой культуры — как инолингвокультурный субстрат (ИЛКС) [7, с. 51–70]. Суть в том, что на смену своим символам приходят символы контактной культуры. В этом случае при взаимодействии культур, как и при взаимодействии языков, различают интерференцию и интеркаляцию. Интерференция понимается как отклонение от норм, происходящее вследствие влияния родного языка на второй, а интеркаляция — это влияние второго языка на родной. То же происходит и в сфере культуры. Влияние чужой культуры на родную мы называем, соответственно, культурной интеркаляцией. Если рассматривать чужеродные элементы как некое спорадическое наслоение от-

дельных элементов, то, скорее, они имеют характер суперстрата, а не субстрата, таким образом, р*езультатом интеркаляции является инолингвокультурный суперстрат. Он является знаком иной системы, но он освоен и откорректирован принимающей системой. Распознать это поможет сравнение с нормой.*

Две ситуации возможны в контактах двух культур: сопротивление инородному влиянию и принятие знаков чужой культуры, которое может быть вынужденным и добровольным. Но независимо от этого в точках культурного взаимодействия происходит смена норм или их девиация. Фактор чужой культуры является определяющим в становлении иных коммуникативно-прагматических правил, а также в интерпретации знаков исконной лингвокультуры. Меняются коммуникативные стратегии и тактики, когнитивная база, наполняются новым содержанием концепты, появляются дифференциальные черты в лексике. Семантическая структура слова обогащается благодаря аксиологическим установкам иного культурного сообщества. Так, Е. Свинчукова считает: «Основной стратегией аккультурации русских в Казахстане можно считать интеграцию (в терминах Дж. Берри). Это означает, что данная группа заинтересована в поддержании собственной культуры и в общении с другими группами (а именно — с коренным населением принимающей страны) » [10, с. 5]. Но «казахская культура оказывает влияние на русскоязычных жителей Казахстана, что отмечается в содержании таких образов языкового сознания, как *семья, друг, мир, земля, муж, время, человек, мужчина*» [10, с. 7]. Проведенный Свинчуковой ассоциативный эксперимент показал, что «ассоциативные поля русских — жителей Казахстана ближе к образам языкового сознания казахов, чем ассоциативные поля русских россиян к образам языкового сознания казахов» [10, с. 7]. Несмотря на сильные позиции русского языка в Казахстане и общее с Россией коммуникативное медиапространство, все же дифференциальные черты проявляются. «Восточный» след меняет, прежде всего, коммуникативное поведение, аксиологические установки, ассоциативный тезаурус. Иначе говоря, русский язык в контакте с казахским языком и казахской культурой не идентичен другим его вариантам. Длительное контактирование способствует выработке общего социального культуротипа, но этническая составляющая остается более стабильной.

Любые изменения в языке/лингвокультуре рассматриваются относительно нормы, всякое вторжение извне ее перестра-

ивает, меняет. Брай Качру называет норморазвивающим язык в странах, где он является государственным (добавим, официальным), но в неродном окружении [цит. по: 3, с. 26]. Русский язык в постсоветских странах, не столь заметно дистанцировавшийся от стандарта — языка метрополии, имеет региональные нормы в употреблении и корректирует систему, приспосабливая ее к функционированию в инокультурных условиях, иначе говоря, функционирует как норморазвивающий язык. Существенных изменений в системе языка, конечно, нет, но они есть в употреблении. Выстраиваются иные лексические парадигмы, вследствие чего корректируются значения лексем. Соответственно, это меняет семантическую валентность слов: слова *национализм* и *патриотизм* сейчас становятся синонимами, антонимическая пара национальный и инонациональный утвердилась в казахстанском дискурсе только в таком противопоставлении и семантическом наполнении, тогда как в России представлено иная оппозиция, ср.: *национально-русское двуязычие, национальный и русский вопрос*. Покажем это на следующем примере: «Любовь казаха к казахскому народу, есть казахский национализм и патриотизм; любовь русского к своему, русскому народу, есть русский национализм и патриотизм, но этот национализм и патриотизм казаха и русского основаны на духовности своего народа и становящиеся, как говорил И. Ильин, «…явлениями высокого духа» [5].

Вопрос, важный в лингвоэмигрантологии, приемлем и применительно к ситуации в постсоветских странах. Какие участки языка/лингвокультуры являются универсально слабыми, а какие изменения происходят окказионально, в связи с местной спецификой? Анализ затрудняется тем, что вычленить и структурировать дифференциальные черты довольно трудно. Так, недостаточно исследуются вопросы о том, почему происходят аддитивные заимствования, почему и в каких случаях коррекция коммуникативного поведения осуществляется в пользу «чужого», какие участки лингвокультуры оказываются «слабыми», как в многообразии фактов обнаружить общие закономерности? В лингвоэмигрантологии подобное понимание слабых участков языка демонстрируют М. Я. Гловинская (слабые vs. устойчивые к воздействию чужих языков части системы русского языка) [2, с. 42–59], Е. А. Земская [4]. Приведем примеры слабых участков языка из работы Е. А. Земской: «В области согласных это: смягчение звуков ш, ц,

не имеющих парных мягких; отвердение ч, не имеющего парного твердого; озвончение х, не имеющего парного звонкого. Отмечу также: грассирующее произношение р» [4].

Американская исследовательница М. А. Осипова утверждает, что «Слабой системной категорией оказываются модификационные производные, куда относятся диминутивы и приставочные глаголы. Это производные с *интерпретирующим*, а не *называющим* значением. Устойчивым же ядром системы оказываются мутационные производные, как, например, названия деятеля. Это «называющие» производные. Иными словами, дезинтегрируются производные с вторичными словообразовательными функциями, а проявляют устойчивость образования, реализующие важнейшую функцию словообразования,— номинативную» [цит. по: 4]. Е. А. Земская замечает, что в речи информантов-эмигрантов разных волн модификационная категория уменьшительности-оценочности обнаруживает наибольшую активность [4]. То же наблюдается в билингвальной коммуникации в постсоветском пространстве, где позиции русского языка сильны: категория уменьшительности-оценочности обнаруживает наибольшую активность. Она реализует как называющее, так и интерпретирующее значение. Особенно активно данная категория проявляет себя в названиях лиц. В данной статье мы на примере казахстанской лингвокультуры рассмотрим названия лиц, которые традиционно обозначали высокий статус и связанное с этим почтительное отношение в казахском обществе. Однако в русской речи они приобретают как называющее, так и интерпретирующее значение, часто с негативными коннотациями. Определенную роль играют в этом деминутивы.

Казахские названия лиц в русской речи — это интеркаляция. Но при освоении таких лексем русскими происходит существенная семантическая модификация. Феномен казахской культуры общения, почтительное обращение к старшим становится средством оценочности, языковой игры, иронического обозначения и далее иронической квалификации нарождающихся социокультурных феноменов, обозначенных в русской речи казахскими лексемами, иначе говоря, знак одной культуры наполняется смыслами другой.

Рассмотрим разные случаи освоения казахских лексем.

Называющее значение имеет место тогда, когда:

1) нет альтернативы данному имени (*аким, муфтий, акын*);

2) чужое обозначение лаконичнее, точнее своего. Так, слово бажа воспринято казахстанскими русскими (*бажа* — это муж сестры жены);

3) в речи актуализируются не все значения, т.е. происходит изменение семантической структуры слова. Так, слово *бейшара* в казахском языке означает: 1. бедняга; бедняжка; несчастный; 2. перен. беспомощный; лишенный возможности что-либо сделать [8, с. 146]. В речи русских актуализируются такие значения, как 1) материально бедный человек; 2) неудачник.

Интерпретирующее значение имени отмечаем в следующих случаях:

1. Казахская модель гипокористики (усечения) имен, вежливого обращения, которое содержит указание на статус, возраст, выражает почтение: *Маке* (от Макен), *Саке* (от Сакен). У казахов такое почтительное обращение принято только по отношению к мужчинам. Но русские используют и по отношению к женщине, придавая ей статус, равный статусу мужчины.

Ироническое обозначение лица словом, имеющим в казахском языке положительную семантику. Примером служит лексема «аксакал» (о семантическом объеме слова «аксакал» см: {1, с. 202–203]). Заметим, что в популярном «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, четырехтомном «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой [11] данное слово отсутствует. А в 10-томном толковом словаре казахского языка даны два значения: 1) глава рода, старейшина аула (до революции); 2) старый, уважаемый человек. В современных текстах оно означает не только «старый, уважаемый человек», но и «основоположник, родоначальник». Примеры: «Совет Оспанович, вы, несомненно, являетесь сейчас одним из *аксакалов* казахстанского профсоюзного движения» («Мегаполис»); «Когда только Интернет-газета «Навигатор» становилась на ноги, редакция обратилась к *аксакалу* с тремя вопросами» («Мегаполис»). Но в современных текстах СМИ слово «аксакал» приобретает и негативные коннотации: «академические *аксакалы* отсохли сразу, профессура помоложе безболезненно переквалифицировалась с преподавания политэкономии социализма на менеджмент и маркетинг» («Мегаполис»). «Пока *академические аксакалы* и другие здравомыслящие люди не будут учитывать реальную плотность упаковок и их соответствие критерию оптимальности — все время будут ловить черную кошку в темной комнате»

(форум в Интернете). В таком употреблении предстает значение «косный, невосприимчивый к новому», которого изначально не было в языке-источнике. Данное значение предстает лишь в словосочетании в форме множественного числа *академические аксакалы,* появился новый фразеологизм.

3. Негативную окраску получают слова, обозначавшие прежде почтительное отношение к уважаемым людям: *бастык* (глава), *аким* (мэр, губернатор)**.** Например: «Может у человека с детства призвание — на все руки *бастык*» («Время»); «даже самому бессовестному *бастыку* не хочется оставаться в памяти народа в отвратительном образе взяточника и вора» («Время»); во фразеологическом трансформе — «Конюх *бастыку* не товарищ» («Время»). Для данного имени нет грамматических ограничений в представлении негативных коннотаций, используются формы и единственного, и множественного числа.

4. Эмоциональные концепты реализуются в апеллятивах: обращение *жаным* — «милый», *айналайын* — «дорогой». Но в казахской лингвокультуре «айналайын» — это особый, эндемичный концепт: обращение к дорогому человеку — айналайн, «кружусь вокруг тебя» — подстрочный перевод, «принимаю твои болезни» и «любовь моя» — смысловые переводы. Слово *айналайын*, обозначающее очень сложный нравственный концепт для казахов, используется русскими не совсем в соответствии со значением, а в качестве обращения.

Номинативно-квалифицирующее значение получили имена, ставшие символом, получившие статус прецедентного обозначения. Отметим некоторые типы:

1. Новым ироническим обозначением невежества как явления стало собственное имя *Борат*, стремительно ворвавшееся в казахстанскую коммуникацию с легкой руки известного английского комика Саши Коэна. Борат — это и страна *(«Борат завлекает туристов»* — газета «Время»), и типовая характеристика личности: *«Марат Бисингалиев готов распустить Уральский симфонический оркестр. По его словам, местные бораты препятствуют развитию культуры в Казахстане»* («Время»). Борат становится также символом всего неприглядного в стране.

2. Русские слова представляют символ казахской культуры. Для иллюстрации этого положения в качестве этнолингвистического материала часто привлекаются названия животных. При-

ведем один пример. К козе у казахов отношение отрицательное, считается, что у нее нет прародителей: «кто пасет меня, того я и скотина». Коза может не реагировать на действия других субъектов, нет у нее почтения к другим. Поэтому, когда банальное и обидное обозначение женщины за рулем этим именем — коза — ничего не говорит представителям других культур, в языковом сознании казахстанцев оно ассоциируется с архетипом казахской культуры. Считается, что действия женщины-водителя продиктованы только соображениями собственного удобства. При этом она не очень реагирует на других участников дорожного движения. Таким образом, коза становится негативным символом непредсказуемого поведения на дороге женщины-водителя. В данном случае интеркаляция приводит к переносу содержания символа из одной лингвокультуры в другую.

3. Грамматическим средством создания коннотаций являются суффиксы. По одной модели образованы формы *агашки* (от *аға* — старший по возрасту или по должности) и *апашки* (от *апа* — обращение к старшей родственнице или старшей по возрасту женщине). Но коннотативное значение лексем сильно различается. Грамматические формы числа существительного *апашка/апашки* не имеют отрицательных коннотаций. Но существительное *агашки* обрастает многочисленными коннотациями в форме множественного числа. В казахстанской прессе, особенно в русскоязычных изданиях, достаточно часто упоминается и обсуждается такое явление как *агашки*. Приведем некоторые примеры: «Казахстанские агашки — тормоз прогресса и рассадник клановой формы правления?» (диалог экспертов); «Агашки оказались тормозом прогресса и рассадником клановой формы правления»; «Агашки как неформальный институт стали неотъемлемой частью политической и экономической жизни Казахстана»; «Агашки теперь рулят»; «Они действуют в интересах самой власти,— говорят участники круглого стола радио Азаттык». В газете «Караван» была опубликована статья «Без агашки ты букашка», в газете «Время» — «Агашки с понятиями». Адвокат Виталий Воронов для своей статьи дал заголовок — «Страна непуганых агашек» («ЦентрАзия»). Частотность в узусе данного словоупотребления дала основания для вывода о появлении нового неформального института *агашек*, что констатируется в русскоязычных СМИ. Оценочность придают грамматические средства — русский суффикс и форма множественного

числа. Форма единственного числа данных существительных не содержит негативных коннотаций, также как не содержат их существительные со значением лиц женского пола. Языковая игра превращает культурный феномен коммуникации в языковой синкретичный знак с новыми негативными коннотациями.

Обратное влияние русского языка (русской культуры) на казахский язык (казахскую культуру) в сфере имен — названий лиц тоже значительно. Оно имеет результатом то, что чужие знаки и символы воспринимаются как свои. При этом причиной может быть отсутствие подобного феномена в иноэтнической, иносоциальной культуре. Символы русской культуры принимаются казахами. Это можно отметить в формировании корпуса прецедентных феноменов: текстов, имен. Таким прецедентным именем для обозначения милицейского работника (в Казахстане — полицейского) стало *Анискин*. Например, заголовок газетной заметки — «Такие анискины нам не нужны». В тексте: «прямо на сельском сходе начальник ДВД Жамбылской области снял с должности участкового» («Время». 13. 02.07). Прецедентное с советских времен имя продолжает оставаться актуальным, перерастая в символ, становится нарицательным. Культурный код советского прошлого является общим для всех. В данном случае нет прецедентного казахского имени для сравнения с работником полиции, хотя можно предположить, что на сельском сходе на юге страны, где находится Жамбылская область, было население казахоязычное, для которого привычнее свои национальные образы. Русские прецедентные имена становятся символами в силу обобщения.

Таким образом, культурная интеркаляция в билингвальной коммуникации проявляется в том, что принимаются знаки чужой культуры, но они приобретают иную интерпретацию, что можно расценивать как девиантное употребление. Девиации почти всегда сопровождают освоение заимствований. В общем, культурная интеркаляция перестраивает коммуникативно-прагматические нормы, затем — речевые, а часть моделей воздействует на систему языка. Нейтральная или позитивная в казахском языке семантика названий лиц, которая в иерархии социокультурных отношений весьма значимы, в русскоязычной коммуникации приобретает иные коннотации, становится средством языковой игры. Через посредство русского языка с такими коннотациями имена возвращаются в казахский язык, происходит реинтеркаля-

ция. Грамматические средства становятся средством выражения прагматического смысла имен — названий лиц мужского пола с высоким социальным статусом: форма множественного числа меняет называющее значение на интерпретирующее.

Литература

1. Ахметжанова, З. К. Казахское слово в русском художественном тексте (обозначения лиц, вокативы и онимы) / З. К. Ахметжанова // Сопоставительное языкознание: казахский и русский языки.— Алматы, 2005.— С. 199–221.

2. Гловинская, М. Я. Язык эмиграции как свидетельство о неустойчивых участках языка метрополии (на материале русского языка) / М. Я. Гловинская // Жизнь языка : сб. ст. к 80-летию М. В. Панова ; отв. ред. С. М. Кузьмина.— М. : Языки славянской культуры, 2001.— С. 42–59.

3. Григорьева, Л. Н., Хруслов, Г. В. Общественные функции языка и функционирование русского языка за рубежом.— М., 1990.— 46 с.

4. Земская, Е. А. Язык русского зарубежья / Е. А. Земская // Русский язык в научном освещении [Электронный ресурс].— № 1.— М., 2001.— С. 114–131.— Режим доступа : http://rulit.org/read/609.

5. Иванов, Н. И. Возрождение русскоязычной литературы в Казахстане / Н. И. Иванов [Электронный ресурс].— Режим доступа : http://www.stihi.ru/2008/09/27/4088.

6. Кабакчи, В. В. Введение в интерлингвокультурологию : учебное пособие / В. В. Кабакчи, Е. В. Белоглазова.— СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2012.— 252 с.

7. Кабакчи, В. В. Типология текста иноязычного описания культуры и инолингвокультурный субстрат / В. В. Кабакчи // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы.— СПб. : СПбГУЭФ, 2007.— С. 51–70.

8. Казахско-русский словарь / под. ред. Р. Г. Сыздыковой, К. Ш. Хусаинова.— Алматы, 2008.— 962 с.

9. Осипова, М. А. Разговорный русский язык иммигрантов в США. Лексика и словообразование. Текст / М. А. Осипова // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением / отв. ред. Т. М. Николаева.— М., 2002.— С. 448–464.

10. Свинчукова, Е. Г. Языковая картина мира русской диаспоры в Казахстане : автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Е. Г. Свинчукова ; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН.— М., 2011.— 18 с.

11. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой.— М. : Русский язык, 1985.

Л. М. Шутяк
Черновцы, Черновицкий государственный университет
имени Юрия Федьковича

Технологии пиара литературного фестиваля как форма межкультурной коммуникации

Сегодня в издательской и литературной сфере Украины существует ряд проблем, среди которых одной из центральных является низкий уровень продвижения книг. Оптимальной платформой для этого нам представляются литературные фестивали и отдельные презентации. В связи с фактическим отсутствием целенаправленной PR-кампании, ориентированной на популяризацию чтения как такового, и надлежащей коммуникации между сферой литературного бизнеса и его аудиторией, издательский рынок в Украине ежегодно пополняется новыми книгами, значительный процент которых так и остается на полках книжных магазинов без доступа к своему потребителю. В результате издательства испытывают существенный ущерб, а общество не получает необходимой информации о книжных новинках и культурных событиях, особенно происходящих в регионах. Поэтому важным теоретическим и практическим вопросом для нынешнего книжного рынка в Украине является анализ состояния и перспектив в сфере продвижения литературы и определение тенденций его развития.

В первые годы независимости, когда в результате различных политических и экономических обстоятельств издательства имели крайне ограниченные возможности оплачивать рекламные услуги, чрезвычайно важную роль должна была играть промоция — «создание популярности книги и автора нерекламными средствами, которая интегрирована в рыночный механизм маркетинга и в конечном итоге направлена на формирование спроса» [1, с. 4]. Среди эффективных способов промоции — публикация рецензий, обзоры, тематические статьи, интервью с автором или издателем в СМИ; книжные обозрение в СМИ; паблисити; презентации книг; авторские встречи с читателями; авторские турне по городам; участие издательства и автора в книжных ярмарках («Книжный Арсенал» в Киеве, «Форум издателей» во Львове); дискуссии; круглые столы; проблемные статьи или тематические передачи с участием авторов или издателей; препринт; литературные конкурсы

и книжные рейтинги; предоставление книги как приза в различных конкурсах, розыгрышах; буктрейлеры, буккроссинг и т.д.

Однако одним из самых эффективных способов пиара книги и чтения в целом являются литературные фестивали. В Украине их количество достоверно определить практически невозможно, так как почти каждый областной центр имеет 1–2 больших или меньших культурно-художественных фестиваля, где есть литературная программа. «Они одновременно имеют также культурно-просветительский характер, который проявляется через ряд событий, происходящих в рамках этих представительских мероприятий, в информировании издателей, авторов, переводчиков, иллюстраторов о новых проектах, книжных новинках; подъеме престижа украинской книги в обществе и формировании «моды» на чтение как альтернативы другим способам свободного времяпрепровождения и т.д.» [3, с. 59].

В нашей статье мы рассмотрим технологии пиара одного из подобных мероприятий — Международного поэтического фестиваля MERIDIAN CZERNOWITZ, который с 2010 года ежегодно проходит в городе Черновцы и служит ярким примером продвижения современной украинской и европейской литературы. Появление подобного события именно в этом городе не случайно. Черновцы по праву считаются «тайной литературной столицей Европы» [4]. Здесь жили и работали такие известные писатели, как Ольга Кобылянская, Юрий Федькович, Роза Ауслендер, Георг Дроздовский, Йозеф Бург, Элизер Штейнберґ, Ицик Мангер, Грегор фон Реццори, Михай Эминеску и, наверное, самый загадочный поэт послевоенной Европы Пауль Целан. Именно в его речи «MERIDIAN», произнесенной в 1960 году при получении литературной премии Георга Бюхнера, «это слово трактуется не просто как географический термин, а как философское понятие, связанное с литературой» [4]. Два года спустя, на вручении другой награды, Пауль Целан о своем родном городе сказал: «Это была местность, где жили люди и книги» [4].

MERIDIAN CZERNOWITZ — это мероприятие, построенное на фундаменте культурного наследия Черновцов, продукт генной и исторической памяти его жителей. Целью фестиваля является возвращение Черновцов на культурную карту Европы и развитие диалога между современными украинскими поэтами и их зарубежными коллегами. В 2010–2015 гг. участниками *MERIDIAN CZERNOWITZ* стали около 300 известных и интересных поэтов из

Германии, Австрии, Швеции, Швейцарии, Польши, Румынии, Израиля, США, Беларуси, Украины и др. Главный участник фестиваля — сам город, где в это время проходят многочисленные поэтические чтения, лекции, дискуссии, презентации книг, поэтические прогулки, музыкально-поэтические и винно-поэтические вечера и театральные перформансы.

Исходя из концепции поэтического фестиваля, его организаторы применяют ряд техник пиара, которые позволяют поддерживать интерес на уровне межкультурной коммуникации. На них обратим внимание более подробно:

1) в инициативную группу фестиваля входят известные украинские и зарубежные писатели, общественные деятели и журналисты, которые активно участвуют в организационных моментах деятельности *MERIDIAN CZERNOWITZ*. Среди них — писатели Юрий Андрухович и Сергей Жадан, диссидент, поэт и радиоведущий Игорь Померанцев, переводчики и литературоведы Петр Рыхло и Марк Белорусец, общественный деятель Иосиф Зисельс и почетный консул Австрии в Черновцах Сергей Осачук. Благодаря их привлечению, фестиваль получает двойную выгоду. С одной стороны, качественный контент, который подкрепляется авторитетами упомянутых лиц, с другой — резонанс в СМИ, поскольку эти члены инициативной группы фестиваля сами по себе являются информационным поводом;

2) основательная разработка рекламной кампании.

Для работы пиар-отдела фестиваля характерно четкое планирование подачи контента — идей и форм рекламных сообщений, касающихся анонсирования. Предварительная программа мероприятий и список участников публикуются в СМИ в виде пресс-релизов и сообщений в социальных сетях за 3–5 месяцев до начала мероприятия. Финальная программа, реклама в СМИ и билборды появляются за месяц-два до начала;

3) коммуникация со СМИ.

Реализуется благодаря налаживанию деловых отношений с представителями медиа, обеспечению постоянной базы медиарассылки, поисков надежных информационных партнеров (около 10), созданию совместных медиапроектов и условий для работы журналистов (гранты на проживание и дорожные расходы), которые призваны популяризировать фестиваль на всеукраинском и международном рынке.

Результатом успешной коммуникации со СМИ на европейском уровне являются следующие показатели. С 2010 по 2015 гг. в СМИ Германии, Швейцарии, Австрии — Frankfurter Allgemeine Zeitung, Berliner Zeitung, Nordwestschweiz, Süddeutsche Zeitung, Deutsche Welle, Der Tagesspiegel и др.— было опубликовано более 30 материалов. Приблизительный охват аудитории — более 10 млн. немецкоязычных читателей (данные для подсчета использованы с официальных сайтов этих СМИ). Оригиналы публикаций размещены на официальном сайте www.meridiancz.com;

4) SMM.

Фестиваль представлен в социальных сетях — Facebook, Вконтакте, Instagram, где ведется активное информирование аудитории о его событиях. В день появляется от 1 до 3 постов с интервалом в 2–4 часа. На странице фестиваля качественная «ава» и кавер-фото, которые четко дают понять, о чем эта страница. Организаторы фестиваля регулярно проводят здесь розыгрыши новых книг, которые издают, и общаются с аудиторией в комментариях и личных сообщениях;

5) полиграфия фестиваля ежегодно имеет стандартный набор. Это афиши, карты фестиваля и флаеры. В *Meridian Czernowitz* хорошо отлаженная сеть сбыта полиграфии, поэтому перед фестивалем и во время проведения информацию о нем можно найти в большинстве черновицких книжных магазинов, кафе и высших учебных заведениях города. Полиграфии свойственна качественная печать и удобный формат. Также там всегда указаны информационные и финансовые партнеры фестиваля, что свидетельствует о соблюдении требований партнерства;

6) обеспечение присутствия в медиа.

Пиар-служба фестиваля активно работает с журналистами региональных и всеукраинских СМИ, что позволяет им иметь большой резонанс в масс-медиа. Ежегодно на фестиваль аккредитируется около 100 журналистов из Украины и 2–3 из-за границы (Германия, Австрия). Интервью с участниками Meridian Czernowitz и репортажи функционируют в информационном пространстве Украины еще в течение месяца-двух после его завершения.

Также фестиваль использует другие средства продвижения: буктрейлеры (короткие видео, которые создают визуальную презентацию книги), видеообращения от известных поэтов и деятелей культуры, платную рекламу в соцсетях и т.д. Так, в 2013 г.

команда фестиваля подготовила четыре буктрейлера на книги известных писателей, которые она выдала (Андрей Любка «Сорок баксів плюс чайові» — 3945 просмотров на Youtube; Оксана Забужко «З мапи книг і людей» — 3843 просмотров на Youtube; Юрий Андрухович «Лексикон інтимних міст»-міні — 1512 просмотров на Youtube; Игорь Померанцев «Czenowitz. Черновцы. Чернівці» — 1054 просмотров на Youtube). Для фестиваля буктрейлер — хороший дополнительный способ промоции, поскольку пиар-служба использовала его таким образом:

– автор и заказчик рекламируют ролик на своих ресурсах — сайтах, официальных страницах в соцсетях, в интервью, на публичных встречах;

– размещение на телевидении;

– размещение в качестве визуального материала на пресс-конференциях, пресс-брифингах и других PR-мероприятиях;

7) книжные проекты.

Важной формой пиара литературного фестиваля являются книжные проекты. *MERIDIAN CZERNOWITZ* не является издательством в традиционном понимании. «У фестиваля нет штата, офиса, производства и складов. Книжные проекты — это, скорее, определенный этап развития поэтического фестиваля» [2]. К каждому из них команда привлекает специалистов, работающих с рукописью автора. *MERIDIAN CZERNOWITZ* выдает только качественные художественные тексты современных авторов. Обычно в течение года публикует пять–семь наименований. Среди них книги на украинском, русском и билингвальные (немецко-украинские) таких авторов, как Юрий Андрухович, Игорь Померанцев, Оксана Забужко, Сергей Жадан, Тарас Прохасько, Юрий Издрик, Милена Финдайз, Нильсен, Андрей Бондарь, Тарас Малкович, Дмитрий Лазуткин, Остап Сливинский, Андрей Любка, Григорий Семенчук, Богдана Матияш, Ирэна Карпа, Екатерина Бабкина;

8) Литературный целановский центр — это «общественное объединение лучших знатоков литературного наследия Буковины и культурного менеджмента города, которое посвящает свою деятельность популяризации мультинациональной и многоязычной литературы Буковины» [5]. Во время IV Международного фестиваля *MERIDIAN CZERNOWITZ* в 2013 г. проект «Литературного целановского центра» был представлен в присутствии послов несколь-

ких зарубежных стран, мэра Черновцов, многочисленных гостей фестиваля и общественности города. Его официальное открытие состоялось 5 сентября 2014 г. *MERIDIAN CZERNOWITZ* Литературный целановский центр призван стать литературным учреждением, формирующим культурный профиль Черновцов и активно влияющим на его представление в литературном мире Европы.

9) мониторинг СМИ и пост-PR.

Пиар-служба регулярно следит за тем, как освещается деятельность фестиваля, и оперативно реагирует на комментарии и замечания, возникающие в аудитории и журналистов. Перед фестивалем и после него ежегодно организуется пресс-конференция в Черновцах, участие в которой принимают организаторы и главные участники. Обычно эти мероприятия посещает около 20 журналистов, в частности, представляющих 5–6 каналов. К событию готовятся 2–3 пресс-релиза, после — пост-релиз.

Благодаря перечисленным технологиям, фестиваль обеспечивает себе постоянное функционирование в информационном пространстве Украины.

В общем, *MERIDIAN CZERNOWITZ* как литературный фестиваль является одним из самых ярких примеров удачного культурного менеджмента и реализации успешных пиар-стратегий в Украине. Благодаря слаженной работе команды, а особенно пиар-отдела, мероприятие пользуется популярностью аудитории (ежегодно в течение трех дней его посещают около 10 000 человек) и диктует моду на качественную украинскую литературу в частности и на художественное творчество вообще.

Литература

1. Ключковська, Г. Книжкова промоція як взаємодія книжкової справи та ЗМІ (засади формування української моделі) : дис. на здоб. вчен. ступ. канд. філ. наук / Галина Ключковська.— Львів, 2000.

2. Книжкові проекти [Электронный ресурс].— Режим доступа : http://www.meridiancz.com/knyzhkovi-proekty.

3. Микитин, Т. І. Книжкові виставки і ярмарки в Украіні у системі пропагування книги та читання / Т. І. Микитин // Поліграфія і видавнича справа.— 2011.— № 2 (54).— С. 59–65.

4. Фестиваль [Электронный ресурс].— Режим доступа : http://www.meridiancz.com/pro-festyval-2.

5. Paul Celan Literaturzentrum [Электронный ресурс].— Режим доступа : http://www.meridiancz.com/paul-celan-literaturzentrum.

Г. М. Юстинская
Минск, Национальный институт образования

Формирование культурологических знаний учащихся на основе компетентностного подхода

В докладе рассматриваются факторы, обусловившие выдвижение новых требований к учителям и учащимся в связи с введением обновленного содержания образования. Сегодня современным учащимся предоставлена возможность получить значительный объем знаний, овладеть универсальными способами познания, мышления и практической деятельности. Автором обосновывается необходимость активизации культурологического развития учащихся как системного, комплексного процесса на основе компетентностного подхода в обучении, а также изучения проблемы формирования комплекса культурологических компетенций/компетентностей у учащихся на уроках литературы.

В 2015 г. в связи с обновлением содержания образования и введением в образовательный процесс профильного обучения и допрофильной подготовки в нормативных документах были выделены наряду с другими виды воспитательных компетенций, которые нацелены на «расширение и углубление знаний учащихся о феномене культуры как системе общечеловеческих и национальных идеалов, традиций, обычаев, ценностей (социальных, духовно-нравственных, художественных), развитие социальных, духовно-нравственных качеств личности и ее гражданской позиции» [2, с. 4].

В настоящее время обновленное содержание литературного образования регламентируется образовательным стандартом по учебному предмету «Русская литература», новыми учебными программами и др. Разрабатываются учебники и учебные пособия нового поколения. В качестве результата учебной деятельности по учебному предмету «Русская литература» в комплексе с иными показателями рассматривается высокий уровень литературной компетентности учащихся.

Отметим, что переосмысление целей, задач, содержания школьного литературного образования осуществляется с учетом культурологического взгляда на проблемы. В связи с этим целесообразно уточнить характер и структуру культурологических знаний.

Культурологические знания способствуют укреплению у учащихся основ национальных традиций и утверждению толерантности по отношению к другим культурам. Эти знания представляют культуру как целостный феномен и имеют интегративный, междисциплинарный характер. Если предметом гуманитарных знаний является уникальное, неповторимое, связанное с понятием личности, предметом социальных знаний — изучение и анализ закономерностей, определяющих устойчивость и изменения в общественной жизни, то культурологические знания объединяют эти пласты. Предметом культурологических знаний — исследование процессов создания и приобщения к миру абсолютных ценностей; самого общества с точки зрения его способностей к созданию условий для духовного творчества развитой личности; содержания и форм феноменов культуры, их взаимосвязи; культурного контекста исторических явлений и теорий. Объектом исследования выступает культура как исторический социальный опыт людей, закрепленный в традициях и обычаях.

Культура — единая развивающаяся целостная система. Культурологические знания помогают учащимся выявить закономерности развития культуры, определяющие ее специфику как самоценную сферу бытия. Кратко остановимся на наиболее значимых составляющих структуры культурологических знаний.

В рамках теории культуры осмысливаются системы понятий и категорий, при помощи которых описываются культура и ее развитие. Социология культуры нацелена на изучение общественной системы. Историко-культурные исследования базируются на достижениях гуманитарных наук (истории, филологии, литературоведения, искусствоведения, истории религии и др.). Используются новые культурологические подходы: исследования культуры ментальностей (то есть способов восприятия людьми мира, формировавшихся в различных культурах); аспекты лингвистики, семиотики, литературоведения, искусствоведения и эстетики. Культурная антропология уделяет внимание этническим элементам культуры, процессам взаимодействия культур разных народов, изучает особенности языковых и иных средств коммуникации (общения, обмена информацией) в различных культурах. Динамично развивающееся эколого-культурологическое направление изучает отношение различных культур к природной среде. Таким

образом, можно сделать вывод, что система культурологических знаний многоаспектна и находится в постоянном развитии.

Определяя основные идеи компетентностного подхода, ученые-исследователи указывают на интеллектуальную и навыковую составляющие образования, а также на когнитивную, культурологическую, мотивационную, этическую и поведенческую составляющие компетентности [3].

По определению А. В. Хуторского, в качестве компетентностей можно рассматривать «компоненты и виды компетентностей», «новообразования» (знания, представления, программы действий, системы ценностей и отношений) [4]. Уточним, что компетентность обеспечивает способность учащихся эффективно осуществлять определенный вид деятельности, в том числе вне рамок учебного процесса. Другими словами, в структуре культурологической компетентности могут быть представлены знания, умения, навыки, способы деятельности, освоенные в процессе познавательной деятельности учащихся, включая работу с книгой и самостоятельный поиск информации в библиотеке, сети Интернет; участие в культурно-досуговых мероприятиях, духовно обогащающих личность.

Культурологическая компетентность учащихся формируется через овладение знаниями, умениями, опытом и способами поведения в конкретной деятельности при изучении преимущественно русской литературы и иных учебных предметов гуманитарной направленности («Русский язык», «Белорусский язык», «Белорусская литература», «Искусство (отечественная и мировая художественная культура) », «История»).

Например, при обучении литературе как искусству слова литературные памятники изучаются не только в рамках литературного курса, но и в аспекте истории культуры. Это обусловливает формирование у учащихся целостного восприятия культуры эпохи, выделения архетипов литературных героев как выразителей сущностных мировоззренческих характеристик. Важно отметить, что художественные произведения и произведения иных видов искусства обретают свой смысл только в процессе их интерпретации, в связи с чем трактовки одного и того же культурного феномена на протяжении различных эпох могут меняться. К примеру, в памятниках древней литературы, исторической и религиозной мысли, рассказах путешественников хранятся знания о культурах различных народов и племен, накопленные в течение многих ве-

ков. История культуры выступает в качестве неисчерпаемого запаса фактического материала для культурологического познания.

Среди значимых обстоятельств, повлиявших на переосмысление целей и задач школьного литературного образования, есть факторы, связанные с характером развития информационного общества в нашей стране. Можно говорить, что в настоящее время формируется переходное состояние развития культуры. Информация обеспечивает связь между разными уровнями существования и деятельности общества. Развитие средств массовой коммуникации способствует приданию массовости черт социокультурного феномена. Массовая культура является обязательной составляющей любого культурно-исторического процесса и имеет свои законы развития.

Огромным спросом в массовой культуре пользуется литературная продукция. Массовая литература имеет серийный развлекательный характер, она культивирует иллюзии и сентиментальность, утверждая культ сильной личности и успеха. К ее положительным сторонам можно отнести широкий спектр жанров и стилей, удовлетворяющих требования разных слоев общества, к отрицательным сторонам — зависимость от идеологической политики, отсутствие постановки вопросов о целях, смысле и ценностях жизни, непрофессионализм в исполнении, а также формирование массового мировоззрения с некритичными убеждениями и взглядами. Как следствие — массовая литература избавляет читателей от всяких интеллектуальных усилий. Понятно, что в качестве оппозиции массовой выступает элитарная литература, основная задача которой — сохранять творческое начало, формировать ценности и создавать новые эстетические формы. Элитарная литература разнообразна и разнонаправленна, ее творческая элита динамична, образованна, малочисленна, но влиятельна. Следует уточнить, что классическую литературу по способу создания можно отнести к элитарной, однако в процессе освоения классика обретает некоторые черты массовости.

Массовая литература оказывает свое негативное влияние в первую очередь на юных читателей. Создать условия для развития компетентного, квалифицированного читателя возможно при решении комплекса задач, среди которых — «разработка и осуществление комплексной педагогической коррекции (корректировки) читательских компетенций учащихся на II степени

и читательской компетентности учащихся на III ступени общего среднего образования» [5, с. 23].

Напомним, что компетентностный подход в образовании понимается как определение целей, содержания, отбора методов, средств, установление результатов образования, которые обеспечивают формирование у обучающегося комплекса компетенций/компетентностей. Любой вид компетенции может рассматриваться как совокупность требований, которые предъявляются к учащимся для осуществления ими деятельности в определенной практической области.

Сегодня среди доминирующих исследователи называют такие группы компетенций, как ценностно-мировоззренческие, культурологические, общекультурные, читательские, литературоведческие, речевые [1]. Культурологическая составляющая дает возможность ученикам овладеть следующими компетенциями:

– осознание литературы как формы выражения искусства слова, национальной культуры;

– умение устанавливать взаимосвязи русской литературы с культурой народа;

– знание культурных традиций страны и мировой художественной культуры;

– знание систем этических норм и культурных ценностей в своей стране и иных странах;

– умение вступать в диалог с эпохой и культурой, воплощенными в произведениях разных видов искусства;

– овладение нормами русского литературного языка;

– владение элементами художественно-творческих компетенций читателя, слушателя, исполнителя, писателя;

– наличие навыков интеллектуальной деятельности в условиях информационного общества, способствующих достижению высокой информационной культуры учащихся.

В настоящее время изучение предмета «Русская литература» в учреждениях общего среднего образования осуществляется в следующих направлениях:

– текстуальный анализ художественного произведения;

– освоение теоретико- и историко-литературных понятий;

– развитие литературно-творческих способностей учащихся.

Культурологическая компетенция, являясь понятием процессуальным, формируется и проявляется в процессе деятельности.

Например, чтобы учащиеся овладели историко- и теоретико-литературными знаниями, необходимыми для анализа и оценки художественных произведений с привлечением источников литературной критики, они должны ознакомиться со сведениями об этапах и закономерностях русского и мирового литературного процесса; традициях и новаторстве в русской литературе, взаимодействии русской, белорусской и мировой литератур и др.

В качестве примера можно обратиться к рассмотрению проблемы изучения художественных стилей и кратко их охарактеризовать. Понятие стиля в истории художественной литературы проявляется как система комплексного символического отражения духа времени посредством образов искусства слова. Первый общеевропейский романский стиль (внешняя простота украшений рукописей) сменяется легкостью и изяществом готики, ярко запечатленной в романе В. Гюго «Собор Парижской Богоматери».

На смену торжественности, композиционному разнообразию и динамичности форм барокко приходит строгий, прямолинейный, упорядоченный классицизм. Многоплановый, со сложным миром переживаний барочный герой уступает место личности, честно исполняющей долг перед государством и подчиняющей страсти разуму.

От романтизма, связанного с абсолютизацией чувственного начала, символизирующего интерес к необычному и экстремальному, переходим к реализму с его стремлением осмыслить действительность во всей полноте и разнообразии. Если в творчестве писателей-романтиков представлены преимущественно воспевание красоты, культ героических личностей, тема смерти и мистические мотивы, то писатели-реалисты отличаются широким обзором проблем общества, тщательным изучением обстоятельств жизни героев (наиболее полно эти черты отражены в социальных романах).

Модернистские школы и направления (символизм, сюрреализм, футуризм и др.) характеризуются разрывом с традициями реализма и других предшествующих школ. Например, символисты использовали в качестве выразительных средств идеи-символы, образы-идеи и видели свою задачу в познании и художественном воспроизведении сущности, которую можно понять только с помощью интуиции. Настроение и идеи символисты (В. Иванов, А. Белый, В. Хлебников, А. Блок) выражали через символику цвета, линии и формы.

XX столетие — время постмодернистской культуры. Ее основными чертами являются новизна и свобода во всем, стихийность, отказ от любых авторитетов, негативное восприятие прошлого, стремление избавиться от власти традиций, пренебрежительное отношение к старости, культ молодежи, стремление освободиться от власти языка и др.

Таким образом, делаем вывод о необходимости накопления учащимися культурологических знаний для более глубокого освоения теоретико- и историко-литературных понятий, явлений и событий.

В целом достижение высокого уровня освоения содержания учебного предмета «Русская литература» обусловливается активным развитием литературных компетенций и способностей учащихся в комплексе с формированием культурологических знаний, которые помогают понять природу словесного искусства. А для их формирования необходимо решить целый комплекс задач, таких как отбор и структурирование содержания литературного образования, разработка научно-методических, учебных, учебно-методических, дидактических материалов и образовательных технологий.

Литература

1. Наумова, Т. А. Современные измерения литературных компетенций школьников: базовый и национально-региональный компонент / Т. А. Наумова, Е. А. Сердобинцева // Успехи современного естествознания.— 2010.— № 12.— С. 40–41.

2. Сидоренко, Р. С. Нормативно-методологическая база совершенствования обучения и воспитания учащихся в системе общего среднего образования Республики Беларусь / Р. С. Сидоренко // Адукацыя і выхаванне.— 2016.— № 2.— С. 3–6.

3. Филатова, Л. О. Компетентностный подход к построению содержания обучения как фактор развития преемственности школьного и вузовского образования / Л. О. Филатова // Дополнительное образование.— 2005.— № 7.— С. 9–11.

4. Хуторской, А. В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты [Электронный ресурс] / А. В. Хуторской // Интернет-журнал «Эйдос».— Режим доступа : http://eidos.ru/journal/2002/0423.htm.

5. Шаўлякова-Барзенка, І. Л. Ад чытача матываванага да кваліфікаванага: прыярытэты і індыкатары развіцця школьнай літаратурнай адукацыі ў новай інфармацыйнай рэальнасці / І. Л. Шаўлякова-Барзенка // Педагогическая наука и образование.— 2015.— № 3.— С. 17–24.

Н. Л. Яковенко
Киев, Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко

Информационно-коммуникационная стратегия продвижения культурного имиджа страны диппредставительствами

Работа дипломатических представительств страны за границей отличается не только высокой ответственностью, но и сложностью, разнообразием решаемых вопросов, умением своевременно и адекватно реагировать на события международного значения. На современном этапе требования к уровню профессионализма дипломата значительно возросли. Это объясняется как особенностями расстановки сил на международной арене, непредсказуемостью геополитических изменений глобального масштаба, так и стремительностью научно-технического прогресса в сфере обновления и усовершенствования информационных технологий.

Данная статья посвящена деятельности дипломатических представительств государств за границей в области культурной дипломатии. Автор располагает данными о работе украинских диппредставительств и на их примере старается показать, что является (или может являться) общим в работе посольств и миссий в области межкультурного сотрудничества, и как именно дипломатические представительства найоптимальнейшим образом могут популяризировать и на должном уровне представить имидж своего государства.

Понятно, что определенные теоретические аспекты могут выступить определяющими в области межкультурного сотрудничества стран на европейском пространстве. В этой связи уместно вспомнить высказывание Жана Монне, одного из «отцов-основателей» объединенной Европы о том, что если бы была возможность пересмотреть весь европейский интеграционный процесс, то следовало бы прежде всего начать с культуры, а не с «угля и стали».

Интеграция некогда антагонистических народов в союз, где они мирно сосуществуют, стала возможной не только благодаря наличию общих экономических целей, а и социокультурной близости европейских народов и общности их исторических судеб. История Европы — это не только вечные опустошительные войны, а и многовековое хозяйственное и культурное сотрудничество

и взаимодействие, взаимовлияние. Европейская культура — это и синтез, и своеобразие, оригинальность самобытных национальных этнических культур.

Важной проблемой, возникающей при разработке социально дифференцированной культурной политики, является ее условное разделение по макро- и микроуровням, соответственно с источниками ее обеспечения (государственным, региональным, местным и пр.), по институционным уровням ее управления и регулирования.

В этой связи нельзя не вспомнить о стратегиях «мягкой силы», изучение которых стало особенно популярным и актуальным в условиях новых угроз международному миру и стабильности, в условиях общественных трансформаций, характерных для постсоветского пространства. Исходя из определения «мягкой силы», предложенного Джозефом Наем, «мягкая сила» выступает в качестве внешней политики государства, сориентированной на достижение желаемых результатов путем поощрения и вовлечения в сотрудничество [8, с. 19].

При этом тремя неотъемлемыми составными частями «мягкой силы» выступают, прежде всего, культура, под которой следует понимать совокупность значащих для общества ценностей; политическая идеология; внешняя политика, т.е. дипломатия в широком смысле слова [8, с. 51]. «Мягкая сила» формируется посредством механизмов согласования внешнеполитических действий и вовлечения в сотрудничество более широких слоев на основе общих ценностей.

Министр иностранных дел Украины Павел Климкин особо отметил, что культурная дипломатия Украины является мощной «мягкой силой», которая, однако, требует системной поддержки.

«В 2014–2015 гг. мы поддерживали украинские культурные проекты за рубежом, ведь это наша мощная мягкая сила. Теперь нужно поддержку сделать системной»,— подчеркнул П. Климкин [14].

В то же время в современных научных исследованиях авторы часто обращаются к понятию «умной силы», то есть, вновь употре- бляя понятие Дж. Ная, к сочетанию «жесткой» и «мягкой» силы для формирования эффективной стратегии. «Умная сила» включает стратегическое применение дипломатии, убеждения, развитие компетенций, проецирование власти и влияния экономически эффективными способами, имеющими политическую и социальную ле-

гитимность,— по существу, применение военной силы и всех форм дипломатии. По словам Хиллари Клинтон, «Мы должны использовать то, что называется умной силой,— полный набор доступных нам инструментов — дипломатические, экономические, военные, политические, правовые и культурные — выбирая правильный инструмент, или набор инструментов, в каждой ситуации. С умной силой дипломатия будет в авангарде международной политики» [13].

Говоря о дипломатии, следует также обратиться к отдельным ее разновидностям. Это, прежде всего, публичная дипломатия, т.е. форма внешнеполитической деятельности, связанной с представительством интересов государства или определенных государственных образований. Этот вид дипломатии реализуется посредством соответствующих легитимных институтов, выражающих суверенную волю нации в объеме своих полномочий.

Это культурная дипломатия, являющаяся составляющей внешней политики и одновременно инструментом «мягкого влияния» для обеспечения национальных интересов на международной арене.

Это «имиджевая дипломатия», которая нацелена на репутационное позиционирование национальных интересов и приоритетов внешней политики, а также формирование желательного общественного мнения. Имиджевая дипломатия является фактором воздействия на принятие решений в сфере внешней политики.

Следует отметить, что в отношении нашего континента и в частности Европейского Союза, политические ценности, их «мягкая привлекательность» и (что выгодно отличает Европу от США) ориентация европейских политиков на сотрудничество при решении международных вопросов с привлечением многосторонних институтов, акцент на невоенном решении конфликтов — устойчивые черты европейского имиджа в международном сообществе.

На момент распада Советского Союза и получения государственной независимости украинская культура была почти изолирована от внешнего мира своего рода двойным барьером: первый — это так называемый «железный занавес», характерный для всех коммунистических государств, а второй барьер был специфическим для нерусских республик СССР и состоял в том, что практически все контакты с иностранными культурами должны были санкционироваться московским «центром», и значительная часть

этих контактов происходила только через посредство русского языка и культуры.

Исключением, пусть и частичным, были культурные контакты с другими советскими республиками и, в меньшей степени, с другими социалистическими странами, особенно с теми, которые имели с Украиной тесные исторические и культурные связи, например, с Польшей, Болгарией. Многие из украинских художников, писателей, ученых, деятелей культуры традиционно имели тесные творческие и личные контакты с польскими, грузинскими, литовскими, молдавскими, болгарскими и российскими художниками, писателями, учеными, что существенно облегчало межкультурные контакты. Впрочем, такие контакты людей культуры «не дотягивали» до статуса культурного сотрудничества между странами.

В то же время контакты с ЮНЕСКО относились к компетенции Министерства иностранных дел Украинской ССР, которое фактически было региональным отделением «союзного» МИДа в Москве. Свидетельством того, насколько слабо могла влиять Украина на сотрудничество в рамках ЮНЕСКО, можно считать то, что украинские памятники отсутствовали в Списке мирового культурного наследия ЮНЕСКО до 1989 года [12].

Положение начало меняться только в конце 1980-х гг., когда горбачевская перестройка разрушила «железный занавес» и отменила монополию московского «центра» на международные культурные связи. Украинские художники получили возможность широко представлять свои произведения за рубежом, а украинское общество получило свободный доступ к современной мировой культуре во всем ее многообразии. Еще одним важным результатом приобретенной открытости миру стала активизация контактов с украинской диаспорой на Западе.

Лишь в результате обретения Украиной независимости Министерство культуры Украины стало субъектом международного культурного сотрудничества. Таким образом, его опыт в этой сфере пока нельзя назвать достаточным, поэтому главные цели международного культурного сотрудничества трудно считать достигнутыми. Упомянутые главные цели можно сформулировать следующим образом:

– интеграция украинской национальной культуры в мировое культурное пространство;

– формирование привлекательного международного имиджа Украины средствами украинской культуры и культурного наследия;

– использование активных межкультурных контактов для укрепления позиции Украины на международной арене;

– укрепление культурных и человеческих связей с украинской диаспорой по всему миру;

– продвижение украинского культурного продукта на международный культурный рынок [2].

Краткий анализ международного культурного сотрудничества Украины за последние годы позволяет сделать вывод, что главными «активами» Украинской культуры в международном контексте можно считать:

– существование известных художественных школ и отдельных ярких художников в таких сферах, как академическая музыка, хореография, театр и т.д., которые доказали свою конкурентоспособность на международном уровне;

– наличие богатого культурного наследия, хотя и недостаточно известного за рубежом, но потенциально привлекательного для зарубежных туристов, ученых, художников;

– опыт, хотя и не слишком массовый, успешного участия в международных художественных фестивалях, конкурсах, выставках.

Как главные факторы, затрудняющие международное культурное сотрудничество Украины, следует констатировать недостаточную осведомленность мирового сообщества с украинской культурой и, как следствие, неэквивалентный культурный обмен между Украиной и миром; относительно низкий уровень интегрированности Украины в международные культурные процессы, особенно слабое украинское присутствие в web-пространстве; низкий уровень развития современных рыночных структур в украинской популярной культуре, что приводит к ее относительно низкой конкурентоспособности, особенно за границей [10]. Кроме того, по словам Посла Украины И. М. Турянского, на сегодняшний момент около двадцати посольств Украины не имеют послов и пребывают в «стадии ожидания». А это означает, что они временно не могут в полной мере использовать свои возможности относительно позиционирования и совершенствования культурного имиджа Украины на международной арене.

В то же время, что касается опыта государственной деятельности в сфере международного культурного сотрудничества, то Украина может гордиться такими достижениями:

– длительное сотрудничество с ЮНЕСКО и другими международными культурными организациями;

– присоединение Украины к большинству основных международных конвенций, хартий и других актов международного права в сфере охраны культурного наследия, культурного сотрудничества;

– широкая правовая база и богатый практический опыт двустороннего международного культурного сотрудничества, особенно со странами СНГ и восточноевропейскими странами [1].

Сейчас мне хотелось бы кратко остановиться на последних событиях, структурных изменениях и обновленном видении украинского МИДа тех стратегических направлений дипломатической деятельности, которые призваны эффективнее содействовать продвижению имиджа нашего государства на международной арене.

Во-первых, публичная дипломатия стала новым направлением государственной политики в структуре Министерства иностранных дел Украины. В конце прошлого года в структуре МИДа создано соответствующее управление — Управление публичной дипломатии — путем внутренней кадровой модернизации аппарата МИД. Отныне стратегией культурной промоции и государственного бренд-менеджмента занимается отдельная команда молодых дипломатов, прошедших внутренний отбор министерства.

В новом видении МИДа публичный сектор призван стать равноправным субъектом общегосударственных управленческих решений новой политики социального партнерства. С этой целью в течение 2015 г команда волонтеров-реформаторов выступила с несколькими пилотными инициативами — напр., *Дипкультклаб, MyUkraine,* которые должны запустить механизмы проектного менеджмента и горизонтальных коммуникаций.

Следует особо подчеркнуть, что подобные проекты инициирует государство, которое чаще, как привычно воспринималось, склоняется к разным формам изоляционизма и инерции. Однако большинство инициатив начинались как внесистемные и функционировали в течение года на волонтерских основах и благодаря волонтерской инициативе ряда чиновников не без поддержки самого министра Климкина. Именно эта автономность внутри

системы и способствовала положительным тенденциям, в частности институционным новообразованиям аппарата МИДа.

Новосозданное Управление публичной дипломатии состоит из трех подразделений: отдела культурной дипломатии, отдела имиджевых проектов и отдела связи с масс-медиа. В составе этого Управления работают 17 человек, это сотрудники бывшего Департамента мирового украинства и культурно-гуманитарного сотрудничества, Департамента политики и коммуникаций, департамента секретариата Министра, а также дипломаты, возвратившиеся из-за границы и выпускники Дипломатической академии [9].

После консультаций с международными экспертами команда Дмитрия Кулебы решила, что фундаментом публичной дипломатии будет выступать триада ключевых практик — культура, имидж, СМИ.

Эти слагаемые не случайно были объединены в одной структуре, которая должна выполнять новые функции: отделы имиджевых проектов и культурной дипломатии генерируют контент, который работники пресс-службы должны доносить до СМИ (медиа) в широком смысле — чтобы информация достигала он-лайн платформ, лидеров идей, соцсетей, СМИ. То есть, отдел призван заниматься генерированием информационного контента. Большое значение при этом имеет синергетический эффект. Именно на синергию с негосударственным сектором возлагают наибольшую надежду специалисты СМИ. Соответственно, основная модернизация состоит в реализации модели проектного менеджмента в генерировании и распространении каналами ведомства украинского культурного продукта в мире.

В этой связи заслуживает внимания опыт команды организаторов фестиваля «Україна. Вільна сцена», который прошел в Париже весной 2015 года. На платформе французского фестиваля была создана площадка украинской художественной презентации и с помощью общественной синергии (в результате спонтанних договореностей между художниками и организаторами в фестивале приняли участие Святослав Вакарчук, Dakh Daughters, писатели Андрей Курков и Мария Матиос, композитор Валентин Сильвестров, театр «Дах», состоялись кинопоказы лучших украинских фильмов и выставки современного искусства) им удалось с максимальным резонансом показать Украину в популярной европейской столице.

Ключом к планируемой политике культурной дипломатии выступают синергия и горизонтальное взаимодействие. Соответствующий отдел должен стать модератором поиска организационных ресурсов для независимых экспертов и делегировать профессиональному сектору продвижение украинских культурних брендов в мире. «Я считаю, что культурная дипломатия — это набор брендов и процедур. То есть, существует воспринимаемый всеми бренд, и есть процедура его создания и развития» [9],— так характеризует Дмитрий Кулеба (представитель Украины в Совете Европы, назначенный 10 апреля 2016 г.) будущее направление работы МИДа.

Среди запланированных процедур управления — конкурсный отбор проектов. С этой целью работает он-лайн регистрация проектних заявок. Партнерство и адвокация интересов художественного сектора в течение предыдущего года отрабатывались в комментариях фейсбук страницы «Культурная дипломатия от МИДа» и на заседаниях Дипкультклуба (Клуб культурной дипломатии).

Создание эффективных процедур и привлечение эффективных людей как механизмов продвижения Украины в мире является главной целью новосозданного управления и новой политики публичной дипломатии в целом. Эта управленческая философия близка к американской, недавно представленной вице-президентом Центра Вудро Вильсона из Вашингтона Эндрю Сили. По его словам, человеческий капитал и партнерство являются ключевыми ресурсами любых изменений. За ними следует репутация, и уже на последнем месте — деньги.

Приоритетами МИДа в данной области являются кино, фестивали, онлайн-брендинг. Украинский кинематограф считается одним из ключевых инструментов культурной и имиджевой промоции Украины за границей, поэтому система «дней украинского кино» планируется для отработки в качестве универсальной модели для фестивалей. Проведение «украинских фестивалей» по примеру «Французской весны» с традиционным набором брендов и процедур планируется унифицировать, но с изменением художественных и геополитических акцентов.

Двустороннее культурное сотрудничество Украины ведется на базе межгосударственных и межправительственных соглашений о сотрудничестве в области культуры, науки, образования, информации, охраны культурного наследия. Принципы и цели, определенные в таких акциях, приобретают детализацию в дву-

сторонних протоколах, планах действий, которые заключаются профильными министерствами.

Культурные связи с европейскими странами и странами бывшего СССР являются приоритетными для Украины. Важным направлением интеграции Украины является культурно-художественный постсоветский проект. Этот процесс реализуется на основе заключенного 1992 г. Соглашения о сотрудничестве в области культуры. Согласно ему, создан Совет по культурному сотрудничеству государств-участников Содружества Независимых Государств, задача которого заключается в дальнейшем развитии культурного сотрудничества стран Содружества по линии государственных органов управления культурой, международных, региональных и национальных объединений и ассоциаций деятелей культуры и искусства. В 2011 г. определены приоритетные направления гуманитарной политики в пространстве СНГ на перспективу и подписаны следующие документы: «Об основных мероприятиях сотрудничества государств-участников СНГ в области культуры до 2015 года»; «О концепции сотрудничества государств-участников СНГ в области культуры»; «О концепции развития образования в сфере культуры и искусства государств-участников СНГ» [3].

Сотрудничество Украины с международными организациями имеет давнюю историю: Украина (УССР) является членом ЮНЕСКО с 1954 года, Совета Европы — с 1995, участником Европейской конвенции с 1994 г. Она также является членом и других международных организаций культурного и гуманитарного характера (Международный Совет Организации фестивалей фольклора и традиционных искусств (CIOFF), Международный музыкальный совет (ММР ЮНЕСКО) и др.).

Важной сферой международного культурного сотрудничества является приведение национального законодательства в соответствие с конвенциями и декларациями ЮНЕСКО (в частности, Конвенцией об охране нематериального наследия, Декларацией о защите культурного разнообразия и форм культурного выражения) [11].

Культурное сотрудничество с Советом Европы также отличается высокой активностью. Украинские делегации традиционно принимают участие в коллоквиумах министров культуры СЕ, посвященных актуальным вопросам культурной политики, межкультурного диалога, новым задачам министерств культуры.

Активным субъектом интеграции украинской культуры в мировое культурное пространство является зарубежное украинство. Развитие и поддержка национальной культуры за пределами Украины является одним из приоритетов как внешней, так и внутренней политики государства.

Миллионы людей украинского происхождения проживают в разных странах Европы, Азии и Америки. За пределами Украины насчитывается 12–20 миллионов украинцев. Исследователи по критерию этнического самосознания разделяют лиц украинского происхождения на три группы: первая, наибольшая,— те, предки которых покинули родину три–пять поколений назад. Эти лица не говорят на украинском языке, мало контактируют с украинскими организациями, имеют приблизительное представление о своих национальных корнях. Вторая — те, кто потерял связи с родиной одно или два поколения назад, знакомы с украинской культурой и уважают ее, но мало заботятся о ее сохранении. Третья, небольшая, но активная, охватывает украинцев, эмигрировавших после Второй мировой войны, их детей, представителей других волн иммиграции и составляет сердцевину украинских общин на Западе [6].

В этой связи заслуживает внимания статья Н. Мусиенко «Украинская культурная дипломатия в США: акторы и роли» [7], в которой автор подчеркивает, что украинская диаспора создает основной контент украинской культурной дипломатии в США и предлагает его украинским дипломатическим представительствам [7, с. 91]. В данной статье широко освещается роль украинской диаспоры, рассматриваются успешные модели культурного продукта и контента.

Следует отметить, что украинские общины в некоторых странах довольно значительны: в Росси, например, их численность составляет около 3 500 000, в США и Канаде — около 1 млн., в Казахстане — 900 000, в Молдове — до 500 тыс., в Бразилии, Аргентине и Беларуси — более 300 тыс., в Польше и Румынии до 100 тыс., по 30–40 тыс. человек в Германии, Франции, Великобритании и Словакии. Заметны украинские общины в Грузии, Австралии, Чехии, Венгрии, Сербии и других странах. Для упрощенного видения ситуации украинскую диаспору условно разделяют на восточную (т.е. имеются в виду те лица, которые проживают в бывших советских республиках) и западную (Европа и Америка).

Кроме украинских граждан иностранных государств существует еще примерно трёхмиллионная украинская временная трудовая эмиграция, то есть те украинцы, которые работают за границей, часто нелегально. Эксперты оценивают количество трудовых мигрантов из Украины в 1–1,5 млн: в России — 200–300 тыс., в Польше и Италии — по 100–150 тыс. человек, а также в Португалии, Испании и Чехии [4].

Роль западной диаспоры в сохранении несоветского украинского культурного наследия и в попытках привития украинскому искусству и литературе современных течений и идей в течение советского периода трудно переоценить. Поэтому независимое украинское государство должно вернуть диаспоре, по крайней мере, частично, этот своеобразный культурный долг.

Что касается восточной диаспоры, то ее общинам пока не хватает самоорганизации, культурной и общественной активности своих «западных» соотечественников. «Восточные» украинцы обычно беднее, но их связи с родной землей крепкие (большинство украинцев стран СНГ либо родились в Украине, либо имеют там родителей). Доля украиноязычных граждан довольно велика среди «восточной» диаспоры.

Учитывая эти обстоятельства, социально-культурные нужды «восточной» и «западной» диаспор довольно различны: украинцы «Запада» требуют упрощенного въезда в Украину и заинтересованы в большем количестве визитов украинских художников и артистов в их страны (понятно, что они способны финансово поддержать эти поездки). А «восточная» диаспора больше заинтересована в том, чтобы их дети имели возможность учиться в украинских университетах на правах украинских граждан, в упрощении процедуры получения украинского гражданства. Она так же охотно принимает у себя украинских художников и артистов, но не всегда способна оплатить такие гастроли и визиты [5].

Таким образом, диаспора является мощным подспорьем культурной дипломатии украинских дипломатических представительств и консульств за границей в популяризации имиджа Украины в мире. На сегодняшний день Украина имеет 84 посольства, 30 генеральных консульств, 6 консульств. Их деятельность, хотя и нередко требующая активизации, остается довольно значимой. Достаточно привести несколько новейших примеров работы украинских дипломатических представительств в данной области. Так,

при участии Посольства Украины в Словакии 19–28 апреля 2016 г. Проводились «Дни Украины в Словакии», в рамках которых была организована бизнес-конференция «SUF 2016», Словацко-Украинский Форум, ряд презентаций промышленных парков.

Во Вроцлаве (Европейской столице культуры — 2016) апрель был «Львовским месяцем» украинской культуры. Активное участие во всех мероприятиях, собравших тысячи гостей со всего мира, приняло украинское Посольство и лично Посол Украины в Республике Польша А. Дещица. Следует отметить, что впервые в истории конкурса «Европейская столица культуры» участником стал город, находящийся вне границ ЕС. В течение месяца Львов был тем «мостом», который «приблизил» Украину к Европе.

В Беларуси реализуется совместный украинско-белорусский культурно-информационный проект, в рамках которого 31 марта 2016 г. состоялась выставка картин юных художников Украины «Творчество Тараса Шевченко глазами юных художников», где звучали и стихи великого Кобзаря, и рассказывалось о его творчестве.

Ряд мероприятий при участии сотрудников Посольства Украины, включая флешмоб в поддержку Украины, был проведен накануне референдума в начале апреля 2016 г. в Нидерландах.

В Париже Посольством Украины и украинской художницей Ю. Носар инициирован проект «La Plume du Jour», и 29 марта была проведена выставка работ художницы.

Украинско-литовское культурно-гуманитарное сотрудничество сейчас переживает период своего подъема, успешно реализуется Программа сотрудничества между Министерством культуры Украины и Министерством культуры Литовской Республики на 2016–2020 гг.

В Кишиневе в марте 2016 г. при участии дипломатов украинского Посольства широко отмечался 25-летний юбилей Библиотеки украинской литературы им. Леси Украинки. Мероприятие сопровождалось выступлениями украинских творческих коллективов, исполнением украинских песен, чтением стихов украинских поэтов.

Дни Тараса Шевченко ежегодно традиционно отмечаются в марте. По инициативе украинских дипломатических представительств, празднование организуется во многих странах мира. Фигура Т. Шевченко давно стала символом единения украинцев, сохранения их национальной и культурно-духовной идентичности. Именно об этом говорят в своих выступлениях перед обще-

ственностью украинские дипломаты. В этом году праздничные мероприятия активно проводились в Румынии, Китае, Аргентине, Канаде, Литве и многих других странах.

Подобных примеров можно привести довольно много. Несомненно одно: в это нелегкое для страны время украинские дипломатические представительства выполняют работу, значение которой трудно переоценить. Творческие подходы к работе, поиск новых информационно-коммуникационных стратегий и инструментов их реализации украинскими дипломатами способствуют активизации межкультурного диалога, созданию достойного имиджа Украины в мировом сообществе. Украинская политика культурной дипломатии становится одним из инструментов не только стабильного прогрессивного развития и демократизации общества, но и креативным ресурсом национальной безопасности украинского государства.

Литература

1. Ботанова, К. Українська культурна дипломатія: за обличчями без облич [Електронний ресурс] / К. Ботанова.— Режим доступу : http://www.ji.lviv.ua/n22texts/botanova.htm.

2. Веб-сторінка Німецького товариства зовнішньої політики [Електронний ресурс].— Режим доступу : http://www.dgap.org.

3. Веб-сторінка Федерального культурного фонду [Електронний ресурс].— Режим доступу : http://www.kulturstiftung-des-bundes.de.

4. Власенко, В. Українсько-німецькі відносини: тест на міцність / В. Власенко // Урядовий кур'єр.— 1999.— 10 липня.

5. Гайкен, Е. Узи українсько-німецької дружби міцніють / Е. Гайкен // День.— 2000.— 11 липня.

6. Кудряченко, А. Україна — Німеччина: можливості невичерпні, інтерес — обопільний / А. Кудряченко // Віче.— 1994.— № 7.— С. 147–153.

7. Мусієнко, Н. Українська культурна дипломатія в США: актори і ролі / Н. Мусієнко // Агора.— 2016.— Вип. 16.— С. 90–96.

8. Най, Дж. С. Мягкая сила. Слагаемые успеха в мировой политике / Джозеф С. Най.— Нью Йорк : Паблик афферз, 2004.

9. Пересунько, Т. Українська культурна дипломатія: амбітний початок / Т. Пересунько // Лівий берег.— 2016.— 2 березня.

10. Проект Закону України «Про культуру» [Електронний ресурс] // Культура і життя.— 27 січня 2001 р.— № 3 (3940).— Режим доступу: http://gska2.rada.gov.ua.

11. Романенко, Ю. В. Перспективи культурного співробітництва між Україною та ЄС / Ю. В. Романенко // Актуальні проблеми міжнародних

відносин : збірник наукових праць / Київський нац. університет ім. Тараса Шевченка, Ін-т міжнародних відносин.— Київ, 2006.— Вип. 63, ч. 2.— С. 229–235.

12. Реалізація державної політики в галузі культури // Аналітичний звіт Міністерства культури і туризму України за 2009 рік.— Киев.: МКТ.

13. Clinton: Use «Smart Power» In Diplomacy, CBS News (13 января 2009 г.).

14. NewsRBK [Electronic resource].— Mode of access : http://newsrbk.ru/news/2180444-klimkin-kulturnaya-diplomatiya-ukrainyi-yavlyaetsya-moschnoy-myagkoy-siloy.html.

А. В. Яковец
Киев, Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко

Культурная дипломатия Украины: PR-инструмент продвижения национальной культуры за рубежом

Традиционно приоритетными сферами международных отношений государств были собственно политика и экономика. Гарантия национальной безопасности и продвижение национальных экономических интересов определялись как главные цели внешней политики правительств. Интенсификация процессов глобализации и усиления международной взаимозависимости поставили на повестку дня в международном сотрудничестве вопросы не только политические, экономические, но и культурные. Исследователи стали больше внимания уделять так называемому «четвертому измерению» или «третьему столпу» внешней политики — культуре, исследуя феномен ее воздействия на международные отношения. Так, П. Х. Комбс называет культуру «четвертым измерением» внешней политики, которое является не менее важным, чем первые три — политическое, экономическое и военное измерение; Р. Макмерри и М. Ли отмечают тот факт, что большинство стран используют культурные отношения как средство продвижения политических и экономических отношений; В. Лоури и Г. Хукер считают, что следует разграничивать культурные и политические отношения [1].

Одним из важных факторов внешней политики в условиях глобальных трансформаций является межкультурное сотрудни-

чество, неотъемлемой составляющей которого является внешняя культурная политика, которая разрабатывается с целью формирования положительного культурного имиджа страны в мире. Культурное присутствие государств за рубежом, как и зарубежное культурное присутствие в самих странах способствуют их достойному утверждению в мировой политике, соответствующей их историческому достоянию, геополитическом положению, потенциалу и ресурсам. В соответствии со спецификой приоритетов, каждая страна разрабатывает собственную национальную стратегию использования технологий культурной дипломатии [2, с. 47–50].

Межкультурное взаимодействие является важным фактором международных отношений и одним из приоритетных направлений внешней политики и реализации внешнеполитических интересов субъектов международного сотрудничества, основанных на теории многомерности и динамичности международных процессов и глобального развития. Международное взаимодействие культур свидетельствует, что содержание и результаты межкультурных контактов в основном определяются этнической культурой каждого из субъектов международных отношений, психологии сообществ, этносов, их нравственными и культурными ценностями. В культурной антропологии взаимоотношения разных культур получили название «межкультурная коммуникация».

Культурное сотрудничество на многосторонней основе является важным инструментом обеспечения культурного присутствия государства в международных отношениях, дополняет и обогащает двусторонние связи, а также дает возможность формировать более точное представление о роли и месте страны в мировых процессах культурного строительства. Оно включает деятельность в международных организациях в сфере культуры, науки и образования, сотрудничество с международными и региональными интеграционными объединениями государств, участие в международных конференциях и т.п. [3].

Использование культурных инструментов во внешнеполитической практике началось гораздо раньше, чем под культурную дипломатию была подведена теоретическая база. Только на рубеже XX–XXI вв. культурная дипломатия была теоретически обоснована через концепцию «мягкой силы». Профессор Гарвардского университета Джозеф Най определил ее следующим образом: «“Мягкая” сила — это способность добиваться желаемо-

го на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек <…> Когда ты можешь подтолкнуть других желать того же, чего желаешь сам, тебе дешевле обходятся кнуты и пряники, которые необходимы, чтобы направлять людей в нужном направлении» [4, с. 11]. Культурная дипломатия служит малым государствам своеобразным механизмом компенсации недостатка «жесткой силы» (военной, экономической и др.) за счет использования «мягкой» силы, то есть способности влиять на события с помощью имиджа страны и ее репутации.

Культурные инструменты внешней политики имеют преимущество по сравнению с «жесткой силой»: они требуют принципиально меньших затрат на реализацию. Культурная дипломатия может использоваться различными группами в разных целях: правительствами стран — в политических целях, образовательными учреждениями с целью развития большей базы знаний через академические обмены или независимыми организациями для демонстрации достижений и идей новой аудитории [5, с. 23].

В своем современном виде культурная дипломатия зародилась и оформилась в полноценный метод внешней политики в XX в. Сам термин «культурная дипломатия» возник в 1930-х гг. и был введен в научный оборот американским исследователем Ф. Баргхорном. По его определению, это «манипуляция культурными материалами и кадрами в пропагандистских целях» [6]. Особое развитие идеи культурной дипломатии получили во времена холодной войны, что было естественно в условиях противостояния государств с различными идеологическими ориентирами и государственным строем. В это время американский политолог Мильтон К. Камминс предоставляет более широкое определение культурной дипломатии: «обмен идеями, информацией, ценностями, традициями, верованиями и другими аспектами культуры, которые могут способствовать улучшению взаимопонимания» [7, с. 9].

В современной практике международных отношений термин «культурная дипломатия» используется во Франции как синоним внешней культурной политики государства; в США в основном отождествляют культурную дипломатию с международным обменом культурными ценностями и достижениями современной американской массовой культуры; в Японии культурная дипломатия выступает принципами и нормами международных соглашений;

в Австрии, Швеции и Нидерландах используется термин «международная культурная политика» как направленная на внешнюю политику доктрина, а в Австрии, Канаде, Сингапуре и Великобритании — термин «международные культурные отношения», символизирующие межкультурное взаимодействие [8, с. 12].

Так, американские исследователи М. Вишемирский и П. Гевеи отмечают, что, несмотря на общность целей, которые ставят перед собой государства, осуществляя культурную дипломатию, различия все же существуют. Например, Австралия, Австрия, Канада и Великобритания стремятся модернизировать свой имидж через культуру, искусство, культурные обмены, туризм. В частности, Австралия хочет избавиться от имиджа «культуры, производной от европейской»; Австрия пытается сформировать имидж современного прогрессивного государства; Канада — имидж мультикультурной, современной и интеллектуальной страны; Великобритания пытается подчеркнуть творческий потенциал и научную инновационность; Нидерланды стремятся быть «культурно свободным портом», а Сингапур — «глобальным городом информационно-коммуникационного и современного культурного развития» [9, с. 12].

Культурная дипломатия имеет и разный статус в системе внешней политики любого государства. Например, для Франции — это самый старый и самый эффективный приоритетный инструмент внешней политики; в Канаде культура — одна из трех главных составляющих внешней политики наряду с экономической и политической; в США культурные отношения объединяют с публичной дипломатией, однако большее значение придают военной, политической, экономической и научно-технологической сферам сотрудничества [10, с. 15]. Однако практически все государства-субъекты международных отношений в большей или меньшей степени заинтересованы в использовании культурной дипломатии для утверждения положительного и привлекательного образа своей страны в мировой политике.

По определению первых американских практиков в сфере культурной дипломатии Р.М МакМюррея и М. Ли, «национальные культуры — это общая сумма достижений наций, их собственный способ выражать самобытность, мыслить и действовать. Поэтому главной целью культурной дипломатии является представление этих различий в сфере межкультурного сотрудничества» [11, с. 17].

По мнению американского исследователя М. К. Камминга, понятие «культурная дипломатия» используется для описания процесса обмена идеями и информацией, искусством, образом жизни, системами ценностей, традициями, верованиями и другими аспектами культуры для содействия лучшему пониманию между народами [10, с. 25]. Но «культурная дипломатия» может выступать как «улица с односторонним движением», а не двусторонним обменом, когда одно государство концентрирует свои усилия на продвижении своих национальных интересов (политики, языка, идентичности) в мировом культурном поле.

Так, исследователь В. Глейд отмечает, что культурная дипломатия использовалась как трансформированная идея старых миссионерских традиций, чтобы, во-первых, убедительно рассказывать миру о достижениях Америки не только в культурной, но и политической, экономической и социальной сферах; во-вторых, для лучшего понимания зарубежных культур [11, с. 21].

К. Малкехи, обращаясь к проблеме отождествления политики культурной дипломатии и внешнеполитической пропаганды, считает, что они имеют общие характеристики, то есть осуществляются правительственными структурами, представляющими национальные интересы за рубежом. Но пропаганда, как правило, используется как инструмент информационного и психологического воздействия (через распространение кинопродукции, новостей и радиопередач) для навязывания убеждений правильности американской внешней политики. Зато культурная дипломатия использует косвенные методы позиционирования через технологии публичных отношений и реализуется через образовательные программы и культурные обмены [13].

Характерной чертой американской культурной дипломатии является ее «слияние» с публичной дипломатией. Так, Ф. Найнкович, известный исследователь истории дипломатии, отождествляет публичную дипломатию с международными коммуникациями, целью которых является *«донесение до мира американской истории и культуры».* Публичная дипломатия, по его мнению,— это двусторонний коммуникативный процесс, который включает как действия, направленные на проектирование национального образа государства и его ценностей, так и действия, целью которых является расширение знаний о других культурах и ценности. По мнению другого американского исследователя Г. Мэлоуна, для того,

чтобы «достичь успехов в продвижении ценностей американского общества и политики, Соединенным Штатам сначала следует понять мотивы, культуру, историю и психологию народов, с которыми они планируют начать сотрудничество» [2, с. 108–112].

Украинский исследователь М. А. Ожеван определяет культурную дипломатию как:

1) внешнюю культурную политику (культурополитику), для которой самоцелью является продвижение на внешних «рынках» национальной культуры, отстаивание национально-культурной идентичности в международном сотрудничестве; сочетает политику государства в отношении определенных сфер культурной деятельности, культуру внешнеполитической деятельности, инструментальное использование культуры и культурных норм во внешнеполитических действиях;

2) учет во внешней политике факторов культурной «сенситивности» достижением взаимопонимания через преодоление кросс-культурных барьеров;

3) использование разнообразных факторов культуры, искусства и образования с целью защиты и продвижения на международной арене национальных интересов [15, с. 103].

Таким образом, культурная дипломатия — это межгосударственное сотрудничество в сфере культуры (а также науки, образования, спорта и т.д.), которое в то же время направлено и на достижение негуманитарных (то есть политических, экономических) целей. Культурная дипломатия позволяет с помощью культуры (науки, образования, спорта и т.д.) решать политические и экономические проблемы [14]. Так, например, проведение посольством культурных мероприятий (выставок, просмотров фильмов, концертов) способствует повышению узнаваемости и имиджа страны, что, в свою очередь, ведет к вполне ощутимой выгоде в виде увеличения притока туристов. В практике международных отношений были примеры, когда определенная культурная или физкультурная акция (например, гастроли музыкального коллектива или выступления спортивной команды конкретной страны) «открывала двери» для проведения политического диалога (так называемая «пинг-понговая дипломатия»). Подобные мероприятия являются формами культурной дипломатии. Следует отметить, что культурная дипломатия основывается на глубоком и всестороннем изучении традиций, религии, истории, культурных осо-

бенностей страны, так как это позволяет обеспечить эффективное ее применение [15, с. 17].

В современных официальных документах и научной терминологии существует ряд терминов, применяемых наряду с «культурной дипломатией», а иногда используются и как синонимичные понятия. Чаще всего встречаются термины «публичная дипломатия», «внешняя культурная политика» и другие.

Обычно «культурную дипломатию» трактуют как общественный институт, позволяющий передавать культурные ценности другим странам с целью пропаганды мира и взаимопонимания между народами. Наиболее традиционными формами культурной дипломатии является всемирные выставки, форумы, фестивали, которые регулярно проводятся в разных странах. Культурная дипломатия является сферой дипломатической деятельности и связана с использованием культуры в качестве объекта и средства достижения основной цели внешней политики государства, создания благоприятного образа страны, популяризации культуры и языков ее народов [16].

Российский исследователь Л. Козлов понимает культурную дипломатию как совокупность приемов, методов и практических мер, разрабатываемых и реализуемых органами внешних отношений и/или другими уполномоченными государственными органами, поддерживающих основную дипломатическую деятельность государства трансляцией образа национальной культуры на зарубежную аудиторию.

Необходимость привлечения культуры для нужд внешней политики также возникает из концепции публичной дипломатии, которая утвердилась в практике большинства стран во второй половине XX в. Некоторые ученые считают синонимичными понятия «культурная дипломатия» и «публичная дипломатия». В традиционном смысле термин «public diplomacy», или «публичная дипломатия», начал активно использоваться в середине XX в. Одним из первых дефиницию этому понятию попытался дать Эдмунд Галлион, декан Флетчерской школы права и дипломатии при университете Тафта. Он определял публичное дипломатию как программы, финансируемые правительством, направленные на информирование и оказание влияния на общественное мнение в других странах [17]. Сотрудник информационного отдела МИДа Великобритании Гордон Кирби, определял: «публичной

дипломатией можно назвать ту часть дипломатии, которая преодолевает правительственный уровень и оказывает влияние на лица, формирующие мнение и принимающие решения, а также предоставляет ключевые идеи о Соединенном Королевстве, создавая имидж, привлекает предпринимателей, инвесторов, гостей» [17, с. 25].

Итак, неопределенность в употреблении определенных сроков в научной литературе создает определенные особенности их использования в различных странах. Например, англо-американские политологи чаще используют термины «культурная дипломатия» или «публичная дипломатия». Немецкие ученые предпочитают термин «внешняя культурная политика». Во Франции получили распространение сразу несколько сроков: внешняя культурная деятельность, внешняя культурная политика, международная культурная политика, культурная дипломатия.

Что же касается стран, которые не претендуют на глобальную роль в международных отношениях, то значение для них культурной дипломатии невозможно переоценить. Не обладая значительными экономическими ресурсами, эти государства с помощью средств и методов культурной дипломатии могут создать свой положительный образ на международной арене, повысить узнаваемость, наладить взаимовыгодное сотрудничество и тесный диалог с другими государствами. Культура (а также наука, образование и спорт), поставленная на службу дипломатии, способствует нормализации политических отношений и осуществляет стимулирующее влияние наэкономику.

В современных международных отношениях используются традиционные модели межкультурного сотрудничества, каждая из которых характеризуется спецификой и национальными политическими стратегиями. Эти модели характеризуют внешнюю политику Франции, Великобритании и Германии.

Первая модель отражает направленную внешнюю политику Франции, системно включая межкультурное сотрудничество в практику международных отношений. Культурная дипломатия Франции характеризуется жесткой централизацией и прямым государственным контролем, то есть политика межкультурного сотрудничества осуществляется через правительственные структуры (МИД, Министерство культуры и коммуникаций) или определенные национальные учреждения (информационно-

культурные центры дипломатических миссий, например, в Украине — Французский культурный центр) в зарубежных странах.

Британская модель базируется на принципе косвенного контроля (употребляется термин «принцип “вытянутой руки”»), когда межкультурное сотрудничество финансируется полностью или частично правительством, как правило, Форин Офисом, в то время как административная и координирующая ответственность за реализацию делегирована неправительственным институтам (Британский Совет).

Своеобразным средним вариантом между французской и британской моделями является немецкая децентрализованная организационная модель, которая основывается, с одной стороны, на относительном контроле со стороны государства и в определенной степени на централизации международной культурной деятельности, с другой — на принципе дистанцирования от власти («Staatsferne»), характерного для федеративного государственного устройства Германии. МИД ФРГ определяет официальные руководящие принципы политики межкультурного сотрудничества, реализует их в двусторонних соглашениях, а практическую реализацию внешнеполитической культурной стратегии осуществляют неправительственные учреждения (Институты Гёте), деятельность которых финансируется государством в пределах отведенной для них компетенции.

Культура является важным средством формирования национального и мирового общественного мнения, неотъемлемым компонентом внутренней и внешней политики, а использование культурного фактора в международном масштабе неразрывно связано с политическими доктринами экспансии, лидерства или культурной демократии государств в международном взаимодействии.

Культурная дипломатия как составляющая внешней политики в условиях государственных сдвигов приобретает как формы поддержки межкультурного диалога и культурного разнообразия, так и формы пропаганды преимуществ той или иной политической, экономической и социальной системы, отражает навязывание национальным сообществам обоснованности определенного мировоззрения, религиозных убеждений, распространение культурных ценностей и образа жизнедеятельности, нарушает суверенитет государств и противоречит основным принципам меж-

дународного права, регулирующим международные отношения, в частности, в сфере культурных отношений.

Поскольку культура возможна исключительно при условии коммуникаций, открытости, диалога — понятно, что она будет развиваться только при условии общения, взаимопонимания и поддержки представителей разных сообществ. Успешные культурные институты европейских государств не ограничиваются никакими рамками.

Например, Чешский центр или Французский институт в Украине: с одной стороны, они выполняют миссию дипломатических учреждений, пропагандирующих и поддерживающих культуру собственного государства, но в то же время влияют на развитие культуры и общества в целом. Благодаря их деятельности в Украине проводятся проекты по поддержке актуального искусства, демократических преобразований, гуманистических ценностей.

Литература

1. Александрова, М. Культура та цивілізація: становлення проблематики в українській філософській думці (кінець XIX–початок XX століть) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філософ. наук: спец. 17.00.01 «Теорія та історія культури» / М. Александрова.— Харьків, 2003.
2. Астафьева, О. Н. Взаимодействие культур / О. Н. Астафьева, Г. А. Аванесова // Глобалистика: энциклопедия.— М., 2003.— С. 108–112.
3. Бацевич, Ф. С. Словник термінів міжкультурної комунікації / Ф. С. Бацевич.— Київ : Довіра, 2007.
4. Библер, В. С. Школа диалога культур: основы программы / В. С. Библер.— Кемерово : Алеф, 1992.
5. Востряков, Л. Е. Модели культурной политики (кросскультурный анализ) / Л. Е. Востряков // Общество и экономика.— М., 2004.— 26.01.— № 1.— С. 139–178.
6. Востряков, Л. Е. Культурная политика: основные концепции и модели / Л. Е. Востряков // Экология культуры : инф. бюллетень.— Архангельск, 2004.— № 1.— С. 79–108.
7. Журавлева, Н. Н. Коммуникативные стратегии в сфере «культурной дипломатии»: современные дискуссии [Электронный ресурс] / Н. Н. Журавлева.— Режим доступа : http://www.vestnik.vsu.ru/lingvo/2007/zhuravleva_rus.pdf.
8. Зонова, Т. В. Дипломатия: наука и искусство / Т. В. Зонова.— М., 2000.— № 10.— С. 47–50.
9. Керни, Р. Диалоги о Европе / Р. Керни.— М., 2002.
10. Кирабаев, Н. С. Глобализация и мультикультурализм / Н. С. Кирабаев — М., 2005.— С. 332.

11. Мухаметшин, Ф. Культура в международном гуманитарном сотрудничестве / Ф. Мухаметшин // Международная жизнь: проблемы внешней политики, дипломатии, национальной безопасности.— М., 2010.— № 8.— С. 21–30.

12. Резолюція Комітету міністрів РЄ (95) 38 «Про стратегію Ради Європи в галузі культури» [Электронный ресурс].— Режим доступа : http://www.coe.kiev.ua/bul/bul8/text10.htm.

13. Рот, Ю. Межкультурная коммуникация. Теория и тренинг / Ю. Рот.— М., 2006.— С. 223.

14. Сидоренко, С. Глобальна людина в контексті глобального буття і глобальної свідомості / С. Сидоренко // Культура народов Причерноморья.— 2006.— № 83.— С. 103–106.

15. Федотов, Н. В. Культурная свобода в современном многообразном мире / Н. В. Федотов.— М., 2004.

16. Хлопина, О. Культурная политика: проблемы теории и практики : сб. ст. / О. Хлопина.— СПб., 2003.

17. Помпеев, Ю. Экономика социально-культурной сферы: учеб. пособие / Ю. Помпеев.— СПб., 2003.

Т. В. Янченко
Киев, Институт педагогики Национальной академии педагогических наук Украины

Психолого-педагогические аспекты культурно-исторической теории Л. С. Выготского

Изучение научного наследия прошлого является актуальной задачей современной науки, потому что оно обеспечивает преемственность культуры и способствует пониманию многих социальных процессов, происходящих в современном мире. Это касается и дальнейшего исследования научных концепций ведущих отечественных и зарубежных ученых, объясняющих важные теоретические и практические проблемы развития человека и культуры, их взаимодействия и взаимовлияния. Такой научной концепцией, в которой сделана весьма успешная попытка определения и объяснения некоторых факторов и особенностей культурного развития человека, формирования его высших психических функций, социализации и овладения общественной культурой, является культурно-историческая теория (ее второе название «теория

культурного развития») Л. С. Выготского, разработанная им на рубеже 20–30-х гг. XX в.

Лев Семенович Выготский (1896–1934) без преувеличения был одним из наиболее выдающихся советских психологов и педагогов, самые значительные научные достижения которого связаны с изучением психического развития детей разного возраста, проблем их воспитания и социализации. Эти вопросы в то время были предметом исследования педологии — науки о ребенке, получившей широкое распространение в Советском Союзе в 20-е — первой половине 30-х гг. XX в. Поэтому можно говорить о Л. С. Выготском и как о выдающемся педологе, сделавшим значительный вклад в изучение закономерностей культурного и психического развития ребенка и принципов его воспитания. В педологии его идеи получили наибольшее развитие и практическое применение.

Л. С. Выготский значительную часть своей жизни провел в Беларуси. Он родился в г. Орша Могилевской губернии в 1896 г. Детство его прошло в г. Гомеле, куда переехала его семья. После окончания гимназии в 1913 г. Л. С. Выготский поступил в Московский университет. Он учился на медицинском, затем на юридическом факультетах, а закончил обучение на историко-философском факультете частного университета А. Л. Шанявского, который в то время существовал в Москве.

После революционных событий 1917 г. Л. С. Выготский вернулся в Гомель. В этот период его деятельность была очень разнообразной. Он работал учителем в школе и педагогическом техникуме, читал лекции на курсах работников культуры и социального воспитания, был сотрудником Гомельского губернского отдела народного образования, писал театральные рецензии и другие статьи в местные периодические издания. Начало научной деятельности Л. С. Выготского также связано с Гомелем. Он руководил созданной в 1923 г. при педагогическом техникуме педологической лабораторией, в которой студенты совместно с преподавателями на практике изучали особенности развития детей. Результаты этой работы стали основой докладов, сделанных Л. С. Выготским в 1924 г. на Всероссийском психоневрологическом съезде в Петрограде [6].

В 1924 г. Л. С. Выготский переехал в Москву, где работал в нескольких научно-исследовательских и учебных учреждениях: Институте экспериментальной психологии, Институте научной пе-

дагогики, в Московском университете и медицинском институте. Он активно сотрудничал с украинскими специалистами из Института психоневрологии в Харькове, изучавшими особенности психического развития и поведения человека. В это время, которое стало последним десятилетием жизни ученого, были написаны практически все его научные произведения, ставшие впоследствии классикой психологии и педагогики: «Проблема культурного развития ребенка» (1928), «Орудие и знак в развитии ребенка» (1930), «Педология подростка» (1929–1931), «Лекции по психологии» (1932) и другие труды [6].

Л. С. Выготский умер в 1934 г. Его жизнь и научно-практическая деятельность была тесно связана с развитием советской науки, прежде всего, в Беларуси, России и Украине.

В 1920–30-е годы XX века происходили существенные изменения в советской психологии и педагогике. Большинство достижений «буржуазной» науки и школы не признавались и отрицались. Л. С. Выготский принимал активное участие в этих трансформационных процессах, которые происходили в науке и были направлены на достижение важной политической и социально-культурной цели — формирование «нового» человека, способного построить социалистическое общество в Советском Союзе. Для реализации этих планов использовалась и наука, в том числе психология, педагогика и педология, потому что они на основе разносторонних знаний о человеке могли дать практические рекомендации по формированию его сознания и поведения.

Обоснование воспитания «нового» человека было осуществлено Л. С. Выготским в статье «Социалистическая переделка человека» (1930), в которой он определил источники формирования «новой социалистической» личности: уничтожение капиталистических форм организации общества и производства, а также «форм социальной и духовной жизни человека, возникающих на их основе»; положительные возможности крупного производства и «власти человека над природой»; изменение общественных отношений в процессе строительства социализма. Самая важная роль в «переделке» человека отводилась воспитанию, организованному на принципах коллективизма, соединения умственного и физического труда, изменения отношений между представителями разных полов, уничтожения разницы между умственным и физическим развитием [5, с. 273–275].

Одной из наиболее известных сторон деятельности ученого стала разработка им культурно-исторической теории. Она имела психолого-педагогическое содержание и была направлена на объяснение процессов социализации ребенка, его психического развития и усвоения им культурного наследия общества. Рассматривая культурно-историческую теорию в контексте влияния общества на ребенка, мы исходим из понимания того, что для Л. С. Выготского социальная среда — это концентрация человеческой культуры, и именно ее влияние определяет специфику развития индивида [8, с. 64].

Культурно-историческая теория в 20-е годы XX в. получила развитие в психологии и в педологии. Она была близка к психологии, потому что эта теория рассматривала эволюцию психических функций человека. Близость педологии и культурно-исторической теории объясняется тем, что педология была комплексной, интегрированной наукой, соединившей в себе многие отрасли знаний, которые касались ребенка: физиологии, психологии, педагогики, этнографии, социологии, антропологии. Такой же комплексной, синтезировавшей в себе знания из психологии, философии, культурологии, антропологии, истории стала и культурно-историческая теория Л. С. Выготского, поэтому она и была близка к педологии.

Сущность культурно-исторической теории состояла в признании приоритета культурно-исторических (социальных) факторов формирования личности. Следует отметить, что такой подход к пониманию этого процесса стал в это время характерным для советской науки в целом. Согласно с основными положениями культурно-исторической теории, развитие ребенка происходит не только посредством роста (развития природных процессов), но и посредством формирования новых форм поведения, которые, в отличие от «природных», являются «искусственными», «культурными» и создают могущественное продвижение вперед в функциональных проявлениях ребенка [4, с. 6]; [7, с. 159]. В ходе культурного развития ребенок овладевает не только содержанием культурного наследия человечества, а и приемами и способами культурного поведения и мышления, а также специфическими средствами, созданными человечеством в процессе эволюции: языком, арифметическими символами и т.д. Ребенок учится функционально использовать известные знаки в качестве средств для выполнения той или иной психологической операции. Таким об-

разом, элементарно-примитивные формы поведения превращаются в опосредствованные культурные акты и процессы [2, с. 326].

Наукой признавалась огромная роль языка и других средств проявления высших форм поведения человека в процессе филогенеза, то есть истории развития всего человечества. А как биологические, так и социальные науки того времени учитывали основные положения биогенетического закона, сущность которого состоит в том, что онтогенез (индивидуальное развитие человека) является кратким повторением филогенеза (история развития человечества). Исходя из этого, перед психологией и другими науками, прежде всего перед педологией и педагогикой, ставилась задача определения детерминационной роли языка и других средств (или, как их называет Л. С. Выготский «орудий и знаков») овладения культурой в процессе онтогенеза, то есть индивидуального развития человека.

Для определения уровня, динамики и специфики культурного развития ребенка Л. С. Выготский и его последователь А. Р. Лурия предложили использовать инструментальный метод исследования. С его помощью изучалась структура инструментальных актов поведения человека, то есть специфических форм поведения человека с использованием психологических орудий — искусственных образований, которые имеют социальную природу, например язык, письмо, система нумерации, числа. В процессе использования инструментального метода ученые проводили наблюдения, эксперименты, могли использовать любую исследовательскую методику. Примерами использования инструментального метода могут служить совершенные Л. С. Выготским экспериментальные исследования процессов запоминания, образования понятий, формирования навыков счета у детей школьного возраста, развития их речи [2, с. 158–159]; [7, с. 159].

Л. С. Выготский сделал вывод, что культурные средства (орудия и знаки, прежде всего речевые знаки) обеспечивают изначальную интеграцию ребенка в микросоциальную среду, где происходит его социализация и превращение его природных простейших функций в высшие, культурно-исторические. Для этого в человеческом обществе создаются определенные условия, сущность которых состоит в «символической деятельности ребенка», организуемой взрослыми людьми. В таком контексте деятельность в понимании ученого является ведущим фактором форми-

рования личности, определяющим индивидуальную степень овладения культурным наследием человечества.

Сотрудничество между поколениями, социальные связи, опосредованные орудиями и знаками, обеспечивают формирование личности, способной жить в обществе. По-мнению известного ученого М. Г. Ярошевского, «эта история превращения средств социального поведения в средства индивидуально-психологической организации выступает в трактовке Л. С. Выготского как главная трасса формирования высших психических функций» [9, с. 331].

Исходя из этого, важным с точки зрения формирования личности видом деятельности ребенка является общение. Его орудием ученый считал речевой знак, представляющий феномен культуры. Благодаря овладению речью и другими культурными символами, ребенок получает не только возможность построения межличностных контактов, а и становится сопричастен к великому миру культуры.

Как считал Л. С. Выготский, «культурное развитие ребенка охватывает не только процессы формирования высших интеллектуальных функций», которые касались многих психических процессов — мышления, памяти, внимания, «но и развитие высших характерологических образований», прежде всего таких, как коммуникативные способности [3, с. 330].

Л. С. Выготский на основании проведенных исследований выделил четыре стадии культурного развития ребенка. Первая стадия — стадия естественно-примитивных или самых примитивных культурных форм поведения (в филогенезе это выполнение арифметических операций дикарем, а в онтогенезе — ребенком путем непосредственного восприятия количества). Вторая стадия — стадия так называемой наивной психологии, когда ребенок накапливает известный опыт в отношении средств культурного поведения, но не умеет пользоваться этими средствами. На третьей стадии — внешне опосредованных актов — ребенок уже умеет правильно использовать внешние знаки для выполнения той или иной операции (счет на пальцах и т.п.). Наконец, четвертая стадия характеризуется тем, что внешний знак заменяется внутренним, акт становится внутренне опосредованным (счет в уме) [1, с. 326].

Л. С. Выготский в рамках культурно-исторической теории рассматривал и проблемы детей, которые имеют физические и психические отклонения в развитии, а также тех детей, поведение ко-

торых отличалось от норм, принятых в обществе. В исследуемый период в науке относительно них чаще всего использовался термин «дефективные дети». В качестве его синонима Л. С. Выготский и другие ученые использовали также термин «трудные дети».

Ученый считал, что аномалии культурного развития «трудного ребенка» заключаются в том, что «этот ребенок останавливается или задерживается более длительное время, чем нормальный ребенок, на одной из выделенных стадий культурного развития» [1, с. 327].

Таким образом, культурно-историческая концепция Л. С. Выготского имеет психолого-педагогическую направленность: она нацелена на выявление внешних (социальных, культурных) факторов формирования личности и ее высших психических проявлений, признает их ведущими в этом процессе и характеризует их роль в социализации ребенка, усвоения им культурного наследия человечества, поэтому содействует пониманию законов воспитания. В то же время она является междисциплинарной теорией, которая охватывает некоторые проблемы психологии, педагогики, истории, антропологии, культурологии.

С начала 30-х годов XX века в советском обществе произошли значительные негативные изменения, связанные с массовыми репрессиями и нарушениями прав человека. В таких условиях многие научные идеи безосновательно были подвергнуты критике. Так, теория культурного развития человека, автором которой был Л. С. Выготский, «обвинялась» в идеализме и эклектизме, поэтому была объявлена вредной для науки и фактически запрещена. Более того, в 1936 г. в Советском Союзе была объявлена «лженаукой» и запрещена педология, важное место в которой занимали идеи Л. С. Выготского.

Научный интерес к наследию ученого возродился в 60-е годы XX века. С этого времени культурно-историческая теория использовалась в качестве начала многих «объяснительных принципов, которые направляли усилия последующих поколений советских психологов» [9, с. 334].

Психолого-педагогические концепции Л. С. Выготского, в том числе его культурно-историческую теорию нельзя рассматривать вне контекста той противоречивой эпохи, в которую он жил и работал. Но его идеи остаются актуальными и в современном мире, по-

тому что проблемы развития личности и влияния различных факторов на этот процесс являются предметом изучения многих наук.

Литература

1. Выготский, Л. С. Аномалии культурного развития ребенка / Л. С. Выготский // Выготский Л. С. Собрание сочинений : в 6 т.— М., 1983.— Т. 5.— С. 326–327.

2. Выготский, Л. С. Инструментальный метод в педологии / Л. С. Выготский // Основные проблемы педологии в СССР (По тезисам Первого Всероссийского педологического съезда) / под ред. А. Б. Залкинда.— М., 1928.— С. 158–159.

3. Выготский, Л. С. Культурное развитие аномального и трудновоспитуемого ребенка / Л. С. Выготский // Выготский Л. С. Собрание сочинений : в 6 т.— М., 1983.— Т. 5.— С. 330–331.

4. Выготский, Л. С. Орудие и знак в развитии ребенка / Л. С. Выготский // Выготский Л. С. Собрание сочинений : в 6 т.— М., 1984.— Т. 6.— С. 5–90.

5. Выготский, Л. С. Социалистическая переделка человека / Л. С. Выготский // Курек Н. История ликвидации педологии и психотехники / Н. Курек.— СПб., 2004.— С. 262–277.

6. Леонтьев, А. Н. Вступительная статья о творческом пути Л. С. Выготского / А. Н. Леонтьев // Выготский Л. С. Собрание сочинений : в 6 т.— М., 1983.— Т. 1.— С. 7–40.

7. Лурия, А. Р. К методике инструментально-психологического исследования / А. Р. Лурия // Основные проблемы педологии в СССР (По тезисам Первого Всероссийского педологического съезда) / под ред. А. Б. Залкинда.— М., 1928.— С. 159.

8. Фрадкин, Ф. А. Педология: мифы и действительность / Ф. А. Фрадкин.— М., 1991.

9. Ярошевский, М. Г. Послесловие / М. Г. Ярошевский // Выготский Л. С. Собрание сочинений : в 6 т.— М., 1984.— Т. 6.— С. 329–347.

Содержание

М. О. Ангельский, В. В. Киселев *(Минск, Военная академия Республики Беларусь)* ***Виды и уровни межкультурной коммуникации*** 5

И. Г. Андрущенко *(Киев, Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова)* ***Развитие ценностно-смысловой сферы студентов в процессе изучения дисциплин гуманитарного цикла*** . . 8

М. Р. Арпентьева *(Калуга, Калужский государственный университет)* ***Трансформации мультикультурализма***..... 12

М. Г. Аршакян *(Ереван, Ереванский государственный университет)* ***Комплимент в межличностной и межкультурной коммуникации***.....23

М. А. Болдырева *(Минск, Белорусский государственный университет)* ***Базовые черты префигуративной культуры*** 33

Г. І. Басава *(Мінск, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт)* ***Узаемадзеянне культур у кантэксце выкладання міжкультурнай камунікацыі*** ... 40

С. Н. Боровик, В. А. Борищик *(Минск, Военная академия Республики Беларусь)* ***Англо-американские заимствования в современном немецком языке***.....48

М. Н. Ветчинова *(Курск, Курский государственный университет)* ***Взаимосвязь культуры и образования*** 52

И. Н. Воронович *(Минск, Белорусский государственный университет культуры и искусств)* ***Культура, культурные изменения и религиозный релятивизм в концепции Лоуренса Харрисона*** 59

Л. И. Гаврилова *(Курск, Курский государственный университет)* ***Россия и Италия: взаимодействие культур***..... 64

Е. А. Гайдукевич *(Киев, Киевский национальный университет культуры и искусств)* ***Фестиваль как форма межкультурной коммуникации современной молодежи*** 69

В. В. Георгиевская *(Киев, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко)* ***Партийная пресса левого направления в Европе начала XXI в.: аспекты политической и межкультурной коммуникации***.....79

В. И. Головченко *(Киев, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко)* ***Историческая и коллективная память как составные национального сознания украинцев***.....85

О. С. Гончаренко, Н. В. Ушакова *(Минск, Белорусский государственный университет)* ***К вопросу о лингвистических аспектах межкультурной коммуникации***.....96

О. А. Грива *(Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского)* ***Межкультурные коммуникации как ресурс культурной идентичности личности в условиях поликультурности*** 99

К. В. Грубич *(Киев, Киевский национальный университет культуры и искусств)* ***Феномен пищи как предмет манипуляции кулинарных шоу*** 109

Л. А. Диханова-Внуковская *(Минск, Белорусский государственный университет)* ***Конфликт и гармония в межкультурном общении: дальневосточные миссии иезуитов в XVI в.*** 115

О. А. Дубецкая *(Киев, Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова)* ***Пресса для детей разных национальностей в Украине: традиции и современность межкультурного общения*** 123

И. Н. Дьяченко *(Житомир, Житомирский институт медсестринства)* ***Аксиосфера славяно-украинской культурной традиции: филоменологический аспект*** 130

Ж. А. Ермекбай *(Астана, Казахстанский филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова)* ***Культурные реалии и традиции народа Казахстана*** 139

А. В. Жабинский *(Минск, Белорусский государственный университет)* ***Феномен антисемитизма как объект исследования Франкфуртской школы*** 148

Е. Н. Ждановская *(Минск, Белорусский государственный университет)* ***Паттерн «селф-мейд» в культуре США*** 151

С. П. Забелаў *(Мінск, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт)* ***Тэндэнцыі культурна-гуманітарнага жыцця беларускай супольнасці ў Польшчы ў 1991–1994 гг.*** 159

Т. В. Зайдаль *(Минск, Белорусский государственный университет)* ***Передача социокультурного опыта в префигуративной культуре*** 166

В. А. Зайцева *(Минск, Белорусский государственный университет)* ***Формирование лингвокультурологической компетенции как к акту межкультурной коммуникации в процессе обучения переводу*** 173

Т. Г. Зеленова *(Ярославль, Ярославский филиал Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных оношений»)* ***Формирование модели компетенций менеджера по персоналу в учреждениях культуры*** 177

А. В. Зеленовская, С. А. Трофименко, О. П. Шабан *(Минск, Белорусский*

государственный университет) ***Социокультурный компонент при обучении немецкому языку в ВУЗе*** 182

Н. К. Зубовская, Н. М. Смирнова, И. И. Ковган *(Минск, Белорусский государственный университет)* ***Урок-дискуссия как способ обучения межкультурной коммуникации*** 188

О. А. Иваненко *(Киев, Институт истории Украины Национальной академии наук Украины)* **Участие ученых-естествоведов Университета Св. Владимира в общеевропейской системе международной коммуникации (нач. XX в.)** 195

Д. Н. Караваева *(Екатеринбург, Институт истории и археологии Российской академии наук)* ***Коротко об оценках мусульманской иммиграции и мультикультурализма в современной Великобритании*** 202

А. А. Касперук *(Минск, Белорусский государственный университет)* ***Индустрии в туризме и культуре как экономический фактор*** 209

Л. М. Кобрина *(Минск, Белорусский государственный университет)* ***Психолингвистические проблемы преподавания языка иврит студентам-культурологам***..... 211

Р. В. Козак *(Каменец-Подольский, Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенко)* ***Национальная специфика экспрессивных синтаксических концептов украинского, белорусского и русского языков (на материале этикетных слов-предложений приветствия)***..... 214

А. В. Костромицкая *(Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского)* ***Продвижение символического пространства города в контексте межкультурной коммуникации*** 222

В. В. Криштаносов *(Минск, Белорусский государственный университет культуры и искусств)* ***Культуротворческий процесс в современных креативных индустриях: тенденции развития*** .. .230

Е. А. Криштаносова *(Минск, Белорусский государственный университет культуры и искусств)* ***К проблеме типологии мультикультурализма***..... 234

С. Кулявичюс *(Вильнюс, Вильнюсский университет)* ***Зарождение региональной «политической памяти» в XXI веке: Жямайтийский случай***..... 241

И. А. Лапина *(Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена)* ***Социально-психологические барьеры как причины фантомных межэтнических конфликтов: механизмы формирования, проблемы устойчивости*** 252

Т. В. Лашук, Т. Г. Давидович *(Минск, Белорусский государственный университет)* ***Интегрированное преподавание немецкого языка как иностранного*** 260

Х. Э. Мамутова *(Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского)* ***Межкультурная коммуникация и культурная идентичность в соверменном мире*** 266

В. Ф. Мартынов *(Минск, Институт современных знаний имени А. М. Широкова)* ***Белорусская культура в системе межкультурной коммуникации*** 274

М. О. Марченко *(Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского)* ***Гендерная специфика ценностных ориентаций маскулинной женщины в культуре*** 280

Н. А. Масюкова *(Минск, Минский городской институт развития образования)* ***Социально-культурные и методологические основания практикоориентированной направленности НИР в системе образования*** 285

Н. М. Морозова *(Нижний Новгород, Приволжский филиал Института социологии Российской академии наук)* ***Тенденции развития межнациональных отношений в Нижегородской области (на основе анализа медиадискурса региональных СМИ)*** 291

И. Л. Набок *(Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена)* **Этнонациональный дискурс культурологического образования** . .300

Л. А. Нестерская, И. И. Яценко, Л. А. Дунаева *(Москва, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)* ***Глоссарий русско-французского словаря «Откройте для себя Россию» как базовая основа культурологического минимума*** 309

Г. М. Ниязова *(Тюмень, Тюменский государственный университет)* ***Этнолингвоинформационные технологии современности как фактор формирования толерантности в полиэтничном регионе*** 314

З. Б. Озер *(Анкара, Университет Гази)* ***Аксиологическая оценка национально-культурных кодов*** 320

Д. Д. Отыч *(Киев, Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова)* ***Проблема религиозного сознания личности в современной психологии*** 330

Б. В. Пальчевский *(Минск, Минский городской институт развития образования)* ***Типы культуры и адекватные виды готовности авторов к разработке научно-методического обеспечения для системы образования*** 337

О. Г.Пепик, С. С. Кулапина *(Минск, Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка)* ***Педагогические аспекты эффективной организации обучения учащихся курсу «Искусство (мировая и отечественная художественная культура)»***..... 344

И. В. Петрова *(Киев, Киевский национальный университет культуры и искусств)* ***Профессиональные компетентности менеджера индустрии досуга***..... 350

Р.К. Петюр *(Киев, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко)* ***Обострение суннитско-шиитского противостояния в политическом дискурсе современного Ближнего Востока***..... 362

Т. А. Печенёва *(Минск, Белорусский государственный университет)* ***Культурологический аспект педагогического процесса в вузе: к постановке проблемы*** 369

Г. А. Пискорская *(Киев, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко)* ***Работа украинских культурных центров за рубежом над формированием международного имиджа страны в 2014–2015 гг.*** 373

Т. А. Працкевич *(Минск, Белорусский государственный университет)* ***Осмысление реалий полиэтнических обществ Европы в мультикультурном искусстве рубежа XX–XXI вв.*** 384

М. Ю. Прохорчик *(Минск, Белорусский государственный университет)* ***Методологические подходы к изучению этнокультурной политики колонизаторов в отношении североамериканских индейцев в XVII–XIX вв.***..... 392

С. А. Радькова *(Минск, Академия управления при Президенте Республики Беларусь)* ***Особенности культуры и национального характера испанцев в контексте межкультурной коммуникации***..... 397

А. В. Руцкий *(Минск, Белорусский государственный университет)* ***Социально-культурные аспекты белорусской экономики*** 402

Н. Н. Сидоренко *(Киев, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко)* ***Диалог культур на страницах современной прессы национальных меньшинств в Украине*** 405

Ю. С. Скороход *(Киев, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко)* ***Взаимодействие в рамках единого социума социокультурных групп, принадлежащих к разным цивилизационным комплексам (на примере Ливана)*** 412

В. В. Слободенюк *(Краснодар, Кубанский государственный университет)* ***Россия в межкультурном пространстве: история и современность*** 421

С. В. Снапковская *(Минск, Белорусский государственный университет)* ***Когнитивный феномен «музейной педагогики» в образовательном процессе Республики Беларусь***..... 428

С. У. Снапкоўскі *(Мінск, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт)* ***Пытанні экалагічнай культуры ў рамках Сусветнага саміта ААН па ўстойлівым развіцці***..... 432

К. Л. Соколова *(Гомель, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины)* ***Организационные условия повышения эффективности межкультурного взаимодействия***..... 435

С. О. Ставицкая, Г. А. Ставицкий *(Киев, Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова)*
В. П. Кутишенко *(Киев, Киевский университет имени Бориса Гринченко)* ***Религиозное просвещение юношества как условие развития толерантности*** 441

Н. Н. Старыгина *(Йошкар-Ола, Поволжский государственный технологический университет)* ***Культурологическое образование как способ формирования профессиональной компетентности социального работника*** 449

М. Н. Степанова *(Улан-Удэ, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления)* ***Диалог культур посредством туризма как альтернатива разъединяющим силам экономической глобализации*** 458

Е. И. Стефановская *(Минск, Белорусский государственный университет)* ***Многоплановость метафорической проекции в англо- и русскоязычном спортивном дискурсе*** 464

Т. А. Топоркова *(Тюмень, Тюменский государственный университет)* ***Информационное сопровождение межкультурных коммуникаций в сфере спорта: реалии и перспективы (на примере чемпионата мира по зимнему плаванию 2016 г.)***..... 470

Э. А. Усовская *(Минск, Белорусский государственный университет)* ***Глокализация как модель адаптации национальных культур к глобализации*** 476

М. А. Черкас *(Минск, Белорусский государственный университет)* ***Значение лингвострановедения в процессе обучения немецкому языку*** 482

Д. Шайбакова, Г. Амангельдиева *(Алматы, Казахский национальный педагогический университет имени Абая)* ***Культурная интеркаляция в билингвальной коммуникации в Казахстане***..... 487

Л. М. Шутяк *(Черновцы, Черновицкий государственный университет имени Юрия Федьковича)* ***Технологии пиара литературного фестиваля как форма межкультурной коммуникации***..... 496

Г.М. Юстинская *(Минск, Национальный институт образования)* ***Формирование культурологических знаний учащихся на основе компетентностного подхода***..... 502

Н. Л. Яковенко *(Киев, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко)* ***Информационно-коммуникационная стратегия продвижения культурного имиджа страны диппредставительствами*** 509

А. В. Яковец *(Киев, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко)* ***Культурная дипломатия Украины: PR-инструмент продвижения национальной культуры за рубежом***..... 522

Т.В. Янченко *(Киев, Институт педагогики Национальной академии педагогических наук Украины)* ***Психолого-педагогические аспекты культурно-исторической теории Л. С. Выготского***..... 532

Научное издание

НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ
В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Сборник научных статей

В двух частях
Часть 1
Социально-исторические
и психолого-педагогические аспекты
межкультурного взаимодействия

Ответственный за выпуск *Е. С. Патей*
Корректор *Н. Ф. Харитонова*
Компьютерная верстка *Д. С. Гавинович*

Подписано в печать 08.11.2016. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 32,32.
Уч.-изд. л. 29,12. Тираж 80 экз. Заказ 9075.

Издатель и полиграфическое исполнение:
частное производственно-торговое
унитарное предприятие «Колорград».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/471 от 23.12.2015.

Пер. Велосипедный, 5-904, 220033, г. Минск,
www.сегмент.бел